

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ «ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
КРЫМА КФУ им. В.И. ВЕРНАДСКОГО
ЛАБОРАТОРИЯ «ВИЗАНТИЙСКИЙ КРЫМ»

На правах рукописи

Набоков Артур Игоревич

**РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НЕКРОПОЛИ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА
(ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)**

Специальность 5.6.3 – археология

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

ТОМ 1

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент

Науменко Валерий Евгеньевич

Симферополь – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ I

Введение	3
Глава 1. История изучения и топография раннесредневековых некрополей Мангупского городища	13
1.1. Открытие и изучение могильников в 1933-1995 гг.....	13
1.2. Исследования некрополей в период 1995-2016 гг.....	18
1.3. Изучение раннесредневековых могильников Мангупского городища на современном этапе.....	28
1.4. Состояние источниковой базы исследования.....	35
1.5. Топография могильников округи Мангупа.....	40
1.5.1. Топография Алмалыкского могильника.....	42
1.5.2. Топография Южно-Мангупского могильника.....	46
1.5.3. Топография Адым-Чокракского могильника.....	47
1.5.4. Топография Каралезского могильника.....	49
Глава 2. Погребальные сооружения раннесредневековых некрополей Мангупского городища	52
2.1. Склепы.....	52
2.1.1. Склепы группы А.....	55
2.1.2. Склепы группы В.....	56
2.1.3. Склепы группы С.....	59
2.1.4. Склепы группы D.....	61
2.1.5. Склепы группы Е.....	63
2.1.6. Особенности архитектуры склепов.....	64
2.2. Подбойные могилы.....	76
2.3. Могилы с заплечиками. Простые грунтовые могилы. Захоронения лошадей. Кремации.....	81
2.4. Курганы.....	85
2.5. Планиграфия могильников.....	96

Глава 3. Хронология и особенности развития могильников округа Мангупа.....	101
3.1. Первая хронологическая фаза (Алмалыкский могильник)	102
3.2. Вторая хронологическая фаза (Алмалыкский могильник).....	128
3.3. Третья хронологическая фаза (Алмалыкский, Каралезский и Южно-Мангупский могильники).....	143
3.4. Четвертая хронологическая фаза (Алмалыкский, Каралезский, Южно-Мангупский и Адым-Чокракский могильники).....	154
3.5. Пятая хронологическая фаза (Южно-Мангупский и Адым-Чокракский могильники).....	165
Глава 4. Погребальный обряд и социокультурная характеристика населения.....	173
4.1. Погребальный обряд.....	173
4.2. Социальная стратификация.....	180
4.3. Этнокультурная характеристика.....	189
Заключение.....	198
Список сокращений.....	204
Список источников и литературы.....	205

ТОМ 2

Оглавление.....	2
Приложение № 1. Иллюстрации.....	4

ВВЕДЕНИЕ

Мангупское городище находится в юго-западной части Внутренней гряды Крымских гор, на вершине одноименного горного плато площадью около 90 га. Памятник входит в группу так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма, расположенных, как правило, на вершинах пологих гор-останцев. Они представляют собой комплекс разноплановых и разновременных средневековых поселений и монастырей, на которых обнаружены как наземные постройки, так и искусственные пещерные сооружения жилого, хозяйственного, оборонительного и культового назначения. Примечательной особенностью этих памятников является наличие грунтовых раннесредневековых могильников на склонах горных плато либо вблизи них.

Многолетние археологические исследования Мангупа, идущие уже более 150 лет, позволили решить важнейшую научную проблему – установить его объективную периодизацию, которая включает семь исторических периодов: докрепостной (позднеримский, конец III – середина VI вв.), ранневизантийский (середина VI – конец VIII вв.), хазарский (конец VIII – середина IX вв.), фемный (середина IX – середина XI вв.), золотоордынский (конец XIII-XIV вв.), феодоритский (около 1400-1475 г.) и османский (1475-1774 г.).

На сегодняшний день, в ближайшей округе Мангупской крепости всего известно четыре некрополя, которые функционировали в раннесредневековый период ее истории – Каралезский, Алмалыкский (Алмалык-дере), Адым-Чокракский (Адым-Чокрак) и Южно-Мангупский. Все они расположены на склонах Мангупского плато, либо на расстоянии до одного километра от его подножия. В диссертации максимально полно использованы материалы раскопок всех перечисленных археологических памятников, как уже введенные в научный оборот, так и еще неопубликованные. Исключением является Каралезский могильник, результаты исследований которого в 1980-е гг. не были своевременно изданы и сейчас уже почти не сохранились.

Актуальность диссертационного исследования. Начиная с 1980-1990-х гг., археологическое изучение раннесредневековых могильников Мангупского городища является традиционным направлением раскопок памятника. За многие годы исследований накоплен значительный массив археологических источников, имеющих важнейшее значение для реконструкции событий политической, этнокультурной и социально-экономической истории Мангупа-Дороса и всего Юго-Западного Крыма с конца IV до первой половины IX вв. Часть этих материалов (отдельные серии погребальных комплексов или групп находок,) уже введена в научный оборот. Однако, комплексного изучения ранних некрополей Мангупской крепости как отдельной категории археологических памятников никогда в историографии не проводилось. В этом несомненная актуальность предпринятого диссертационного исследования.

С учетом специфики рассматриваемых археологических объектов, в центре внимания находится ряд значимых, но все еще дискуссионных вопросов раннесредневековой истории Мангупского городища – хронология и исторические обстоятельства появления его первоначальных некрополей, их пространственная и сущностная эволюция, особенности погребального обряда, этническая, социальная и конфессиональная атрибуция населения, оставившего данную группу могильников Горного Крыма. Всестороннее изучение раннесредневековых некрополей Мангупа позволяет окончательно разрешить давнюю, но, как мы полагаем, сугубо историографическую, проблему их связи с историей городища или же отсутствия таковой.

Наконец, важность диссертационной работы объясняется также еще и тем, что изучение в любом виде вопросов истории и археологии Мангупского городища, отождествляемого в письменных источниках с крепостью Дорос – политическим и культурным центром Крымской Готии в эпоху раннего средневековья, имеет первостепенное значение для реконструкции событий истории всего Горного Крыма.

Таким образом, **объектом исследования** в диссертации является раннесредневековая история Мангупского городища, **предметом исследования** –

хронология, погребальный обряд, этнокультурная и социальная характеристика варварских некрополей Мангупа-Дороса в данный период времени.

Хронологические рамки диссертационной работы ограничены концом IV – первой половиной IX вв., то есть временем функционирования всех известных грунтовых могильников в округе Мангупской крепости. Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена датой появления наиболее раннего из них Алмалыкского могильника, верхняя – временем прекращения использования самых поздних некрополей (Адым-Чокракского и Южно-Мангупского).

Географически все рассматриваемые в диссертации некрополи расположены на территории окружающих Мангупского плато горных долин. Могильники Алмалык-дере, Адым-Чокрак и Южно-Мангупский локализируются в Адым-Чокракской долине, ограничивающей Мангуп с юга. Каралезский некрополь расположен на стыке Джан-дере и Каралезской долины, которые окружают Мангупское плато, соответственно, с севера и северо-запада.

Степень разработанности темы диссертационной работы. Раннесредневековые могильники округа Мангупа в историографии никогда не становились объектом специальных исследований, хотя сведения о некоторых из них, прежде всего, могильнике Алмалык-дере, присутствуют в литературе, начиная еще с середины XX в. [Веймарн, 1953, с. 420, рис. 2].

Первые археологические раскопки некрополей округа Мангупа (Алмалык-дере, Каралезский и Южно-Мангупский могильники) относятся к 1980-м гг. Из материалов этих исследований в научный оборот введена лишь незначительная часть находок из раскопок некрополя в балке Алмалык-дере [Сидоренко, 1984а, с. 329–330]. После того, как в 90-е гг. XX в. произошло массовое ограбление грунтовых некрополей округа Мангупского городища, памятники становятся объектами постоянных археологических исследований. По результатам этих работ, постепенно начинают выходить полноценные публикации отдельных погребальных комплексов [Gertsen, Maczyńska, 2000. s. 522–544]. Однако, пожалуй, главным итогом данного этапа изучения памятников стало издание в 2013 и 2016 гг. двух монографий, в которых представлены материалы археологических отчетов

об исследованиях могильников Алмалык-дере, Адым-Чокрак, Южно-Мангупский в период 1995-2008 гг. [Bemmann und andere, 2013a; Maćzyńska und andere, 2016]. К сожалению, несмотря на монографический характер публикаций, многие ключевые вопросы из истории памятников остались в них почти не затронутыми. Также следует отметить полное отсутствие до настоящего времени каких-либо изданий, посвященных раскопкам Каралезского могильника в 1980-е гг.

Таким образом, степень разработанности темы диссертационного исследования остается в историографии недостаточной. Материалы раскопок раннесредневековых могильников Мангупа не систематизированы и не введены в научный оборот. Отсутствуют работы, посвященные могильнику Каралез. В современной литературе присутствуют лишь самые общие представления о времени появления и прекращения использования памятников, погребальном обряде, этнокультурной и социальной характеристике оставившего их населения. В связи с этим, обобщение всех имеющихся сведений об истории и археологии могильников округа Мангупа, предпринятое в диссертационной работе, позволяет не только подвести некоторые общие итоги многолетних исследований и дискуссии вокруг них, но и аргументированно предложить новые концептуальные решения многих важных вопросов, связанных с хронологией и атрибуцией памятников.

Важно также отметить, что все проводившие с 2018-2019 гг. отдельным отрядом Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В.И. Вернадского исследования раннесредневековых некрополей Мангупского городища выполнялись под непосредственным руководством А.И. Набокова, автора диссертации.

Целью диссертационной работы является всестороннее изучение раннесредневековых могильников Мангупского городища и его округа. Для ее достижения необходимо последовательное решение следующих **научно-исследовательских задач**:

- максимально полный историографический и источниковедческий анализ имеющихся материалов раскопок некрополей;

- всестороннее изучение полученных данных об их погребальном обряде;
- установление хронологии могильников, разработка «фазовой» схемы их периодизации;
- разработка типологии погребальных сооружений;
- корреляция категорий погребального инвентаря и типов погребальных сооружений;
- детальное топографическое изучение памятников, картографирование находок и различных видов погребальных сооружений;
- этнокультурная и социальная атрибуция населения, оставившего некрополи.

Научная новизна диссертационной работы заключается, прежде всего, в том, что впервые в историографии значительная группа нового археологического материала из раскопок раннесредневековых могильников Мангупской крепости становится предметом специального изучения. В основе исследования лежит разработанная для археологических памятников типология погребальных сооружений, дополненная их пространственным анализом. Кроме того, в диссертации широко использованы неопубликованные ранее археологические комплексы и материалы. В этом смысле ее возможно рассматривать как научное исследование, в котором подведены итоги многолетнего историко-археологического изучения одной из наиболее показательных групп археологических объектов Мангупа-Дороса в эпоху раннего средневековья.

Методы исследования. Диссертационная работа основана на общенаучном методе системного исторического анализа, принципах историзма и комплексного подхода к изучению поставленной темы исследования. Помимо этого, в диссертации использованы традиционные для археологической науки специальные методы исследования археологического материала и объектов, среди которых наиболее важными являются картографический, описательный, сравнительно-стратиграфический, типологический и метод аналогий.

С помощью картографического метода или метода пространственного анализа установлены топографические закономерности и особенности

использования территории некрополей в различные периоды их функционирования.

Описательный метод широко использован на стадии полевой фиксации археологических объектов и находок из раскопок изучаемой группы памятников Мангупа. Фактически, описание, как метод аналитической археологии, представляет собой метод перевода информации об археологическом материале в знаковую систему с целью фиксации, хранения и передачи информации об археологических источниках.

Сравнительно-стратиграфический метод оказался наиболее необходимым при изучении курганных комплексов могильника Алмалык-дере, где он позволил установить разновременность выявленных погребальных объектов и соотнести их с различными хронологическими фазами в истории памятников.

Типологический метод положен в основу разработки типологии грунтовых склепов Алмалыкского могильника и опирается на архитектурные особенности и планировочные решения этих погребальных сооружений.

Наконец, метод аналогий использован на всех этапах диссертационного исследования и позволяет рассматривать раннесредневековые могильники Мангупского городища на широком фоне исторических аналогий, происходящих с территории Крыма, Причерноморского региона и всей Восточной Европы.

Апробации результатов диссертационного исследования выполнена в виде докладов на 12 международных и всероссийских научных конференциях, проходивших в период 2018-2024 гг. Основные положения диссертации отражены в 15 научных работах, в том числе 4 статьях из перечня ВАК РФ, две из которых индексируются в базах данных Web of Science Core Collection и Scopus.

Статьи в изданиях из перечня, утвержденного ВАК РФ:

1. Набоков А.И. Склепы раннесредневековых могильников Мангупа: предварительная классификация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2022. Т. 8(74), № 3. С. 104–137.

2. Набоков А.И. Курган с кромлехом и ровиком некрополя Алмалык-дере (Мангуп) // Краткие сообщения института археологии. М., 2023. Вып. 271. С. 167–182 (журнал индексируется в базе данных Web of Science и Scopus).

3. Набоков А.И. Стеклянные сосуды из раскопок Алмалыкского могильника // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2023. Вып. XXVIII. С.135–154 (журнал индексируется в базе данных Web of Science).

В соавторстве:

4. Набоков А.И., Голев С.А. Могилы с заплечиками Алмалыкского могильника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2022. Том 8(74), № 3. С. 138–162.

В других изданиях:

5. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Иोजица Д.В., Набоков А.И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1967 г.», могильник Южный II // История и археология Крыма. Симферополь, 2019. Вып. XI. С. 79–90.

6. Набоков А.И. Раннесредневековый некрополь Южный II на южном склоне Мангупа: предварительные итоги и перспективы исследований // Новые исследования молодых археологов в Крыму: материалы научной конференции (6–7 октября 2020 г., г. Симферополь). Симферополь, 2020. С. 55-63.

7. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Душенко А.А., Ганцев В.К., Иोजица Д.В., Набоков А.И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // История и археология Крыма. Симферополь, 2020. Вып. XIII. С.111–128.

8. Науменко В.Е., Набоков А.И. Детали костюма ранневизантийского времени из раскопок Мангупского дворца // XIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции. Симферополь, 2021. С. 201–210.

9. Науменко В.Е., Набоков А.И., Якушечкин А.В. Неопубликованные нумизматические материалы из раскопок раннесредневековых некрополей Мангупа: могильники Южный I, Южный II и Адым-Чокрак // VIII Международный Нумизматический Симпозиум «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка» (Керчь, 2–6 октября 2021 г.): сборник материалов. Симферополь, 2021. С. 163–172.

10. Науменко В.Е., Набоков А.И. Могильник Алмалык-дере Мангупского городища. Основные результаты археолого-топографических исследований 2020–2021 гг. // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (Симферополь, 9–10 декабря 2021 г.): сборник материалов. Симферополь, 2022. С. 102–117.

11. Науменко В.Е., Герцен А.Г., Набоков А.И. Алмалыкский могильник в докрепостной (позднеримский) период истории Мангупского городища // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи. М., 2022. С. 183–194.

12. Набоков А.И. Адым-Чокракский могильник: проблематика и перспективы исследований // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (Симферополь, 24–25 ноября 2023 г.): сборник материалов. Симферополь, 2023. С. 78–86.

13. Набоков А.И. Архитектура грунтовых склепов второй половины VI–VIII вв. на раннесредневековых могильниках округа Мангупа // XV Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы научной конференции. Симферополь, 2023. С. 203–214.

14. Набоков А.И. Находки «всаднического облика» гуннского и постгуннского времени на Алмалыкском могильнике // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время (Симферополь, 10–12 октября 2023 г.): материалы конференции. Симферополь, 2023. С. 145–156.

15. Набоков А.И. Раннесредневековые могильники южной периферии Мангупского городища: основные результаты современных археолого-

топографических исследований // История и археология Крыма. Симферополь, 2023. Вып. XX. С. 182-203.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы заключается в возможности использования полученных результатов в дальнейших исследованиях раннесредневековых могильников Мангупского городища и Юго-Западного Крыма. В особенности, это выглядит актуальным для сильно ограбленных некрополей. Материалы диссертации также могут быть включены в разработку близких по тематике лекционных курсов, учебных и методических пособий в высшей школе. Классификация грунтовых склепов, разработанная на материалах раскопок могильника Алмалык-дере, может стать основой для изучения архитектуры и относительной хронологии однотипных погребальных сооружений на других памятниках региона.

Положения, выносимые на защиту:

1. Алмалыкский могильник начинает функционировать в последней четверти IV в., накануне гуннского вторжения на полуостров, в связи с миграцией из других районов Горного Крыма большой группы населения. Как показывают археологические исследования, в ее составе, кроме германского компонента, присутствовали отдельные представители, этнически близкие поздним сарматам Подонья и аланам Северного Кавказа, которые практиковали захоронения в курганах с кольцевыми ровиками и типичных Т-образных катакомбах.

2. Изменения в архитектуре склепов Алмалык-дере в дальнейшем напрямую связано с его пространственным развитием в пределах различных участков функционирования некрополя.

3. Появление в округе Мангупского городища Южно-Мангупского и Адым-Чокракского могильников следует сопоставить с политикой Византийской империи в регионе в середине – второй половине VI в., в результате которой на вершине Мангупского плато возводится крупная византийская крепость Дорос.

4. Общая хронологическая схема развития могильников округа Мангупа подтверждается изменениями в структуре их погребального обряда, погребального инвентаря и архитектуре погребальных сооружений.

5. Завершение практики погребений в грунтовых склепах на территории могильников округа Мангупской крепости связано с общим процессом трансформации погребального обряда в связи с христианизацией населения Юго-Западного Крыма, завершившимся в течении IX в. Хазарская экспансия в регион, пик которой приходится на конец VIII – начало IX вв., не оказала существенного влияния на погребальные традиции его жителей.

6. Население, оставившего раннесредневековые некрополи округа Мангупского городища, напрямую связано с жителями этого крупного поселения / крепости Горного Крыма. Часть погребенных представителей воинского сословия, начиная со второй половины VI в., входило в состав гарнизона Мангупа-Дороса.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках: 1) реализации научного проекта № 075-15-2022-1119 «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму», поддержанного Правительством Российской Федерации (программа «мегагрантов»); 2) исполнения плановых тем «Взаимодействие культур и цивилизаций в средневековом Крыму» и «Город и его округа в средневековом Крыму, промежуточный (1) этап» средневекового отдела Института археологии Крыма РАН.

Структура диссертации соответствует цели и задачам проведенного исследования. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы, альбома иллюстраций (приложение №1).

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ТОПОГРАФИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ НЕКРОПОЛЕЙ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА

Несмотря на длительный (с конца XIX в.) период изучения грунтовых варварских могильников Юго-Западного Крыма позднееримского и ранневизантийского времени, материалы исследований некрополей округа Мангупского городища стали доступны широкому кругу исследователей только в первые десятилетия XXI в. (рис. 1). Это связано как с особенностями археологических работ на памятниках, имевших в основном охранно-спасательный характер, так и с поздним началом их археологического изучения, не ранее 80-х гг. XX в. К моменту введения в научный оборот результатов раскопок в археологической науке сформировалась устоявшаяся хронология и этнокультурная атрибуция подобных памятников в Крыму. Поэтому раннесредневековые некрополи округа Мангупа сразу оказались вписанными в уже сложившуюся картину политической и этнокультурной истории населения Юго-Западной Таврики этого времени, как типичные варварские могильники.

1.1. Открытие и исследование могильников в период 1933-1995 гг.

Первый этап изучения раннесредневековых некрополей округа Мангупского городища связан с попытками локализовать могильник в балке Алмалык-дере на юго-восточном склоне Мангупского плато. О вероятном его местоположении еще в 1933 г. высказывался Н.И. Репников [Веймарн, 1953, с. 420]. Позднее Е.В. Веймарн предположил, что грунтовый могильник расположен на пологой части юго-восточного склона Мангупа. Рельеф местности, близость некрополя к поселению и дороге, ведущей на Мангупское плато, позволили ему в 1938 г. заложить здесь семь поисковых траншей. Однако, произведенная археологическая разведка «в поисках земляных склепов» не обнаружила следов глинистых горизонтов, подходящих для сооружения раннесредневековых погребальных сооружений [Репников, 1939/40, л. 232].

Несмотря на отсутствие результатов, Е.В. Веймарн отметил предполагаемое местонахождение некрополя на сводном плане всех археологических объектов,

известных к этому времени на Мангупском городище. На схематичной карте памятника под №22 указан «раннесредневековый могильник в балке Ашлама-Дере» [Веймарн, 1953, с. 420, рис. 2] (рис. 2). Полагаем, что автор имел ввиду здесь Алмалык-дере. Ошибочно упомянутая балка Ашлама-дере расположена у плато Чуфут-Кале в г. Бахчисарае, где был обнаружен раннесредневековый некрополь [Лобода, 1976, с. 135–136]. Несмотря на неточность в названии, место, отмеченное на плане в публикации 1953 г., полностью совпадает с известным, на сегодняшний день, расположением Алмалыкского могильника.

В 1940 г. Крымская экспедиция ИИМК и Музея пещерных городов под руководством Н.И. Репникова проводила разведки на территории горной части Крыма. Е.В. Веймарн, входивший в состав экспедиции и являвшийся держателем Открытого листа на территорию Куйбышевского района [Селиверстова, 2017, с. 152], вновь произвел исследования на юго-восточном склоне Мангупа. По архивным материалам, в балке Алмалык-дере был обследован обвалившийся склеп с «находками VII–VIII вв.», который оказался ограбленным [Gertsen, 2015, s. 25–28]. Позднее Е.В. Веймарн в отчете 1948 г. о разведочных работах Горного отряда Тавро-Скифской экспедиции упоминал могильник у поворота дороги в балку Алмалык к северо-востоку от мыса Тешкли-бурун Мангупского плато [Бабенчиков, Веймарн, 1948, л. 101].

В научно-популярном издании «Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму» также упоминается «могильник Мангупа (земляные склепы) у восточной подошвы горы» [Бабенчиков, Веймарн и др., 1966, с. 87]. Раздел, в котором приводится краткое описание Мангупского городища и его могильника, написан Е.В. Веймарном. С уверенностью можно говорить о том, что здесь имеется ввиду некрополь в балке Алмалык-дере. Алмалыкский могильник позднее также присутствует в списке раннесредневековых поселений и кладбищ в статье Е.В. Веймарна, посвященной византийским «длинным стенам» Юго-Западного Крыма. В ней упоминается нижний Мангупский могильник у восточной подошвы Мангупского плато, где в 1978 г. сотрудниками экспедиции был обнаружен еще один ограбленный склеп. Кроме того, здесь отмечено большое

количество просадок на подъеме к Мангупскому городищу [Веймарн, 1980, с. 27-28; Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 38].

В 1981 г. на юго-восточном склоне Мангупского плато вновь были проведены археологические разведки. Отмечены многочисленные просадки грунта и осмотрены два грабительских лаза, ведущих в грунтовые склепы, в одном из которых зафиксированы человеческие кости. Это погребальное сооружение, по мнению В.А. Сидоренко, являлось склепом, обнаруженным в 1978 г. студентами-топографами из состава Мангупской экспедиции, о котором упоминал Е.В. Веймарн в своей публикации 1980 г. [Сидоренко, 1983, л. 2].

Первые археологические раскопки на Алмалыкском могильнике были проведены в 1982 г. под руководством В.А. Сидоренко (рис. 3). Им обнаружены шесть склепов, из которых исследованы пять, включая склеп, предположительно выявленный в 1978 г. Все сооружения оказались ограбленными. Входная яма раскопана только у одного склепа. Среди находок оказались две пряжки: типа «Сиракузы» и с крестообразным щитком. Это позволило автору раскопок предварительно датировать памятник второй половиной VII – первой половиной VIII вв. Кроме того, по аналогии с могильниками Эски-Кермен и Чуфут-Кале, также расположенными в нижней части восточных склонов горных плато, на которых находились укрепления, им было выдвинуто предположение о принадлежности некрополя Алмалык-дере поселению на Мангупе [Сидоренко 1983, л. 6–13]. Некоторые материалы этих раскопок изданы В.А. Сидоренко (рис. 4). В краткой публикации автор датирует погребальный комплекс уже VIII в. [Сидоренко, 1984а, с. 329–330]. Как бы то ни было, эта небольшая статья стала первой научной публикацией, посвященной результатам исследований раннесредневековых могильников округа Мангупского городища.

Меньшие по объему археологические работы на могильнике в балке Алмалык-дере проводились В.А. Сидоренко в 1983 г. В ходе исследований, открыты четыре ограбленных склепа, которые были сильно разрушенными. Датированной находкой оказалась пряжка с крестообразным щитком из склепа №7, аналогичная пряжке из склепа №2 1982 г., что позволило уточнить датировку

некрополя в пределах второй половины VII – первой половины VIII вв. Известная на тот момент площадь памятника составила около 6 га [Сидоренко, 1984].

В 1984 г. В.А. Сидоренко исследовались археологические объекты, выявленные при сооружении котлована под водохранилище к западу от с. Ходжа-Сала (рис. 5). Кроме строительных остатков, связанных с Каралезской базиликой, к северо-востоку от нее был выявлен новый раннесредневековый некрополь, который сейчас называется Каралезским могильником. В ходе раскопок 1984 г. исследованы две подбойных могилы и один склеп, а также выявлены еще два грунтовых склепа (рис. 6). В археологическом отчете указаны вещи из ограбленных склепов №№ 6 и 7, которые планировалось включить в отчет следующего 1985 г. Автор исследований предварительно датировал новый могильник первой половиной VII–VIII вв. В верховьях Каралезской балки обнаружены следы неолитической стоянки, оборонительной стены и еще одного могильника [Сидоренко, 1985]. Согласно полевым чертежам, составленным в 1985 г., здесь зафиксировано не менее 40 погребальных сооружений [Сидоренко, 1985а]. К сожалению, текстовая часть археологического отчета, сведения о погребальном обряде и инвентаре памятника нам оказались недоступными.

В 1986 г. стало известно о новом могильнике на южном склоне Мангупского плато. Сотрудникам экспедиции была передана информация о провале свода камеры склепа на сельскохозяйственном поле у подножия Мангупа. В 1988 г., примерно в 75 м выше по склону относительно склепа 1986 г., обнаружены просадки грунта над обрушенными погребальными сооружениями на террасированном участке. Первые раскопки этого некрополя проведены в 1989 г. Исследованы камеры девяти склепов и одной подбойной могилы, памятник датирован VII–IX вв. [Герцен, 1990, л. 1–9].

В это же время некоторые материалы из раскопок В.А. Сидоренко на Алмалык-дере начинают регулярно встречаться в литературе, посвященной ранневизантийской истории и археологии Крыма. В 1990 г., в первом выпуске «Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии», пряжка с крестообразным щитком из склепа № 3 Алмалыкского некрополя упоминалась

среди подобных изделий типа П–7–4 в типологии пряжек византийского круга в монографии А.И. Айбабина [Айбабин, 1990, с. 6, 44, 65]. Как отметил А.Г. Герцен, материалы, полученные при раскопках могильника, в совокупности с находками на Мангупском городище, отражают первый этап существования ранневизантийской крепости на плато. Исследователем отмечена связь могильника с грунтовой дорогой, ведущей на памятник. Кроме того, в публикации сообщается о позднеантичном некрополе в Лагерной балке, на трассе оборонительной стены укрепления А.XIV, который состоял из склепов, вырубленных в скале, и грунтовых могил, полностью разрушенных в процессе строительства оборонительного комплекса [Герцен, 1990а, с. 111, 112, 133]. На сегодняшний день, несмотря на более поздние раскопки данного участка обороны крепости, никаких других археологических материалов, которые бы свидетельствовали о существовании здесь ее раннего некрополя, не существует. К сожалению, присутствующий в монографии 1990 г. чертеж разрушенного скального склепа мало информативен (рис. 7). Поэтому вопрос местоположения позднеантичного могильника на самом Мангупском плато остается открытым.

Могильник в балке Алмалык-дере также упоминается И.С. Пиоро, как одно из свидетельств существования поселения на Мангупе в позднеримское и ранневизантийское время [Пиоро, 1990, с. 73–74]. А.И. Айбабин в работе, посвященной могильникам VIII – начала X вв. Юго-Западного Крыма, включает в число их некрополь на восточном склоне Мангупского плато, в балке Алмалык-дере [Айбабин, 1993, с. 122].

В.А. Сидоренко в статье, посвященной локализации «области Дори» и «длинных стен» в трактате «О постройках» Прокопия Кессарийского, кратко сообщает о Каралезском могильнике, раскопанном в 1984–1985 гг. При этом его датировка, в отличие от выводов в археологических отчетах, выглядит уже более широкой, охватывая период первой половины VI – X вв. Особый интерес представляет упоминание о детском погребении в амфоре V – первой половины VI вв. (датировка по В.А. Сидоренко), а также наличие фрагментов подобных амфор в других ранних склепах некрополя [Сидоренко, 1991, с. 115].

Таким образом, к началу 90-х гг. XX в. в непосредственной близости от Мангупского городища всего были известны три раннесредневековых могильника – Алмалык-дере, Каралез и Южно-Мангупский. Самый крупный из них – Алмалыкский некрополь, уже в это время связывался исследователями с раннесредневековым поселением на Мангупском плато. Отмечена закономерность его размещения вблизи дороги, ведущей на территорию городища. При этом материалы раскопок памятников оставались почти не изданными, за исключением краткой статьи В.А. Сидоренко 1984 г., посвященной раскопкам в балке Алмалык-дере.

1.2. Исследования некрополей в период 1995-2016 гг.

Исследования раннесредневековых грунтовых некрополей Мангупа в конце XX – начале XXI в., выполненные под руководством А.Г. Герцена, в основном носили охранно-спасательный характер и проводились в период массового разграбления памятников. В процессе работ, как правило, осуществлялись лишь осмотр и предварительное картографирование ограбленных погребальных сооружений, а также переборка грабительских отвалов. Только часть объектов была раскопана полностью, с использованием стандартной археологической методики.

Отдельные случаи ограбления фиксировались на территории могильников Алмалык-дере и Каралез, начиная с середины XX в. Единичные грабительские ямы зафиксированы на территории Южно-Мангупского могильника в 1990 г. Но в середине 1990-х гг. начинается масштабный процесс ограбления могильников, продлившийся до начала XXI в.

В 1995 г. на северо-восточном склоне г. Белой в Адым-Чокракской долине, примерно в 1 км к югу от Мангупского плато, обнаружены следы неизвестного ранее Адым-Чокракского некрополя, на котором началось ограбление. К весне 1995 г. грабителями вскрыты 50 грунтовых склепов и одна грунтовая могила. Для снятия грунта до уровня материкового суглинка ими использовался даже бульдозер Т-100, который разрушил 11 погребальных сооружений [Черныш, 1995, л. 2].

Осенью этого же года ограблены еще шесть склепов и три подбойные могилы. Произведенный осмотр могильника позволил установить важную стратиграфическую деталь: большинство вскрытых грабителями комплексов были повреждены еще в древности через входные ямы, местоположение которых еще хорошо было заметно на поверхности.

В 1995 г. отдельным отрядом экспедиции¹ начаты охранные раскопки Адым-Чокракского могильника, в ходе которых исследованы 16 склепов, для 14 из которых составлены планы и стратиграфические разрезы. При этом пять сооружений не имели следов современного ограбления. Раскопки последних показали, что происходившее в древности ограбление зачастую ограничивалось верхней частью скелетов. Предметы из недрагоценных металлов и бусы не выбирались. В повторно ограбленных в конце XX в. сооружениях заполнение уже было полностью перекопано (рис. 8), весь инвентарь выбран, вплоть до обломков железных ножей. Такие склепы доследовались с целью сбора антропологического материала. Полученный вещевой материал позволил датировать могильник концом VI – началом IX вв. [Герцен, Карлов, Науменко, Черныш, 1996, с. 5–24]. Итоги работ кратко представлены в сборнике «Археологические исследования в Крыму. 1995 г.». Отмечена плотность погребальных сооружений на территории могильника, а его общая датировка ограничена уже VII – IX вв. [Герцен, Науменко, Черныш, 2007. с. 47–48]. Это сообщение вплоть до 2013 г. оставалось единственной научной работой, характеризующей Адым-Чокракский некрополь.

В 1995 г. на небольшом хребте к востоку от открытого еще в 1989 г. могильника Южный I обнаружен ограбленный склеп и многочисленные просадки грунта. В течении полевого сезона здесь были ограблены еще четыре склепа, после осмотра которых стала понятной локализация нового могильника округа Мангупа, получившего обозначение Южный II. В следующем 1996 г. на памятнике проведены археологические работы, в ходе которых открыты 21 склеп и 5

---

¹Руководство полевыми исследованиями на раннесредневековых некрополях округа Мангупа осуществлялось в конце XX – начале XXI вв. С.А. Чернышом и С.В. Лукиным, с 2018 г. – А.И. Набоковым.

подбойных могил (рис. 9). Из них полностью исследованы 12 склепов и 4 подбойные могилы. Остальные погребальные сооружения выявлены в грабительских ямах. Исследователями отмечено сходство погребального обряда с Адым-Чокракского некрополем, расположенным в 600 м южнее. Благодаря обнаруженному инвентарю могильник датирован второй половиной VI – VIII вв. [Герцен, Науменко, Карлов, Черныш, 1998, с. 41–67].

В 1994-1995 гг. около 50 погребальных сооружений также было ограблено на территории Алмалыкского могильника. При осмотре памятника собраны фрагменты краснолакового блюда и верхней части амфоры типа F по Д.В. Шелову [Шелов, 1978, с. 19–20], которые значительно удревели (до позднеримского времени) хронологию памятника. В связи с масштабным ограблением в 1996 г. здесь были проведены спасательно-археологические работы, в ходе которых осмотрены 59 ограбленных склепов и одна подбойная могила. В склепах отмечено большое количество сводов с килевидным профилем и множество архитектурных деталей. Примечательным стало открытие склепа № 56 с вырезанным над входом крестом (рис. 10). Кроме того, проведена зачистка камеры склепа № 2 [Герцен, Науменко, Карлов, Черныш, 1998, с. 68–72].

Исследования Алмалыкского могильника позволили обратить внимание на конструктивные особенности его склепов, выделявшихся, прежде всего, малым количеством низких плоских сводов погребальных камер, что характерно для могильников южной периферии Мангуапа. По итогам работ 1996 г., стало ясным, что некрополь Алмалык-дере существенно отличается от всех известных грунтовых могильников Мангупского городища и является наиболее ранним из них. С этого времени памятник становится постоянным объектом археологических исследований на протяжении последующих двух десятилетий.

В июле 1997 г. отдельный отряд Мангупской экспедиции провел исследования на могильнике Южный I. Были изучены шесть склепов и одна подбойная могила в пределах одного раскопа (рис. 11). Авторами отмечено сходство погребальных сооружений и погребального обряда могильников Южный I и Южный II и выдвинуто предположение, что они могут являться частью одного

большого некрополя [Герцен, 1998, с. 19–26]. Осенью 1997 г. также были доследованы пять сильно ограбленных склепов (№№ 53–57) и одна подбойная могила Алмалыкского могильника.

Несмотря на продолжающееся ограбление могильника Алмалык-дере, работы в 1998 г. стали вестись уже с помощью стандартной археологической методики. Были заложены три раскопа, в пределах которых исследованы пять новых склепов и одна подбойная могила. Также раскопана входная яма склепа № 2, камера которого изучалась в 1996 г. Новые грабительские ямы продолжали осматриваться, часть отвалов из них проверялась на наличие находок [Герцен, 1999, с. 36–41].

В 1999 г. исследовались Алмалыкский могильник и Адым-Чокракский некрополь, который подвергался активному разграблению. Здесь пришлось ограничиться сбором антропологического и вещевого материала из склепов, описанием архитектуры погребальных сооружений без их графической фиксации. По результатам работ, установлено, что на Адым-Чокракском могильнике к 1999 г. было ограблено не менее 104 склепов. В отличие от Адым-Чокрака работы на Алмалык-дере велись на значительной площади. Целью исследований стал участок к северу от раскопа 1998 г., не затронутый современными ограблениями. Здесь удалось исследовать шесть склепов и три подбойные могилы (рис. 12). Среди изученных объектов наиболее ранней являлась подбойная могила № 7, остальные погребальные конструкции – склепы №№ 74–78, 80 и подбойные могилы №№ 5–6, были сооружены позднее [Герцен, 2000, с. 24–27].

В 1999–2000 гг. ограбление могильника Алмалык-дере происходило особенно активно. Из-за этого новые раскопки на широкой площади не проводились, исследователям пришлось ограничиться осмотром и фиксацией новых участков ограблений. Также доследовался небольшой участок раскопа 1999 г., где был выявлен один новый склеп. В ходе раскопок всего были открыты 74 ограбленных склепов, полностью исследованы восемь из них (№№ 79, 83, 90, 99, 108, 118–120), а также две подбойные (№№ 16–17) и две грунтовых могилы с конскими погребениями. Одним из полностью раскопанных погребальных

сооружений стал «склеп №56 с крестом», обнаруженный еще в 1996 г. Важным открытием являлось обнаружение группы просадок в 270 м к северу от исследуемых участков могильника. Здесь были обнаружены подбойная могила и конское погребение.

Несмотря на значительный объем работ, выполненный к концу 1990-х гг., материалы исследований некрополя Алмалык-дере оставались почти не введенными в научный оборот. В монографии А.И. Айбабина 1999 г. Алмалыкский некрополь упоминается лишь в контексте изучения проблемы расселения алан и возникновения некрополей с типичными для них Т-образными склепами [Айбабин, 1999, с. 36, 61, 82]. Поэтому знаковым событием стало появление статьи А.Г. Герцена и М. Мончынської в сборнике научных работ, изданном в 2000 г. в г. Лодзь (Польша). Это была первая полноценная публикация материалов археологических исследований раннесредневековых могильников Мангупа. В ней представлен инвентарь из склепа № 65 и сделан вывод о его принадлежности богатым представителям германо-аланского населения Горного Крыма [Gertsen, 2000, s. 522-544].

В 2001 г. А.Г. Герценом были сделаны несколько докладов, посвященных исследованиям Алмалыкского некрополя. В них отмечено, что архитектура некоторых склепов подражает устройству интерьеров наземных христианских храмов. К примеру, стена камеры одного из склепов выполнена в виде апсиды с тремя арочными нишами; также здесь присутствует имитация стропильных конструкций на поверхности конхи и свода склепа [Герцен, 2001а, с. 12]. В контексте изучения процесса распространения христианства у местного населения упоминалась сердоликовая гемма с изображением Херувима и нательный крест из склепа V в. на Алмалык-дере. Зафиксировано наличие крестов на стенках ряда склепов могильников южной периферии Мангупа. Сделан вывод о том, что первоначальное ограбление раннесредневековых некрополей Мангупа произошло еще в IX в. [Герцен, 2001б, с. 10–12].

В 2001 г. начаты раскопки северного участка Алмалык-дере, подвергнувшегося ограблению. Наличие здесь ранних материалов делало его перспективным для

изучения комплексов второй половины IV – первой половины V вв. В ходе работ зачищены камеры пяти ограбленных склепов и заложены четыре квадрата с целью изучения памятников, не нарушенных современным ограблением. К таковым отнесены две подбойные могилы, склеп и погребение лошади. Раскопки подтвердили наблюдение, что на данном участке концентрируются ранние комплексы [Герцен, 2002, с. 23–26]. В 2002 г. здесь были доследованы еще один склеп, подбойная и грунтовая могилы. Кроме того, в южной части могильника исследованы два новых склепа. Среди результатов работ следует отметить первый случай фиксации остатков погребения *in situ* (рис. 13) [Герцен, 2003, с. 20–23]. В 2002 г. С.А. Черныш представил доклад, посвященный склепу с изображениями крестов. Его появление он связал с трансформацией склепа из языческого «жилища мертвых» в место упокоения христиан [Черныш, 2002, с. 70–71].

В дальнейшем разграбление могильников округа Мангупа становятся менее интенсивными. Это позволило вести археологические работы более планомерно, следуя научным целям исследований.

В 2003 г. исследования Алмалыкского могильника концентрировались на его северной оконечности. Работы велись на площади четырех раскопов, где исследованы семь склепов и одна подбойная могила. Склепы №157-162 и подбойная могила № 17 образовывали подковообразный ряд у подошвы склона Мангупского плато. Все они оказались ограбленными в древности. Проведенные исследования подтвердили сделанное ранее заключение о том, что данный участок некрополя датируется концом IV – первой половиной VI вв. и относится к начальному периоду его функционирования. В ряде комплексов зафиксированы костные останки *in situ*, что является большой редкостью для некрополя. Это связано с тем, что данный участок в меньшей мере подвергся современному ограблению [Герцен, 2004, с. 55–68].

В работе А.Г. Герцена, посвященной этапам эволюции поселения на Мангупе, в числе некрополей, возникших в IV в., упоминается могильник в Алмалык-дере [Герцен, 2003а, с. 94–112]. В докладе на конференции, посвященной взаимодействию гуманитарных и медицинских наук, упоминаются находки

искусственно деформированных черепов, которые связывались с представителями зажиточных слоев населения. Отмечается, что некрополи округа Мангупа, прекратившие существование к VIII в., синхронны ранневизантийскому этапу его истории [Герцен, Пономарев, 2003, с. 50]. На этой же конференции В.П. Смирнов привел итоги исследований антропологических материалов Алмалык-дере. Возраст мужчин с деформированными черепами был выше, чем у представителей без деформации. В отличие от мужчин с обычными черепами у «деформантов» встречаемость кариеса оказалась в 4,5 раза ниже, что также свидетельствует об их высоком социальном статусе [Смирнов, 2003, с. 55–58].

К 2004 г. между средней и северной частями Алмалыкского могильника образовалась территория, которая никогда прежде не исследовалась. Здесь были заложены три раскопа, в пределах которых изучены четыре склепа. Открытые сооружения датированы V в. [Герцен, 2005, с. 49–59]. Исследования 2005 г. проводились в районе предполагаемого кургана в устье балки Алмалык-дере. Раскопы заложены на трех участках, окружавших искусственное возвышение. Проведенные работы выявили различные периоды функционирования данного района могильника в течении V–VII вв. [Герцен, 2006, с. 49–62].

К середине 2000-х гг., ввиду значительного объема работ, Алмалыкский могильник уже был хорошо известен в научной литературе, в которой он рассматривался как один из важных памятников позднееримского (докрепостного) и ранневизантийского периодов в истории Мангупского городища. В 2006–2008 гг. он стал одним из ключевых объектов исследований международного проекта по изучению «пещерных городов» Юго-Западного Крыма – Мангупа и Эски-Кермена. В проекте, помимо крымских исследователей, принимали участие специалисты Римско-Германского музея и Института географии (г. Майнц, Германия), выполнявшие разведку памятников, инструментальную съемку объектов и антропологические исследования. Также составлен общий план известной части могильника и систематизированы имеющиеся вещественные находки с целью установления общей хронологии памятника.

В 2006 г. раскопки велись в северной части Алмалыкского некрополя, где прежде был открыт участок наиболее ранних комплексов. Всего изучены пять склепов, две подбойные могилы и две грунтовые могилы с заплечиками. Исследования подтвердили датировку этого участка в пределах V – начала VI вв. [Герцен, 2007, с. 39–44]. Раскопки 2007 г. проводились на центральном участке некрополя, который подвергся активному ограблению в 1999 г. Всего исследованы пять склепов, одна подбойная могила и одна катакомба «промежуточного типа», обозначенная как T-могила № 1. Сооружения датированы второй половиной IV–VI вв. [Герцен, 2008, с. 39–53]. В 2008 г. основным объектом раскопок стал участок, прилегающий к раскопу 2007 г., который был признан перспективным после обнаружения на его площади погребений, не затронутых современным ограблением (рис. 14). Здесь заложены шесть прирезок, которые позволили исследовать 10 погребальных сооружений V–VI вв. [Герцен, 2009, с. 49–58].

В 2009–2010 гг. исследования на могильнике Алмалык-дере не проводились. Важным событием стало публикация О.С. Ивановой (Яшной) краснолаковой керамики из раскопок некрополя [Иванова, 2009а, с. 195–202; 2009б, с. 10–22; 2011, с. 26–88]. Собраны данные о 104 изделиях, представленной керамикой IV–VI вв. понтийской (89,4%) и фокейской групп (10,6%) [Иванова, 2011, с. 26–88].

В 2011 г. раскопки на Алмалык-дере были возобновлены на площади двух раскопов к северу и западу от участка исследований 2008 г. Изучены подбойная могила и три склепа [Герцен, 2012, с. 25–29]. В этом же году опубликованы две работы, посвященные материалам раскопок могильника. В сборнике о контактах населения Скандинавии и Крыма в римский период издана статья коллектива авторов, принимавших участие в проекте 2006–2008 гг., в которой рассматривались ранние материалы Алмалыкского некрополя, относящиеся к фазам C3 и D1 (320/330–400/410 гг.) по хронологии европейского Барбарикума. Находки, подобные черняховской археологической культуре, свидетельствовали об участии готов в формировании могильника, а предметы, характерные для кочевых племен, связывались с аланами [Maćzyńska, Urbaniak, Jakubczyk, 2011, p. 154–175]. В статье О.С. Ивановой, посвященной узкогорлым светлоглиняным амфорам на Мангупе,

использовались находки из раскопок Алмалык-дере. Наличие фрагментов амфор IV в. на Мангупском плато маркирует начало хозяйственной и строительной деятельности на памятнике в этот период. В это же время появляются первые погребения на Алмалык-дере [Иванова, 2011а, с. 266–327]. Анализ амфор подтверждал датировку могильника в пределах середины IV–VI вв. и указывал на рост товарообмена между населением Мангупа и торгово-ремесленными центрами Византии [Иванова, 2011б, с. 153–164].

В 2012 г. выявлены новые ограбления на Алмалык-дере и новые грунтовые просадки. Место одной из них было выбрано для проведения раскопок, в ходе которых исследованы подбойная могила № 42 и склеп № 202. По находкам, захоронения датированы IV–VII вв. [Герцен, Иванова, Лукин, 2013, с. 7–11].

В 2013 г. работы проводились на площади раскопа, где была изучена подбойная могила № 43 [Герцен, 2014, с. 12–14] (рис. 15), которая, как стало ясным позднее, являлась центральным погребением кургана № 3. После этого раскопки памятника до 2019 г. были приостановлены. Однако, на этот период приходится ряд публикаций материалов исследований некрополей Мангупа.

В сборнике научных статей 2013 г., посвященном окончанию германо-украинского проекта 2006-2008 гг., содержится работа, подводящая общие итоги изучения могильника Алмалык-дере. Ее авторы указывают на высокую степень ограбления некрополя и слабую сохранность антропологических и вещественных материалов. Несмотря на это, по их мнению, даже ограбленные склепы и подбойные могилы могут дать информацию относительно датировки и этнического состава погребенных. Хронология наиболее ранних комплексов Алмалык-дере установлена в пределах IV–V вв., наиболее поздние захоронения датированы VII в. Этнокультурная атрибуция могильника связана с готами и аланами, укрывшимися в Горном Крыму от гуннского нашествия. В дальнейшем захоронения на некрополе производились жителями византийской «страны Дори» [Gercen und andere, 2013, s. 125–141]. Рассмотрены антропологические материалы из раскопок 2007-2008 гг., сделаны выводы относительно половозрастной характеристики погребенных, их патологий и особенности практики деформации черепов [Jacobi und andere, 2013, s.

335–359]. Кроме материалов Алмалыкского могильника в сборнике впервые опубликованы находки из раскопок других некрополей на южной периферии Мангупа. Отмечена связь могильников Адым-Чокрак, Южный I и II с укреплением на вершине Мангупского плато. Анализ вещей дал возможность предположить, что эти некрополи возникли еще в первой трети VI в. и продолжали использоваться до середины VII в. [Bemmann und andere, 2013, s. 147–166]. В вышедшей в 2013 г. коллективной монографии авторы уточнили свои выводы. Датировка южных могильников Мангупа теперь соотносилась со второй половиной VI–VII вв. и, возможно, началом VIII в. Отмечено, что некоторые находки имеют аналогии на протяжении всего VIII в. Фактически данная работа представляла публикацию археологических отчетов о раскопках могильников Адым-Чокрак, Южный I и II в 1989, 1995–1996 и 1999 гг. с общим обзором обнаруженного материала [Bemmann und andere, 2013a]. В том же 2013 г. опубликована работа О.С. Ивановой, в которой представлен обзор амфор позднеримского периода из раскопок Мангупа, в том числе найденных во время исследований могильника в балке Алмалык-дере [Иванова, 2013, с. 93–154].

В 2015 г. опубликована статья А.Г. Герцена о находке византийской свинцовой печати из склепа №202 и материалах из соседней подбойной могилы № 42. Публикация моливдовула, принадлежащего высокопоставленному византийскому чиновнику с титулом хартулярий, свидетельствовала о крепости Дорос, как форпосте Византийской империи на границе с евразийской степью. Зафиксирован случай нарушения более ранней подбойной могилы № 42 поздним склепом №202, что совпадает по времени с превращением Мангупа-Дороса в административный центр империи в регионе [Gertsen, 2015, s. 25–32.]. В приложении к этой статье, написанном В. Зайбтом, предполагается, что моливдовул мог попасть на Мангуп в качестве подарка местным «готам» во время посольства императора Ираклия (610–641) [Seibt, 2015, s. 33–35].

Таким образом, второй этап изучения могильников округа Мангупа совпадает со значительным ограблением памятников в середине 90-х гг. XX в. – начале XXI в. Несмотря на неординарный характер проведенных исследований, с

начала 2000-х гг. отмечается рост публикаций материалов раскопок, направленных на введение в научный оборот наиболее показательных археологических комплексов и групп находок. Большую роль в этом сыграл международный проект 2006-2008 гг. Благодаря ему большая часть материалов могильников была издана. Правда, и это важно подчеркнуть, в целом все эти публикации носили обзорный и обобщающий характер. Только краснолаковая и тарная керамика из Алмалык-дере была подробно рассмотрена О.С. Ивановой (Яшной), хотя и в отрыве от других материалов раскопок памятника.

Уже в 2000-х гг., благодаря значительному количеству публикаций и докладов на научных конференциях, раннесредневековые могильники Мангупа, особенно Алмалык-дере, стали широко известны в литературе, посвященной истории и археологии Крыма и Восточной Европы в позднеимперскую и ранневизантийскую эпохи. Однако, вопросы их топографии, планиграфии, архитектуры погребальных сооружений оставались практически не изученными. Все это послужило отправным моментом для новых, комплексных и более детальных, исследований памятников.

1.3. Изучение раннесредневековых могильников Мангупского городища на современном этапе

Начало современного этапа изучения раннесредневековых некрополей Мангупского городища следует связать с изданием в 2016 г. Римско-Германским Центральным музеем в г. Майнц (Германия) коллективной монографии, которая подвела итоги многолетних исследований могильника Алмалык-дере, в том числе при реализации проекта 2006-2008 гг. В ней представлены материалы раскопок памятника за период 1996-2008 гг., в том числе информация об изученных 75 склепах, 19 подбойных и 6 грунтовых могилах, 1 кремации и 3 конских захоронениях [Maćzyńska und andere, 2016].

Раздел, посвященный хронологии некрополя, написанный М. Мончыньской, определяет его хронологические рамки от конца IV–V вв. до VII в. Автор отмечает, что погребения располагались на природной террасе протяженностью до 600 м, в два или три нерегулярных ряда. Этническая принадлежность населения,

оставившего могильник, определена как готская (элементы, схожие с черняховской культуры) и аланская (кочевнические элементы и Т-образная конструкция склепов). Ранние погребения фиксируются на всей площади некрополя, что не позволяет установить связь между его топографией и хронологическими периодами. В погребальных комплексах с находками периодов С3 и D1 обнаружены материалы VI–VII вв. При установлении хронологии комплексов не учитывались некоторые виды керамики с широкой хронологией (амфоры, краснолаковые изделия). Сделан вывод о длительном периоде функционирования сооружений и родовой связи погребенных, хотя в ряде случаев имело место кратковременное использование склепов. Ввиду сильной ограбленности памятника невозможно было сделать выводы в отношении горизонтальной стратиграфии некрополя. Также отмечено, что в процессе исследований 1996–2008 гг. часть находок оказалась утраченной, в том числе почти все монеты. Кроме того, не сохранились часть планов из раскопок 1997 и 2000 гг. [Maćzyńska und andere, 2016, s. 1–19].

Раздел монографии, написанный О.С. Ивановой, посвящен находкам импортной керамики из раскопок Алмалык-дере. Отмечено, что датировка амфор и краснолаковой посуды совпадает с общей хронологией могильника [Maćzyńska und andere, 2016, s. 25–67]. Кроме того, книгу сопровождают планы раскопанных участков, приведенные, к сожалению, без топографической подложки. Имеются некоторые неточности при компоновке таблиц находок, связанные с разной системой нумерации погребальных сооружений в различные периоды работ [Maćzyńska und andere, 2016, s. 95–179].

Появление монографии, посвященной раскопкам Алмалык-дере, вызвало большое интерес среди специалистов. На нее М.М. Казанским и А.В. Мастыковой написана положительная рецензия [Казанский, Мастыкова, 2017, с. 568–573].

Материалы данной монографии привлекли внимание И.Н. Храпунова. В ряде статей он соотнес погребения раннего этапа Алмалыкского могильника с Нейзацкой археологической культурой II–IV вв. в Предгорном Крыму. По его мнению, этот некрополь не связан с поселением на Мангупе и возник в середине –

второй половине IV в., то есть еще до гуннского нашествия, в результате внутренних миграций сармато-аланского населения полуострова. По заключению И.Н. Храпунова, начало жизни на Мангупском плато относится к I–II вв., могильник же Алмалык-дере возник значительно позднее. Кроме того, поставлен вопрос о принадлежности населения, хоронившего на этом некрополе – жители поселения на плато или окрестных долин? Последний вариант исследователь считает более вероятным [Храпунов, 2016, с. 118–134; 2017, с. 55; 2019, с. 32–49].

Материалы раскопок 18 склепов и одной подбойной могилы из Алмалык-дере использованы в качестве примеров погребальной традиции алан и готов в монографии А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой, посвященной населению страны Дори в середине III–VII вв. Авторы считают, что могильник возник в конце IV – начале V вв. в связи с миграцией аланского населения, вызванной вторжением гуннов в Крым в это время [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 104].

Важное значение для дальнейших исследований Алмалыкского могильника имеют разделы в коллективной монографии 2017 г., посвященной некрополям Мангупа. Помимо общих сведений о памятнике, здесь рассмотрены вопросы происхождения и практики искусственной деформации черепов и пищевых предпочтений населения, оставившего его. Анализ пищевых предпочтений показал минимальное значение в рационе питания местных жителей, предпочитавших растительную пищу, дичи и редкость употребления продуктов морской фауны [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 31–32, 38, 202–203, 221–225, 234, 249].

Исследования на могильниках южной периферии Мангупа были возобновлены только в 2017 г. В ходе визуальных разведок были картографированы следы ограблений прошлых лет и составлено подробное описание местности, после чего выполнена ее инструментальная съемка. Итогом работ стали новые топографические планы могильников округа Мангупа. Благодаря этим разведкам на территории некрополя Южный II также был открыт ряд новых грунтовых просянок в его южной части. В 2018 г. здесь был заложен раскоп, на площади которого выявлены подбойная могила № 6 и склеп № 22 (рис.

16) второй половины VII в. [Герцен, 2019, с. 8–13]. Материалы работ оперативно введены в научный оборот [Герцен и др., 2019, с. 79–90].

В 2019 и 2022 гг. археологические исследования уже велись на территории Алмалыкского могильника (рис. 17). В южной части некрополя открыт погребальный комплекс «курганного» типа с каменной кольцевой обкладкой и ровиком второй половины – конца IV в., не имеющий аналогов среди позднеантичных и раннесредневековых древностей Крыма. Вокруг него исследованы шесть склепов и две подбойные могилы [Герцен, 2020, с. 69–85; Герцен и др., 2020, с. 111–128; Герцен, 2023, с. 58–72].

В 2020–2021 гг. работы на памятнике носили в основном характер археолого-топографических исследований, основным результатом которых стал новый общий план балки Алмалык-дере с нанесенными на него известными и новыми археологическими объектами [Науменко, Набоков, 2022, с. 102–117].

В последние годы наметилась тенденция к републикации накопленных археологических материалов из прежних раскопок интересующей нас группы памятников Мангупа. В.Е. Науменко и А.А. Душенко изданы черепа со следами боевых травм из могильника Южный II [Науменко, Душенко, 2016, с. 106–108]. Опубликованы сохранившиеся монеты из раскопок могильников на южной периферии Мангупа [Науменко, Набоков, Якушечкин, 2021, с. 163–172]. Некоторые вопросы истории и перспектив дальнейших исследований некрополей Южный II и Адым-Чокрак озвучены в докладах на научных конференциях автором настоящей диссертации [Набоков, 2020, с. 55–63; 2023, с. 78–86]. При издании деталей костюма ранневизантийского времени из раскопок Мангупского дворца указывалось на их прямые аналогии среди материалов исследований могильников в округе Мангупа [Науменко, Набоков, 2021, с. 201–210]. В отдельной работе, на основе результатов новейших археолого-топографических исследований, систематизирована информация о границах и характере топографии раннесредневековых некрополей южной периферии Мангупской крепости [Набоков, 2023г, с. 182–203].

Нужно отметить, что на современном этапе исследований материалы раскопок Алмалыкского некрополя активно используются в работах, посвященных истории Крыма в эпоху раннего средневековья [Гавритухин, 2019, с. 295-35; Гавритухин, Казанский, 2018, с. 333–354; Ермолин А.Л, Казанский, 2021, с. 235–252; Казанский, 2021б, с. 131–145; Мастыкова, 2020. с. 272–288; Суханов, 2020. с. 19–20; Филиппенко, Тюрин, Ушаков, 2016. с. 139–151; Храпунов, 2020. с. 247–278; Шабанов, 2015. с. 213–230; Шабанов, 2020, с. 110–134; Яшна, 2018а, с. 8–22; Яшна, 2019, с. 47–59; Lăzărescu, 2019, p. 81–110]. Рубежной в этом смысле является статья в сборнике материалов научной конференции, посвященной могильнику Фронтное 3, в которой подведены итоги работ на Алмалык-дере. Одним из ключевых моментов в ней является разделение времени функционирования некрополя на отдельные хронологические фазы и разработанная типология склепов [Науменко, Герцен, Набоков, 2022, с. 183]. В дальнейшем при детальном рассмотрении отдельных групп материалов, таких как всадническое снаряжение [Набоков, 2023в], стеклянные сосуды [Набоков, 2023д,], архитектура погребальных сооружений [Набоков, 2022; 2023а], в этой схеме развития археологического объекта были сделаны уточнения, но, в любом случае, они основаны на выдвинутых в статье 2022 г. положениях.

Таким образом, в изучении грунтовых раннесредневековых могильников округа Мангупского городища выделяются три основных этапа, отличающиеся интенсивностью и характером полевых работ, уровнем археологической фиксации и объемом введенных в научный оборот материалов раскопок.

Первый этап является своеобразным «открытием» памятников, в ходе которого были сделаны попытки локализации Алмалыкского некрополя и выяснения его хронологии. До работ В.А. Сидоренко в литературе присутствовали лишь краткие упоминания о местонахождении памятника [Веймарн, 1953, с. 420, рис. 2]. Большое значение имеет публикация Е.В. Веймарна 1980 г., где уже точно засвидетельствовано наличие грунтового склепа в этой части округа Мангупа [Веймарн, 1980, с. 27–28]. Археологические работы 1982-1983 гг. под руководством В.А. Сидоренко фиксируют начало полевых раскопок некрополя

Алмалык-дере [Сидоренко, 1984а, с. 329–330]. Открытые им погребения относятся к наиболее позднему этапу функционирования некрополя. Необходимо отметить, что погребальные сооружения раскапывались не полностью, вопросы стратиграфии не изучались, описанию архитектуры склепов уделялось недостаточное внимание. Тогда же у западной окраины с. Ходжа-Сала был открыт Каралезский могильник, вероятно, лишь незначительно уступающий по площади некрополю в балке Алмалык-дере. При этом он остается, на сегодняшний день, наименее изученным среди других однотипных памятников округи Мангупского городища. Также случайно, в ходе террасирования южных склонов Мангупского плато, в конце 1980-х гг. был открыт Южно-Мангупский могильник. Его первоначальные исследования носили ограниченный характер. В целом же вплоть до конца XX в. раннесредневековые некрополи Мангупа оставались известными лишь узкому кругу специалистов.

Второй этап исследований ранних могильников Мангупа связан с активным накоплением археологических материалов, происходившим в основном в связи с тотальным ограблением памятников. Его начало следует связать с открытием Адым-Чокракского могильника в 1995 г. Важной составляющей данного периода является раскопки памятников на широкой площади, что особенно характерно для могильника Алмалык-дере. Для периода 1995-2016 гг. характерно большое количество открытых погребальных комплексов на всех могильниках округи Мангупа. Склепы и подбойные могилы выявлялись, в основном, в грабительских ямах. Полноценные археологические исследования проводились только в отдельных случаях. Непрекращающиеся ограбления не позволяли вести целенаправленные археологические работы, ориентированные на решение задач по установлению хронологии и планиграфии памятников. Тем не менее полевые материалы раскопок становятся более информативными и во многих случаях включают полноценную фиксацию археологических комплексов. В 2013 г. археологические исследования на могильниках округи Мангупа на некоторое время прекращаются. Их отсутствие компенсируется активным введением в научный оборот результатов международного проекта 2006-2008 гг.

Заключительный (современный) этап изучения раннесредневековых могильников Мангупа начинается с публикации в 2016 г. монографии, посвященной изучению Алмалыкского некрополя в 1996-2008 гг. Ее появление способствует привлечению внимания со стороны специалистов в области раннесредневековых древностей Крыма и Восточной Европы. Она же стимулирует к новому этапу раскопок могильника. Уже в 2017 г. были проведены новые археолого-топографические обследования могильников Адым-Чокрак, Южный I и II на южной периферии Мангупа. Возобновление раскопок некрополя Южный II в 2018 г. напрямую связано с необходимостью уточнения его южной границы. Суммарно на территории могильников Южный I и Южный II, которые, вероятнее всего, являются двумя сепаратными частями одного Южно-Мангупского некрополя, полностью исследованы 26 склепов и 6 подбойных могил. Для сравнения, на территории Адым-Чокракском некрополе в 1995 и 1999 гг. всего раскопаны 14 склепов. Раскопки 2019 и 2022 гг. могильника Алмалык-дере позволили выявить уникальный для Крыма археологический объект – курганный комплекс с кольцевой каменной кладкой и ровиком. Благодаря археолого-топографическим исследованиям 2020–2021 гг. в балке Алмалык-дере, включавшим, в том числе, инструментальную съемку территории одноименного могильника, локализованы ряд объектов, скорее всего, являющихся курганными насыпями. Кроме того, уточнены топография и планиграфия памятника. Сейчас на территории некрополя Алмалык-дере исследованы 82 склепа, 27 подбойных могил, 4 могилы с заплечиками, 1 простая грунтовая могила, 1 Т-образная могила (катакомба), 4 конских погребения и 1 кремация.

На сегодняшний день, в истории и археологии раннесредневековых некрополей Мангупа наиболее дискуссионным остается вопрос времени и обстоятельств возникновения Алмалыкского могильника. Существуют две основные гипотезы для решения этой научной проблемы. М. Мончыньска предполагает, что некрополь, наряду с Красномакским могильником, основан готами и аланами во второй половине IV в., то есть еще до вторжения гуннов в Крым [Maćczyńska und andere, 2016, s. 19]. Этой точки зрения в целом

придерживается И.Н. Храпунов [Храпунов, 2017, с. 55], предполагая, что некрополь Алмалык-дере возник в результате миграций населения Горного Крыма внутри региона [Храпунов, 2016, с. 118–134] и относя его к числу наиболее поздних памятников Нейзацкой археологической культуры [Храпунов, 2019, с. 32–49]. А.А. Волошинов и В.В. Масыкин включают Алмалыкский могильник в число некрополей, связанных с миграцией населения Центрального Крыма в горы в ходе нашествия гуннов [Волошинов, Масыкин, 2016, с. 120]. Первое появление гуннов в Крыму обычно связывают с их вторжением в Северное Причерноморье в 375 г. [Шаров, 2019, с. 25], но, основываясь на хронологии захоронений кочевников на полуострове, А.И. Айбабин считает, что гунны фиксируются здесь лишь с рубежа IV–V вв. При этом кочевники активно начинают выпасать скот в степных и предгорных районах Крымского полуострова [Айбабин, 2019, с. 51], что становится причиной миграции местного населения в горы. Изначально А.И. Айбабин полагал, что могильник Алмалык-дере был основан только в V в. аланами и германцами [Айбабин, 1999, с. 36, 61, 82, рис. 121]. На данный момент более объективной датой переселения алан из захваченных гуннами равнин и предгорий вглубь горной части Крыма исследователь считает рубеж IV–V вв., включая Алмалыкский могильник в число памятников, возникших в это время [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 104]. Вследствие подобных разночтений, вполне обоснованным выглядит более осторожная и широкая датировка времени возникновения некрополя Алмалык-дере в пределах второй половины/конца IV в. [Науменко, Герцен, Набоков, 2022, с. 186, 188]. Для окончательного решения этого вопроса необходимы новые археологические исследования памятника. Как бы то ни было, некрополь в балке Алмалык-дере занимает центральное место при изучении раннесредневековых погребальных памятников округа Мангупского городища (рис. 18).

1.4. Состояние источниковой базы исследования

Остановимся на нескольких важных моментах, характеризующих состояние современной источниковой базы диссертационного исследования. Наиболее

сложной проблемой, влияющей на всестороннее изучение раннесредневековых некрополей Мангупа, является их крайне высокая степень ограбления. Как уже упоминалось, зафиксированы две основные волны разграбления памятников – в древности и в конце XX – начале XXI вв. В ходе археологических работ выяснилось, что древнее ограбление производилось через входные ямы, в заполнениях которых прослежены грабительские лазы, заполненные натечным грунтом (рис. 19). В ряде случаев такой лаз мог быть засыпан. В древности следы погребальных сооружений были еще видны на уровне дневной поверхности. Это позволяло грабителям точно определять место входных ям и прокапывать лаз через их засыпь, которая была менее плотной, нежели материковый грунт.

При попадании в погребальную камеру грабители зачастую изымали вещи из ценных металлов, в некоторых случаях не особо тревожа погребения. В ограбленных в древности склепах иногда фиксируются кости и фрагменты скелетов в положении *in situ*. Часть погребального инвентаря, представленного керамическими изделиями, бусами, предметами из железа, оставалась не тронутой. Большое количество обувных пряжек, обнаруженных при раскопках, свидетельствует о том, что внимание грабителей было сосредоточено на верхней части костяков, где находились украшения, фибулы и поясная гарнитура. Это подтверждается также и тем, что в сохранившихся погребениях, ограбленных в древности, смещенными, чаще всего, оказывались черепа, кости грудного отдела и, реже, кисти рук.

Древнее ограбление могильников Мангупа, вероятно, произошло в IX–X вв. Такая датировка может быть связана с находкой в одном из ограбленных склепов Алмалык-дере фрагмента стенки «причерноморской» амфоры с закопченной внутренней поверхностью. Такие сосуды были распространены во второй половине VIII – первой половине X вв. [Науменко, 2020, с. 400]. С учетом того, что находки этого типа амфор на могильнике единичны, а его верхняя хронологическая граница на данный момент не выходит за первую половину VIII в., вероятно, данный фрагмент попал в склеп в качестве импровизированного светильника.

Предположительно, с древним разграблением могильников округа Мангупа связан так называемый Тешкли-бурунского клад на территории самого городища, в состав которого входили золотые украшения второй половины VI – первой половины VII в., выполненные из одной пробы (рис. 20) [Хайрединова, 2017а, с. 76]. Клад обнаружен в 1978 г. во время раскопок цитадели на мысе Тешкли-бурун, в горизонте второй половины X – начала XI вв., и происходил, скорее всего, из одного из раннесредневековых некрополей округа крепости [Герцен, 1980, с. 262].

До массового разграбления могильников Мангупа в конце XX – начале XXI вв. в ходе раскопок зафиксированы лишь единичные такого рода случаи. На это указывает замечание Е.В. Веймарна о «вскрытом склепе» в балке Алмалык-дере [Веймарн, 1980, с. 27–28]. Другой пример – раскопки могильника в 1982 г., когда был обнаружен еще один грабительский лаз [Сидоренко, 1984, с. 1–2]. Часть склепов, ограбленных в древности, сейчас фиксируются в виде просадок грунта.

В период ограблений конца XX – начала XXI вв. заполнение погребальных сооружений перебиралось полностью внутри камер, либо извлекалось на поверхность, где дополнительно проверялось на предмет находок. При ограблении часто использовался металлический шуп. С его помощью производился поиск пустот в грунте, после нахождения которых пробивалась небольшая по размерам грабительская вертикальная шахта (рис. 21). С помощью шупа происходило «зондирование» стен камер склепов на наличие пустот рядом (рис. 22). Ввиду этого в ряде случаев зафиксировано разорение нескольких расположенных рядом склепов. Необходимо отметить, что после таких ограблений оставалось еще меньше вещей, так как эффективность «работы» злоумышленников увеличилась благодаря их оснащению металлодетекторами. Изымался практически весь инвентарь, включая бусы, керамику, изделия из черных металлов. В некоторых комплексах отсутствовал даже антропологический материал, а человеческие кости находились в отвалах вокруг грабительских ям.

К 1999 г. разорение могильников на южной периферии Мангупа практически прекратилось, и основным объектом ограблений становится с этого времени некрополь в балке Алмалык-дере. Это происходит по следующим причинам. Во-

первых, из-за большого количества богатых погребений с инвентарем из цветных металлов. Во-вторых, потому что Южно-Мангупский и Адым-Чокракский могильники рассматривались, как уже полностью разграбленные. Как показывают дальнейшие археологические исследования, это заключение выглядит особенно актуальным для некрополя Адым-Чокрак, где была разорена почти вся площадь памятника (рис. 23). На территории же Алмалык-дере и сейчас фиксируются нетронутые или слабо ограбленные участки, а также большое количество грунтовых просадок.

Соотнести обнаруженный в ходе раскопок погребальных сооружений некрополей округа Мангупа инвентарь с отдельными индивидами практически не представляется возможным, что не раз отмечалось исследователями [Bemmann und undere, 2013, s. 147–148, 150–153; 2013a, s. VII, 3, 16; Maćzyńska und undere, 2016, s. 14, 16]. Это наиболее критично для определения хронологии, изучения погребального обряда и реконструкции костюма населения, оставившего памятники. Из 537 известных погребальных комплексов, суммарно зафиксированных на всех изучаемых могильниках, лишь 198 исследованы с помощью стандартной археологической методики, включающей графическую фиксацию. Из примерно 520 погребенных, выявленных на всех некрополях Мангупа, лишь 52 погребения сохранились *in situ* более чем на половину. Точное количество погребенных, ввиду наличия полностью разрушенных грабителями комплексов и неполной выборки антропологических материалов из комплексов, определить сейчас не представляется возможным.

На сегодняшний день, накоплена большая база антропологических материалов, но, к сожалению, степень их изученности неравномерна. Если для могильников южной периферии Мангупа в археологических отчетах присутствуют разделы, посвященные этим исследованиям [Пономарев, Смирнов, 1996, с. 51–72; Пономарев, Смирнов, 1998 С. 75–96; Радочин, 2019, с. 307–309], то могильник в балке Алмалык-дере в этом смысле наименее изучен. Специальные антропологические разделы приведены лишь в отчетах за 1999, 2005 и 2019 гг. [Пономарев, 2000, с. 47–52; Герцен, 2005, с. 63–67; Радочин, 2020. с. 316–320]. В

основном наиболее информативные выводы сделаны относительно половозрастной градации, патологий и количества погребенных. В ходе международного проекта при участии антропологов из Майнца в 2006-2008 гг. изучены 15 индивидов [Jacobi F. und undere, 2013, s. 344]. Плохая сохранность погребений на Алмалыкском некрополе привела к тому, что основной фонд костных останков, имеющийся на сегодняшний день, представлен черепами. Вследствие этого в ходе проекта РГНФ «Население Дороса–Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв. н.э.)» в 2015–2017 гг. исследовался только краниологический материал. Обмерены 75 черепов из Алмалыкского могильника, 21 череп из некрополя Адым-Чокрак и 4 черепа из могильника Южный II. Изучена традиция деформации черепов, проведены изотопные исследования и реконструкция внешности для 8 индивидов [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 182–183, 209, 227–229, 234].

Пожалуй, главной проблемой изучения антропологических материалов раннесредневековых некрополей Мангупа является их обособленность относительно информации о топографии памятников и структуре вещевого комплекса находок. Единственной работой, в которой одновременно рассматриваются антропологические и вещественные находки, остается статья, посвященная погребальному инвентарю из склепов и черепам с боевыми травмами из некрополя Южный II [Науменко, Душенко, 2016, с. 106–108].

Определенные проблемы связаны также с фиксацией погребальных сооружений на Алмалыкском могильнике. Несмотря на то, что общая сквозная нумерация сооружений здесь ведется с 1996 г., для участков исследований 2001–2002 гг. была введена отдельная нумерация. Таким образом, в публикациях материалов могильника появились склепы с одинаковыми номерами: №№ 2/1996, 2/2001 и 2/2002. Также стоит отметить склеп № 56, открытый в 1996 г., где обнаружен вырезанный над входом крест. Однако, согласно отчету 1997 г., под № 56 раскопано другое погребальное сооружение, уже без христианской символики. Склеп с крестом был доследован в 2000 г. под старым номером, вследствие чего в

списке погребальных сооружений Алмалыкского могильника имеются склепы № 56/1997 и № 56/2000. При составлении коллективной монографии 2016 г. допущена ошибка, и эти склепы были совмещены, ввиду чего на архитектурных разрезах и таблицах материалов оказались чертежи разных комплексов.

Несмотря на то, что список склепов и подбойных могил включает, соответственно, 208 и 45 номеров, полностью изученными являются только 81 склеп и 27 подбойных могил. Это связано с включением в общий перечень погребальных сооружений, выявленных как в грабительских ямах, так и исследованных полностью. Подобная ситуация наблюдается также на Адым-Чокракском могильнике. Такого рода сложности и неточности связаны с охранно-спасательным характером археологических исследований памятников, проводившихся в период их массового ограбления.

1.5. Топография могильников округа Мангупа

При определении границ распространения погребальных сооружений, памятники, подобные грунтовым кладбищам, являются объектами особой сложности [Михеев, 2017, с. 320]. Могильники практически не имеют видимых признаков на современной поверхности, и проведение археологических шурфовок на их территории нецелесообразно ввиду отсутствия выраженного культурного слоя, возможности повреждения погребальных комплексов или вскрытия площади, расположенной между объектами. В таком случае определение предполагаемых границ некрополей может быть осуществлено только в ходе археолого-топографических исследований.

Следует признать, что наиболее точным маркером распространения погребальных сооружений в большинстве случаев являются видимые следы ограблений. Территория всех могильников округа Мангупа в основном определена в процессе картографирования грабительских ям. В различной степени эти данные дополняются наблюдениями за особенностями рельефа местности – склонами, балками, выходами скальной породы и т.п. Для уточнения границ и выявления

неограбленных участков важно картографирование просадок грунта, образованных над обрушенными камерами погребальных сооружений.

После уточнения размеров памятников становится возможным изучение внутренней планировки погребальных сооружений и топографии, уже как особенности распространения отдельных составляющих могильника: вещевого материала, ориентации погребенных, наличия трисн и т.д. Изучение связи топографии и хронологии предметов может позволить выявить концентрацию погребальных сооружений для определенного исторического периода.

Перед описанием топографической ситуации на рассматриваемых в диссертации памятниках необходимо уделить внимание природно-географической характеристике района исследований. Мангупское городище расположено на изолированном горном плато высотой около 600 м над уровнем моря и площадью до 90 га. Возвышенность со всех сторон ограничена вертикальными скальными обрывами глубиной от 30–40 м до 70 м на его юго-западном склоне. Северная часть Мангупского плато образована четырьмя мысами (Тешкли-бурун, Елли-бурун, Чуфут-Чарган-бурун, Чамну-бурун), между которыми располагаются три ущелья (Капу-дере, Гамам-дере, Табана-дере) [Герцен, Науменко, 2015, с. 88].

С западной стороны плато ограничено ущельем Урауз-дере, переходящим в Каралезскую балку на севере. Также к северу расположен массив Чердаклы-баир, отделенный от Мангупа балкой Джан-дере. С востока к Мангупскому плато примыкает балка Алмалык-дере, образованная восточной частью его подножия, холмом Мазар-тепе и безымянным хребтом. Здесь проходит трасса грунтовой дороги, ведущей на плато из сел Ходжа-сала и Ново-Ульяновка, которая выходит в Адым-Чокракскую долину, ограничивающую Мангуп с юга (рис. 24). Последняя отделена цепью горных вершин (Ак-Яр, Орта-Сырт, Илька, Кая-Баш и Бабулган) от соседних Бельбекской, Байдарской и Ай-Тодорской долин. Склоны возвышенностей и балок обильно облесены, за исключением участков с осыпями и обрывами. Часть склонов террасирована под посадки сосны. Ввиду особенностей распределения необходимых для роста растений почв, лесной покров постепенно редет вверх по склону, особенно с северо-восточной и юго-восточной сторон

Мангупского плато. Выше, на крутых участках склона, расположены многочисленные мергелевые осыпи, которые затем вновь сменяются кустарниковой растительностью и небольшими деревьями.

В геологическом строении останца Мангупа принимали участие верхнемеловые и палеогеновые осадочные породы, в балках округи и на присклоновых частях отвесных обрывов локализуются четвертичные отложения мощностью до 15 м [Кузнецов, 2022, с. 80]. Именно в четвертичных делювиальных суглинках, образованных в процессе выветривания, осыпания и плоскостных смывов, вырубались погребальные сооружения раннесредневековых некрополей Мангупского городища [Тимохина, Климчук, Амеличев, 2012, с. 41].

1.5.1. Топография Алмалыкского могильника

Точная локализация Каралезского и Алмалыкского могильников приведена на ситуационной карте округи Мангупа 1983-1984 гг., составленной во время исследований В.А. Сидоренко (рис. 25). Для удобства формирования новых раскопов в балке Алмалык-дере известная на тот момент территория могильника была поделена на квадраты размерами 10,0 x 10,0 м; при помощи теодолита точно локализованы раскопы 1982 и 1983 гг. (рис. 26). Планируемая топографическая съемка памятника так и не была выполнена. При возобновлении работ на некрополе в 1996 г. составлялись только глазомерные планы зон ограбления. В дальнейшем создавались планы-схемы исследованных участков, где указывалось местоположение раскопов относительно друг друга (рис. 27).

Лишь в 2006 г. в ходе международного исследовательского проекта на территории балки Алмалык-дере вновь были проведены топографические работы. При помощи спутниковой навигации (GNSS-станции) создана сеть реперных отметок, привязанных к мировой системе координат. Благодаря чему были точно зафиксированы границы раскопов с контурами изученных погребальных сооружений [Maćzyńska und andere, 2016, s. 183–197]. Топографическая подоснова карт являлась общей и не учитывала особенности микрорельефа местности (рис. 28). С 2011 г. для фиксации и локализации погребальных комплексов начинает

применяться методика фотограмметрии. В археологическом отчете 2012 г. территория могильника с указанием места работ была впервые обозначена на спутниковом снимке местности (рис. 29) [Герцен, Иванова, Лукин, 2013, рис. 32]. В 2019 г. после визуальных разведок на памятнике и определения его границ к археологическому отчету приложен составной план раскопов и комплексов 2006 г. с уточненным местоположением новых участков и границами некрополя (рис. 30) [Герцен, 2023, рис. 284]. В 2020–2021 гг. была проведена топографическая съемка западной части балки Алмалык-дере площадью около 32 га, по итогам которой составлен подробный план местности (рис. 31). Благодаря этим работам локализованы уже известные и новые курганные насыпи, уточнены особенности рельефа на памятнике. Кроме этого, картографированы ранее неучтенные участки с грабительскими ямами и просадками грунта к югу от известной территории могильника, прослежена трасса предполагаемой раннесредневековой дороги вдоль восточной части могильника, выходящей через верховья балки Алмалык-дере в районе Мазар-тепе на современную дорогу на Мангупское плато. Здесь же выявлены следы средневекового поселения – искусственные террасы и скопления подъемного материала [Науменко, Набоков, 2022, с. 102–117]. Таким образом, на данный момент мы имеем достаточно полную картину топографических особенностей Алмалыкского некрополя.

Могильник располагается в северной части сильно облесенной балки Алмалык-дере на высоте 320–380 м над уровнем моря. Памятник локализуется на территории относительно пологой природной террасы, которая является нижней частью северо-восточного склона г. Мангуп (рис. 32-33). Ее протяженность составляет примерно 600 м (по оси север-юг), ширина в северной части около 50 м, в южном направлении она расширяется до 200 м. Терраса ограничивается с севера небольшим отрогом склона, за которым располагается балка Джан-дере. Ее восточная граница представлена природной ступенью – окончанием террасы (рис. 34), переходящей в тальвег балки Алмалык-дере, по которой проходит грунтовая дорога, ведущая в Адым-Чокракскую долину и на Мангупское городище. С запада терраса ограничена более крутым склоном, на котором фиксируются выходы и

осыпи мергелевой породы. Южная граница террасы практически не выражена на местности, плавно переходя в юго-восточной склон Мангупа и тальвег Алмалык-дере. Размеры некрополя практически совпадают с размерами описанной террасы, за исключением южной части. Здесь он расширяется примерно до 220 м, судя по расстоянию между крайними восточными и западными грабительскими ямами. Общая известная площадь некрополя сейчас составляет около 7,0 га [Науменко, Герцен, Набоков, 2022, с. 185]. Стоит отметить, что ранее она определялась до 6,0 га [Герцен, 2001б, с. 12].

На территории могильника выделяются три топографических участка. Первый (Северный) локализуется в пределах полосы шириной около 50–75 м вдоль перехода природной террасы в тальвег балки Алмалык-дере. В его южной части фиксируется наибольшее количество ограбленных комплексов, что связано с небольшой глубиной погребальных сооружений. Второй участок (Центральный) выделен в наиболее широкой части некрополя. Его длина составляет приблизительно 300 м, ширина не более 150 м. С востока он ограничен слабо выраженной, почти расплывшейся природной ступенью, с запада – началом крутого склона Мангупского плато, с севера – почти затянутой широкой промоиной (микробалкой), за которой признаки погребальных сооружений отсутствуют. Третий участок некрополя шириной 30–40 м и длиной около 200 м локализуется на набирающем крутизну склоне Мангупа. С севера и юга он ограничен микробалками, с запада – выходами осыпей мергеля. В пределах участка фиксируется большое количество грабительских.

На территории некрополя выявлены шесть курганов, из которых в рельефе фиксируются три (№№1, 3, 6)². Курган № 1, наиболее выраженный на местности, расположен в северной части могильника у края природной террасы. Полусферическая земляная насыпь с включением камней в нижней и средних частях имеет высоту около 2,0 м, диаметр около 23 м (рис. 35). Курган № 4 расположен в южной части центрального участка некрополя. Он представляет

---

² Курганы №№ 2, 4, 5 выявлены при археологических исследованиях. Их описание будет представлено в главе, посвященной погребальным сооружениям.

собой плоскую насыпь диаметром около 32 м, максимальной высотой от восточной полы до вершины около 1 м (рис. 36). В восточной части Южного участка некрополя расположен курган № 6, представляющий собой линзовидную насыпь диаметром около 26 м, высотой в среднем около 1,5 м. С западной стороны объекта имеется грабительская яма, где зафиксирована каменная конструкция, предположительно, остатки кольцевой кладки-кромлеха (рис. 37).

Ряд объектов, выраженных в рельефе, на данный момент сложно точно интерпретировать. Первая рельефная аномалия расположена в центральной части могильника, у края упоминаемой выше природной ступени. Она представляет собой слабо выраженную насыпь № 1 с обильным выходом камня; ее диаметр около 12,0 м, высота 0,15–0,25 м (рис. 38). Также два локальных возвышения рельефа в форме вытянутого овала зафиксированы в южной части некрополя. Это хорошо различимые насыпи №№ 2 и 3 длиной около 15,0 и 20,0 м, высотой 0,40 и 0,80 м, шириной 4,0 и 6,0 м, соответственно (рис. 39-40).

На вытянутую форму Алмалыкского некрополя, кроме топографии местности, предположительно, могла повлиять проходящая здесь древняя дорога. Ее трасса проложена по тальвегу балки и, скорее всего, частично совпадала с трассой современной автомобильной дороги. Также, судя по расположению предполагаемых курганов, эти насыпи могли составлять цепочку видимых объектов вдоль западной стороны дороги (рис. 41). На северном склоне холма Мазар-тепе фиксируется участок древнего подъема на Мангупское плато (рис. 42, 1). Он представляет собой 300-метровую ровную полосу шириной около 3–4 м, прорезающую склон и практически смыкающуюся с современной автомобильной дорогой на Мангуп в верхней части возвышенности. Данный участок очень пологий, набор высоты составляет 10 м на 100 м пути под углом примерно в 5–6°. Часть дороги скрыта натечным грунтом и произрастающими на ней деревьями, но внешний край хорошо заметен, особенно на фоне крутого склона (рис. 42, 2).

1.5.2. Топография Южно-Мангупского могильника

Практически с самого начала раскопок на могильниках Южный I и Южный II исследователями было высказано предположение о том, что данные памятники являются двумя сепаратными частями одного некрополя (рис. 43). Эта гипотеза впервые была озвучена при раскопках могильника Южный I в 1997 г. [Герцен, 1998, л. 19] и позднее неоднократно повторялась в публикациях [Bemmann und andere, 2013, S. 151; Bemmann und andere, 2013a, s. 9; Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 39; Герцен и др., 2019, с. 82; Набоков, 2020, с. 56; Науменко, Набоков, Якушечкин, 2021, с. 163.]. Только после топографических исследований в последние годы она нашла подтверждение при изучении рельефа местности [Набоков, 2023г, с. 184].

Южно-Мангупский могильник состоит из двух частей, разделенных неглубокой балкой шириной около 50 м и отделяющей основной массив южного склона Мангупа от пологого хребта, выдающегося более чем на 150 м в пахотное поле относительно подошвы плато (рис. 44-45). По тальвегу балки проходит заброшенная пешеходная тропа, проложенная по срезанному бульдозером створу «трассы», ведущей вверх по склону. С западной стороны от «трассы бульдозера» отходит 13 террас под посадку сосны, из них семь нижних (коротких) террас ограничены шириной балки. Шесть верхних террас уже полностью перерезают склон Мангупа в длину до 200–270 м в западном направлении.

В северной части упомянутого отрога, на высоте около 375–390 м над уровнем моря, расположен Восточный участок могильника (бывший некрополь Южный II). Он занимает полосу в верхней части хребта длиной 150 м и шириной до 30 м. С севера некрополь ограничен резким подъемом рельефа и началом мергелевой осыпи, с востока – действующей тропой, ведущей по вымоине, образовавшейся во время стока дождевых вод, с запада – крутым склоном, резко падающим в упомянутую выше балку. Южная граница памятника определена по окончанию зоны распространения грабительских шурфов и просадок грунта.

Западный участок могильника локализуется на террасированном склоне Мангупа шириной около 125 м и длиной 50 м, расположенном на высоте 360–370 м над уровнем моря. Если учитывать местоположение склепа, осмотренного в 1986

г., можно предположить, что западная часть некрополя выходит за пределы лесной растительности. При этом ширина памятника по оси север-юг будет составлять не менее 100 м. К сожалению, на данный момент участок со «склепом 1986 г.» сильно запыл грунтом. Без археологических работ уверенно расширить границы могильника в южном направлении не представляется возможным. Западный участок расположен на пологом склоне, который пересекают шесть террас шириной 3–4 м. Его северной границей является шестая снизу терраса, в срезе которой фиксируется большое количество скальной крошки, что свидетельствует о близости мергелевой породы. К западной границе распространения грабительских ям примыкает микробалка, через которую также проходят террасы, в которых фиксируется скальная крошка. Восточная граница представлена падением рельефа в балку, разделяющую участки могильника. Южная граница некрополя сейчас определяется грабительскими шурфами, выявленными только в облесенной части склона.

В ходе современных обследований Южно-Мангупского могильника был выявлен фрагмент трассы древней дороги, ведущей вверх по склону вдоль его восточной границы. На местности она фиксируется как полоса шириной около 3,0–3,5 м (рис. 46-47). По-видимому, обнаруженный подъем являлся ответвлением пути, ведущего через Адым-Чокракскую долину. Сейчас начало дороги удастся зафиксировать только у подножия отрога, на котором расположен Восточный участок некрополя. Недалеко от раскопа 1996 г. створ дороги смыкается с современной пешеходной тропой и в дальнейшем не прослеживается.

1.5.3. Топография Адым-Чокракского могильника

Наиболее отдаленный от Мангупа Адым-Чокракский могильник локализуется на высоте около 320–340 м над уровнем моря на северо-восточном склоне г. Белая (высота 396, Байрам-Тепе), расположенной у южной границы Адым-Чокракской долины (рис. 48). Подошва склона горы упирается в высохшее русло реки Кара-Ильяс, с востока и северо-востока переходя в пологое поле (рис. 49). Территория могильника ограничена нижней частью склона возвышенности,

поросшей лесом и кустарником. При осмотрах 2017 г. следов погребальных сооружений (грабительских ям, просадок и провалов грунта) на подступающем с востока и северо-востока поле не выявлено. Склон возвышенности террасирован, ширина террас составляет в среднем 3–4 м.

Нижняя терраса I проходит у границы леса и поля. Здесь находилось кизил-кобинское поселение, следы которого представлены находками лепной керамики и изделиями из кремня. Терраса II расположена на 10–15 м выше, примерно посередине могильника. Она имеет ответвление, условно названное в отчете 1995 г. террасой II–а. Выше, примерно в 10 м, находится терраса III. В ее пределах заложены два археологических раскопа 1995 г. – объединенные квадраты А и Б и квадрат В. Выше террасы IV, которая является ответвлением террасы III, обнаружены крайние следы ограбления памятника. На юге могильник заканчивается у террасы V, которая является границей археологического памятника. В ее срезе повсеместно встречаются выходы мергелевой крошки, свидетельствующей о близости скальной породы. Вырубка погребальных сооружений здесь невозможна. Восточная и западная границы могильника определяются по крайним грабительским ямам. Северная граница представляет собой переход склона в Адым-Чокракскую долину. Ввиду антропогенного воздействия, изначальный рельеф северо-восточного склона г. Белая сильно отличался от современного состояния. Изначально склон был пологим и плавно понижался к юго-западу и северо-востоку, благодаря чему и был выбран для размещения здесь некрополя. Предполагаемая площадь некрополя Адым-Чокрак составляет около 0,6 га и охватывает территорию размерами около 180 x 60 м. Количество видимых грабительских шурфов на памятнике достигает 219 единиц. Их значительная часть совпадает с местоположением как исследованных, так и осмотренных сотрудниками Мангупской экспедиции погребальных сооружений.

Впервые инструментальная съемка памятника была проведена в 1995 г. Она включала в себя известную на тот момент территорию могильника с нанесением грабительских ям и раскопов (рис. 50). После визуального осмотра памятника в 2017 г., был составлен схематичный план со следами ограбления, появившимися

после 1995 г. (рис. 51). Топо съемка 2023 г. позволила уточнить и дополнить план 2018 г. террасами, просадками и более подробным рельефом местности (рис. 52).

1.5.4. Топография Каралезского могильника

Каралезский некрополь расположен в нижней части юго-восточного склона горного массива Чердаклы-баир, на стыке балок Джан-дере и Каралез, на высоте около 235–255 м над уровнем моря (рис. 53-54). Впервые территория могильника была локализована в отчетных материалах 1984 г. на общем плане округа Мангупа. В ходе работ В.А. Сидоренко составлен топографический план, включавший местоположение объектов исследований 1984–1985 гг., на котором указаны места раскопов и исследованных погребальных сооружений (рис. 55). На выделенном участке склона зафиксированы просадки грунта и немногочисленные грабительские шурфы, которые видны и сейчас, благодаря чему можно установить предполагаемые границы некрополя (рис. 56).

Предполагаемая длина могильника составляет около 600 м, ширина в среднем около 120–130 м. Возможно, некрополь мог продолжаться и выше по склону, где рельеф местности сохраняет относительную пологость. Без проведения археологических работ, подтверждающих наличие либо отсутствие здесь погребальных комплексов, памятник, на сегодняшний день, стоит локализовать в пределах длинной полосы пологой части западного склона г. Чердаклы-баир, перед падением рельефа в тальвег балки Каралез.

Южная часть некрополя отделена небольшой балкой Корув-дере или Кильсе-дере. Возможно, южная граница некрополя на данный момент частично находится под застройкой с. Ходжа-сала, что не позволяет определить точную границу памятника в этом направлении. Западная граница представлена переходом склона возвышенности в тальвег Каралезской долины. Восточная граница некрополя зависит от изменения крутизны склона. За пределами археологических раскопов 1985 г., примерно через 20–30 м к северу, фиксируются просадки и грабительские шурфы. Согласно отчету 1984 г., на плане северо-восточной округа Мангупа граница могильника продлевалась в северном направлении примерно на 150 м. К

северу балка Каралез начинает заметно сужаться, при этом ее склоны приобретают большой уклон, ввиду чего вырубка здесь погребальных комплексов была нецелесообразной. Следует отметить, что примерно в 40 м к северу от границы некрополя расположена средневековая оборонительная стена. На данный момент точной датировки фортификационного узла и могильника у с. Ходжа-сала не существует. Проведенные исследования В.А. Сидоренко позволяют говорить о единовременном сосуществовании данных памятников, по крайней мере, с середины VI в. [Сидоренко, 1991, с. 114–115].

Каралезский некрополь не сильно пострадал от современного ограбления, по сравнению с другими могильниками округа Мангупа. Раскопки показали, что большинство погребальных сооружений ограблены в древности. Кроме того, на данном участке юго-западного склона г. Чердаклы-баир располагался русский лагерь времени Крымской войны 1853–1856 гг. [Герцен А.Г. и др., 2023, с. 81], следы которого обнаружены в юго-восточной части могильника. Вероятно, часть погребальных комплексов могла быть повреждена еще и в середине XIX в.

В целом расположение могильников округа Мангупа относительно рельефа местности следует некоторым закономерностям. Это, прежде всего, крутизна склонов и их переход в равнинную часть местности или тальвег балок. Некрополи старались размещать в нижней части склонов, расположенных под углом 8–16° перед началом выравнивания рельефа (рис. 57–59). Вероятно, это связано с особенностями вырубки грунтовых склепов, ориентированных своей входной ямой по оси понижения рельефа. Относительно острый угол подъема поверхности позволял выкапывать менее глубокие входные ямы, чем на более ровной местности; слишком сильная крутизна участков затрудняла бы как работы по созданию сооружения, так и перенос погребенных вовнутрь склепа.

Также важным элементом является наличие достаточного горизонта плотной глины, позволявшего вырубить камеру склепа. В данном случае участки с близкими выходами скалы трудоемки для создания погребальных сооружений. Это предположение подтверждается отсутствием склепов на верхних участках склонов Мангупа, где мергелевые породы или осыпи расположены не глубоко.

Местоположение некрополей округа Мангупа не отличается от большинства однотипных памятников Юго-Западного Крыма, которые располагались на пологой части склонов возвышенностей [Репников, 1906, с. 1; Репников, 1932, с. 153; Кропоткин, 1965, с. 108; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 3; Турова, Черныш, 2015, с. 133; Айбабин, Хайрединова, 2016, с. 135].

ГЛАВА 2. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ НЕКРОПОЛЕЙ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА

2.1. Склепы

Появление так называемых Т-образных склепов³ в Крыму обычно связывается с сармато-аланами [Айбабин, 1987, с. 164, 167; Пиоро, 1990, с. 138–139; Пуздровский, 1994, с. 118–119; Ушаков, 2010, с. 69.] либо с северокавказскими аланами [Мульд, 1996, с. 286; Высотская, 1997, с. 262, 271; Айбабин, 1999, с. 22; Храпунов, 2004, с. 138–139; Айбабин, 2022, с. 33, 35]. Несмотря на принятие аланской традиции использования подобных сооружений в крымской историографии, на современном этапе у этой гипотезы имеются оппоненты [Мошкова, 1999, с. 195–197; Казарницкий, Строков, 2022, с. 156–163; Семенов, 2017, с. 61.]. Вопрос появления Т-образных склепов на могильниках позднеримского и ранневизантийского времени в Крыму остается сложным, что не раз отмечалась исследователями [Юрочкин, 2002, с. 133–134; Храпунов, 2018, с. 136; Волошинов, Масыкин, 2021, с. 76–77; Зайцев, 2022, с. 92–93].

Выделением отдельных типов погребальных сооружений IV–IX вв. на грунтовых могильниках Крыма неоднократно занимался А.И. Айбабин. Склепы им разделены на 5 вариантов, отличающиеся по длине входной ямы, форме погребальной камеры и наличию полочек и ступенек [Айбабин, 1987, с. 188–193, рис. 9, 10]. Более поздние склепы VIII – IX вв. схожи с большинством вариантов (2–5) второй половины IV – первой половины VII вв. [Айбабин, 1993, с. 127]. Позднее исследователь сократил количество вариантов до трех: 1) Т-образные в плане, состоящие из входной ямы, узкого входного коридора и камеры; 2) с такой же входной ямой и входом, с прямоугольной в плане камерой с лежанками в боковых стенах; 3) с короткой и широкой входной ямой со ступеньками и камерой такой же ширины (рис. 60) [Айбабин, 1999, с. 18–23, рис. 5–7].

---

³ Термин «склеп», по сложившейся историографической традиции, относится к памятникам Крыма, тогда как конструктивно схожие погребальные сооружения Северного Кавказа обычно называют катакомбами.

В.Ю. Юрочкин представил типологию склепов могильников группы «Озерное-Инкерман» (Центральной и Юго-Западный Крым), взяв за основу форму их погребальной камеры. У типа I она прямоугольная, вытянутая, поперечно-осевая по отношению ко входной яме, тип II имеет камеры, тип III – трапециевидные камеры, тип IV – прямоугольно-вытянутые в оси со входной ямой. Вариации в рамках типа определяются длиной коридорчика-дромоса между входной ямой и погребальной камерой. Склепы выделенных типов появляются на рубеже первой – второй четверти IV в. и продолжают использоваться до последней четверти IV в. (рис. 61, 1) [Юрочкин, 2002, с. 129–131, рис. 1].

Дробную типологию погребальных сооружений второй половины III – первой половины VI вв. разработал С.В. Ушаков, разделив склепы на три типа с вариантами и подвариантами: I (1, 2, 3, 4а, 4б, 4в, 4г), II (1, 2, 3), III (1, 2). Первый тип выделен по входной яме, которая была длиннее либо соответствовала длине камеры; форма последней являлась основой для выделения вариантов. Второй тип включает в себя склепы с короткой входной ямой. Третий тип представлен склепами с очень коротким дромосом, вырубленным в скале (рис. 61, 1) [Ушаков, 1999, с. 235–237].

С.А. Мульд при анализе варварских могильников Крыма, без выделения типов склепов, представил распространенные вариации конструктивных деталей (ступенек, ниш, форм камер и входов), встречающихся во входных ямах и погребальных камерах [Мульд, 1996, с. 284, рис. 6б] (рис. 62, 2).

В остальных случаях типология склепов грунтовых могильников Крыма разрабатывалась в рамках отдельных памятников (рис. 61, 3-4) [Омелькова, 1990, с. 74, 81; Высотская, 1997, рис. 1; Ушаков, 2010а, с. 64–67, рис. 3б] или указывалось на разнообразные вариации типов погребальных сооружений в целом (рис. 62, 2-3) [Пиоро, 1990, с. 138, рис. 3б; Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 41–42, рис. 34]. К настоящему времени, единая и устоявшаяся типология грунтовых склепов на территории полуострова отсутствует. Существующие типологические схемы в основном носят вспомогательный характер, а корреляция погребального инвентаря и элементов обряда с отдельными типами склепов никогда не проводилась.

На территории могильников округа Мангупа археологически исследованы 130 склепов; наибольшее их количество (82) раскопано на Алмалыкском могильнике. Из-за ограбления множество комплексов осталось без датирующих находок. Вследствие этого едва ли не первостепенное значение приобретает разработка типологии и изучение конструкции склепов. Важной также является корреляция типов склепов с датированными сооружениями как в рамках одного могильника, так и в пределах массива однокультурных памятников.

Типологический подход к изучению склепов Алмалыкского могильника применен недавно. Всего было выделено 8 типов склепов, также удалось проследить их зависимость от различных этапов существования памятника и его топографии (рис. 63) [Науменко, Герцен, Набоков, 2022, с. 186–187, рис. 5]. В дальнейшем выборка склепов была увеличена за счет погребальных сооружений могильников южной периферии Мангупа, ввиду чего несколько изменилась типология наиболее поздних склепов [Набоков, 2022, с. 109–133, рис. 2–14]. Практически все вариации типов склепов выявлены на территории Алмалыкского могильника (рис. 64). Компоновка групп и отдельных типов склепов основана на выделении наиболее явных архитектурных особенностей и планировочных решений. Основными критериями для этого являются: форма входной ямы и погребальной камеры; наличие ступеней или ниш-ступенек во входной яме (рис. 65); выраженность коридорчика-дромоса; высота расположения входа и присутствие ступенек в камере (рис. 66). Анализ планировочных решений и архитектурных особенностей дополняется наблюдениями за общей топографией могильников и их отдельных участков. Это связано с тем, что склепы, расположенные близко друг к другу, в пределах одного регулярного ряда, часто относились к одной типологической группе.

В архитектуре склепов помимо основных признаков присутствует ряд особенностей, распространенных среди нескольких выделяемых групп. Это, прежде всего, элементы, связанные с внутренней архитектурой погребальных камер. К таковым относятся ниши или полочки, расположенные, как правило, в задних стенках, противоположных входу, а также иные элементы архитектурного

декора. Строение потолка погребальной камеры и входа в склеп также рассматривается как второстепенный признак, ввиду распространения схожих конструктивных решений в различных группах склепов. Провести анализ особенностей свода камеры и входа в нее у ряда погребальных сооружений не представляется возможным. Это связано с частым повреждением данных элементов в ходе эрозии материковой глины и ограбления. Своды камер в сечении, чаще всего, килевидные, двускатные, скругленные или коробовые. Входные отверстия, перекрытые закладными плитами из местного известняка, в основном имели округлую или арочную форму.

2.1.1. Склепы группы А

Первая группа склепов представлена типами А1 и А2, которые обнаружены только на Алмалыкском могильнике. Главными критериями для их выделения является наличие ступеней в длинных входных ямах, расширяющихся ко входу в склеп. Длина входной ямы зачастую превышала продольную длину камеры. Стенки входных ям, в которых вырубались ступени, выкопаны с наклоном примерно в 120–135°. Кроме этого, в 8 из 10 склепов группы А имелась ступень в погребальной камере у входа в нее. Последний располагался либо под потолком, либо в средней части передней стенки. Коридорчик-дромос имел небольшие размеры, в среднем длиной не более 0,5 м. Наличие небольших единичных или нескольких подтреугольных ниш по центру стенки противоположной ко входу погребальной камеры также типично для склепов группы А.

К типу А1 относится единственный склеп № 2/1996 с длинной трапециевидной входной ямой размерами 6,0 х 0,3–1,20 м с 16-ю ступенями (рис. 65, 1) и подтрапециевидной в плане камерой размерами 2,6 х 2,2–2,7 м (рис. 68, 1). Высота свода около 1,80 м, стенки практически вертикальны, но ближе к своду плавно переходят в скругленный потолок. У входа присутствует ступенька. По бокам от входного отверстия располагались одиночные подтреугольные ниши, еще три ниши присутствовали на противоположной ко входу стенке.

Тип А2 представлен 8 склепами (№№ 65/1998, 155/2003, 157/2003, 158/2003, 159/2003, 160/2003, 162/2003, 168/2004) (рис. 68, 2) с подквадратными в плане камерами размерами в пределах 1,96 x 2,05 м – 2,6 x 2,05 м, высотой свода около 1,5–1,8 м, узкими, в начале трапециевидными, входными ямами размерами 3,0 x 0,2–0,95–3,6 x 0,2–1,5 м, со ступеньками (рис. 65, 2). У данного типа склепов присутствует короткий коридорчик в камеру, в большинстве случаев в ней имеется 1–2 ступени под входом (рис. 66, 4). Профиль погребальной камеры килевидный или коробовый со скругленным потолком. В шести склепах обнаружены треугольные ниши в противоположной ко входу стенке (рис. 67, 1). Дно входных ям имеет отрицательный наклон в сторону входа в камеру, в среднем в пределах 7–10°, тогда как в склепе типа А1 дно практически ровное. Склеп № 159/2003 исследован без входной ямы, но его нахождение в одном ряду с другими склепами типа А2 и стандартная для таких сооружений камера позволяет отнести сооружение к рассматриваемому типу. Несколько выделяется склеп № 65/1998, в торцевой стенке входной ямы которого вырублены только три ступени, еще три выполнены в первоначальной засыпи. Вероятно, это свидетельствует о совершении более поздних захоронений в сооружении.

Практически все склепы типа А2 располагаются в северной части могильника. Лишь склеп № 65/1998 открыт намного южнее. Склепы типа А2 могут рассматриваться в качестве упрощенной формы склепа типа А1. Пять из них (№№ 157–160, 162/2003) обнаружены в пределах одного регулярного ряда и, вероятно, сооружены в относительно небольшой промежуток времени группой мастеров, придерживающихся одной строительной традиции.

2.1.2. Склепы группы В

Наиболее многочисленной группой склепов, встречающихся на могильнике в балке Алмалык-дере и, в меньшей степени, на Каралезском некрополе, является группа В. Основное отличие таких склепов от погребальных сооружений группы А заключается в отсутствии ступеней в их входной яме. Вместо них такую роль выполняют небольшие, вырубленные в торцевой стенке, ниши-ступени округлой

или овальной формы (рис. 65, 3-4). Входные ямы, как и в предыдущей группе, имеют выраженное расширение ко входу в камеру и, как правило, были длиннее последней. Наклон стенок входных ям, в которых вырублены ниши-ступеньки, менее выражен, чем в склепах группы А, либо отсутствует вовсе. В склепах группы В наблюдается смещение входа в камеру непосредственно под потолок.

Тип В1 представлен 18 склепами №№ 99/2000, 6/2001, 161/2003, 169/2004, 170/2004, 171/2004, 175/2005, 176/2005, 178/2005, 189/2007, 191/2007, 188/2008, 195/2008, 197/2008, 199/2011, 204/2019, 206/2019, 207/2019 на Алмалыкском могильнике (рис. 69; 70, 1) и склепами № 13, 15, 31 на Каралезском некрополе (рис. 70, 2). Они отличаются от склепов типа А2 трапециевидными, реже подпрямоугольными, погребальными камерами размерами около 1,0 x 1,5–2,0–2,7 x 2,4–2,9 м. Камеры в большинстве случаев имеют килевидные в сечении своды высотой 1,5–2,0 м, реже встречаются коробовые и двускатные своды. Входные ямы, как правило, имеют трапециевидную форму. Их размеры варьируются в пределах 2,2 x 0,65–1,5–3,0 x 0,4–1,0 м. В камерах склепов присутствуют 1-2 ступеньки у входа в камеру (рис. 66, 1-2). В камерах пяти склепов вырублены небольшие треугольные ниши, в семи случаях – большие ниши или ниши-полки (рис. 67, 2). В склепе № 178/2005 одиночная треугольная ниша вырублена слева от входа в камеру. Как и типы А1 и А2, склепы типа В1 зачастую имели коридорчик-дромос.

Главным отличием от предыдущей группы склепов является более короткая и немногим более широкая входная яма, чем у склепов типа А2. Вход в камеру, чаще всего, расположен под потолком либо близко к нему в центральной части стенки. В семи склепах (№№ 170/2003, 99/2000, 6/2001, 175/2005, 176/2005, 178/2005, 197/2005) обнаружены большие ниши под потолком. Склепы типа В1, по большей части, открыты в северной и южной частях Алмалыкского некрополя.

На Каралезском могильнике склепы этого типа меньше по размерам. У склепов №№ 13 и 15 длина входных ям составляла около 2,20 и 3,0 м, габариты камер – 2,25 x 2,0 и 2,5 x 2,15 м, килевидные своды имели высоту до 1,60 м. Также у каралезских склепов отсутствуют небольшие ниши, но дромос более выражен, чем у большей

части склепов типа В1 Алмалык-дере. Склеп №31 раскопан без входной ямы, но, по наличию ступеньки и высоте свода, он похож на склепы типа В1. Форма его камеры неправильная, более узкая, чем у остальных склепов группы В. Возможно, склеп № 31 занимает промежуточную позицию между склепами со ступенькой типа В1 и более узкими склепами группы С.

Тип В2 представлен 10 склепами Алмалыкского некрополя (№№ 62/1998, 118/2000, 2/2002, 186/2006, 187/2007, 190/2007, 192/2007, 198/2008, 203/2019) и склепом №17 Каралезского могильника (рис. 71). Главная отличительная особенность, в сравнении со склепами типа В1 – отсутствие ступеней в погребальной камере. Все склепы имеют прямоугольные или бочковидные (с расширением боковых стенок) в плане погребальные камеры размерами 1,9 x 2,15–2,7 x 2,4–2,9 м; высота сводов в пределах 1,25–1,9 м, в одном случае – до 2,4 м. Входные ямы имеют общие размеры в пределах 1,85 x 0,55–0,7–3,7 x 0,5–1,2 м. Они в плане трапециевидные либо подпрямоугольные, с расширением у входа в камеру. Короткий коридорчик в камеру присутствует.

Треугольные ниши обнаружены в трех случаях у склепов в балке Алмалык-дере, еще в двух случаях обнаружены полки-ниши. Камеры в сечении имеют практически равное распределение между килевидными и коробовыми, но также встречены три варианта двускатных сводов с выраженным переходом в вертикальные стенки. Ниша в противоположной ко входу стенке обнаружена в четырех склепах (№№ 62/1998, 118/2000, 186/2006, 190/2007); в склепе № 203/2019 таких ниш было две (рис. 67, 3). Вход, как и в склепах типа В1, располагался под потолком или по центру передней стенки. Стоит отметить, что количество склепов со входом под потолком больше, чем в склепах типа В1. Лишь у двух склепов №№ 190/2007 и 2/2002 он был смещен к середине стенки. Склепы типа В2 открыты на всей территории некрополя, за исключением его средней части; их наибольшая концентрация приходится на южную часть памятника.

На Каралезском могильнике склеп близкий к типу В2 раскопан без входной ямы. Форма свода и расположение входа в склеп аналогичны соседнему склепу

№15 типа В1. При этом он вырублен практически на одной глубине с ним. Отсутствие ступеньки в камере позволило отнести данное сооружение к типу В2.

При раскопках некоторых склепов Алмалыкского могильника исследование входных ям не проводилось (№№ 2/2001, 3/2001, 4/2001, 6/2001, 7/2001, 7/2002, 182/2006, 183/2006, 184/2006, 194/2008, 205/2019). Ввиду этого, ряд сооружений невозможно соотнести со склепами групп А или В. По таким признакам, как форма камеры, наличие или отсутствие ступеней, их следует отнести к обобщенной группе А/В (рис. 72). Склепы № 2/2001 и № 7/2001, хотя и раскопаны без входных ям, благодаря наличию ступени в камере (рис. 66, 3) и большой полки-ниши, имеют большое сходство со склепами типа В1. Склепы типа А/В соответствует распространению склепов групп А и В на территории могильника.

2.1.3. Склепы группы С

Склепы группы С также часто встречаются при раскопках Алмалыкского могильника. Это, как правило, сооружения несколько меньшие по размерам, чем предыдущие типы склепов. Длина входных ям и камер практически равная; в ряде случаев входные ямы немного короче. Форма входных ям близка к простой подпрямоугольной яме, их стенки в большинстве случаев вертикальные. Ниши-ступени встречаются в небольшом количестве. Для склепов группы С не характерны ступени в погребальные камеры, вход в которые, за исключением единичных случаев, выполнен под потолком; коридорчик в ряде случаев выражен слабо. Несмотря на более упрощенную в плане форму, данная группа сооружений имеет много примеров присутствия одиночных треугольных ниш, как маленьких, так и более крупных, прямо под сводами. Также в камерах зафиксированы имитации карнизов и полочек. Ниши-полки в основном встречаются по одной, но в двух случаях, в склепах №57/1997 и №76/1999 – по три расположенных рядом и вписанных в одну большую. Примечательно, что на стенках камер многих склепов группы С сохранились дополнительные элементы – борозды и желобки.

Тип С1 представлен 13 склепами (№№ 53/1997, 56/1997, 57/1997, 63/1998, 66/1998, 74/1999, 77/1999, 79/2000, 80/1999, 83/2000, 90/2000, 201/2011) (рис. 73-

74). Их погребальные камеры подпрямоугольной или трапециевидной формы, размеры 2,1 x 1,6 – 3,35 x 2,15 м, высота свода 1,4–1,8 м, в одном случае до 2,0 м. Входные ямы имеют уже более простую подпрямоугольную форму с расширением у входа и размерами 1,76 x 0,8 – 2,3 x 0,76 м. Ниши встречены во всех случаях. Своды камер в сечении килевидные, в двух случаях – коробовые и двускатные. Вход располагался под потолком, за исключением склепа № 90/2000, у которого входное отверстие смещено к средней части стенки. Этот склеп отличается от основной массы склепов группы С, может быть он является «переходным» вариантом от склепов типа В2. Склепы типа С1 в основном обнаружены в средней части Алмалыкского могильника и лишь в одном случае на его южном участке.

Тип С2 на могильнике Алмалык-Дере представлен 6 склепами (№№ 64/1998, 75/1999, 76/1999, 78/1999, 119/2000, 1/2002) (рис. 75, 1). Они отличаются вытянутыми в плане погребальными камерами с выпуклыми боковыми стенками и со скругленными, иногда сильно, углами. Размеры камер в пределах 2,1 x 1,65 – 2,9 x 1,9 м. Входные ямы имеют простую подпрямоугольную в плане форму, размеры в пределах 1,8 x 0,65 – 2,3 x 0,5–0,9 м, часто с незначительным расширением у входа. Коридорчик в камеру менее выражен, чем у склепов типа С1 или вовсе отсутствует. Высота сводов 1,1–1,7 м. Дно входных ям, чаще всего, имеет наклон в сторону входа в камеру. Ниши обнаружены в пяти случаях. Своды погребальных камер в сечении килевидные и коробовые, примерно в равном количестве. Большинство входов в камеры расположены под потолком, в одном случае (№ 119/2000) – по центру. Склеп № 1/2002 имеет низкий свод, при этом вытянутая вдоль продольной оси камера и ее скругленные контуры позволили отнести сооружение к типу С2. Данная группа склепов расположена в центральной и южной частях Алмалыкского некрополя. Синхронность склепов типов С1 и С2 подтверждается тем, что они часто вырубались неподалеку друг от друга, иногда в пределах одного упорядоченного ряда.

Примечательным является открытие склепов типа С2 на территории Адым-Чокракского некрополя, который наиболее активно функционировал в VII–VIII вв. (рис. 75, 2). Два расположенных рядом склепа №№ 6 и 27 обладают всеми

признаками склепов типа С2, только их задние стенки имеют более выраженный ровный переход к потолку. Ниши в склепах отсутствуют, но в камере склепа №6 присутствуют длинные полочки под потолком в боковых стенках. Склеп № 27 также имеет выраженное прямоугольное сечение камеры, что необычно для архитектуры рассматриваемых могильников в целом, и несколько смещенную к правой стенке ось входной ямы.

К типу С2 следует также отнести склеп № 1 на Каралезском могильнике (рис. 75, 3). Входная яма сооружения не исследовалась, но узкая камера и вход в нее практически под сводом, позволяет отнести его к указанному типу. В целом их архитектура и планировка резко контрастирует с остальными склепами могильников второй половины VI–VIII вв. на южной периферии Мангупа.

2.1.4. Склепы группы D

К следующей группе склепов относятся погребальные сооружения не только Алмалыкского могильника, но и некрополей южной периферии Мангупа. Это две группы склепов типов D и E, отличающиеся размерами камер, а также перепадом высоты между дном входных ям и полами камер склепов. Подавляющее большинство склепов имеют широкие и низкие своды камер.

Склепы группы D представлены сооружениями с относительно большими камерами и короткими входными ямами. Одним из главных отличий от предыдущих типов является отсутствие подтреугольных ниш и больших ниш под потолками.

Склепы типа D1 представлены на Алмалыкском могильнике склепом № 56/2000 (рис. 76, 1), на Южно-Мангупском могильнике⁴ - склепами №№ 1/1989, 11/1996, 20/1996 (рис. 76, 2), на некрополе Адым-Чокрак – склепами №№ 2, 7, 24, 32, 34 (рис. 76, 3). Это сооружения с большими попрямоугольными, близкими к подквадратным, камерами размерами от 2,4 x 2,3 м до 3,2 x 3,0 м. Своды камер коробовые, немного выпуклые, но не полусферические, высотой от 1,10 до 1,40 м. Входные ямы простой подпрямоугольной формы размерами 2,2–2,6 x 0,6 x 0,85 м,

⁴ Из-за объединения могильников Южный I и Южный II в диссертации во избежание путаницы к порядковым номерам погребальных сооружений добавлено обозначение года исследований.

со строго вертикальными стенками без каких-либо ступеней. Перепад высот между дном входной ямы и полом камеры незначительный и составляет 0,2–0,4 м. Входы в камеры вырубались близко к полу либо в центральной части их торцевой стенки, но из-за плохой сохранности форму входных отверстий установить невозможно. Коридорчик в камеру выражен только у склепов №№ 32 и 56/2000.

Вероятно, к типу D1 можно отнести склепы №№ 7/1996, 11/1996, 12/1996, 15/1997 Южно-Мангупского могильника. Ввиду плотности расположения здесь погребальных сооружений, у них смещены входные ямы, которые располагались в длинных торцевых стенках. Перепад высоты между входной ямой и дном камеры незначителен, а в склепе № 11/1996 отсутствовал вовсе. Склепы № 36 Адым-Чокракского могильника, №№ 5/1989, 6/1996, 15/1997 Южно-Мангупского некрополя, хотя и имеют неправильную сильно скругленную форму камер (рис. 77), но обладают признаками склепов типа D1. Для этих сооружений характерны короткие входные ямы длиной 1,5–1,7 м, низкие своды (высотой до 1,0 м), значительная ширина камер размерами 2,4–2,9 x 2,6–3,0, а также небольшой перепад высоты между дном входной ямы и полом камеры. В ряде склепов выявлены вырубленные изображения крестов, ниши и дополнительные конструкции.

Тип D2 включает склепы №№ 4/1982, 5/1982, 177/2005, 179/2005, 180/2005 могильника Алмалык-дере, склепы №№ 28, 31, 67 Адым-Чокракского некрополя, склеп № 10/1997 Южно-Мангупского могильника (рис. 78). Их камеры имеют подпрямоугольную форму со скругленными углами и размеры 1,9 x 2,6–2,5 x 3,6 м. Входные ямы расположены со стороны длинных торцевых стенок. Только у склепа № 4/1982 Алмалыкского некрополя камера трапецевидная в плане. Своды камер коробовые, широкие, высотой от 1,1 до 1,7 м. Входные ямы подпрямоугольной формы, их размеры 1,5 x 0,55 – 2,0 x 0,65 м. Только в двух склепах Алмалык-дере в торцевой передней стенке входных ям присутствуют по две ниши-ступени, что связано с большой глубиной этих погребальных сооружений и, возможно, традицией сооружения ниш-ступеней.

Особенностью склепов типа D2 является больший, чем в склепах типа D1, перепад (от 0,5 до 0,75 м) между полом камеры и дном входной ямы, из-за чего входное отверстие в камеру располагалось близко к потолку. Также относительно равномерно зафиксировано наличие или отсутствие входного коридорчика в камеру. У склепов с более длинной входной ямой данный элемент прослеживается слабее.

В отличие от склепов типа D1 внутренняя архитектура камер склепов типа D2 не настолько разнообразна. В задних стенках склепов №№4/1982, 5/1982 и №22 присутствуют небольшие одиночные ниши подпрямоугольной формы.

2.1.5. Склепы группы E

Группа E представлена склепами с короткими подпрямоугольными входными ямами, небольшими камерами подквадратной или трапециевидной формы часто с сильно скругленными углами. Своды камер низкие, их архитектура, за исключением склепов типа E2 на Алмалыкском могильнике, простая. Склепы группы E делятся на два типа, разница между которыми заключается в перепаде высоты между дном входной ямы и полом камеры.

Склепы типа E1 выделены только на территории могильников южной периферии Мангупского городища: №№ 23 и 24 на некрополе Адым-Чокрак и №№ 5/1996, 6/1996, 8/1989, 10/1989, 16/1997 на Южно-Мангупском могильнике (рис. 79). Погребальные камеры имеют подпрямоугольную, подквадратную и в двух случаях трапециевидную форму, их размеры 1,65 x 1,74–2,1 x 1,9 м. Входные ямы простые, подпрямоугольной формы, размерами 0,5–0,7 x 1,6 x 2,0 м. Как и в склепах типа D1, перепад высоты между дном входной ямы и полом камеры незначительный и составляет 0,2–0,35 м. У всех склепов не сохранились или повреждены своды камер, но, скорее всего, они были коробовыми, что зафиксировано раскопках таких склепов на могильнике Адым-Чокрак.

Тип E2 представлен на Алмалыкском некрополе склепом № 108/2000 (рис. 80, 1), на Южно-Мангупском могильнике - №№ 8/1996, 9a/1996, 9б/1996, 12/1997, 10/1996, 12/1996, 13/1996, 13/1997, 14/1997, 22/2018 (рис. 80, 2). Форма и размеры камер, как и входных ям, близка склепам типа E1. Главным отличием, как и в

склепах типа D2, является перепад высоты между полом камер и дном входных ям. В склепах типа E2 он составляет от 0,4 до 0,8 м., из-за чего вход в камеру располагался под потолком или близко к нему. Сохранившиеся своды камер коробовые. Внутренняя архитектура в основном присутствует в склепах Алмалыкского могильника. В одном случае, в склепе № 180/2005, под входом в камеру отмечена полукруглая врезная ступень. Два склепа Каралезского могильника (№№ 21 и 27) также относятся к данному типу (рис. 80, 3). Несмотря на отсутствие планов камер в полевой документации раскопок 1985 г., на разрезах зафиксированы низкие своды (высотой до 1,0 м) небольших камер и расположение входа под потолком, что позволяет включить эти склепы в тип E2.

Аналогии грунтовым склепам на могильниках округа Мангупа можно встретить на большинстве раннесредневековых некрополей Юго-Западного Крыма. Но необходимо отметить и существенные различия в их конструктивных особенностях, что связано с локальными особенностями техники строительства склепов и геологической ситуации на памятниках.

На данный момент типология склепов разработана, прежде всего, для некрополей Мангупа, рассматриваемых в данной диссертационной работе. Предложенная типологическая схема не призвана заменить существующие типологии склепов на других памятниках или регионах. Стоит лишь еще раз подчеркнуть необходимость разработки современной типологии грунтовых склепов могильников Юго-Западного Крыма позднееримского и раннесредневекового времени.

2.1.6. Особенности архитектуры склепов

Некоторые грунтовые склепы, ввиду конструкции или характера проведенных раскопок, затруднительно отнести к определенному типу (рис. 81). Сложно интерпретировать, например, несколько склепов Алмалыкского могильника с маленькими низкими камерами размерами 1,05 x 1,15 – 1,85 x 1,5 м и высотой 0,5–0,9 м (№№ 120/2000, 193/2008, 200/2011, 208/2019). Они расположены

на южном участке могильника и, вероятно, являются недостроенными склепами либо кенотафами.

Исходя из таких признаков, как размеры погребальной камеры, высота свода и параметры входной ямы, склеп № 209/2022 со смещенной погребальной камерой неправильной формы может быть близок типу E1. Склеп № 5/2001 имеет нетипичную, в контексте перепада высоты между входной ямой и камерой, для алмалыкских склепов конструкцию, также близкую типу E1. Соседние с ним склепы относятся к типам A2, B1 и B2, ввиду чего включение склепа № 5/2001 в более поздний хронологически тип E1 не целесообразно. Можно предположить, что это частный случай, который не укладывается в общую типологию склепов.

Большая часть склепов Алмалык-дере периода раскопок 1982-1983 гг. исследованы без входных ям. Они имеют низкие коробовые своды и большие камеры размерами 2,0 x 2,0 м, что позволяет предположить их близость к склепам типа D, а не к более компактному типу E.

У склепов №№ 1/1989, 2/1989, 3/1989, 4/1989, 7/1989, 8/1989, 10/1989 Южно-Мангупского могильника исследованы только камеры без сохранившихся сводов. Форма и размеры камер склепов №№ 2–4/1989 и 10/1989 показывают, что они относятся к группе E. Большая и широкая камера со входом в южной (длинной) стенке склепа №1/1989, ввиду ориентации ниши-могилы в полу и ниши в северной стенке, противоположной входу, дает возможность отнести его к склепам типа D. У сооружения зафиксирована максимальная для могильников южной периферии Мангупа высота потолка камеры – около 1,8 м, что превышает максимальную высоту свода склепов типа D2. Установление типа для склепов №№ 7/1989 и 8/1989 затруднено из-за их неполного исследования и сохранности. Основываясь на форме камер и сводов, склеп №7/1989 можно отнести к типу E1, а сильно скругленный, практически подовальный, склеп № 8/1989 – к группе D.

Таким образом, если соотнести эволюцию типов грунтовых склепов с хронологией могильников округа Мангупа, можно сделать наблюдения о развитии строительной техники погребальных сооружений на памятниках.

Склепы групп А и В сооружены в начале существования Алмалыкского могильника, во второй половине/конце IV – V вв. Тип А является наиболее ранним, компактным топографически и унифицированным в плане конструкции. Такие склепы можно отнести к Т-образным склепам первого варианта по А.И. Айбабину, датированным IV – началом V в. [Айбабин, 1999, с. 18, 22, 23, рис. 6, 3, 5]. При этом в рамках группы А, также встреченной на ряде других могильников, при сохранении длинной входной ямы со ступеньками, формы камеры и дромоса, наблюдается ряд отличий. Они выражаются в количестве ступенек в камере либо в их отсутствии, высоте сводов и расположении входов в склепы. Таким образом, даже в одном типе склепов существуют отличия, как между разными могильниками, так и на одном памятнике.

В склепах группы В наблюдается большая вариативность погребальных камер и входных ям, в основном длинных и трапециевидных. Кроме этого, склепы типов В1 и В2 имеют уже широкое распространение на всей площади Алмалыкского могильника. В них зафиксированы редкие захоронения середины VI в. Склепы группы В на Каралезском некрополе практически невозможно датировать из-за отсутствия археологических материалов. Датировка раннего периода этого некрополя в пределах первой половины VI в., предложенная В.А. Сидоренко [Сидоренко, 1991, с. 115], не противоречит существованию здесь склепов группы В. С учетом слабой изученности некрополя, можно предположить, что здесь хоронили и ранее. В таком случае присутствие склепов группы В на Каралезском могильнике выглядит вполне обоснованным.

Склепы группы С имели более упрощенные формы, в особенности это касается формы входных ям и коридорчика-дромоса. Они распространены в южной и центральной частях Алмалыкского некрополя и, вероятно, могли функционировать длительное время, начиная с середины VI в. В основном, это относится к склепам типа С2, обладающим разнообразными по форме погребальными камерами. Склепы типа С2 распространены и вне Алмалык-дере. Один такой склеп частично раскопан на Каралезском некрополе, еще два на Адым-Чокракском могильнике, который активно функционировал в VII–VIII вв.

Самые поздние склепы типов D и E становятся еще более простыми в конструктивном плане. Четкая форма погребальной камеры практически не выдерживается, приближаясь к подквадратной, подпрямоугольной, подтрапециевидной, реже, овальной. Для наиболее поздних типов D⁵ и E, функционировавших в основном в пределах второй половины VI–VIII вв., устойчивым признаком является коробовая форма свода, отсутствие ступеней внутри камеры, уровень высоты между дном входной ямы и полом камеры. Для типа D2 устойчивым признаком является расположение входа в камеру в одной из ее длинных стен. Конструкция подпрямоугольных входных ям практически аналогична; их длина не превышает длину камер, как для склепов типа D, так и для склепов типа E. Склепы группы D в основном встречаются на территории некрополей южной периферии Мангуца и, в меньшей степени, на Алмалыкском могильнике. В двух случаях у расположенных рядом склепов типа D2 № 179/2005 и № 180/2005 зафиксирована длинная ступень вдоль передней стенки под входом. В остальных склепах поздних групп такая особенность не встречается.

Традиция сооружения склепов, близких типу E2 также фиксируется на Каралезском могильнике, но, ввиду отсутствия вещей в комплексах, их датировка основана пока только на анализе архитектуры. Косвенно более позднее сооружение склепов №№ 21 и 27 типа E2 и, вероятно, № 30, с низким сводом и входной ямой ближе к потолку, может подтверждать глубина их вырубки. Глубина камер более ранних склепов группы B относительно материковой поверхности варьируется в пределах 3,4–4,0 м, тогда как пол камер конструктивно более простых склепов фиксируется на глубине 2,2–3,0 м. Подобная ситуация наблюдается и в расположении склепов групп D и E на остальных могильниках.

Особенностью склепов Алмалыкского могильника, прежде всего, групп A и B, является наличие потреугольных в плане ниш, расположенных, как правило, в

---

⁵ Нельзя не отметить сходство склепов типа D с погребальными сооружениями более ранних могильников. Склепы с низким коробовым сводом, короткой входной ямой встречались, например, на могильниках Дружное и Перевальное. Но проводить связь между архитектурой склепов IV в. и VII–VIII вв. без дополнительных исследований этого вопроса не представляется возможным.

задней стенке склепа. Такие элементы, вероятно, использовались для установки посуды или свеч. Для склепов группы А характерны небольшие, как правило, одиночные ниши, за исключением склепа № 2/1996, где ниши вырублены под потолком камеры (рис. 82, 1). Размеры ниш колеблются в пределах 0,15–0,35 м в нижней части, их высота 0,22–0,33 м, глубина врезки около 0,25 м. У склепов группы В наблюдается большее разнообразие ниш (рис. 83). Встречаются парные (№ 203/2019) либо тройные (№ 2/2002) углубления. В данной группе широко распространяется новая форма ниш-полок, вырубленных на всю ширину задней стенки камеры, непосредственно под ее сводом. В склепах группы А/В встречены вариации как маленьких, так и больших ниш, характерных для групп А и В (рис. 82, 2). Конструкция ниш склепов группы С напоминает ситуацию в группе В (рис. 84, 1). В наиболее поздних группах склепов наблюдается сокращение количества ниш; только в одном склепе группы Е и в двух склепах типа D2 выявлены такие ниши (рис. 84, 2-3). Поздние ниши принимают более скругленные очертания. Только в одном случае отмечена прямоугольная в плане ниша. Можно предположить, что традиция сооружения ниш наиболее распространена на Алмалыкском некрополе на протяжении всего периода его существования. Уменьшению их количества в поздних склепах, сооруженных, вероятно, в VII в., связана не только с изменением обряда, но и с небольшим количеством раскопанных склепов групп D и E. Появление ниш-полок в склепах группы В, их существование в поздней группе С может свидетельствовать о преемственности архитектуры склепов, сменявших друг друга.

Внутренняя архитектура погребальных камер в группах А и В, в особенности наличие ниш и полок в склепах, находит наиболее близкие аналогии среди материалов Красномакского могильника. Но отличия все же имеются. Практически во всех погребальных сооружениях могильника Красный Мак небольшие подтреугольные ниши соседствуют с более крупными полками под потолком камеры, тогда как в склепах групп А и В некрополя Алмалык-дере такие элементы встречаются отдельно. Только в одном случае (склеп № 175/2005 типа В1) рядом с треугольной нишей присутствовала полка с широким арковидным сводом под

потолком. Также отличаются ступеньки у входов в погребальные камеры. На Алмалыкском могильнике фиксируются 1–2 ступени, часто трапецевидной формы, тогда как на Красномакском некрополе их больше, чаще, 2–3. Только в трех склепах открыты более крупные одиночные ступени [Лобода, 2002, рис. 2; 3, 5–10; 12; 13, 15–17].

Вне Алмалыкского могильника подобные ниши встречаются значительно реже. Три скругленных ниши, изначально имевшие подпрямоугольную форму, выявлены в склепе № 32, еще одна – в склепе № 22 Аддым-Чокрака (рис. 84, 4). На Южно-Мангупском могильнике одна ниша подпрямоугольная в плане со скруглением в верхней части зафиксирована в склепе № 1/1989, еще одна, более скругленная – в склепе № 14/1997 (рис. 85, 5). Небольшое количество склепов, раскопанных на Каралезском могильнике, не дает возможности с уверенностью говорить об отсутствии ниш в погребальных камерах в строительной традиции населения, оставившего этот некрополь. Редкость ниш в склепах второй половины VI–VIII вв. на могильниках Мангупа отражает общую картину для всего Юго-Западного Крыма. Ниши и полки распространены в склепах позднеантичных и раннесредневековых могильников Крыма [Хайрединова, 2010, с. 155], но в склепах VIII–IX вв. они, чаще всего, отсутствовали, за исключением Скалистинского могильника [Айбабин, 1993, с. 7].

Отдельно стоит упомянуть элементы внутренней архитектуры склепов Алмалыкского могильника, представленные сложными сводами с имитацией крыш, карнизов или стрельчатых конструкций. В склепе № 76/1999 зафиксирован богатый декор погребальной камеры. В верхней части задней стенки имеется полка, над ней – три небольшие арковидные ниши, расположенные горизонтально в ряд. Каждая из ниш расчленена вертикальным ребром на две части. Свод, составляющий у данного типа склепов единое целое со стенами, также разделен вертикальными бороздами, выполненными острым краем тесла. Вертикальные борозды пересекала одна горизонтальная, проходившая несколько ниже полки. Осевая линия свода подчеркнута бороздой на всю его ширину (рис. 85, 1). Наиболее близкий к склепу № 76/1999 декор погребальной камеры обнаружен на могильнике

Карши-баир, в склепе № 2, вырубленном во второй половине VI – первой половине VII вв. Его свод и стены украшены 17 вертикальными полосами (рис. 85, 2) [Ушаков, Филлипенко, 2004, с. 307, 310, рис. 2].

Более простой декор выявлен у склепов группы С, в которую входит склеп № 76/1999. В задней стенке склепа № 57/1997, на высоте 0,84 м от уровня пола, располагалась полка, продолжавшаяся вдоль длинных стен (рис. 86, 1). В поперечной стенке зафиксированы следы трех подтреугольных ниш, дно которых являлось продолжением полки. Плоскость задней стены разделена посередине двумя вертикальными канавками, сохранившимися в месте соединения стены и потолка; ширина каждой из них 0,09–0,10 м, глубина 0,06–0,07 м,

В месте соединения свода и стен склепа № 64/1998 зафиксирована полочка-карниз (рис. 86, 2). В середине задней стены вырублено углубление в виде вертикальной полосы шириной 0,11 – 0,12 м и глубиной до 0,13 м ниже полки. Возможно, полоса продолжалась по потолку, но вывал грунта не позволяет уточнить ее полный габарит. Схожий декор зафиксирован в склепе № 66/1998, где в месте соединения длинных стен со сводом вырублены полки-карнизы (рис. 86, 3). Здесь также зафиксировано углубление в виде вертикальной полосы, переходящей на потолок. Углы между задней и боковыми стенками подчеркнуты канавками.

В склепах группы С зафиксированы более простые элементы декора, подчеркивающие место перехода стенок в свод. Они сохранились в склепах №№ 79/2000, 83/2000, 90/2000, где зафиксированы карнизы шириной 0,04–0,07 м, наклоненные вовнутрь камеры (рис. 86, 4-6). Все склепы группы С, обладающие имитациями стрельчатых конструкций и карнизами, выявлены в центральной части могильника Алмалык-дере. Они встречаются в пределах одних и тех же упорядоченных рядов. Таким образом, можно выделить особую строительную традицию декора сводов и стен камер в склепах, возникших в VI – первой половины VII вв. на отдельном участке некрополя. При этом, выделение «карнизами» места перехода стен ко своду в предыдущих группах зафиксировано только один раз – в склепе № 195/2008 типа В1 (рис. 86, 7). У склепов № 199/2011 и № 62/1998 группы В выявлены резкие переходы стенок в коньковый свод. Таким образом, в

поперечном сечении камеры этих склепов практически аналогичны камерам с «карнизами». В склепах поздней группы С наблюдается вырубка треугольных ниш, подобных ранней группы А. Также имеет место сооружение больших ниш-полок под сводами, распространенных в склепах группы. Таким образом, можно говорить о преемственности традиции вырубки некоторых элементов архитектуры склепов Алмалыкского могильника на протяжении нескольких столетий.

Единственное сооружение с имитацией стрельчатой конструкции на своде, не относящееся к группе С, представлено склепом № 108/2000, который относится к редкому для Алмалык-дере типу Е2. По продольной оси свода зафиксирована борозда шириной 0,1 м и глубиной 0,06 м, а также остатки четырех поперечных желобков, отходящих от нее в стороны, на расстоянии 0,25 м друг от друга (рис. 86, 8). К сожалению, остальная часть свода склепа и стен плохо сохранилась. В задней стенке камеры присутствует углубление в виде «апсиды» шириной 1,4 м и глубиной 1,1 м. Наличие подобных элементов в камере связывалось с имитацией архитектуры наземных храмов [Герцен, 2001б, с. 12]. С учетом ориентации «апсиды» на запад и слабой сохранности поверхности камеры склепа № 108/2000, к такому сравнению следует относиться осторожно.

За пределами Алмалыкского могильника только в склепе № 6 типа С2 Адым-Чокракского некрополя зафиксирована имитация карниза (рис. 87, 1). Здесь потолок камеры опирался на неширокие (до 0,15 – 0,17 м) полки вдоль боковых стен и имел незначительный уклон вовнутрь. В данном случае ширина «карниза» значительно больше, чем в упомянутых выше сооружениях. Визуальный осмотр некоторых ограбленных склепов Адым-Чокрака в 1995 г. позволил выявить еще четыре камеры с подобными боковыми полками-карнизами. Кроме того, в 36 из 72 склепах, осмотренных через грабительские ямы, имелись подпрямоугольные ниши в задних стенках [Герцен, Науменко, Черныш, 2007, с. 47–48].

Нетипичными для Юго-Западного Крыма являются два случая присутствия конструкций из камня в камерах склепов. В склепе № 190/2007 Алмалык-дере у южной стенки зачищена каменная кладка длиной 1,35 м и шириной до 0,55 м. (рис. 87, 2). Определить функциональное назначение конструкции не удалось. Другая

кладка выявлена в склепе № 9а/1996 Южно-Мангупского могильника. Здесь у задней стенки камеры зафиксировано углубление размерами 0,85 х 1,20 м, перекрытое однорядной кладкой из пяти камней, сложенной в высоту на 1–2 ряда (рис. 87, 3). Она стоит на ступени, образуемой разницей в уровне полов ниши и камеры. Данная конструкция ограничивала погребальное пространство камеры, так как на месте ее западной стенки обнаружен вывал материковой породы, образовавшийся, вероятно, во время строительства склепа.

Ряд камер склепов могильников Мангупа имели дополнительные погребальные конструкции, представленные нишами-лежанками в стенках и могилами в полу камер. В склепе № 56/2000 Алмалык-дере в полу вырублена могила прямоугольной формы размерами около 1,65 х 0,37 м и глубиной 0,4–0,5 м (рис. 88, 1). Несколько меньшая по размерам подпрямоугольная яма с закругленными углами размерами 1,0 х 0,35 м и глубиной 0,4 м выявлена в склепе № 1/1989 Южно-Мангупского могильника (рис. 88, 2). Подобные могилы внутри камер грунтовых склепов на синхронных могильниках Юго-Западного Крыма встречаются очень редко. Ближайшие аналогия – склеп № 52 Эски-Керменского могильника [Репников, 1932, рис. 32; Ломакин, 2023, с. 230, л. 65], в котором хоронили на протяжении последней четверти VI–IX вв. [Хайрединова, 2010, с. 140]. Неглубокие антропоморфные углубления в полу камер некоторых склепов также выявлены на могильнике Лучистое [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 14].

Ниши, которые могли использоваться для погребений, выявлены на Южно-Мангупском и Каралезском некрополях. В северо-восточной стене склепа № 8/1989 Южно-Мангупского могильника, на высоте 0,3 м от его пола, вырублена овальная в плане ниша размерами 1,23 х 0,40 м. На поверхности лежанки удалось зафиксировать остатки детского погребения. В склепе №12/1997 г. присутствуют две большие ниши в северной и западных стенках. Северная ниша имела размеры 1,35 х 0,55 х 0,75 м (рис. 88, 3), западная – 1,30 х 0,45 х 0,70 м (рис. 88, 4).

Среди раскопанных в 1985 г. склепов Каралезского могильника большие боковые ниши зафиксированы в двух сооружениях. Вероятно, ниша-подбой находилась в южной стенке склепа №27. В сечении она имела подквадратную форму

шириной 0,60 м и высотой до 0,50 м (рис. 88, 5). Длину ниши установить не удалось ввиду отсутствия ее поперечного сечения на полевых чертежах. В склепе № 13 в южной стенке также располагалась ниша-подбой с высотой свода около 0,50 м, шириной 0,60 м и длиной до 2,32 м (рис. 88, 6).

Дополнительные погребальные конструкции ввиду их небольших размеров, вероятно, использовались для захоронения детей. Находка детского скелета на лежанке в склепе № 8/1989 Южно-Мангупского могильника подтверждает это наблюдение. Большая ниша-подбой в склепе №13 Каралезского могильника явно предназначалась для взрослого человека. Могила в полу склепа №56/2000 могла использоваться для захоронения подростка либо индивида небольшого роста.

Дополнительные погребальные конструкции в камерах склепов были редкими. При этом даже при небольшой выборке можно отметить отличия в их конструктивных особенностях. На территории Алмалыкского могильника раскопано большее число склепов, чем на всех остальных однотипных памятниках округа Мангупа, но дополнительная погребальная конструкция – могила, встречена только в одном склепе. Отсутствие лежанок или могил, как в ранних, так и более поздних группах склепов, за исключением склепа № 56/2000, свидетельствует о непопулярности такого элемента в архитектуре погребальных сооружений Алмалык-дере. Также можно наблюдать отличия в подобных элементах между Южно-Мангупским и Каралезским некрополями. На могильнике на южном склоне Мангупа фиксируются ниши-лежанки с конхообразными сводами. На Каралезском могильнике дополнительные погребальные конструкции представлены «подбоями» с коробовыми сводами.

Склепы с лежанками наиболее широко были распространены в Херсонесе [Зубар, 1978, с. 36; Ушаков и др. 2020, с. 417–428]. Они выделены В.М. Зубарем в отдельный тип погребальных сооружений городища [Зубарь, 1982, с. 25]. В некоторых склепах с нишами-лежанками позднееримского времени могло быть захоронено более 100 человек [Фомин, 2011, с. 62; Пищулина, Сорочан, Фомин, 2020, с. 50]. Другой район распространения склепов с лежанками находился в Восточном Крыму. Прежде всего, это позднееримский и ранневизантийский

некрополь Боспора на северном склоне г. Митридат [Зинько, 2000, с. 69]. Здесь склепы с нишами получили распространение в III–VI вв. [Лысенко, Юрочкин, 2004, с. 98, 129], хотя известны и ранее [Масленников, 1982, с. 33]. Склепы с лежанками сооружались на некрополях округа Боспора во второй половине IV – второй половиной VI вв. [Масленников, 1990, с. 26, 27, 51].

Распространение ниш-лежанок в качестве погребального элемента подземных гробниц на Боспоре и в Херсонесе, возможно, связано с притоком населения из Малой Азии и Восточного Средиземноморья в связи с гонениями на христиан и варварскими набегами в Крым в III в. [Фомин, 2014, с. 305–306]. В Риме с начала IV в. в склепах с лежанками хоронили христиан. Склепы с нишами-лежанками в боковых стенках А.И. Айбабин выделяет в отдельный тип 2, который начал использоваться в Крыму в позднееримский период. В подобных комплексах предпочитало хоронить своих умерших христианское население. Захоронения в склепах с лежанками продолжались в V – первой половине VI вв., а их вырубка зафиксирована вплоть до VIII в. Но и позднее часть населения Херсонеса продолжала хоронить в погребальных комплексах позднееримского времени [Айбабин, 1999, с. 39, 49, 83, 199].

Традиция сооружения лежанок в грунтовых склепах Юго-Западного Крыма практически не известна. За пределами Мангупа она встречалась в единичных случаях, например, на некрополе Совхоз № 10 [Высотская, 1997, с. 257; Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 38] и в Скалистинском могильнике [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 6]. Под Мангуп данные элементы погребальной архитектуры могли быть привнесены отдельной группой населения, начавшей хоронить таким образом на Каралезском и Южно-Мангупском могильниках. При этом она уже была знакома с такой практикой. Кроме этого, дополнительные погребальные конструкции могли быть связаны с христианским погребальным обрядом. На это косвенно указывает распространение таких лежанок в склепах городского населения крупнейших центров позднееримского и ранневизантийского Крыма, где христианство было более развито, чем у варварского населения горной части полуострова.

В двух склепах могильников округа Мангупского городища обнаружены вырубленные изображения крестов. На противоположной нише-подбою стене камеры склепа №13 Каралезского некрополя вырезан крест на П-образном основании размерами 0,20 x 0,12 м (рис. 89, 1). Вероятно, этот символ является вариацией так называемого «креста на Голгофе» на треугольном основании, известном со второй половины IV в. [Юрочкин, 2002, с. 34]. Аналогичные христианские символы использовались и в более позднее время, например, в качестве граффити на амфоре класса 42 по ХК-95 из водосборной цистерны в VII квартале Херсонеса [Нессель, 2002, с. 243, рис. 1]. На Алмалыкском могильнике в склепе № 56/2000 с могилой в полу над входом в камеру вырублен равноконечный крест с расширяющимися концами размерами 0,23 x 0,20 м (рис. 89, 2). Он сопоставим с «греческим крестом» с сильно расширяющимися лопастями, изображения которого преобладают уже в VI в. [Рогова, 2014, с. 299, рис. 2]. В монографии 2016 г., посвященной Алмалыкскому могильнику, упоминается также вырезанный крест в склепе № 6/1996 [Maćzyńska und undere, 2016, s. 16], но его описание и чертежи не сохранились.

Остальные кресты, вырезанные на стенках склепов, обнаружены на Адым-Чокракском некрополе. На противоположной ко входу стенке склепа № 32 вырублен равноконечный крест с закругленными концами размерами 0,25 x 0,23 м (рис. 89, 3). По сторонам и выше него вырезаны три ниши, вероятно, составлявшие одну композицию с крестом. В камере склепа № 34 на задней стенке вырублен равноконечный крест с закругленными концами и размерами 0,39 x 0,43 м; во входной яме над входом в камеру вырезан подобный крест, но меньших размеров (0,22 x 0,24 м) (рис. 89, 4). На противоположной ко входу стенке погребальной камеры склепа № 28 зафиксирован прямоугольный «алтарь» размерами 0,52 x 0,40 м, в верхней части которого также вырезан крест с раздвоенными концами и размерами 0,14 x 0,15 м (рис. 89, 5).

За исключением креста из склепа № 13 типа B1 Каралезского могильника, остальные кресты выявлены в склепах группы D, которая появляется не ранее второй половины VI в. [Набоков, 2023а, с. 207]. При этом на различных

могильниках округа Мангупа мы наблюдаем разные изображения крестов. Несомненно, появление вырубленных на стенках погребальных камер и входных ям крестов связано с процессом христианизации населения региона в эпоху раннего средневековья [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 150].

2.2. Подбойные могилы

До появления Т-образных склепов на полуострове подбойные могилы выступали в роли одного из основных видов погребальных сооружений на варварских могильниках региона [Храпунов, 2000, с. 51; 2021а, с. 236; Суханов, 2021, с. 212]. Они преобладали среди скифского населения Крыма в IV–III вв. до н.э. Распространение подобного типа погребальных сооружений на позднескифских могильниках, а также их доминирование в начале I тыс. н.э. связывается с притоком в Крым сарматских племен [Мульд, 1996, с. 280–281; Храпунов, 2003, с. 43]. В III–IV вв. в подбойных могилах также могли совершать захоронения аланы [Айбабин, 1999, с. 82; Айбабин., Хайрединова, 2017, с. 25]. Более поздние могилы не имели каменную забутовку входной ямы, как в случае с комплексами более ранних скифо-сарматских погребений [Мульд, 1996, с. 284]. На раннесредневековых некрополях подбойные могилы продолжают сооружаться, при этом они не отличаются от более ранних подобных конструкций. Подбойные могилы обычно встречаются в двух вариантах: с одной или двумя погребальными камерами [Айбабин, 1999, с. 16, 107]. Реже известны могилы с тремя подбоями [Ушаков, 2010а, с. 58].

На грунтовых могильниках округа Мангупского городища подбойные могилы являются наиболее частым видом погребальных сооружений после грунтовых склепов. Исключением является некрополь Адым-Чокрак, где не было раскопано ни одной подбойной могилы. На Алмалыкском могильнике обнаружены 46 подбойных могил, из которых 28 полностью исследованы, включая шесть подбоев во входных ямах склепов и две подкурганые конструкции (рис. 90).

Форма и размеры подбойных могил разнообразны. Встречаются сооружения как с подпрямоугольными входными ямами и камерами, так и с овальными или

сильно скругленными. Заклад подбоя выполнен из слабо обработанных или необработанных мергелевых плит либо камней. Ориентация сооружений в основном приближена к оси запад-восток (13 комплексов) или север-юг (8 комплексов), с отклонениями по сторонам света. Расположение подбоев, ввиду различной ориентации комплексов, также не унифицировано: шесть находится с западной стороны, четыре – с восточной, еще шесть – с севера, пять – с юга. Подбои в боковых стенках входных ям склепов вырублены в четырех случаях с запада, в двух – с востока. Глубина могил также разнообразна и варьируется в пределах 0,90–2,40 м.

Вследствие разнообразия форм и многочисленных случаев повреждения сводов подбойных могил выделение отдельных конструктивных типов сооружений затруднено. Но на территории Алмалыкского могильника все же можно проследить несколько групп сооружений, отличающихся, прежде всего, разницей между глубиной дна входной ямы и полом погребальной камеры.

Тип 1 представлен подбойными могилами №№5 /1999, 6/1999, 7/1999, 15/2000, 16/2000 2/2001, 3/2002, 18/2004, с разницей высот от 0,20 до 0,60 м (рис. 91). Среди этих комплексов выделяются подбойные могилы №7/1999 и №43/2013 (курган №3), обладающие большими камерами длиной более 3,0 м и выкопанными на глубину более 2,0 м (рис. 91, 1-2). Они имеют подтреугольные ниши в торцевых стенках подбоев. Оба сооружения ориентированы поперек оси понижения склона. Подбойная могила № 18/2004 выделяется узким дном входной ямы и каменной забивкой на полу камеры (рис. 91, 10).

Тип 2 представлен двумя комплексами №№ 32/2006 и 42/2012 (курган №2), выделяющимися наличием промежуточной длинной ступеньки между входной ямой и камерой. В подбойной могиле № 42/2012 в качестве заклада выступают мергелевые плитки на ступеньке, горизонтально уложенные друг на друга (рис. 92, 1). Судя по сохранившейся части заклада, они выступали частью дна входной ямы, нивелируя перепад высоты между ею и ступенькой. В могиле №32/2006 ступенька в камеру имела уклон в сторону подбоя (рис. 92, 2).

Тип 3 выделяется по небольшому перепаду между входной ямой и подбоем, который зафиксирован в шести подбойных могилах №№ 1/1998, 1/2001, 17/2003, 41/2011, 31/2005, 45/2019 (рис. 92, 3-8).

К типу 4 относится единственное погребальное сооружение №33/2006, обладающее двумя камерами, выкопанными на различную глубину ниже дна входной ямы (рис. 92, 9). Восточный подбой могилы размерами около 2,40 x 0,85 x 0,80 м имел вытянутую прямоугольную форму. В ее северной стенке обнаружена подтреугольная ниша. Западный подбой имел размеры 1,60 x 1,10 x 1,25 м и был выкопан значительно ниже. В нем зачищено детское погребение, при ограблении перемещенное во входную яму и в восточный подбой, где был похоронен взрослый индивид. Судя по схожести формы входной ямы и восточной камеры, при сооружении могила имела только один подбой. Входное отверстие западного подбоя примерно на 0,80 м короче, чем длина входной ямы, тогда как пол восточного подбоя и длина последнего близки. Можно предположить, что изначально данный комплекс относился к типу 1. При этом наибольшее сходство он обнаруживает в сравнении с могилами №№ 32/2006 и 42/2012.

Тип 5 представлен подбоями, у которых в качестве входной ямы выступают входные ямы склепов №№ 75/1999, 178/2005, 188/2008, 193/2008, 207/2019 (рис. 93). Два подбоя вырублены ниже дна входной ямы (рис. 93, 1-2), еще два сооружены в верхней части стенок (рис. 93, 4-5). Во входной яме склепа №1 88/2008 подбои присутствуют в обеих торцевых стенках: один практически в уровень с дном, второй – примерно на 0,40 м выше. В основном подбои обнаружены во входных ямах склепов типа В1, в одном случае – типа С2, а также в склепе неопределенного типа. Подбои возникали после сооружения склепа, также имели собственные заклады из плит. Подбой № 198-1 и подбойная могила № 44/2019 расположены в верхних частях входных ям, намного выше входа в склепы. Такие элементы не стоит рассматривать как дополнительные погребальные конструкции самих склепов

Вопрос связи, погребенных в подбоях и погребальных камерах склепов, остается открытым. В ряде подбоев, судя по их размерам, совершены детские

погребения (№№ 1-75, 188-1, 188-2 и 193-) (рис. 93, 1, 3-4). Быть полностью уверенным в том, что захоронения детей во входных ямах склепов обусловлено их связью с погребенными родственниками в погребальной камере довольно сложно. В камерах ряда склепов также выявлены детские погребения. Но полностью отрицать такую традицию детских захоронений вне склепов нельзя. Кроме того, еще сложнее объяснить погребения взрослых в могилах типа V. Большая подбойная могила № 29/2005 вырублена для взрослого индивида, в могиле № 44/2019 зачищен костяк женщины 20-25 лет (рис. 93, 2, 5). Вероятно, на момент сооружения подбоев контуры входных ям склепов читались на поверхности, а их заполнение было более мягким, чем природная материковая глина. Из-за этого сооружение могил типа 4 могло быть менее трудозатратным.

Отдельно стоит упомянуть подбойную могилу № 37/2007. При стандартной входной яме размерами около 1,60 x 0,50 x 0,60 м она имела небольшой подбой в южной стенке со скругленными углами размерами 0,80 x 0,35 x 0,35 м. Свод подбоя обрушился. В небольшой камере зафиксировано уникальное погребение мужчины 20-40 лет, представленное только одним черепом без нижней челюсти [Jacobi und andere, 2013, s. 344, abb. 9]. Прямых аналогий такому обряду на территории синхронных памятников обнаружить не удалось (рис. 94).

В ходе исследований на территории могильника на южном склоне Мангупа полностью раскопаны шесть подбойных могил (рис. 95). Кроме того, в 1996 г. зафиксирована могила, уходящая в борт раскопа, еще одна полностью рухнула в склеп № 8/1996. Они не включены в общую нумерацию погребальных сооружений памятника, так как их раскопки не проводились. Ввиду особенностей грунта и ограбления своды сооружений сохранились плохо. Три подбойных могилы №№ 3/1989, 1/1996, 6/2018 зафиксированы практически на уровне дна (рис. 95, 1-3). Перепад высоты между входной ямой и подбоем был небольшим либо отсутствовал вовсе, как у типа 3 подбойных могил Алмалык-дере.

Как и на Алмалыкском некрополе, на Южно-Мангупском могильнике выявлена подбойная могила № 2/1996 с двумя камерами (рис. 95, 5). Дно ее входной ямы и частично пол южного подбоя повреждены грабительской ямой. Оба

подовальных в плане подбоя не имели значительных отличий друг от друга и проследить, какой из них был более ранним, либо они являются синхронными, не представляется возможным. Во входной яме склепа № 14/1997 вырублен большой подбой, пол которого углублен на 0,40 м относительно дна (рис. 95, б). Стоит также отметить конструктивные особенности подбойной могилы № 3/1996. Ее входная яма имела размеры 1,78 x 0,65 x 0,70 м, но подбой был значительно меньших размеров в пределах 0,62 x 0,36 x 0,18 м. Часть южной стенки входной ямы дополнительно увеличена за счет мергелевых плит (рис. 95, 4). Конструктивно это сооружение близко подбойной могиле № 37/2007.

Подбои Южно-Мангупского некрополя устроены в северных стенках входных ям. Только у двухкамерной могилы № 2/1996 второй подбой вырублен в противоположной южной стенке. В отличие от Алмалыкского могильника, все раскопанные подбойные могилы вытянуты по оси запад-восток. Их камеры имеют стандартную форму: овальные или подпрямоугольные со скругленными углами. Ниши или другие элементы архитектуры не обнаружены.

Основываясь на доступных материалах раскопок Каралезского некрополя, нам известны на его территории 12 подбойных могил, две из которых вырублены во входных ямах склепов (рис. 96-97). Это, как минимум, треть из всех обнаруженных в 1984–1985 гг. погребальных комплексов могильника. Все погребальные комплексы ориентированы по оси юго-запад – северо-восток, в сторону понижения склона г. Чердаклы-баир. Доступные чертежи в ряде случаев не полные, отсутствуют некоторые планы и поперечные разрезы комплексов (рис. 96, 2, 3, 5; 97, 3). Часть могил (№№ 11, 16, 26, 38, 40) имели суженное дно входной ямы, которое являлась ступенькой в погребальную камеру (рис. 96, 4-6; 97, 1, 3). Они близки типу 2 подбойных могил Алмалык-дере, но на Каралезском некрополе традиция вырубки подобных сооружений более распространена. В остальных случаях зафиксированы перепады высоты между входной ямой и камерой, подобно типу 1. Подбойные могилы №№ 14 и 16 во входных ямах склепов №№ 13 и 15 вырублены в северных стенках. Судя по их длине (2,20 и 1,90 м), оба подбоя сооружены для погребений взрослых.

Сооружение подбоев во входных ямах склепов не связано с определенным этносом или историческим периодом. Такие конструкции фиксировались на различных памятниках, например, в склепе № 2 некрополя Ольвии, датированном II в. до н.э. [Ивченко, 2015, с. 174–179], на могильниках Дружное, Перевальное, Нейзац [Храпунов, 2002, с. 15], Фронтное 3 [Свиридов, Язиков, 2019, с. 195], Эски-Керменском некрополе [Айбабин, 1999, с. 199], в склепе середины IX в. Верхне-Салтовского могильника [Аксенов, 2015, с. 12–15].

В основной массе подбойные могилы некрополей округа Мангупа похожи. Но, как и в случае со склепами, наибольшее разнообразие типов фиксируется на Алмалыкском могильнике. Такого рода погребальные комплексы сооружались на протяжении всего периода функционирования некрополей округа городища, в целом полностью отображая картину, характерную для Юго-Западного Крыма позднееримского и ранневизантийского времени.

2.3. Могилы с заплечиками. Простые грунтовые могилы. Захоронения лошадей. Кремация

Могилы с заплечиками распространяются в Крыму с I в. н.э. и, как и в случае с подбойными могилами, их использование может быть связано с сарматскими погребальными традициями [Мульд, 1996, с. 281, 286]. Комплексы, возникшие позднее, начиная с середины III в., отличаются от более ранних сооружений отсутствием каменных вымосток с прослойками земли между ними. В подобных погребальных сооружениях продолжали хоронить в VI–IX вв. [Айбабин, 1999, с. 18, 93, 199].

На некрополях округа Мангупа такие погребальные сооружения известны только на территории Алмалык-дере. Здесь обнаружены четыре могилы на южном и северном участках памятника среди погребальных конструкций других видов. При сооружении таких могил не выдерживалась порядковка относительно других комплексов (рис. 98, 1; 99, 3), за исключением могилы № 4/2008.

Могилы с заплечиками представляют собой подпрямоугольные в плане сооружения с вертикальными стенками. Ширина заплечиков, вырубленных в

боковых стенках, варьировалась в пределах 0,23–0,25 м. Несколько отличается конструкция заплечиков могилы № 4/2008. Здесь погребальная камера была выкопана с отступом не только от боковых, но и от торцевых стенок, ввиду чего заплечики в ней имеются со всех сторон (рис. 99, 1). За исключением могилы № 4/2008, конструкция для погребенных на 0,4 – 0,8 м ниже дна входной ямы. В двух случаях могилы вытянуты по оси запад-восток, также встречается ориентация по оси север-юг и северо-запад – юго-восток.

Могила № 1/2006 использовалась для детского погребения, так как имела размеры всего лишь 1,60 x 0,89 м (рис. 98, 1). Остальные имели длину от 2,34 до 2,56 м, ширину 0,90-1,0 м. В сравнении с большинством подбойных могил могилы с заплечиками выкапывались на глубину от 2,10 до 2,76 м, кроме могилы № 2/2006, дно которой зафиксировано на глубине 1,47 м (рис. 98, 3).

Все могилы с заплечиками выявлены при площадных раскопках, три ограблены в древности. Можно предположить, что их деревянное перекрытие быстро разрушалось, так как его следы при раскопках не удалось зафиксировать. Пустое пространство оказывалось заполненным грунтом, затекшим после древнего ограбления и последующего обрушения заклада. Расстояние между крайними могилами с заплечиками на территории некрополя составляет около 375 м. Можно предположить, что, в действительности, таких сооружений на памятнике было гораздо больше.

На Алмалык-дере обнаружены четыре простые грунтовые могилы, в трех из них зачищены конские захоронения. В отчетных материалах сохранилось только текстовое описание могилы № 1: яма вытянутой формы с закругленными краями, ориентирована по оси восток-запад, размеры 1,6 x 0,6 x 0,45 м. Продольные стенки вертикальные.

Погребение лошади №1 совершено в попрямоугольной в плане яме размерами 2,1 x 0,60 м и глубиной от материковой поверхности в пределах 0,5–0,6 м. Яма ориентирована по оси север-юг с небольшим отклонением к востоку. Скелет животного в могиле не сохранился (рис. 100, 1). В 1996 г. в процессе переборки грабительского отвала был обнаружен череп коня. На дне ямы зафиксированы

части костей ног с копытами. Следует предположить, что в могиле были захоронены только фрагменты туши лошади.

Погребение лошади №2 совершено в яме подпрямоугольной формы размерами 2,25 x 0,80 м, которая расширялась ближе ко дну. Глубина ямы 1,32–1,62 м (рис. 100, 2). Комплекс ограблен, часть сохранившихся костей лошади (головы, шейного отдела позвоночника и плечевого пояса) обнаружена в перекопе (рис. 100, 2). На дне зачищен частично сохранившийся *in situ* костяк на боку (рис. 100, 3). Его ориентация по оси северо-восток – юго-запад.

Ограбленное погребение лошади № 3 совершено в яме подпрямоугольной формы размерами 1,90 x 0,60 м и глубиной 1,0 м. Скелет сохранился *in situ* в северной части могилы. Судя по положению костей, животное было захоронено в юго-западной ориентации на животе с подогнутыми ногами (рис. 100, 4).

Инвентарь в захоронениях лошадей отсутствует. В двух случаях зафиксирована юго-западная ориентация погребений. Конские захоронения №№ 2 и 3 открыты в северной части некрополя и вписаны в рядовку склепов и подбойных могил. Вероятно, лошади были погребены полностью, в одном случае на левом боку, в другом – на животе. Все конские погребения совершены в конструктивно близких погребальных сооружениях, только могила № 3 шире, вероятно, ввиду запланированного способа укладки туши на бок. Подобный обычай фиксировался еще на могильниках в Крыму в первые века н.э. [Мульд, 2009, с. 300–302]. Отсутствие погребального инвентаря может быть объяснено двумя факторами: ограблением либо поздней вариацией обряда, выявленного на могильнике Нейзац, где погребения лошадей безынвентарны [Храпунов, 2019, с. 74–75]. Также захоронения лошадей в ямах обнаружены на могильниках Дружное и Черная речка [Храпунов, 2002, с. 75].

Различия в способах захоронения коней в отдельных ямах не является уникальной особенностью. Подобная ситуация выявлена при исследовании могильника Дюрсо на Северо-Западном Кавказе [Дмитриев, 1979, с. 212–219]. Погребение лошади № 1, судя по остаткам ее головы и костей ног, представляло собой так называемое «погребение шкуры коня» [Засецкая, 1994, с. 65]. Данный

комплекс расположен в центральной части Алмалыкского некрополя. Конские захоронения в отдельных ямах практически невозможно связать с соседними погребальными объектами. Возможно, они связаны с еще не выявленными погребениями воинов-всадников. Захоронения лошадей характерны для кочевников гуннского и постгуннского времени. Этот обряд также известен у германцев в конце IV – первой половине V в., вероятно, в связи со «степным» влиянием на их культуру [Казанский, 2021, с. 102–103].

Наиболее нетипичным объектом для могильников округа Мангупа является погребение по обряду кремации на могильнике Алмалык-дере. Оно было совершено в небольшой округлой яме диаметром около 0,60 м и глубиной до 0,10 м. На ее дне найдены множество угольков и несколько фрагментов обгоревших костей, которые принадлежали человеку в возрасте 30–50 лет.

По разработанной А.И. Айбабиным типологии погребений по обряду трупосожжения, эта кремация близка к его 6-му варианту, совершенному в небольших ямках, засыпанных землей с пережженными костями [Айбабин, 1999, с. 24]. Такие трупосожжения, например, выявлены на могильнике Бельбек I, который функционировал до конца IV в [Айбабин, 2017, с. 40]. Кремацию, предположительно, нужно отнести к раннему этапу истории памятника, то есть к концу IV – началу V в. Такие хронологические рамки комплекса не противоречат времени существования могильников с кремациями различных вариантов в Юго-Западном Крыму [Мыц, 2006, с. 172; Храпунов, 2016, с. 125; Айбабин, 2015, с. 317–338], которые связываются с приходом германских племен в середине III в. [Айбабин, 1999, с. 26; Казанский, 2006, с. 27; Храпунов, 2016, с. 127].

2.4. Курганы

Из шести курганов, известных, на сегодняшний день, на территории Алмалыкского могильника, три были выявлены непосредственно в ходе раскопок. Курган №3 раскопан полностью, курган №5 – примерно на 60-70%. У наименее изученного кургана № 2 исследованы только его центральное погребальное

сооружение и часть кольцевого ровика, поврежденного более поздними грунтовыми склепами.

Курган №2 расположен на пологом участке склона Мангупа в северной части могильника, примерно в 25 м к юго-западу от кургана № 1. На современной дневной поверхности его насыпь почти не фиксируется. Полностью раскопано центральное погребальное сооружение, которым является подбойная могила № 42/2012. Она окружена незамкнутым в южной части кольцевым ровиком, выкопанным в материке на глубину 0,60 м. Фрагменты ровика были зафиксированы еще при раскопках в 2005 г. расположенных рядом склепов №№ 177/2005 и 180/2005. В сечении он имеет трапециевидный профиль, ширину около 0,60 м в верхней части и 0,40 м по уровню дна. Предполагаемый диаметр около 12,0 м (рис. 101).

Подбойная могила № 42/2012 вытянута по оси север-юг поперек склона, подбой сооружен с севера в сторону повышения склона (рис. 102). Входная яма прямоугольной формы размерами 2,40 x 0,78 м, в северной части разрушена. Вдоль продольной осевой линии ее дна имеется продольная первая ступенька глубиной 0,27 м в сторону подбоя. Вторая ступенька глубиной 0,30 м ведет в камеру. Заклад представлял собой кладку из 9–11 слоев крупных мергелевых плит размерами до 0,80 x 0,50 x 0,10 м, уложенных плашмя и заполнявших дно первой ступеньки. Глубина камеры от поверхности материка до 2,40 м. Она имела в плане прямоугольную форму размерами 2,74 x 0,92 м. Торцевые стенки плоские, трапециевидной формы с четко выраженными углами. В центре северной стенки подобие треугольной ниши шириной 0,07 м, высотой 0,13 м и глубиной 0,06 м. Потолок камеры плоский. Комплекс был ограблен в древности. В слое ограбления найдены части скелета одного погребенного (молодого мужчины).

Курган № 3 расположен на границе южной и центральной частей могильника, примерно в 15 м к северу от кургана № 4, на пологом склоне. В 2008 г. в южной части раскопа зафиксирована изогнутая «канавка», выкопанная в материковой глине. В 2013 г. вычислен диаметр окружности «канавки», в центральной части которой был заложен раскоп площадью 7,5 кв. м. В пределах участка исследований

выявлена подбойная могила № 43/2013, которая являлась центральным погребением комплекса с внешним кольцевым ровиком. На момент раскопок 2013 г., ввиду небольшой площади участка исследований, курганная насыпь зафиксирована не была. В 2019 и 2022 гг. здесь был заложен большой раскоп, который и позволил завершить исследования курганного комплекса на всей его площади (рис. 103-104).

Курган № 3 представляет собой погребальное сооружение округлой формы диаметром 11,00–12,40 м, внутреннее пространство которого занимает грунтовая насыпь высотой в центральной части не менее 0,60 м. Комплекс ограничен на местности двумя кольцевыми конструкциями – каменной обкладкой и ровиком. Мощность курганной насыпи возрастает в восточном направлении. На поверхности по внешнему краю уложена каменная обкладка кургана, которая лишь в некоторых местах была немного углублена в грунт (рис. 105).

Кольцевая обкладка кургана имела ширину 0,70-0,85 м, сложена без связующего раствора из разномерных (от 0,06 х 0,10 до 0,55 х 0,75 м) необработанных бутовых камней. Она однорядная либо местами в несколько рядов. Зачастую камни больших размеров образовывали внешний контур. Часть обкладки сейчас вывалилась или сползла в ровик кургана. В особенности это касается более крупных камней из внешнего контура кромлеха. Внутренний максимальный диаметр обкладки около 7,50 м, внешний – до 8,70 м (рис. 106).

Внешний диаметр ровика до 12,40 м, внутренний – до 10,40 м. Он имеет ширину от 0,50 м по дну и до 1,20 м по верхнему краю; глубина 0,65-0,80 м. В южной части ровик имел перемычку, которая разрушена входной ямой погребального сооружения. Она сохранилась в виде двух выступающих останцев, благодаря которым можно реконструировать ширину перемычки – до 1,20 м. При этом замкнутые края ровика смещены относительно друг друга, а верхний контур восточной стороны рва несколько шире (до 1,20 м). В то же время ширина западной части ровика составляет 0,75 м. Края ровика плавно сужаются к уплощенному дну, приобретая почти вертикальный профиль в нижней части. Вероятно, изначально его профиль имел форму, близкую к перевернутой равнобедренной трапеции, но

верхняя часть постепенно разрушалась и сползала ко дну, образовав нижний горизонт заполнения. В дальнейшем, в результате смыва грунта сформировался верхний слой заполнения ровика (рис. 107).

Насыпь перекрывала подбойную могилу № 43/2013 (рис. 108, 1). Ориентация входной ямы и камеры по оси север-юг, поперек склона. Входная яма выкопана на глубину до 2,20 м от уровня материковой поверхности (рис. 108, 2). Пол камеры зафиксирован на глубину до 2,65 м. Входная яма имела размеры около 2,6 x 0,9 м, верхняя часть повреждена при древнем ограблении. Ее сохранившиеся стенки вертикальны, дно ровное. В западной боковой стенке зафиксирована ниша-ступенька размерами 0,15 x 0,20 м и глубиной 0,10 м. В грабительском перекопе обнаружены кости от одного погребенного.

Заклад могилы состоял из плоских мергелевых плит, поставленных вертикально в несколько рядов. Вход в камеру подпрямоугольный в плане, шириной до 1,9 м и высотой около 0,60 м. Камера имеет подтрапещевидную форму, ее длина у входа 2,95 м, у западной (боковой) стены – 3,35 м, ширина около 1,6 м. Потолок и западная стена погребальной камеры образуют единый скругленный свод. В северной торцевой стенке камеры имеются две глубокие (до 0,23 м) вырубные треугольные ниши высотой около 0,34 м и с максимальной шириной до 0,25 м (рис. 108, 3). Южная торцевая стена частично разрушена при ограблении. Высота камеры до 0,95 м. Глубина уступа между полом входной ямы и полом камеры 0,30 м. В 1,0 м к северу от подбойной могилы на поверхности насыпи зачищена *in situ* в вертикальном положении известняковая плита размерами 0,57 x 0,43 м и толщиной до 0,06 м, вероятно, надгробие комплекса. Изначально надгробная плита была выше, так как на момент исследований 2019 г. ее верхняя часть была уже обломана.

Процесс возведения кургана № 3 представляется следующим образом. После сооружения подбойной могилы № 43/2013 в конце IV в. часть материковой глины, не попавшей в насыпь ее входной ямы, использовалась при формировании насыпи кургана. В дальнейшем насыпь продолжала возводиться с помощью грунта на поверхности могильника, а также из глины, выбранной при сооружении ровика

(рис. 109). При возведении насыпи к северу от погребения был установлен могильный камень и возведена каменная кладка-кромлех. Во второй половине V – первой половине VI вв. курган вместе со всеми конструктивными элементами оставался хорошо видимым в рельефе местности. Контуры его ровика стали местом для сооружения входных ям ряда склепов этого времени и не исследованного на данный момент погребального сооружения, разрушившего перемычку в ровике (рис. 110).

Курган № 5 расположен в 25 м к западу от кургана № 3. Насыпь имела диаметр 7,0 м и высоту более 0,5 м (рис. 111, 1). Ее нижняя часть представлена вымосткой из среднего и мелкого камня, лежащей на предматериковом слое. Сохранившийся участок зачищен в северной части кургана. Вымостка перекрывалась насыпью из грунта, которая сохранилась в восточном секторе кургана; поверх уложен панцирь из мелкого камня. Каменная обкладка сохранилась вдоль северного контура кургана, восточный отрезок сложен из известняковых плит, уложенных встык. Восточный отрезок обкладки сохранился в виде более редкой цепи камней меньших размеров. В юго-восточном углу на надматериковом горизонте остатки курганной насыпи отсутствуют (рис. 111, 2).

В центральной части кургана располагалась входная яма Т-образной могилы №1 (рис. 112, 1). Она имела каменную обкладку в виде стены из крупных известняковых блоков в 1–2 ряда. Ориентирована по оси юго-восток – северо-запад. Длина 2,65 м, ширина у восточного края по верху до 0,65 м, у западного – до 0,73 м, глубина, соответственно – 2,20 и 2,40 м. В восточной части сохранилась первоначальная засыпь. У торцевых стен впритык к краю стояли особенно крупные блоки обкладки.

Входная яма имела подпрямоугольную форму. Ее длина 2,65 м, передняя стенка расширялась книзу. Входное отверстие разбито, но первоначальный диаметр, видимо, был совсем небольшим. По обеим сторонам от него *in situ* сохранились камни, подпиравшие закладную плиту. Пол входной ямы горизонтален. У торцевой стенки в северо-восточном углу (рис. 112, 2), напротив входа, располагались три ступени, вырубленные в материковой глине. Верхняя

ступенька имела высоту от пола 0,96 м, ее размеры 0,15 х 0,21 м, вторая, соответственно – 0,52 м и 0,22 х 0,29 м. Третья ступенька сохранилась на высоту около 0,26 м (рис. 112, 3).

T-образная могила имела подпрямоугольную в плане погребальную камеру размерами 2,45 х 1,45 х 1,12 м (рис. 113). Ее длинная ось перпендикулярна оси входной ямы. Дромос практически отсутствовал. Разница в уровне дна входной ямы и пола камеры 0,85 м. Свод коробовой формы. У левой стены на всю ее ширину вырублена полка-ступень, имеющая, как и стена, заметную дугообразность в плане. Размеры полки: ширина 0,26 м, высота 0,19 м. Стенки камеры практически вертикальные. Границы между сводом и стенами, а также углы камеры подчеркнуты канавками, выполненными краем инструмента типа тесла. Аналогий данному погребальному сооружению на территории Крыма обнаружить не удалось. Единственный похожий комплекс с длинной входной ямой и примыкающей к поперечной стенке небольшой камерой был открыт в свое время на территории Чернореченского могильника (рис. 116, 1).

Могила № 1/2007 конструктивно близка северокавказским T-образным катакомбам [Maćzyńska und andere, 2016, s. 15; Науменко, Герцен, Набоков, 2022, с. 184]. Формирование T-образных катакомб, как подкурганных погребальных сооружений на территории Центрального Кавказа в III – IV вв., М.П. Абрамова связывала со смешением местного населения, соорудившего бескурганные катакомбы, и пришлых носителей курганной традиции [Абрамова, 1993, с. 186–187]. Другое предположение выдвинул Т.А. Габуев. Появление курганов с T-образными катакомбами связано им со второй миграцией алан в III в. н.э. с территории Средней Азии [Габуев, 1997, с. 80; Габуев, 1999, с. 64.]. Ряд исследователей отмечает, что близкие подкурганные катакомбы фиксируются на Северном Кавказе и в более раннее время [Мошкова, Малашев, 1999, с. 190–191], а процесс формирования северокавказских катакомб имеет местные корни [Малашев, Торгоев, 2018, с. 47]. Истоки появления катакомбы под курганом № 5 на Алмалык-дере необходимо связывать с уже сложившейся традицией на территории Центрального и Северного Кавказа. В середине – второй половине III в. катакомбы

начинают массово распространяться на территории Подонья, где они в единичных случаях встречались еще в конце II – первой половине III вв. [Безуглов, Копылов, 1989, с. 171] Редкие случаи подкурганных катакомб III–IV вв. фиксируются и в Северо-Западном Причерноморье [Субботин, Дзиговский, 1990, с. 24; Тоцев, Сапожников, 1990, с. 16-17].

Погребальное сооружение кургана № 5 может быть отнесено к катакомбам Северного Кавказа типа I по типологии К.Ф. Смирнова [Смирнов, 1972, с. 74–75, рис. 1], дополненной впоследствии В.А. Мошковой и В.Ю. Малашевым [Мошкова, Малашев, 1999, с. 173; Малашев, 2016, с. 58], в которых продольные оси входных ям и камер перпендикулярны друг другу (рис. 114, 1; 115, 1–3). Но существует и несколько отличий. У могилы № 1/2007 более правильная подпрямоугольная форма погребальной камеры, практически отсутствующий дромос и коробовая форма свода. Кавказские катакомбы, как подкурганные, так и обычные, имеют значительные вариации в форме входной ямы и камеры, количестве и положении ступеней в ней, форме свода, длины дромоса и перепада высоты между камерами и дромосом. К примеру, значительное количество вариаций катакомб (19) выявлено на могильнике Брут-2 в Северной Осетии (рис. 114, 2). По наличию ступеней у продольной стенки входной ямы и отсутствию дромоса, комплекс из Алмалык-дере похож на 15-й вариант катакомб с невыраженным дромосом могильника Брут-2. Входящие в эту группу курганы датируются не позднее первой половины III в. [Габуев, Малышев, 2009, с. 72, 140, табл. №1, 14]. При сравнении с катакомбами поздней хронологической группы могильника Брут-2 могила № 1/2007 отличается от них подпрямоугольной формой камеры, более низким сводом и практически отсутствующим дромосом. В целом конструкция могилы № 1/2007, несмотря на многообразие известных форм Т-образных катакомб, находит множество синхронных аналогий (рис. 116, 2-6). На них, в отличие от кургана №5, не выявлены дополнительные каменные конструкции.

Одной из уникальных особенностей курганов №№ 2 и 3, не характерной для Крыма, является наличие ровика с перемычкой или разрывом в южной части. Наличие перемычек у ровиков является важным элементом погребального обряда

[Габуев, 2017, с. 81–82], особенно с меридиональной закономерностью в расположении. В Крыму пример такого кургана обнаружен на могильнике Совхоз-10 (рис. 117, 19). Центральное погребение здесь совершено в грунтовой могиле, где располагался каменный ящик; иные каменные конструкции отсутствовали. Комплекс датирован серединой III – IV вв. Исследователями памятника приведены аналогии с территории Среднего Прикубанья [Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 38–39, рис. 8]. Курганы с ровиками и перемычкой в южной части, соотносимые с сарматами либо аланами, встречаются, начиная с Центрального Кавказа (рис. 117, 1-6), Нижнего Дона (рис. 117, 7-12), Северного и Северо-Западного Причерноморья (рис. 117, 12-16) и заканчивая Венгерской низменностью (рис. 117, 17-18). На указанных территориях также зафиксированы ровики с парными перемычками – в северном и южном секторах. Встречаются конструкции с одиночными перемычками, включая западные, а так же с тремя и большим числом разрывов.

Круглые и квадратные ровики с разрывами в южном и северном секторах распространены на Северном и в Центральном Кавказе. Отдельные комплексы, обладающие схожими с курганами №№ 2 и 3 Алмалыкского некрополя ровиками, выявлены на могильниках Брут-2 [Габуев, Малышев, 2009. с. 13–31, 34–38, рис. 6; 13, 16; 23, 19; 25; 29; 31], Беслан [Дзуцев, Малашев, 2014. с. 102; Коробов и др., 2021, с. 163, рис. 6, 8], Экажево I [Малашев, 2021, с. 34, 36.], Октябрьский I и Киевский I [Малашев, 2020, с. 439–460].

Курганы с ровиками выявлены на памятниках позднесарматской археологической культуры, которая включает две фазы: начальную (2-я половина II – середина III вв.) и финальную (2-я половина III–IV вв.). На некоторых позднесарматских памятниках Северного Причерноморья фиксируются круглые, квадратные и прямоугольные ровики [Симоненко, 2011, с. 169–171]. Детальную датировку позднесарматской культуры представил А.С. Скрипкин, разделив ее на три этапа – рубеж I–II вв. – третья четверть II вв., третья четверть II – середина III вв. и середина III–IV вв., и отметив, что на финальном этапе распространяются подкурганые погребения в катакомбах, которые связаны с аланами [Скрипкин, 2017, с. 223, 240].

С.И. Безуглов разделил нижнедонские памятники степной позднесарматской культуры на два этапа. Первый этап (середина III – первая треть IV вв.) связан с большим количеством подбойных могил в качестве подкурганных сооружений. В дальнейшем, до рубежа IV – V вв., подбойные могилы количественно уступают катакомбам, благодаря чему выделяется второй этап этой культуры. На его протяжении фиксируются новые погребальные элементы: выраженные дромосы; углубления в полу камер перед входом; платформы для погребенных, сооруженные вдоль длинных стенок камер; округлые ниши в камерах [Безуглов, 2008, с. 289–291]. Происходившее в это время распространение катакомб связывается с усилением влияния племен Центрального Предкавказья в регионе [Безуглов, Копылов, 1989, с. 180–181]. На данный момент связь катакомбных погребений Нижнего Дона с выраженной Т-образной планировкой и раннеаланской культурой считается общепризнанной [Малашев, 2009, с. 50].

Возможной причиной распространения круглых и квадратных ровиков на Нижнем Дону А.В. Симоненко считал участие в готских походах носителей данной традиции с территории Северо-Западного Причерноморья [Симоненко, 1991, с. 213]. Но необходимо отметить и более ранние примеры курганов II – первой половины III вв. с круглым рвом, перемычкой с юга на могильниках левобережья р. Сал (правый приток р. Дон), что является редкостью для степных сармат до середины III в. [Ильюков, 2000, с. 111; Гугуев, 2000, с. 149]. Появление курганов с кольцевыми ровиками и разрывом с в южном секторе в конце II – первой половине III вв. на некрополе Танаиса связывается с присутствием здесь сармат [Вдовченков, 2017, с. 124]. Сопоставлять все погребения с ровиком и перемычкой с юга только с сарматами не правомерно, так как эта традиция является общекочевнической и встречается на большой территории, от Венгрии до Казахстана [Гугуев, 2017, с. 132; 2019, с. 92, 106, рис. 1, 2].

В Северо-Западном Причерноморье кольцевые рвы, как с разрывом в южной части, так и без него, фиксируются при раскопках многих курганных и грунтовых захоронений на протяжении длительного периода времени, в I–IV вв. [Симоненко, 2022, с. 171–172]. К числу таких примеров можно отнести курган №14

Василевского могильника [Субботин, 1990, с. 2, рис. 7, 15], курган № 9 могильника Кубей [Субботин, 1990, с. 20, рис. 20, 1], курган № 1 могильника Котловина I [Симоненко, 2020, с. 170, рис. 1, 1] и др. Некоторые курганы на сарматских некрополях Саботина-Азотара и Кунфехерго-Ковач, расположенных на Венгерской низменности, также имели ровики с разрывом на юге [Kulcsár, 1998, p. 95–96, 102, кёр. 10; 24; 32; Кульчар, 2000, с. 70]. В.А. Кульчар отмечает, что наличие комплексов с ровиками в Альфёльде (Венгрия) указывает на родственную связь местных племен с населением Северо-Западного Причерноморья, которое и принесло эту традицию в Карпатский бассейн во II в. н.э. [Кульчар, 2000, с. 70]. Большинство ровиков окружали грунтовые погребения, где на момент раскопок не фиксировались насыпи; принадлежность таких объектов к числу курганов остается спорной [Кульчар, 1997, с. 127]. В Альфёльде новые комплексы с ровиками появляются не ранее начала V в. Такие погребения соотносятся здесь с притоком сарматских переселенцев с востока, что связано с гуннским нашествием [Иштванович, Кульчар, 2016, с. 103–104, рис. 3].

Появление ровиков на Алмалыкском могильнике также могло быть вызвано миграциями с востока, произошедшими в последней четверти IV в. в связи с гуннским вторжением в Крым. Хронологически курганы №№ 2, 4 и 5 наиболее близки финальной фазе позднесарматской культуры, определяемой исследователями в рамках IV в. Т-могила № 1/2007 и ровики с перемычкой в южном секторе у курганов №№ 2 и 3 с подбойными могилами берут свои истоки в погребальных сооружениях позднесарматских племен Нижнего Дона, которые испытали сильное аланское (северокавказское) влияние. На данный момент эта гипотеза логичнее всего объясняет появление курганов под Мангупом. Но, ввиду ограбленности всех изученных курганов Алмалык-дере и редкости в целом такого рода комплексов в Крыму, более точные выводы пока сделать сложно.

Необычными конструктивными элементами в курганах №№ 3 и 5 являются каменные конструкции – выкладки и кольцевые кладки-кромлехи. Для аланских и позднесарматских курганов такие погребальные элементы не характерны. Близкие погребальные традиции встречается на территории Восточной и Северной Европы

в различные эпохи (рис. 118-119) [Никитина, 1974, с. 78–79; Щукин, 2005, с. 29, рис. 3; Вакуленко, 2010, с. 76, рис. 44, 1; Шиманский, 2008, с. 166–179]. С учетом присутствия германских элементов в формировании населения Юго-Западного Крыма в позднееримское и раннесредневековое время [Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 215], сооружение каменных конструкций у курганов в балке Алмалык-дере также может выглядеть логичным.

Кольцевая обкладка курганов №№ 3 и 5 лишь, на первый взгляд, напоминает каменные круговые конструкции на могильниках вельбарской и пшеворской археологических культур [Казанский, Мастыкова, 2022, с. 151]. Алмалыкские комплексы крайне сложно поместить в классификационные ряды, разработанные Я. Ясканисом и Р. Волонгевичем для курганов вельбарской культуры [Cieśliński, 2014, s. 45-98]. Наличие именно подбойной могилы и катакомбы в курганах №№ 3 и 5, отсутствие кремации в кургане № 3 или же ингумации в яме, характерных в том или ином виде для германцев, не позволяют уверенно связать эти комплексы с «восточногерманским» влиянием [Набоков, 2023б, с. 177]. Учитывая более явную связь курганов на могильнике Алмалык-дере именно с «восточным» (позднесарматским/аланским) вектором, появление подобных каменных конструкций можно попытаться объяснить иначе. Близость могильника к склонам Мангупа давала возможность доступа к камню любых форм и размеров. Таким образом, комплексы, имеющие нижнедонские и северокавказские параллели, могли приобрести данные локальные новшества в наземных конструкциях.

Таким образом, погребальные сооружения Алмалыкского могильника демонстрируют наибольшее разнообразие форм относительно других синхронных могильников Крыма. Это может являться отображением различных проявлений в погребальной практике одной группы населения, начавшей хоронить на всей территории данного некрополя практически одновременно. При этом фиксируется развитая традиция дополнять склепы и некоторые подбойные могилы дополнительными архитектурными элементами – ступенями, нишами, полками и т.д. Разделение склепов на отдельные типы, а также анализ их внутренней архитектуры позволил выявить постепенную сменяемость форм как склепов

(группы А – В – С), так и дополнительных элементов декора интерьеров погребальных сооружений. Появление самых поздних склепов группы D, резко отличавшихся формой камер и сводов, можно связать с притоком еще одной новой группы населения, которая начала хоронить в средней части некрополя, которая использовалась уже несколько столетий.

Погребальные сооружения Каралезского могильника ввиду недоступности всех отчетных материалов раскопок изучены слабее всего. Но здесь явно выделяется две группы склепов: более ранних, выкопанных на большую глубину и похожих на группу В Алмалык-дере, и поздних типов E2 и C1, которые вырубались не так глубоко.

Склепы Южно-Мангупского и Адым-Чокракского некрополей являются примерами устоявшейся строительной погребальной традиции, так как эти памятники демонстрируют значительное сходство между собой. На могильниках южной периферии Мангупа не зафиксирована сменяемость между типами грунтовых склепов. Группы склепов E и D, вырубленные в различное время, намного более схожи, чем склепы групп А, В, С на Алмалык-дере или типов В1 и E2 на Каралезском могильнике.

Одним из факторов, обуславливающим отличия синхронных склепов на разных могильниках, кроме отдельных признаков строительных традиций, может являться разница в геологической ситуации в округе Мангупа. Мощность горизонтов материковой глины, подходящей для сооружения склепов, могла влиять на глубину их входных ям и камер. При этом продольные и поперечные размеры не зависели от мощности грунта, пригодного для вырубки комплексов.

2.5. Планиграфия могильников

В монографической публикации материалов раскопок Алмалыкского некрополя в 2016 г. отмечалось, что погребальные сооружения на его территории имеют хорошо выраженную рядовку в два–три ряда по оси запад-восток [Maczynska und andere, 2016, s. 18]. Анализ особенностей распространения грабительских ям на памятнике, выполненный в 2021 г., позволил существенно

дополнить эти наблюдения. Действительно, видимые грабительские шурфы образуют в разных частях могильника относительно параллельные друг другу линии сооружений, которые в целом следуют рельефу местности. В средней части некрополя насчитывается не менее 11 таких рядов, вытянутых по оси запад-восток (рис. 120). Не менее пяти рядов погребальных сооружений фиксируется в его северной и не менее семи в юго-западной частях (рис. 121).

Длительное использование отдельных участков могильника обусловило высокую плотность расположения погребальных комплексов. Об этом свидетельствуют результаты работ 2005, 2019 и 2023 гг., где входные ямы склепов №№ 180/2005 и 204, 206–208/2019 VI–VII вв. были впущены в кольцевые ровики курганов №№ 2 и 3 конца IV в. Можно предположить, что курганы, при отсутствии более явных доминирующих складок рельефа местности, выполняли роль топографических доминант, влияющих на планиграфию некоторых участков могильника даже в более поздние периоды его развития. Кроме того, зафиксирован случай повреждения камеры подбойной могилы № 41/2011 входной ямой более позднего склепа № 199/2011 (рис. 122). Также известны примеры наложения комплексов друг на друга, когда камеры разновременных сооружений выкапывались на различной глубине.

Несмотря на небольшое количество археологических исследований, проведенных на широкой площади, можно сделать следующие выводы относительно общей планиграфии Алмалыкского могильника. Склепы, являясь основным типом погребальных сооружений, располагались организованными рядами, повторяющими особенности рельефа; шаг между их рядами был непостоянным и составлял около 2–5 м. При этом наблюдается однотипность склепов в одних рядах: на северной оконечности могильника зафиксирован ряд склепов типа А2 южнее склепов типа В1 (рис. 123); в средней части некрополя выявлена порядовка склепов группы С; в южной части менее выраженная порядовка наблюдается на участке со склепами типа В1 и В2 (рис. 124). Более правильная планировка некрополя фиксируется на участках с выраженным рельефом, что, вероятно, напрямую связано с природными ступенями и крутизной

склона. Грабительские ямы у края природной террасы также имеют порядовку, отображая упорядоченное расположение ограбленных комплексов.

Особенности планиграфии Южно-Мангупского могильника изучены гораздо хуже. Это связано с малым количеством раскопов и отсутствием общего плана раскопок 1989 г., вследствие чего часть склепов остаются не локализованными. На западном участке зафиксировано около 80 грабительских ям. У западной границы памятника грабительские шурфы огибают подошву небольшого водораздела, полностью повторяя линию подножия рельефного выступа. Среди особенностей распространения грабительских ям прослеживается зависимость от поворота склона. Несколько рядов ям на более ровном участке склона имеют более прямую порядовку. Данные наблюдения наиболее явно фиксируются при совмещении изолиний топографического плана и грабительских ям. На площади раскопа 1997 г. выделяется один ряд склепов, вытянутых по оси запад-восток входными ямами книзу склона. Вероятно, при продолжении ряда в западном направлении, то есть к более ровному участку склона, у них изменилась ориентация оси камер и входных ям в сторону южного вектора. Это связано с понижением склона в южном направлении. Еще один предполагаемый ряд можно проследить ниже по склону (рис. 125). На восточном участке могильника предположительно было не менее 3-4 рядов склепов. В пределах раскопа 1996 г. фиксируется два четких ряда сооружений, ориентированных в восточном (рис. 126) и северо-восточном секторах. Если на всех других могильниках округа Мангупа порядовка погребальных комплексов фиксируется перпендикулярно оси понижения склона, то здесь они расположены параллельно понижению хребта.

При планировании порядовки погребальных сооружений перпендикулярно склону существовала вероятность затронуть выходы мергеля на востоке, а крутизна западной стороны возвышенности исключала возможность строительства склепов в этом направлении. Во время разведок выяснилось, что неглубокие грабительские ямы, в которых могли быть грунтовые или подбойные могилы, чаще всего, фиксируются ближе к западной границе могильника, у начала падения рельефа. То есть они занимают участок с меньшей мощностью глинистого горизонта, где

строительство склепов было затруднительным. На данном участке также фиксируется наименьшая глубина склепов, что было связано с мощностью глинистого слоя. В одном случае глубина пола камеры склепа (№ 6/1996) от поверхности материка равнялась 1,3 м, а толщина его свода не превышала 0,3–0,4 м. В трех исследованных склепах и одной подбойной могиле в 1996 и 2018 гг. пол камеры и нижняя часть стенок состояли из прискального щебня или скальной породы. Таким образом, на планиграфию могильника влияли не только особенности рельефа, но и геологическая ситуация.

Необходимо отметить, что на территории восточного участка Южно-Мангупского могильника зафиксирована наибольшая плотность погребальных сооружений. На небольшом раскопе 2018 г. размерами 5,0 x 5,0 м отмечено перекрытие склепом подбойной могилы. В пределах участка исследований 1996 г. на площади 190 кв. м. выявлены 17 склепов и 5 подбойных могил. При этом в 12 случаях сооружения частично накладываются друг на друга. При такой плотности комплексов, исходя из анализа расположения склепов и повреждении одних комплексов другими, удалось выделить три «строительных» периода (рис. 127).

Различные периоды вырубки погребальных сооружений можно выявить в случаях повреждения камерой более позднего склепа входной ямы более раннего комплекса. Если при вырубке камеры часть свода или стенки затрагивала входную яму соседнего сооружения, то ввиду плотности заполнения последней, обрушения грунта не происходило, и вырубка продолжалась. Например, камера склепа № 8 повредила переднюю часть входной ямы склепа № 20, сооруженного ранее. Подобная ситуация наблюдается также в случаях со склепами №№ 12 и 13. Показательная ситуация наблюдается при рассмотрении склепов №№ 6, 7 и 9а. Первым вырублен склеп № 6, входная яма которого позднее была повреждена при строительстве склепа № 7. При сооружении склепа №9а частично срезана передняя часть входной ямы склепа № 7. При этом хронология погребального инвентаря подтверждает более позднее происхождение склепа № 9.

В случае, когда входная яма позднего комплекса пробивала камеру более раннего склепа, строительство сооружения прекращалось. Подобная ситуация

наблюдались со склепами №№ 15 и 17, когда входная яма склепа № 17 частично затронула свод нижележащего сооружения, и вырубка комплекса была остановлена. В случае с передней частью входной ямы склепа №12, которая частично пробила камеру склепа № 18, сооружение комплекса продолжилось, но пролом со стороны более позднего объекта был заложен плитами. При строительстве склепа № 14 частично затронута часть камеры склепа № 15, ввиду чего камера более позднего комплекса сместилась относительно своей оси и приобрела трапециевидную форму. При сооружении склепа № 11 учитывалось местоположение более раннего склепа. Расположение камеры склепа № 11 в одной центральной оси с входной ямой, вызвало повреждения находящегося в 0,3 м к северу склепа № 6. Смещение входа в склеп южнее вызвало повреждение камеры склепа № 10, находящегося в 0,3 – 0,4 м к юго-востоку.

Можно предположить, что к первому строительному периоду относятся склепы №№ 6, 10, 15, 20 (типы E1, E2, неопределенный тип, тип D1), составляющие одну упорядоченную линию со склепом № 5, ко второму – склепы №№ 7, 8, 11, 12 (типы D1, E2, E2). Склепы №№ 9а, 9б, 12 и, вероятно, № 14 (тип E2) составляют ряд комплексов третьего периода. Наблюдается использование склепов различных конструкций в рамках раннего ряда, тогда как все склепы третьего периода демонстрируют наибольшую схожесть и относятся к типу E2.

При картографировании грабительских ям в 2017 г. на Адым-Чокракском могильнике стало понятным, что здесь достаточно правильная порядовка погребальных сооружений. Таких практически параллельных и прямых рядов можно выделить около восьми (рис. 128, 1). На современном этапе исследований планировка могильника фиксируется по грабительским лазам и просадкам в срезах террас (рис. 128, 2). Плотность сооружений подтверждается небольшим (менее 0,5 м) расстоянием между камерами склепов №№ 22, 32, 36 на площади раскопа на террасе III (рис. 129).

Анализ планиграфии Каралезского могильника затруднен ввиду редкости сохранившихся следов ограбления. По имеющимся данным, погребальные сооружения на склоне горного массива Чердаклы-баир имели выраженную

порядовку. Судя по схемам раскопов на топографическом плане, здесь не было такой плотности, как на остальных некрополях округа Мангупа. Погребальные сооружения могли располагаться близко друг к другу, что также связано с длительным использованием отдельных участков могильника. В порядовке сооружений наблюдается значительное число подбойных могил. На других некрополях Мангупа такой тип погребальных конструкций встречается реже.

В целом, изучение особенностей расположения погребальных сооружений относительно друг друга и общей топографии могильников округа Мангупа дополняет наше представления об их развитии. Случаи повреждения одного комплекса другим могут уточнить время появления некоторых объектов относительно друг друга. Выявление однотипных склепов на отдельных участках памятников или в рамках упорядоченной порядовки позволяет отнести ряд погребальных комплексов к определенному периоду. Это становится возможным при наличии датирующего материала хотя бы в одном или нескольких склепах на сильно ограбленных участках, относящихся к одному типу погребальных сооружений.

ГЛАВА 3. ХРОНОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МОГИЛЬНИКОВ ОКРУГИ МАНГУПА

Основной трудностью при изучении некрополей округа Мангупа является высокая степень их ограбления. Это усложняет датировку как погребальных конструкций в целом, так и совершенных в них отдельных погребений. Зачастую ограбленные погребальные объекты датируются лишь только в широких хронологических пределах, хотя при комплексном подходе к изучению археологических объектов все-таки возможно их распределить на отдельные хронологические группы. Последние, в свою очередь, отражают различные этапы функционирования могильников, связанные с историей Мангупского городища.

Среди массива исследованных погребальных сооружений выделяются лишь единичные объекты, которые, с некоторой долей условности, можно назвать закрытыми археологическими комплексами. К сожалению, в их число входят захоронения, не имеющие датирующих материалов. Но даже в сооружениях, ограбленных в конце XX – начале XXI вв., сохранились материалы, позволяющие установить не только широкую дату комплексов, но и вписать их в определенную хронологическую фазу развития могильников.

Таким образом, среди всех имеющихся археологических материалов можно выделить «опорные» комплексы для различных периодов функционирования некрополей. Их необходимо проанализировать с точки зрения особенностей архитектуры, погребального обряда, топографии и планиграфии могильников округа Мангупа. Дополнительно среди находок нужно выделить хронологические маркеры, отображающие временные фазы функционирования памятников. Не меньшее значение приобретает корреляция групп вещей между могильниками и, по возможности, материалами, выявленными на территории Мангупского городища и в его округе. Необходимо сказать, что некоторые категории погребального инвентаря в целом имеют широкую датировку и характерны для нескольких хронологических этапов. Отдельные типы погребальных сооружений также использовались длительное время.

3.1. Первая хронологическая фаза (Алмалыкский могильник)

Точное время возникновения некрополя Алмалык-дере остается предметом концептуальной дискуссии в историографии, которая связана с различными представлениями об этнокультурных процессах позднееримского времени в Юго-Западном Крыму [Науменко, Герцен, Набоков, 2022, с. 186]. При рассмотрении этого вопроса можно выделить две основные версии: могильник возник в середине–второй половине IV в. [Maćzyńska und undere, 2016, s. 19; Храпунов, 2019, с. 33], то есть до гуннского нашествия, или же на рубеже IV–V вв., уже после вторжения гуннов на полуостров [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 65]. Отметим, что датировка большей части находок времени возникновения некрополя укладывается в пределах второй половины IV – первой половины V вв.

Ключевую роль в решении вопроса о времени возникновения Алмалыкского могильника играют уникальные археологические объекты на территории Крыма – курганы №№ 2 и 3 и, в меньшей степени, курган № 5. Эти комплексы стали известны в последние годы [Науменко, Герцен, Набоков, 2022, с. 185; Набоков, 2023, с. 167–182]. Погребальные сооружения курганов №№ 2 и 3 на момент их открытия рассматривались, как обычные подбойные могилы №№ 42/2012 и 43/2013. Только после раскопок 2019–2022 гг. они были интерпретированы в качестве основных подкурганых погребений.

Несмотря на ограбление опорных комплексов, в них выявлены остатки датирующего инвентаря. В камере подбойной могилы № 42/2012 (курган №2) найдены лепная кружка, амфора, стеклянный кувшин и три пряжки (рис. 130, 1). Обнаруженная на полу в северо-западном углу камеры амфора относится к типу F по Д.Б. Шелову (рис. 130, 2) [Шелов, 1978, с. 19–20]. Ее датировка укладывается в пределах IV в. [Смокотина, 2020, с. 550]. Аналогии лепной кружке происходят из грунтовой могилы второй половины III–IV вв. н.э. могильника Нейзац и детской подбойной могилы, склепа, скопления сосудов III–IV вв. на могильнике Дружное (рис. 130, 7) [Власов, 1999, с. 345–346, рис. 13, 6-7]. Более поздняя подобная находка найдена в склепе № 54а первой половины V в. могильника Лучистое [Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 277, рис. 7, 1]. Декорированный стеклянными

нитями кувшин похож на изделия, распространенные в Крыму в IV – первой половине V вв. (рис. 130, б) [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 49]. Три пряжки с длинными язычками, не выступающими за овальные рамки, подобны пряжкам IV в. разновидности 9 по И.Н. Храпунову из могильника Нейзац (рис. 130, 3-5) [Храпунов, 2016б, с. 100] и варианту 2 второй половины IV – первой половины V вв. по А.И. Айбабину [Айбабин, 1990, с. 27–28, рис. 22, 3-4].

Сохранившийся погребальный инвентарь подбойной могилы № 43/2013 (курган № 3) (рис. 131, 1) включает фрагмент ножа и две бусины, которые не имеют большого значения для хронологии комплекса. Как и в кургане №2, здесь в северной части камеры обнаружена амфора типа F (рис. 131, 3). Также найдены фрагменты двух стеклянных сосудов. Стакан на кольцевом поддоне (рис. 131, 5) близок форме Айсингс-108 [Isings, 1957, p. 136–138]. Такие стаканы относятся к наиболее распространенному типу стеклянных сосудов III – начала V вв. на могильниках Предгорного и Горного Крыма [Шабанов, 2020, с. 115–166, 120]. Кувшину с ручкой с петлевидным сплюснутым выступом на конце (рис. 131, 4) ближайšie аналогии IV в. происходят из могильников Нейзац [Шабанов, 2011, с. 154, рис. 7, 48] и Совхоз № 10 [Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 124, табл. XXIX, 26, 29]. Подобным декором также украшены некоторые сосуды позднееримского времени [Lightfoot, 2017, p. 163–164, cat. 148, 149]. Орнаментированная биконическая ваза (рис. 131, б) близка сосуду из склепа №30 IV в. могильника Суворово [Зайцев, 1997, с. 110–114, рис. 64] и относится к типу 8 черняховской керамики в Крыму по В.Ю. Юрочкину [Юрочкин, 1999, с. 264, 267–268, рис. 1, 15]. На полу в центральной части камеры обнаружен железный меч/кинжал с боковыми вырезами у пяты клинка типа V [Хазанов, 1971, с. 17].

Комплекс кургана № 5 с катакомбой менее показателен. Серебряное кольцо с зажимом (рис. 132, 2) аналогично находкам из склепа №41 первой половины V в. некрополя Сувлу-Кая [Волошинов, Масякин, Соломоненко, 2019, с. 59–60, рис. 4, 3–5]. Подобные изделия распространены на территории Евразии в III–VI вв. [Kazanski, Mastykova, 2007, p. 39, pl. 35, 11–13]. В Крыму они фиксировались в комплексах с кинжалами или мечами [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 50].

Фрагментарно сохранившийся кинжал из Т-образной могилы (рис. 132, 3) изначально имел портупею с подобными элементами. Кувшин типа 1 по О.С. Ивановой относится к группе краснолаковой керамики (рис. 132, 4), которая встречается в склепах IV в. на могильниках Юго-Западного Крыма, но могла использоваться и в первой половине V в. [Иванова, 2009, с. 50–51, рис. 14, 80]. Лепной кувшин с широким горлом и биконическим туловом на кольцевом поддоне не имеет прямых аналогий (рис. 132, 5). Наиболее близкий по форме сосуд, но уже без поддона, обнаружен в склепе № 10 середины–конца IV в. могильника Красный Мак [Лобода, 2002, с. 201, 223, табл. I, 124]. Нижняя часть ручки, оформленная в виде шипа, вставлялась в отверстие в тулове. Такой способ крепления ручек кувшинов распространен на Северном Кавказе и в Крыму.

Открытие курганов на Алмалыкском могильнике расширяет наши представления о путях миграции населения на территорию Таврики в IV в. Курганы №№ 2 и 3 сооружены представителями одной этнокультурной группы. Кроме ровиков с перемычкой данные комплексы имеют еще несколько общих черт: центральные погребальные сооружения в виде подбойных могил, хотя и разных по конструкции; в камерах вырублены подтреугольные ниши на торцевых стенках; комплексы вытянуты по оси север-юг; среди инвентаря в северной части могил выявлены однотипные амфоры; оба погребения являются мужскими. Кроме того, погребальный инвентарь курганов представляет собой синхронную группу вещей, больше всего характерную для второй половины IV в.

Вопрос о появлении носителей традиции сооружать курганы с кольцевыми ровиками с разрывом в южной части никогда не поднимался в исследованиях по истории и археологии позднееримского Крыма. Единственный известный на полуострове до 2019 г. курганный комплекс с ровиком середины III–IV вв. был раскопан на могильнике Совхоз № 10, имеет аналогии среди донских курганов [Высотская, 2001–2002, с. 270; Стржелецкий С.Ф. и др., 2003–2004, с. 38–39, рис. 8], но не привлек в этом смысле внимания. Это связано с его полным разграблением, вследствие чего погребальный инвентарь полностью утрачен. Кроме того, уникальная конструкция с ровиком и каменным ящиком в яме в

качестве основного погребального сооружения являлась на тот момент исключением из числа известных погребений в Крыму в позднеаримское время.

Анализ конструктивных особенностей курганов №№ 2 и 3, как и в случае с курганом Совхоза № 10, выявил параллели с памятниками позднеаримского времени на Нижнем Дону, Северного и Северо-Западного Причерноморья. Причины появления курганов с ровиками можно объяснить только быстрой миграцией населения, практикующего подобные погребальные традиции во второй половине IV в. Следует предположить, что курган № 5 с типичной для Северного Кавказа катакомбой, которые также были распространены в позднеаримское время в Подонье, появился под Мангутом в результате этих процессов.

На данный момент наиболее логично объяснить движение различных этнокультурных групп в указанный период времени последствиями вторжения гуннов в Восточную Европу. Этот исторический эпизод, описанный Аммианом Марцелином [Аммиан Марцеллин, 2005, с. 535, 542], затронул именно те территории, где найдены комплексы, подобные курганам Алмалыкского могильника. Гунны появляются на Северном Кавказе и в Приазовье в 370-х гг. [Шелов, 1978. с. 81; Семенов, 2014, с. 44; Айбабин, 2019, с. 48], тем самым, провоцируя миграции местного населения [Скрипкин, 2012, с. 235–243].

Отсутствие комплексов, подобных курганам с ровиками, на памятниках Крыма в IV в. гипотетически может свидетельствовать о небольшой группе мигрантов с территории Подонья или Предкавказья в Крым в последней четверти этого столетия, которая миновала Крымские предгорья и оставила свои погребения у северо-восточного склона Мангута. На данный момент причины миграции локальной группы населения со специфическим погребальным обрядом остается дискуссионным вопросом в истории Крыма позднеаримской эпохи. Но можно предположить, что курганная группа на Алмалык-дере возникает не ранее последней четверти IV в., то есть еще до вторжения гуннов в Крым.

Курганы №№ 2 и 3 представляют собой самые ранние погребальные комплексы на Алмалык-дере. Курган №5, скорее всего, появляется вместе с ними. Вероятно, в это же время или немного позже на некрополе возникают захоронения

последней четверти IV – первой половины V вв., произведенные уже в характерных для некрополей Юго-Западного Крыма погребальных сооружениях: грунтовых склепах, подбойных могилах и могилах с заплечиками.

Первая фаза развития Алмалыкского могильника отображает время его возникновения и активного роста. Хронологические маркеры, позволяющие выделить комплексы этой фазы, характерны для инвентаря погребальных сооружений IV в. могильников Нейзацкой археологической культуры [Храпунов, 2011, с. 23–49; 2019, с. 32, 36–41; 2021, с. 80, 83–86]. По А.И. Айбабину, основные вещевые маркеры первой фазы истории некрополя Алмалык-дере относятся к находкам из комплексов третьей (350–400 гг.) и четвертой (400–450 гг.) групп погребений позднеримского и раннесредневекового времени в Крыму [Айбабин, 1999, с. 14, 59, 61, табл. XVI–XXIV, XXVII, XVIII; 2003, с. 16, табл. 1, 3; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 45–49, рис. 24–25; 2014, с. 31–32, рис. 8; 2017, с. 44–59, рис. 42, 45–60]. К сожалению, нумизматический материал на могильнике почти не сохранился. Отметим лишь находку серебряной монеты императора Валентиниана II (375–392) из склепа № 184/2006.

Первая фаза в истории могильника обладает наибольшим количеством опорных комплексов (всего 28): курганы №№ 2, 3, 5, подбойные могилы №№ 7/1999, 2/2001, 18/2004, 41/2011, могилы с заплечиками №№ 1/2006 и 3/2008, склепы №№ 2/1996, 65/1998, 1/2001, 5/2001, 6/2001, 157–162/2003, 168/2004, 175/2005, 178/2005, 182–185/2006, 189/2007 (погребения №№ 1, 2, 3), 197/2008. Такое число объектов связано, прежде всего, с высокой степенью изученности северного участка Алмалыкского некрополя. Практически все открытые здесь погребальные сооружения относятся к числу самых ранних на памятнике. Из 20 археологически изученных склепов и 7 подбойных могил 17 объектов возможно отнести к числу опорных. Другие погребальные сооружения на данном участке могильника обладают архитектурным сходством и составляют упорядоченные ряды с опорными комплексами. Единичные или невыразительные находки, сохранившиеся в сильно разграбленных комплексах, коррелируются с погребальным инвентарем из хорошо датированных склепов или могил. Некоторые

находки можно отнести к середине–второй половине V в., что указывает на совершение погребений на финальном этапе использования данного участка некрополя.

Остальные опорные комплексы последней четверти IV – первой половины V вв. (шесть склепов, три кургана, две подбойные могилы и могила с заплечиками) встречаются на всей территории Алмалык-дере. При этом они соседствуют с более поздними погребениями.

Большая группа хронологических индикаторов Первой фазы представлена пряжками, близкими разновидности пряжек 9а могильника Нейзац и типу 1 варианту 1 могильника Дружное [Храпунов, 2002, с. 48; 2016б, с. 100], вариантам 2-3, 5а, 5б, 8-2 по А.И. Айбабину [Айбабин, 1990, с. 27–28; 1999, с. 24, 43, 259, 261, 263, 264, табл. XIII, 5; XXIII, 4, 5, 6; XXVI, 6; XXVII, 130, 135, 142, 143; 2003, с. 16, 17, табл. 1, 49, 3, 142, 143; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 47] (рис. 130, 3–5; 134? 4–6, 7; 135, 1, 6–9; 136, 11, 12; 138, 3–8; 139, 2, 15, 16; 140, 3–5; 141, 13; 142, 7–9; 144, 10, 11; 146, 4; 147, 2). Эти находки характерны для конца IV – первой половины V вв. [Madyda–Legutko, 1986. s. 71–73, taf. 19–20; Амброз, 1994, с. 33; Строков, 2009, с. 316, рис. 5, 12–51]. Пряжка с реберчатой рамкой (рис. 142, б) близка пряжкам из комплекса середины V в. некрополя Шаровце (Словакия) [Tejral, 1988, abb. 47, 12, 13] и найдена в склепе № 175/2005 с тремя пряжками описанных выше типов. К ранней группе инвентаря относится сужающийся к окончанию наконечник ремня варианта 6–1 из склепа № 7/2001 (рис. 151, 25). По дунайским аналогиям, он датируется периодом D1/D2 (360/370–440/450) [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 49, рис. 25, 12]. Среди ременной гарнитуры стоит отметить наконечник ремня с загнутым концом из склепа № 6/2001 (рис. 144, 9), отнесенный ко второй группе наконечников варианта 6–3 первой половины V в. по А.И. Айбабину [Айбабин, 1990, с. 51, рис. 47, 18].

Среди находок амфор для определения хронологии могильника использованы археологически целые формы или крупные фрагменты. Более мелкие фрагменты тарной керамики попали в склепы из грабительских ям. Такие находки происходят из надматерикового слоя, дневной поверхности могильника, а

также вышележащих культурных горизонтов. В этих напластованиях встречаются фрагменты лепной и краснолаковой керамики, а также амфор от позднееримского до раннесредневекового времени. Примером невозможности датировать комплекс по мелким фрагментам керамики является склеп № 2/2002, где в заполнении камеры, состоящем из перекопа и затека грунта, обнаружены обломки амфор типа V по ХК-71 [Антонова, 1971, с. 81–101], класса 36 по ХК-95 и высокогорлого кувшина класса 41 по ХК-95 [Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 63–66, 169]. Таким образом, суммарно датировка находок укладывается в пределах VI–XI вв. Кроме того, в подбойной могиле № 18/2004, отнесенной к первой фазе могильника, выявлен фрагмент амфоры типа V по ХК-71 второй четверти VI–VII вв. [Смокотина, 2020, с. 531], не относящийся к комплексу.

Наиболее значимым хронологическим индикатором Первой фазы являются узкогорлые светлоглиняные амфоры «инкерманского типа» [Щукин, 1968, с. 41–42], типа F по Д.Б. Шелову [Шелов, 1978, с. 19–20], типа 105 по И.Б. Зеест [Зеест, 1960, с. 122] или типа C IVF по С.Ю. Внукову [Внуков, 2016, с. 43]. По В.В. Кропотову, такие изделия могут быть отнесены к варианту 1 с максимальным расширением корпуса выше середины тулова. Амфоры варианта 1, датированные первой половиной – серединой IV в., встречаются на могильниках Инкерман, Тас-Тепе, Дружное, Нейзац, Озерное III, Перевальное [Кропотов, 1998, с. 129, 131], Совхоз №10, Чатыр-Даг, Чернореченский, Суворово [Иванова, 2011, с. 300], Розенталь [Чуркин, Шкрибляк, 2017, с. 286], Краснозорье [Неневоля, Волошинов, 2001, с. 141], Бельбек III [Филиппенко, Тюрин, Ушаков, 2016, с. 143], Фронтное-3 [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 136, 3; 285, 1; 286, 1], Сувлу-Кая [Волошинов, Масякин, 2023, рис. 6, 1–3] и на «могильнике Бертъе-Делагарда» [Ушаков, 2015, с. 49]. Устоявшаяся хронология амфор типа F в пределах IV в. [Смокотина, 2020, с. 550], прекращение их выпуска относится к началу V в. [Иванова, 2011, с. 302]. На территории Алмалык-дере подобные амфоры выявлены в подбойных могилах №№ 7/1999 (рис. 133, 8), 42/2012 (курган № 2) (рис. 130, 2), 43/2013 (курган № 3) (рис. 131, 3), склепах №№ 2/1996 (рис. 137, 15) и 197/2008 (рис. 144, 5).

В комплексах Первой фазы также встречаются тонкостенные тарные красноглиняные сосуды с высоким содержанием слюды. В склепах №№ 65/1998 и 185/2006 обнаружены одноручные амфоры-кувшины типа MRA 3 Bengazi I–IV вв. (рис. 138, 29; 143, 20) [Riley, 1979, p. 183–186]. Более поздние изделия обладают вытянутым овалоидным туловом [Яшная, 2018, с. 285]. Эволюционным продолжением сосудов типа MRA 3 являются амфоры типа LRA 3 по Дж. Райли [Riley, 1981, p. 118], типа 95 по Зеест [Зеест, 1960, с. 118–119] или класса 22 по ХК-95 [Романчук и др., 1995, с. 44], распространенные в IV–VII вв. [Смокотина, 2020, с. 528]. Их более дробная типология разработана Д. Пьери, который выделил тип LRA 3A3 с подтреугольным венчиком второй половины V в. [Pieri, 2005, p. 96, fig. 57, 58]. Верхняя часть такой амфоры обнаружена в надматериковом слое на южном участке Алмалыкского могильника (рис. 159, 7) и в склепе № 118/2000, который относится к V в. (рис. 147, 19).

В комплексах Первой фазы широко распространены краснолаковые сосуды понтийского производства. Их классификация разработана О.С. Ивановой, которая выделила 14 форм сосудов открытого типа (рис. 148, I–14) и 6 форм кувшинов (рис. 148, I–VI) [Иванова, 2009, с. 26–88]. В ранних сооружениях Алмалык-дере встречаются сосуды всех выделенных форм, за исключением 7-й (рис. 150). При этом наибольшее количество изделий относится к блюдам формы 1 середины IV – первой четверти VII вв. [Иванова, 2009, с. 33–34, рис. 2–4], обнаруженных в девяти комплексах Первой фазы (рис. 134, 3; 140, 19; 141, 15; 142, 10–12; 143, 4–5; 133, 24–25; 146, 27–28), а также за пределами опорных объектов (рис. 151, 20–21). Большая часть сосудов выявлена на северном участке некрополя, где раскопано наибольшее число ранних склепов. Такие блюда относятся к форме 62B группы «African Red Slip Ware» по Дж. Хейсу [Hayes, 1972, p. 108–109, fig. 18, 14], форме 1 группы «Pontic Red Slip Ware» (PRSW) по К. Домжальскому [Arsen'eva, Domzalski, 2002, p. 425–426; Domzalski, 2021, p. 41, 198], который в дальнейшем уточнил их морфологию и хронологию. Блюда, с узким краем и толстыми стенками отнесены к форме 1A группы «Late Roman C / Phocaean Red Slip ware», производство которых датируется IV в. Промежуточный вариант 1A/B выделяется тонкими стенками и

слегка закругленным краем; его датировка укладывается в первую половину или первую – третью четверть V в. Изделия формы 1А распространены на более ранних могильниках Крыма: Дружное, Килен-балка, Нейзац, Красная Заря, Суворово, Вишневое и Тас-Тепе. На Алмалык-дере присутствуют формы 1А/В и, реже, 1А [Domžalski, 2021, p. 57–58, 158, pl. 2–8], более поздняя форма 1В не встречается.

Основываясь на выводах К. Домжальского, форма 1А может выступать в качестве хронологического маркера Первой фазы функционирования некрополя Алмалык-дере. Девять сосудов формы 1 по О.С. Ивановой, обнаруженные в ранних комплексах, по форме венчика относятся к форме 1А (рис. 149). При этом в соседних с ними типологически близких склепах присутствуют блюда с более толстым, загнутым и закругленным краем, которые, предположительно, можно отнести к переходной форме 1А/В. Это свидетельствует об одновременном использовании данных форм краснолаковой керамики в рамках Первой фазы. Сосуды формы 1 по К. Домжальскому являются распространенными изделиями не только на Алмалыкском некрополе. Например, на Нейзаце они принадлежат к числу массовых находок [Нессель, 2024, с. 69]. В целом большое количество вариантов 1А и 1А/В отображает активное распространение изделий группы PRSW, что также зафиксировано во второй половине IV – середине V вв. в Херсонесе [Ушаков, 2015, с. 61, 62], на Боспоре [Смокотина, 2015, с. 316] и в Тиритаке [Arsen'eva, Domžalski, 2002, p. 422-428].

Часть целых краснолаковых сосудов, имеющих узкую датировку, не выходящую за IV – первой половину V вв. (в редких случаях, середину V в.), можно отнести к хронологическим маркерам раннего периода в истории Алмалык-дере. Это миски формы 4.1 по О.С. Ивановой [Иванова, 2009, с. 43] или формы 0А по К. Домжальскому (рис. 139, 25-26) [Domžalski, 2021, p. 52], формы 4.2 по О.С. Ивановой [Иванова, 2009, с. 39, 40] или формы 4А по К. Домжальскому (рис. 133, 7; 134, 8; 144, 23) [Domžalski, 2021, p. 103], сосуды типов II и VII по С.В. Ушакову [Ушаков, 2017, с. 60], форм 9, 12-14 по О.С. Ивановой (рис. 146, 24; 133, 12; 136, 7; 142, 5; 144, 22) [Иванова, 2009, с. 47–50]. Небольшие кувшинчики формы 12А по К. Домжальскому [Domžalski, 2021, p. 143], типов 1–5 по О.С. Ивановой

[Иванова, 2009, с. 50–53] близки типу 1 по С.В. Ушакову (рис. 132, 4; 135, 3; 137, 13; 138, 28; 140, 14–16; 141, 12, 23) [Ушаков, 2017, с. 60] и могут являться хронологическими маркерами для раннего этапа Алмалыкского могильника. Остальные группы краснолаковых изделий имеют широкую датировку, но их присутствие в сооружениях Первой и Второй фаз не противоречит датировке опорных комплексов.

В сооружениях Первой фазы часто встречаются стеклянные сосуды [Набоков, 2023, с. 135–154]. Два кувшина из склепов №№ 6/2001 (рис. 144, 14) и 157/2003 (рис. 139, 4) наиболее близки боспорским кувшинам вида VI последней четверти IV – первой половины V вв. по И.П. Засецкой [Засецкая, 2008, с. 43, рис. 16, 5; 31, 3]. Изделия, декорированные стеклянной нитью и с грушевидным туловом на кольцевом поддоне, были распространены в Крыму на протяжении IV – первой половины V вв. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 49]. Они найдены в комплексах курганов №№ 2 и 3 (рис. 130, 6; 131, 4), а также в склепе № 197/2008 (рис. 144, 2). Колбообразные стеклянные сосуды обнаружены лишь во фрагментах, к тому же их датировка широкая. Они встречаются в комплексах II–IV вв. [Шабанов, 2011, с. 170] и V–VII вв. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 252]. На северном участке могильника выявлены остатки двух колб с коротким горлом, тогда как сосуды данного типа на некрополе обычно имели более вытянутое горло. Слабая сохранность не позволяет выделить их в качестве хронологических индикаторов. Стаканы и кубки, как декорированные каплями или нитями из синего стекла, так и без декора, в большинстве случаев обладают плоско срезанным отогнутым краем (рис. 138, 20; 142, 13; 144, 15). Время бытования изделий с таким признаком на территории Средиземноморья и Причерноморья ограничивается концом IV–V вв., но в ряде случаев они могли использоваться и позднее, во второй половине V в. [Голофаст, 2001, с. 123–125]. Большая часть стаканов относится к типам I (варианты Б и Д) и II по классификации Н.П. Сорокиной [Сорокина, 1971, с. 86–90], датирующимся второй половиной/концом IV – первой половиной V вв. [Айбабин, 1990, с. 13]. Такие стаканы и кубки встречены в опорных комплексах

Первой фазы (рис. 133, 11; 138, 21; 142, 4), но часть находок можно отнести к сооружениям рубежа Первой/Второй или даже начала Второй фазы.

Стаканы из склепа № 65/1998 (рис. 138, 20) и ограбленного склепа № 169/2004 похожи на тип П2А последней четверти IV – первой половины/середины V в. по И.П. Засецкой [Засецкая, 2008, с. 24, рис. 5, 5-6; 7, 7, 13]. Единственный стакан со складками на тулове из склепа № 159/2003 (рис. 141, 3) по декору близок формам 124 и 126 по Баркоци [Barkoczi, 1988, s. 89, taf. XII, 124, 126], которые встречаются с III в. до конца IV вв. [Mazanek, 2014, s. 34]. Среди стаканов одним из хронологических маркеров Первой фазы являются изделия, близкие форме Айсингс-108, появившейся в III в. и распространенной до конца IV в. [Isings, 1957, p. 134]. В Крыму подобные изделия бытовали и в начале V в. [Шабанов, 2020, с. 116]. На Алмалык-дере они обнаружены в подбойных могилах №№ 41/2001 и 43/2013 (курган № 3) (рис. 131, 5; 136, 1).

В ровике кургана № 3 найден фрагмент кубка с прошлифованными овалами (рис. 151, 4) типа Eggers-230 [Eggers, 1951, taf. 16, 230], также известного как тип Kowalk / Straume I и распространенного в Крыму в IV в. [Шабанов, 2015, с. 17; 2020, с. 121]. Фрагменты стакана из склепа № 7/2002 (рис. 151, 6) близки форме Айсингс-109 [Isings, 1957, s. 136–138]. Они часто встречаются в комплексах III – начала V в. на позднеримских могильниках Крымских предгорий [Шабанов, 2020, с. 155–116]. Также на северной оконечности Алмалыкского могильника в надматериковом слое обнаружены фрагменты стакана, морфологически похожего на тип ID по Н.П. Сорокиной (рис. 151, 5).

В опорных комплексах Первой фазы встречаются стеклянные чаши и блюда, имеющие широкую датировку. Но из-за их слабой сохранности и редкости использовать данные изделия в качестве хроноиндикаторов невозможно. Из таких находок необходимо отметить уникальную миску с орнаментацией, выполненной в шлифовочной технике и стеклянными вставками различных цветов из «опорного» склепа № 2/1996 (рис. 137, 16). Изделия с близким декором датируются III – концом IV вв. или IV–V вв. [Maćzyńska und andere, 2016, s. 7]. Из этого же комплекса происходит крупная стеклянная ваза (рис. 137, 17).

К маркерам Первой хронологической фазы относятся три двучленные подвязные фибулы типа Альмгрен VI 162 [Almgren, 1897, taf. 8, 162] или Амброз 16–2–I. Две парные фибулы из склепа № 65/1998 (рис. 138, 10–11) принадлежат фибулам варианта 3 серии I подгруппы 2 группы 16, датирующемуся IV – началом V вв. [Амброз, 1966, с. 64, табл. 11, 12–16]. Фибулы из подбойной могилы № 18/2004 (рис. 133, 10) и погребения №1 склепа № 189/2007 (рис. 145, 1) имеют более узкую пружину, что делает их схожими с вариантом 16–2–I–4 по А.К. Амброзу [Амброз, 1966, с. 66, таб. 11, 11], распространенному в IV – начале V вв. Но алмалыкские фибулы меньше и по размеру близки варианту 16–2–I–3. Аналогичные изделия в Крыму распространяются в IV в. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 52], о чем свидетельствуют находки фибул типа 16–2–I, например, на могильниках Нейзац [Khrapunov, Stoyanova, 2018, p. 457–459, 460, 463] и Дружное [Кропотов, 2001, с. 183, 185]. В дальнейшем такие фибулы встречались в комплексах первой половины V в. [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 32].

Железные двучленные фибулы, близкие типу 16–2–I–3 или 17–1–I IV в. по А.К. Амброзу [Амброз, 1966, с. 64, 70], обнаружены в склепах №№ 185/2006 (рис. 143, 7–8) и 190/2007 (рис. 146, 1–2). Последний склеп мог использоваться позднее Первой фазы. Изделия такого рода являлись имитацией фибул, распространенных в ареале черняховской археологической культуры, и, вероятно, бытовали в Крыму, как и их бронзовые аналоги, на протяжении IV в. [Храпунов, 2002, с. 55, 76] и, возможно, позднее. За пределами Крыма они редки. Ближайшие аналогии обнаружены на Нижнем Дону и в Танаисе [Храпунов, 2008, с. 362]. Железные воинские фибулы, чаще всего, встречаются в мужских погребениях [Иштванович, Кульчар, 2022, с. 241].

Благодаря находке фрагмента фибулы из погребения №2 склепа № 189/2007 можно предположить, что оно совершено в рамках Первой фазы (рис. 145, 8). У данного изделия длина ножки соответствует длине короткого приемника для иглы. По этому признаку находка близка типу 17–1–I по А.К. Амброзу, датированному IV в. [Амброз, 1966, с. 70, табл. 10, 16–20].

В склепе № 2/2001 обнаружена фибула типа Альмгрен VI 163 (рис. 136, 5) [Almgren, 1897, taf. 8, 163] или Амброз 16–2–III–1 [Амброз, 1966, с. 67]. Подобные изделия с кнопкой на головке, например, типа Альмгрен VI 167, имеют широкую хронологию, начиная от периода Сб–С2 (210/220–310/320 гг.) [Белевец, 2007, с. 58, 59, рис. 2, E:2] и ранее [Кухаренко, 1980, с. 46, 47]. Фибула из склепа № 2/2001 датирована периодом D1 (360/370–400/410) [Maćzyńska, 2016, s. 4]. Поздняя датировка застежек подтверждается находкой похожей фибулы в склепе № 421 в Скалистом с материалами первой половины V в. [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 182, рис. 74, 15].

Фибула с ромбической ножкой в склепе № 158/2003 похожа на фибулы типа Альмгрен VI 175 [Almgren, 1897, taf. 8, 175] или Амброз 17–3 [Амброз, 1966, с. 71, 72], но обладает более широкой ножкой (рис. 140, 2). Анализируя воинские фибулы черняховской культуры, О.В. Петраускас отнес фибулы с ромбической ножкой к типу 8 периода С3–D1 (320/330–400/410). Датированные комплексы с такими фибулами датированы периодом D1 (360/370–400/410) [Петраускас, 2010, с. 198–199, рис. 14]. Для памятников культуры Черняхов/Сантана де Муреш аналогичные фибулы можно датировать IV – началом V вв. [Sannazaro, 2011, p. 188, fig. 6]. Подобные находки выделены М. Шульце-Дёррламмом в тип Киев первой половины–середины V в. [Schulze-Dörrlamm, 1986, p. 655–657, abb. 76]. В V в. ранние фибулы имели уже более широкую пластину [Gil, 2021, s. 79].

Фибулы из склепов №№ 65/1998 (рис. 138, 12) и 155/2003 (рис. 146, 17) относятся к типу Амброз 21–IБA, датированному IV в. [Амброз, 1966, с. 83, табл. 13, 11; 25, 3]. Также известные, как тип Виллафонтана, они встречаются на протяжении всего периода D1 (360/370–400/410) [Quast, 2005, s. 297] и характерны для финала черняховской культуры [Gil, 2021, p. 59; Мастыкова, 2011, с. 345, рис. 2, 10]. Такие фибулы известны в более поздних комплексах периода D2 (380/400–440/450) [Казанский, 2020а, с. 137]. Близкая по форме фибула, но с ромбической ножкой с расширением у спинки, из погребения № 2 склепа № 189/2007 является дериватом небольших двупластинчатых фибул [Казанский, Мастыкова, 2017, с. 569–570]. Декор в виде двух небольших кругов, вписанных друг в друга (рис. 145,

5), практически аналогичен декору на фибуле из могилы № 168 могильника Лучистое первой половины V в. [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 49, рис. 26, 20].

Из склепа № 65/1998 Первой фазы Алмалыкского могильника происходят две дисковидные фибулы, украшенные в полихромном стиле (рис. 138, 14). Подобная брошь найдена в Керчи в погребении №9 склепа №154. И.П. Засецкая датировала его второй половиной IV – первой половиной V вв. [Засецкая, 1993, с. 78, табл. 50, кат. 246]. А.И. Айбабин отнес керченский склеп № 154 к первой половине V в. [Айбабин, 1999, с. 265, 266]. Выполненная в похожей технике бляха обнаружена в могиле № 586 могильника Нейзац, где в погребальном сооружении позднеримского времени, уже на заброшенном некрополе, было совершено захоронение V в. [Храпунов, Казанский, 2016, с. 196, рис. 4, 1]. Похожая фибула обнаружена в склепе № 126 могильника Лучистое с материалами первой половины V в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 49, рис. 26, 2]. В погребении постгуннского времени у с. Новопокровка [Засецкая, 2007, с. 15, 18] выявлена почти аналогичная полихромная бляха [Гаврилов, 1996, с. 112, рис. 2, 7]. Датировка этого погребения дискуссионна, так как А.И. Айбабин относит его ко второй половине VII в. [Айбабин, 1999, с. 173, 176]. В погребении гуннского времени на могильнике Усть-Альма (могила № 635) найдено похожее изделие, но уже как элемент конской сбруи [Пуздровский, 1999, с. 197–198, рис. 3, 4]. Подобные бляхи известны на некоторых памятниках Ставропольского края [Засецкая, 1975, с. 52, кат. №33] и Северного Кавказа [Уварова, 1900, табл. С1, 3-7], где они, вероятно, были связаны с местным производством и датируются V в. [Абрамова, 1997, с. 132–133, 135, рис. 57, 4-5, 10–12].

Среди оружия многочисленны находки фрагментов мечей или кинжалов. Один из маркеров Первой фазы представлен клинками с вырезами у пяты типа V по М. Хазанову (рис. 131, 2; 136, 4) [Хазанов, 1971, с. 17], находки которых в Крыму характерны для IV в. и, возможно, начала V в. [Левада, 2013, с. 174]. Со второй половины IV в. такие вещи появляются на памятниках черняховской культуры [Радюш, 2014, с. 235]. На территории Карпатского бассейна они распространены в гуннскую эпоху [Иштванович, Кульчар, 2009, с. 146]. Отдельные находки

встречаются на Кавказе до середины VII в. На Борисовском могильнике, например, кинжал с вырезами найден в погребении № 7 вместе с геральдическим поясным набором [Левада, 2006, с. 194]. В Крыму аналогичные изделия являются распространенным видом вооружения в позднеримское время и в начале эпохи Великого переселения народов [Храпунов и др., 2020, с. 8].

Остальные хронологические индикаторы относятся к разрозненным группам материалов или «индивидуальным» элементам костюма, происходящим, как из опорных, так и из разграбленных комплексов. В двух комплексах Первой фазы выявлены фрагменты зеркал с ячеистым орнаментом типа Хазанов X (рис. 138, 2; 144, 1) [Хазанов, 1963, с. 67–68, рис. 5, 2, 5] или типа В–Чми–Бригецио [Werner, 1956, s. 20, 22, 114, taf. 45, 4.], которые были распространены в Крыму в IV в. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 57] и первой половине V в. [Хайрединова, 2002, с. 72–73]. Такие находки, также известные как тип Анке-1, встречались на территории от Центральной Европы до Кавказа в комплексах второй половины V в., в одном случае – в погребении конца V – начала VI в. [Гавритухин, Казанский, 2018, с. 347–348, рис. 9]. Целое зеркало происходит из склепа № 41 некрополя Лучистое [Aibabin, Khairedinova, 1999, p. 275, fig. 4, 1], который, вероятно, мог быть сооружен в первой половине V в. [Айбабин., Хайрединова, 2008, с. 119, рис. 26]. Учитывая присутствие таких изделий на могильниках Дружное, Нейзац и Скалистое в комплексах IV – начала V вв. [Мастыкова, 2022, с. 92], можно предположить, что и на Алмалык-дере они были характерны для раннего периода.

В комплексах Первой фазы фиксируются золотые нашивные аппликации и пронизи женского костюма варварской аристократии [Мастыкова, 2014, с. 136]. В некоторых из них найдены разнотипные элементы украшений: пронизи-трубочки (прямоугольные, ромбовидные, треугольные, круглые) и подвески-лунницы (рис. 133, 1; 135, 10; 136, 10; 137, 2–8; 142, 1–3; 145, 3-4, 6, 12-13, 18-20). Золотые изделия из склепа № 189/2007 могли принадлежать либо ранним погребениям №№ 1 (рис. 145, I) и 2 (рис. 145, II), либо позднему захоронению № 4 (рис. 145, IV). Подвески-лунницы могли быть частью ожерелья типа Гранада-Альбайсин, встречаемого в захоронениях варварских элит Северного Причерноморья конца IV – первой

половины V вв. [Мастыкова, 2024, с. 210-211]. Золотые нашивные бляшки, штампованные из фольги, широко использовались в женском костюме крымских готов в IV в. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 57]. Они входили в состав украшений ворота платья из могилы № 485 IV в. могильника Нейзац [Храпунов, 2016а, с. 14–15, рис. 10, 4–31, 35, 64] и погребения № 6 склепа № 7 второй половины IV – первой половины V вв. могильника Сувлу–Кая [Masyakin, Voloshinov, Nenevolja, 1993, s. 337–338, abb. 10]. В могиле № 82 некрополя Лучистое первой половины V в. найдена налобная повязка, частично состоявшая из аналогичных изделий [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 49, рис. 26, 1].

Другие украшения, обнаруженные в опорных комплексах Первой фазы, подтверждают их раннюю датировку или не противоречат ей. В склепе № 3/2001, вероятно, находился венок, от которого сохранились золотой трилистник и луновидная фигура из золотой фольги (рис. 144, 12-13). Такие уборы встречаются с эпохи античности и до конца римского периода [Труфанов, Мордвинцева, 2016, с. 207]. Венки, украшенные трилистниками, использовались на Боспоре до IV–V вв. [Трейстер, 2014, с. 56]. Боспорское происхождение может иметь кулон из склепа № 65/1998 (рис. 138, 13). Подобные изделия производились в первой половине V в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 49, рис. 26, 3–5]. Из склепа № 2/1996 происходит подвеска в виде топорика (рис. 146, 9), которая относится к типу 3 по А.А. Стояновой. В Крыму большинство подобных вещей бытовало во второй половине III – IV вв., но, преимущественно, в IV в. [Стойнова, 2005, с. 51, рис. 1, 20]. В склепах №№ 6/2001 и 185/2005 обнаружены колокольчики с петелькой (рис. 143, 10; 144, 12), которые имеют аналогии в комплексах второй половины III–IV вв. на могильниках Дружное, Нейзац, Совхоз №10, Суворово, Красная Заря, Балта-Чокрак и Чатыр-Даг [Стойнова, 2016, с. 141, рис. 6, 17–21].

По типологии перстней А.А. Труфанова, изделие из склепа № 158/2003 относится к группе 7 типу 1.1 (рис. 140, б), а перстни из склепов №№ 6/2001 и 185/2005 – группе 7 типу 4.1 (рис. 143, 9; 144, б). Кольцо с треугольными насечками по краям из подбойной могилы № 18/2004 относится к группе 8 типу 2 (рис. 133, 9). Подобные изделия имеют широкую датировку, но поздние находки происходят

из сооружений второй половины III – IV вв. и начала V в. [Труфанов, 2022, с. 157–162, рис. 24, 1–24; 25, 11–12, 23–24; 27, 26–27].

В склепах №№ 185/2006 и 5/2001 и в подбойной могиле № 7/1999 найдены бронзовые предметы, которые могут быть кольцами для подвешивания или оковками от деревянных чаш III–IV вв. (рис. 133, 2–6; 134, 13; 143, 11) [Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 47, 12–13, 67, 2–6]. Такие оковки из склепа № 88 могильника Лучистое интерпретированы как обкладки деревянного гребня [Айбабин, Хайрединова, 1998, с. 291, рис. 21, 5–9].

Биконические пряслица, хотя и имеют широкую датировку, но их появление в погребальном инвентаре Первой фазы характерно в целом для оседлого населения Крыма в позднееримское время (рис. 135, 12; 139, 3; 141, 1–2; 143, 1, 14–15) [Храпунов, Казанский, 2016, с. 201].

В большинстве ранних комплексов Алмалыкского могильника, как опорных, так и сильно разграбленных, обнаружена лепная керамика. В подбойных могилах она встречалась в единичных экземплярах. В могилах с заплечиками и грунтовых могилах находки лепной керамики отсутствовали.

Лепные сосуды обнаружены в склепах групп А и А/В на северной оконечности могильника. Часто они встречаются в комплексах вместе с краснолаковой керамикой. Такая картина отображает общую тенденцию, возникшую в IV в. в Предгорном Крыму, которую связывают с подъемом местного гончарства [Храпунов, 2021, с. 83]. Исследования лепной керамики из могильника Фронтное 3 также выявили связь населения, хоронившего в склепах, и лепных сосудов, в состав теста которых добавлялся шамот [Суханов, 2020, с. 20; 2020а, с. 76; Суханов, Свиридов, Язиков, 2020, с. 374]. Подавляющее большинство склепов Фронтного 3 однотипно склепам группы А, выделенной для могильников Мангупа. Сосуды, обнаруженные в подбойных могилах и склепах IV – начала V вв. на могильнике Фронтное 3, демонстрируют устоявшуюся гончарную традицию, которая была сформирована ранее у населения, начавшей совершать погребения на финальном этапе истории могильника [Суханов, 2021а, с. 400–401; 2024, с. 55]. Вероятно, на Алмалыкском могильнике фиксируется близкая ситуация.

В лепной керамике Алмалык-дере выделяются следующие примеси в составе глиняной формовочной массы: песок, шамот, дресва, большое количество измельченных раковин. Такие же примеси зафиксированы в посуде из могильников Дружное, Нейзац, Опушки и Заречное, что является маркером для изделий, которые начали изготавливать в IV в. Как показывают специальные исследования, включение толченой ракушки в глиняную формовочную массу для сосудов более раннего времени не характерно [Власов, 2022, с. 317].

Комплекс лепной керамики Алмалыкского могильника (всего 137 экз.) представлен мисками (38 экз./33,5%), кружками (26 экз./22,5%), кувшинами (22 экз./19%), кубками (17 экз./14,65%), горшками (9 экз./7,75%), солонками (2 экз./1,75%) и ковшами (1 экз./0,85%). Среди всей керамики, обнаруженной в ходе раскопок памятника, лепные сосуды составляют более 60%. Исследования, посвященные этой группе находок, в публикациях прошлых лет отсутствуют.

Большинство изделий имеет лощение, в основном внешнее, но иногда и внутреннее, выполненное с разной степенью тщательности. По способу обработки поверхности, сосуды делятся на три группы: лощеные (с гладкой блестящей поверхностью) – 65%; подлощенные (с гладкой, но без блеска) – 20%; с заглаженной поверхностью – 15%.

Среди отдельных групп сосудов выделяются типы, имеющие общие морфологические признаки. Варианты фиксируются по устойчивым формам частей сосудов, например, венчиков (краев) или тулова. Мисковидные сосуды (миски, солонки, ковши) обладают наиболее изменчивой верхней частью, тогда как форма их тулова сводится к полусфере и усеченному конусу. Подтипы горшковидных сосудов (горшки, кубки, кружки, кувшины) выделяются по форме тулова. При разработке типологии лепной керамики учитывались находки из опорных и сильно разграбленных комплексов, а также экземпляры, обнаруженные в отвалах.

Миски, с учетом количества частей перегиба их профиля, разделяются на одно-, дву- и трехчастные. Одно- и двухчастные миски сгруппированы по типам с учетом направленности их краев. Типы трехчастных мисок также выделяются по

форме тулова.

Одночастные миски типа 1 (20 экз.) имеют расходящиеся края. Вариант А (8 экз.) включает изделия с полусферическим туловом (рис. 152, 1-8). Они найдены в «опорных» склепах №№ 5/2001, 6/2001, 155/2003, 159/2003, 160/2003, 162/2003, 183/2006, а также в разграбленном склепе № 7/2002. Вариант В (12 экз.) с усеченно-коническим туловом (рис. 152, 9-20) представлен находками из «опорных» склепов №№ 6/2001, 160/2003, 162/2003, 182/2006, 185/2006 и склепов №№ 163/2004 и 186/2006. Миски типа 2 (5 экз.) обладают вертикальными краями. Изделия варианта 2А (3 экз.) с полусферическим туловом (рис. 152, 21-23) обнаружены в склепах №№ 157/2003 и 160/2003. Миски варианта 2В (2 экз.) с усеченно-коническим туловом встречены в склепе № 162/2003 (рис. 152, 24-25).

Двухчастные миски включают четыре типа. Тип 3 представлен глубоким сосудом с плавно загнутыми краями и полусферическим туловом из склепа № 182/2006 (рис. 152, 26). Тип 4 имеет резко загнутые прямые края, полусферическое или усеченно-коническое тулово, разделенное острым или сглаженным ребром (рис. 152, 27-28). Два экземпляра найдены в склепах №№ 2/2001 и 190/2007 середины V в. Они могли являться имитацией краснолаковых мисок, так как сохранившиеся венчики напоминают края формы 4.2 по О.С. Ивановой (рис. 148, 4.2). Тип 5 (4 экз.) обладает отогнутыми слабо выраженными краями, плавно соединяющимися с полусферическим туловом (рис. 153, 1-4). Такие сосуды найдены в «опорных» склепах №№ 65/1998 и 158/2003, а также в склепах №№ 166/2004 и 186/2006. Тип 6 (3 экз.) имеет отогнутые выраженные края, невыделенное дно и полусферическое тулово (рис. 153, 5-7). Такие изделия обнаружены в склепе № 161/2003 и в качестве подъемного материала на территории могильника. Миска из склепа № 65/1998 отличается слабо выраженными краями и наличием кольцевого поддона (рис. 138, 25; 153, 5). Из подбойной могилы № 7/1999 происходит сосуд типа 7 с эллипсоидным туловом и отогнутыми краями, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости (рис. 153, 8). Сосуды типа 8 обладают расширенным в верхней части биконическим туловом (плечи отделены от придонной части острым ребром) и отогнутыми

краями. Представлен сосудами из траншеи № 2/2005 в районе кургана № 2 и склепа № 159/2003 (рис. 153, 8-9).

Небольшие сосуды, отнесенные к солонкам, в комплексах Первой фазы представлены единичными экземплярами из склепов №№160/2003 и 190/2007 (рис. 153, 11, 12); последний относится к рубежным комплексам Первой и Второй фаз. Сосуды, схожие с ними, также редки в могильниках позднееримского времени. Единственный ковш с утраченной ручкой (рис. 153, 13) происходит из разрушенного склепа №162/2003. Эта находка отнесена к материалам Первой фазы по аналогии с сосудом из погребения №94 III в. могильника Фронтное 3 [Суханов, 2020, с. 69, рис. 1, 27]. В склепе №87 второй половины IV в. могильника Дружное найден сосуд, несколько отличающийся по форме, но который также имел одно крепление ручки к тулову [Власов, 1999, с. 327; Храпунов, 2002, с. 37, 62, 72, рис. 210, 5].

В группу горшковидных сосудов закрытого типа входят горшки (9 экз.), кружки (26 экз.), кубки (17 экз.) и кувшины (22 экз.). По ширине дна, форме и пропорциям тулова и горла выделены три типа горшков. Тип 1 имеет расширенное в верхней части овалоидное тулово. По разнице в пропорциях тулова выделен вариант 1А с приземистым туловом и слабо изогнутым гиперболоидным горлом (рис. 153, 14-15). Такие сосуды обнаружены в насыпи кургана №3 и склепе № 65/1998. В склепе № 162/2003 найдены два горшка варианта 1В с туловом средних пропорций, узким дном и широким цилиндрическим или слабо расширяющимся усеченно-коническим горлом (рис. 153, 16-17). Горшки варианта 1С с вытянутым туловом происходят из склепа № 158/2003 (рис. 153, 18).

К горшкам типа 2 относятся сосуды с эллипсоидным туловом, длинная ось которых лежит в горизонтальной плоскости. Среди них выделяются два варианта, представленные единичными экземплярами. Вариант 2А с расширяющимся гиперболоидным горлом выявлен в склепе № 65/1998 (рис. 153, 19), вариант 2В с расширяющимся усеченно-коническим горлом происходит из склепа № 163/2004 (рис. 153, 20). Тип 3 имеет сферическое тулово и расширяющееся усеченно-

коническое горло. Он представлен двумя сосудами из склепов №№ 157/2003 и 163/2004 (рис. 153, 21-22).

К кубкам отнесены сосуды без ручки, повторяющие форму горшков, но отличающиеся от них размерами. Всего выделено шесть типов кубков, некоторые из которых разделены на варианты. Тип 1 (4 экз.) имеет расширенное в верхней части овалоидное тулово. Вариант 1А представлен сосудами с расширяющимся гиперболоидным горлом из склепа № 190/2007 (рис. 154, 1-2). Кубки варианта 1В имеют расширяющееся усеченно-коническое горло, обнаружены в склепах №№ 65/1998, 159/2003 и 161/2003 (рис. 154, 3-4). Единственный кубок типа 2 из склепа № 159/2003 характеризуется расширенным в нижней части овалоидным туловом и расширяющимся гиперболоидным горлом (рис. 154, 5). Тип 3 с эллипсоидным туловом и цилиндрическим горлом также встречен в одном экземпляре из склепа № 162/2003 (рис. 154, 6), его длинная ось лежит в вертикальной плоскости. Кубки типа 4 с эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости, разделены на два варианта. Из склепов №№ 157/2003 и 158/2003 происходят изделия варианта 4А с расширяющимся горлом (рис. 154, 7-8). Вариант 4В с цилиндрическим горлом представлен фрагментированным сосудом из склепа № 2/2001 (рис. 154, 9). Наиболее распространенными являются кубки с расширяющимся горлом типа 5. Два изделия из склепов № 161/2003 и № 182/2006 отнесены к варианту 5А (рис. 154, 10-12). Кубки варианта 5В (3 экз.) с расширяющимся усеченно-коническим горлом представлены сосудами из склепов №№ 159/2003 и 161/2003 (рис. 154, 13-15). Вариант 5С, имеющий цилиндрическое горло, выявлен в склепе № 6/2001 (рис. 154, 16). Единственный кубок типа 6 из склепа № 158/2003 имеет расширенное в средней части округло-биконическое тулово и расширяющееся усеченно-коническое горло (рис. 154, 17).

В ранних комплексах Алмалыкского некрополя выявлены множество кружек, отнесенных по форме тулова к различным типам, а по форме горла – к разным вариантам. Тип 1 обладает расширенным в верхней части овалоидным туловом. Единственная кружка варианта 1А с расширяющимся гиперболоидным горлом и подпрямоугольной в сечении кольцевидной ручкой найдена в склепе № 182/2006

(рис. 155, 1). Вариант 1В представлен тремя экземплярами с расширяющимся усеченно-коническим горлом и подпрямоугольными в сечении кольцевидными ручками из склепа № 160/2003 (рис. 155, 2-4). Одна кружка варианта 1С обладает цилиндрическим горлом и подпрямоугольной в сечении Г-образной ручкой из склепа № 162/2003 (рис. 155, 5). К типу 2 отнесена кружка с расширенным в нижней части овалоидным туловом и усеченно-коническим горлом из подбойной могилы № 18/2004 (рис. 155, 6). Выделяются две кружки типа 3 с эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в вертикальной плоскости, и расширяющимся усеченно-коническим горлом из подбойной могилы № 1/2001 и погребения в кургане № 2 (рис. 155, 7-8). Кружки типа 4 (9 экз.) с эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости, наиболее многочисленны. Единственное изделие варианта 4А с расширяющимся гиперболоидным горлом и подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой происходит из склепа № 162/2003 (рис. 155, 9). Вариант 4В (7 экз.) с расширяющимся усеченно-коническим горлом представлен сосудами с подквадратными, подпрямоугольными и сегментовидными в сечении петлевидными и кольцевидными ручками. Такие изделия происходят из опорных склепов №№ 158/2003 (обнаружено три экземпляра различных размеров), 160/2003, 182/2006 и разграбленного склепа № 166/2004 (рис. 155, 10-16). Сосуд варианта 4С с цилиндрическим горлом и овально-подпрямоугольной в сечении Г-образной ручкой выявлен в склепе № 182/2006 (рис. 155, 17). Тип 5 (1 экз.) обладает слабо профилированным сферическим туловом и расширяющимся усеченно-коническим горлом с подпрямоугольной в сечении кольцевидной ручкой из склепа № 6/2001 (рис. 155, 18). Кружки типа 6 (5 экз.) со сферическим туловом и узким горлом разделены на два варианта. Вариант 6А с расширяющимся гиперболоидным горлом происходит из склепов №№ 158/2003 и 162/2003 (рис. 155, 19-20). Вариант 6В с расширяющимся усеченно-коническим горлом представлен сосудами из склепов №№ 155/2003, 157/2003 и 163/2004 (рис. 155, 21-23). Тип 7 с расширенным в средней части округло-биконическим туловом средних пропорций представлен двумя вариантами. Кружка варианта 7А с расширяющимся усеченно-коническим

горлом со слабо выделенным дном на скрытом кольцевом поддоне, с профилированной центральным желобком подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой и горизонтальным валиком у основания горла происходит из склепа № 183/2006 (рис. 155, 24). Вариант 7В с цилиндрическим горлом представлен асимметричным сосудом с прямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 158/2003 (рис. 155, 25). Тип 8 характеризуется лощеным сосудом с расширенным в средней части приземистым биконическим туловом и усеченно-коническим горлом. Такое изделие входило в состав инвентаря из склепа № 157/2003 (рис. 155, 26).

Наибольшее разнообразие форм демонстрируют кувшины, каждый из которых представляет собой отдельный вариант или подтип. Они разделены на типы по форме тулова, по его пропорциям, форме и пропорциям горла – на варианты.

Кувшины типа 1 имеют расширенное в верхней части приземистое овалоидное тулово. Вариант 1А (склеп № 190/2007) средней высоты, с расширяющимся гиперболоидным горлом и овально-подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой (рис. 156, 1). Вариант 1В (склеп №159/2003) обладает расширяющимся усеченно-коническим горлом, широким дном и округло-трапецевидной в разрезе кольцевидной ручкой (рис. 156, 2). Кувшин варианта 1С (склеп № 190/2007) с высоким сужающимся усеченно-коническим горлом и отогнутым венчиком представлен асимметричным сосудом с пятиугольной в сечении Г-образной ручкой (рис. 156, 3). Единственный кувшин типа 2 с эллипсоидным туловом, длинная ось которого лежит в горизонтальной плоскости, и высоким сужающимся усеченно-коническим горлом с отогнутым венчиком, слабо выделенным дном и ромбовидной в сечении Г-образной ручкой происходит из склепа № 190/2007. От боковых сторон нижнего конца ручки и середины центральной части ее внешней стороны вниз по тулову отходят прямые рельефные отростки (рис. 156, 4). Кувшины типа 3 выделяются сферическим туловом. Вариант 3А (склеп №157/2003) имеет среднюю высоту, слабо изогнутое расширяющееся гиперболоидное горло и подквадратную в сечении петлевидную ручку (рис. 156, 5). Вариант 3В (склеп

№161/2003) обладает высоким расширяющимся гиперболоидным горлом и подпрямоугольной в сечении Г-образной ручкой (рис. 156, 6). Вариант 3С (склеп № 159/2003) представлен сосудом средней высоты с расширяющимся усеченно-коническим горлом, слабо выраженным сливом и подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой (рис. 156, 7). К варианту 3D относится фрагмент кувшина (склеп № 182/2006) со средним по высоте цилиндрическим горлом и подовальной в сечении кольцевидной ручкой (рис. 156, 8). Вариант 3Е с цилиндрическим горлом средней высоты, отогнутым венчиком, петлевидной ручкой происходит из разграбленного склепа № 166/2004 (рис. 156, 9). Вариант 3F (склеп № 178/2005) с высоким цилиндрическим горлом и отогнутым венчиком представлен реконструированным сосудом с подтреугольной в сечении ручкой (рис. 156, 10). Кувшины типа 4 с приземистым туловом и низким расширяющимся гиперболоидным горлом представлены фрагментированным миниатюрным сосудом с узким дном, широким горлом и утраченной ручкой из склепа № 2/1996 (рис. 156, 11). Тип 5 имеет тулово средних пропорций и средней высоты, расширяющееся усеченно-коническое горло; он представлен сосудом с подпрямоугольной в сечении ручкой из склепа № 157/2003 (рис. 156, 12). В подбойной могиле № 18/2004 обнаружен кувшин варианта типа 6, обладающий средней высоты цилиндрическим горлом, отогнутым венчиком и овально-подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой (рис. 156, 13). Кувшины типа 7 обладают расширенным в средней части биконическим туловом. Один сосуд из склепа № 178/2005 с расширенным в средней части сфероконическим туловом средних пропорций и высоким цилиндрическим горлом, отогнутым венчиком, выделенным дном и подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой относится к типу 7А. У основания горла находится горизонтальный валик, от обоих концов ручки отходят короткие изогнутые рельефные отростки (рис. 156, 14). Вариант 7В (склеп № 157/2003) представлен сосудом с расширенным в нижней части приземистым сфероконическим туловом, средней высоты расширяющимся гиперболоидным горлом и подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой (рис. 156, 15). Из Г-образной могилы кургана № 5 происходит кувшин типа 7С с

расширенным в средней части приземистым биконическим туловом (плечи отделены от придонной части острым ребром), расширяющимся гиперболоидным горлом, на низком кольцевом поддоне и с подтреугольной в сечении ручкой (рис. 156, 16). Нижняя часть ручки крепилась оформленным в виде шипа окончанием, которое вставлялось в отверстие стенки тулова. Вариант 7D с высоким расширяющимся усеченно-коническим горлом и подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой происходит из склепа № 185/2006 (рис. 156, 17). На верхнем изгибе ручки расположен вертикальный конический налп, от боковых сторон нижнего конца ручки отходят короткие отростки. Вариант 7E с высоким цилиндрическим горлом, отогнутым венчиком, подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой выявлен в склепе № 159/2003 (рис. 156, 18). Вариант 7F с высоким расширяющимся гиперболоидным горлом и подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой обнаружен в склепе № 185/2006 (рис. 156, 19). Вариант 7G обладает расширенным в верхней части биконическим туловом средних пропорций и высоким цилиндрическим горлом из склепа № 188/2008 (рис. 156, 20). Вариант 7H с расширяющимся усеченно-коническим горлом средней высоты представлен сосудом с петлевидной ручкой из склепа № 6/2001 (рис. 156, 21). Основание горла этого кувшина орнаментировано слабо профилированным горизонтальным валиком. От боковых сторон нижнего конца ручки отходят рельефные отростки. Внешняя сторона кувшина профилирована четырьмя бороздками.

Фрагмент верхней части лощеного кувшина с высоким расширяющимся гиперболоидным горлом и подпрямоугольной в сечении петлевидной ручкой из склепа № 157/2003 сложно отнести к определенному типу (рис. 156, 22). Основание его горла орнаментировано двумя горизонтальными гравированными линиями, между которыми расположена зигзагообразная линия.

Круг аналогий лепной керамики Алмалыкского могильника широк и включает не только Крым, но и Северный Кавказ, Подонье, Северное Причерноморье и Предкавказье. Отдельные варианты находят аналогии на позднескифских памятниках, но большая часть находок обнаружена на могильниках, синхронных Алмалык-дере, включая некоторые изделия из Скалистого и Лучистого.

Среди находок из сильно разрушенных склепов и грабительских отвалов, которые можно отнести к Первой фазе, следует упомянуть биконический сероглиняный сосуд из южного района некрополя (рис. 151, 1). Один фрагмент стенки, вероятно, от биконической корчаги выявлен в грабительских отвалах на севере могильника (рис. 151, 2). В заполнении ровика кургана № 3 обнаружен сероглиняный сосуд с биконическим туловом (рис. 151, 3).

Большинство склепов Первой хронологической фазы относятся к группе А. Они концентрируются на самом северном участке некрополя Алмалык-дере, за исключением склепов №№ 2/1996 и 65/1998, расположенных в его центральной части. В меньшей степени ранние материалы происходят из склепов группы В, где они в основном зафиксированы на южной границе памятника и, еще меньше, на его северной оконечности. Подбойные могилы, относимые к опорным комплексам, выкопаны на большую глубину и обладают большими размерами по сравнению с остальными однотипными погребальными сооружениями. Грунтовые могилы и могилы с заплечиками распространены слабее. Погребения в них совершались как на северном, так и на южном участках могильника.

Благодаря фиксации ранних материалов на всех участках Алмалыкского могильника можно определенно заключить, что он возник на большой площади (рис. 157). При этом в южной и центральной частях памятника сооружаются курганные комплексы и разрозненные склепы типов А1, А2, В1, В2. На северной оконечности некрополя хоронит население, практикующее сооружение склепов типа А2. Расположенные здесь склепы типа А/В, раскопанные без входных ям, вероятнее всего, также принадлежат типу А2. На остальной части некрополя преобладают склепы группы В, в которых также фиксируются материалы, которые можно отнести до середины V в.

Таким образом, заключительный этап Первой хронологической фазы связан с прекращением функционирования северной оконечности могильника в середине V в. При этом в комплексах с хронологическими маркерами Первой фазы начинают совершаться погребения, характерные для второго этапа развития могильника. Кроме того, происходит более активное сооружение склепов на остальной

территории некрополя. В особенности это касается склепов группы В, скопление которых фиксируется в северной части некрополя, в 70 м южнее от раннего участка. Здесь рубежную позицию может занимать склеп № 175/2005 (рис. 142, II) с типичными для Первой фазы пряжками (рис. 142, 6-9).

3.2. Вторая хронологическая фаза (Алмалыкский могильник)

Начало этого этапа маркируется появлением ременной гарнитуры, которая отсутствовала среди погребального инвентаря в более ранних комплексах. Кроме того, в погребальных сооружениях этой фазы фиксируется значительно меньшее количество лепной и краснолаковой керамики. Перед описанием основных групп хронологических маркеров, выделенных для опорных комплексов Второй фазы, остановимся на «рубежных» погребальных сооружениях и погребениях, возникших в середине V в.

В склепе типа А2 № 155/2003 основная масса погребального инвентаря представлена фрагментами ножей и проколов, а также керамикой. Лепные кружка и миска вариантов 6В и 1А (рис. 146, 21-22) имеют множество аналогий на могильниках позднеримского и раннесредневекового времени в Крыму. При этом данный тип кружки более характерен для комплексов второй половины III–IV вв. Краснолаковая миска формы 9 (рис. 146, 25) морфологически близка сосудам из усадьбы в Танаисе, прекратившей существование в середине III в. [Арсеньева, Науменко, 1992, с. 95, рис. 54, 3], и склепа № 4 могильника Нейзац IV в. [Храпунов, 2008, с. 376, рис. 12, 4]. Наличие фибулы типа Виллафонтана второй половины IV – первой половины V вв. (рис. 146, 17) не оставляет сомнений в том, что склеп № 155/2003 возник в рамках Первой фазы могильника. Самое позднее погребение фиксируется здесь по наличию фрагмента ранневизантийской пряжки с овальным кольцом и, вероятно, прямоугольным щитком с рифлением второй половины V – первой половины VI вв. (рис. 146, 18) [Казанский, Мастыкова, 2017, с. 571]. Похоже, на рубеже Первой и Второй фаз, на северной оконечности некрополя еще совершались редкие, возможно, последние, погребения в уже существующих склепах, после чего участок был заброшен.

Другие рубежные комплексы Второй фазы выявлены уже в южной части могильника. В склепе типа В1 № 189/2007, где зафиксированы остатки трех погребений с фибулами второй половины IV – первой половины V вв. (рис. 145, 1, 5, 8) среди костных останков захоронения № 4 обнаружены две серебряные фибулы-цикады с фасетированными «крыльями» (рис. 145, 14-15). Подобные броши распространены в Крыму и вне полуострова со второй половины V – первой половины VI вв. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 154; Казанский, 2020а, с. 135]. Аналогичное изделие обнаружено в могиле № 6 кургана №5 на могильнике Червоный Двор на севере Польши [Szymański, 2008, p. 83–89]. Этот комплекс датирован серединой V в. [Skvorcov, Rudnicki, 2017, p. 389, fig. 4, 5] Здесь фибула-цикада обнаружена вместе с фибулой типа Доллькайм/Коврово, которые распространяются на рубеже фаз D1/D2 (около 430 гг.) [Prassolow, Skvorcov, 2020, p. 62, 63] и встречаются в погребениях с материалами фаз D3–D3/E1 (430–450/500–520) по хронологии самбийско-натангийской культуры [Прасолов, 2021, с. 91, 95, 97], а также пряжкой Н 40 по Р. Мадыда-Легудко первой половины V вв. [Madyda-Legutko, 1986, p. 68]. К погребению № 4 относились две золотых пронизи, перстни и костяные пиксиды (рис. 145, 10–13, 16-17). Такого рода костяные изделия с орнаментом изготавливались на Боспоре в первой половине V в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 27, рис. 24, 9–11]. Пиксиды продолжают помещать в могилы и в середине V в., о чем свидетельствуют находки из Фанагории [Ворошилова, 2018, с. 131–132]. Еще одна пиксида могла принадлежать более раннему погребению № 3 (рис. 145, 9). Примечательно, что единственное аналогичное изделие на территории Алмалыкского могильника выявлено в рубежном склепе № 155/2003 (рис. 146, 19).

В склепе типа В2 № 190/2007 обнаружены останки индивида с материалами, характерными для Первой фазы: двумя железными фибулами и лепной керамикой (рис. 146, 1-2, 8–13). Среди последней выделяются солонка, фрагмент миски типа 4, кубка варианта 1А, кувшинов вариантов 1В, 1С и типа 2. Здесь также выявлены нижняя часть амфоры типа LRA 10 Benghazi IV–VII вв. (рис. 146, 16) [Riley, 1979, p. 183; Яшная, 2018, с. 288], краснолаковые тарелка формы 3 по К. Домжалскому,

которая исчезает в третьей четверти V в., и миска формы 4С V в. (рис. 146, 14-15) [Domzalski, 2021, s. 86, 103]. Основанием для отнесения склепа к «рубежным комплексам» служит пряжка с В-образной рамкой (рис. 146, 3), близкая железным пряжкам второй половины V в. в женских погребениях в Подунавье [Хайрединова, 2002, с. 55, рис. 1, 7]. Серьга с литым многогранником также не характерна для комплексов Первой фазы (рис. 146, 5). В Крыму подобные серьги типа 4-1 по Э.А. Хайрединовой с небольшим диаметром кольца (1,7–1,9 см) начинают входить в моду в начале V в. Со второй половины V в. их многогранник и диаметр начинают увеличиваться [Хайрединова, 2002, с. 55, 61–62, 79, 83]. У нашей серьги диаметр кольца 2,4–2,6 см, что позволяет отнести ее к поздней группе изделий. Можно предположить, что погребение в склепе № 190/2007 было совершено на рубеже Первой и Второй фаз.

К началу раскопок склепа № 118/2000 костяк в нем уже не сохранился, но, по составу инвентаря, можно утверждать, что здесь было совершено мужское погребение из категории воинской всаднической культуры. Последнее подтверждается конским захоронением, частично сохранившимся во входной яме склепа. В камере обнаружена пряжка 3-го варианта по А.И. Айбабину характерная для Первой фазы (рис. 147, 2). На поясе погребенного, вероятно, находился ремень с фигурными поясными накладками, луновидными бляшками, наконечниками ремней с загнутыми окончаниями и, вероятно, кольцами с зажимами (рис. 147, 4–11). Ремень застегивался крупной пряжкой с прогнутым в передней части язычком (рис. 147, 3), которые встречаются во второй половине V в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 51, рис. 25, 26]. Также в склепе найдена амфора типа LRA 3A3 (рис. 147, 19), которая появилась во второй половине V в. Накладки на лук имеют широкую хронологию, вплоть до IX–X вв. (рис. 147, 12) [Душенко, 2013, с. 293–294], но их активное использование приходится на II–V вв. Трехлопастные наконечники стрел также имеют широкую хронологию, от конца IV – середины V вв. до VII вв. (рис. 147, 13) [Казанский, 2020, с. 111–112]. Еще более ранние находки трехлопастного наконечника и накладок на лук выявлены в могиле № 230 конца I – начала II вв. на могильнике Фронтное 3 [Свиридов, 2024, с. 148, рис. 5]. Если

учесть, что погребение было одно, то склеп № 188/2000 мог быть сооружен только в середине V в. Близкий набор предметов вооружения происходит из опорного комплекса Первой фазы – склепа № 65/1998 (рис. 138, 16–19). Судя по находкам удила с псалиями (рис. 138, 15), в склепе погребен воин-всадник. Окончания накладок не трапецевидной формы, более узкие и скругленные, не имеют сильного расширения, характерного для луков гуннского времени [Амброз, 1981, с. 16, рис. 26–27]. Использование накладок более ранней формы в V в. не является исключением [Моисеев, 2015, с. 21].

Проблематичным с точки зрения датировки является склеп № 99/2000. Здесь обнаружены листовидные изделия из тонкого золота с антропоморфным изображением, относящиеся к подвескам группы IV по К. Мызгину (рис. 159, 10–16). Морфологически близкие подвески обнаружены в составе клада из Брангструпе в Дании, датированном Й. Вернером серединой IV в. [Werner, 1988, s. 272, abb. 18, 12]. Вместе с подвесками на полу камеры, в слое грабительского перекопа, выше которого обнаружены поздние материалы, найдены две золотые пряжки с декором щитка в технике «клуазоне» (рис. 159, 8–9), которые отнесены К. Мызгиным к периоду D2/D3 (430/440 – 470/480) [Myzgin, 2019, s. 261–265, 266]. Датировка этих пряжек вызывает разночтения, так как М. Мончынська, по аналогии с находками из Керчи, датирует их более ранним временем [Maćzyńska und andere, 2016. s. 8]. К периоду D1 (360/370 – 400/410 гг.) они отнесены М.М. Казанским и А.В. Мастыковой [Казанский, Мастыкова, 2017, с. 571], выводы которых основываются на материалах из того же боспорского некрополя [Засецкая, 1993, кат. № 103а, табл. 26, 103а]. В отличие от керченских находок с длинным загнутым язычком, как у пряжек Первой фазы, пряжки из склепа № 99/2000 обладают более короткими и массивными язычками, которые характерны для комплексов Второй фазы. Кроме того, орнамент ромбической формы с краями в виде ступенек на щитке больше похож на орнамент перегородчатой инкрустации V группы по И.П. Засецкой, выделенной для второй половины V–VI вв. [Засецкая, 1993, табл. 6]. Часть меча из боспорского некрополя с аналогичным алмалыкским пряжкам орнаментом [Засецкая, 1993, кат № 383]

М.М. Казанский отнес ко второй половине V в. [Казанский, 2018, с. 398, рис. 5, 1]. Центральная часть орнамента пряжки из склепа № 99/2000 соответствует декору подвесок на серьгах из Ольвийского «клада» середины – второй половины V в. [Казанский, 2018а, с. 104, рис. 5, 1, 3; Казанский, Мастыкова, 2024, с. 107, рис. 4, 2-3]. Подобные вставки со «ступенчатым» краем встречались и ранее, в конце IV – первой половине V вв., но больше всего они были распространены во второй половине V – первой половине VI вв. [Казанский, Мастыкова, 2024а, с. 186, 187, рис. 5, 1].

Погребальное сооружение с описанными пряжками относится к склепам типа В1, широко представленному именно в рамках Второй фазы. Установить к какому из склепов (№№ 99/99А/2000) относились две небольшие пряжки и одна крупная, с В-образным изгибом в передней части рамки варианта 3 по А.И. Айбабину, первой половины VI в. (рис. 159, 1-2, 7) не представляется возможным. Необходимо отметить, что верхний склеп имеет более позднюю датировку и относится к Третьей фазе. Основываясь на дате золотой подвески и инкрустированных пряжек, разрушенное погребение, к которому они, вероятно, принадлежали, было совершено около середины V в.

В склепе № 2/2002 обнаружены тарелка группы PhRSW формы 1 по Дж. Хейсу [Hayes, 1972, p. 49] (рис. 158, 10) и блюдо группы PRSW формы 3 по О.С. Ивановой [Иванова, 2009, с. 35–39] или формы 3 по К. Домжальскому [Domžalski, 2021, s. 84–86] (рис. 158, 11). Последнее изделие вместе со стаканом с синими каплями (рис. 158, 7), вероятно, относящемуся к типу ІБ по Н.П. Сорокиной [Сорокина, 1971, с. 86–87], более органично вписывается в материалы Первой фазы. Но необходимо отметить, что сосуды с синими каплями встречаются в Крыму до середины V в. [Шабанов, 2023, с. 245]. Датировка тарелки понтийского производства, предложенная К. Домжальским, укладывается в первые три четверти V в. [Domžalski, 2021, s. 85]. Изделие фокейской группы, судя по морфологии тулова, венчика и дна, принадлежало переходному варианту формы 1 группы LRC [Иванова, 2009, с. 55], который датируется концом IV – третьей четвертью V вв. [Hayes, 1972, p. 326, fig. 65]. Присутствие в комплексе не характерных для склепов

Первой фазы трех пряжек с овальными щитком и рамкой, а также подтреугольным в сечении язычком (рис. 158, 1–3) позволяет отнести склеп № 2/2002 к переходным сооружениям между фазами или к началу Второго хронологического периода в истории могильника.

Таким образом, комплексы начального периода Второй хронологической фазы могут содержать отдельные вещи, бытовавшие на предыдущем этапе развития Алмалык-дере. Опорные комплексы выделяются, прежде всего, по наличию в них элементов ременной гарнитуры второй половины V – первой половины VI вв. Краснолаковая керамика встречается в меньшем количестве, лепные изделия фиксируются еще реже.

Маркерами Второй фазы являются трехчастные пряжки варианта 1 по А.И. Айбабину, с овальным кольцом, трехгранным или сегментовидным в сечении язычком и прямоугольным щитком, которые датируются первой половиной VI в. [Айбабин, 1990, с. 36, рис. 37, 5, 7–9, 11–13; 1999, с. 130]. Ряд исследователей отмечают, что схожие пряжки типа Каллатис бытуют во второй половине V в. [Казанский, Мастыкова, 2017, с. 571; 2018, с. 347]. Фрагменты от таких изделий обнаружены в склепах №№ 53/1997 (рис. 165, 2) и 155/2003 (рис. 146, 18), целые экземпляры – в склепах №№ 191/2007 (рис. 161, 3–4) и 192/2007 (рис. 160, 7–8). Из последнего происходит уникальная для Крыма бесщитковая пряжка с зооморфным декором, стилистически близкая пряжкам типа А2 второй трети V в. по М. Шульце-Дёррламму (рис. 160, 1) [Schulze–Dörrlamm, 2009, s. 8, 241].

В склепе № 176/2006 обнаружены малые трехчастные пряжки с В-образной рамкой и круглым щитком (рис. 158, 13–14), соответствующие типу В8 первой половины V в. по М. Шульце-Дёррламму [Schulze–Dörrlamm, 2009, s. 52–54, 241]. Такие пряжки со слабо выраженным В-образным контуром передней части рамки бытуют во второй половине V – первой половине VI вв. [Айбабин, 2003, с. 38, рис. 12, 45]. Они схожи с вариантом I–2 В-образных пряжек, использовавшихся до VII в. [Айбабин, 1990, с. 38, рис. 39, 6]. В склепе № 176/2006 найдена крупная пряжка с овальным щитком (рис. 158, 12), аналогичная пряжке из Нового Сальдорфа (юг Чехии), которая отнесена Я. Тейралом к V в. [Tejral, 1982, s. 115, obr. 41, 15].

Подобная пряжка выявлена в заполнении ровика кургана № 2 в 100 м к юго-востоку от склепа №171/2005 (рис. 151, 22). Этот склеп относится к распространенному здесь типу В1, один из которых (№ 175/2005) мог использоваться до середины V в. Таким образом, можно предположить, что склеп №171/2005 является погребальным сооружением, возникшим в начале Второй фазы. Прямые аналогии находкам из него в более ранних и синхронных склепах группы В на южном участке некрополя не выявлены.

Известна только одна аналогичная находка из осмотренного склепа № 86/2000 в центральной части могильника. Здесь пряжка с В-образным контуром на рамке выявлена вместе с небольшими пряжками с короткими тонкими или массивными язычками, которые были широко распространены в комплексах Второй фазы. Подобные трехчастные пряжки с овальным кольцом из проволоки с немного выступающим нижним краем прямоугольной пластины из-под округлого щитка варианта I–1 встречаются в комплексах второй половины V в. На Алмалык-дере пряжки этого варианта обнаружены в склепе № 176/2005 вместе с пряжкой варианта I–2, характерного для VII в., у которого нижняя пластина не выступает за щиток. Подобные пряжки начали появляться со второй половины V в. [Строков, 2009, рис. 5, 53]. Похожие пряжки, но с более массивным язычком, найдены в некоторых комплексах могильника Скалистое вместе с пряжками второй половины V – первой половины VI вв., имеющими рельефный декор на щитке [Казанский, 2013, с. 168, рис. 2, 13–15; 21; 22, 16–20; 23].

В склепах Второй фазы встречаются небольшие пряжки варианта II–3–1, характерные для первой половины VI в. [Айбабин, 1990, с. 37, 18, 21, 22]. Похожие пряжки найдены в обувных наборах варианта 2 по Э.А. Хайрединовой, которые появляются в VI в. и бытуют до первой половины VII в. [Хайрединова, 2003, с. 135, рис. 6–9]. Близкие пряжки с овальной рамкой, граненым язычком и гладким щитком варианта 3–1 также относятся А.И. Айбабиным к первой половине VI в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 52, рис. 27, 4]. Малые пряжки с овальным или почковидным щитком бытовали в Северном Причерноморье во второй половине V

– начале VI вв. [Ермолин, 2021, с. 240, рис. 2, б] и несколько позднее [Казанский, 2000, с. 41–58, рис. 4, 5; 7, 3; 8, 5; 9, 5; 10, 2, 27; Обломский, 2008, s. 222–223].

Наиболее важными опорными комплексами Второй фазы являются расположенные рядом склепы №№ 191/2007 и 192/2007 (рис. 160, I; 161). Судя по составу инвентаря, они возникли в самом конце Второй фазы. Основанием для этого служат находки больших пряжек с прямоугольным щитком из склепа № 192/2007 (погребения 2 и 5) (рис. 160, 2, 13). Аналогичные пряжки с христианской символикой появляются во второй половине VI в., но материалы Алмалык-дере свидетельствуют о том, что их используют и с более ранними вещами. Вероятно их начали производить в Крыму еще во второй трети VI в. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 156, рис. 27, 4]. Большие пряжки варианта 5–2 находились в употреблении и в VII в. [Айбабин, 1990, с. 31].

В погребении №5 склепа № 192/2007 выявлена только большая пряжка, тогда как в погребении №2 этого склепа обнаружены две парные фибулы-цикады (рис. 160, 3-4). Они бытовали в Крыму и за его пределами во второй половине V – первой половине VI вв. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 154; Казанский, 2020а, с. 135]. Единичные находки в Крыму встречаются до VII в. [Гавритухин, 2015, с. 213]. Броши из Алмалык-дере относятся к распространенной группе фибул, изображающих цикаду с раскрывающимися крыльями [Lăzărescu, 2019, p. 100, fig. 14] или так называемых «трехкрылых» цикад [Иштванович, Кульчар, 2020, с. 92, fig. 3]. Похожие изделия наиболее распространены в Среднем Подунавье во второй половине V в. [Wiśniewska, 2019, p. 177]. Они встречаются в женских погребениях как по одному экземпляру, так и в качестве парного украшения [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 154]. В погребении № 2 присутствовали два браслета с утолщением на концах, декорированных врезными кольцами (рис. 160, 5-6). Они появились в Крыму во второй половине V в., а со второй половины VI в. стали одним из основных украшений в costume с большими пряжками [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 260]. В этом же склепе обнаружена краснолаковая тарелка группы LRC варианта 3F конца V – середины VI вв. [Иванова, 2009, с. 58–59], с изображением креста и двумя штампами в виде розетки, которые практически

аналогичны декору (motif 8 и 71 по Дж. Хейсу второй половины V – начала VI в.) [Hayes, 1972, p. 350–351, 365–67, fig. 73, *ef*, 79, *b–g*] (рис. 160, 16). В тарелке находился стеклянный кувшин формы 1.2 по И.П. Засецкой, относящийся к виду III первой половины V в. (рис. 160, 15). И.П. Засецкая отмечает идентичность формы тулова таких кувшинов с колбообразными сосудами второй половины V–VI вв. боспорского производства [Засецкая, 2008, с. 41–42, рис. 15, 3]. Похожие изделия выявлены в комплексах первой половины – середины VI в. Чернореченского могильника и некрополя Карши-Баир [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 151].

Второй такой кувшин (рис. 161, 10) найден в склепе № 191/2007 в изголовье женского погребения, совершенного с серьгами типа 4–1 по Э.А. Хайрединовой с литым многогранником (рис. 161, 1-2), золотыми пронизьями, кинжалом и умбоном щита конической формы с обломанным краем (рис. 161, 6–8, 11-12). Исходя из положения умбона, можно допустить, что щит стоял на ребре, опираясь на стену в ногах погребения №1 и затем опрокинулся. Умбон отнесен М. Мончынської к типу Мизери/Циллинг Н1, который имеет широкие хронологические рамки, от II до второй половины V вв. [Maćzyńska und andere, 2016, s. 6]. В соседнем погребении выявлена пряжка варианта II–3–1, аналогичная изделиям из склепа №192/2007; еще одна пряжка лежала на полу (рис. 161, 3-4). Напротив ног погребенных обнаружена миска варианта A LRC формы 3 по Дж. Хейсу с орнаментом в виде двух небольших крестов с завивающимися краями (рис. 161, 9), а также с более крупным штампом в виде креста конца V – начала VI в. (motif 67 по Дж. Хейсу) [Hayes, 1972, p. 339]. В Крыму такие клейма известны во второй четверти VI – середине VII вв. [Иванова, 2009, с. 59–60].

В состав погребального инвентаря из опорного склепа № 192/2007 входили два гладких наконечника ремня с распилом в верхней части (рис. 160, 11-12). Такие изделия относятся к наконечникам ремней варианта 6–5 по А.И. Айбабину, которые входили в комплексы V – первой половины VI вв. [Айбабин, 1990, рис. 47, 14–16]. Вероятно, находки, найденные в склепах с малыми пряжками, могут относиться к обувной гарнитуре типа 2–1 по Э.А. Хайрединовой,

распространенной в первой половине VI в. [Хайрединова, 2003, с. 132, 135, рис. 6, 12–13]. К сожалению, эти изделия не могут выступать надежными хронологическими индикаторами. На Алмалыкском могильнике, как и в целом в Крыму, присутствуют комплексы, где подобные наконечники пояса входили в состав погребального инвентаря более позднего времени. Необходимо отметить, что наличие описанных выше наконечников ремней или небольших пряжек в разграбленных комплексах дает возможность исключить такие склепы из числа ранних. Подобные наконечники ремней обнаружены в склепах №№ 188/2006, 194/2008, 195/2008, 199/2011 (рис. 158, 21; 159, 21; 161, 19-20, 27).

Набор краснолаковой керамики в комплексах Второй фазы значительно менее многочисленен, чем в погребальных сооружениях предшествующего периода. Основная часть сосудов относится к группе Phocean Red Slip Ware (Late Roman C) [Hayes, 1972, p. 323–370]. Отсутствие такой посуды среди комплексов Первой фазы, а также ее концентрация в южной части могильника, где сооружения второй половины V – первой половины VI вв. преобладают, дает возможность выделить группу фокейской керамики в качестве индикатора Второй фазы. Посуда группы PhRS/LRC начинает изготавливаться с конца IV в. [Журавлев, Смокотина, 2024, с. 117]. С первой половины V в. небольшое количество таких изделий фиксируется на Боспоре [Смокотина, 2015, с. 317]. В Херсонесе в середине V–VI вв. фокейская керамика преобладает над понтийской [Ушаков, 2015а, с. 61]. В конце V–VI вв. сокращается производство изделий группы PRSW, фокейская керамика начинает доминировать, что связано с активным ростом производства этой группы посуды в середине V в. [Домжальский, Смокотина, 2020, с. 117]. Крупные фрагменты или целые формы фокейской керамики на территории Алмалыкского могильника обнаружены только в склепах группы В, наиболее характерных для середины V – первой половины VI вв.

Некоторые находки посуды группы PhRS/LRC сделаны при осмотре грабительских ям в южной части некрополя. Тарелка LRC варианта 3D середины VI в. со штампом в виде бегущего оленя (мотив 40; 479–580 гг.) [Hayes, 1972, p. 333, 359–361, fig. 76] найдена в склепе № 9/2001 (рис. 151, 19). Еще одна тарелка

фокейского производства варианта 3F обнаружена в склепе № 87/2000 (рис. 151, 26), также расположенного в центральной части некрополя.

В склепе № 199/2011 вместе с фрагментами наконечников ремней и пряжки с овальной рамкой (рис. 161, 18–20) обнаружена часть тарелки на низком кольцевом поддоне с орнаментом в виде пальмовых ветвей и трех кружков различной толщины (рис. 161, 21). Прямые аналогии подобному штампу не известны, но использование орнаментов с концентрическими кругами и пальмовыми листьями (мотив 1 и 2 по Дж. Хэйсу) относится к середине V в. [Hayes, 1972, p. 350–351]. Похожие штампы на посуде фокейского производства встречались в комплексах первой половины VI в., некоторые находки из Херсонеса позволяют продлить их бытование до первой четверти VII в. [Голофаст, 2002, с. 145, 185, №20, рис. 1, 16]. Кроме того, отнесение склепа № 199/2011 ко Второй фазе подтверждается планиграфическими наблюдениями. При вырубке входной ямы этого склепа была повреждена камера одного из опорных комплексов Первой фазы – подбойной могилы № 41/2011 (рис. 122, 2).

Тарелка LRC со штампом в виде льва (мотив 37) варианта 3F первой половины VI в. [Hayes, 1972, p. 331] (рис. 154, 25) найдена у передней стенки склепа № 188/2006, напротив ног погребения №4. Все четыре костяка в склепе разрушены, но часть находок, которая выявлена на полу, находилась среди останков погребения №4. Среди них необходимо отметить пряжку с овальными щитком и рамкой и часть наконечника ремня (рис. 154, 19, 21). Остальные предметы, включая две пряжки, стеклянное блюдо и лепную посуду (кувшин типа 7, кружку варианта 1В и нижнюю часть тарелки варианта 4В), извлекли из грабительского перекопа (рис. 154, 18, 20, 22–24, 26).

Ряд склепов (№№ 204, 26-20/2019, 209/2022) отнесены ко Второй фазе в истории Алмалык-дере, по большей части, на основании планиграфических наблюдений. Входные ямы этих комплексов полностью или частично нарушили ровик кургана №3, возникшего в начале Первой фазы (рис. 122, 3). К сожалению, сооружения оказались сильно ограбленными. В склепе № 206/2019 выявлены характерные для Второй фазы пряжки с массивными трехгранными язычками,

овальными рамками и щитками, золотая серьга с литым многогранником и кольцом небольшого диаметра (1,7 см). В этом же склепе найдена, вероятно, ранняя, краснолаковая тарелка понтийского производства [Хайрединова, 2002, с. 55], близкая форме 7 по О.С. Ивановой второй четверти – середины V – начала VI вв. (рис. 156, 13–15) [Hayes, 1972, p. 350–351]. В камере склепа № 205/2019, расположенной вплотную к склепу № 204/2019, обнаружена пряжка, аналогичная изделиям из склепа №206/2019 (рис. 156, 16), а также две обувные пряжки с язычками из проволоки (рис. 156, 17). За исключением склепа № 203/2019, исследованного без входной ямы через пролом стенки в склепе № 204/2019, а также склепов неопределенной формы №№ 208/2019 и 209/2022, все остальные сооружения относятся к типу В1.

Высокая степень ограбления подбойных могил не позволяет выделить среди них опорные комплексы Второй фазы. Но можно предполагать, что такие сооружения использовались в этот и, скорее всего, в последующие периоды.

Среди склепов, в которых зафиксированы хроноиндикаторы Второй фазы или вещи в опорных комплексах вместе с ними, планиграфически нарушившие более ранние комплексы, 11 относятся к типам В1 (№№ 99/2000; 171/2004; 176/2006; 188/2006; 189/2007; 191/2007; 195/2008; 199/2011; 204/2019; 206/2019; 207/2019), еще 5 – к типу В2 (№№ 118/2000; 2/2002; 190/2007; 192/2007; 198/2008). Склепы №№ 194/2008 и 205/2019 включены в состав объединенной группы А/В (без исследованных входных ям), но отсутствие в южной части некрополя сооружений группы А дает возможность предположить, что они, как и расположенные рядом склепы, принадлежат типам В1 и В2.

Два склепа №№ 171/2005 и 176/2005, расположенные рядом с рубежным склепом №175/2005 и склепом Первой фазы № 178/2005 типа В1, локализируются на участке в 100 м к югу от места концентрации ранних склепов и подбойных могил на северной оконечности могильника. Остальные сооружения здесь нужно отнести к концу Первой или Второй фазам.

Таким образом, комплексы Второй фазы на южном участке могильника выделяются по следующим критериям: типы склепов В1 и В2; краснолаковая

посуда группы PhRS/LRC; фибулы-цикады; трехчастные пряжки варианта 1 с овальным кольцом по А.И. Айбабину; короткие наконечники ремней с распилом в верхней части; небольшие обувные пряжки с овальным кольцом и щитком, а также массивными или проволочными язычками, которые встречаются в обувных наборах типа II по Э.А. Хайрединовой. В редких случаях такие комплексы дополняются лепными изделиями, краснолаковой керамикой группы PRSW, стеклянными сосудами, которые могли встречаться и в более раннее время.

В комплексах Второй фазы начинают встречаться вещи, хронология которых может выходить за рамки первой половины VI в. Это, прежде всего, касается находок из склепа № 192/2007 – больших пряжек с крестом на щитке и браслетов с утолщенными концами. В данном случае можно предположить, что погребения №№ 2 и 5 маркируют финальную стадию Второй фазы (рис. 160, II, V). Необходимо отметить комплекс вещей из склепа № 194/2008, где вместе с трехчастной пряжкой с овальным щитком и рамкой, стеклянной миской и наконечниками ремня с распилом в верхней части (рис. 161, 23, 26, 27) обнаружена небольшая цельнолитая пряжка (рис. 156, 25). Этот элемент ременной гарнитуры с В-образной рамкой типа II-4-1 может датироваться второй половиной VI – первой половиной VII вв. [Айбабин, 1990, с. 39, рис. 39, 25]. Благодаря данной находке склеп № 194/2008 принадлежит к числу самых поздних сооружений Второй фазы. В нем совершено три погребения. Очевидно, что костяк, к которому изначально относилась цельнолитая пряжка с В-образной рамкой, был захоронен на рубеже Второй/Третьей фаз, то есть в середине VI в.

Таким образом, Вторая хронологическая фаза второй половины V – первой половины VI вв. связана с появлением новых склепов группы В в южной части могильника, а также дальнейшим освоением северного участка некрополя (рис. 162). При сооружении новых склепов имело место повреждение ранних конструкций. Лепная керамика в склепе № 188/2006, характерная для предшествующего периода, уже является исключением, относящимся к поздней практике помещать в склепы лепную и краснолаковую посуду группы PRSW.

Первые две фазы могильников округа Мангупской крепости связаны с докрепостным периодом в ее истории, слабо изученным на данный момент. Из материалов позднееримского и раннесредневекового времени (до середины VI в.) на городище в научный оборот введены лишь малая часть, в основном, находки тарной керамики [Герцен, Манаев, 2005, с. 314–345; Иванова, 2011, с. 266–327; Яшная, 2015, с. 120–139; 2018, с. 281–294; 2018а, с. 8–22; 2019, с. 47–59; Антипенко и др., 2020, с. 198–202; Науменко, Герцен, Душенко, 2023, с. 143–162]. Из-за этого сейчас сложно сформировать полноценную картину характера поселения на Мангупском плато до появления здесь укреплений [Храпунов, 2017, с. 55; Храпунов, Стоянова, 2024, с. 75]. Наибольшее количество вещей, синхронных Первой и Второй фазам Алмалыкского могильника, обнаружены в центральной части горного плато, в верховьях балки Гамам-дере. Здесь известны материалы и более раннего времени, которые связываются с предполагаемым могильником позднеантичного периода [Герцен, 1990а, с. 111], но основная часть находок все же синхронна ранним этапам развития некрополя Алмалык-дере. К ним, прежде всего, относятся фибулы позднееримского времени, представленные вариантами прогнутых подвязных изделий группы 16 по А.К. Амброзу с узкой ножкой и невысоким приемником (рис. 163, 1–4) [Амброз, 1966, с. 57–68]. Стоит отметить редкую для Крыма фибулу из раскопок в Лагерной балке (рис. 164, 5), которая относится к восточногерманским фибулам типа Братей–Бригечио подгруппы II первой половины-середины V в. [Гавритухин, Казанский, 2018, с. 338, рис. 7, 1, 2; Казанский, 2020а, с. 135], также встречающихся в комплексах периода D2/D3 (440–460/80 гг.) [Tejral, 2015, s. 304–307, abb. 6, 4]. В слое, предшествующем строительству Большой Мангупской базилики, в наскальном горизонте, обнаружена лепная миска (рис. 164, 11) [Веймарн, 1968, с. 10]. Она обладает четко выраженным ребром-закраиной с внутренней стороны, в месте перехода тулова к краям. Практически аналогичную форму имеет верхняя часть миски типа 6, обнаруженная в 1999 г. в грабительских отвалах Алмалыкского могильника (рис. 151, 12; 153, 6). Из материалов раскопок в ущелье Демир-Капу происходит лепная кружка, близкая типу 1, распространенному в склепах Первой фазы Алмалык-дере

(рис. 161, 12). Кольцо с зажимом, аналогичное находкам из могильников позднееримского времени, найдено в надматериковом горизонте при раскопках застройки у церкви св. Константина (рис. 151, 8). Среди многочисленных фрагментов керамики можно также отметить находки, аналогичные материалам Второй фазы могильников Мангупа, например, часть амфоры типа LRA 3A3 [Pieri, 2005, p. 96, fig. 57-58] и краснолаковой тарелки группы LRC варианта 3F (рис. 161, 10, 13) [Hayes, 1972, p. 350–351]. Уникальной является находка фрагмента пряжки с щитком, украшенным в технике «клуазоне» (с утратой инкрустации) (рис. 158, 7), которая относится к группе пряжек вероятно, византийского производства середины V – первой половины VI вв. [Kazanski, 1994, p. 145–155, fig. 5, 6, 8; Казанский, Мастыкова, 2018, с. 344–345, рис. 1, 12]. Пряжка с массивным слабо загнутым язычком и треугольным щитком, также можно отнести к указанному периоду времени (рис. 163, 6).

Находки деталей костюма, синхронных ранним фазам Алмалыкского могильника, свидетельствуют о существовании на Мангупском плато поселения докрепостного периода. Вероятно, это население хоронило именно в балке Алмалык-дере, так как, на данный момент, нам не известны другие могильники позднееримского времени на плато и в округе Мангупа. Напомним в этой связи давнюю публикацию В.А. Сидоренко, который упоминал детское погребение в амфоре V – первой половины VI вв. на территории Каралезского могильника [Сидоренко, 1991, с. 115]. Автор не указал точный тип амфоры, но отослал к аналогичным находкам из подбойной могилы № 9 могильника Сахарная Головка [Борисова, 1959, рис. 6] и погребения в амфоре у склепа № 18 Инкерманского некрополя (рис. 164, 1-2) [Веймарн, 1963, рис. 17]. Такие амфоры идентичны классу 1 по ХК-95 или типу 103 по И.Б. Зеест (рис. 64, 3), которые сейчас широко датируются в пределах второй половины IV–VII вв. [Смокотина, 2020, с. 522–523]. Таким образом, с учетом значительной площади памятника (около 6,0 га) и наличие на Каралезском могильнике склепов типа B2, можно осторожно предположить, что он также существовал в рамках Первой и Второй хронологических фаз истории могильников округа Мангупского городища.

3.3. Третья хронологическая фаза (Алмалыкский, Каралезский и Южно-Мангупский могильники)

К середине VI в. на Алмалыкском могильнике прекращают сооружаться склепы группы В, которые сменяются сооружениями с более короткой входной ямой и камерой меньшего размера группы С. В этот период начинают распространяться новые типы вещей, представленные элементами геральдических поясных наборов. В современной историографии выделяется период или горизонт «геральдических поясов», хронологические рамки которого охватывают 550–670/700 гг. [Мастыкова, 2009, с. 19; Гавритухин и др., 2019, с. 180; Казанский, 2020б, с. 55]. В хронологической схеме А.И. Айбабина в данный период входят комплексы седьмой, восьмой и девятой групп [Айбабин, 1999, с. 280; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 52–61].

В погребальных сооружениях этого времени на Алмалыкском могильнике встречались обувные пряжки, появившиеся во Второй фазе, а также вещи, уже не характерные для нее. Данный этап развития некрополя связан с дальнейшим освоением его Центрального участка.

Склепы №№ 53/1997 и 56/1997 раскопаны без входных ям, но форма их камер, а также нахождение в одном ряду со склепами типа С1 дает основание отнести их к данному типу. В склепе № 53/1997 обнаружены фрагмент прямоугольного щитка с линейным декором пряжки варианта 1 по А.И. Айбабину [Айбабин, 1990, с. 36, рис. 37, 5, 7–9, 11–13] и небольшая обувная пряжка (рис. 165, 1–2). Аналогичные вещи найдены в склепе Второй фазы № 191/2007. Золотые наконечники ремня варианта 6–5 по А.И. Айбабину [Айбабин, 1990, с. 51, рис. 47, 14–17] также характерны для предыдущего периода (рис. 165, 3). Маркером Третьей фазы в склепе выступают бляшки–городки второй половины VI – третьей четверти VII вв. (рис. 165, 4) [Хайрединова, 2017а, с. 62–88]. Таким образом, склеп № 53/1997 мог возникнуть на рубеже Второй и Третьей фаз, то есть около середины VI в.

В расположенном рядом склепе № 56/1997 найдены наконечники ремня и фрагмент браслета. Эти находки начинают встречаться в конце Второй фазы. Более

поздние артефакты представлены бесщитковыми пряжками 4-го варианта, которые встречались в Крыму с вещами VII – первой половины VIII вв. [Айбабин, 1990, с. 41, рис. 38, 9-10] и фрагментами серег (рис. 165, 6-7, 12-13). Последние похожи на серьги варианта 2 с полым многогранником из могильника Лучистое, которые находили с материалами второй половины VI – первой половины VII в. Орнамент серег из склепа № 56/1997 представляет собой простые врезные линии, а не орнамент-решетку, как у 2-го варианта по Э.А. Хайрединовой [Хайрединова, 2002а, с. 41–43; 2013а, с. 189–190, рис. 1]. Одну из бесщитковых пряжек (рис. 165, 6) можно отнести к треугольнорамчатым изделиям варианта 1 по А.И. Айбабину, бытовавшим в Юго-Западном Крыму во второй половине VI–VII вв. [Айбабин, 1990, с. 40; 1999, с. 316, табл. XXX, 2]. В комплексе присутствуют христианские предметы личного благочестия: бронзовый нательный крест и сердоликовая гемма с изображением Херувима с огненным мечом (рис. 165, 5, 11). Аналогия гемме происходит из сиро-палестинского региона и сейчас хранится в Музее Библии и Святой Земли в Париже (Франция). Она датирована широко, V–VII вв. [Герцен, 2020а, с. 32]. Датировка серебряного кулона со стеклянной вставкой III – середины V вв., предложенная М. Мончынської [Maćzyńska und andere, 2016, s. 6], выпадает из хронологических рамок Третьей фазы. Вероятно, здесь представлена одна из самых поздних находок такого рода украшений (рис. 165, 9).

При описании материалов из склепа № 90/2000 упоминаются золотые бляшки-городки (9 шт.). Кроме того, здесь найдены золотые нашивные украшения, состоящие из четырех трубочек-пронизей (рис. 166, 12), характерные для более раннего времени. Вероятно, в склепе была погребена женщина, у которой два вида украшений совмещены, либо здесь находились несколько погребений, одно из которых было ранним (с прямоугольными изделиями из трубочек-пронизей), второе – совершенно позднее. У данного склепа типа С1 вход расположен ближе к центру передней стенки. Это несколько отличается от основной массы склепов группы С, где входные отверстия фиксируются под потолком. В полевом описании сооружения указываются следы ступени в камере, не отмеченной на чертеже, что также не характерно для склепов Третьей фазы. Возможно, склеп № 90/2000

занимает промежуточную позицию между типами В1 и С2. Но наличие здесь бляшек-городков все же дает основание отнести комплекс к Третьей фазе или к рубежу Второй и Третьей фаз, то есть к середине VI в.

В склепе № 76/1999 вместе с фрагментом наконечника ремня с распилом в верхней части и небольшой пряжкой с проволочной рамкой и язычком обнаружена цельнолитая пряжка с прямоугольным щитком варианта II–4–1 по А.И. Айбабину (рис. 165, 19). Такие пряжки найдены с материалами второй половины VI – первой половины VII вв. [Айбабин, 1990, с. 39, рис. 39, 25].

В склепе № 78/1999 обнаружены фрагменты поясного набора с прорезным изображением, шарнирной пряжкой с прямоугольной рамкой и круглыми бляшками (рис. 166, 1–4). Орнамент на щитковидной бляшке и наконечниках ремня близок к изображениям на пряжках с декором типа Суцидава ПВ конца VI – начала VII вв. [Curta, 2020, p. 61]. Бляшка относится к геральдическим поясным наборам типа II по А.И. Айбабину [Айбабин, 1990, с. 54, рис. 50, 1, 3, 5, 7]. Похожие бляшки встречаются в составе поясов второй половины VI – первой четверти VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 152–153, рис. 118, 119, 120].

Таким образом, опорные комплексы Третьей фазы (склепы №№ 53/1997; 56/1997, 76/1999; 78/1999) выявлены только в средней части Алмалыкского могильника. Типологически близкие склепы, расположенные вблизи них, часто в одних упорядоченных рядах, можно также отнести к этому периоду. В их число входит склеп № 77/1999 с обувными пряжками с проволочными язычками, пряжкой с овальной рамкой и массивным язычком, наконечниками ремней с прорезью, а также деталью ремня с заклепками (рис. 165, 14–18).

Необходимо отметить особенности структуры сохранившегося погребального инвентаря в склепе № 57/1997 типа С1 (рис. 165, V). Здесь вместе с наконечником ремня с пропилом в верхней части, пряжкой с овальной рамкой и прямоугольным щитком, калачиковидной серьгой варианта 1 по Э.А. Хайрединовой конца IV – середины VII вв. [Хайрединова, 2023, с. 213] (рис. 160, 23) обнаружена лепная керамика. Этот самый поздний набор лепной посуды на Алмалыкском могильнике представлен кубком с расширяющимся гиперболоидным горлом варианта 5А и

три мисками варианта 1В (рис. 165, 25–28). Если кубок аналогичен изделиям из более ранних склепов, то миски несут выраженные отличия. Одна из них имеет загнутый наружу край (рис. 165, 26), две обладают необычным оформлением нижней части – выделенными в виде ранта доньями (рис. 165, 27-28). В Скалистинском могильнике миски аналогичной формы дна известны в комплексах второй половины V–VIII вв. (склепы №№ 104, 122, 146а, 190, 284а, 336, 406, 615, 644, 734). При этом из 10 указанных склепов три конструктивно похожи на склепы группы С [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 193, рис. 5, 3, 29; 9, 2; 18, 37; 34, 20; 52, 7; 66, 27; 102, 3; 103, 25].

Лепная посуда уже для сооружений Второй фазы являлась редкостью и «анахронизмом». Вероятно, появление новых форм лепной керамики, не имеющих аналогий в ранних комплексах (среди мисок типа 1), может быть связано с приходом сюда новой группы людей, которые начинают совершать захоронения на территории уже существующего могильника. Это население, обладавшее погребальной и гончарной традициями, похожими на имеющиеся у некоторой части популяции на некрополе Скалистое, могло появиться здесь в начале Третьей фазы. Но на данный момент сложно утверждать, что распространение склепов группы С в центральной части Алмалыкского могильника можно надежно связать с приходом новых жителей Мангупа и его округи. Это вопросы дискуссии и будущих исследований.

В ходе раскопок 2000 г. осмотрено и частично описано множество ограбленных склепов, часть из которых расположены поблизости от участка со склепами Третьей фазы. К сожалению, без полной информации об их архитектуре не представляется возможным отнести эту группу погребальных сооружений к определенному типу и хронологической периоду (ко Второй или Третьей фазам). Большинство пряжек из комплексов имеют овальные, вытянутые в ширину литые рамки и язычки (рис. 166, 5–7, 13-14, 20), которые бытовали в Крыму в VI – первой половине VII вв. [Хайрединова, 2003, с. 126]. Колокольчики из склепа № 86/2000 (рис. 161, 10-11) относятся к 1-му варианту аналогичных изделий из Скалистого VII–VIII вв. [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 188]. Фрагменты наконечника ремня из

склепа № 54/1997 (рис. 166, 19) встречались в опорных комплексах Второй и Третьей фаз. Этот склеп расположен рядом со склепами №№ 53/1997 и 56/1997, что может свидетельствовать о его принадлежности ко Второй фазе. Рядом с указанными склепами осмотрена грабительская яма (склеп № 55/1997), в которой обнаружили фрагмент ножки фибулы и серебряного зеркала (рис. 166, 21-22). Частично сохранившаяся фибула, вероятно, относится к изделиям, бытовавшим на Боспоре и в Юго-Западном Крыму во второй половине VI–VII вв. [Айбабин, 1990, с. 21, рис. 15, 2, 3]. Окончание ее ножки выполнено в виде головки зверя. Такой мотив принадлежит признаку 17б, который встречается у фибул вида II конца V – первой половины VI вв. по И.П. Засецкой [Засецкая, 1998, с. 400-401, 443, рис. 1, 17б]. В дальнейшем керченские находки фибул с признаком 17б отнесены к виду I и датированы уже второй половиной VI – началом VII вв. [Засецкая, Фурасьев, 2007, с. 1, 2, илл. 12, 13]. Судя по декору зеркала, оно могло относиться к типу зеркал Карповка–Анке-4, известных с римского времени и вплоть до X в. [Мастыкова, 2009, с. 83–84, рис. 88, 89, 90]. В Крыму такие изделия появляются в V – середине VI вв. и используются во второй половине VI–VII вв. [Мастыкова 2016, с. 251].

В склепе № 122/2000 вместе с обувными пряжками обнаружены наконечники ремней, вырезанные из пластины с гранью посередине и крепившиеся к ремню с помощью заклепки с дополнительной отдельной пластиной (рис. 166, 15–17). Нижняя часть всех изделий немного заострена (рис. 166, 15–16), благодаря чему они напоминают наконечники 5-го типа обувных наборов типа 2–2 первой половины VII в. [Хайрединова, 2003, с. 132, рис. 8, б, 8].

В осмотренном склепе № 85/2000 в Центральной части могильника обнаружены три византийские монеты: стертая первой половины VI в., времени Анастасия I (491-518 гг.) и декануммий Юстиниан I (527-565 гг.) (рис. 166, 23-25). Датировка последней находки может служить основанием для отнесения этого склепа к Третьей хронологической фазе.

Как видно из схемы склепов в центральной и южной частях Алмалык-дере, комплексы, которые можно уверенно отнести к Третьей фазе, концентрируются к

северу от участка со склепами группы В Второй фазы (рис. 167). Вероятно, на неисследованном участке между склепами групп В и С находятся комплексы обоих периодов, при этом южнее располагаются более ранние, севернее – возникшие в середине – второй половине VI в.

Центральный участок Алмалыкского могильника, где фиксировались разрозненные комплексы Первой фазы, начинает активно осваиваться в середине VI в. Верхняя хронологическая граница Третьей фазы является наиболее проблемной. Высокая степень ограбления центрального участка не позволяет выделить отдельные погребения, которые были совершены в VII в. Из-за этого вещи, которые были распространены в период середины VI – первой половины VII вв. в склепах группы С или грабительских ямах, расположенных рядом, нужно отнести к Третьей фазы. Таким образом, находки VII в. в конструктивно других склепах будут включены в Четвертую фазу, начало которой совпадает с завершением предыдущего этапа в пределах первой половины VII в.

Основной целью выделения Третьей фазы является определение самых ранних погребальных сооружений на всех могильниках южной периферии Мангупа. Безусловно, часть материалов Третьей фазы распространена и в последующий период, в особенности это касается вещей, бытовавших на протяжении VII в. Но хронологические рамки этого периода определяются не только хронологией находок, но, в большей мере, исторической ситуацией на Мангупском плато, где появляется византийская крепость Дорос.

Относительно времени строительства укрепления на Мангупском плато существует две гипотезы. А.И. Айбабин связывает появление крепости Дорос со строительством византийских опорных пунктов на отдельных горных плато, которое обусловлено инициативой императора Маврикия (582–602) [Айбабин, 2021, с. 481–482; 2024, с. 135]. Его выводы основаны на отсутствии в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках» сведений об укреплениях в области Дори, расположенной в горной местности между Херсоном и Боспором, в то время как на южном берега Крыма в это время византийцами были возведены крепости Алустон и Горзувиты [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 7–9]. Кроме того, подчеркивается

случайный характер строительной надписи императора Юстиниана I (527-565) на Мангупе и малочисленность археологических материалов, узко датированных временем правления этого императора, из раскопок Мангупа-Дороса [Айбабин, 2021a, с. 7–11].

В.Е. Науменко и А.Г. Герцен объясняют отсутствие в сочинении Прокопия Кесарийского упоминания крепости Дорос трудностью датировки составления этого письменного источника. Среди исследователей наиболее распространена гипотеза о написании трактата в период около 554 г., вследствие чего версия о постройке укрепления на Мангупе в последнее десятилетие правления Юстиниана I выглядит обоснованной [Герцен, 1990, с. 133–136; Науменко, Герцен, 2022, с. 126–129; Науменко, 2023, с. 225–227]. Таким образом, крепость могла быть воздвигнута в период 550-565 гг. в качестве военно-административного центра Горного Крыма [Науменко, 2023a, с. 116]. Это послужило толчком для освоения ее округа, на что может указывать исследованная в 1995 г. в Адым-Чокракской долине хозяйственная яма середины VI в. [Набоков, 2023г, с. 187]. Данный археологический объект расположен в 2 км к юго-востоку от Мангупского плато и, вероятно, относится к пока еще нелокализованному здесь ранневизантийскому поселению. Появление новых могильников на южной периферии городища, вероятно, также следует связать с этими событиями [Набоков, 2023a, с. 208].

На Южно-Мангупском некрополе можно выделить несколько склепов, в которых есть материалы второй половины VI в. Здесь, в отличие от Алмалык-дере, использовалась практика многократных и многоярусных захоронений. Погребальные сооружения на памятниках южной периферии Мангупа функционировали значительно дольше. Это же характерно и для могильника Адым-Чокрак. Следовательно, наиболее ранние материалы, которые можно отнести к Третьей фазе, маркируют первоначальные захоронения на некрополях округа Мангупского городища.

В склепе № 5/1996 Южно-Мангупского могильника захоронены 6 человек. Здесь выявлены элементы ременной гарнитуры второй половины VI – первой половины VII вв. типа Суцидава, которые являются одними из наиболее

характерных находок Третьей фазы. Одна из пряжек относится к типу Суцидава–Беро V с так называемым изображением «улыбающегося лица» (рис. 168, 1). Аналогичные изделия часто встречаются вместе с материалами второй половины VI в. [Curta, 2020, p. 80–83]. В этом же склепе найдена пряжка с прорезным орнаментом в виде двух соединенных полумесяцев и флеронов (рис. 168, 2). Такие изделия появляются во второй половине VI в. и продолжают использоваться в VII в. [Curta, 2020, p. 89]. Пряжка с квадратной рамкой, похожая на тип A15 по М. Шульце–Дёррламм (рис. 163, 3), датирована второй половиной VI – началом VII вв. [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 30–33]. Бесщитковая пряжка с В-образной рамкой относится к типу пряжек B15 по М. Шульце–Дёррламм (рис. 168, 5), датированных второй половиной VI в. [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 70–73], которые зачастую входили в состав геральдических поясных наборов [Айбабин, 1999, с. 274–275, рис. 44]. Пряжки с практически аналогичными рамками находили в составе поясов второй половины VI в. [Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 120, 1; 122, 2]. Зажимы для ремня с круглым щитком, как у изделия из этого комплекса, обнаружены в поясном наборе второй половины VI в. из Лучистого [Хайрединова, 2018, с. 209, 217, рис. 2, 10, 3, 3]. Полных аналогий пряжке с прямоугольным щитком и лировидной рамкой пока нет (рис. 168, 4). Аналогичную форму кольца с выступами и углублением для язычка имеют лировидные пряжки 3-го и 4-го вариантов по А.И. Айбабину, встречающиеся с вещами VII в. [Айбабин, 1990, с. 41, рис. 40, 5-8, 10-14]. Наконечники варианта I–3 известны в комплексах первой и второй половины VII в. (рис. 168, 7) [Айбабин, 1990, с. 55, рис. 48, 9]. Эти вещи, предположительно, относятся к погребениям, совершенным в конце Третьей или в начале Четвертой фаз.

Пряжку с квадратной рамкой из склепа № 7/1996 (рис. 168, 8) можно датировать второй половиной VI – началом VII вв. В склепе № 20/1996 обнаружены бляшки в виде двух соединенных овалов (рис. 168, 9). Они относятся к варианту 1 поясных бляшек второй половины VI в., но похожие изделия могли использоваться и позднее [Айбабин, 1990, с. 55, рис. 51, 3], вплоть до второй половины VII в. [Ajabin, 2011, taf. 31, 82]. Фрагменты наконечников варианта 1–3 характерны для

VII в. [Айбабин, 1990, с. 55, рис. 48, 9, 10] (рис. 168, 10). Из склепа № 10/1996 происходят бляшки-городки (рис. 168, 11), которые найдены на Алмалык-дере в комплексах Третьей фазы, а также фоллис времени императора Ираклия (610–641 гг.) (рис. 168, 12) [Науменко, Якушечкин, 2021, с. 172]. Аналогичная стертая монета обнаружена в склепе № 12/1996 (рис. 168, 13), в котором также выявлены две полихромные бусины (рис. 168, 14), аналогичные находкам из склепов №№ 35 (VI в.), 38 (VI в.), 40 (вторая половина VII вв.) могильника Лучистое [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 99, 115, 118, рис. 35, табл. 184, 9–11]. Подобные бусы встречались с последней трети VI до середины VII вв. [Мастыкова, 2023, с. 197, рис. 4, 1] Фрагмент наконечника ремня и серьгу стоит отнести к более поздним погребениям (рис. 163, 15–16). Это же относится к серьге с двумя дисками варианта 11 по А.И. Айбабину, который датируется серединой VIII–IX вв. [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 184]. В склепе обнаружены 9 индивидов, которые могли быть погребены на протяжении длительного промежутка времени. В склепе № 20/1996 погребено 4 индивида, в склепах №№ 7/1996 и 10/1996 – 13 и 7 человек, соответственно. Можно предположить, что последние склепы, как и склепы №№ 5/1996 и 12/1996, функционировали долгое время.

Материалы второй половины VI в. на западном участке Южно-Мангупского некрополя пока не обнаружены. Значит, гипотетически, первые захоронения на территории могильника совершались на его восточном участке. Это подтверждается материалами из грабительских отвалов, выявленный в ходе осмотра памятника в 2000 г. В их число входили пряжка с В-образной рамкой, типологически близкая изделию из склепа № 5/1996 (рис. 168, 18), пряжка с В-образной рамкой варианта 4–1 второй половины VI – первой половины VII вв. [Айбабин, 1990, с. 39, рис. 39, 25] (рис. 168, 17), монета императора Льва I (457–474 гг.), явно попавшая сюда со значительным запозданием. В дальнейшем активно начинает осваивается западная часть некрополя, но более поздние комплексы продолжали сооружаться и на восточной половине памятника.

Из материалов раскопок Каралезского могильника 1984 г. на данный момент нам доступны только четыре комплекса с показательными находками.

Один из них относится к следующему хронологическому периоду, два были получены в ходе исследования грабительских ям. Все объекты выявлены в южной части некрополя. Вещевой материал из подбойной могилы № 2 представлен бронзовой и костяной пряжками, заклепками с полусферическими шляпками (рис. 169, 1-3) и железным ножом. Аналогии уникальной костяной пряжке не известны. Бронзовая пряжка относится к сегменторамчатым изделиям 4-го варианта второй четверти VII в. [Айбабин, 1990, с. 41, рис. 2, 117, 40, 25]. В склепе № 1, конструктивно близком склепам группы С, найдены остатки поясного набора и браслет с расширяющимися концами (рис. 169, 4-10). Декор на Т-образных пряжках соответствует типу II В второй половины VI – начала VII вв. (рис. 169, 7) [Curta, 2020, p. 95-97, fig. 40, 109]. Похожие элементы были в составе поясного набора второй половины VI в. из погребения № 2 склепа № 2 могильника Алония [Турова, Черныш, 2015, с. 146, рис. 11, 23; Хайрединова, 2018, рис. 6, 1]. Двурогие бляшки (рис. 169, 4) по декору близки вариантам 1-1 первой четверти VII в. и 1-2 третьей четверти VII в. Второй четвертью VII в. датируются похожие наконечники ремней варианта I-2 (рис. 169, 5) [Айбабин, 1990, с. 41, 55, рис. 2, 97, 117, 128, 48, 14, 49, 43, 50, 47]. Вероятно, склеп № 1 сооружен в конце VI – начале VII вв.

Богатый комплекс находок выявлен в ограбленном склепе № 8. Фрагмент фибулы (рис. 169, 19) второй половины VI – начала VII вв., вероятно, был частью изделия, аналогичного фибуле из склепа № 55/1997 Третьей фазы Алмалык-дере (рис. 166, 21). Небольшая пряжка и наконечники ремней (рис. 169, 14, 17) могли принадлежать обувному набору типа 2-2 первой половины VII в., а пара цельнолитых пряжек с трапециевидной рамкой и фигурной тыльной частью щитка (рис. 169, 18), вероятно, входили в состав обувного набора 3-го типа второй половины VI – VII вв. [Хайрединова, 2003, с. 135-136, рис. 9, 6, 7]. Пряжка с В-образной рамкой и круглыми зажимами для ремня (рис. 169, 13) аналогична находке из разрушенного погребения Третьей фазы в склепе № 5/1996 на Южно-Мангупском могильнике (рис. 169, 5). В состав гарнитуры с такой пряжкой могли входить широкий наконечник ремня и одночастные двурогие бляшки (рис. 169, 20, 22), похожие на находки из склепа №122а второй половины VI в. в Лучистом

[Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 253, рис. 122, 3–5]. Две цельнолитые пряжки с В-образной рамкой (рис. 169, 12-13) относятся к варианту 5 первой половины VII в. [Айбабин, 1990, с. 39, рис. 39, 22]. Прямые аналогии 8-образным деталям поясного набора (рис. 169, 21) выявлены в погребении второй четверти VII в. склепа № 77 могильника у с. Лучистое [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 39, рис. 10, 13, табл. 191, 6-10]. Возможно, набор вещей из склепа № 8 принадлежал двум или трем индивидам, погребенным во второй половине VI – начале/первой половине VII вв.

Таким образом, редкие комплексы Третьей фазы выявлены на Алмалыкском, Каралезском и Южно-Мангупском некрополях. Последний, вероятно, возникает после середины VI в. в результате прихода на Мангуп нового населения. Это могло быть связано со строительством и функционированием крепости Дорос на вершине Мангупского плато. Появление Адым-Чокракского могильника пока невозможно отнести ко второй половине VI в. Обнаруженные здесь археологические материалы датируются VII в. или более поздним периодом времени.

3.4. Четвертая хронологическая фаза (Алмалыкский, Каралезский, Южно-Мангупский и Адым-Чокракский могильники)

Алмалыкский могильник широко известен, прежде всего, как памятник гуннского и постгуннского периодов времени. Однако, самые первые археологически исследованные здесь комплексы справедливо были отнесены к VII в. В.А. Сидоренко в 1982 г. раскопал на памятнике пять однотипных склепов группы D.

В склепе № 2/1982 обнаружены перстень с монограммой, накладка на ремень и две пряжки (рис. 170, 2-5). Перстни с круглым щитком были популярны у женского гото-аланского населения Юго-Западного Крыма во второй половине VI–VII вв. [Хайрединова, 2019, с. 89–109]. Перстень с похожей монограммой обнаружен в женском погребении второй половины VII в. в Лучистом [Хайрединова, 2018а, с. 93, 94, рис. 2, 3; Chajredinova, 2019, s. 99]. Цельнолитая

пряжка с изображением листьев аканта относится к типу II–4–1, более известному как тип «Сиракузы» [Айбабин, 1990, с. 43]. За пределами Крыма такие пряжки производились в начале – третьей четверти VII вв. [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 179; Гавритухин, 2019, с. 303], но в Крыму они использовались и в начале VIII в. [Хайрединова, 2016, с. 242; Майко, Хайрединова, 2020, с. 177; Хайрединова, 2023а, с. 64–66]. Пряжка с крестовидным щитком, относится к типу II–7–4 [Айбабин, 1990, с. 45–46, рис. 41, 2] или D22 по М. Шульце-Дёррламму [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 197]. Такие пряжки были распространены в во второй половине – последней четверти VII – первой половине VIII вв. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 58; Хайрединова, 2008, с. 167, рис. 1, 13, 4, 8, 9; Айбабин, 2010, с. 215]. Аналогичная пряжка найдена в склепе № 7/1983 (рис. 170, б).

В склепе № 1/1982 обнаружен гончарный ойнохоевидный кувшин (рис. 170, 1). На данный момент, это единственная находка таких сосудов на территории могильников Мангупа. У ойнохой «скалистинского» типа первой половины VII–IX вв. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 163] ручки крепятся к тыльной части венчика, ручка же сосуда из склепа № 1/1982 располагается ниже горла. Все склепы 1982 г., вероятно, однотипны, о чем свидетельствует близкая конструкция их погребальных камер. Погребальные сооружения №№ 1–6/1982 располагались в пределах одного ряда. Скорее всего, данный участок могильника функционировал в VII в. или во второй половине – последней четверти VII в.

Пряжки из склепа № 2/1982 являются точными хроноиндикаторами Четвертой фазы. Они входят в византийский круг цельнолитых пряжек VII в., многочисленные вариации которых представлены на могильниках округа Мангупа. На Алмалыкском могильнике комплексы с ними выявлены в двух склепах, расположенных в 60 м к северу от кургана № 2.

В склепе № 177/2004 типа D2 найдены три скопления материала, вероятно, относящихся к отдельным погребениям (пятна №№ 1–3) (рис. 171, 1). В пятнах № 1 и 2 обнаружены пряжки с крестовидным щитком типа II–7–4 (рис. 171, 2, 7). В пятне № 1 обнаружен еще один основной хроноиндикатор Четвертой фазы, представленный двумя пряжками с щитком, украшенным врезными линиями (рис.

171, 1). Находки типа D20 по М. Шульце-Дёррламм [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 189–193] или пряжек типа II–8 [Айбабин, 1990, с. 45, рис. 2, 191; 41, 8] датируются второй половиной VII – первой половиной VIII вв. [Хайрединова, 2008, с. 168, рис. 1, 15–16]. Серьга с подвеской в виде трех зернинок и шарика типа 3 [Хайрединова, 2000, с. 98, рис. 16, 3–4] (рис. 171, 3) относится к украшениям, распространенным в Крыму во второй половине VI в. и даже в VII–IX вв. [Хайрединова, 2023а, с. 74]. Фрагмент зеркала (рис. 171, 4), аналогичен типу Карповка–Анке-4 из склепа № 55/1997 Третьей фазы (рис. 166, 22).

Пятно № 2 кроме овальнорамчатой пряжки содержало бляшки и оконцеватели ремня с растительным декором (рис. 171, 8–10). Последние близки изделиям из могильников Сахарная Головка и Скалистое второй половины VI – первой половины VII вв. [Айбабин, 1990, рис. 48, 20, 35; Казанский, 2021б, с. 131–132]. Ременные гарнитуры с похожими узорами типа Мартыновка на территории Карпатского бассейна датируются концом VI–VII вв. [Garam, 2001, s. 129–130]. Такой же декор имел оконцеватель ремня от сумочки из склепа № 89 второй половины VII в. в Лучистом [Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 123, 18]. Серьги, аналогичные изделию из пятна №2 (рис. 166, 11), найдены в захоронениях второй половины VII – начала VIII вв. из того же Лучистого [Хайрединова, 2023а, с. 74]. В грабительском перекопе из склепа обнаружены четыре браслета типа 3–2 второй половины VII в. (рис. 171, 13) [Хайрединова, 2000, с. 103, рис. 15, А, 19, 8], а также пряжка с зооморфным изображением на щитке типа III–3–2 [Айбабин, 1990, с. 45, рис. 2, 191; 41, 8] или D14 по М. Шульце-Дёррламм [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 181] второй половины VII в. (рис. 171, 12) [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 32; Хайрединова, 2008, с. 164; 2016б, с. 60]. Таким образом, погребения Четвертой фазы в склепе были совершены во второй половине VII в.

Среди погребального инвентаря из склепа № 202/2012 вместе с пряжкой типа Сиракузы (рис. 171, 14) обнаружены пряжка с В-образной рамкой и гладким геральдическим щитком, аналогичная пряжкам варианта II–4–3 первой половины VII в. (рис. 171, 15) [Айбабин, 1999, табл. XXX, 12], и византийский свинцовый моливдовул (рис. 171, 16). Последнему придана крестообразная форма, что

свидетельствует о его вторичном использовании. Моливдовул мог относиться к первой половине VII в. [Gertsen, 2015, p. 29].

В склепе № 108/2000 обнаружена золотая щитовидная бляшка (рис. 171, 18), вторично использованная в качестве подвески [Maćzyńska und andere, 2016, s. 9]. Пока подобные изделия в Крыму не известны, но штампованное изображение, вероятно, относится к орнаментам типа Тарнамера, распространенному у авар во второй трети – середине VII в. Обувная пряжка, подобная находкам из комплексов Третьей фазы, может свидетельствовать о нескольких погребениях первой половины – середины VII в. Склеп №108/2000 относится к типу E2, который наиболее распространен на Южно-Мангупском могильнике, что также свидетельствует о принадлежности комплекса к позднему периоду Алмалык-дере.

Склепы №№ 108/2000 и 99В/2000 Алмалык-дере с двучастной роговидной бляшкой и пряжкой типа II-4-3 (рис. 159, 3, 4) расположены в южной части могильника. Таким образом, на позднем этапе существования некрополя использовалась как его центральная часть, расположенная в 50 м к северу от концентрации склепов группы С Третьей фазы, так и южная.

Кроме опорных для Четверной фазы склепов №№ 2/1982, 177/2005 и 202/2012, необходимо выделить типологически близкие сооружения, которые не встречались с вещами более раннего времени. К таковым относится склеп № 56/2000 типа D1 с крестом и могилой в полу (рис. 88, 1; 89, 2) с редкими, плохо сохранившимися находками, из которых наиболее презентабельна игла и пружина от фибулы неопределенного типа (рис. 171, 71). Поблизости от опорного склепа № 177/2005 располагались однотипные склепы №№ 179/2005 и 180/2005, образуя с ним один упорядоченный ряд.

Таким образом, сейчас можно выделить два самых поздних участка Алмалыкского могильника со склепами Четвертой фазы (рис. 172). Первый расположен в северной части центрального участка, где выявлены склепы группы D. Расстояние между крайними сооружениями Четвертой фазы, склепами №№ 56/2000 и 177/2005, составляет 110 м. Склеп № 108/2000 в южной части памятника расположен в пределах большой неизученной зоны ограбления. Из-за этого

наличие второго позднего участка Алмалыкского некрополя мы можем только предполагать.

Участки с комплексами Четвертой фазы, за исключением группы склепов 1982–1983 гг., раскопаны точно. Вследствие этого может показаться, что погребения на могильнике в VII в. были редкими. Но это, скорее всего, не так. Благодаря комплексному анализу архитектуры склепов, их планиграфии и топографическому распределению можно утверждать, что в течении Четвертой фазы некрополь Алмалык-дере продолжает активно функционировать, вплоть до конца VII в. Более поздние комплексы здесь пока не выявлены, что может быть связано с отсутствием полноценных раскопок на отдельных участках, но отрицать их существование мы также не можем. Единственная пряжка, обнаруженная в грабительском отвале в центральной части могильника, которую можно отнести к находкам салтовского круга, обладает типичным для них язычком и рамкой (рис. 171, 19) [Айбабин, 1977, рис. 1, 3–6, 13, 18–21; 1993, рис. 8, 29, 40, 42, 55; Комар, 1999, табл. 4; Гавритухин, 2005, рис. 1, 115]. Других материалов, которые можно было бы отнести ко второй половине VIII – началу IX вв., на Алмалык-дере пока не обнаружено.

Находки, маркирующие Четвертую фазу на Каралезском могильнике, извлечены из осмотренного склепа № 8. Здесь обнаружены два основных хронологических маркера – пряжки типов П–7–4 и П–8 (рис. 169, 28–29), которые позволяют датировать склеп последней четвертью VII – первой половиной VIII вв. Серьга с бусиной на стержне относится к украшениям второй половины VII / последней четверти VII–IX вв. (рис. 169, 30) [Айбабин, 1999, с. 280; Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 13, 10, 17, 4; 2014, рис. 2, 24]. Бубенчик варианта 4–1 характерен для салтовского круга вещей (рис. 169, 31) [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 188]. Количество погребенных в склепе неизвестно, но, возможно, некоторые захоронения могли совершать здесь и в Пятую хронологическую фазу. Остальные находки этому не противоречат (рис. 169, 32–33).

На Южно-Мангупском могильнике материалы, которые можно отнести к Четвертой фазе, не выразительны. Исключение составляют пряжки типа Сиракузы,

обнаруженные в склепах №№ 1/1989 и 15/1997. В последнем также найден фрагмент пряжки с коробчатой петлей (рис. 173, 10), которые начинают распространяться в Юго-Восточной Европе в VII в. [Гавритухин, 1995, с. 201, 206] Для Крыма они характерны для второй половины VII в. [Айбабин, 1990, с. 45; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 32, 58, рис. 18, 9]. Таким образом, среди четырех разрозненных захоронений были погребения второй половины VII в.

В склепе № 1/1989 обнаружены пряжки типа Сиракузы, отличающиеся друг от друга. Эти изделия делятся на три основных варианта: первые два различаются особенностями декора, третий – отсутствием выступов в месте перехода рамки в щиток. Самый редкий четвертый вариант выделяется ориентацией декора поперек щитка пряжки [Eger, 2010, p. 135, pl. 2–3, 4; Гавритухин, 2019, с. 312–313; Хайрединова, 2023а, с. 66–68]. Пряжки из склепа № 1/1989 относятся к самому распространенному варианту 1 (рис. 173, 6) и редкому варианту 3 (рис. 173, 7), которые использовались в одно время, то есть в VII – начале VIII вв. [Хайрединова, 2016а, с. 247]

Находки из склепа № 6/1996 сложно отнести к отдельным погребениям (рис. 173, 1-2). Литые колокольчики, аналогичные находке из комплекса, обнаружены в склепах №№ 10, 36, 38, 40, 42, 232 могильника Лучистое в комплексах второй половины VI – начала VIII вв. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 36, 39, 44, 81–82, 84–85, 102, 105, 107–108, 110, 112, 114, 117–121, рис. 20, 2-3, 8; 21, 17; 23, 17; 35]. В Скалистые такие колокольчики 2-го варианта встречались в склепах VII–IX вв. [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 188]. В этом же склепе обнаружена серьга с подвеской из шариков в виде виноградной грозди. Серьги с подвеской с большим количеством шариков встречались в конце VII–IX вв. [Schulze-Dörrlamm, 2020, s. 15]. Таким образом, узко датировать комплекс не представляется возможным, погребения в нем могли относиться как к Четвертой, так и к Пятой хронологическим фазам.

В склепе № 14/1997 единственный хроноиндикатор представлен пряжкой со схематичным изображением лица на овальном щитке варианта II–3–3 (рис. 173, 12) [Айбабин, 1990, с. 42, рис. 42, 14]. Аналогичные пряжки происходят из погребения №1 рубежа VII/VIII вв. в склепе № 10 [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 61, рис. 17,

1] и погребения №7 склепа № 59 конца VII – начала VIII вв. из Лучистого [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 21, рис. 4, 19].

Еще сложнее определить хронологию склепов №№ 8/1996, 13/1996 и 6/1989. Бляшка из склепа № 8/1996 (рис. 173, 6) может указывать на присутствие здесь захоронения второй половины VII в. [Айбабин, 1999. табл. XXXI, 81]. Бусы (рис. 173, 11), аналогичные бусам в склепе № 12/1996, имеют широкую датировку. Часть захоронений совершено в рамках Третьей фазы и позднее, вероятно, во второй половине VI–VII вв. Вместе с такой бусиной в склепе №8/1996 найдена серьга с подвеской в виде полого шарика. Аналогичные изделия происходили из склепа № 1 Баклинского могильника с материалами VII–IX вв. [Айбабин, Юрочкин, 1995, с. 131-133, рис. 8, 1, 2; 10, 6]. Такая же серьга происходит из нижнего яруса погребений, выявленных в склепе № 1/1989, который является опорным для Четвертой и Пятой фаз. Третий ярус погребений, зачищенный на полу склепа, содержал четыре индивида. Серьга с полым шариком отнесена к детскому погребению №12 (рис. 174, 6). В центре склепа располагалось женское погребение с двумя браслетами с утолщенными концами и орнаментом в виде резных линий (рис. 174, 5). Похожим образом украшены концы более массивных браслетов из склепа № 10 середины VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 85, табл. 53, 1-2]. Полной аналогии бронзовой шарнирной пряжке с В-образным щитком, декорированным растительным орнаментом, обнаружить не удалось (рис. 174, 4). Морфологически и по декору щитка изделие напоминает пряжку 15-го варианта типа 16, крымские экземпляры которых производились местными мастерами в VIII в. под сильным влиянием византийских традиций [Ковалевская, 1979. с. 28, табл. XI, 10]. Возможно, такие пряжки бытовали и во второй половине VII в.

Датировка 3-го яруса погребений в склепе № 1/1989, несмотря на сохранившиеся *in situ* вещи, проблематична из-за отсутствия аналогий из узко датированных комплексов. В погребении № 7 второго яруса выявлена пряжка типа П-7-4 второй половины/последней четверти VII – первой половины VIII вв. (рис. 174, 2). К соседнему погребению № 8 относится пряжка (рис. 174, 3), схожая с изделиями, которые И.О. Гавритухин выделил в «индикатор синхронизации №41»,

эволюция которого прослежена во второй половине VIII в. [Гавритухин, 2005, с. 406, рис. 1]. Относя подобные изделия к переходному салтовскому хронологическому горизонту I/II и горизонту II, А.В. Комар сужает их бытование до последней четверти VIII – начала IX вв. [Комар, 1999, с. 129–132]. Такие пряжки бытовали во второй половине VIII–IX вв. [Айбабин, 1977, с. 77; Плетнева, 1989, с. 172, рис. 86; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 65].

Погребения на полу камеры (рис. 174, III) могли быть совершены во второй половине VII – начале VIII вв. в рамках Четвертой фазы. Второй ярус погребений начал формироваться в конце Четвертой фазы (погребение № 7), остальные захоронения – в середине – второй половине VIII вв. Бронзовая серьга с полукруглым щитком с пятью выступами из погребения № 4 (рис. 174, I), вероятно, является имитацией византийских украшений VI–VII вв. или VII–VIII вв. [Heinrich-Tamáska, Vlay, Barrater, 2021. s. 166, 171, 174, 178, 182 (ASM 4ab, 5ab, 18ab, 27, 28)]. В Крыму подобные украшения обнаружены в склепе № 14 и могиле № 203 из Лучистого, где они датированы IX в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 17, рис. 32, 13–15; Жилина, 2018, с. 271]. Таким образом, первый ярус погребений, где не были обнаружены вещи, и второй ярус захоронений, за исключением погребения № 7, относятся к Пятой фазе.

Склепы Четвертой фазы на Адым-Чокракском могильнике представлены комплексами, в которых найдены материалы VII – первой половины VIII вв., зачастую с вещами, у которых датировка выходит за эти временные рамки. Принимая во внимание высокую степень ограбления склепов, большое количество погребенных и ряд находок, происходящий из грабительских ям, рубеж Четвертой/Пятой фаз здесь представлен условно. Хроноиндикаторы, уже встречавшиеся на остальных могильниках округа Мангупа, представлены пряжками типов II–4–1 (склепы №№ 2, 24, 31, 90) (рис. 170, 4, 12; 171, 2, 16), II–8 (склепы №№ 24, 31, 32) (рис. 170, 14; 171, 3, 7), II–7–4 (склепы №№ 2, 23, 86а) (рис. 170, 5; 171, 14; 173, 1), III–3–2 (склеп № 2) (рис. 175, 3). К явным хроноиндикатором Четвертой фазы относятся две цельнолитых пряжки со стилизованным изображением трилистника типа II–5 [Айбабин, 1990, с. 43, рис. 2, 187; 42, 22] или

D9 [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 164–166], которые датируются последней четвертью VII – первой половиной VIII вв. (склепы №№ 1 и 31) (рис. 175, 1; 176, 1) [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 61–62, рис. 30, 6]. В склепе № 3 обнаружена пряжка (рис. 175, 7) типа «Папа» II–10–2 [Айбабин, 1990, с. 45] или D36, которая датируется первой половиной – серединой VII в. [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 225] и относится к семье пряжек «Salona–Histria» с изображениями голов животных [Tsivikis, 2012. p. 66–68, fig. 8, 2]. Предположительно, такие пряжки начали изготавливать в конце VI в. [Станчу, 2015, с. 198]. Необходимо отметить, что в склепе № 36 в Лучистом пряжка типа «Папа» найдена в погребении с более поздней пряжкой типа II–4–2 второй половины VII в. [Айбабин, 1990, с. 45, рис. 31, 4; Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 36, 103, рис. 18, 9, табл. 115, 3]. Множество пряжек типа «Папа» обнаружено на территориях, связанных с присутствием авар [Гавритухин, 1995, с. 201]. Одна пряжка со щитком, украшенным четырехлистником, типа D13 по М. Шульце-Дёррламму [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 179–181] или II–4–2 по А.И. Абабину происходит из склепа № 28 (рис. 175, 19). Эти пряжки датировались концом VII – началом VIII вв. [Айбабин, 1990, с. 43]. Похожая пряжка происходит из верхнего слоя заполнения склепа № 36 из Лучистого, который датируется второй половиной VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 32, 101, рис. 18, 8, табл. 115, 2]. За пределами Крыма такие изделия были распространены в VII в. [Володарец-Урбанович, 2023, с. 149]. Пряжка с трапециевидным щитком типа II–2, декорированным двумя кружочками, обнаружена в склепе № 24 (рис. 175, 13). Этот тип пряжек датируется второй половиной VII в. [Айбабин, 1990, с. 42, рис. 2, 161]. Шарнирная пряжка с гладким U-образным щитком из склепа № 90 (рис. 176, 18) отнесена к варианту II–3–1 [Айбабин, 1990, с. 47, рис. 41, 18]. Похожие пряжки обнаружены в склепе № 257 Эски-Керменского могильника в погребении второй половины VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2014, рис. 29, 3-4]. В склепе № 35 найдена еще одна шарнирная пряжка (рис. 170, 21), аналогичная изделию из склепа № 257 Эски-Кермена [Репников, 1932, с. 157, табл. 40, 8; Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 29, 18], которое относится к шарнирным пряжкам варианта II–3–2 [Айбабин, 1990, с. 47, рис. 41, 18].

Шарнирные пряжки с изображением цветков были широко распространены в VII в. на территории Византии и соседних регионов, включая Крым [Хайрединова, 2023а, с. 69]. В их число можно включить пряжку из склепа № 31 (рис. 176, 4). Аналогичные изделия обнаружены в Малой Азии и Сиро-Палестинском регионе в комплексах первой половины VII в. [Eger, 2010, s. 155, abb. 7, 7]. В склепе № 32 найдена цельнолитая пряжка с фигурным щитком, украшенным резным изображением двух листьев и креста в круге (рис. 176, 6). На данный момент в Крыму такие пряжки не известны. Изделие относится к типу D15 по Шульце-Дёррламму и датируется VII в. [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 184–186, 247]. Бесщитковые пряжки, подобные находкам из склепа № 56/1997 Алмалык-дере конца Третьей фазы (рис. 165, 6-7), но только с короткими язычками, срезанными под углом, выявлены в склепах №№ 7 и 36 (рис. 175, 10; 176, 17). Они характерны для VII – первой половины VIII вв. [Айбабин, 1990, с. 41, рис. 39, 9-10]. Единственная находка орлиноголовой пряжки из склепа № 36 представлена фрагментом тыльной части язычка с отверстием и клювовидным выступом (рис. 176, 19). Стилистически похожие выступы на задних частях язычков зафиксированы у пряжек из погребения №5 склепа №10 второй половины VII в. могильника Лучистое [Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 19, 6, табл. 39].

Для комплексов Четвертой фазы характерны элементы геральдических поясных наборов. Бляшка с изображением ширококонечного креста из склепа № 7 (рис. 175, 11) относится к Т-образным бляшкам второй половины VII в. [Айбабин, 2003. табл. 20, 92–96]. Щитковидные бляшки из склепа № 32 (рис. 176, 10) орнаментированы в характерном для византийских поясных украшений конца VI – конца VII вв. стиле «Точка-Запятая» (Punkt-Komma) по Э. Гарам [Garam, 2001, s. 123, taf. 85, 1-2, 6, 10]. К подобному мотиву можно отнести орнамент на поясном наборе второй половины VII в. из склепа № 273 Эски-Керменского могильника [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 168, рис. 162]. Более сложный орнамент на щитковидных бляшках из склепа № 24 (рис. 175, 18). Здесь в центре композиции расположен крест, по бокам – изображения из капель или листков, а также небольших треугольников. Такие элементы орнаментации напоминают орнаменты

типа «Листовой мотив» (Blattmotiv) по Э. Гарам, которые были характерны для изделий VII в. [Garam, 2001, s. 135, taf. 99].

Среди украшений в склепах Четвертой и Пятой фаз распространены серьги с подвеской из трех зернинок и шарика (рис. 175, 15-16; 176, 11, 15; 178, 19), аналогичные находке из склепа № 177/2005 второй половины VII в. на Алмалык-дере (рис. 171, 3). Находки сережек с подвесками из стеклянных бусин, дисков, литого цилиндра или полого шарика также характерны для комплексов Четвертой и Пятой фаз (рис. 175, 6, 17; 176, 12; 178, 3; 179, 9-11, 13, 15-16). Необходимо обратить внимание на серьгу из склепа №2 с пирамидальной подвеской из зернинок, завершающейся крупными шариками (рис. 175, 2). Эта находка принадлежит серьгам варианта 3–1 второй половины VII–IX вв. в Скалистом [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 183, рис. 20, 25; 35, 18]. В Лучистом, в склепе № 54, такая серьга находилась в погребении второй половины VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 3, 16, табл. 68, 1].

Подвески-лунницы (рис. 176, 13) имеют широкую датировку. Похожие по форме изделия происходят из склепов хазарского периода (№№ 249а, 307, 316) в Скалистом [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 188–189, рис. 26, 15; 44, 6; 45, 27].

Также отметим листовидную подвеску из склепа № 32 (рис. 176, 8), похожую на предметы из погребения № 6 склепа № 257 могильника Эски-Кермен, которое датируется второй половиной VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 29, 12-13].

Среди погребального инвентаря присутствует ожерелье с листовидными подвесками, медальонами со стеклянными вставками и бронзовый крест. Такие изделия бытовали с конца VI–VII вв., а подвески могли изготавливаться вплоть до IX–X вв. [Хайрединова, 2016, с. 282–287, рис. 4]. Медальон со стеклянной вставкой и крест выявлены в склепах №№ 30 и 31 (рис. 175, 20; 176, 5). При очистке креста в его средокрестье обнаружены следы крепления (белой пасты) от утраченного гнезда для вставки (рис. 175, 8). Вероятно, изделие было частью составного пластинчатого креста, близкого по форме крестам типа 3–1 второй половины VI – первой половины VII вв. по Э.А. Хайрединовой [Хайрединова, 2007, с. 161, рис. 1, 21, 42; 5, 1–6].

В Юго-Западном Крыму с середины VI до конца VII вв. были распространены браслеты с концами, украшенными штампом в виде «елочки» [Хайрединова, 2023а, с. 83]. Предположительно, этим же временем датируется браслет из склепа № 32 (рис. 176, 9).

Вероятно, в начале VII в., во время функционирования Каралезского, Алмалыкского и Южно-Мангупского некрополей, возникает Адым-Чокракский могильник. На могильниках южной периферии Мангупа комплексы Четвертой фазы наиболее многочисленны. При этом в ряде склепов, появившихся в VII – первой половине VIII вв., продолжали хоронить и позднее. Распределение материалов Четвертой фазы на могильниках свидетельствует о синхронном существовании всех четырех исследуемых некрополей и сильной заселенности региона в этот период (рис. 177). Часть населения, хоронившего на некрополях городища, могла проживать и на территории Мангупского плато. Следы поселения этого времени сейчас лучше всего изучены по раскопкам Мангупского княжеского дворца 1425-1475 гг. [Науменко, Герцен, Душенко, 2023. с. 141–163]. Обнаруженные здесь элементы костюма ранневизантийского времени [Науменко, Набоков, 2021, с. 205-206, рис. 2], как стилистически, так и хронологически, полностью соответствует находкам из комплексов Третьей и Четвертой фаз на территории могильников округа Мангупской крепости.

3.5. Пятая хронологическая фаза (Южно-Мангупский и Адым-Чокракский могильники)

На территории Южно-Мангупского могильника, кроме описанного склепа № 1/1989 с погребениями Четвертой и Пятой фаз, можно выделить еще несколько комплексов, представляющих заключительный этап его функционирования.

Склеп № 22/2020 с девятью погребенными сильно ограблен, но единичные находки все же позволяют сделать выводы относительно его хронологии. Сферический бубенчик с прорезанной нижней частью (рис. 178, 1) соответствует изделиям варианта 4–1 второй половины VIII–IX вв. [Веймарн, Айбабин А, 1993, с. 188]. Пластинчатый перстень с орнаментом (рис. 178, 3), похожим на орнамент

на перстне из склепа № 189 Эски-Керменского могильника [Айбабин, 1993, рис. 5, 36], относится к позднему периоду использования склепа, очевидно, Пятой фазы хронологии могильников округа Мангупа. Литую серьгу с трехгранной пирамидкой и шариками типа 6–1 (рис. 178, 2) [Хайрединова, 2000, с. 98, рис. 16, 9–10], которая в Крыму была наиболее распространена в VII в. [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 10, рис. 1, 2, таб. 16, 6], можно отнести к погребению Четвертой фазы. Такие серьги, варианта 3–3 по Скалистому, встречались и с более поздними вещами [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 183, рис. 9, 21; 18, 23-24; 19, 11; 20, 17-18; 22, 18; 42, 19; 44, 20-21; 54, 9; 61, 25; 64, 31; 87, 17; 88, 18-19; 118, 18, 25; 122, 8]. Аналогичные находки обнаружены в склепе № 80 Пятой фазы на Адым-Чокракском могильнике (рис. 179, 12).

К наиболее поздним вещам Южно-Мангупского могильника следует отнести пряжку типа E20 [Schulze-Dörrlamm, 2009a, s. 64–67] или типа «Эски-Кермен» варианта 6–4 [Айбабин, 1990, с. 48, рис. 45, 4-5], обнаруженную в погребении № 2 на полу склепа № 9а (рис. 178, 4), которая аналогична находкам из склепа № 760 в Скалистом [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 156, рис. 118, 1] и склепа № 1/1926 могильника Узень-Баш [Айбабин, 1975, с. 45, рис. 2, 7-8]. Декор щитка напоминает орнамент на пряжках варианта 6–3 из склепа № 202 в Лучистом [Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 30, 16] и склепа № 332 в Скалистом [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 51, 1]. Такие пряжки появились в первой половине VIII в. [Aibabin, 2011, taf. 32, 16], но встречались с вещами и второй половины VIII – первой половины IX вв. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 61].

Пряжка типа «Эски-Кермен» найдена *in situ* в нижнем ярусе погребений, у таза одного из костяков на полу склепа. В этом ярусе зачищены четыре костяка (рис. 178, III). Погребенного с пряжкой перекрывал сохранившийся в анатомии костяк из 2-го яруса погребений (рис. 178, II). Таким образом, во второй половине VIII в. начинают совершать погребения в 1-м ярусе. Находка серьги с подвеской из шариков у одного из погребенных не противоречит этому предположению (рис. 178, 4). В дальнейшем захоронения в склепе продолжались, как минимум, в два яруса, то есть склеп № 9а/1996, вероятно, был вырублен в период Пятой фазы.

Планиграфический анализ сооружений на раскопе 1996 г. подтверждает вывод о том, что этот комплекс относится к числу наиболее поздних (рис. 127).

Судя по наличию пряжки с крестообразным щитком (рис. 179, 1) можно предположить, что склеп № 23 возник в первой половине VIII в. Остальные датирующие находки более характерны для Пятой фазы. Прежде всего, это шарнирная пряжка типа E6 [Schulze-Dörrlamm, 2009, s. 19–26] или варианта 9–2 типа «Коринф» (рис. 179, 2). Пряжки «Коринф» 2-го подтипа (с маленьким диском, завершающим окончание щитка) датируются второй половиной VIII – первой половиной IX вв. [Айбабин, 1982, с. 174; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 63; 2014, с. 16]. Важным хронологическим маркером являются остатки серебряного украшения, вероятно, луновидной серьги с полыми шариками, припаянными к пластине (рис. 179, 8). Фрагменты одного или двух украшений из склепа № 23 можно датировать по аналогии с серьгами из Лучистого, обнаруженными в комплексах первой половины IX вв. [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. рис. 32, 14-15; 33, 5-7, 9, табл. 58, 1-2; 72, 1-2; 84, 1-2].

Остальные пряжки из склепа также можно отнести к индикаторам Пятой фазы. В их числе пряжка с растительным орнаментом, похожим на орнамент пряжек 4-го варианта в Скалистом [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 174, рис. 29, 4; 38, 19] (рис. 179, 4). Подобные изделия датированы в Крыму VIII–IX вв. [Амброз, 1994, с. 118, рис. 36, 46]. Почти аналогичная находка второй половины VIII в. обнаружена в склепе № 262 из Суук-Су [Айбабин, 1993, рис. 2, 24]. Из раскопок этого же памятника происходит пряжка [Репников, 1907, табл. XVI, 14], близкая по форме и декору пряжкам типа 7 VIII–IX вв. [Ковалевская, 1979, с. 174, рис. 5, 18]. Аналогия ей обнаружена в склепе №23 (рис. 179, 3). Щиток пряжки с длинными креплениями к поясу и резным ажурным узором также датирован второй половиной VIII – началом IX вв. (рис. 179, 5). У пряжки 5-го варианта «уральского круга» второй половины VIII в. из склепа № 146 в Лучистом [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 65, рис. 30, 12] крепления также достаточно длинные, а декор щитков похожий. Центральная часть декора щитка из склепа № 760 из Скалистоого, найденного в захоронении с серьгой второй половины VIII – начала IX вв., напоминает узор на

щитке рассматриваемой пряжки [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 20, 156, рис. 118, 2]. Довольно редкая для Крыма шарнирная пряжка с щитком в виде трех объединенных колец (рис. 179, б) имеет ближайшие аналогии среди материалов «Симеизского склепа 1955 г.» [Турова, 2012, с. 180, рис. 2, кат. 16; 2014, с. 125, рис. 2, кат. 16] и склепа № 15 Верхореченского могильника [Душенко, Манаев, 2019, с. 46, рис. 2, 7]. По В.Б. Ковалевской, такие овальнорамчатые пряжки типа 24 датируются VIII–IX вв. и, вероятно, являлись изделиями крымских мастеров [Ковалевская, 1979, с. 30, табл. 2, 592; XII, 14].

Остальные находки Пятой фазы получены при осмотре ограбленных склепов. Вместе с различными серьгами из склепа № 80 извлечена пряжка, аналогичная пряжкам второй половины VIII в. из склепов №№ 150 и 206 в Скалистом [Айбабин, 1999, табл. XXXII, 27], главное отличие между которыми заключалось в прорезном изображении креста на щитке у пряжки из склепа № 80 (рис. 179, 14). Вместе с серьгой с полым шариком и пряжкой (рис. 179, 16-17), которая по орнаменту и форме язычка близка салтовской пряжке из склепа № 177 в Скалистом [Айбабин, 1993, рис. 8, 48], в склепе № 82 обнаружены круглые шарики, декорированные проволокой (рис. 179, 15). Они аналогичны выступам у серьги из могилы № 37 IX в. в Лучистом [Айбабин, Хайрединоva, 2008, с. 106, рис. 35, 37; табл. 123, 1, 2]. В склепах №№ 83 и 94 обнаружены пряжки второй половины VIII – первой половины IX вв. типа «Коринф» (рис. 179, 2, 21), аналогичные находке из склепа № 23, и пряжка с ажурным щитком (рис. 179, 22), подобная изделию из могилы № 38 в Суук-Су [Айбабин, 1993, рис. 3, 10].

Среди находок, которые можно отнести к салтовским поясным наборам, необходимо упомянуть две подковообразные бляшки с растительным орнаментом из склепа № 26 (рис. 179, 18), которые напоминают бляшку из погребения № 491 Нетайловского некрополя и, по аналогии со Старосалтовским могильником, могут быть датированы второй половиной VIII в. [Аксенов, 2010, с. 169, рис. 2, 124; 2014, с. 8, рис. 1, 17]. Одна мелкая пряжка найдена в склепе № 52. Аналогия ей обнаружена в 2017 г. в качестве подъемного материала на среднем участке Адым-Чокракского могильника среди грабительских отвалов (рис. 179, 23-24). Такие же

пряжки были найдены в Скалистом в составе салтовского поясного набора второй половины VIII – IX вв., близкого типу I–1 из склепа № 391 [Айбабин, 1977, с. 232, рис. 4, 5–6; 1993, рис.8, 30; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 90, 179, рис. 64, 16–18].

Пятая хронологическая фаза маркируется появлением как новых типов пряжек византийского производства, так и вещей салтово-маяцкого круга. Последние в составе погребального инвентаря могильников южной периферии Мангупа маркируют, скорее, новые тенденции в моде местного населения во второй половине VIII – первой половине IX вв., чем изменения в его этническом составе. Вещевой комплекс рассматриваемого периода в целом соответствует десятой, одиннадцатой и, в меньшей степени, двенадцатой хронологическим группам по А.И. Айбабину [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 63–67, рис. 30, 32]. Распределение хронологических маркеров на Южно-Мангупском (рис. 180) и Адым-Чокракском некрополях (рис. 181) свидетельствует о длительном использовании всей территории памятников, что связано с существующей здесь практикой многократных захоронений в склепах.

Хазарский период в истории Мангупского городища (конец VIII – середина IX вв.) до сих пор изучен археологически слабо [Герцен, Науменко, 2018, с. 625]. Выделить находки элементов костюма, синхронных Пятой фазе, на памятнике пока не удастся. При этом, во второй половине VIII – первой половине IX вв. на Мангупском плато продолжает функционировать крупное поселение, о чем свидетельствует, к примеру, два горизонта мощения улицы этого времени, открытые на месте Мангупского княжеского дворца [Науменко, Герцен, Душенко, 2023, с. 464]. Находка клада монет 725-732 гг. на мысе Чамну-бурун, на западном фланге обороны крепости [Герцен, Сидоренко, 1988, с. 133, рис. 5, 6], следует, очевидно, синхронизировать с концом Четвертой фазы в истории могильников Мангупа. Из неопубликованных вещей необходимо отметить также две серьги «салтовского типа» VIII–IX вв. из погребения в строительной траншее укрепления А.XIV Главной линии обороны Мангупа-Дороса [Герцен, 1990а, с. 114]. Некоторые наблюдения над строительной техникой этого оборонительного комплекса, в частности, укладка стен непосредственно на грунт и их маркировка внутренними

знаками-тамгами, связывается в литературе с хазарским влиянием на материальную культуру городища [Герцен, Науменко, 2018, с. 625].

Подводя итоги нашему анализу основных хронологических этапов развития могильников округа Мангупа (рис. 182), можно выделить несколько ключевых моментов. Начало Первой фазы связано с появлением некрополя в балке Алмалык-дере, когда в результате одновременного прихода сюда большой группы населения начинают производиться захоронения на участке склона Мангупского плато протяженностью около 450 м. Наибольшая концентрация склепов (в основном типа А2) и могил последней четверти IV – первой половины V вв. выявлена на северной оконечности некрополя. На остальных участках могильника погребальные сооружения (курганы, склепы, могилы разных типов) расположены менее компактно. Значительную часть инвентаря погребений составляют лепная и краснолаковая керамика, пряжки с выступающим за рамку язычком, подвязные фибулы, амфоры типа F по Д.Б. Шелову, а также украшения и стеклянные изделия, характерные для могильников, прекративших свое существование в Предгорном Крыму в конце IV – начале V вв.

К середине V в. участок на северной оконечности Алмалык-дере перестает функционировать, но начинают использоваться новые территории могильника, расположенные к югу и на противоположной стороне памятника. Продолжается освоение некрополя, связанное с распространением склепов группы В, которые наиболее активно вырубаются в конце V – первой трети VI вв. Стеклянной посуды в комплексах становится меньше, полностью исчезает лепная керамика, появляется краснолаковая посуда фокейского производства. Пряжки различных вариантов с длинными хоботковидными язычками сменяются изделиями с более короткими, массивными, гранеными или проволочными язычками и овальными рамками. Начинают встречаться вещи, связанные с мастерскими Херсонеса и Боспора. В целом наблюдается общий рост влияния византийской моды на костюм и бытовую культуру местного населения.

Благодаря раскопкам на Алмалыкском некрополе наиболее изученным является его докрепостной период. Первая и Вторая фазы соответствуют

гуннскому времени: фазам D1 (горизонт Виллафонтана: 360/370–400/410 гг.), D2 (горизонт Унтерзибенбруннер: 380/400–440/450 гг.), D2/D3 (горизонт Смолин: 430/440—470/480 гг.), D3 (горизонт Каравуково-Гава: 450/460 – 480/490), E (450/460 – 500/510) центральноевропейской хронологии [Tejral, 1997, abb. 30; Щукин, 2000, рис. 2; 2005, с. 253], пост-гуннскому горизонту Шипово (430/470 – 530/570 гг.) [Мастыкова, 2009, с. 19; Казанский, 2010, с. 19], четвертой, пятой, шестой хронологическим группам по А.И. Айбабину [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 45–52], периодам I (конец IV – середина V вв.) и II (вторая половина V – первая половина VI вв.) хронологии склепов некрополя Боспора [Засецкая, 1990, с. 99], Первой (450/470 – 500 гг.) и Второй фазам (500 – 530/500) могильника Дюрсо [Дмитриев, 1982, с. 103] или его раннему периоду [Казанский, 2001, с. 56].

В начале Третьей фазы (середина – вторая половина VI в.) происходит активное освоение центральной части Алмалыкского некрополя. Возникают новые склепы группы С, среди погребального инвентаря появляются элементы «геральдических» поясных наборов, среди которых выделяются наборы типа Суцидава. Около 550-565 гг. на Мангупском плато возводится византийское укрепление, в котором размещается византийская администрация. В результате, в ближайшей округе Мангупа возникают новые некрополи – во второй половине VI в. Южно-Мангупский и, предположительно, в начале VII в. Адым-Чокракский. На северной периферии городища продолжает функционировать Каралезский могильник. Его точные хронологические рамки на данный момент еще не установлены, но его появление ранее Третьей фазы представляется вполне вероятным. Комплексы, завершающие Третью фазу, за исключением склепов группы С на Алмалык-дере, могут быть также отнесены к следующему периоду.

Четвертая хронологическая фаза (VII – первая половина VIII вв.) на Алмалык-дере маркируется появлением склепов группы D, в которых зафиксированы погребения с пряжками византийского круга и элементами воинских поясных наборов. В этот период возникают новые погребальные комплексы в центральной части некрополя и, вероятно, на его южной оконечности. Большая часть склепов на могильниках южной периферии Мангупа используется в

качестве семейных усыпальниц. Из-за этого, а также высокой степени ограбления, находки, характерные для VII – первой половины VIII вв., часто обнаруживаются с вещами более позднего времени. В этот период происходит освоение всей известной территории Южно-Мангупского и Адым-Чокракского некрополей. Каралезский могильник также функционирует.

В период Пятой фазы (вторая половина VIII – первая половина IX вв.) продолжают захоронения в ранее вырубленных склепах. Особенностью вещевого комплекса является присутствие в нем вещей салтовского круга, но в целом преобладают пряжки и украшения, характерные для общевизантийской моды. Верхняя граница Пятой фазы для могильников Мангупа остается не определенной, что связано с широкой датировкой хронологических индикаторов. Находки украшений первой половины IX в. позволяют продлить общую хронологию памятников вплоть до этого времени.

Таким образом, события, связанные с подавлением восстания Иоанна Готского и появлением хазарского гарнизона в Доросе в 80–гг. VIII в. [Герцен, Науменко, 2015, с. 36–37], не привели к прекращению функционирования некрополей. А.Г. Герцен отмечает, что до конца VIII – первой половины IX вв. Дорос–Мангуп сохранял свой ранневизантийский облик [Герцен, 2002а, с. 33; 2006а, с. 69]. Функционирование могильников в период пребывания хазар на Мангупе не отобразилось на этническом составе местного населения [Герцен, Науменко, 2015, с. 36–37]. Кардинальные изменения в погребальном обряде жителей городища обусловлены укреплением позиций христианства в регионе после утверждения Готской епархии и особенно после включения территории Горного Крыма в состав византийской фемы около середины IX в. [Айбабин, 1993, с. 130]. Показательным выглядит появление во второй половине IX – начале X вв. трех крупных христианских культовых комплексов вблизи уже заброшенных раннесредневековых некрополей округа Мангупа. Речь идет, во-первых, о «базилике Маркевича», расположенной в 800 м к югу от Адым-Чокракского могильника [Науменко, Иोजица, Набоков, 2017, с. 52]., во-вторых, крестообразном храме на вершине холма Мазар-Тепе, нависающем над балкой Алмалык-дере

[Мыц, 1984, с. 226], и пещерной церкви Кильсе-Тубю, вырубленной в скальном останце немного выше могильника Каралез [Науменко, Ганцев, 2024, с. 159]. Одновременно расширяется некрополь вокруг Большой базилики на Мангупском плато [Бармина, 2005, с. 315]. В результате, прекращение функционирования ранних могильников округа Мангупа находится в прямой связи с завершением длительного процесса христианизации населения Крымских предгорий и отражает общие тенденции трансформации религиозно-погребальной практики в византийско-провинциальной культуре.

ГЛАВА 4. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Погребальный обряд

Ввиду сильного ограбления могильников часто очень сложно или даже почти невозможно выделить особенности практикуемого здесь погребального обряда. Основная часть антропологического материала представлена фрагментами костей в грабительских перекопах или отвалах, а также пятнами тлена. Разрушение погребений происходило, как по причине природных (затопление склепов, деятельность животных и др.), так и антропогенных факторов. Хотя наибольший ущерб был все-таки нанесен в процессе ограбления памятников, происходившего как в древности, так и в конце XX – начале XXI вв.

Лишь в 44% погребальных комплексов Алмалык-дере обнаружен антропологический материал. Только в 7% случаев скелеты сохранились более чем наполовину. Частично или полностью обнаруженные *in situ* кости свидетельствуют о том, что погребения совершались в вытянутом положении на спине. Чаще всего, *in situ* сохранялись фрагменты нижних конечностей погребенных, что помогает установить их ориентацию в 26 погребальных сооружениях: 64% из них были ориентированы головой на запад, остальные – на восток. Лишь в склепах №№ 2/2002 и 191/2007 погребения совершены головой на юг. При этом в последнем склепе только одно из трех погребений уложено головой на восток. Ориентация погребенных на запад распространена на всей территории могильника. Восточная ориентация, но в меньшей степени, также зафиксирована по всей площади могильника. Большинство погребений уложено ногами ко входу, за исключением двух захоронений в склепе № 191/2007. Ввиду малого количества сохранившихся *in situ* погребений не представляется возможным соотнести их ориентацию с хронологическими фазами.

Количество погребенных варьируется в пределах 1-5 человек, многоярусные захоронения отсутствуют. В некоторых случаях кости ног расположены близко друг к другу, что может свидетельствовать о возможности использования

погребальных саванов, практика которых известна в Юго-Западном Крыму [Радочин, 2002, с. 129].

В подбойных могилах и могилах с заплечиками в основном хоронили по одному человеку. Но в подбойной могиле № 17/2003 совершено парное погребение мужчины и женщины, возможно, в гробовине, ввиду наличия здесь плоских камней–подставок. В камере подбойной могилы №18/2004 также совершено два детских погребения, вероятно, разделенных плоскими камнями.

Как правило, между погребениями оставалось свободное пространство, поэтому наложение или смещение костяков, чаще всего, отсутствует. Это может быть связано с использованием деревянных конструкций – гробов или колод, которые устанавливались на камни-подставки. Примерно в 25% склепов на дне камер зафиксированы камни-подставки под гробы или колоды (рис. 183). В ряде случаев рядом с ними обнаружены остатки древесного тлена.

Обычай хоронить умерших в гробах встречается в позднеримское время на могильниках Горного Крыма [Храпунов, 2019, с. 39]. Использование таких конструкций не только в склепах, но и в подбойных могилах в Крыму также известно, хотя эта практика не была сильно распространенной [Храпунов, 2006, с. 44]. Позднее встречались захоронения в гробах или погребения на подсыпке из углей [Айбабин, 1999, с. 168, 199; Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 149]. Деревянные конструкции для погребений устанавливали на пол. В склепе № 7/2002 и подбойной могиле № 3/2002 обнаружен древесный тлен без камней-подставок. Кроме этого, погребение в последней могиле, вероятно, совершено на угольной подсыпке. В склепе № 203/2019 одно из погребений зафиксировано на угольной подсыпке в деревянной трапециевидной конструкции с рамочным каркасом из досок, соединенных с помощью вырезанных пазов.

Захоронения совершались в повседневном или парадном костюмах, о чем свидетельствуют многочисленные находки элементов одежды – фибул, обувных и поясных пряжек, сережек, бус и т.д. Некоторые погребения сопровождали предметы вооружения, у части присутствовал хозяйственный инвентарь – ножи, шила с деревянными рукоятями и пряслица, в основном биконические.

Краснолаковую и лепную посуду часто не удавалось зафиксировать *in situ*. Но в тех случаях, когда это было возможно, она устанавливалась за головами погребенных или у костей рук и стоп. Ожерелья из бус удалось зафиксировать *in situ* только в одном случае. Остальные находки невозможно соотнести с отдельными индивидами. Но общий анализ этой группы изделий позволил выявить некоторые закономерности их использования в погребениях.

При наибольшем количестве изученных комплексов Первой фазы в них обнаружено наименьшее количество бус (рис. 184). Изделия в основном выполнены из стекла различной окраски, также обнаружены уплощенные 14-гранные бусины из сердолика и янтаря. По форме выделяются вытянутые или бочковидные бусы с граненной поверхностью, появившиеся еще в позднеэллинистическое время и распространенные в комплексах второй половины III – IV вв., например, в Совхозе №10, Нейзаце и Дружном [Стойнова 2004, с. 276]. В склепе №189/2007 с погребениями Первой и Второй фаз также обнаружены такие изделия. В этом же комплексе зафиксировано большое количество круглых плоских бус из янтаря. Учитывая отсутствие такого рода изделий в сооружениях Первой фазы, можно предположить, что они принадлежали более позднему погребению, тогда как бусы с граненной поверхностью нужно отнести к первоначальным захоронениям в склепе №189/2007. В комплексах Второй-Пятой фаз бусы такой формы представлены единичным экземпляром из склепа № 2 Адым-Чокракского могильника.

Плоские янтарные бусы встречаются в других комплексах Второй фазы, а также в сооружениях всех последующих периодов. Уплощенные янтарные бусы неправильной и скругленной форм становятся распространенными в Третьей фазы. В склепах Четвертой и Пятой фаз такие изделия являются частыми. В комплексах Первой фазы не обнаружен бисер, который на Алмалыкском могильнике появляется со Второй фазы. В склепе № 191/2007 удалось зафиксировать ожерелье (рис. 184, 11), полностью состоящее из бисера. Во Второй фазе появляются единичные округлые сердоликовые бусы, иногда с росписью белой краской, которые в дальнейшем становятся более распространенными. С середины VI в. в

состав ожерелий входят глазчатые бусы, не характерные для ранних комплексов (рис. 185).

Наибольшую близость в составе наборов бус демонстрируют могильники южной периферии Мангупа (рис. 186-188). Здесь встречаются виды бус, не выявленные на Алмалык-дере. Это вытянутые овальные или близкие к каплевидной форме бусы из темно-синего стекла, наибольшее количество которых найдена на Адым-Чокракском могильнике. Появляются цилиндрические бусы с росписью белой краской поверхности из различных оттенков коричневого глухого стекла. Распространение получают одно-, двух-, трехчастные бусы из золотисто-коричневого стекла, а также уже отмеченные полихромные расписные бусы. В целом для могильников южной периферии характерно наличие расписных бус или же бус, выполненных из пасты различных оттенков.

Таким образом, использование бус в костюме и погребальном инвентаре у населения, пришедшего в данный регион во второй половине VI – начале VII вв., было распространено в большей степени, чем у общины, хоронившей на Алмалык-дере в течении Первой-Второй фаз. Состав комплексов бус в склепах Третьей и Четвертой фаз Алмалыкского некрополя близок, но не настолько разнообразен в сравнении с могильниками южной периферии Мангупа.

Для погребений первых двух фаз в истории Алмалыкского могильника характерна заупокойная пища. Обнаружены остатки костей овец/коз, крупного рогатого скота, лошадей, зайцев, птиц и фрагменты яичной скорлупы. При этом пищу клали в посуду. Например, в склепе №162/2003 в сероглиняной миске находилась скорлупа и вареная кость лошади, в склепах №№ 155/2003, 171/2004 и 189/2007 пища лежала в краснолаковой посуде. В подбойной могиле № 41/2011 крупная кость животного находилась на полу камеры, неподалеку от головы погребенного. Подавляющая часть находок заупокойной пищи найдена в сооружениях Первой фазы могильника и, в меньшей степени, во Второй. Склепы с остатками пищи относятся к группам А1, А2, В1 и В2, особенно часто находки обнаружены в склепах типа А2. Большинство таких находок происходит из северной части некрополя, из упорядоченного ряда склепов, раскопанного в 2003

г. Из сооружений Третьей фазы фрагменты костей птиц с искусственными отверстиями обнаружены в склепе №78/1999 типа С3. Из-за следов обработки эти кости птицы не могут быть отнесены к заупокойной пище, что хорошо коррелируется с архитектурным типом склепа и его хронологией.

Во входных ямах четырех склепов (№№ 157/2003, 162/2003 (тип А2) и 169/2004, 178/2005 (тип В2)), предположительно, зафиксированы следы традиции своеобразной «поминальной жертвы». В нетронутых при ограблении участках засыпи входных ям, у входа в склепы, обнаружены фрагменты сосудов, разбитых, скорее всего, о закладную плиту. В переднем правом углу дромоса, в засыпи у входа в склеп № 157/2003, найдены фрагменты стеклянного кувшина. В камере склепа стеклянные изделия не обнаружены. Перед закладной плитой склепа №162/2003 зафиксированы фрагменты лепного горшка в засыпи ямы, который был разбит до ограбления. Во входной яме склепа № 169/2004 зачищены два уровня пола, второй из них являлся подсыпкой с утопанной поверхностью. В слое подсыпки у входа в склеп обнаружены компактно лежащие фрагменты стеклянного стакана и фрагмент стеклянного сосуда с каплями синего стекла. Вместе с ними находились локальные скопления углей. Как и во входной яме склепа №169/2004, в склепе №178/2005 обнаружена утопанная поверхность засыпи, под которой у передней стенки выявлены скопления мелких углей, пережженной керамики, осколков оплавленного стекла и костей.

В ходе исследований могильника открыты скопления фрагментов керамики, костей животных и углей вне погребальных сооружений. Они интерпретированы как тризны. Одно скопление зачищено к северу от кургана №5, в месте, где древняя дневная поверхность имела понижение. Здесь зачищено скопление камней, угольков, фрагментов керамики и костей животного. Поверхность грунта не имела следов костра. Кости относились к ногам небольшого животного (коза/овца или олень), причем несколько фаланг пальцев найдены в положении, близком к анатомическому. Керамика представлена двумя фрагментами стенок неопределенных амфор и крупным фрагментом калиптера. Второе скопление выявлено в южной части прирезки № 4 раскопа 2008 г., над камерой склепа №

194/2008, в нижней части надматерикового слоя. Обнаружено пятно грунта, насыщенное крупными фрагментами керамических сосудов, в том числе обожженных, и оплавленных кусочков стекла. Окружающий грунт не подвергался термическому воздействию.

На территории могильников южной периферии Мангупа находки заупокойной пищи не обнаружены. Проведенный анализ пищевых предпочтений показал минимальное значение дичи и редкость употребления морской фауны в рационе питания. В целом население, оставившее Алмалыкский, Адым-Чокракский и Южно-Мангупский могильники, употребляло, преимущественно, растительные компоненты в составе пищи. При этом у отдельных индивидов наблюдались увеличенные показатели мясного питания и употребления рыбы [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 221–225].

Необычными для могильников округа Мангупа являются погребения лошадей на Алмалык-дере. Кости лошадей во входных ямах иногда находили и на других синхронных Первой фазе могильниках Крыма [Айбабин, 1999, с. 22]. Конские захоронения в отдельных ямах невозможно связать с соседними погребальными сооружениями. Можно предположить, что они соотносятся с еще не выявленными погребениями воинов-всадников. Захоронения лошадей характерны для кочевников гуннского и постгуннского времени. Данный обряд также известен у германцев в конце IV – первой половине V в., вероятно, в связи со «степным» влиянием на их культуру [Казанский, 2021а, с. 95–108].

Общая картина погребального обряда меняется с появлением новых некрополей на южной периферии Мангупа. Это связано с увеличением количества погребенных в склепах, что может свидетельствовать о значительном росте населения Мангупа и его округа в этот период.

Минимальное количество погребенных в 33 склепах Адым–Чокракского могильника, из которых получен антропологический материал, составило 175 человек. В 7 склепах зафиксировано менее 5 погребенных, в 10 погребальных сооружениях насчитано 5–10 человек; 10, 12 и 14 погребенных обнаружены в трех склепах. В склепах №№ 5 и 6 погребено по одному человеку. Максимальное число

погребенных представлено 21 индивидами в склепе № 24, где выделены три яруса перемешанных фрагментов костяков (рис. 189). Зафиксированы *in situ* части ног погребенных, что позволило уточнить ориентировку погребений – головой на запад. Возможно, часть костей была переброшена в камеру склепа № 24 через пролом из соседнего комплекса. Таким образом, точное количество погребенных в данном склепе установить невозможно.

На Каралезском могильнике в 5 случаях зафиксированы труположения на спине, уложенные головой на юго-запад. На Южно-Мангупском могильнике частично сохранившиеся *in situ* костяки представлены ориентированными по оси запад–восток труположениями на спине. Они вытянуты вдоль центральных осей склепов, ногами ко входу, руки уложены вдоль тела. Количество погребенных в склепах сильно отличается: в 10 случаях погребено от 1 до 4 человек, в 11 – от 5 до 14 человек, еще в одном – 24. Таким образом, на могильнике имели место как отдельные ингумации, так и многоярусные захоронения. Погребения мужчин, женщин и детей соседствуют друг с другом.

Захоронения в несколько ярусов являются отличительной чертой погребального обряда, который встречается только на южной периферии Мангупа. Это, вероятно, усыпальницы одной семьи, возможно, целого рода. Отсутствие многоярусных погребений на Алмалыкском могильнике в поздних склепах, скорее всего, обусловлено устоявшейся традицией. С этим может быть связано использование здесь гробов. Следует отметить, что признаком использования гробов может являться находка четырех гвоздей в склепе №1 2/1997 Южно-Мангупского могильника. Других следов этого элемента обряда – камней–подставок, остатков дерева или пятен древесного тлена, обнаружено не было. Лишь одно погребение уложено на угольную подсыпку.

Несмотря на часто встречающиеся признаки использования гробовин, в погребальных сооружениях Алмалыкского могильника не найдены железные гвозди. Это может свидетельствовать о погребениях в простых колодах, либо, как в случае со склепом № 203/2003, имело место использование составных деревянных конструкций. Таким образом, отсутствие следов колод и гробов может

быть связано именно с практикой захоронений в несколько ярусов, точно зафиксированной в трех склепах. В остальных случаях многоярусность определяется по большому количеству погребенных. Если предположить, что в склепах можно уложить в один ярус до 5-6 костяков, то большее количество индивидов свидетельствуют о нескольких ярусах погребений. То есть, исходя из подсчета антропологических материалов в 55 склепах могильников южной периферии Мангупа, как минимум, в 14 случаях имели место многоярусные погребения. Последнее наблюдение предполагает долгий период использования склепов, из чего вытекает небольшое их разнообразие, по сравнению с Алмалыкским могильником, где необходимость в сооружении таких погребальных конструкций возникала чаще. Также этим можно объяснить большую компактность могильников на южной периферии Мангупа по сравнению с большим по площади некрополем Алмалык–дере.

Судя по единичным находкам фрагментов керамики, в склепы некрополей южной периферии Мангупской крепости очень редко ставили посуду. Данный элемент обряда также характерен для позднего периода функционирования Алмалыкского могильника.

Как и на других памятниках Крыма второй половины VI – первой половины IX вв., погребения совершались в повседневном или парадном костюме. Наиболее распространенными бытовыми предметами были ножи. Также в качестве погребального инвентаря использовались железные и кремневые кресала. Погребальный обряд некрополей на южной периферии в целом не отличается принципиально от других синхронных памятников Горного Крыма.

4.2. Социальная стратификация

Наиболее показательным признаком высокого социального статуса в погребальном инвентаре являются золотые изделия. Наиболее многочисленная группа находок из желтого металла обнаружена на могильнике Алмалык-дере: в 15 склепах, одной подбойной могиле и в грабительских отвалах. Золотые изделия встречались на всей территории этого некрополя, при этом 12 погребальных

сооружений относились к Первой и Второй фазам, еще пять – к Третьей–Четвертой фазам. Преобладают золотые нашивные бляшки из фольги, изделия с позолотой и подвески, которые найдены в основном с материалами Первой фазы.

Сооружения сложных погребальных конструкций на могильнике Алмалык-дере – курганов №2, 3, 5, может указывать на высокий социальный статус погребенных в них. С учетом их ранней датировки, богатая прослойка населения была наиболее многочисленна именно для начального периода функционирования памятника.

Серебряные изделия еще более многочисленны и в основном представлены пряжками, поясными бляшками и женскими украшениями. Распространение изделий из серебра обширно на территории памятника, но необходимо отметить их высокую концентрацию на участках с находками из золота (рис. 190). Вероятно, изначально погребений с изделиями из драгоценных металлов было еще больше, но даже при рассмотрении материалов, оставшихся после ограбления, можно говорить о том, что значительная прослойка населения, оставившего Алмалыкский могильник, имела высокий социальный статус.

Особый интерес для выделения знатных погребений представляют золотые нашивные элементы, лунницы, пронизи, листовидные подвески (вероятно, фрагменты погребальных диадем), которые можно отнести к элементам «княжеского» убора варваров [Казанский, Мастыкова, 2017, с. 570–571]. Такие детали костюма обнаружены в шести склепах и одной подбойной могиле, которые расположены на всей территории Алмалык-дере (рис. 191).

Типичные для аристократического убора элементы распространены в Европе, от Пиренейского полуострова до Понто-Кавказского региона [Мастыкова, 2021, с. 151]. Использование нашивных бляшек имеет давнюю традицию, еще со скифского и сарматского времени [Зайцев, Мордвинцева, 2007, с. 332; Храпунов, Стоянова, 2014, с. 185]. В более поздний период распространение моды с золотыми аппликациями связано с аланским влиянием [Кишш, 1995, с. 83, 85]. Женский убор с такой группой украшений варварской аристократии гуннского времени, вероятно, имеет связь с позднеантичными северо-причерноморскими центрами

[Мастыкова, 2014, с. 187]. Золотые аппликации часто входили в состав одного престижного костюма с германскими элементами, которые ранее всего проявляются в погребениях некрополей Европейского Боспора и Танаиса, вместе с находками черняхоидных двупластинчатых фибул второй половины IV – начала V вв. [Мастыкова, 2009, с. 125]. Находки элементов «княжеского» костюма на Алмалык-дере относительно многочисленны и соответствуют комплексам Первой и, в меньшей степени, Второй фаз (рис. 192). Из-за скудости золотых находок в комплексах Второй фазы логично предположение о том, что со второй половины V в. начинает исчезать мода на варварский «княжеский» костюм среди богатой прослойки населения. Разница между количеством золотых изделий может указывать на уменьшение знатной прослойки после середины V в. среди населения, оставившего Алмалыкский могильник.

Золотые украшения из более поздних погребальных сооружений Третьей фазы, указывающие на высокий социальный статус погребенных, становятся еще более редкими и представлены несколькими серьгами, пирамидальными бляшками–городками, деталями ременных гарнитур. Находки бляшек–городков и золотых сережек в комплексах Третьей фазы, между тем, хорошо отражают общую моду в костюме жителей Юго-Западной Таврики в VI–VII вв., где такие украшения распространены с большими пряжками [Хайрединова, 2002а, с. 45]. Золотые серьги обнаружены в склепе № 57/1997 Алмалыкского могильника и в склепах №№ 2, 24, 32 Адым–Чокракского могильника, что указывает на погребения женщин в богатых парадных костюмах в это время.

Серебряные изделия составляют намного более распространенную и разнообразную группу находок. Они хорошо представлены в комплексах всех фаз в истории могильников Мангупа. Стабильное использование серебра в костюме населения, оставившего могильник Алмалык-дере, указывает на присутствие, если не богатой, то, по меньшей мере, зажиточной прослойки на протяжении всего периода функционирования этого памятника.

Если знатные или просто богатые погребения фиксируются в основном по украшениям из золотых и серебряных изделий, то выделение воинской прослойки

населения связано с находками предметов вооружения, а также «геральдических» поясных наборов. Данная группа находок лучше всего представлена на материалах Алмалыкского некрополя: в 15 склепах и двух подбойных могилах (рис. 193). Распределение предметов вооружений по хронологическим фазам представляется следующим образом: их наибольшее количество обнаружено в комплексах Первой и Второй фаз, еще три комплекса относятся к Третьей фазе.

Наиболее распространенными видами оружия являлись мечи и кинжалы (11 единиц), из которых почти половина сохранилась фрагментарно (рис. 195, 1, 7, 9, 10, 13; 195, 1-5, 7-8). К этой группе находок отнесены железные предметы, сердцевина которых указывает на обоюдоострую заточку. Изделия шириной более 5 см отнесены к категории мечей, шириной около 3-4 см – кинжалов. Ширина лезвий ножей с одной режущей стороной меньше, в пределах 2–3 см. Все мечи отнесены к комплексам Первой (4 единицы) и Второй (2 единицы) фаз.

Находка изделия с вырезами у пяты клинка из подбойной могилы № 41/2011 зафиксирована в центре входной ямы, на глубине 0,4 м от древней дневной поверхности, в почти вертикальном положении острием вниз, плоскостью лезвия поперек продольной оси ямы. Необычное расположение находки, в засыпи входной ямы, под углом 15° в верхней части, позволяет предположить, что кинжал мог быть наконечником копья, воткнутого в засыпь подбойной могилы сразу после совершения захоронения. Это может свидетельствовать об особенностях погребального обряда, в котором захороненный, возможно, являлся представителем воинского сословия, или же об участии воина в процессе похорон.

Несомненно, погребение знатного воина совершено в подбойной могиле № 43/2013. В пользу этого свидетельствует наличие курганной насыпи № 3 с ровиком и каменной обкладкой, а также достаточно богатый инвентарь. Наличие еще трех неисследованных курганов и трех предполагаемых курганных насыпей может также относиться к знатым воинским захоронениям, но, на данный момент, это всего лишь предположение. Погребение под курганом № 2 в подбойной могиле № 42/2012, судя по краниологическим материалам, принадлежало молодому

мужчине, было богатым, хотя говорить о его несомненной воинской атрибуции не представляется возможным.

Под северной стеной в полу камеры склепа № 171/2004 зачищено продольное углубление–подбой, в котором находился обоюдоострый железный меч с гардой в форме буквы Z (рис. 195, 4). Рядом обнаружено округлое уплощенное янтарное изделие, вероятно, относившееся к темляку (ремню для удержания меча). Следов погребения возле подбоя с мечем не обнаружено, но в грабительском перекопе найден фрагмент челюсти мужчины средних лет, который, возможно, являлся обладателем оружия. По аналогиям с мечами с гардой из могильника Лучистое, находка датирована стадией D1 (360/370–400/410) [Maćzyńska und andere, 2016, s. 14]. Таким образом, не сохранившееся погребение воина было совершено в период Первой фазы.

Обнаруженные в ранних склепах №№/2001 (тип A2) и 160/2003 обоюдоострые мечи с хорошо сохранившимися лезвиями, покрытыми остатками дерева от ножен, по датировке склепов также принадлежали воинским погребениям Первой фазы. Большинство остальных находок мечей представлены фрагментами изделий, об их типологии судить трудно. С фрагментами мечей из склепа № 2/2002 обнаружена рукоять от щита (манипула), вероятно, типа Цилинг S1/Форма 2 с широкой датировкой (рис. 194, 7-9).

В погребении № 1 склепа № 191/2007 у нижней части костяка зачищено пятно тлена от дерева со следами контакта с металлом. Вероятно, в этом месте к поясу крепился короткий меч, отброшенный грабителями в северо-восточный угол. На полу склепа между голеньями погребения № 1 и соседним костяком тыльной частью вверх лежал железный умбон конической формы с обломанным краем, вдоль которого располагались заклепки (рис. 195, 6-7). Исходя из положения, можно допустить, что щит стоял на ребре, опираясь на стену у ног погребения № 1 и затем опрокинулся. Примечательным является то, что погребение, к которому относились эти предметы вооружения, является женским. Ввиду нетипичного контекста находки не представляется возможным сделать заключение о принадлежности погребения женщине–воину, или же речь идет о погребальном

даре меча и умбона от родственника, например, в качестве символического охранного элемента [Kontny, 2004, s. 157].

В склепах №№ 65/1998 и 188/2000 найдены костяные накладки составных луков и железные трехлопастные наконечники стрел. Находки луков и стрел у германцев, в особенности в постгунское время, являются маркерами высокого социального статуса [Ivanišević, Kazanski, 2007, p. 124]. В склепе № 65/1998 с материалами конца IV – первой половиной V в. [Gertsen, Maćzyńska, 2000, s. 522–540] было совершено, как минимум, два захоронения, на момент раскопок полностью разрушенных. Женское погребение, вероятно, сопровождалось позолоченными дисковидными фибулами с инкрустациями. К мужскому погребению, помимо лука с костяными накладками и стрелами, относились удила, меч или кинжал с прямой гардой, а также фрагменты ножен. Они состояли из тонкой металлической пластины, с двух сторон обшитой деревом, с внешней стороны которой сохранились гвоздики, крепившие дерево к металлической сердцевине (рис. 194, 3). Также в склепе № 65/1998 найдены подвеска, характерная для княжеского убора, серебряные фибулы и пряжки. Таким образом, в склепе погребены представители знатного рода, в том числе, мужчина–воин.

Находки удил и псалий в склепах Дружного и Нейзаца крайне редко связаны с взнузданными конскими захоронениями. Как правило, элементы конской упряжи здесь снимались с лошадей и укладывались у нижней части тела погребенного [Антипенко, 2015, с. 86–89]. Следует отметить отсутствие находок «всаднического облика» в более поздних комплексах Алмалыкского могильника. Детали конской упряжи (рис. 196) и захоронения лошадей, на данный момент, также не обнаружены на соседних более поздних некрополях Мангупа. Можно предположить, что среди населения округи городища в докрепостной период присутствовала прослойка воинов-всадников, имевшая привилегированный статус. Распределение таких находок на Алмалык-дере свидетельствует об отсутствии локальных зон, связанных с погребениями всадников или лошадей [Набоков, 2023в, с. 150]. Можно лишь отметить их наибольшую концентрацию на раннем участке некрополя, на его северной оконечности (рис. 197).

К предметам вооружения относится бутероль с остатками дерева внутри, которая фиксировалась небольшими гвоздиками, в засыпи входной ямы раннего склепа № 162/2003 типа А2 (рис. 194, 12). В камере у погребенных №№ 2 и 3 обнаружены кинжалы длиной около 25 см (рис. 195, 1). В первом случае оружие сохранилось с остатками деревянной рукояти, закрепленной заклепкой. В погребении №3 на лезвии сохранились следы дерева от ножен. В грабительском перекопе обнаружен фрагмент еще одного кинжала (рис. 194, 13). В погребении № 1 этого же склепа найдена золотая бляшка, характерная для «княжеского» убора варварской аристократии.

Из склепа № 64/1998 типа С2 происходит хрустальное навершие или часть темляка, сильно оббитое от длительного употребления [Maćzyńska und andere, 2016, s. 5] (рис. 194, 2). Последнее наблюдение косвенно свидетельствует о маловероятной связи этого предмета с убранством костюма. В последней трети IV – последней трети V вв. крупные граненые бусы из горного хрусталя присутствуют как редкий элемент «княжеской» культуры, но в середине V – VI в. они входят в наборы уже менее зажиточной прослойки населения [Мастыкова, 2020, с. 274–275, 284–285]. Отметим также, что крупная, сильно уплощенная, граненная хрустальная бусина найдена в склепе № 32 Адым-Чокраского могильника (рис. 198, 1).

Находки предметов вооружения на могильниках южной периферии Мангупа редки и обнаружены только на территории Адым-Чокракского некрополя. Необходимо упомянуть находку наконечника втульчатого дротика или копья, который случайно был найден в 1996 г. в отвале одной из грабительских ям (рис. 198, 7). Остальные находки фрагментарны. Из склепов №№7 и 26 происходят кресала, где в качестве железной основы, вероятно, использовались обломки мечей (рис. 198, 2-3). В склепе № 28 найдены фрагменты обоюдоострых мечей, которые могли быть также частью набора для разведения огня (рис. 198, 4-5). В склепе № 86а на фрагменте ножа находился прикипевший наконечник стрелы (рис. 198, 6). Таким образом, оружие в качестве сопровождающего инвентаря в воинских погребениях Третьей–Четвертой–Пятой фаз использовалось значительно реже, чем во второй половине/ конце IV– первой половине VI вв.

Более характерны для воинских погребной поздних фаз хронологии могильников Мангупа, в особенности для комплексов второй половины VI – VII вв., находки геральдических поясных наборов (рис. 199). Наиболее ранние из них начинают встречаться во второй половины VI в. в заселенных варварами-федератами византийских крепостях на Дунае [Амброз, 1981, с. 16]. Но такие поясные наборы известны в погребениях, вероятно, принадлежавших привилегированным воинам-федератам византийской армии, уже начиная с первой трети VI в. [Казанский, Мастыкова, 2009, с. 29]. Примерно в это же время в Крыму воины также начинают носить похожие элементы одежды [Айбабин, 1990, с. 70], тем самым, приняв моду, которая была распространена в самой византийской армии [Айбабин, 1993, с. 57]. На могильниках области Дори элементы этой моды активно фиксируются со второй половины VI – начала VII в. [Айбабин, 1994, с. 148; Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 154]. Детали наборов, обнаруженные на могильниках Мангупа, встречаются на I, II и III этапах (вторая половина VI в., первая половина VII в. и середина–вторая половина VII в., соответственно) развития геральдических поясных бляшек восточноевропейских типов, выделенных А.К. Амброзом [Ковалевская, Краснов, Амброз, 1973, с. 288–298, рис. 1, 42, 45, 52, 66]. Подобные детали встречались в некоторых погребениях воинских групп некрополя Цибилиум–2 для стадии IV/11 (530\550–640\670 гг.) [Воронов, 2003, с. 56–57, 63, 64, рис. 132, 11–13, 15; 146, 21, 23–24; 149, 37, 44] и цебельдинской культуры [Казанский, Мастыкова, 2011, с. 110]. Находки воинских поясных наборов обнаружены при раскопках княжеского дворца и Лагерной балки на Мангупе, где они относились к ранневизантийскому поселению [Науменко, Набоков, 2021, с. 204–205]. Ранние элементы геральдических наборов – гарнитур типа Суцидава, относимых к Третьей фазе, обнаружены в склепах №№ 78/1999 и 99а/2000 Алмалыкского могильника, в склепе № 2 Южно-Мангупского некрополя и в ограбленном склепе № 8 Каралезского могильника.

Для выделения воинской прослойки на могильниках южной периферии Мангупа можно привлечь краниологические материалы со следами боевых травм. Следы боевых травм на краниологических остатках женщин и пожилых, старше 60

лет, людей, отнести к воинской деятельности погребенных не представляется возможным. Предположительно воинские погребения принадлежали мужчинам не старше 50 лет. На Южно-Мангупском могильнике, в склепах №№ 6/1996 и 7/1996, обнаружены два черепа, принадлежавших мужчинам в возрасте 20–25 и 40–50 лет и погибших во второй половине VI – VII вв. Посмертные травмы вызваны воздействием колющего оружия, вероятно, наконечниками стрел и копий. На черепах двух мужских погребений в возрасте 20–25 и 30–35 лет из склепов №№ 5 и 24 на Адым-Чокраке обнаружены следы смертельных ударов от копий и топора. Это свидетельствует об участии в боевых действиях мужского населения округа городища, но характер событий остается не ясным.

Таким образом, воинская прослойка на материалах могильников Мангупа хорошо прослеживается по находкам Первой–Второй фаз Алмалыкского могильника. Это были, прежде всего, мужчины-воины начального этапа функционирования некрополя, часть из них погребена под курганными насыпями. Воинские погребения, сопровождаемые предметами вооружения, часто совершались в комплексах вместе с погребениями женщин в богатых костюмах. Статус и материальное положение некоторых семей второй половины/конца IV – первой половины VI вв. напрямую зависела от участия мужчин в военных действиях. В составе населения, оставившего могильник Алмалык-дере, было значительное число представителей варварской аристократии.

Появление у мужского населения воинских поясных наборов, подобных распространенным среди союзных Византийской империи варваров, представляется напрямую связанным со строительством и ранним периодом истории крепости Дорос на Мангупском плато во второй половине VI – VII вв. Наличие таких элементов одежды на Алмалык-дере, некрополях южной периферии и раннесредневековом поселении на Мангупе свидетельствует о значительном составе гарнизона, включавшем различные группы населения, которые хоронили погибших (умерших) на трех разных могильниках в течении Третьей–Четвертой фаз.

Примечательно изменение характера воинских находок, начиная со второй половины VI в., которое заключалось в смене погребений «племенных» воинов Первой–Второй фаз на погребения с выраженной общемилицаристской модой, характерной для армейских подразделений Византии и варваров–федератов. Это может указывать на значимость местного гарнизона, что подтверждается находкой моливдовула имперского чиновника-хартулария. Наличие византийских печатей VI–VII вв. на Мангупском плато [Герцен, Алексенко, 2001, с. 64; Науменко, 2023б, с. 510] и в его округе [Алексенко, 2008, с. 80–81], появление воинских поясных наборов второй половины VI – VII в. среди населения, оставившего воинские погребения Третьей–Пятой фаз, вероятно, являются составными элементами одного процесса, связанного с усилением влияния Византии в Юго-Западном Крыму. Такие военно-административные изменения напрямую повлияли на облик воинского сословия среди населения, оставившего Алмалыкский могильник, тогда как для популяций некрополей южной периферии городища данный этап был уже пройден к моменту их прихода к новому месту службы. Вероятно, часть погребенных с «воинскими» элементами могла иметь самое непосредственное отношение к гарнизону крепости Дорос.

Орудия труда, за исключением пряслиц и проколов, в погребениях отсутствуют. Находки ножей отображают, скорее, особенности погребального обряда. Наиболее вероятно, что основная непривилегированная часть населения округа памятника в это время вела пастушеско-земледельческой образ жизни. Osteологические материалы, найденные в погребальных сооружениях Юго-Западного Крыма, свидетельствуют о развитии птицеводства, овцеводства и выращивании крупного рогатого скота [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 59].

4.3. Этнокультурная характеристика

Изучение вопросов, касающихся этнокультурной атрибуции могильников округа Мангупа, во многом усложнено состоянием этих памятников. Наибольшее разнообразие этнокультурных маркеров фиксируется на Алмалыкском некрополе, в особенности на материалах археологических комплексов Первой и Второй фаз.

В историографии, как уже неоднократно отмечалось, этнокультурная принадлежность населения, оставившего некрополь в балке Алмалык–дере, определялась как готская и аланская [Gertsen, Maćzyńska, 2000. s. 539–540; Maćzyńska und andere, 2011, p. 159, 172; Gercen und uadere, 2013, s. 128]. При этом находки черняховского облика, в основном фибулы и лепная керамика, связывались с германцами, находки кочевнического круга – с аланами [Maćzyńska und andere, 2016. s. 19]. Одновременно существует иная точка зрения, согласно которой возникновение таких некрополей, как Алмалык-дере, связывается исключительно с аланами [Айбабин, 1999, с. 36, 61, 82; Айбабин, Хайрединова, 2017, С. 104]. При этом германские элементы не рассматривались как этнокультурный маркер, значительно влияющий на состав населения [Храпунов, 2019, с. 42–43; Науменко, Герцен, Набоков, 2022, с. 188].

В основном к числу находок, которые связывают с германцами, относят фибулы Первой фазы, которые распространены на территории черняховской культуры [Казанский, 2006, с. 28–29; Maćzyńska und andere, 2011. p. 159; Maćzyńska und andere, 2016, s. 3; Казанский, Мастыкова, 2017. С. 569], стакан с шлифованными овалами из ровика кургана №3 [Шабанов, 2015, с. 215, 226], подвеску в форме топорика из склепа № 2/1998 [Казанский, Мастыкова, 2017, с. 570], некоторые биконические лепные кувшины с аналогиями в ареале той же черняховской культуры [Maćzyńska und andere, 2011. P 169]. Биконические лощеные сероглиняные сосуды, блюдо из грабительских отвалов и вазу из подбойной могилы № 43/2013 находят аналогии в керамике из ареала черняховских племен [Федоров, 1960, С. 287, рис. 20, 3, 23, 7, 26, 6, 29, 2, 31, 5,6; Юрочкин, 1999, с. 260, 266. рис. 1; Магомедов, 2001, с. 48–49, 51 рис. 28–29, 32–33; Казанский, 2006, с. 28; Пиоро, 2006, с. 234]. Аналогичные кувшины встречались также на некоторых памятниках позднеримского времени в Крыму и за его пределами [Власов, 1999, с. 342–344, рис. 11, 12; Храпунов, 2017а, с. 136].

Среди лепных сосудов присутствуют изделия, имеющие специфические черты. У миски из склепа № 158/2003 на внутренней поверхности дна расположены образованные концентрические окружности (рис. 200, 1). Таким же образом в виде

спиралей оформлены внутренние поверхности доньев четырех мисок из могильника Дружное (рис. 200, 2–5) [Власов, 1999, с. 324, рис. 1, 3; Храпунов, 2002, с. 65, рис. 127, 2, 7, 8; 159, 4]. Аналогии биконическим мискам различных очертаний из склепа № 159/2003 и траншеи вокруг кургана № 2 (рис. 200, 6,7) встречены на могильнике Дружное (рис. 200, 8-9) [Власов, 1999, с. 328, рис. 2, 103; Храпунов, 2002, с. 22, 66, рис. 116, 4, 7-8; 159, 4]. Они схожи с некоторыми лепными вельбаркскими и лепными и гончарными черняховскими сосудами III–IV вв. Их редкость в Крыму до позднееримского времени может свидетельствовать о том, что эта форма сосудов была привнесена на полуостров германцами [Власов, 1999, с. 328], но в целом присутствие такой керамики на памятнике невозможно определенно связать с «германскими» погребениями.

Черты материальной культуры, которые можно отнести к германцам, встречены у группы населения, хоронившей на северной оконечности Алмалыкского могильника в рамках Первой фазы. При этом, эти захоронения произведены в склепах, чье появление и распространение в Крыму связывается с аланами; количество таких погребений в IV в. увеличивается [Храпунов, 2004, с. 153]. В состав этого населения после открытия курганов с ровиками с перемычкой в южной части можно включить поздних сарматов. Появление катакомбных погребений, в том числе подкурганных, подобных Т-образной могиле под курганом № 5, на Кавказе обычно связывается с движением аланских племен во времена гуннских походов [Коробов, 2019, с. 95].

Таким образом, на раннем этапе функционирования могильника Алмалык-дере, то есть во второй половине–конце IV – первой половине V в. (Первая фаза), вероятнее всего, следует говорить о существовании не чистого германского населения, но уже смешанного. Тем более, что наличие близких германцам элементов культуры фиксируется в комплексах вместе с находками «кочевнического» облика. К последним М. Мончинска относит деформированные черепа, бронзовые и серебряные зеркала типа Anke I, костяные накладки на лук и роговидные серьги [Maćzyńska und andere, 2016, s. 5]. Последние наиболее распространены в эпоху Великого переселения народов на территории от

Пакистана до Португалии [Мастыкова, 2009, с. 72]. Правда, окончательно считать их «кочевническим» маркером не стоит, так как подобные находки были широко распространены у оседлого населения. К кочевническим маркерам следует отнести погребения лошадей, а также связываемые с распространением у алан мечи/кинжалы с вырезами у пяты клинка. Параллели обнаруженным удилам можно провести с удилами с Г-образными псалиями с обтянутыми бронзой шишечками на конце из погребения гуннского мальчика на Беляусе конца IV – первой половины V вв. [Засецкая, 1994, табл. 27, 1; Дашевская, 2003, с. 160; Айбабин, 2019, с. 51]. Сходство прослеживается с верхними частями псалий с загнутыми концами, украшенными поперечным рифлением, и лопастями на другом конце. Прототипами являются псалии последней трети IV – середины V в. в гуннских погребениях [Казанский, 2020, с. 335].

Примечательным является наличие погребения лошади во входной яме раннего склепа № 118/2000, в камере которой найдены трехлопастные наконечники стрел, костяные накладки на лук и удила. Говорить о гуннской принадлежности комплекса невозможно ввиду отсутствия самого погребения. Кроме того, распространение «степной» воинской моды может быть связано с влиянием кочевников на оседлые варварские племена [Казанский, 2020, с. 360]. Наличие коня во входной яме может являться жертвоприношением. Подобный обряд известен не только у кочевников, но и у варваров, проживающих по соседству с ними, особенно у знати [Казанский, 2021а, с. 105].

Традиция деформации черепов была распространена у гуннов и алан [Stadler und andere, 2008, s. 160], но изначально, во II – IV вв., ее связывают с сармато-аланами. Появление деформированных черепов у населения Центральной Европы совпадает с гуннским временем, но их распространение связывается не только с гуннами [Казанский, 2006а, с. 129–131]. В целом на европейском континенте традиция деформации черепов имеет восточное происхождение, к числу ее первых носителей относятся аланы [Беречки, Марчек, 2006, С. 113].

Всего на Алмалыкском могильнике обнаружено 75 деформированных черепов, часть из которых найдена вне исследованных погребальных сооружений.

62 черепа происходят из 40 склепов, как раскопанных, так и осмотренных в период до 2013 г. [Герцен и др., 2017, с. 182–183]. В 2019 г. исследован еще один склеп с двумя деформантами. Таким образом, только из 10 склепов и двух подбойных могил, исследованных археологически, были получены искусственно деформированный черепа. Распределение по типам склепов выглядит следующим образом: А2, А/В, В1, С2 – по одному случаю, В2 – в двух случаях, С1 – три случая. В трех склепах с деформациями черепов не обнаружено датирующего материала, в остальных погребальные сооружения относились к Первой – Второй/Третьей фазам. Это свидетельствует о сохранении традиции в период середины–конца IV – первой половины VI в., но исключать ее продолжение в более позднее время также нельзя. Случаи деформации черепа отмечены у некоторых погребенных на Каралезском могильнике.

Топографическое распределение черепных деформаций свидетельствует об использовании данной традиции на всех участках Алмалыкского некрополя (рис. 201). Большая часть таких черепов найдена в центральной части могильника в 1996–1998 гг., вследствие чего на карте наблюдается наибольшая концентрация находок на данном участке. Следует уточнить, что в 72% исследованных погребальных сооружений краниологический материал почти полностью утрачен или разрушен, еще в 21% случаев сохранился не полностью. Можно предположить, что погребений с деформацией черепа было больше. Вероятно, ввиду растущей христианизации населения [Науменко, Герцен, Иожица, 2021, с. 261–263], которая наглядно проявляется в комплексах Третьей и, в большей степени, Четвертой–Пятой фаз, эта практика постепенно исчезает. На Адым-Чокраке деформированные черепа не выявлены, на восточной половине Южно-Мангупского могильника черепная деформация обнаружено у 8 индивидов, что составляет только около 7,5 % от всех погребенных в этой части могильника. При этом средняя продолжительность жизни мужских индивидов с деформированными черепами составляла около 51 года, тогда как у мужчин с нормальной формой черепа – около 36 лет. Кариес зубов у последних был в 4,5 раз выше. Средний возраст у населения старше 18 лет составлял около 35-40 лет. Это, безусловно, свидетельствует о

привилегированном положении слоев населения, использовавшей деформацию черепа [Герцен, Пономарев, 2003, С. 50, 56, 57]. Таким образом, деформация черепа выступала не только как «элемент этноидентификации» [Пежемский, 2000, С. 69], но и как маркер высокого социального статуса.

Ранние находки с христианской символикой обнаружены в склепах Алмалык-дере конца Второй фазы (№№ 191/2007 и 192/2007). У двух погребений из последнего склепа присутствовали большие пряжки с прямоугольным щитком с изображением крестов (рис. 202, 2-3), распространенные в Крыму с середины VI в. [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 156]. В этом же склепе, а также в расположенном рядом склепе № 191/2007 обнаружены две краснолаковые тарелки фокейского производства со штампами в виде крестов (рис. 202, 1-2). Вероятно, в конце Второй фазы на участке с концентрацией склепов группы В на юге могильника могли быть совершены погребения с вещами, отображающие проникновение христианства в регион, которое началось еще в середине V в. [Айбабин, 1999, с. 83]. Более явные признаки христианизации населения Мангупа начинают проявляться в Третьей фазе и позднее, что связано, в том числе, и со строительством базилики на городище в конце правления Юстиниана I (527-565) [Науменко, Герцен, Иожица, 2021, с. 262]. В склепе № 56/1996 обнаружен бронзовый нательный крестик и сердоликовая гемма с изображением Херувима (рис. 202, 5-6) [Герцен, 2020а, с. 30–33]. Позднее, в рамках Четвертой фазы, сооружается склеп № 56/2000 с вырубленным над входом крестом (рис. 202, 7).

Наибольшее количество христианских символов обнаружено на Адым-Чокракском могильнике. Здесь найдены три крестика (рис. 202, 8–10). В Юго-Западном Крыму в ранневизантийский период нательные кресты не всегда были обязательным атрибутом христиан, из-за чего в погребениях они довольно редки [Хайрединова, 2007, с. 176–178]. Изображения крестов зафиксированы на геральдических бляшках в составе «воинского» поясного набора (рис. 202, 15). Христианская символика не является редкостью на деталях поясной гарнитуры, начиная с середины VI в. [Хайрединова, 2018, с. 214]. Вероятно, на медальонах со стеклянной вставкой (рис. 202, 13) было нанесено изображение портретов святых

или крестов [Хайрединова, 2016, с. 284, рис. 3, 4; 4, 5]. На одном из перстней изображена птица (голубь?), сидящая на ветке (рис. 202, 11). Такое изображение птицы, часто с веткой в клюве, в раннехристианской иконографии символизировало Святой Дух и обряд крещения [Душенко, 2022, с. 32]. На щитке цельнолитой пряжки из склепа № 2 изображен лев, идущий под звездой; такие символы ассоциировалось с Христом и оберегающей силой Господа [Хайрединова, 2016б, с. 74]. Изображения крестов встречались на перстнях в склепах Адым-Чокракского могильника (рис. 202, 12, 16-19), в одном случае – на Каралезском некрополе (рис. 202, 20). Население, оставившее Адым-Чокракский могильник, выглядит наиболее христианизированным, но это связано, скорее, с масштабами работ на различных могильниках. В рамках Третьей-Пятой фаз, вероятно, большая часть погребенных уже была христианами.

Анализ лепной керамики выявил наибольшее соответствие алмалыкским изделиям в комплексах IV в. могильников Курское, Дружное, Нейзац, Перевальное, а также в погребениях второй половины IV – первой половины V вв. могильников Красный Мак, Сувлу-Кая, Фронтное 3, Мангуш, Скалистое, Инкерманский, Лучистое. Причем, больше всего аналогий обнаруживается в Дружном и Нейзаце. Это может свидетельствовать об этнокультурной близости популяций, хоронивших на всех этих некрополях.

Таким образом, предположение И.Н. Храпунова о миграции отдельных групп населения Крымских предгорий внутри региона накануне гуннского вторжения, вследствие чего появляется Алмалыкский могильник, в целом подтверждается [Храпунов, 2016, с. 118–134; 2017, с. 55; 2019, с. 32–49; 2024, с. 78].

Архитектура наиболее ранних склепов группы А Алмалык-дере имеет особенности – длинные входные ямы со ступеньками. Довольно примечательная форма единственного склепа № 2/1996 типа А1 похожа на отдельные склепы второй половины IV – первой половины V вв. некоторых могильников Юго-Западного Крыма: Краснозорье [Неневоля, Волошинов, 2001, с. 146, рис. 1], Сувлу-Кая [Волошинов, Мясякин, 2021, рис. 3; Волошинов, Мясякин, 2019, с. 59–6], Инкерман [Веймарн, 1963, рис. 25; 27], Красный Мак [Лобода, 2002, рис. 3; 5; 7-8;

10], Суворово [Зайцев, 2003, рис. 4, 5–9], Совхоз–10 [Высотская, 1998, рис. 1, 3], Фронтное 3 [Свиридов, Язиков, 2019, рис. 6]. Конструкции, похожие на склепы типа А2 с более короткой входной ямой также встречаются на некоторых могильниках у северных склонов Внешней гряды Крымских гор – Отаркой, Ароматное (Розенталь) [Чуркин, Шкрибляк, 2017, рис. 4, 12] и Кара-Тау (по устному сообщению, Ю.П. Зайцева). Подобные сооружения обнаружены в Восточном Крыму на некрополе Нимфея [Грач, 1991, табл. 170-171; 173], в Джургу-Обе [Єрмолін, 2004, рис. 9, 10; 11] и в Керчи [Строков, 2019, с. 24, рис. 1, 1].

Близким является устройство входных ям у ряда склепов на сельских некрополях округа Боспора: Старожилово, Сююрташ и Сиреневая Бухта [Масленников, 1997, рис. 2-3; 10-11; 14; 20; 23; 32; 36; 39; 47]. По мнению А.А. Волошинова и В.В. Масыкина, это может быть связано с контактами местного населения и Боспора [Волошинов, Масыкин, 2021, с. 79]. На могильниках Фронтное 3 и Сувлу-Кая склепы с входными ямами, аналогичными конструкциям группы А на Алмалык-дере, появляются в последней четверти/конце IV в. [Свиридов, Язиков, 2020, с. 184; Волошинов, Масыкин, 2022, с. 153]. Судя по распространению таких сооружений (рис. 203), можно предположить, что накануне вторжения гуннов часть населения Боспора переселилась в Юго-Западный Крым. Эта популяция прошла вдоль северных склонов внешней гряды Крымских гор, миновав долину реки Салгир и некрополи типа Нейзац и Дружное, где уже хоронили в склепах несколько другой конструкции. Затем она расселилась в долинах рек Кача, Бельбек и Черная в юго-западной части Внутренней и Внешней гряд Крымских гор, концентрируясь ближе к Херсонесу. Часть мигрантов начала хоронить на уже существующих могильниках региона, в склепах с длинными входными ямами со ступеньками. Таким образом, появление носителей традиции сооружать склепы, подобные группе А, можно связывать с миграцией населения, в основном, алан. Первая волна миграций имела место около середины III вв., после чего в Юго-Западном Крыму распространяются склепы с короткими дромосами [Храпунов, 2018, с. 240], вторая произошла в конце IV в. с территории Боспорского царства и Северного Кавказа [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 25].

Таким образом, появление склепов с длинными входными ямами со ступеньками можно связать со второй миграцией алан, которая могла начаться в последней четверти IV в. В этом переселении принимали участие носители традиции сооружать курганы с ровиками, истоки которой зафиксированы в Подонье. Возможно, что в эти события также оказались вовлеченными представители населения, хоронившего на могильниках IV в. в Предгорном Крыму [Храпунов, 2016, с. 123, 127].

Население, которое начало хоронить в Алмалык-дере в позднеримское время, скорее всего, обладало уже единой материальной культурой, в которой использовались разные «этнические» компоненты. Вероятно, симбиоз произошел на месте прежнего обитания этой общины, в ареале Нейзацкой археологической культуры [Храпунов, 2019, с. 42–43], на ее позднем этапе [Храпунов, 2021, с. 87]. Очевидно, что это население сыграло большую роль в появлении новых некрополей Юго-Западного Крыма, в том числе округа Мангупа.

Алмалыкский могильник на заключительном этапе Второй фазы своей истории и даже позднее, в середине VI – VII вв., представляется как один из типичных гото-аланских некрополей области Дори в Юго-Западном Крыму, известной в византийских письменных источниках. Некрополь в Каралезской долине также можно включить в число этих памятников.

Население, основавшее могильники в рамках Третьей фазы на южной периферии Мангупа уже обладало иной погребальной культурой, идентичной совершавшим захоронения на других могильниках региона в эпоху раннего средневековья. Редкие элементы поясных наборов «салтовкого» облика у этих людей также были распространены, но это все-таки не является свидетельством серьезных этнических изменений. Можно лишь предположить, что в рамках Третьей-Пятой фаз население округа Мангупа, состоявшее из варваров-союзников Византии, несмотря на локальные отличия, уже было близким в этнокультурном смысле. Его этническая атрибуция, на сегодняшний день, может быть традиционно определена как гото-аланская.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании систематизированы результаты археологических исследований грунтовых могильников позднеантичного и раннесредневекового времени, расположенных в округе Мангупского городища. Четыре некрополя – Алмалыкский, Каралезский, Южно-Мангупский и Адым-Чокракский, впервые в историографии стали объектами комплексного изучения.

Археологические исследования перечисленных памятников ведутся с 80-х гг. XX в., но систематические их раскопки были начаты только в 1995 г. и продолжаются до настоящего времени. Большая часть выполненных работ носила охранно-спасательный характер из-за массового ограбления могильников во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. В процессе ограблений практически полностью уничтожены захоронения и стратиграфия погребальных сооружений. Таким образом, состояние источниковой базы значительно усложняет датировку, этнокультурную атрибуцию и реконструкцию погребального обряда.

На сегодняшний день, раннесредневековые некрополи Мангупского городища остаются слабо опубликованными археологическими объектами. Изданы лишь отдельные погребальные комплексы и часть отчетов об археологических исследованиях. В результате, многие вопросы их интерпретации нуждаются в детальном дополнительном изучении. В частности, вне внимания наших предшественников остались проблемы исторической топографии и особенностей архитектуры погребальных сооружений, а также связь рассматриваемых в диссертации памятников с историей и археологией Мангупской крепости.

В последние годы, благодаря археолого-топографическим исследованиям могильников округа Мангупа-Дороса, удалось установить их границы, а также провести пространственный анализ находок и погребальных конструкций. Некрополи располагались на пологих участках склонов Мангупского плато и прилегающих к нему горных массивов, где присутствовали горизонты плотной материковой глины, в которой вырубались погребальные комплексы. Анализ рельефа и геологических особенностей южного склона г. Мангуп, дополненный

анализом архитектуры погребальных сооружений и вещевого комплекса, позволил, в частности, объединить два расположенных рядом могильника Южный I и Южный II в единый некрополь – Южно-Мангупский.

Разработанная в диссертации классификация грунтовых склепов, основанная на архитектурных особенностях их входных ям и погребальных камер, позволила выделить среди них отдельные типы. На Алмалыкском могильнике удалось проследить сменяемость форм склепов на протяжении нескольких периодов его функционирования и на различных участках памятника. Наиболее ранние типы склепов конструктивно похожи на погребальные сооружения со ступенями во входных ямах, которые появляются на некрополях Предгорного и Горного Крыма IV в. в конце этого столетия. В диссертационной работе проведен анализ конструктивных особенностей уникальных для этого времени в Юго-Западном Крыму курганных комплексов. Зафиксированные вокруг них кольцевые ровики и форма подкурганных центральных погребений находят аналогии на территории Подонья и Северного Кавказа.

Наиболее поздние погребальные сооружения на всех могильниках Мангупского городища обладают общими чертами – короткими входными ямами и невысокими сводами погребальных камер. Более ранние типы склепов демонстрируют большее разнообразие внутренней архитектуры, заключающееся в наличии ступеней, подтреугольных ниш, полок, карнизов в камерах. Кроме этого, удалось зафиксировать эволюцию элементов архитектурного оформления погребальных камер в склепах различных типов.

Для более детального разделения времени функционирования могильников разработана хронологическая схема, включающая пять основных этапов (фаз). Она основана на выделении в пределах каждой фазы «опорных» археологических комплексов, вещевых хронологических индикаторов с надежной датировкой, которые синхронизируются с особенностями архитектуры погребальных сооружений и характерными чертами погребального обряда.

Первые две хронологические фазы связаны с докрепостным периодом в истории Мангупского городища и могильником Алмалык-дере.

В начале Первой фазы (последняя четверть IV – первая половина V вв.) в пределах нижней части северо-восточного склона Мангупского плато, сразу на большой площади, возникает Алмалыкский могильник. Археологический комплекс находок, представленный элементами костюма, краснолаковой понтийской керамикой, лепными и стеклянными сосудами, амфорами и предметами вооружения, находит многочисленные аналогии в более ранних могильниках на территории Крыма. Погребальные сооружения представлены склепами группы А в северной части некрополя и, в меньшей степени, группы В, а также подбойными могилами, могилами с заплечиками и курганами.

Вторая хронологическая фаза (вторая половина V – первая половина VI вв.) связана с распространением склепов группы В на территории Алмалык-дере и дальнейшим освоением южной части могильника. В погребальном комплексе краснолаковая керамика понтийского производства сменяется изделиями фокейской группы, элементы костюма также претерпевают изменения. Начинают появляться предметы гарнитуры византийского происхождения, в первую очередь, это касается поясных и обувных пряжек.

Третья фаза хронологии могильников округа Мангупского городища имеет самое непосредственное отношение к сооружению и раннему этапу функционирования во второй половине VI – начале VII вв. византийского укрепления на вершине Мангупского плато, возведенного около середины VI в. На Алмалыкском могильнике начинает активно осваиваться средний участок памятника, где сооружаются склепы новой группы С. К погребальным конструкциям этого периода также относится группа комплексов в южной части Каралезкого могильника, который, вероятно, возник еще в более раннее время. На южной периферии Мангупа в начале Третьей фазы появляется Южно-Мангупский могильник, немного позднее, в начале VII в. – некрополь Адым-Чокрак, расположенный в 600 м к югу от южного склона Мангупского плато. На территории Южно-Мангупского и Адым-Чокракского могильников вырубаются склепы групп D и E, конструктивно отличные от более ранних.

В рамках Четвертой фазы (VII – первая половина VIII вв.) продолжают функционировать все известные могильники округа Мангупского городища. Захоронения в основном совершаются в склепах групп D и E, как в возникших ранее, так и в новых. На территории Алмалык-дере продолжают хоронить на двух участках. Погребения второй половины VIII вв. здесь пока не обнаружены.

Погребальные сооружения Пятой фазы (вторая половина VIII – первая половина IX вв.) на данный момент выявлены только на Южно-Мангупском и Адым-Чокракском некрополях. В погребальном инвентаре, кроме типичных вещей византийского происхождения, фиксируются отдельные древности салтовского круга. Но они не носят массового характера, отражая изменения, скорее всего, в распространившейся в регионе моде на отдельные изделия и украшения, но не в этническом составе местного населения.

Среди погребенных на ранних этапах истории могильника Алмалык-дере фиксируется заметная прослойка варварской знати и воинского сословия, похороненных с элементами «княжеского» костюма и предметами вооружения. Этнокультурный состав этого населения, кроме аланского и значительно уступающего количественно германского компонентов, включал носителей традиции сооружать курганы с ровиками, которые, вероятно, были связаны с позднесарматскими племенами Подонья. Появление Алмалыкского могильника накануне гуннского вторжения в Крым, очевидно, связано с миграцией группы населения Подонья и, возможно, Центрального Предкавказья из-за угрозы им со стороны гуннов. Также в формировании общины, оставившей некрополь, приняли участие представители популяций, хоронивших в IV в. на могильниках типа Нейзац и Дружное, что подтверждается, в том числе, прямым заимствованием технологии изготовления и морфологии некоторых форм найденной на Алмалык-дере лепной керамики.

Строительство византийской крепости Дорос на Мангупском плато в конце правления императора Юстиниана I, вероятнее всего, в период 550-565 гг., вызвал приток населения в ее округу, в результате чего здесь появляются новые могильники – Южно-Мангупский и Адым-Чокракский. В это же время, в рамках

Третьей/Четвертой фаз, в погребениях на Алмалыкском могильнике фиксируются первые признаки христианизации жителей Мангупа-Дороса. Военская прослойка фиксируется по наличию «геральдических» поясных наборов, что предполагает службу части мужского населения в составе гарнизона византийской крепости.

В течении Третьей и Четвертой фаз на территории Мангупского городища фиксируются следы крупного поселения. Найденные здесь детали повседневного костюма, как женского, так и мужского, находят множество аналогий среди погребального инвентаря из могильников в округе крепости. Таким образом, часть жителей ранневизантийского поселения на Мангупе хоронило своих умерших в грунтовых могильниках, расположенных на периферии городища.

Зафиксировано явное отличие в погребальной практике на Алмалык-дере в сравнении с Южно-Мангупским и Адым-Чокракским некрополями. На последних выявлены многоярусные захоронения, в то время как на Алмалыкском могильнике, даже в его поздних склепах, количество погребений не превышало 5-6 человек. Эта черта погребального обряда в целом подтверждает гипотезу о приходе и расселении новых групп жителей в округе Мангупского городища в период Третьей фазы хронологии раннесредневековых некрополей памятника. Это население уже имело устоявшиеся традиции в архитектуре погребальных сооружений и в практике сооружения склепов определенных типов.

В ходе анализа материалов раскопок некрополей не зафиксирован разрыв в совершении погребений во второй половине VIII в. или значительное число находок салтовского круга, что можно было бы связать с хазарской экспансией в регион в это время. На Южно-Мангупском и Адым-Чокракском некрополях продолжали совершать захоронения как во второй половине VIII вв., так и первой половине IX в.

Завершение использования грунтовых варварских некрополей в округе Мангупа относится к концу Пятой хронологической фазы, то есть к началу – первой половине IX в. Это связано с трансформацией религиозных представлений и, соответственно, погребального обряда в результате распространения и укрепления христианского вероисповедания среди местного населения. Одновременно или,

скорее, несколько позже здесь же появляются первые христианские храмы с прихрамовыми некрополями. Примечательно, что, будучи построенными поблизости от уже заброшенных к этому времени варварских могильников, они никогда не перекрывали последние.

Таким образом, выделенные в процессе диссертационного исследования хронологические фазы развития могильников округа Мангупа-Дороса тесно связаны с его историей и археологией в докрепостной, ранневизантийский и хазарский периоды. Это позволяет значительно расширить источниковую базу будущих исследований, посвященных политическим, социально-экономическим и этнокультурным процессам, проходившим на территории Мангупского городища в эпоху раннего средневековья.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ – Античная древность и средние века

ВДИ – Вестник древней истории

ИАК – История и археология Крыма

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового
Крыма

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАР – Материалы и исследования по археологии России

НА ИАК РАН – Научный архив Института археологии Крыма РАН

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры

РА – Российская археология

РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории
материально культуры РАН

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа

НА МАЭ КФУ – Научный архив Мангупской археологической экспедиции
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

УЗ КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки – Ученые записки
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия
«Исторические науки»

ХСб. – Херсонесский сборник

ХК-95 – Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов
византийского Херсона. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 1995. 170 с.

RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**ИСТОЧНИКИ:**

1. Бабенчиков В.П. Веймарн Е.В. Отчет об углубленных археологических разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1948 г. (Веймарн Е.В.); 2) Отчет об археологической разведке на юго-западном склоне Чуфут-Кале в 1947 г. (В.П. Бабенчиков, Веймарн Е.В.); 3) Отчет о полевых разведочных работах в 1948 г. Бахчисарайского горного отряда Тавро-Скифской экспедиции Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. (Веймарн Е.В.). 1948 г. // НА ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 187. – 128 с.
2. Веймарн Е.В. Иллюстрации ко II части Отчета о работах археологической экспедиции в 1950 г. 1951 г. // НА ИА РАН. – Ф. 1. – Р. 1. – № 557б. – 67 с.
3. Веймарн Е.В. Отчет об археологических работах на средневековом городище Мангуп в 1967 г. 1968 г. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 23 с.
4. Герцен А.Г. Отчет о раскопках могильника на южном склоне горы Мангуп в 1989 г. Симферополь, 1990. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 39 с.
5. Герцен А.Г., Карлов С.В., Науменко В.Е., Черныш С.А. Отчет об археологических исследованиях Мангупа в 1995 г. Симферополь, 1996. // НА ИАК РАН. – Ф. О-1. – Оп. 1. – Д. 724. – 287 с.
6. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Карлов О.С., Черныш С.А. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1996 г. Симферополь, 1997. // НА ИАК РАН. – Ф. О-1. – Оп. 1. – Д. 842. – 181 с.
7. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1997 г. Симферополь, 1998 // НА ИАК РАН. – Ф. О-1. – Оп. 1. – Д. 845. – 117 с.
8. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1998 г. Симферополь, 1999. // НА ИАК РАН. – Ф. О-1. – Оп. 1. – Д. 890. – 338 с.
9. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1999 г. Симферополь, 2000. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 182 с.

10. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2001 г. Симферополь, 2002. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 389 с.
11. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2002 г. Симферополь, 2003. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 254 с.
12. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2003 г. Симферополь, 2004. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 325 с.
13. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2004 г. Симферополь, 2005. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 435 с.
14. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2005 г. Симферополь, 2006. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 506 с.
15. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2006 г. Симферополь, 2007. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 292 с.
16. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2007 г. Симферополь, 2008. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 236 с.
17. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2008 г. Симферополь, 2009. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 221 с.
18. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2011 г. Симферополь, 2012. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 91 с.
19. Герцен А.Г., Иванова О.С., Лукин С.В. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2012 г. Симферополь, 2013. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 19 с.

20. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2013 г. Симферополь, 2014. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 214 с.
21. Герцен А.Г. Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2018 г. Симферополь, 2019. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 334 с.
22. Герцен А.Г. Отчет об археологических раскопках 2019 г. на территории Мангупского городища. Симферополь, 2020. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 327 с.
23. Герцен А.Г. Отчет об археологических раскопках 2022 г. на территории Мангупского городища. Симферополь, 2023. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 192 с.
24. Репников Н.И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма. 1939/1940 гг. // РО НА ИИМК РАН. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 9/10. – 477 с.
25. Сидоренко В.А. Отчет о разведках в окрестностях Мангупа в 1982 г. Симферополь, 1983. // НА ИАК РАН. – Ф. О-1. – Оп. 1. – Д. 464. – 34 с.
26. Сидоренко В.А. Отчет об археологических исследованиях 1983 г. в окрестностях Мангупа. Симферополь, 1984. // Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины (г. Киев). – 38 с.
27. Сидоренко В.А. Отчет об археологических исследованиях окрестностях Мангупа в 1984 г. Симферополь, 1985. // НА ИАК РАН. – Ф. О-1. – Оп. 1. – Д. 402-402а. 64 с.
28. Сидоренко В.А. Полевые материалы работ Мангупского отряда в 1985 г. 1985а. // НА ИАК РАН. – Ф. О-1. – Оп. 1. – Д. 2196. – Л. 1-30.
29. Черныш С.А. Адым–Чокракский могильник. Полевой дневник. 1995 г. // НА МАЭ КФУ им. В.И. Вернадского. – 41 с.

ЛИТЕРАТУРА

30. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) / М.П. Абрамова. – М., 1993. – 240 с.

31. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв. н.э. / М.П. Абрамова. – М.: ИА РАН, 1997. – 167 с.
32. Айбабин А.И. Антропоморфная пряжка из Эски-Керменского могильника / А.И. Айбабин // СГЭ. – 1975. – Вып. XL. – С. 42–46.
33. Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма / А.И. Айбабин // СА. – 1977. – № 1. – С. 225–238.
34. Айбабин А.И. О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсонесе / А.И. Айбабин // СА. – 1982. – № 3. – С. 190–198.
35. Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму / А.И. Айбабин // Древности эпохи Великого переселения народов / отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. – М.: Наука, 1982а. – С. 165–192.
36. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VI вв. / А.И. Айбабин // Материалы к этнической истории Крыма VII в. д. н.э. – VII в. н.э. / ред. А.И. Айбабин, Т.Н. Высотская, В.М. Зубарь. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 164–199.
37. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени / А.И. Айбабин // МАИЭТ. – 1990. – Вып. I. – С. 3–86, 175–241.
38. Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен / А.И. Айбабин // МАИЭТ. – 1991. – Вып. II. – С. 43–51.
39. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X в. в Крыму / А.И. Айбабин // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 121–134.
40. Айбабин А.И. Основные проблемы этнической истории Крыма / А.И. Айбабин, А. Г. Герцен, И. Н. Храпунов // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 211–222.
41. Айбабин А.И. Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1992-1994 гг.) / А.И. Айбабин, В.Ю. Юрочкин // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / ред. сост. Ю.М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1995. – С. 125–135.
42. Айбабин А.И. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму / А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI. – С. 74–90.

43. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А.И. Айбабин. – Симферополь: ДАР, 1999. – 351 с.
44. Айбабин А.И. Крым в VII – IX веках. Хазарское господство. Степь и Юго–Западный Крым / А.И. Айбабин // Серия: Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII века. / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М.: Наука, 2003. – С. 9–87.
45. Айбабин А.И. Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму / А.И. Айбабин // МАИЭТ. – 2010. – Вып. XVI. – С. 214–236.
46. Айбабин А. И. О локализации области Дори / А.И. Айбабин // МАИЭТ. – 2015. – Вып. XX. – С. 311–332.
47. Айбабин А.И. Гунны в равнинном Крыму / А.И. Айбабин // Нижневолжский археологический вестник. – 2019. – Т. 18. (№ 2). – С. 47–61.
48. Айбабин А.И. Ранневизантийский и хазарский периоды эволюции городов на внутренней горной гряде Крыма / А.И. Айбабин // МАИЭТ. – 2021. – Вып. XXVI. – С. 475–497.
49. Айбабин А.И. К дискуссии об эпиграфических свидетельствах о деятельности Византии в Горном Крыму в VI веке / А.И. Айбабин // Вестник Волгоградского Государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021а. – Т. 26 (6). – С. 6–18.
50. Айбабин А. И. Миграции аланов и германцев в Равнинный и Горный Крым в конце I – III в. / А.И. Айбабин // КСИА. – 2022. – Вып. 268. – С. 32–45.
51. Айбабин А.И. Что возвели византийцы на плато Эски-Кермен: город или крепость / А.И. Айбабин // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2024. – С. 135–143.
52. Айбабин А.И. Могильник у с. Лучистое. Раскопки 1972, 1982– 1984 гг. Т.1. / А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова // Боспорские исследования. Supplementum 4. – Симферополь; Керчь, 2008. – 336 с.

53. Айбабин А.И. Могильник у с. Лучистое. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Т.2 / А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова // Боспорские исследования. Supplementum 14. – Симферополь; Керчь, 2014. – 398 с.
54. Айбабин А.И. Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.) / А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2017. – 366 с.
55. Айбабин А.И. Некрополь византийского Боспора. Раскопки 2007–2009 гг. в Босфорском переулке: коллективная монография / А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова, А.В. Смокотина, В.Ю. Радочин. – Симферополь: ООО «Антиква», 2023. – 500 с
56. Айбабина Е.А. Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш / Е.А. Айбабина // МАИЭТ. 1993. – Вып. III. – С. 118–121
57. Аксенов В.С. Новые раннесредневековые погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии // Древности-2010. Харьковский историко-археологический ежегодник. – 2010. – Вып. 9. – С. 166–177.
58. Аксенов В.С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца / В. С. Аксенов // Хазарский альманах. – 2014. – Т. 14. – С. 4–33.
59. Аксенов В.С. Новые погребения в дромосе на Верхне-Салтовском IV катакомбном могильнике / В. С. Аксенов // Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева / под. ред. С.И. Посохов, С.Б. Сорочан. – Харьков: ООО «НТМТ», 2015. – С. 12–15.
60. Алексеенко Н.А. Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона / Н.А. Алексеенко // АДСВ. – 2008. – Вып. 38. – С. 79–89.
61. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. II – IV вв. / А.К. Амброз // САИ. – 1966. – Вып. Д1-30. – 111 с.
62. Амброз А.К. Фибулы из раскопок Танаиса / А.К. Амброз // МИА. – 1969. – Вып. 154. – С. 248–272.
63. Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. / А.К. Амброз // Серия: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1981. – С. 10–23.

64. Амброз А.К. Юго–Западный Крым. Могильники IV – VII в. / А.К. Амброз // МАИЭТ. – 1994. – Вып IV. – С. 31–88.
65. Антипенко А.В. Особенности погребальной практики захоронений с конским снаряжением на могильнике Нейзац / А.В. Антипенко // X Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы: материалы научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 29-31 октября 20215) / отв. ред. А.В. Кияшко. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 86–89
66. Антипенко А.В. Исследование элементного состава металлических украшений из могильника Совхоз-10 / А.В. Антипенко, А.Ю. Лобода // – МАИЭТ. – 2020. – Вып. XXV. – С. 25-41.
67. Антипенко А. В. Химический состав сплава поясных гарнитур из могильников Совхоз-10 и Килен-Балка / А.В. Антипенко, С.А. Мульд // Минералы: строение, свойства, методы исследования: материалы XI Всероссийской молодежной научной конференции (Екатеринбург, 25-28 мая, 2020). – Екатеринбург: Институт геологии и геохимии УрО РАН, 2020. – С. 31-33.
68. Антипенко А.В. Сопоставление результатов изучения состава сплава монет херсонесской чеканки римского и византийского времени / А.В. Антипенко, В.Е. Науменко, И.А. Наухацкий, Е.М. Максимова, Т.Н. Смекалова // Геоархеология и археологическая минералогия: материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием имени В. В. Зайкова. – Челябинск: Издательство ЮУрГГПУ, 2020. – С. 198–202.
69. Антонова И. А. Средневековые амфоры Херсонеса / И.А. Антонова, В.Н. Даниленко, Л.П. Ивашута, В.И. Кадеев, А.И. Романчук // АДСВ. – 1971. – Вып. 7. – С. 81–101.
70. Арсеньева Т.М. Усадьбы Танаиса / Т.М. Арсеньева, С.А. Науменко. – М.: ИА РАН, 1992. – 231 с.
71. Бабенчиков В.П. Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму / В.П. Бабенчиков, Е.В. Веймарн, Т.Н. Высотская, В.К. Гарагуля, О.И. Домбровский, М.Г. Кустова, С.А. Секиринский, С.А. Фронжуло. – Симферополь: Издательство «Крым», 1966. – 192 с.

72. Бармина Н.И. Хронология Мангупской базилики / Н.И. Бармина // АДСВ. – 2005. – Вып. 36. – С. 307–318.
73. Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону / С.И. Безуглов, В.П. Копылов // СА. – 1989. – №3. – С. 171–183.
74. Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднееримской эпохи в Нижнедонских степях / С.И. Безуглов // МИАР № 10. Проблемы современной археологии. Памяти В.А. Башилова. – М.: Таус, 2008. – С. 284–301.
75. Белевец В. Могильник Брест-Тришин: 30 лет по окончании раскопок / В. Белевец // Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. I / уклад. М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2007. – С. 49–85.
76. Беречки Ц. Искусственная деформация черепа в Венгрии / Ц. Беречки, А. Марчек // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – 2006. – Вып. 5. – С. 96–114.
77. Борисова В.В. Могильник у высоты «Сахарная головка» // Херсонесский сборник. – 1959. – Вып. V. – С. 169–190.
78. Вакуленко Л.В. Українські Карпати в пізньоримський час (етнокультурні та соціально-економічні процеси). – Київ: ІА НАН України, 2010. – 304 с.
79. Веймарн Е.В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя / Е.В. Веймарн // МИА. – 1953. – № 34. – С. 419 – 429.
80. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкемана / Е.В. Веймарн // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1963. – Т. XIII. – С. 15–89.
81. Веймарн Е.В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия? / Е.В. Веймарн // АДСВ. – 1980. – Вып. 17. – С. 19–33.
82. Веймарн Е.В. Скалистинский могильник / Е.В. Веймарн, А.И. Айбабин. – К.: Наукова думка, 1993. – 206 с.
83. Вдовиченков Е.В. Социальная история сарматов Нижнего Подонья / Е.В. Вдовиченков. – М.: Аквилон, 2017. – 236 с.
84. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н.э. Дружное в Крыму / В.П. Власов // Сто лет Черняховской культуре / глав. ред. М.И. Гладких. – Киев, 1999. – С. 322–371.

85. Власов В.П. Лепная посуда IV – V вв. из могильников Центрального и Юго-Западного Крыма // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / отв. ред. А.В. Мاستыкова, Э.А. Хайрединова М., 2022. – С. 315–324.
86. Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия: материалы охранных археологических исследований. ИА РАН. Т.6. / К.В. Воронин, В.Ю. Малашев. – М.: ИА РАН, 2006. – 152 с.
87. Воронов Ю.Н. Могилы апсидов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977–1986 гг. / Воронов Ю.Н. – Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. – 348 с.
88. Володарець-Урбанович Я.В. Візантійська пряжка із с. Піски в Середньому Посуллі / Я.В. Володарець-Урбанович // Археологія і давня історія України. – 2023. – №4 (49). – С. 145–154.
89. Волошинов А.А. Раннесредневековый склеп на могильнике у с. Верхоречье Бахчисарайского района / А.А. Волошинов // МАИЭТ. – 2005. – Вып. XI. – С. 252–257.
90. Волошинов А.А. Германские элементы из некрополя Сувлу–Кая / А.А. Волошинов, В.В. Мясякин // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Керчь, 2016. – С. 119–126.
91. Волошинов А.А. Склепы особой конструкции как индикаторы связей населения Юго-Западного Крыма и Боспора в IV–V вв. н.э. / А.А. Волошинов, В.В. Мясякин // XXII Боспорские чтения». Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2021. – С. 76–85.
92. Волошинов А.А. Исследования могильника Сувлу–Кая III–V вв. н.э. в 2018 г. (г. Бахчисарай) / А.А. Волошинов, В.В. Мясякин, А.Е. Соломоненко // ИАК. – 2019. – Вып. XI. – С. 59–64.

93. Волошинов А.А. Могильник Сувлу-Кая III – первой половины V в в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря / А.А. Волошинов, В.В. Мясякин // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. – М.: ИА РАН, 2022. – С. 146–173.
94. Волошинов А.А. Склеп гуннского времени из могильника Сувлу-Кая (предварительная публикация) / А.А. Волошинов, В.В. Мясякин // ИАК. – 2023. – Вып. XVIII. – С. 212–227.
95. Ворошилова О.М. Пиксиды позднеантичной Фанагории / О.М. Ворошилова // ПИФК. – 2018. – Вып. 4. – С. 122–134.
96. Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднераклейских) узкогорлых амфор / С.Ю. Внуков // РА. – 2016. – №2. – С. 36–47.
97. Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии / Т.Н. Высотская // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI. – С. 256–273.
98. Высотская Т.Н. Погребальные сооружения и обряд погребений могильника «Совхоз №10» (Севастопольский) / Т.Н. Высотская // Stratum plus. – 2001-2002. – №4. – С. 270–277.
99. Габуев Т.А. Аланские погребения IV в. н.э. в Северной Осетии / Т.А. Габуев // СА. – 1985. – №2. – С. 197–204.
100. Габуев Т.А. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время / Т.А. Габуев // РА. – 1997. – №3. – С. 71–82.
101. Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников) / Т.А. Габуев. – Владикавказ: Иростон, 1999. – 148 с
102. Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у с. Брут в Северной Осетии / Т.А. Габуев. – Владикавказ: ИПП им. В. Гассиева, 2014. – 184 с.
103. Габуев Т.А. Социальная стратификация аланского населения городища Брут в Северной Осетии в IV–V в. н.э. / Т.А. Габуев. // Скифо-аланское наследие Кавказа / под ред. А.А. Туаллагова. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. – С. 75–87.

104. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа / Т.А. Габуев, В.Ю. Малашев // МИАР. Сер. 11. – М.: Таус, 2009. – 468 с.
105. Гаврилов А.В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму / А.В. Гаврилов // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V. – С. 111–113.
106. Гавритухин И.О. Пряжки с коробчатой петлей на юго–востоке Европы / И.О. Гавритухин // МАИЭТ. – 1995. – Вып. IV. – С.201–214.
107. Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) / И.О. Гавритухин // Хазары. Евреи и славяне. – Иерусалим: «Гешарим»; М.: «Мосты культуры», 2005. – Т. 16. – С. 378–426.
108. Гавритухин И.О. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово / И.О. Гавритухин // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеслав. мир. Вып. 16) / ред. А.М. Обломский. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 212–240.
109. Гавритухин И.О. Пряжки типа Сиракузы и северо-восточная зона их распространения / И.О. Гавритухин // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / под. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, – 2019. – С. 295-353.
110. Гавритухин И.О. О времени появления славян на территории Молдовы / И.О. Гавритухин, М.М. Казанский // Древности, Исследования. Проблемы: Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / под ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. – Кишинев; Тирасполь, 2018. – С. 333–354.
111. Гавритухин И.О. Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак) 1 / И.О. Гавритухин, А.Е. Астафьев, Е.С. Богданов // Поволжская археология. – 2019. – № 3 (29). – С. 170-189.
112. Герцен А. Г. Исследования оборонительной системы Мангупа // Археологические открытия. 1979 г. – М.: Наука, 1980. – С. 261–263.

113. Герцен А.Г. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа / А.Г. Герцен, В.А. Сидоренко // АДСВ. – 1988. – Вып. 24. – С. 120–135.
114. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа / А.Г. Герцен // МАИЭТ. – 1990а. – Вып. I. – С. 87–166.
115. Герцен А.Г. Новые раннехристианские памятники из некрополей Мангупа / А.Г. Герцен // Взаимоотношение религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность: тезисы докладов и сообщений III-й Международной Крымской конференции по религиоведению. – Севастополь, 2001а. – С. 11–13.
116. Герцен А.Г. Раннехристианские памятники из некрополей Мангупа / А.Г. Герцен // Культура и искусство христиан-негреков. Научная конференция памяти А.В. Банк: тезисы докладов. – СПб., 2001б. – С. 10–12.
117. Герцен А.Г., Алексенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп–Кале / А.Г. Герцен, Н.А. Алексенко // Материалы международной научной конференции, посвящённой 10-летию независимости Украины / отв. ред. В.Ф. Мещеряков. – Харьков, 2001. – С. 59–65.
118. Герцен А.Г. Хазары в Доросе–Мангупе // Хазарский Альманах. – 2002а. – Т. 1. – С. 29–34.
119. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу / А.Г. Герцен // АДСВ. – 2003а. – Вып. 34. – С. 94–102.
120. Герцен А.Г. Ранневизантийский Дорос по данным археологии // VII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Οἶκος»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько. – Керчь, 2006а. – С. 67–69.
121. Герцен А.Г. Раннехристианская гемма из Мангупа / А.Г. Герцен // Христианство в археологических и письменных источниках: материалы IX Международной научной конференции по церковной археологии / ред.-сост. В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. – Симферополь: ООО «Антиква», 2020а. – С. 30–33.

122. Герцен А.Г. Некрополи раннесредневекового Дороса-Мангупа (некоторые итоги комплексного историко-археологического и антропалеонтологического исследования) / А.Г. Герцен, Д.Ю. Пономарев // Гипнос, Танатос и Асклепий в культуре народов мира: гуманитарные и медицинские аспекты / отв. ред. С.О. Курьянов. – Симферополь, 2003. – С. 46-55.
123. Герцен А.Г. Археологические исследования Мангупа / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко, С.А. Черныш // Археологические исследования в Крыму. 1995 г. – Симферополь: Сонат, 2007. – С. 44–48.
124. Герцен А.Г., Манаев А.Ю. Демир-Капу (укрепление А. XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа / А.Г. Герцен, А.Ю. Манаев // МАИЭТ. – 2005. – Вып. XI. – С. 314-345.
125. Герцен А.Г. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно–географический контекст / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Керчь, 2015. – С. 88–100.
126. Герцен А.Г. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // VII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис: материалы науч. конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Симферополь, 2015. – С. 36–38.
127. Герцен А.Г. Население Дороса–Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.) / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко, Т.Ю. Шведчикова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 272 с.
128. Герцен А.Г. К изучению истории Мангупа VIII – XI вв. Состояние источниковой базы и перспективы исследований / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко // МАИЭТ. – 2018. – Вып. XXIII. – С. 615–640.

129. Герцен А.Г. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1967 г.», могильник Южный II / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко, А.А. Душенко, В.К. Ганцев, Д.В. Иожица, А.И. Набоков // ИАК. – 2019. – Вып. XI. – С. 79–90.
130. Герцен А.Г. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко, А.А. Душенко, В.К. Ганцев, Д.В. Иожица, А.И. Набоков // ИАК. – 2020. – Вып. XIII. – С. 111–128.
131. Герцен А.Г. Раскопки Мангупского городища в 2022 г. / А.Г. Герцен, В.Е. Науменко, А.А. Душенко, В.К. Ганцев, Д.В. Иожица, А.И. Набоков, Голев С.А., Новиков С.А., Петрова Д.А. // ИАК. – 2023. – Вып. XIX. – С. 76–93.
132. Гмыря Л.Б., Саидов В.А. Погребение с железным наконечником стрелы на Паласа-Сыртском курганном могильнике IV – V вв. / Л.Б. Гмыря, В.А. Саидов // Вестник Дагестанского научного центра. – 2014. – № 55. – С. 62–68.
133. Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса / Л.А. Голофаст // МАИЭТ. – 2001. – Вып. VIII. – С. 96–260.
134. Голофаст Л.А. Штампы V – VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища / Л.А. Голофаст // МАИЭТ. – 2002. – Вып. IX. – С. 135–216.
135. Грач Н.Л. Некрополь Нимфея / Н.Л. Грач. – СПб: Наука, 1999. – 328 с.
136. Гугуев Ю.К. О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры / Ю.К. Гугуев // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Вып.1 / отв. ред. Ю.К. Гугуев. – Ростов-на-Дону: Терра, 2000. – С. 141–155.
137. Гугуев В.К. Структура ритуала некрополей донских меотов (о роли сарматов в формировании населения городищ) / В.К. Гугуев // Вестник Танаиса. – 2017. – №4. – С. 128–148.
138. Гугуев В.К. Курганы на восточном участке некрополе Танаиса / Гугуев В.К. // Вестник Танаиса №5. Том 1. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. – С. 92–123.
139. Гудкова А.В. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная / А.В. Гудкова, Е.Ф. Редина // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. – 1999. – Вып. VII. – С. 177–199.

140. Дашевская О.Д. Третье захоронение гуннского времени на Беляусе / О.Д. Дашевская // РА. – 2003. – № 1. – С. 160–164.
141. Дзуцев Ф.С., Малашев В.Ю. Бесланский могильник – опорный памятник аланской культуры Северного Кавказа II–V вв. н.э. / Ф.С. Дзуцев, В.Ю. Малашев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – М.: Отечество, 2014. – С. 101–103.
142. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска / А.В. Дмитриев // СА. – 1979. – №4. – С. 212–247.
143. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо / А.В. Дмитриев // Древности эпохи Великого переселения народов / отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. – М.: Наука, 1982. – С. 69–107.
144. Домжальский К. Позднеримская и ранневизантийская краснолаковая керамика Тиритаки / К. Домжальский, А.В. Смокотина // МАИЭТ. – 2020. – Вып. XXV. – С. 188–223.
145. Душенко А.А. Предварительные результаты археологического исследования Верхореченского могильника в 2018 г. / А.А. Душенко, А.Ю. Манаев // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина / ред.-сост. Э. А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2019. – С. 44–48.
146. Душенко К.В. Символика голубя мира от античности до Нового времени / К.В. Душенко // Вестник культурологии. – 2022. – №4. – С. 26–52.
147. Ермолин А.Л. О клинковом оружии из погребения 16 Эпохи Великого переселения народов на могильнике Джурга-Оба в Восточном Крыму / А.Л. Ермолин, М.М. Казанский // КСИА. – 2021. – Вып. 263 – С. 235–252.
148. Журавлев Д.В. Позднеримская и ранневизантийская краснолаковая керамика с акрополя Пантикапея / Д.В. Журавлев, А.В. Смокотина // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / отв. ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2024. – С. 114–122.

149. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах / Ю.П. Зайцев // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. – Симферополь, 1997. – С. 102–116.
150. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. / Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 57–77.
151. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом / Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева // Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской / под. общ. ред. Ю.П. Зайцева, В.И. Мордвинцевой. – Симферополь: Универсум, 2007. – С. 61–99.
152. Зайцев Ю.П. Некрополи Крымского Барбарикума I–IV вв. н.э. / Ю.П. Зайцев // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. – М.: ИА РАН, 2022. – С. 92–112.
153. Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа / И.П. Засецкая. – СПб.: Аврора, 1975. – 80 с.
154. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. э / И.П. Засецкая // МАИЭТ. – 1993. – Вып. III. – С. 23–105.
155. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху / И.П. Засецкая. – СПб.: Эллипс ЛТД, 1994. – 224 с.
156. Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода / И.П. Засецкая // МАИЭТ. – 1998. – Вып. VI. – С. 394–478.
157. Засецкая И.П. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н.э. (из собрания Государственного Эрмитажа) / И.П. Засецкая // Боспорские исследования. – 2008. – Вып. XX. – С. 3–208.
158. Засецкая И.П., Периодизация материалов раннего этапа могильника Суук-Су / И.П. Засецкая, А.Г. Фурасьев // VIII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные

объекты»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2007. – С. 1–5.

159. Засецкая И.П. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху / И.П. Засецкая, М.М. Казанский, И.Р. Ахмедов, Р.С. Минасян Р.С. – СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2007. – 212 с.

160. Жилина Н.В. Лунничные серьги и колты средневекового Крыма (матрица из фондов ГАИМЗ «Херсонес Таврический») / Н.В. Жилина // МАИЭТ. – 2018. – Вып. XXIII. – С. 269–276.

161. Зинько Е.А. Боспорские склепы на северном склоне горы Митридат / Е.А. Зинько // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VII. – С. 69–79.

162. Зубар В.М. Склепы з нішами-лежанками з некрополя Херсонеса / В.М. Зубар // Археологія. – 1978. – Вип. 28. – С. 35–45.

163. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. / В.М. Зубарь – К.: Наукова думка, 1982. – 286 с.

164. Иванова О.С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) / О.С. Иванова // МАИЭТ. – 2009. – Вып. XV. – С. 26–88.

165. Иванова О.С. Краснолаковые сосуды открытого типа группы «Pontic Red Slip» из раскопок могильника в балке Алмалык-дере / О.С. Иванова // X Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2009а. – С. 195–202.

166. Иванова О.С. Краснолаковая керамика группы Late Roman C из раскопок могильника в балке Алмалык-дере / О.С. Иванова // Научная конференция «Terra Alustiana» – MMIX: сборник статей. (г. Алушта, 8–9 октября 2009 г.) – Симферополь, 2009б. – С. 10–22.

167. Иванова О.С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа / О.С. Иванова // МАИЭТ. – 2011. – Вып. XVII. – С. 266–327.

168. Иванова О.С. Торговые связи населения Мангупа и его округа в раннее средневековье (по амфорам из комплексов некрополя в балке Алмалык–дере, Мангуп) / О.С. Иванова // XII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько. – Керчь, 2011а. – С. 153–164.
169. Иванова О.С. Амфоры позднеимперского времени из раскопок Мангупа / О.С. Иванова /// Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) / отв. ред. И.Н. Храпунов. – 2013. – Вып. I. – С. 93–154.
170. Ивченко А.В. Подбойные погребения в дромосах земляных склепов некрополя Ольвии / А.В. Ивченко // Археологія і давня історія України. – 2015. – Вып. 1 (14). – С. 164–173.
171. Ильюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал / Л.С. Ильюков // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / отв. ред. Ю.К. Гугуев. – Ростов-на-Дону: Терра, 2000. – С. 100–140.
172. Иштванович Э. Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне / Э. Иштванович, В. Кульчар // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / науч. Ред. А.Г. Фурасьева. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. – С. 143–151.
173. Иштванович Э. Социальная стратификация варваров гуннского времени в свете новейших исследований в Венгрии: к проблеме «отдельных» или небольших групп погребений / Э. Иштванович, В. Кульчар // КСИА. – 2016. – Вып. 244. – С. 102–119.
174. Иштванович Э. В. Цикады в Верхнем Потисье / Э. Иштванович, В. Кульчар // История вещей – история и вещи. Раннеславянский мир. Вып. 20 / отв. ред. А.М. Обломский – М.: ИА РАН, 2020. – С. 89–96.
175. Иштванович Э. Об использовании фибул варварским населением крымских предгорий и Альфельда в римское время / Э. Иштванович, В. Кульчар, А.А. Стоянова // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. – М.: ИА РАН, 2022. – С. 239–246.

176. Казанский М.М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо / М.М. Казанский // Историко-археологический альманах. – 2000. – № 7. – С. 41–58.
177. Казанский М.М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в Эпоху Великого переселения народов / М.М. Казанский // Готы и Рим / ред. М. Е. Левада. – Киев, 2006. – С. 26–42.
178. Казанский М.М. Об искусственной деформации черепа у бургундов в эпоху Великого переселения народов / М.М. Казанский // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии / отв. ред. М.Б. Медникова. – М.: ИА РАН, 2006а. – Вып. 5. – С. 127–139.
179. Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в Эпоху переселения народов / М.М. Казанский // Stratum plus. – 2010. – №4. – С. 17–127.
180. Казанский М.М. Водные пути из Балтики к Черному морю и северные варвары в эпоху переселения народов / М.М. Казанский // Inter ambo maria. Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю: материалы Международной конференции (г. Гаспра, 3–7 октября 2012 г.) / ред. И.Н. Храпунов. – Симферополь, 2012. – С. 110–115.
181. Казанский М.М. Ранневизантийская пряжка из могильника Марвеле в Средней Литве / М.М. Казанский // Stratum plus. – 2013. – №5. – С. 163–173.
182. Казанский М.М. Погребения и «поминальники» воинских предводителей пост-гуннского времени в понтийских степях / М.М. Казанский // Relationes rerum – Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletér / М.М. Казанский. – Budapest, 2018. – S. 393–408.
183. Казанский М.М. Центры власти у гунно-болгар Причерноморья в постгуннское время / М.М. Казанский // МАИЭТ. – 2018а. – Вып. XXIII. – С. 100–119.
184. Казанский М.М. Хронологические индикаторы степных древностей постгуннского времени в Восточной Европе / М.М. Казанский // Нижневолжский археологический вестник. – 2019. – Т.18. – № 2. – С. 105–124.

185. Казанский М.М. Элементы конского снаряжения постгуннского времени на северном Кавказе и их параллели на окраинах степи / М.М. Казанский // История, археология и этнография Кавказа. – 2020. – Т. 16 (№ 2). – С. 353–375.
186. Казанский М.М. Эстии и Аттила: о контактах населения самбийско-натангийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время / М.М. Казанский // Археологические вести. – 2020а. – Вып. 27. – С. 131–152.
187. Казанский М.М. Морской Чулек — Шамси — Аржан Бугузун: миграции степных кочевников в постгуннское время и «княжеская» культура // *Stratum plus*. – 2020б. – №5. – С. 55–71.
188. Казанский М.М. Гунны на Боспоре Киммерийском / М.М. Казанский // Боспорские исследования. – 2021. – Вып. XLII. – С. 108–131.
189. Казанский М.М. Жертвоприношения коней в «княжеских» могилах поздней фазы Великого переселения народов на римско-германском Западе: восточные параллели / М.М. Казанский // *Stratum plus*. – 2021а. – №4. – С. 95–108.
190. Казанский М.М. Византийские «воинские» пояса в среднем Поднепровье (VI – VII вв.) / М.М. Казанский // Археологическое наследие. – 2021ь. – № 1(4). – С. 141–145.
191. Казанский М.М. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии: II–VII вв. / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2009. – Вып.11, №9(64) – С. 25–31.
192. Казанский М.М. Федераты и Империя: эволюция некрополя Цибилиум / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // II Абхазская Международная археологическая конференция: материалы конференции (8–12 ноября 2008 г.) / отв. ред. А.Ю. Скаков. – Сухум: АБИГИ АНА, 2011. – С.102–116.
193. Казанский М.М. Рец. на: Magdalena Maćzyńska, Alexandr Gercen, Olga Ivanova, Sergej Černyš, Sergej Lukin, Agnieszka Urbaniak, Jan Bemann, Katharina Schneider, Ireneusz Jakubczyk. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk– dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. Mainz: Verlag des Römisch– Germanischen

Zentralmuseums, 2016. 180 S., 387 Taf. / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // МАИЭТ. – 2017. – Вып. XXII. – С. 568–573.

194. Казанский М.М. Ранневизантийские пряжки на Кавказе (середина V - середина VI вв.) / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа @Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье»: материалы Международной научной конференции (г. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / отв. ред. У.Ю. Кочкаров. – Карачаевск, 2018. – С. 334–347.

195. Казанский М.М. Погребение римского времени в каменном круге на могильнике самбийско–натангийской культуры Шлакалькен–2 – Заостровье–2 / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // КСИА. – 2022. – Вып. 269. – С. 148–160.

196. Казанский М.М. О некоторых мотивах декора в стиле перегородчатой инкрустации на оружии и конском снаряжении Северного Причерноморья в эпоху Великого переселения народов / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // Боспорские исследования. – 2024. – Вып. XLVIII. – С. 182–205.

197. Казанский М.М. «Княжеская» культура оседлых варваров на северной границе Восточной Римской империи во второй половине V в. / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / отв. ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2024а. – С. 103–108.

198. Кишш А. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке / А. Кишш // Аланы: история и культура / отв. ред. В.Х. Тменов. – Владикавказ: СОИГИ. – 1995. – С. 79–100.

199. Ковалевская В.Б. Рец.: Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969. / В.Б. Ковалевская, Ю.А. Краснов, А.К. Амброз. – СА. – 1973. – № 2. – С. 280–298.

200. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки / В.Б. Ковалевская // САИ Е1–2. – М.: Наука, 1979. – 112 с.

201. Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) / А.В. Комар // *Vita antiqua*. – 1999. – №2. – С. 111–136.
202. Коробов Д.С. К вопросу о расселении аланских племен Северного Кавказа по данным археологии и письменным источникам / Д.С. Коробов // *РА*. – 2009. – №1. – С. 64–76.
203. Коробов Д.С. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика / Д.С. Коробов. – М.; СПб.: Нестор-История, 2019. – 156 с.
204. Коробов Д.С. Работы на Зильгинском городище и Бесланском могильнике: новые методы обследования / Д.С. Коробов, В.Ю. Малашев, Й. Фассбиндер // *Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию В.Б. Ковалевской* / под ред. З.Х. Албеговой, Д.С. Коробова, А.В. Мастыковой. – М.: ИА РАН; 2021. – С. 151–171.
205. Кропоткин В.В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму / В.В. Кропоткин // *КСИА*. – 1965. – Вып. 100. – С. 108–115.
206. Кропотков В.В. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу / В.В. Кропотков // *Археологія*. – 1998. – №4. – С. 128–134
207. Кропотков В.В. Фибулы из могильников Дружное и Нейзац / В.В. Кропотков // *Археологические вести*. – 2001. – Вып. 8. – С. 175–187
208. Кузнецов А.Г. Горный массив Мангуп как геологический памятник Украины / А.Г. Кузнецов // *УЗ КФУ им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. – 2022. – Т. 24(63), № 1. – С. 138–162.
209. Кульчар В. Некоторые характерные черты погребального обряда сарматов Карпатского бассейна / В. Кульчар // *Донские древности*. – 1997. – Вып. 5. – С. 126–133.
210. Кульчар В. Новые аспекты этнического определения сарматских погребений из Хевиздёрка / В. Кульчар // *Донская археология*. – 2000. – №1. – С. 64–71.
211. Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин / Ю.В. Кухаренко. – М.: Наука, 1980. – 128 с.

212. Ларенок В.А. Погребальные комплексы с ровиками (некрополь Кобяковского городища) / В.А. Ларенок // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. – 2016. – №4(2). – С. 1–26.
213. Левада М.Е. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье / М.Е. Левада // VII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в античности и средневековье. Οἴκος»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько. – Керчь, 2006. – С. 192–199.
214. Левада М.Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы / М.Е. Левада // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.) / отв. ред. И.Н. Храпунов. – 2013. – Вып. I. – С. 171–187.
215. Лобода И.И. Новые раннесредневековые могильники в Юго–Западном Крыму / И.И. Лобода // СА. – 1976. – №2. – С. 135–147.
216. Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983–1984 гг. / И.И. Лобода // МАИЭТ. – 2002. – Вып. XI. – С. 192–251.
217. Ломакин Д.А. «Русский проект». Советско-американская экспедиция 1933 г. на плато Эски-Кермен / Д.А. Ломакин // *Материалы Эски-Керменской экспедиции. Т. III. Археологические исследования и архивные материалы: сборник научных статей* / ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2023. – С. 111–349.
218. Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002) / А.В. Лысенко, В.Ю. Юрочкин // *О древностях южного берега Крыма и гор Таврических (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена)*. – Киев: Стилос, 2004. – С. 94–168.
219. Масленников А.А. Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков нашей эры / А.А. Масленников // СА. – 1982. – № 1. – С. 33–43.
220. Масленников А.А. Население Боспорского царства в первые века н.э. / А.А. Масленников. – М.: Наука, 1990. – 230 с.

221. Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Люблин, 2001. – 112 с.
222. Майко В.В. Византийские пряжки из Сугдеи / В.В. Майко, Э.А. Хайрединова // XII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Симферополь, 2020. – С. 175–182.
223. Уварова П.С. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / под ред. и с предисловием гр. Уваровой. Вып. 8: Могильники Северного Кавказа. – М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1900. – Вып. XII. – 381 с.
224. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница / В.Ю. Малашев // РА. – 2009. – № 1. – С. 47–52.
225. Малашев В.Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. / В.Ю. Малашев. – М.: ИА РАН, 2016. – 208 с.
226. Малашев В.Ю. Могильник «Экажевские 1–е курганы» – некрополь воинской элиты городища «Ачим-Боарз» / В.Ю. Малашев. – М.: Южный Издательский Дом, 2021. – С. 34–38.
227. Малашев В.Ю. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // В.Ю. Малашев, А.И. Торгоев // РА. – 2018. – № 4. – С. 36–52.
228. Малашев В.Ю. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. / В.Ю. Малашев, Р.Г. Магомедов, Ф.С. Дзуцев, Х.М. Мамаев, З.П. Кадзаева // История, археология и этнография Кавказа. – 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 439–460.
229. Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. / А.В. Мастыкова. – М.: ИА РАН., 2009. – 502 с.
230. Мастыкова А.В. Женский костюм черняховской культуры с двупластинчатыми фибулами / А.В. Мастыкова // Петербургский апокриф.

- Послание от Марка. Сборник посвящен памяти М.Б. Щукина / отв. ред. О.В. Шаров. – СПб.; Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2011. – С. 341–365.
231. Мастыкова А.В. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в Эпоху Великого переселения народов / А.В. Мастыкова // КСИА. – 2014. – Вып. 232. – С. 136–150.
232. Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона / А.В. Мастыкова // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». – 2016. – Вып. 6. – С. 241–254.
233. Мастыкова А.В. Хрустальная многогранная бусина с поселения Картамышево-3 и контакты Среднего Поднепровья с Северным Причерноморьем в VI–VII вв. / А.В. Мастыкова // Археологические вести. – 2020. – Вып. 28. – С. 272–288.
234. Мастыкова А.В. Золотые аппликации и трубочки–пронизи в престижном женском костюме в гуннское время / А.В. Мастыкова // Археологическое наследие. – 2021. – №1 (4). – С. 146–159.
235. Мастыкова А.В. Металлические зеркала с поселения Стаево / А.В. Мастыкова // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V — VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья: коллективная монография / отв. ред. А. М. Обломский. – М.; СПб.: Нестор-История, 2022. – С. 84–94, 436–442.
236. Мастыкова А.В. Ранневизантийские бусы поселения Эж-Жаузе (Ej-Jaouzé) в Ливане / А.В. Мастыкова // XII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис»: материалы Международной научной конференции (Севастополь – Балаклава, 5–9 июня 2023 г.) / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ АРИАЛ., 2023. – С. 195–202.
237. Мастыкова А.В. Золотые ожерелья гуннского времени типа Гранада-Альбайсин в Северном Причерноморье // КСИА. – 2024. – Вып. 274. – С. 196–216.
238. Михеев А.В. К методике определения границ территории объектов археологического наследия (на опыте работы МАРЭ) / А.В. Михеев // Поволжская археология. – 2017. – №1. (19). – С. 311–326.

239. Моисеев А.В. Поселение и могильник Ксизово-16 / А.В. Моисеев, И.А. Козмирчук, А.М. Обломский // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / отв. ред. А. М. Обломский. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 15–29.
240. Мошкова М.Г. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений / М.Г. Мошкова, В.Ю. Малашев // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья: сборник статей / отв. ред. А. С. Скрипкин. – Волгоград: ВолГУ, 1999. – С. 172–212.
241. Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма I–V вв. / С.А. Мульд // МАИЭТ. – 1996. – Вып. V. – С. 279–289, 541–548.
242. Мульд С.А. Конские погребения из могильников варварского населения Крыма первых веков н.э. / С.А. Мульд // X Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2009. – С. 300–303.
243. Мыц В.Л. Загородный храм на некрополе Мангупа / В.Л. Мыц // АДСВ. – 1984. – Вып. 21. – С. 55–66.
244. Мыц В.Л. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму / В.Л. Мыц, А.В. Лысенко, М.Б. Щукин, О.В. Шаров. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 208 с.
245. Набоков А.И. Раннесредневековый некрополь Южный II на южном склоне Мангупа: предварительные итоги и перспективы исследований // Новые исследования молодых археологов в Крыму. Материалы научной конференции (6–7 октября 2020 г., г. Симферополь) / науч. ред. И.Н. Храпунов. – Симферополь: Салта, 2020. – С. 55–63.
246. Набоков А.И. Склепы раннесредневековых могильников Мангупа: предварительная классификация / А.И. Набоков // УЗ КФУ им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2022. – Т. 8(74), № 3. – С. 104–137.
247. Набоков А.И. Адым-Чокракский могильник: проблематика и перспективы исследований / А.И. Набоков // Актуальные вопросы охраны и использования

- культурного наследия Крыма: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (г. Симферополь, 24-25 ноября 2023 г.) / ред.-сост. В.Е. Науменко, Т.А. Гогунская, Н. В. Кармазина. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – С. 78–86.
248. Набоков А.И. Архитектура грунтовых склепов второй половины VI–VIII вв. на раннесредневековых могильниках округа Мангупа / А.И. Набоков // XV Международный Византийский Семинар «ХЕРСНОС ТНЕМАТА: империя и полис: материалы Международной научной конференции (Севастополь – Балаклава, 5-9 июня 2023 г.) / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023а. – С. 203–214.
249. Набоков А.И. Курган с кромлехом и ровиком некрополя Алмалык-дере (Мангуп) / А.И. Набоков // КСИА. – 2023б. – Вып. 271. – С. 167–182.
250. Набоков А.И. Находки «всаднического облика» гуннского и постгуннского времени на Алмалыкском могильнике / А.И. Набоков // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время: материалы научной конференции (г. Симферополь, 10-12 октября 2023 г.) / отв. ред. Э.И. Сейдалиев. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023в. – С. 145–156.
251. Набоков А.И. Раннесредневековые могильники южной периферии Мангупского городища: основные результаты современных археолого-топографических исследований / А.И. Набоков // ИАК. – 2023г. – Вып. XX. – С. 182–203.
252. Набоков А.И. Стекланные сосуды из раскопок Алмалыкского могильника / А.И. Набоков // МАИЭТ. – 2023д. – Вып. XXVIII. – С.135–154.
253. Набоков А.И. Могилы с заплечиками Алмалыкского могильника / А.И. Набоков, С.А. Голев // УЗ КФУ им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2022. – Т. 8(74), № 3. – С. 138–162.
254. Науменко В.Е. К вопросу о датировке склепов с боевыми травмами могильника Южный II / В.Е. Науменко, А.А. Душенко // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы Междисциплинарной научной конференции / под общ. ред. А.Д. Петренко. – Симферополь, 2016. – С. 106–108.

255. Науменко В.Е. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) / В.Е. Науменко, Д.В. Иोजица, А.И. Набоков // Археология средневекового храма: материалы научной конференции / ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. – Севастополь, 2017. – С. 50–55.
256. Науменко В.Е. Амфоры «причерноморского типа» на территории средневековой Таврики и Кавказа: проблемы современной атрибуции и хронологии / В.Е. Науменко // XXXI Крупновские чтения «Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения»: материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции / отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала, 2020. – С. 399–401.
257. Науменко В.Е. Письменные и археологические источники о времени строительства византийской крепости на Мангупе / В.Е. Науменко // XXIV Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2023. – С. 224–233.
258. Науменко В.Е. К дискуссии о времени строительства византийской крепости на Мангупе / В.Е. Науменко // АДСВ. – 2023а. – Вып. 51. – С. 105–119.
259. Науменко В.Е. О печати византийского скрибона из раскопок Мангупа-Дороса. Историко-археологический комментарий / В.Е. Науменко // МАИЭТ. – 2023б. – Вып. XXVIII. – С. 510–518.
260. Науменко В.Е. Детали костюма ранневизантийского времени из раскопок Мангупского дворца / В.Е. Науменко, А.И. Набоков // XIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. – С. 201–210.
261. Науменко В.Е. Неопубликованные нумизматические материалы из раскопок раннесредневековых некрополей Мангупа: могильники Южный I, Южный II и

- Адым-Чокрак / В.Е. Науменко, А.И. Набоков, А.В. Якушечкин // VIII Международный Нумизматический Симпозиум «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка»: материалы научной конференции (Керчь, 2–6 октября 2021 г.) / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. – С. 163–172.
262. Науменко В.Е. Христианский Мангуп. современная источниковая база и основные этапы истории / В.Е. Науменко, А.Г. Герцен, Д.В. Иожица // МАИЭТ. – 2021. – Вып. XXVI. – С.255–281.
263. Науменко В.Е. Могильник Алмалык-дере Мангупского городища. Основные результаты археолого-топографических исследований 2020-2021 гг. / В.Е. Науменко, А.И. Набоков // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Симферополь, 9-10 декабря 2021 г.) / ред.-сост. В.Е. Науменко, Т. А. Гогунская, Н. В. Кармазина. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – С. 102–117.
264. Науменко В.Е. Византийские монеты из раскопок Мангупского дворца. Общий обзор коллекции / В.Е. Науменко, А.В. Якушечкин // IX Международный Нумизматический Симпозиум «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка»: материалы научной конференции (п. Черноморское, 4–8 сентября 2022 г.) / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – С. 167–182.
265. Науменко В.Е. Алмалыкский могильник в докрепостной (позднеримский) период истории Мангупского городища / В. Е. Науменко., А.Г. Герцен., А.И. Набоков // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / отв. ред. А.В. Мاستыкова, Э.А. Хайрединова. – М.: ИА РАН, 2022. – С. 183–194.
266. Науменко В.Е. О времени строительства византийской крепости на Мангупе. Существуют ли основания для возобновления дискуссии? / В.Е. Науменко, А.Г. Герцен // Византийский «круг земель» Orbis terrarum Byzantinus...: тезисы докладов XXIII-й Всероссийской сессии византинистов РФ / отв. ред. С.П. Карпов. – Симферополь, 2022. – С. 126–130.

267. Науменко В.Е. Дворцовый комплекс Мангупского городища: история изучения, стратиграфия, хронология / В.Е. Науменко, А.Г. Герцен, А.А. Душенко. – Симферополь: ООО «Антиква», 2023. – 500 с. (Труды Мангупской археологической экспедиции, том I).
268. Науменко В.Е., Ганцев В.Е. Коньковая шумящая подвеска финно-угорского круга из окрестностей Мангупского городища / В.Е. Науменко, В.Е. Ганцев // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / Отв. ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2024. – С. 153–160.
269. Неневоля И.И., Волошинов А.А. Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Краснозорье / И.И. Неневоля, А.А. Волошинов // Труды ГИМ: Поздние скифы Крыма. – М., 2001. – Вып. 118. – С. 141–146.
270. Нессель В.А. Графитто в виде креста на прямоугольной подставке на средневековой керамике из Херсонеса / В.А. Нессель // АДСВ. – 2002. – Вып. 39. – С. 242–250.
271. Нессель В.А. Основные группы краснолаковой керамики из могильника Нейзац (предварительный обзор) / В.А. Нессель // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / отв. ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2024. – С.65–70.
272. Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Г.Ф. Никитина // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. – М.: Наука, 1974. – С. 5–132.
273. Обломский А.М. Германские элементы в культуре Верхнего Подонья в гуннское время / А.М. Обломский // *The turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*, II. / ed. B. Niezabitowska-Wisniewska et alii. – Lublin: UMCS, 2008. – S. 213–240.
274. Омелькова Л.А. Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине / Л.А. Омелькова // АДСВ. – 1990. – Вып. 25. – С. 73–94.

275. Пежемский Д.В. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) / Пежемский Д.В. // РА. – 2000. – Вып. 4. – С. 64–75.
276. Перевозчикова С.А. Эволюция треугольников зерни в декоре украшений Верхнего Прикамья эпохи средневековья / С.А. Перевозчикова // Переходные эпохи в археологии / науч. ред. О.И. Васкул. – Сыктывкар, 2013. – С. 126–218.
277. Петраускас О.В. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) / О.В. Петраускас // Археологія і давня історія України. – 2010. – Вып. 2. – С. 191–207.
278. Пиоро И.С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеантичный период и раннее средневековье) / Пиоро И.С. – К.: Лыбидь, 1990. – 200 с.
279. Пищулина Н.О., Сорочан С.Б., Фомин М.В. Некрополь и кладбища Херсонеса – Херсона: материалы к исследованиям / Н.О. Пищулина, С.Б. Сорочан, М.В. Фомин // Нартекс. Byzantina Ucrainensia. – 2020. – Т. 7. – 494 с.
280. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
281. Прасолов Я.В. К вопросу о датировке арбалетовидных фибул с узкой длинной ножкой в Самбийско-нотангийской культуре / Я.В. Прасолов, К.Н. Скворцов // РА. – 2021. – № 2. – С. 91–107.
282. Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. / А.Е. Пуздровский // Проблемы истории и археологии Крыма / ред.-сост. Ю.М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 114–126.
283. Пуздровский А.Е. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике / А.Е. Пуздровский, Ю.П. Зайцев, И.И. Неневоля // Херсонесский сборник. – 1999. – Вып. 10. – С. 194–207.
284. Радочин В. Ю. Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое / В. Ю Радочин // МАИЭТ. – 2002. – Вып. IX. – С. 119–134.

285. Радюш О. О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами» / О. Радюш // *Stratum plus*. – 2014. – № 4. – Р. 231-248.
286. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов / Н.И. Репников // *Известия археологической комиссии*. – 1906. – Вып. 19. – С. 1–80.
287. Репников Н.П. Некоторые могильники области крымских готов / Н.И. Репников // *ЗООИД*. – 1907. – Вып. 37. – С. 99–129.
288. Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. / Н.И. Репников // *ИГАИМК*. – 1932. – Вып. XII. – С. 153–180.
289. Рогова Ю.К. К вопросу о христианских крестах на Боспоре / Ю.К. Рогова // *Погребальная культура Боспорского царства: материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова (1914-1998)* / ред.-сост. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 221–232.
290. Румянцева О.С. Оконное стекло с поселения Горзувиты и Мангупского городища в Крыму: химический состав, происхождение и хронология в историко-культурном контексте / О.С. Румянцева, А.В. Мастыкова, В.Е. Науменко // *Stratum plus*. – 2023. – №5. – С. 383–402.
291. Свиридов А.Н. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму / А.Н. Свиридов, С.В. Языков // *КСИА*. – 2019. – Вып. 255. – С. 185–201.
292. Свиридов А.Н. Грунтовые склепы могильника Фронтное 3 / А.Н. Свиридов, С.В. Языков // *Труды VI (XXII) Всероссийского Археологического съезда в Самаре. Т. II* / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. – Самара: СГСПУ, 2020. – С. 182–184.
293. Свиридов А.Н. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 1 / А.Н. Свиридов, С.В. Языков // *Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Часть 1* / отв. ред. И.О. Гавритухин, А.В. Мастыкова. – М.: ИА РАН, 2023. – 460 с.
294. Свиридов А.Н. Погребение конца I – начала II века со сложносоставным луком из могильника Фронтное 3 // *Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века: сборник статей памяти О.В. Шарова* / отв. ред. А.

- В. Мастыкова // Материалы спасательных археологических исследований. Т. 34. – М.: ИА РАН, 2024. – С. 142–151.
295. Селиверстова К.Н. Обстоятельства возникновения музея «Пещерных городов» в Бахчисарае / К.Н. Селиверстова // УЗ КФУ им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2017. – Т. 3(69), № 3. – С. 147–159.
296. Семенов И.Г. Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства Европейских гуннов / И.Г. Семенов // КСИА. – 2014. – Вып. 234. – С. 43–54.
297. Семенов И.Г. Культура северокавказских катакомбных погребений II – V веков: проблема этнической идентификации / И.Г. Семенов // Вестник Дагестанского научного центра. Исторические науки и археология. – 2017. – №66. – С. 41–58.
298. Сидоренко В.А. Исследования склонов горы Мангуп / В.А. Сидоренко // Археологические открытия. 1982 г. – М., 1984а. – С. 328–330.
299. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму / В.А. Сидоренко // МАИЭТ. – 1991. – Вып. II. – С. 105–118, 280–281.
300. Симоненко В.А. Сарматские погребения со рвами как исторический источник / В.А. Симоненко // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э): материалы Международной конференции (Кишинев, 10-14 декабря 1990 г.) / отв. ред. М.Т. Кашуба. – Киев, 1991. – С. 212–213.
301. Симоненко А.В. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья / А.В. Симоненко // Нижневолжский археологический вестник. – 2011. – Вып. 12. – С. 168–182.
302. Симоненко С.О. Сарматский курган 1 могильника Котловина I на левобережье Нижнего Дуная / С.О. Симоненко, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2022. – № 2. – С. 168–180.

303. Скрипкин А.С. Сарматы / А.С. Скрипкин. – Волгоград: Из-во ВолГУ, 2017. – 293 с.
304. Смирнов В.Ю. Кариес как социальный маркер (по материалам археологических исследований могильников Мангупа) / В.Ю. Смирнов // Гипнос, Танатос и Асклепий в культуре народов мира: гуманитарные и медицинские аспекты / отв. ред. С.О. Курьянов. – Симферополь, 2003. – С. 46–55.
305. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа / К.Ф. Смирнов // СА. – 1972. – № 1. – С. 73–81.
306. Смокотина А.В. Импорт краснолаковой керамики в г. Боспор в конце IV – первой половине VII вв. / А.В. Смокотина // Древности Боспора. – 2015. – Т. 19. – С. 312–339.
307. Смокотина А.В. Амфоры позднееримского и ранневизантийского времени / А.В. Смокотина // Зинько В.Н., Зинько А.В., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. III: Археологические комплексы второй половины III – VII вв. – Симферополь; Керчь: ООО «Прондо», 2020. – С. 509–618.
308. Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья / Н.П. Сорокина // СА. – 1971. – №4. – С. 85–101.
309. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») / С.Ф.Стржелецкий, Т.Н. Высотская, Л.А.Рыжова, Г.И. Жесткова // Stratum plus. – 2003–2004. – №4. – С. 27–277.
310. Субботин Л. П., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро–Дунайского междуречья. Курганные могильники Васильевский и Кубей / Л.П. Субботин, А.Н. Дзиговский. – Киев: ИА НАНУ, 1990. – 48 с.
311. Суханов Е.В. Лепная керамика могильника римского времени Фронтное 3 // Е.В. Суханов / Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3-х т. / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. – Самара: СГСПУ, 2020. – Т. II. – С. 19–20.

312. Суханов Е.В. Лепная керамика могильника римского времени Фронтное 3 (предварительная публикация) / Е.В. Суханов // МАИЭТ. – 2020а. – Вып. XXV. – С.66–89.
313. Суханов Е.В. Краснолаковая керамика конца I – первой половины III вв. из могильника Фронтное 3 (хронологический и планиграфический анализ) / Е.В. Суханов // *Stratum plus*. – 2021. – № 4. – С. 211–220.
314. Суханов Е.В. Первые результаты изучения технологии изготовления лепной керамики могильника Фронтное 3 / Е.В. Суханов // XXII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты»: материалы Международной научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2021а. – С. 398–401.
315. Суханов Е.В. Лепная керамика могильника Фронтное 3: некоторые итоги изучения / Е.В. Суханов // *Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей* / отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2024. – С. 50–55.
316. Станчу И. Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна / И. Станчу // *Stratum plus*. – 2015. – № 5. – С. 163–216.
317. Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996 - 2001 г.) / А.А. Стоянова // *Боспорские исследования*. – 2004. – Вып. V. – С. 263–319.
318. Стоянова А.А. Металеві підвіски у формі сокирок із Криму / А.А. Стоянова // *Археологія*. – 2005. – №2. – С. 47–55.
319. Стоянова А.А. Подвески из могильника Нейзац / А.А. Стоянова // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)* / отв. ред. И.Н. Храпунов. – 2016. – Т. II. – С. 122–165.
320. Схатум, Р.Б. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V-VII вв. / Р.Б. Схатум // *Магистериум. Сборник научных трудов аспирантов и студентов кафедры истории и музееведения КГУКИ*. – Краснодар, 2004. – Вып.2. – С. 41–47.

321. Строков А.А., Ременные гарнитуры гуннской эпохи азиатского Боспора / А.А. Строков // XXI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте»: материалы научной конференции / ред.-сост. В.Н. Зинько. – Симферополь; Керчь, 2009. – Вып. XXI. – С. 303–319.
322. Строков А.А. Склепы Боспора и камерные гробницы Восточного Средиземноморья в эпоху поздней античности / А.А. Строков // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы научной конференции / ред.-сост. Д.А. Костромичев. – Севастополь, 2019. – С. 244–428.
323. Тимохина Е.И. Роль гипогенного карста в геоморфогенезе Внутренней гряды Горного Крыма / Е.И. Тимохина, А.Б. Климчук, Г.Н. Амеличев // Спелеология и Карстология. – 2012. – №9. – С. 38–51.
324. Тощев Г.Н., Сапожников И.В. Курганная группа у станции Фрикацей / Г.Н. Тощев, И.В. Сапожников // Древности степного Причерноморья Крыма. – Запорожье: Коммунар, 1990. – С. 26–27.
325. Трейстер М.Ю. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н.э. – V в. н.э. (генезис и хронология основных типов / М.Ю. Трейстер // Погребальная культура Боспорского царства: материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова / ред. В.А. Хршановский. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 54–65.
326. Труфанов А.А. Металлические перстни из варварских погребений Крыма II в. до н.э. – IV в. н.э. / А.А. Труфанов // ИАК. – 2022. – Вып. XVI. – С. 121–197.
327. Труфанов А.А., Мордвинцева В.И. Военское погребение середины I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым) / А.А. Труфанов., В.Н. Мордвинцева // ПИФК. – 2016. – Вып. 2. – С. 196–212.
328. Турова Н.П. Симеизский склеп 1955 г. / Н.П. Турова // Археологический альманах, № 28. Древняя и средневековая Таврика. – 2012. – С. 171–184.
329. Турова Н.П. Полевые и историко-архивные материалы «Симеизского склепа 1955 г.» в фондах Ялтинского историко-литературного музея / Н.П. Турова // МАИЭТ. – Вып. XIX. – 2014. – С. 118–146.

330. Турова Н.П. Раннесредневековый могильник Алония на южном берегу Крыма (по материалам раскопок 1998, 2001, 2002 гг.) / Н.П. Турова, С.А. Черныш // МАИЭТ. – 2015. – Вып. XX. – С. 133–184.
331. Ушаков С.В. Об основных типах погребальных сооружений в Юго-Западном Крыму второй половины III – первой половины VI вв. / С.В. Ушаков // Херсонесский сборник. – 1999. – Вып. X. – С. 232 – 256.
332. Ушаков С.В. Этнические процессы в Юго-Западном Крыму эпохи Великого переселения народов (о проблемах методологии, сопоставительном анализе источников и некоторых итогах исследований) / С.В. Ушаков // Причерноморье. История, политика, культура. – Севастополь. – 2010. – Вып. III. – С. 66 – 81.
333. Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н.э.). Опыт реконструкции / С.В. Ушаков // Археологический альманах, №23. – 2010а. – 180 с.
334. Ушаков С.В. Об амфоре с «виллы Басилида» на хоре Херсонеса / С.В. Ушаков // Stratum plus. – 2015. – №4. – С. 293–298.
335. Ушаков С.В. Ранневизантийский Херсонес, Понт и Восточное Средиземноморье (по материалам краснолаковой керамики) / С.В. Ушаков // МАИАСК. – 2015а. – Вып. VII. – С. 59–70.
336. Ушаков С.В. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонес и могильника «Совхоз–10») / С.В. Ушаков, В.В. Дорошко, О.П. Дорошко // ИАК. – 2017. – Вып. VI. – С. 54–93.
337. Ушаков С.В. Новые склепы позднеантичного времени некрополя Херсонеса Таврического / С.В. Ушаков, А.М. Байбуртский, М.А. Матросов, Д.В. Стриженко, А.В. Игнатьева, В.С. Яновская // ИАК. – 2020. – Вып. 13. – С. 417–428.
338. Филиппенко А.А. О могильнике ВИР (Бельбек III) в Юго-Западном Крыму: новые данные / А.А. Филиппенко, М.И. Тюрин, С.В. Ушаков // Stratum plus. – 2016. – № 4. – С. 139–151.
339. Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.) / М.В. Фомин. – Харьков: Коллегиум, 2011. – 290 с.

340. Фомин М.В. Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса / М.В. Фомин // МАИАСК. – 2014. – Вып. 6. – С. 299–389.
341. Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал / А.М. Хазанов // СА. – 1963. – №4. – С. 58–71.
342. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов / А.М. Хазанов. – М.: Наука, 1971. – 172 с.
343. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками / Э.А. Хайрединова // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VII. – С. 91–133.
344. Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. / Э.А. Хайрединова // МАИЭТ. – 2002. – Вып. XI. – С. 53–118.
345. Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в VI – VII вв. / Э.А. Хайрединова // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней / ред. В.Л. Мыц. – Киев: Стилос, 2002а. – С. 34–47.
346. Хайрединова Э.А. Обувные наборы V – VII вв. из Юго-Западного Крыма / Э.А. Хайрединова // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 125–160.
347. Хайрединова Э. А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма / Э.А. Хайрединова. // МАИЭТ. – 2007. – Вып XIII. – С. 151–182.
348. Хайрединова Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов / Э.А. Хайрединова // МАИЭТ. – 2008. – Вып XIV. – С. 161–183.
349. Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006-2008 гг. / Э.А. Хайрединова // МАИЭТ. – 2010. – Вып. XVI. – С. 140–213.
350. Хайрединова Э.А. Индивидуальные предметы христианского культа раннесредневекового времени из Юго-Западного Крыма / Э.А. Хайрединова // Сходознавство. – 2013. – № 64. – С. 160–170.
351. Хайрединова Э.А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое / Э.А. Хайрединова // МАИЭТ. – 2013а. – Вып. XVIII. – С. 187–216.
352. Хайрединова Э.А. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма / Э.А. Хайрединова // МАИЭТ. – 2015. – Вып. XX. – С. 95–132.

353. Хайрединова Э.А. Ожерелья с крестами последней четверти VI – VII в. из некрополя Эски-Кермена / Э.А. Хайрединова // Владимирский сборник: материалы Международных научных конференций «I и II Свято–Владимирские чтения» / отв. ред. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева. – Калининград: Рос–Доафк, 2016. – С. 280–299.
354. Хайрединова Э.А. Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи / Э.А. Хайрединова // Боспорские исследования. – 2016а. – Т. XXXIII. – С. 242–265.
355. Хайрединова Э.А. Византийские цельнолитые пряжки–апотропеи второй половины VII в. из Крыма / Э.А. Хайрединова // АДСВ. – 2016б. – Вып 44. – С. 60–86.
356. Хайрединова Э.А. Детское погребение первой половины VII в. с пальчатыми фибулами днепровского круга из могильника у села Лучистое в Юго-Западном Крыму / Э.А. Хайрединова // КСИА. – 2017. – Вып. 248. – С. 232–248.
357. Хайрединова Э.А. Парадный убор жительницы раннесредневекового Дороса (по находкам из Тешкли-бурунского клада Мангупского городища) / Э.А. Хайрединова // МАИЭТ. – 2017а. – Вып. XII. – С. 62–88.
358. Хайрединова Э.А. Геральдический поясной набор с христианской символикой второй половины VI в. из могильника у с. Лучистое / Э.А. Хайрединова // МАИЭТ. – 2018. – Вып. XXIII. – С. 207–232.
359. Хайрединова Э. А. Византийские перстни с надписью «ΦΩΣ ΖΩΗ» из погребений крымских готов / Э.А. Хайрединова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018а. – Т. 23 (5). – С. 88–104.
360. Хайрединова Э.А. Перстни с изображением креста второй половины VI–VII в. из Юго-Западного Крыма / Э.А. Хайрединова // АДСВ. – 2019. – Вып. 47. – С. 89–109.
361. Хайрединова Э.А. Серьги-калачики из Крыма // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций: сборник статей в честь 70-летия Михаила Казанского / отв. ред.: А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2023. – С. 210–218.

362. Хайрединова Э.А. Костюм городского населения Боспора в конце VI – первой половине VIII в. по находкам из некрополя в Босфорском переулке // Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., Смокотина А.В., Радочин В.Ю. Некрополь византийского Боспора. Раскопки 2007–2009 гг. в Босфорском переулке: коллективная монография. – Симферополь: ООО «Антиква», 2023а. – С. 63–104.
363. Храпунов И.Н. Три подбойные могилы IV в. н. э. из некрополя Дружное / И.Н. Храпунов // МАИЭТ. – 2000. – Вып. VII. – С. 51–64.
364. Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. н. э.) / И.Н. Храпунов. – Люблин: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. – 313 с.
365. Храпунов И. Н. Сарматизация предгорного Крыма (до середины III в. н. э.) / И.Н. Храпунов // МАИЭТ. – 2003. – Вып. X. – С. 38–56.
366. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. / И.Н. Храпунов // БИ. – 2004. – Вып. VI. – 239 с.
367. Храпунов И.Н. Погребение воина IV в. н. э. из могильника Нейзац / И.Н. Храпунов // Готы и Рим: сборник научных статей / глав. ред. Р.В. Терпиловский. – Киев: ИД «Стилос», 2006. – С. 42–51.
368. Храпунов И.Н. Склеп IV в. н.э. из могильника Нейзац / И.Н. Храпунов // ПИФК. – 2008. – №21. – С. 356–302.
369. Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / под ред. И.Н. Храпунова. – Симферополь: Издательство «Доля», 2011. – С. 13–113.
370. Храпунов И.Н. Население горного Крыма в позднеримское время / И.Н. Храпунов // ВДИ. – 2016. – №1(76). – С. 118–134.
371. Храпунов И. Н. Исследования могильника Нейзац в 2011–2015 гг. / И.Н. Храпунов // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.) / отв. ред. И.Н. Храпунов. – 2016а. – Т. II. – С. 11–36.
372. Храпунов И.Н. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац / И.Н. Храпунов // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.) / отв. ред. И.Н. Храпунов. – 2016б. – Т. II. – С. 97–121.

373. Храпунов. И.Н. О времени и обстоятельствах появления поселения на горе Мангуп–Кале / И.Н. Храпунов // МАИЭТ. – 2017. – Вып. XXII. – С. 54–61.
374. Храпунов И. Н. Еще один германский след в Крыму / И.Н. Храпунов // *Stratum plus*. – 2017а. – №4. – С. 135–139.
375. Храпунов И. Н. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе / И.Н. Храпунов // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) / отв. ред. И.Н. Храпунов. – 2018. – Вып. IV. – С. 135–145.
376. Храпунов И.Н. Археологическая культура позднееримского времени в предгорном Крыму / И.Н. Храпунов // РА. – 2019. – №1. – С. 32–49.
377. Храпунов И. Н. Склеп с монетами III в. н. э. из могильника Опушки / И.Н. Храпунов // Нижневолжский археологический вестник. – 2020. – Т. 19. (2) – С. 247–278.
378. Храпунов И.Н. Инновации IV в. н.э. в культуре населения Крымских предгорий / И.Н. Храпунов // ПИФК. – 2021. – Вып. 3. – С. 80–91.
379. Храпунов И.Н. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы / И.Н. Храпунов // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) / отв. ред. И.Н. Храпунов. – 2021а. – Вып. VII. – С. 235–259.
380. Храпунов И.Н. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднееримского времени / И.Н. Храпунов, А.А. Стоянова // КСИА. – 2014. – Вып. 234. – С. 176–199.
381. Храпунов И.Н. Погребения Эпохи переселения народов в могильнике Нейзац / И.Н. Храпунов, М.М Казанский // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. - IV в. н. э.) / отв. ред. И.Н. Храпунов. – 2016. – Вып. II. – С. 194–199.
382. Храпунов И.Н. Оружие сарматского времени в Крыму и в Альфельде / И.Н. Храпунов, В. Кульчар, Э. Иштванович, А.А. Стоянова // МАИЭТ. – 2020. – Вып. XX. – С. 5–24.
383. Храпунов И.Н. Крымские варвары во время рождения Империи / И.Н. Храпунов, А.А. Стоянова // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи: сборник статей / отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь: ООО «Антиква», 2024. – С. 75–81.

384. Чуркин А.С., Шкрибляк И.И. Новые позднеантичные некрополи в Центральном Крыму / А.С. Чуркин, И.И. Шкрибляк // *Stratum plus*. – 2017. – № 4. – С. 265–293.
385. Черныш С.А. Катакомбы с изображением крестов раннесредневековых некрополей Мангупа / С.А. Черныш // *Христианство на Южном Берегу Крыма: к 2000-летию христианства: сборник Крымской научно-практической конференции*. – Ялта, 2002. – С. 70-71
386. Шабанов С.Б. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) / С.Б. Шабанов // *МАИЭТ*. – 2011. – Вып. XVII. – С. 141–191.
387. Шабанов С.Б. Сармато-германские контакты в предгорном Крыму в позднеримское время (по материалам стеклянной посуды) / С.Б. Шабанов // *ПИФК*. – 2015. – Вып. 3 (49). – С. 213–230.
388. Шабанов С.Б. Стеклянные сосуды римского времени из могильника Опушки в Крыму (по материалам раскопок 2003–2019 гг.) / С.Б. Шабанов // *ПИФК*. – 2020. – Вып. 2 (68). – С. 110–134.
389. Шабанов С.Б. Стеклянные сосуды с каплями синего стекла из предгорного Крыма / С.Б. Шабанов // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.)* / отв. ред. И.Н. Храпунов. – 2023. – Вып. IX. – С. 234–250.
390. Шаров О.В. Юго-Западный Крым в позднеримскую эпоху: от «готских» походов до «гуннского» нашествия / О.В. Шаров // *XVII Лазаревские чтения. «Причерноморье: история, политика, география, культура»: материалы Международной научной конференции (2–4 октября 2019 года, г. Севастополь)* / под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, А.В. Мартынкина, С.В. Ушакова, С.И. Рубцовой. – Севастополь, 2019. – С. 22–26.
391. Шелов Д. Б. Волго-Донские степи в гуннское время / Д.Б. Шелов // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы* / отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. – М.: Наука, 1978. – С. 81–88.
392. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология / Д.Б. Шелов // *КСИА*. – 1978. – Вып. 156. – С. 16–21.

393. Шиманский П. Курганный могильник судавской культуры в Червонным Дворе возле Голдапа / П. Шиманский // *Germania – Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов.* – Калининград: Янтарный сказ, 2008. – С. 166–179.
394. Щукин М.Б. Вопросы хронологии Черняховской культуры и находки амфор // *СА.* – 1968. – № 2. – С. 41–51
395. Щукин М.Б. Готский путь (Готы, Рим и черняховская культура) / М.Б. Щукин. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. – 576 с.
396. Щукин М.Б. К проблеме финала черняховской культуры / М.Б. Щукин, О.В. Шаров // *Stratum plus.* – Археология и культурная антропология. 2000. – №4. – С. 369–383.
397. Яшная О.С. Тонкостенные красноглиняные сосуды с большим содержанием слюды из раскопок Мангуп-Кале (Юго-Западный Крым) / О.С. Яшная // *Stratum plus.* – 2018. – №4. – С. 281–294.
398. Яшна О.С. Амфори з рифленням тулубу типу «набігаюча хвиля» з розкопок Мангуп–Кале (південнозахідний Крим) / О.С. Яшна // *Історична пам'ять.* – 2018а. – № 2 (39). – С. 8–22.
399. Яшна О.С. Торговельні контакти населення Мангуп–Кале в V ст. за матеріалами амфор та червонолакової кераміки / О.С. Яшна // *EMINAK.* – 2019. – №3 (27). – С. 47–59.
400. Юрочкин В.Ю. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма / В.Ю. Юрочкин // *Херсонесский сборник.* – 1999. – Вып. X. – С. 257–274.
401. Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения Креста Господня / В.Ю. Юрочкин // *Православные древности Таврики: сборник материалов по церковной археологии* / ред.-сост. В.Ю. Юрочкин. – К.: Стилос, 2002. – С. 21–50.
402. Єрмолін О. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керчь) в. 2003 р. / О. Єрмолін // *Дрогобицький краєзнавчий збірник.* – Дрогобич, 2004. – С. 11–44.
403. Aibabin A. Les ensembles clos de la phase initiale de la nécropole de Loutchistoe en Crimée / A. Aibabin, E. Khairedinova // *L'Occident romain et l'Europe centrale au*

- début de l'époque des Grandes Migrations / Eds. J. Tejral, Ch. Pilet, M. Kazanski. – Brno: Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky. – Brno, 1999. – P. 275–308.
404. Ajbabin A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit / A. Aibabin. – Mainz, RGZM, 2011. – 318 s.
405. Arsen'eva T.M. Late Roman red slip pottery from Tanais / T.M Arsen'eva, K. Domžalski // *Eurasia Antiqua*. – 2002. – Vol. 8. – P. 15–491.
406. Almgren O. Studien über Nordeuropäische Fibelformen der Ersten Nachchristlichen Jahrhunderte Stockholm / O. Almgren. – Stockholm: Druck von I. Haeggström, 1897. – 243 s.
407. Barkóczy L. Pannonische gläsfunde in Ungarn / L. Barkóczy // *Studia archaeologica*. – 1988. – Vol. IX. – 223 s.
408. Bemmann J. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym– Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup – EinVorbericht / J/ J. Bemmann, K. Schneider, A. Gercen, S. Cernys, M. Mączynska, A. Urbaniak, U. von Freden. // *Die Höhengsiedlungenimbergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzanti– nischen Rieches*. – Mainz: Verlag RGZM, 2013. – S. 147–166.
409. Bemmann J. Die frühmittelalterlichen gräberfelder von Adym–cokrak, Juznyj I und Juznyj II am fusse des Mangup / J. Bemmann, K. Schneider, A. Gercen, S. Cernys, M. Mączynska, A. Urbaniak, U. von Freden. – Mainz: RZGM, – 2013a. – 98 s.
410. Curta F. Critical Remarks on the Sucidava Class / F. Curta // *Archaeologia Bulgarica*. – 2020.– XXV (3). – P. 57–118.
411. Cieśliński A., Kopce kultury wielbarskiej z Mazowsza i Podlasia a tzw. typ rostołcki – próba nowego spojrzenia na związki cmentarzysk kurhanowych z północnej i wschodniej Polski / A. Cieśliński // *Wiadomości Archeologiczne*. – 2014. – Tom (Vol.) LXV. – S. 45-98.
412. Chajredinova E. A. Fingerringe mit christlicher Symbolik der zweiten Hälfte des 6. und 7. Jhs. von der Krim // *Mitteilungen zur christlichen archäologie*. – 2019. – Band 25. – S. 89–124.

413. Domzalski K. Pontic red slip ware typology, chronology and distribution of a major group of late roman fine pottery in the Black Sea region / K. Domzalski. – Warsaw, 2021. – 222 s.
414. Eger C. Byzantine dress accessories in North Africa: koiné and regionality / C. Eger // *Intelligible Beauty. Recent research on Byzantine Jewellery.* – London, 2010. – P. 133–140.
415. Eger C. Byzantinische gürtelschnallen aus Nordafrika Eggers H.J. ein typologischer überblick / C. Eger // *Ephemeris Napocensis.* – 2010a. – Vol. XX. – S. 129–168.
416. Eggers H.J. Der römische Import in freien Germanien / H.J. Eggers. – Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1951. – 212 p.
417. Garam È. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts / È. Garam // *Monumenta Avarorum Archaeologica №5.* – Budapest, 2001. – 432 s.
418. Gertsen A. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk–dere bei Mangup auf der Krim / A. Gertsen, M. Maczyńska // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel–und Osteuropa.* – Łódź, 2000. S. 522–544.
419. Gercen A. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk–dere am Fuss des Mangup – plateaus / A. Gercen, M. Maczynska, S. Černýč, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemman, K. Schneider, I. Jakubczuk // *Die Höhengiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches.* – Mainz: Verlag RZGM, 2013. – S. 125–141.
420. Gertsen A. "A vault with a Byzantine seal in the cemetery of Almalyk (Mangup)" / A. Gertsen // *In Byzantine and Rus' Seals: proceeding of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography (Kyiv, Ukraine, 13-16 September 2013).* Ed. H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt. – Kyiv, 2015. – P. 25–33.
421. Heinrich-Tamáška O. Byzantinische halbmondförmige Ohringe aus der Sammlung Otto von Hessen in der Archäologischen Staatssammlung / O. Heinrich-

- Tamáska, A. Blay, V. Barrater // *Bayerische Vorgeschichtsblätter*. – 2021. – № 86. – S. 135–229
422. Herzen A.G. Tesoro di Teškliburun, scavi di Mangup / A.G. Herzen // *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*. – Milano: Electa, 1995. – P. 196–197.
423. Hayes J. W. *Late Roman Pottery* / J.W. Hayes. – London: British School at Rome, 1972. – 478 p.
424. Isings C. *Roman Glass from Dated Finds* / C. Isings. – Groningen–Djakarta: Wolters, 1957. – 185 p
425. Ivanišević V., Kazanski M. Nouvelle nécropole des Grandes Migrations de Singidunum / V. Ivanišević, M. Kazanski // *Starinar*. – 2007. – Vol. 57. – P. 113–135.
426. Jacobi F. Eski-Kermen, Almalyk und Lučistoe – bioarchäologie auf der Krim / F. Jacobi, M. Stecher, S. Zesch, V. Radochin, K. Alt // *Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches*. – Mainz: Verlag RGZM, 2013. – S. 335–359.
427. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles. / M. Kazanski // *Archéologie Médiévale*. – 1994. – Vol. XXIV. – P. 137–198.
428. Kazanski M. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium (VIIe av. J.-C.–VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). / M. Kazanski, A. Mastykova. L'étude du site. John and Erica Hedges Ltd. *British Archaeological Reports*. – Oxford. – 2007. – Vol. 2. – 164 p.
429. Khrapunov I., Stoyanova A. Fibulae in the cemetery of Nejzac / I. Khrapunov, A. Stoyanova // *Studia barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. – Lublin, 2018. – Tom I. – P. 456-479.
430. Kontny B. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich i początkach okresu wędrówek ludów / B. Kontny // *Wandalowie. Strażnicy bursztynowego szlaku*. – Lublin–Warszawa, 2004. – S. 153–161.
431. Kulcsár V.A. Kárpát–medencei szarmaták temetkezési szokásai / V.A. Kulcsár. – Aszód, 1998. – 190 p.
432. Lightfoot C.S. *The Cesnola Collection of Cypriot Art - Ancient Glass* / Lightfoot C.S. – New York: The Metropolitan Museum of Art, 2017. – 350 p.

433. Mączyńska M. Trzy fi bule cykadowate z kręgu bałtyjskiego / M. Mączyńska // *Bałtowie i ich sąsiedzi: Marian Kaczyński in memoriam Seminarium Bałtyjskie (T. 2)* / Red. Anna Bitner-Wróblewska, Grażyna Iwanowska. – Warszawa, 2009. – P. 393–404;
434. Mączyńska M. The Early Mediaeval Cemetery of Almalyk– Dere near the Foot of Mangup / M. Maczynska, J. Urbaniak, I. Jakubczuk // *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period.* – Kristiansand, Simferopol, 2011. – P. 154–175.
435. Mączyńska M. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk–dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim / M. Maczynska, A. Gercen, O. Ivanova, S. Černýč, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemman, K. Schneider, I. Jakubczuk. – Mainz: Verlag RGZM, 2016. – 205 s.
436. Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen: der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / R. Madyda-Legutko. – Oxford: British Archaeological Reports, 1986. – 233 s.
437. Mazanek D. Preliminary Typology of Glass Vessels from the So-called Hellenistic House, Explored by the Polish Archaeological Mission in Nea Paphos (Cyprus) // *Études et Travaux.* – 2014. – Vol. 17. – P. 279–321.
438. Masyakin V. Die Nekropole von Suvlu-Kaja / V. Masyakin, A. Voloshinov, I. Nenevolja // *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer.* – Bonn, 1993. – S. 372–379.
439. Myzgin K. Late Roman Period gold foil pendants stamped with anthropomorphic and zoomorphic ornaments found in the Barbaricum / K. Myzgin // *Gold foil figures in focus. A Scandinavian find group and related objects and images from ancient and medieval Europe* / Eds A.Pesch, M.Helmbrecht. – München, 2019. – S. 255–278.
440. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (IVe-VII s. ap. J.-C.). Le témoignage des amphores en Gaule. – Beyrouth: Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient, 2005. – 329 p.
441. Prassolow J.A. Schönwarling/Skowarcz and Dollkeim/Kovrovo-type crossbow fibulae in the Sambian-Natangian culture area / J.A. Prassolow J.A., K. Skvorzov // *Archaeologia Baltica.* – 2020. – № 27. – 51–65.

442. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice / J.A. Riley // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Economic life at Berenice. – Tripoli: The Dep. of Antiquities, 1979. – Vol. II. – P. 91–465.
443. Riley J.A. The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2 and 1977.3 / J.A. Riley // Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan. – Ann Arbor: University of Michigan, 1981. – Vol. VI. – P. 85–124.
444. Sannazaro M. Goti a Goito? Considerazioni su reperti riconducibili alla cultura Černjachov/Sîntana de Mureş nella necropoli di Sacca di Goito (Mantova) / M. Sannazaro // Archeologia e storia delle migrazioni. Europa, Italia, Mediterraneo fra tarda età romana e alto Medioevo. Atti del Convegno internazionale di studi. Cimitile-Santa Maria Capua Vetere, 17-18 giugno 2010. Giornate sulla tarda antichità e il Medioevo (3). – Tavolario, Cimitile, 2011. – P. 183–198.
445. Seibt W. The seal of a chartouliarios from Mangup / W. Seibt // Byzantine and Rus' Seals. – Kyiv, 2015. – S. 33–35.
446. Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. Aus dem Gebieten westlich der Rheins und südlich der Donau / M. Schulze-Dörrlamm // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. – 1986. – Bd. 33. – P. 593–720.
447. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum: Die Schnallen ohne mit laschenbechläg und mit festem beschläg des 5. bis 7. Scharnierbeschläg und die Schnallen mit angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Teil 1. / M. Schulze-Dörrlamm – Mainz: RGZM, 2009. – 408 s.
448. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschlägeim Römisch-Germanischen Zentralmuseum: Die Schnallenmit Scharnierbeschläg und die Schnallenmitangegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Teil 2. / M. Schulze-Dörrlamm. – Mainz: RGZM, 2009a. – 408 s.
449. Schulze-Dörrlamm M. Kopfschmuck: Besatz einer Kronhaube, Stirnjuwel eines Diadems, Ohrringe. / M. Schulze-Dörrlamm // Byzantinische Goldschmiedearbeiten im

- Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Kataloge Vor und Frühgeschichtlicher Altertümer 42. – Mainz: RGZM, 2020. – S. 7–39.
450. Skvorcov K.N., Rudnickip M. The find of a cicada brooch from the area of former Grebieten (today's Okunevo, St. I, Kaliningrad district, Russia) / K.N. Skvorcov, M. Rudnickip // Römische und Germanische Fibeln in Mitteleuropa (Archäologie der Barbaren 2012) / eds E. Droberjar, B. Komoróczy. – Brno, 2017. – P. 387–394
451. Szymański P. Aus Archivforschungen. Erste Bemerkungen zum Baltischen Gräberfeld aus Völkerwanderungszeit in Rothebude, Kr. Goldap / P. Szymański //Archäologisches Nachrichtenblatt. – 2008. – № 13/1. – P. 83–89.
452. Tejral J. Morava na sklonku antiky. (Mähren an der Neige der Antike). – Praha: Academia, 1982. – 253 s.
453. Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum. 1 / J. Tejral //Archaeologia Austriaca. – 1988. – Bd. 72 – S. 223-304.
454. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum / J. Tejral // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum / Eds. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. – Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik, 1997. – P. 321–392.
455. Tejral J. Zum Problem der Feinschmiederprodukton im Mitteldonaauraum während des 5. Jahrhunderts nach Chr. / J. Tejral // Památky archeologické. – 2015. – T. CVI. – S. 291–362.
456. Tsivikis N. Considerations on Some Bronze Buckles from Byzantine Messene / N. Tsivikis // Byzas. – 2012. – Vol. XV. – P. 61–80.
457. Werner J. Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den, Reichtumszentren auf Fünen / J. Werner // Bonner Jahrbücher. 1988. – № 188. – S. 241–286.
458. Wiśniewska A. Cicada brooches from Łężany: new evidence linking the Balt milieu and the south in the Migration Period / A. Wiśniewska // Interacting Barbarians. Contacts, Exchange and Migrations in the First Millennium AD. (Neue Studien zur Sachsenforschung 9) / Eds. A. Cieśliński, B. Kontny. – Braunschweig, Warszawa, Schleswig: Uniwersytet Warszawski, 2019. – P. 173–182.

459. Wołagiewicz R. Kręgi kamienne u Grzybnicy / R. Wołagiewicz. – Koszalin, 1977.
– 111 s.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ «ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
КРЫМА КФУ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО
ЛАБОРАТОРИЯ «ВИЗАНТИЙСКИЙ КРЫМ»

На правах рукописи

Набоков Артур Игоревич

**РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НЕКРОПОЛИ МАНГУПСКОГО
ГОРОДИЩА (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)»**

Специальность 5.6.3 – археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ТОМ 2

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Науменко Валерий Евгеньевич

Симферополь – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложение. Иллюстрации.....176

Иллюстрации

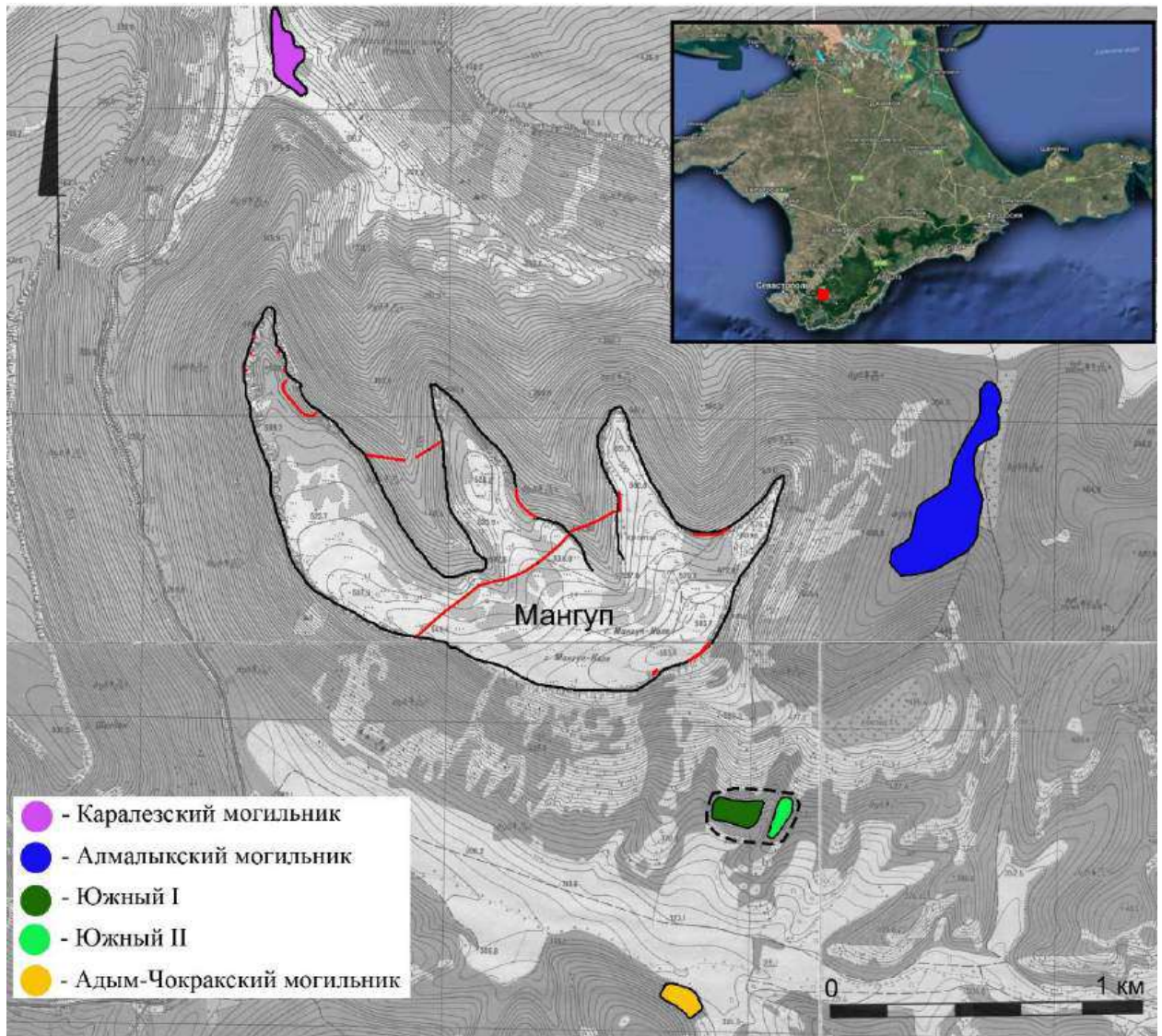

Рис. 1. Раннесредневековые могильники ближайшей округи Мангупского городища

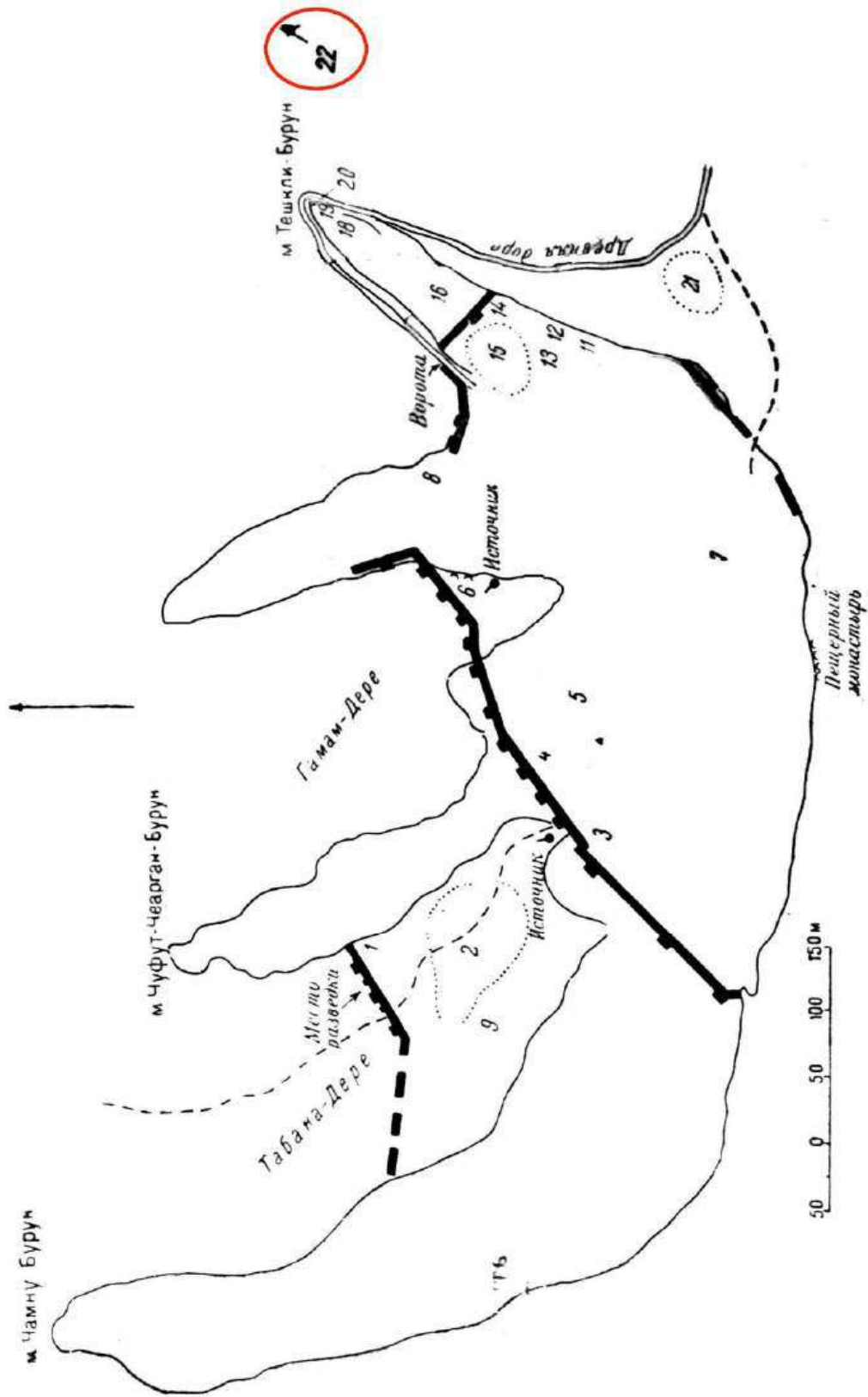

Рис. 2. Схематический план Мангуна.

1 — пещерная церковь; 2 — караимское кладбище; 3 — остатки караимской синагоги; 4 — базилика; 5 — дворец; 6 — пещеры; 7 и 8 — остатки церквей; 9 — следы водопровода; 10 — остатки церкви; 11 — пещерный комплекс № 4; 12 — следы № 1 и № 2 и пещерный комплекс № 5; 13 — остатки мечети; 14 — остатки церкви со склепом; 16 — могильник; 16 — октогон (прещальня); 17 — церковь, высеченная в скале; 18 — пещерный комплекс № 3; 19 — пещерный комплекс № 2; 20 — пещерный комплекс № 1; 21 — турецкое кладбище XV—XVI вв.; 22 — ранне-средневековый могильник в балке Ашлама-Дере.

Рис. 2. Схематичный план памятников Мангупского городища [по: Веймарн, 1953, рис. 2].

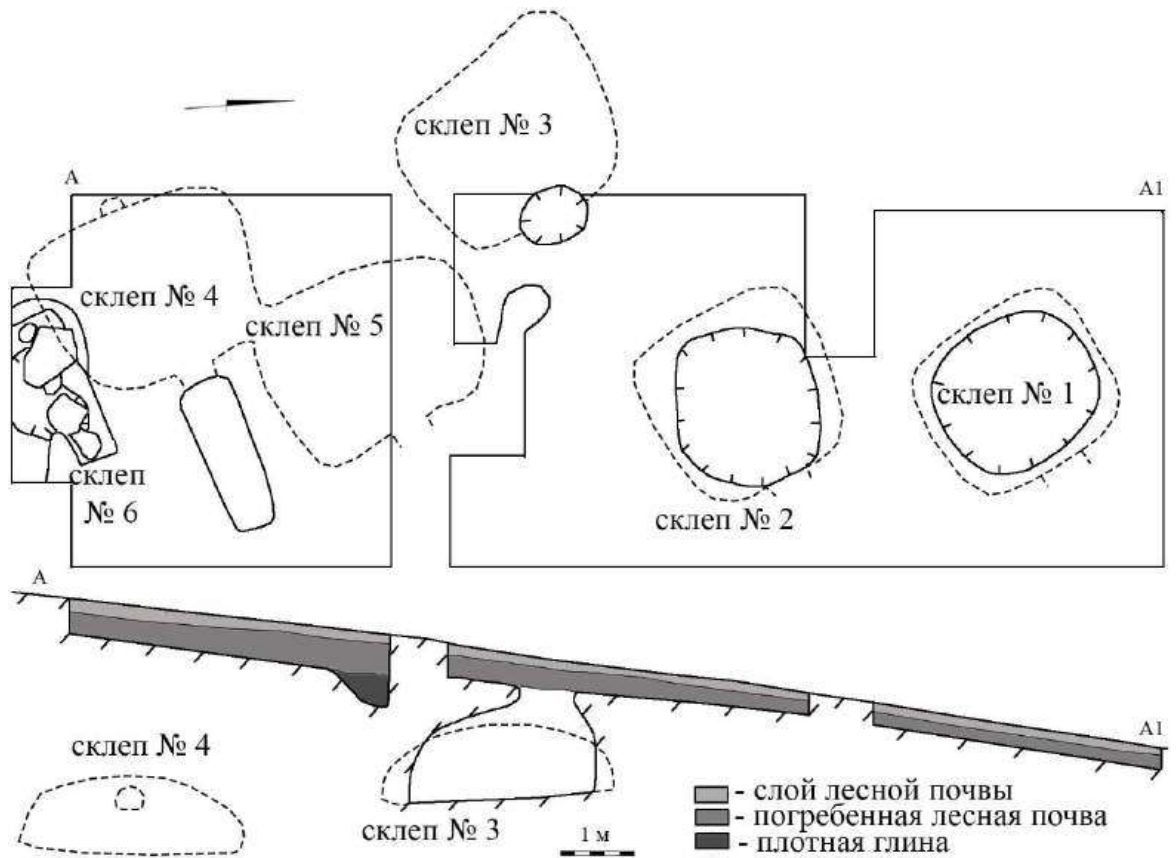

Рис. 3. Алмалыкский могильник. Схема раскопа 1982 г. [по: Сидоренко, 1983, рис. 2].

Комплексе склепа 3 Мангупского могильника

Рис. 4. Первые опубликованные материалы Алмалыкского могильника [по: Сидоренко, 1984].

Рис. 5. Каралезская базилика и котлован водохранилища у западной части с. Ходжа-сала. Вид с юго-востока [по: Сидоренко, 1985, с. 8].

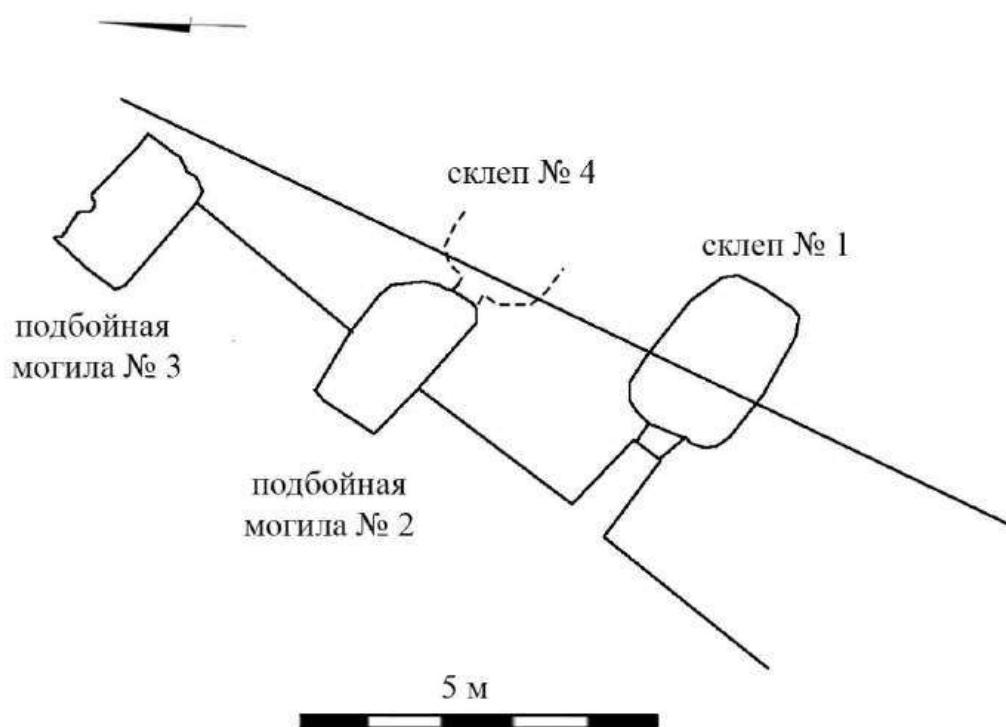

Рис. 6. Раскоп 1984 г. в нижней части Каралезского могильника [по: Сидоренко, 1985, с. 29].

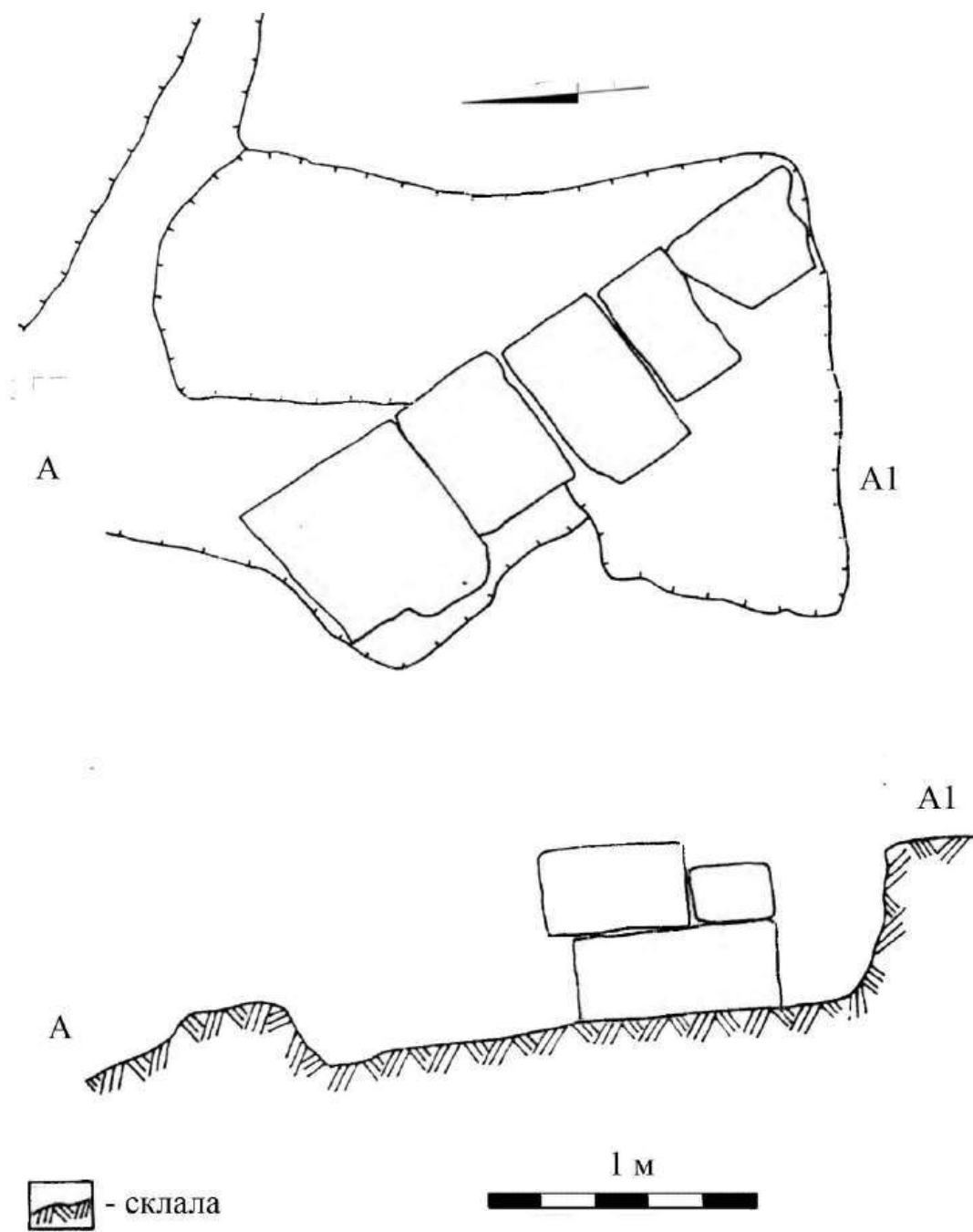

Рис. 7. Предполагаемый разрушенный склеп позднеантичного могильника на трассе укрепления AXIV Главной линии обороны Мангупской крепости [по: Герцен, 1990а, рис. 10].

Рис. 8. Адым-Чокракский могильник. Раскопки 1995 г. Ограбленная камера склепа № 24.

Рис. 9. Могильник Южный II. Участок исследований 1996 г.

Рис. 10. Алмалыкский могильник. Раскопки 1996 г. Крест в склепе № 56.

Рис. 11. Могильник Южный I. Участок исследований 1997 г.

Рис. 12. Алмалыкский могильник. Общий вид на раскоп 1999 г.

Рис. 13. Алмалыкский могильник. Раскопки 2002 г. Частично сохранившееся погребение в склепе № 2/2002.

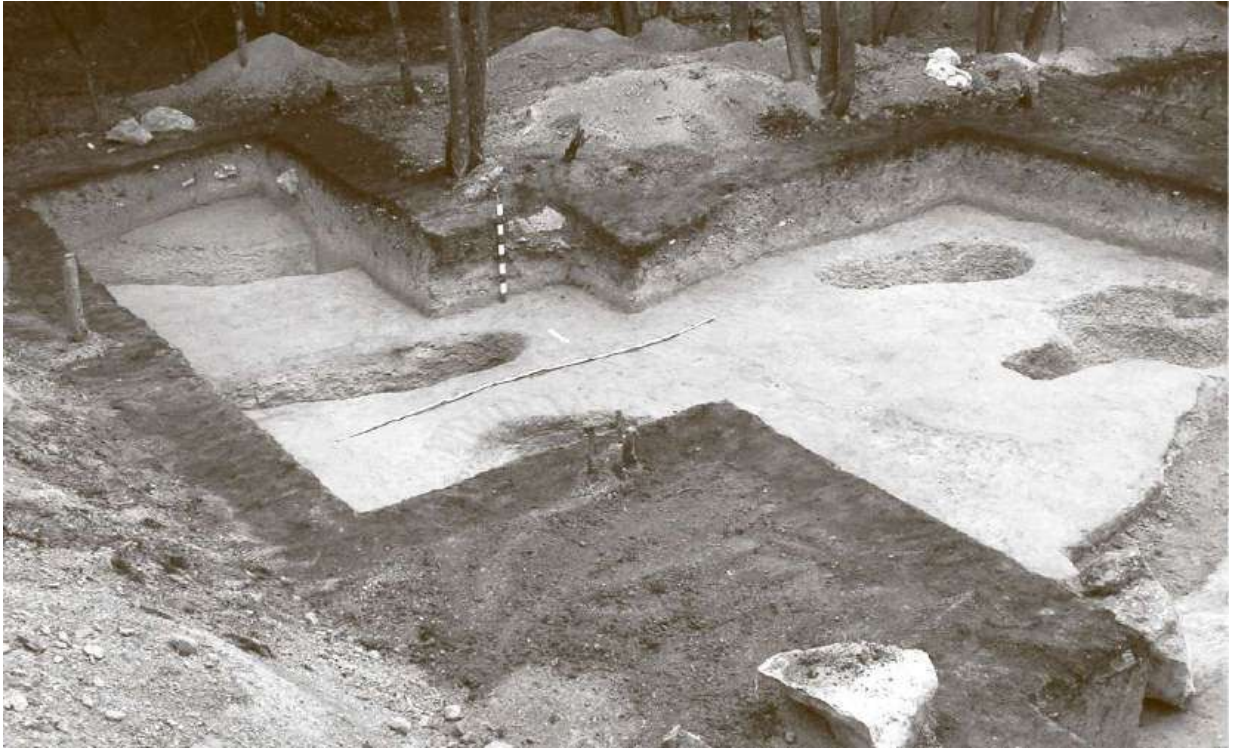

Рис. 14. Алмалыкский могильник. Участок исследований 2008 г. На заднем плане, в левом верхнем углу – фрагмент ровика кургана №3, интерпретируемый на тот момент в качестве траншеи.

Рис. 15. Алмалыкский могильник. Раскоп 2013 г. над подбойной могилой № 43 – центрального погребения кургана №3, исследованного полностью в 2019 и 2022 гг.

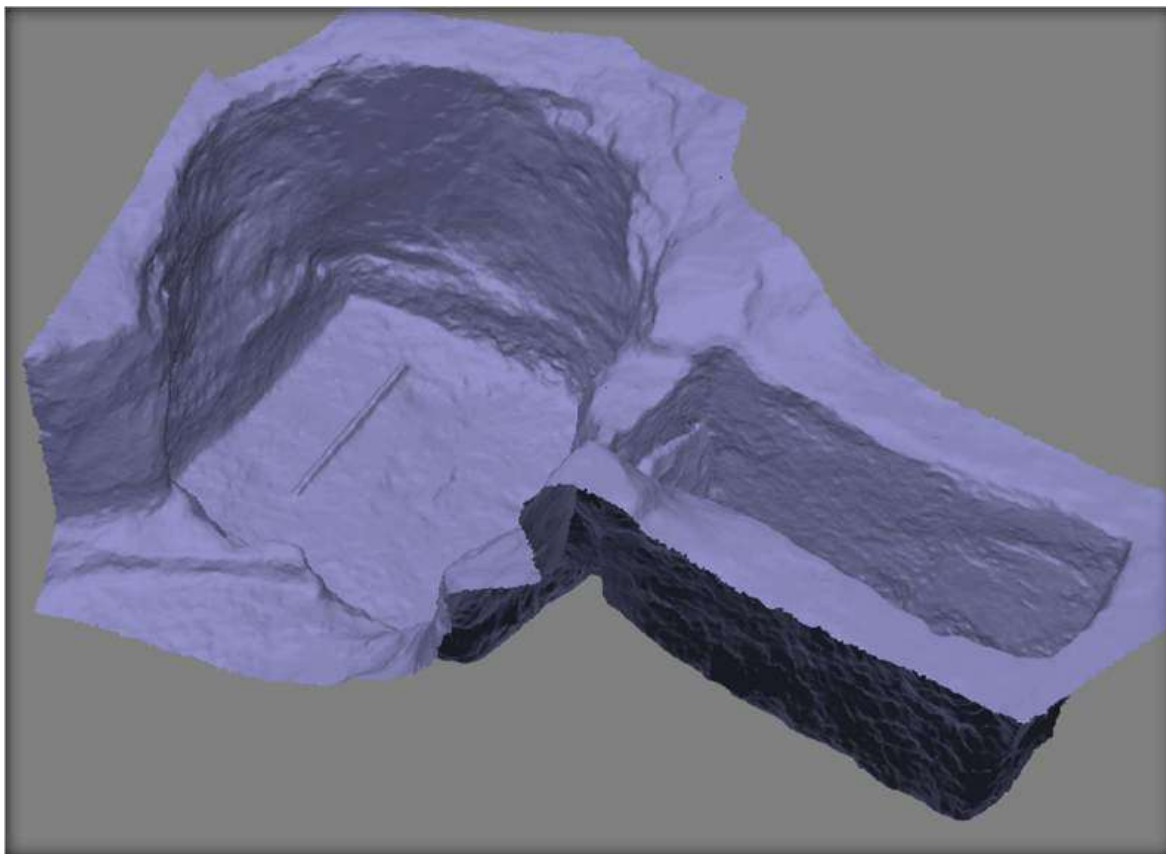

Рис. 16. Могильник Южный II. Раскопки 2018. Трехмерная модель склепа № 22.

Рис. 17. Алмалыкский могильник. Трехмерная модель участка исследований 2019 и 2022 г.

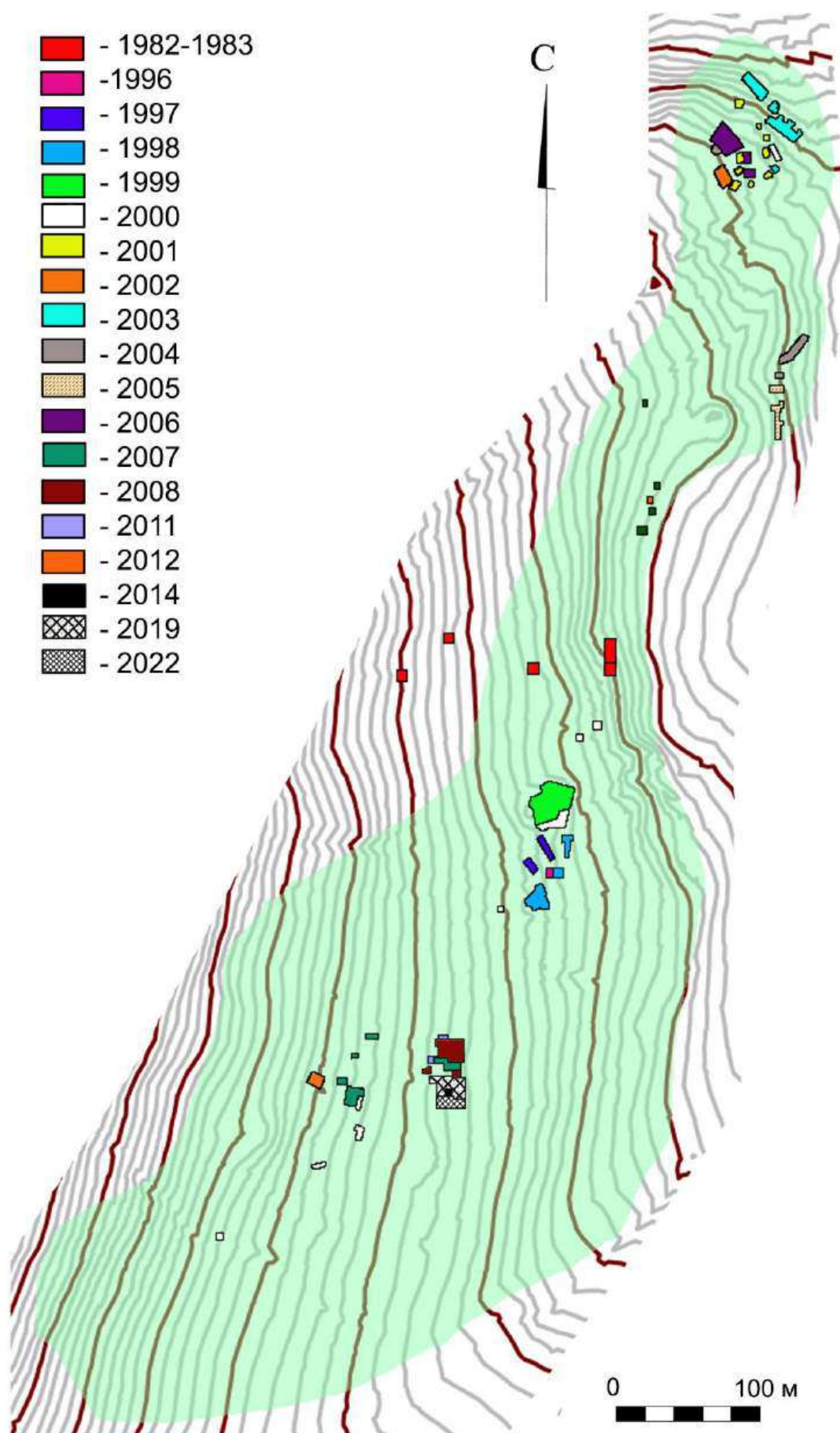

Рис. 18. Степень археологической изученности Алмалыкского могильника.

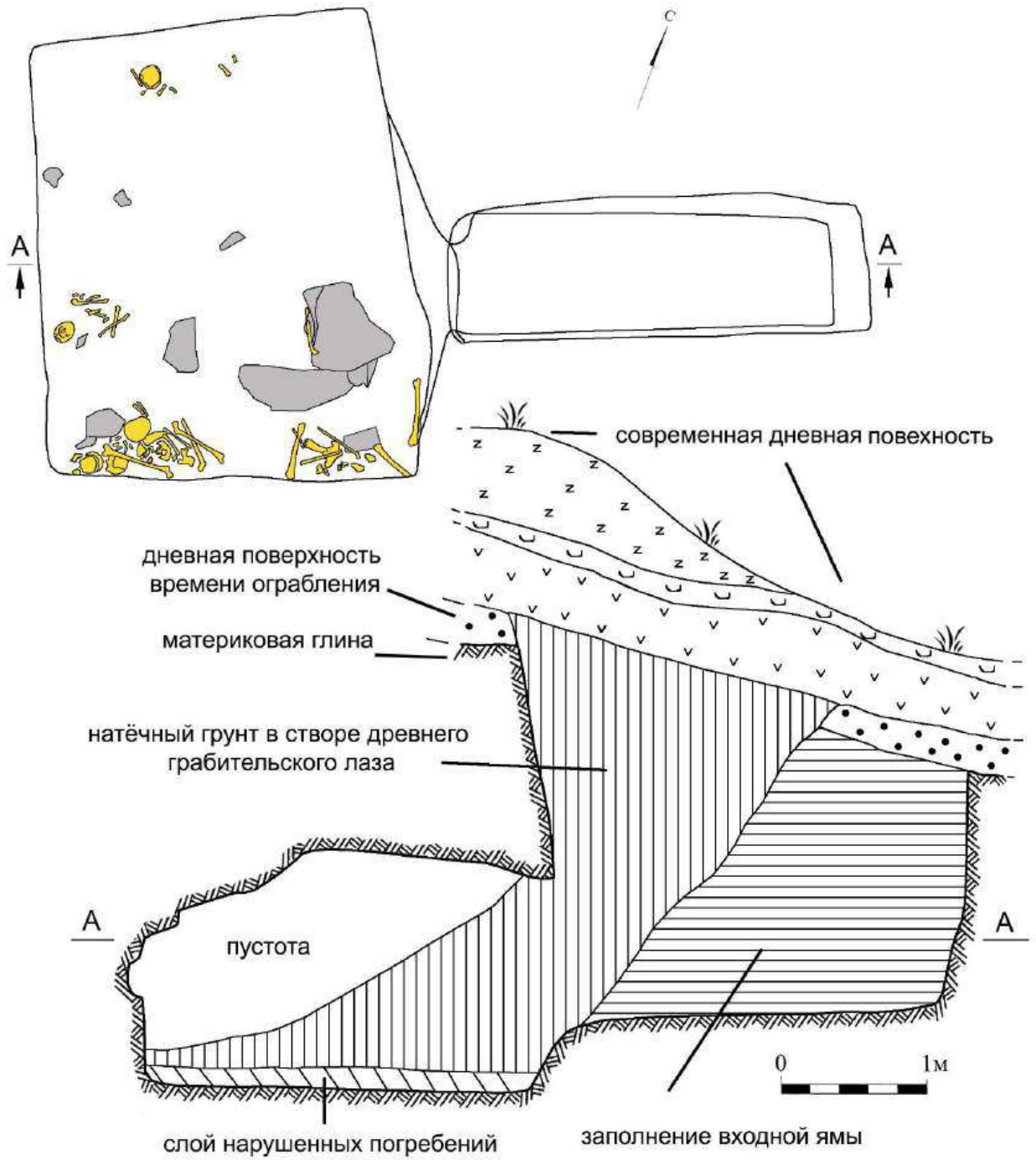

Рис. 19. Адым-Чокракский могильник. Фиксация древнего грабительского лаза в стратиграфии склепа № 22.

Рис. 20. Тешкли-бурунский клад [по: Хайрединова, 2017а, рис. 1].

Рис. 21. Алмалыкский могильник. Пример грабительской ямы.

Рис. 22. Алмалыкский могильник. Следы шупа в стенке камеры склепа №206/2019.

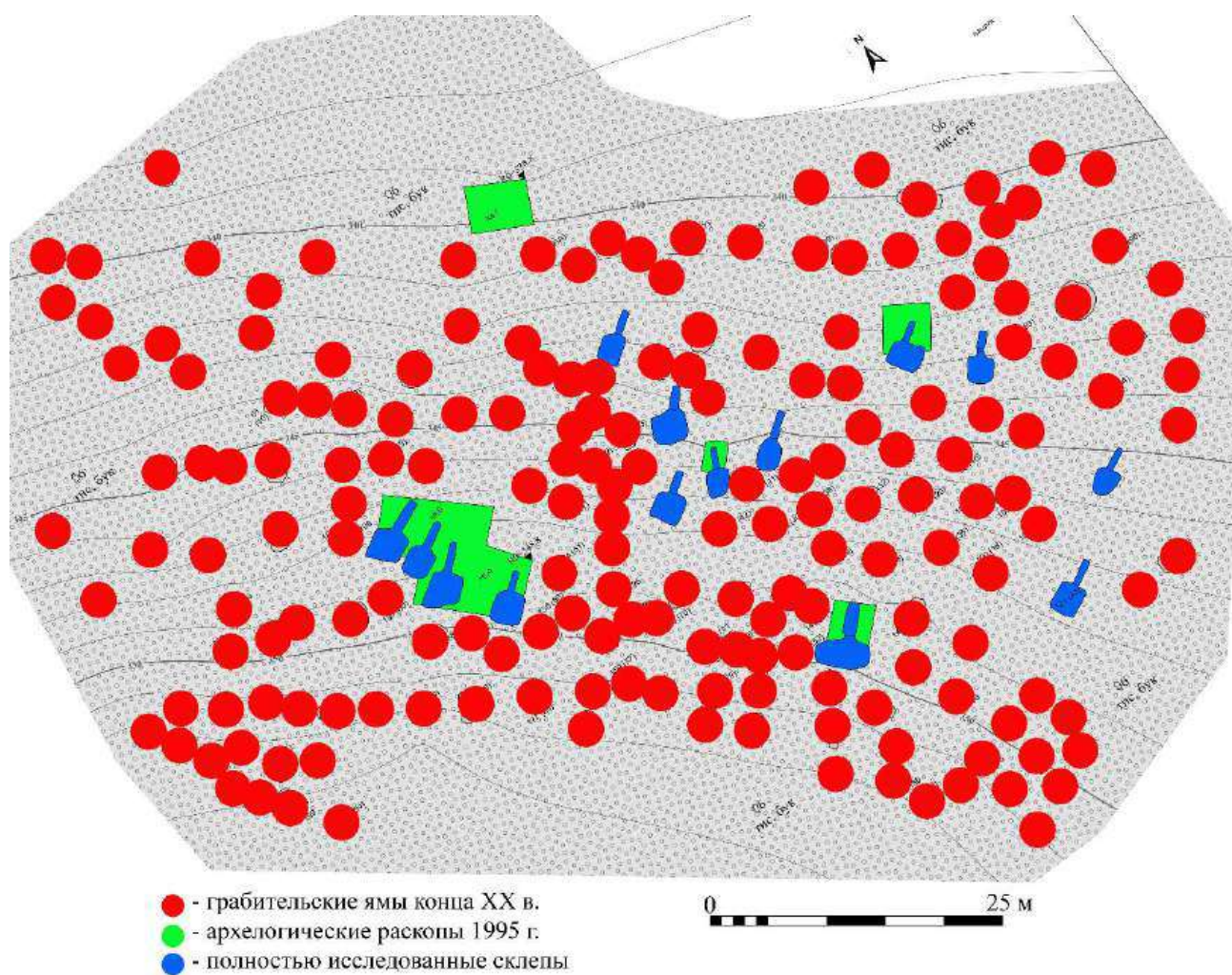

Рис. 23. Степень ограбления Адым-Чокракского некрополя.

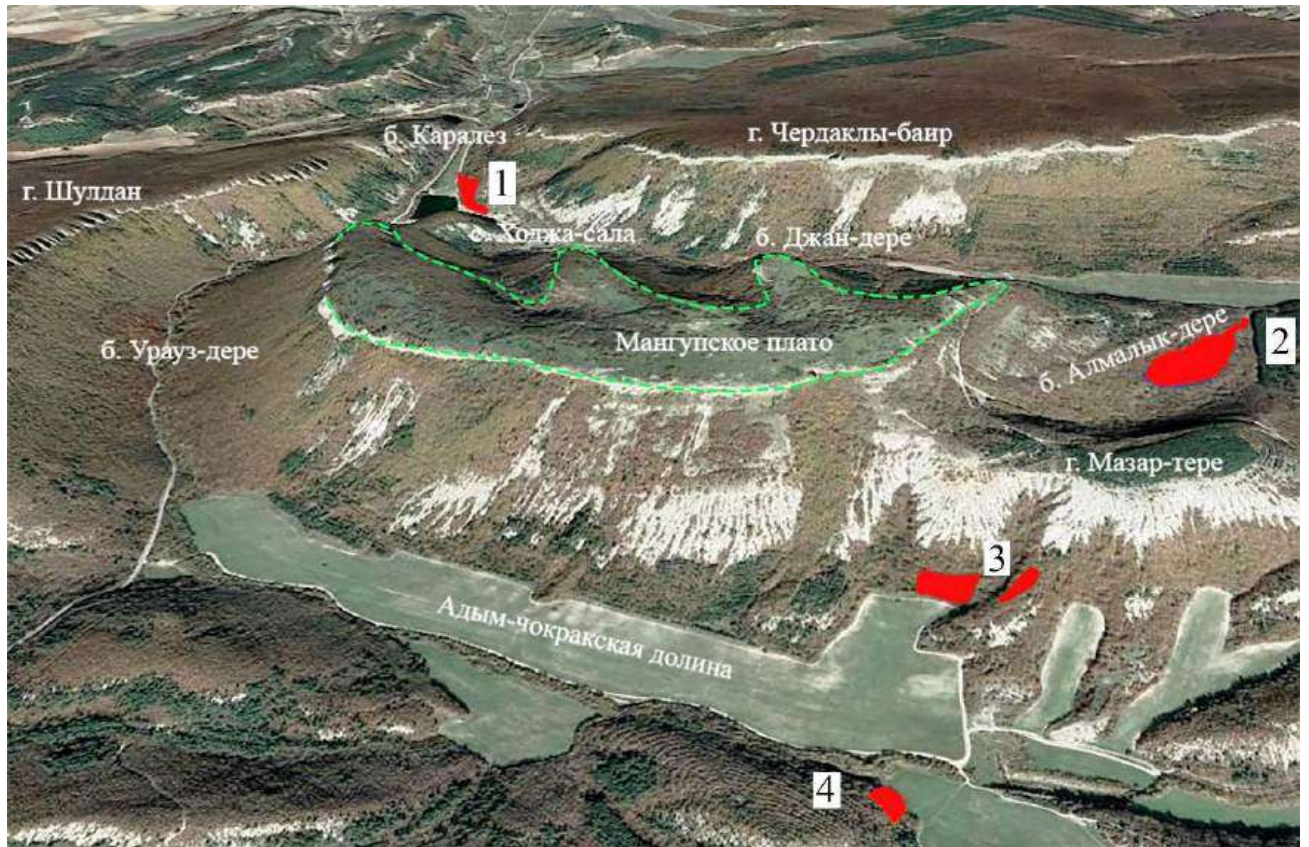

Рис. 24. Топография ближайшей округи Мангу́па. Проекция космоснимка Google. Вид с юго-востока: 1 – Каралезский могильник; 2 – Алмалыкский могильник; 3 – Южно-Мангупский могильник; 4 – Адым-Чокракский могильник.

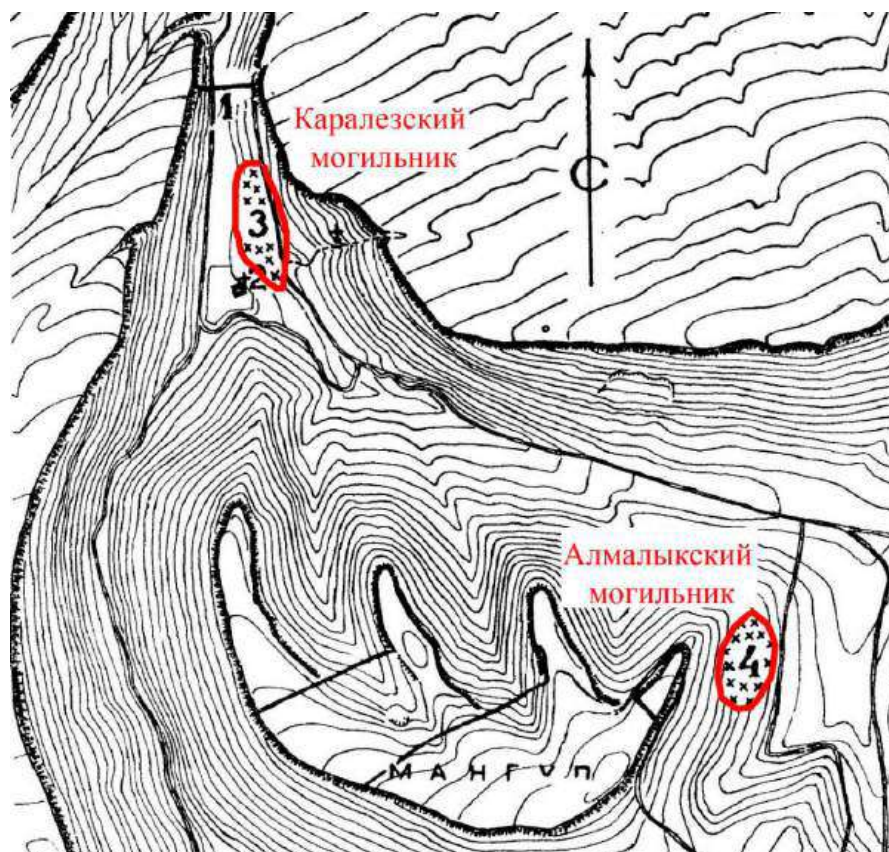

Рис. 25. Схематичный план округи Мангу́па [по: Сидоренко, 1991, рис. 1].

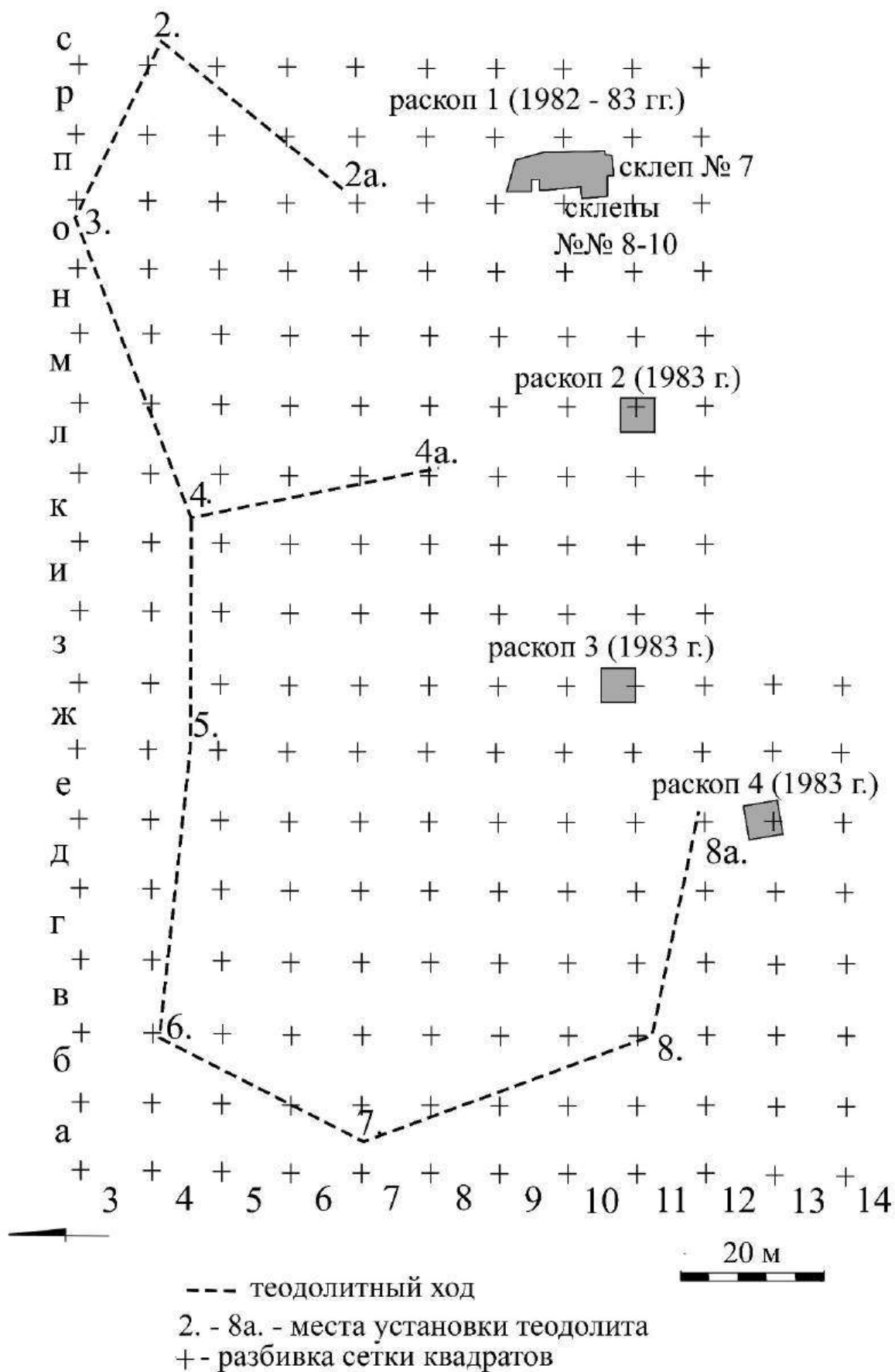

Рис. 26. Ситуационный план Алмалыкского могильника 1983 г. [по: Сидоренко, 1984, с. 36].

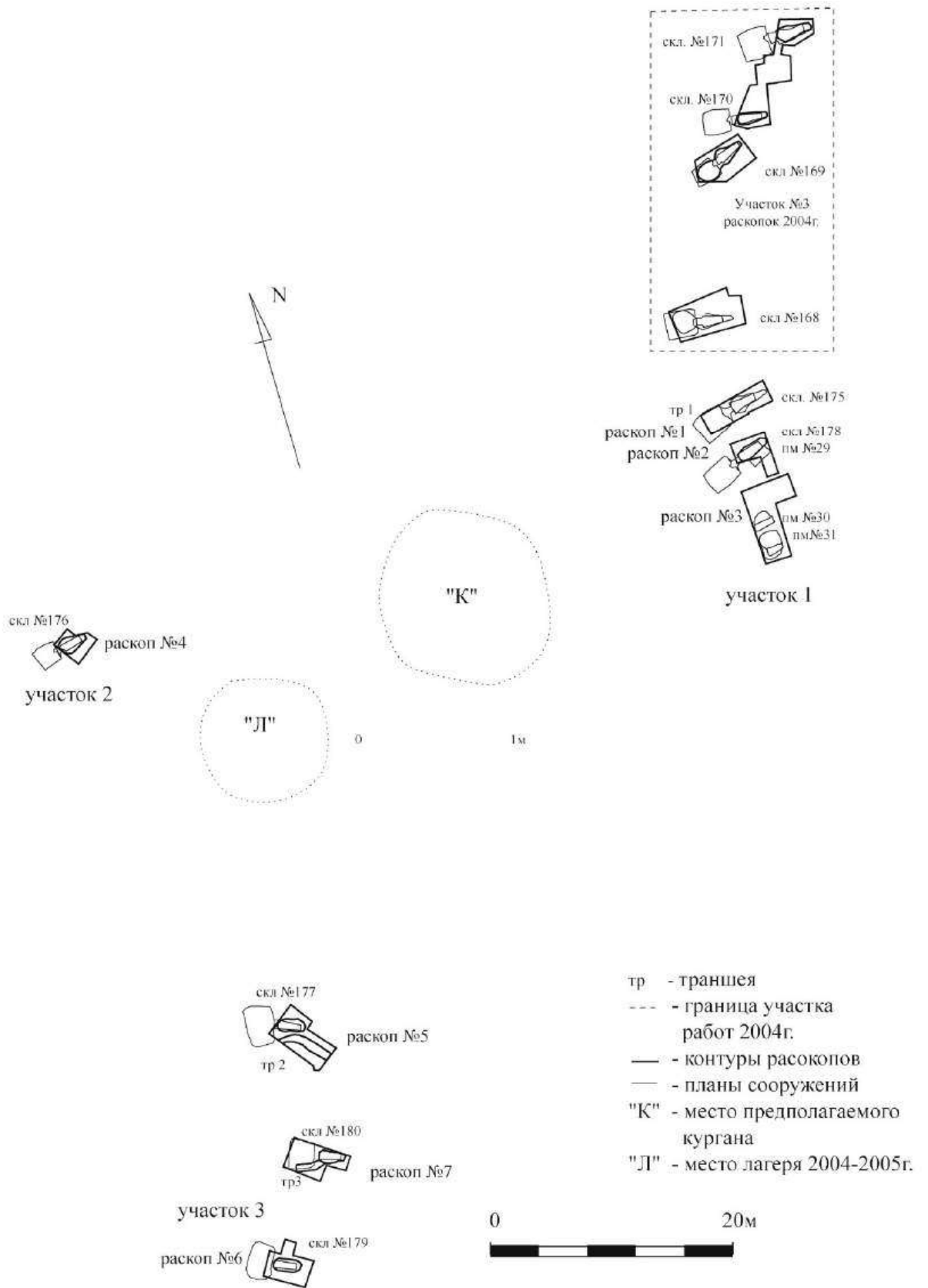

Рис. 27. Алмалыкский могильник. Ситуационный план участков исследований 2005 г. [по Герцен, 2006, рис. 322].

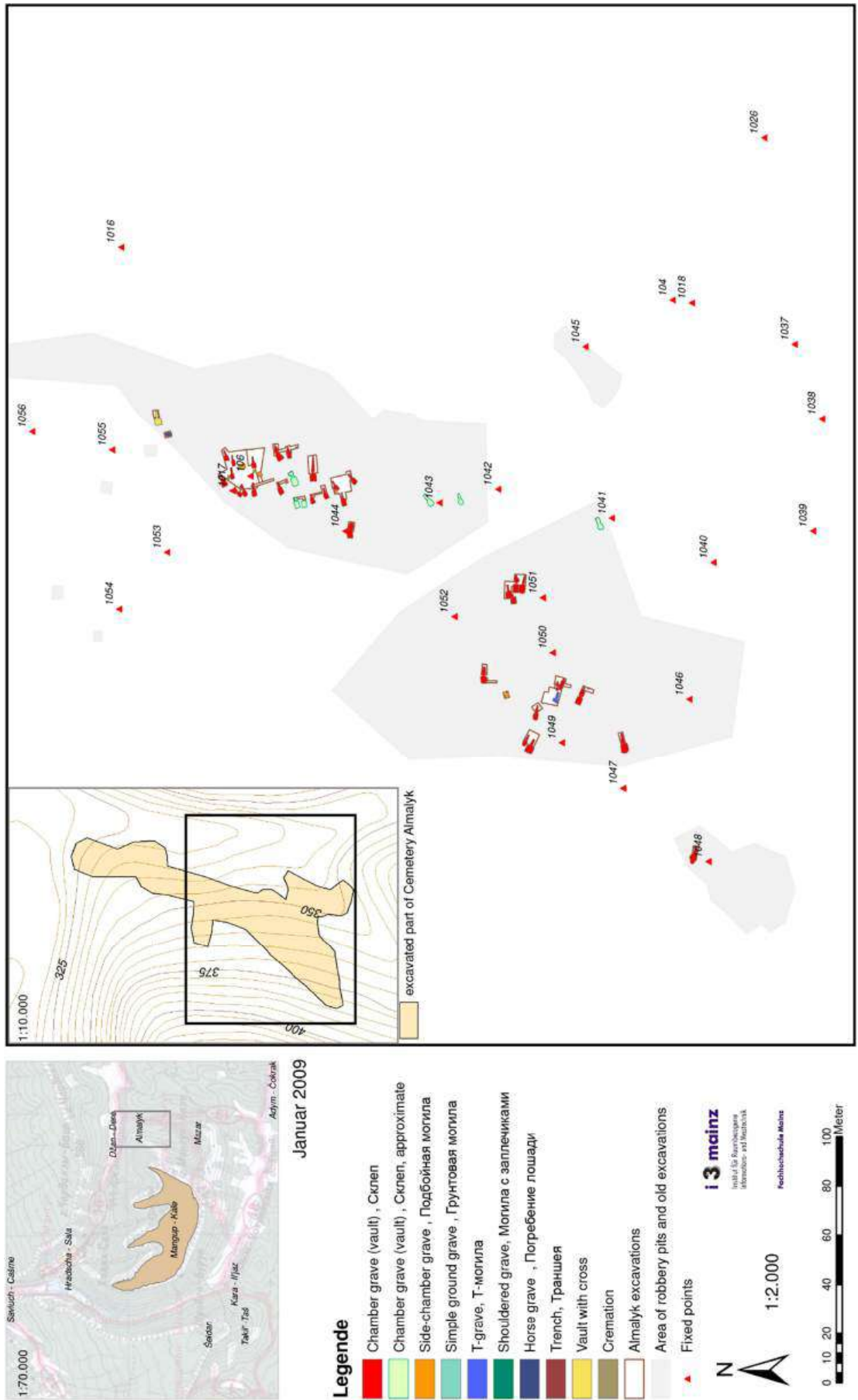

Рис. 28. Алмалыкский могильник. Материалы топографической съемки 2006 г.

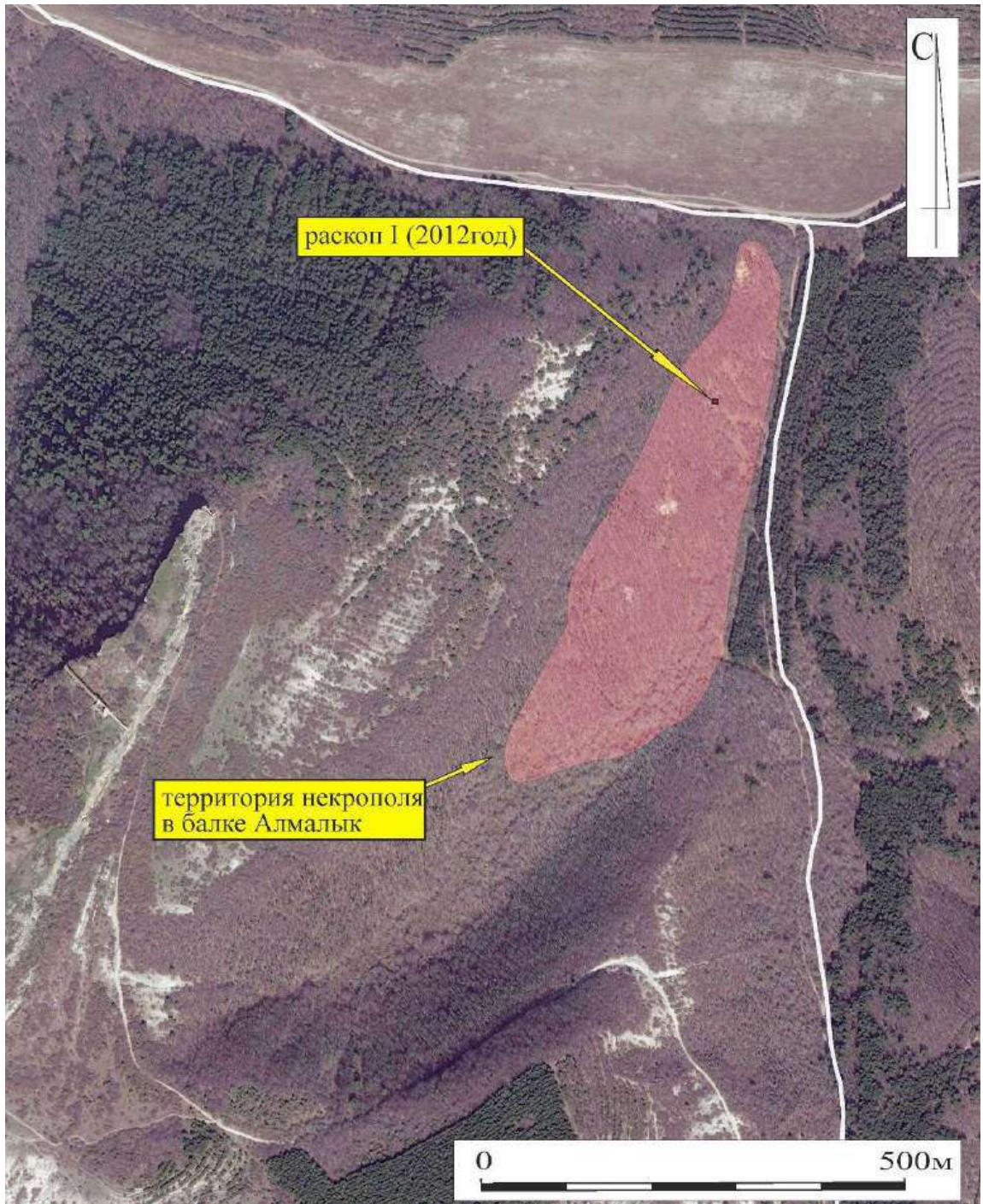
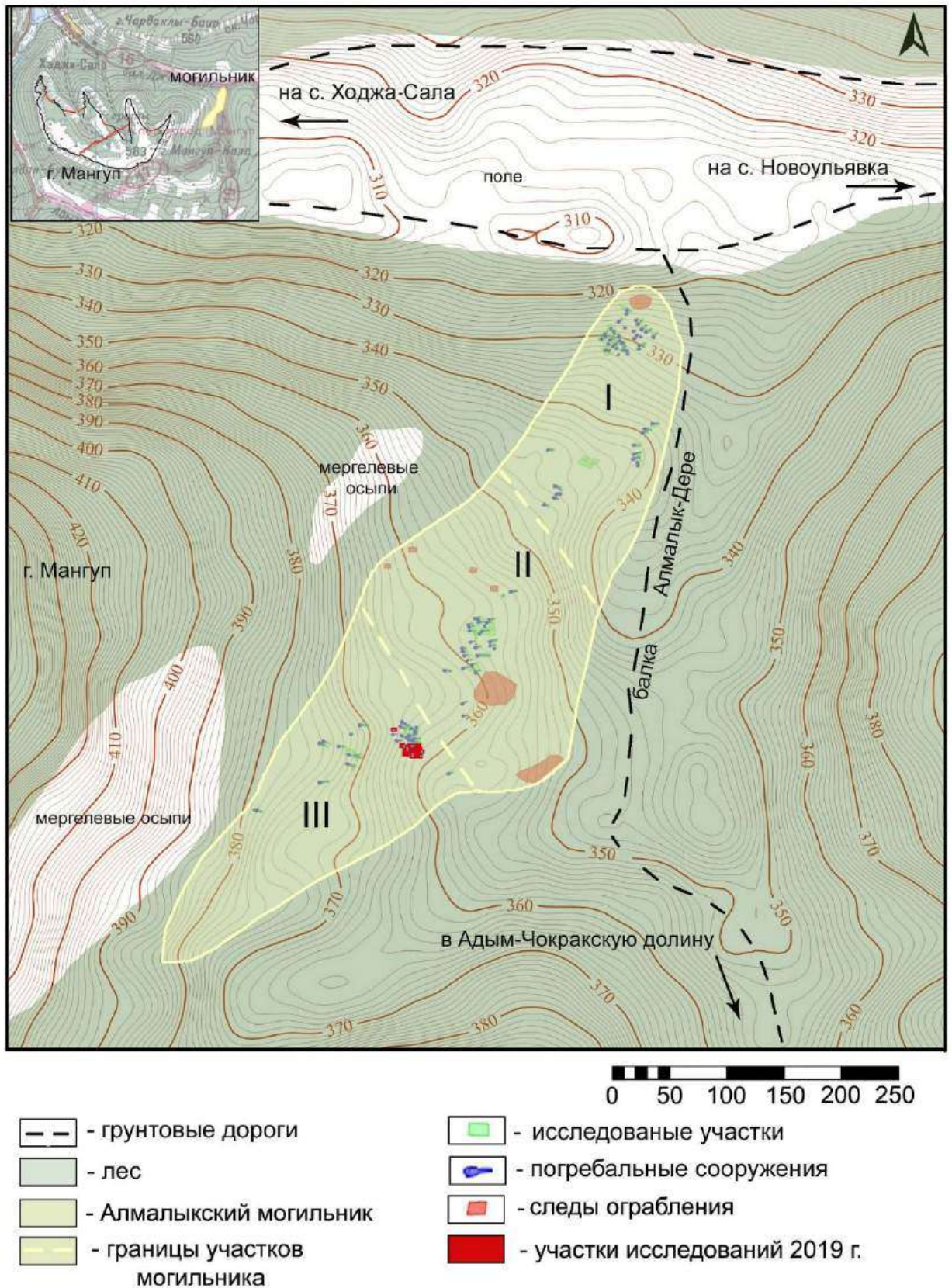

Рис. 29. Алмалыкский могильник. Предполагаемая территория памятника на спутниковом снимке [по: Герцен, Иванова, Лукин, 2013, рис. 27].

I - Северный участок. II - Центральный участок. III - Южный участок

Рис. 30. Алмалыкский могильник. Предполагаемая территория памятника и местоположение археологических раскопов [по: Герцен, 2020, рис. 284].

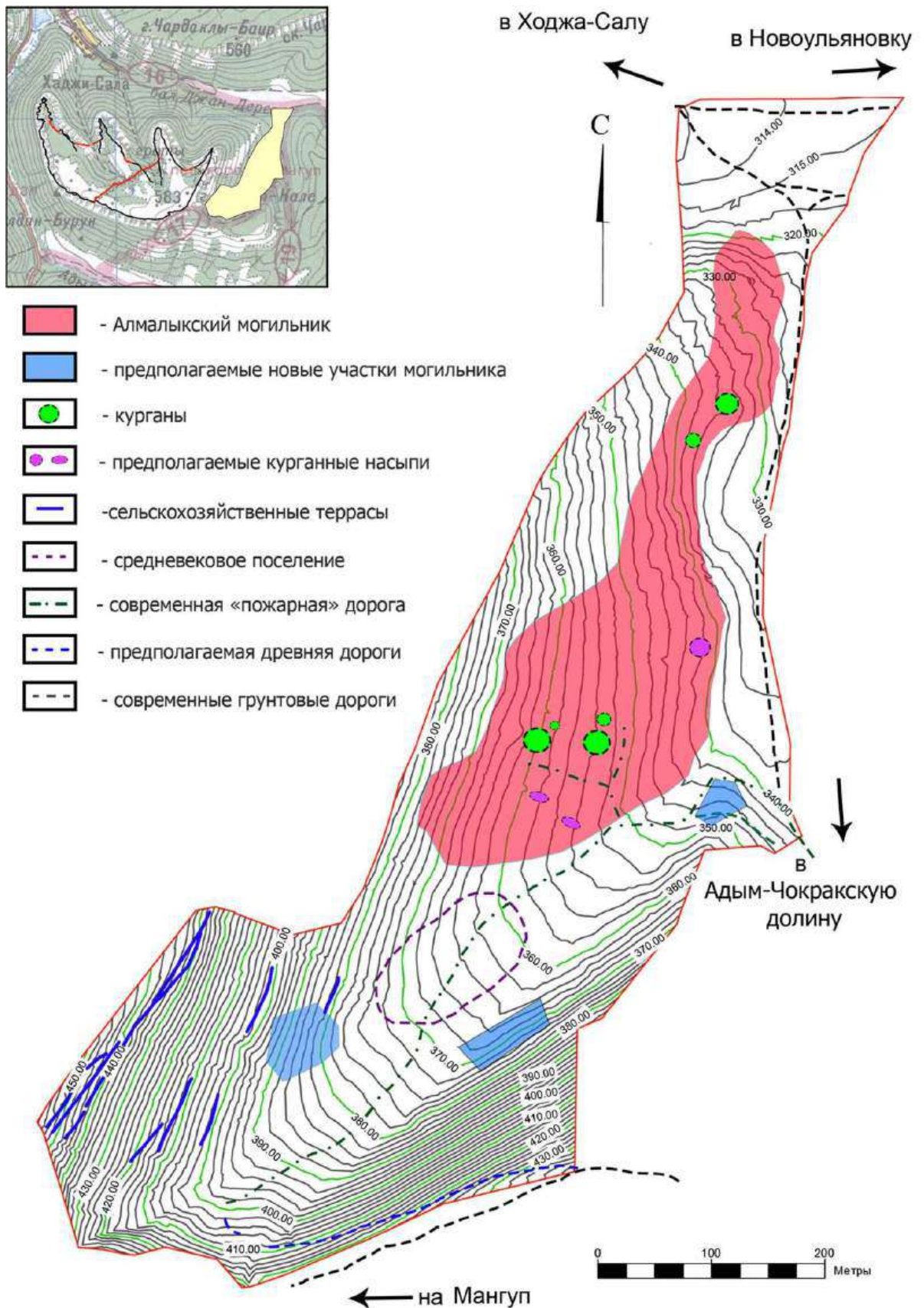

Рис. 31. Топографический план западной части балки Алмалык-дере [по: Науменко, Набоков, 2022, рис. 1].

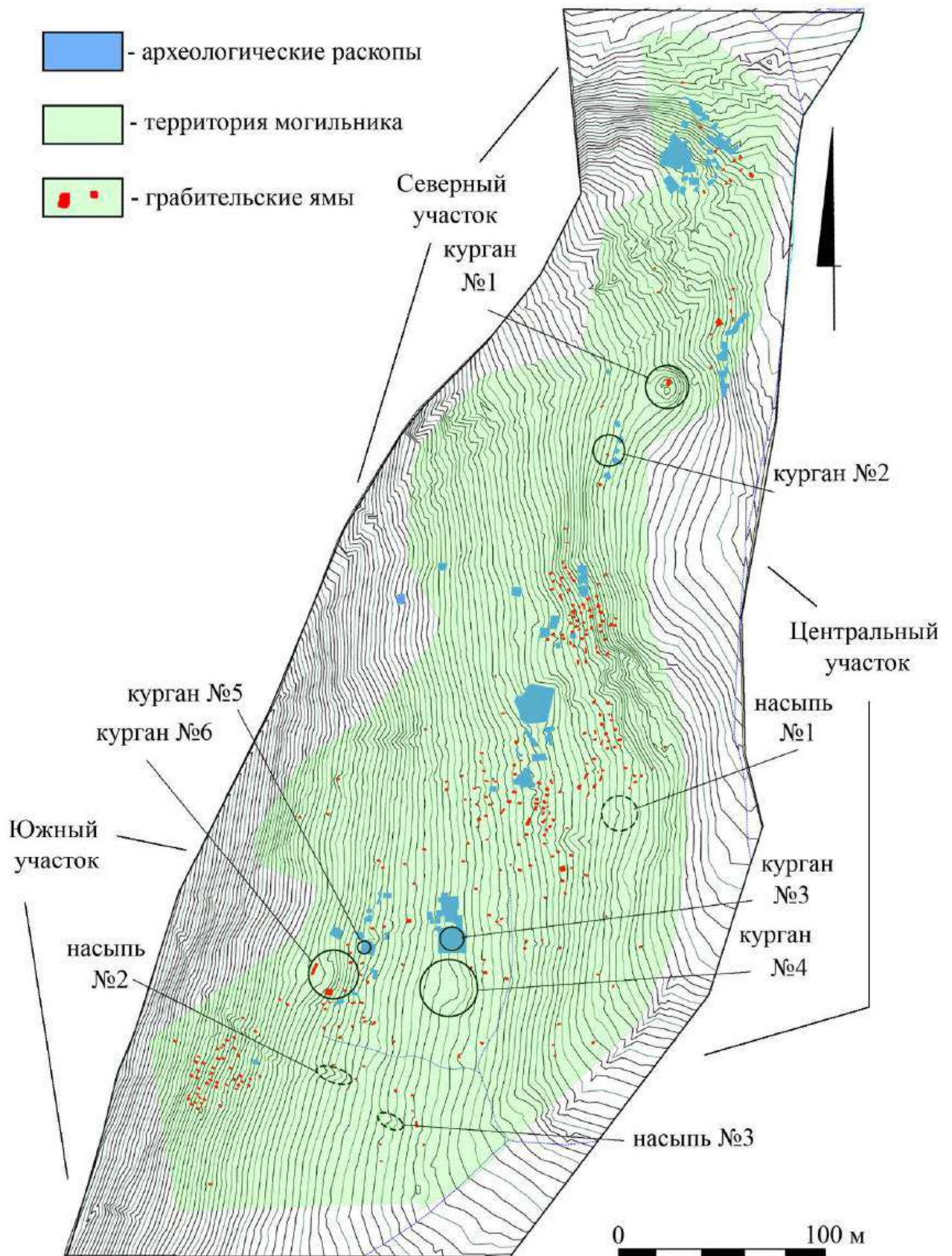

Рис. 32. Топографический план Алмалыкского могильника.

Рис. 33. Алмалыкский могильник. Проекция топографического плана западной части балки Алмалык-дере на объемной модели местности.

Рис.34. Алмалыкский могильник. Переход природной террасы в тальвег балки. Вид с севера.

Рис. 35. Алмалыкский могильник. Курган №1.

Рис. 36. Алмалыкский могильник. Курган №4.

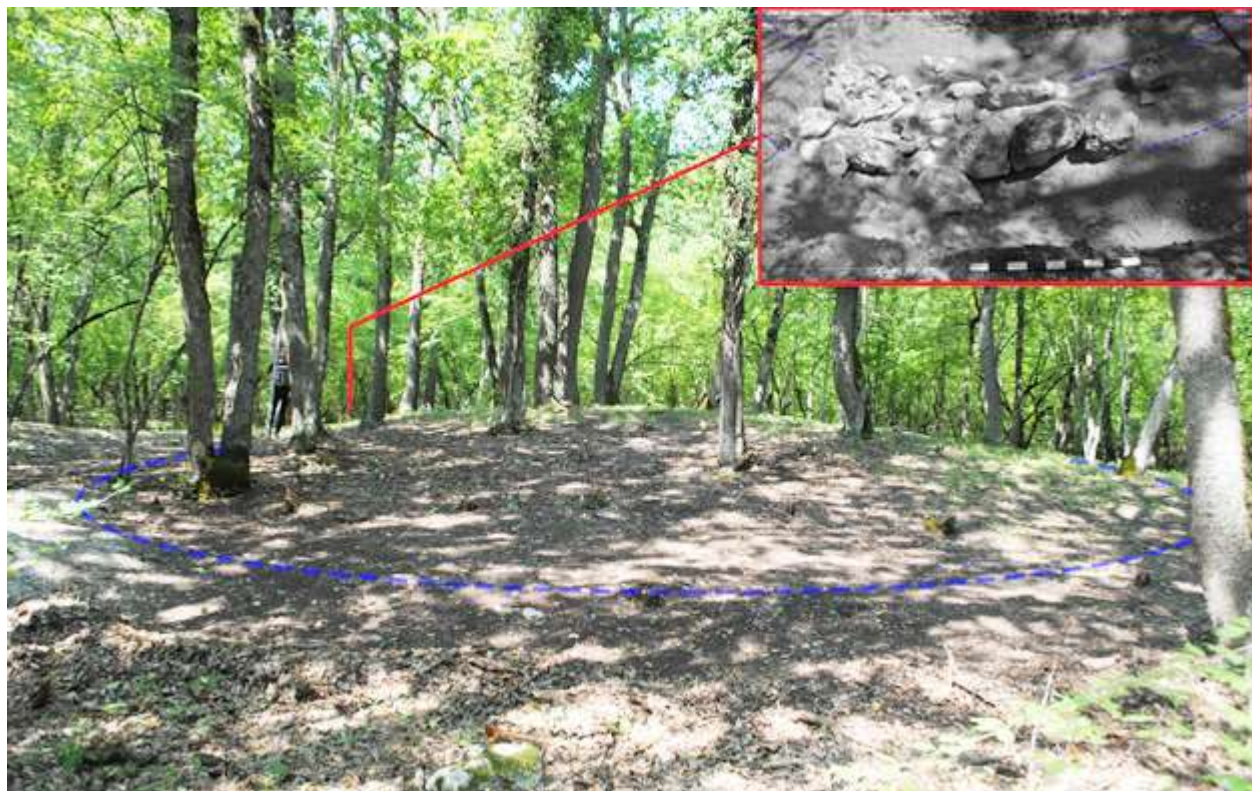

Рис. 37. Алмалыкский могильник. Курган №6.

Рис. 38. Алмалыкский могильник. Насыпь №1.

Рис. 39. Алмалыкский могильник. Насыпь №2.

Рис. 40. Алмалыкский могильник. Насыпь №3.

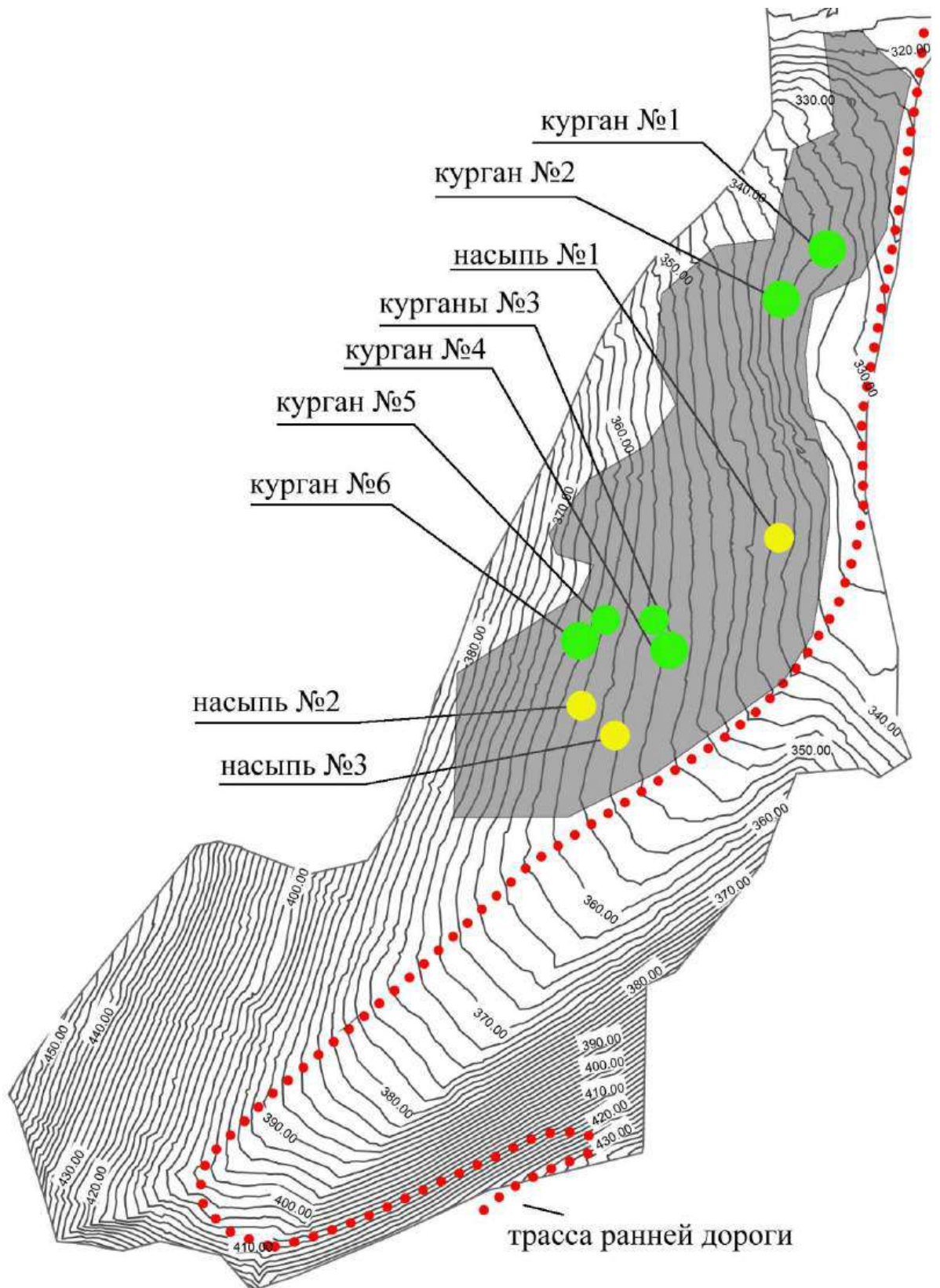

Рис. 41. Алмалыкский могильник. Предполагаемая трасса ранней дороги, ведущей на Мангупское плато.

1

2

Рис. 42. Предполагаемая древняя дорога в верховьях балки Алмалык-Дере:
1 - фото с мыса Тешкли-бурун.; 2 - фото на местности после уборки подлеска.

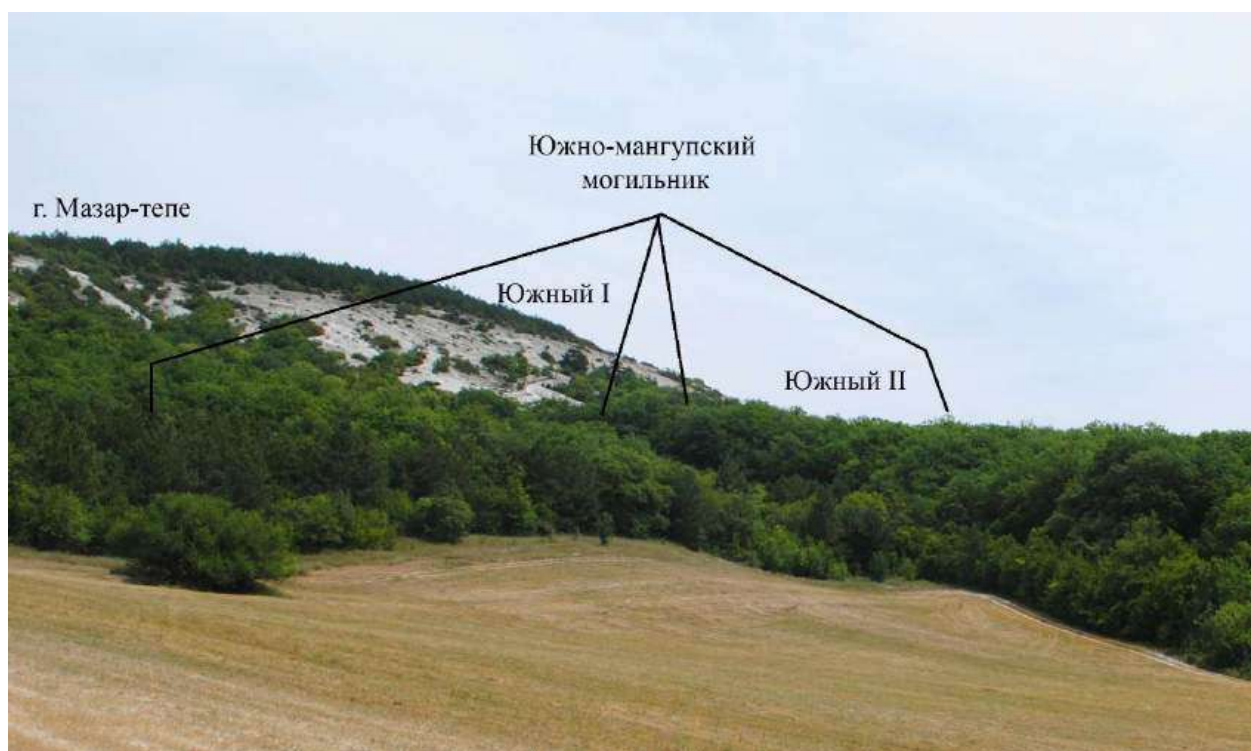

Рис. 43. Южно-Мангупский могильник. Участок южного склона Мангупа с указанием местоположения некрополя.

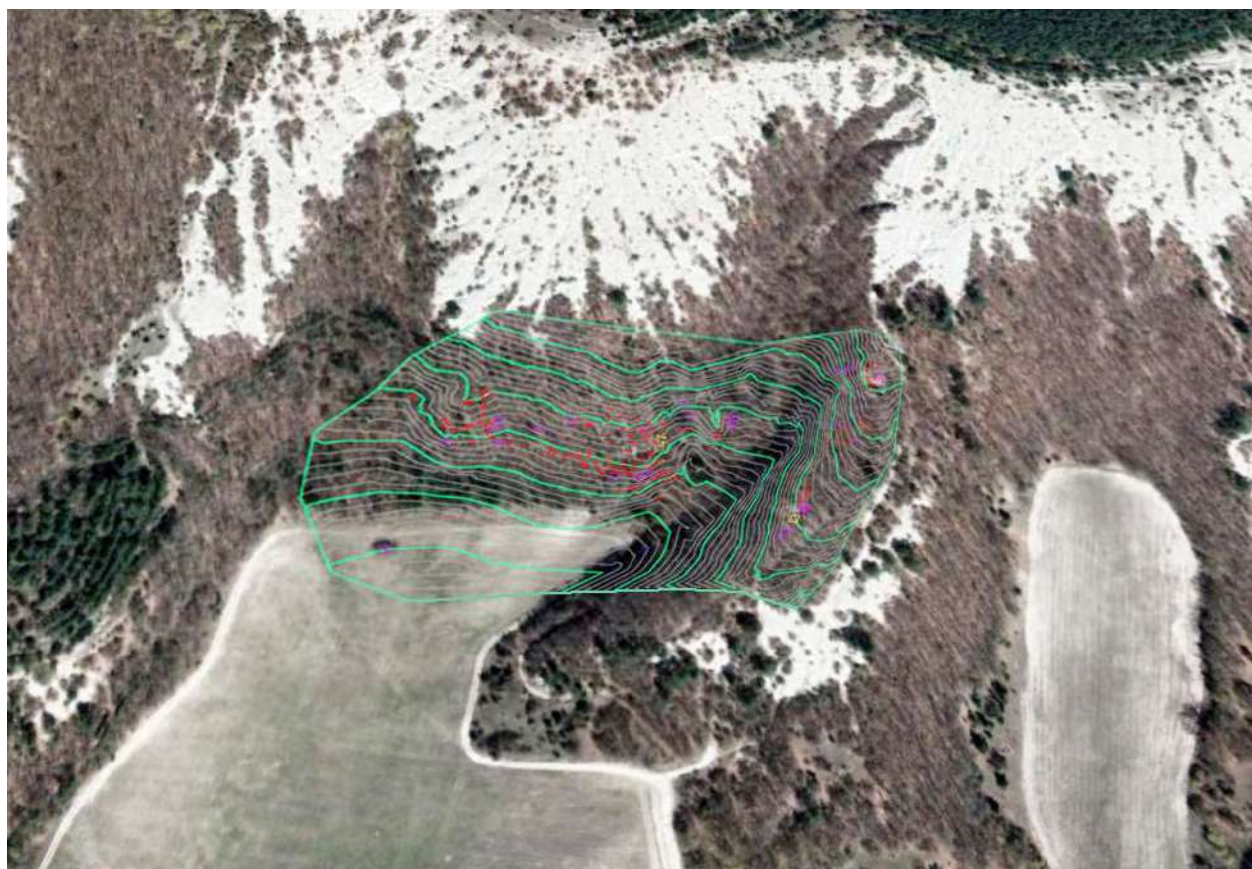

Рис. 44. Южно-Мангупский могильник. Проекция топографического плана некрополя на объемной модели местности.

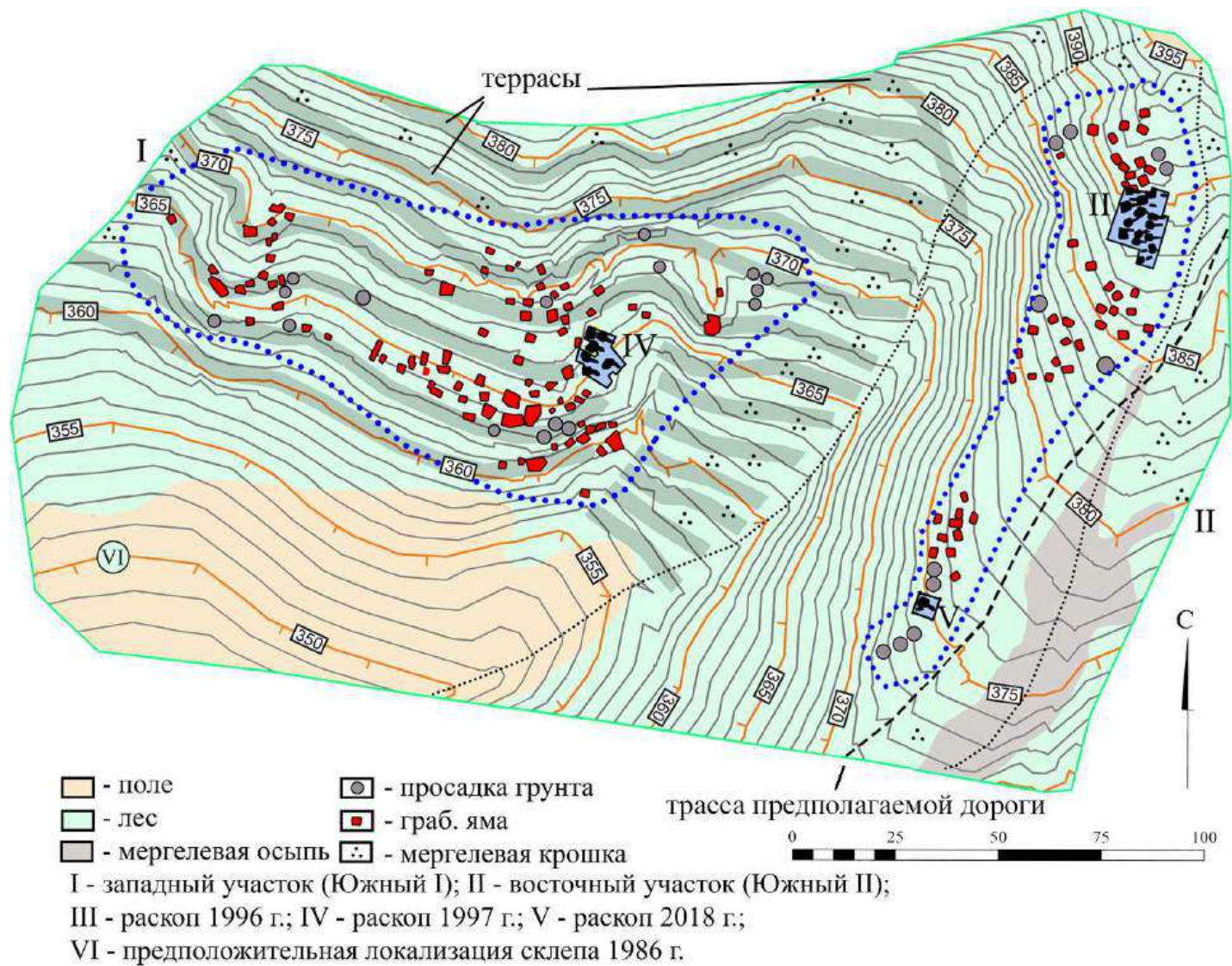

Рис. 45. Южно-Мангупский могильник. Топографический план 2023 г.

Рис. 46. Трасса древней дороги у южной части Восточного участка Южно-Мангупского могильника.

Рис. 47. Трасса древней дороги на склоне ниже Южно-Мангупского могильника.

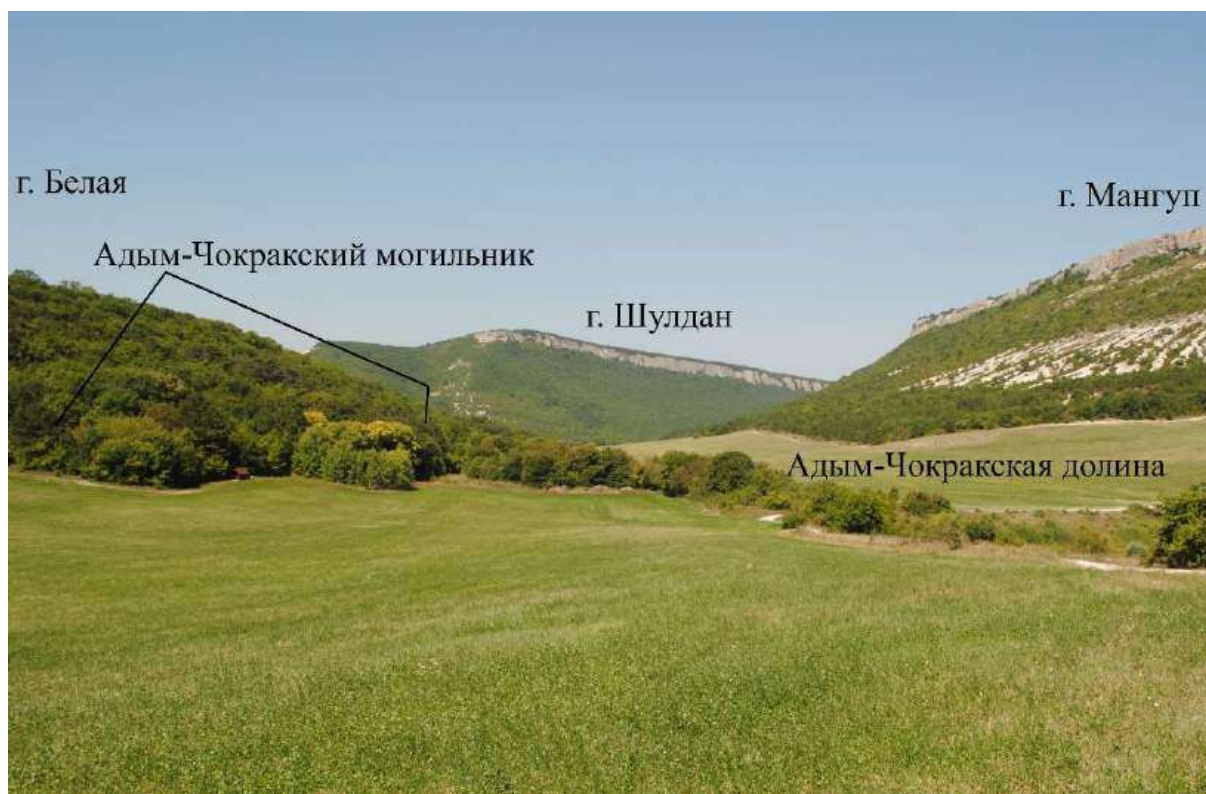

Рис. 48. Адым-Чокракский могильник. Общий вид на Адым-Чокракскую долину с указанием местоположения некрополя.

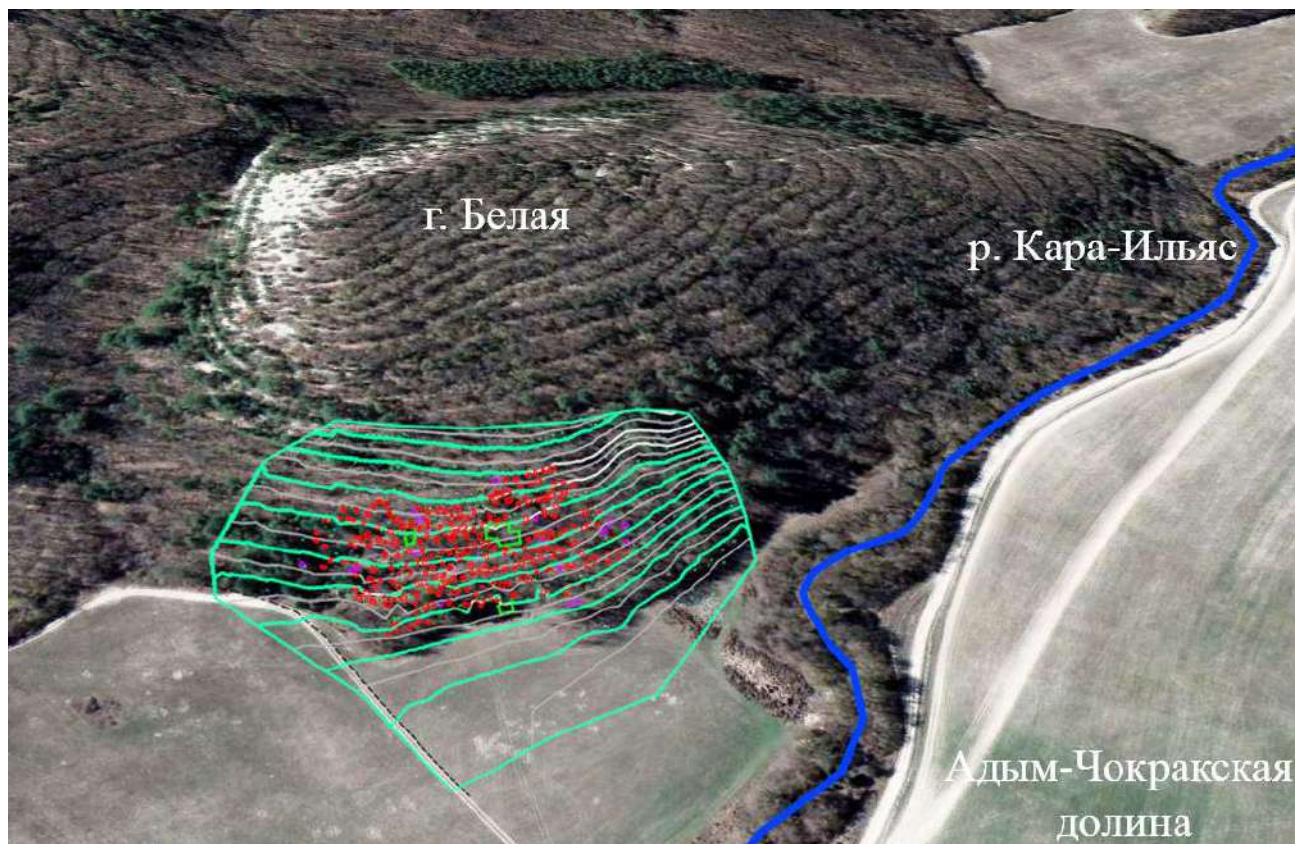

Рис.49. Адым-Чокракский могильник. Проекция топографического плана некрополя на объемной модели местности.

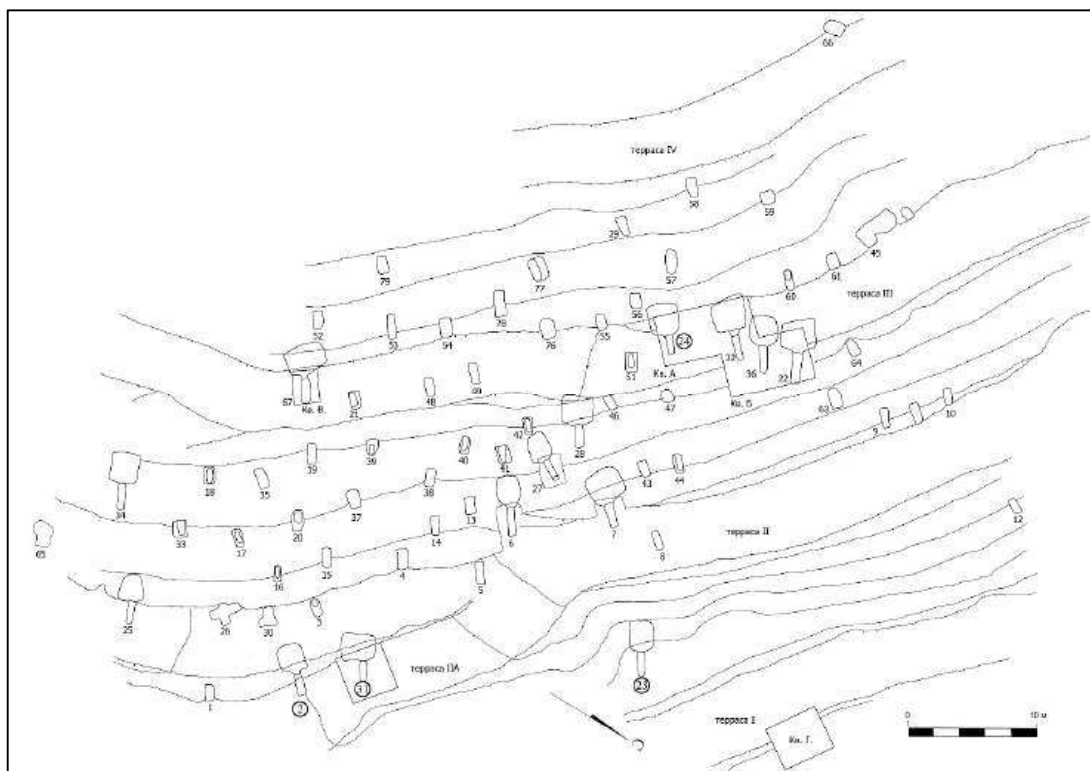

Рис. 50. Адым-Чокракский могильник. Инструментальная съемка 1995 г.

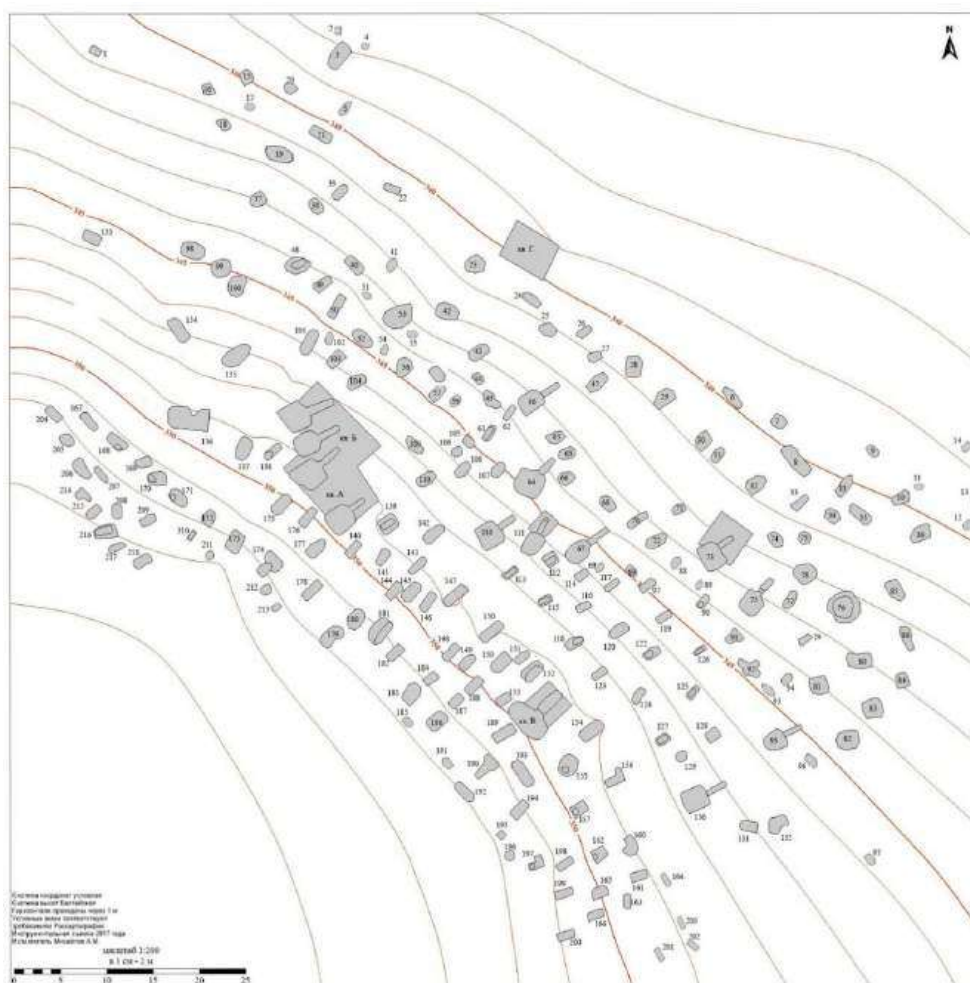

Рис. 51. Адым-Чокракский могильник. Инструментальная съемка 2018 г.

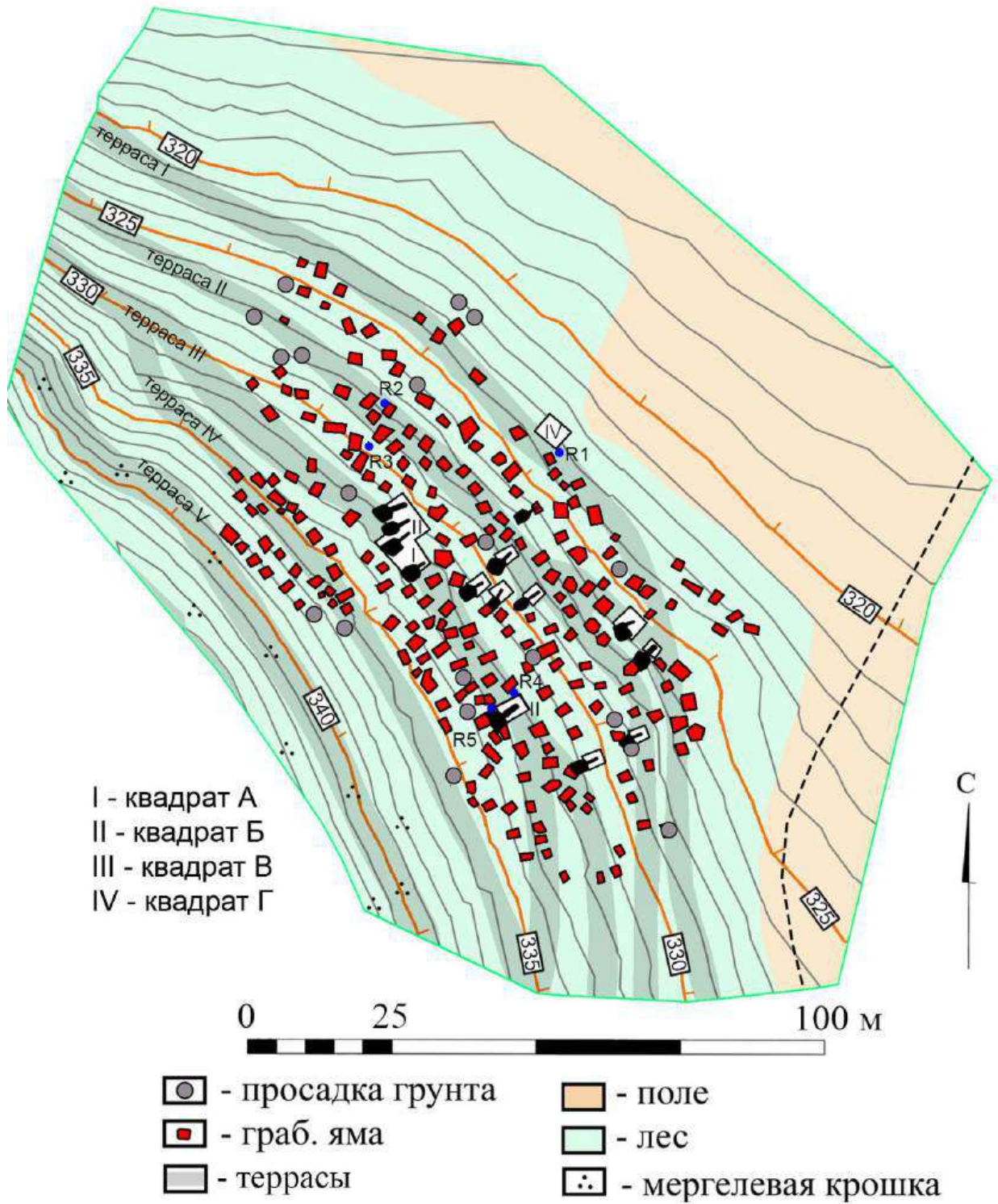

Рис. 52. Адым-Чокракский могильник. Топографический план 2023 г.

Рис. 53. Каралезский могильник. Проекция топографического плана некрополя на объемной модели местности

Рис. 54. Каралезский могильник. Общий вид на западный склон г. Чердаклы-баир.

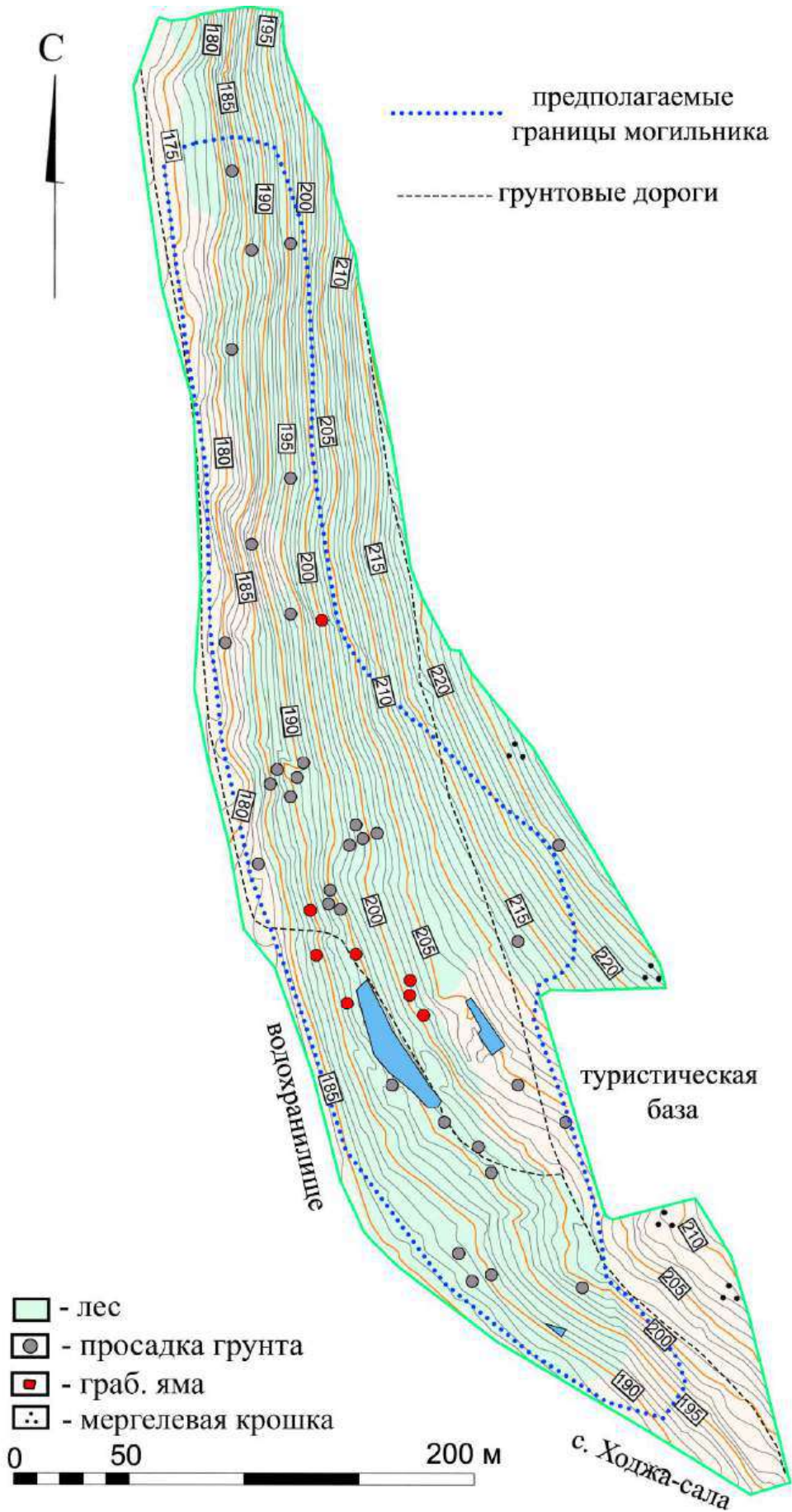

Рис. 56. Каралезский могильник. Ситуационный план округи могильника. Топографический план 2024 г.

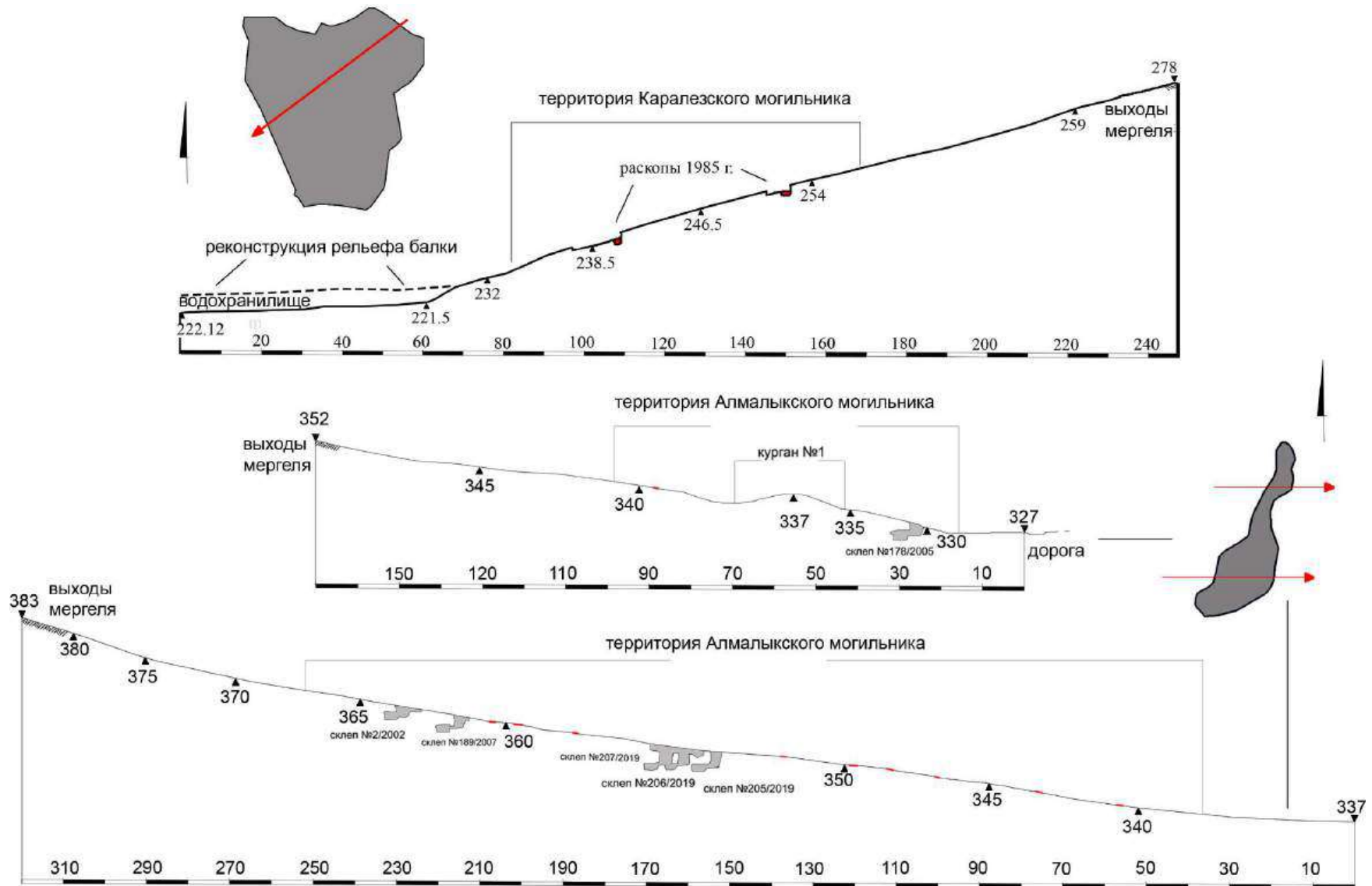

Рис. 57. Разрезы склонов с местоположением Каралезского и Алмалыкского могильников.

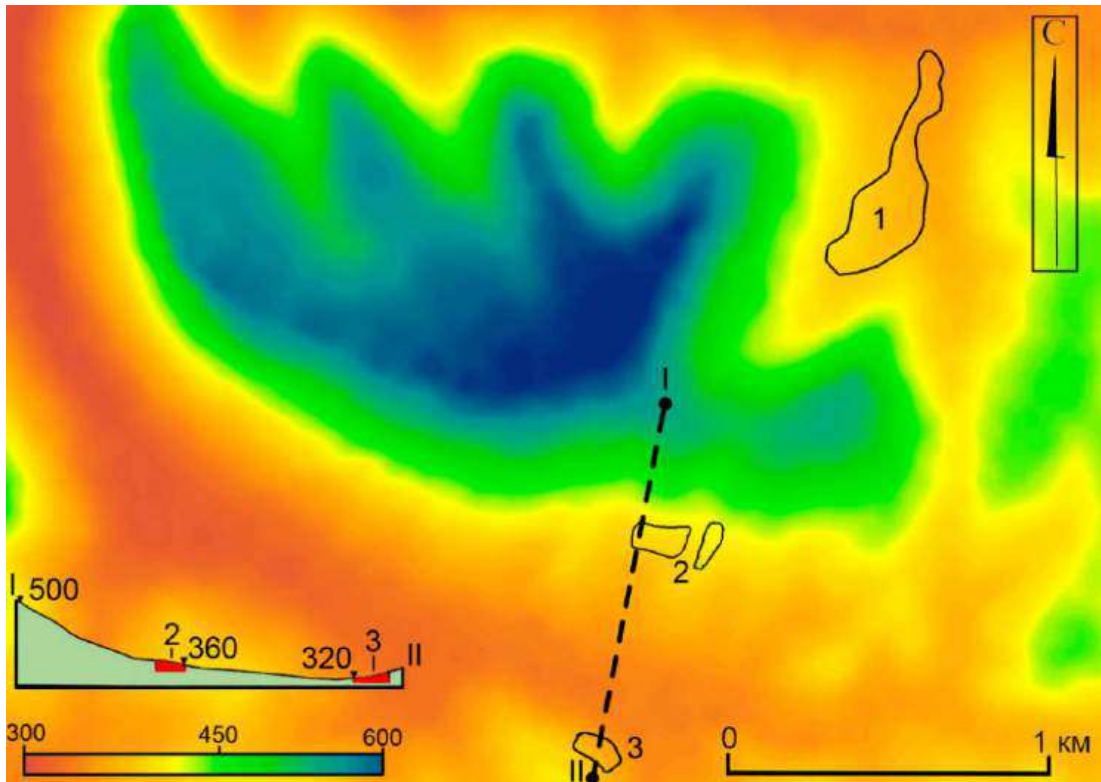

Рис. 58. Ландшафтный разрез по цифровой модели рельефа Адым-Чокракской долины с местоположением некрополей южной периферии. 1 - Алмалыкский могильник; 2 – Южно-Мангупский могильник; 3 – Адым-Чокракский могильник.

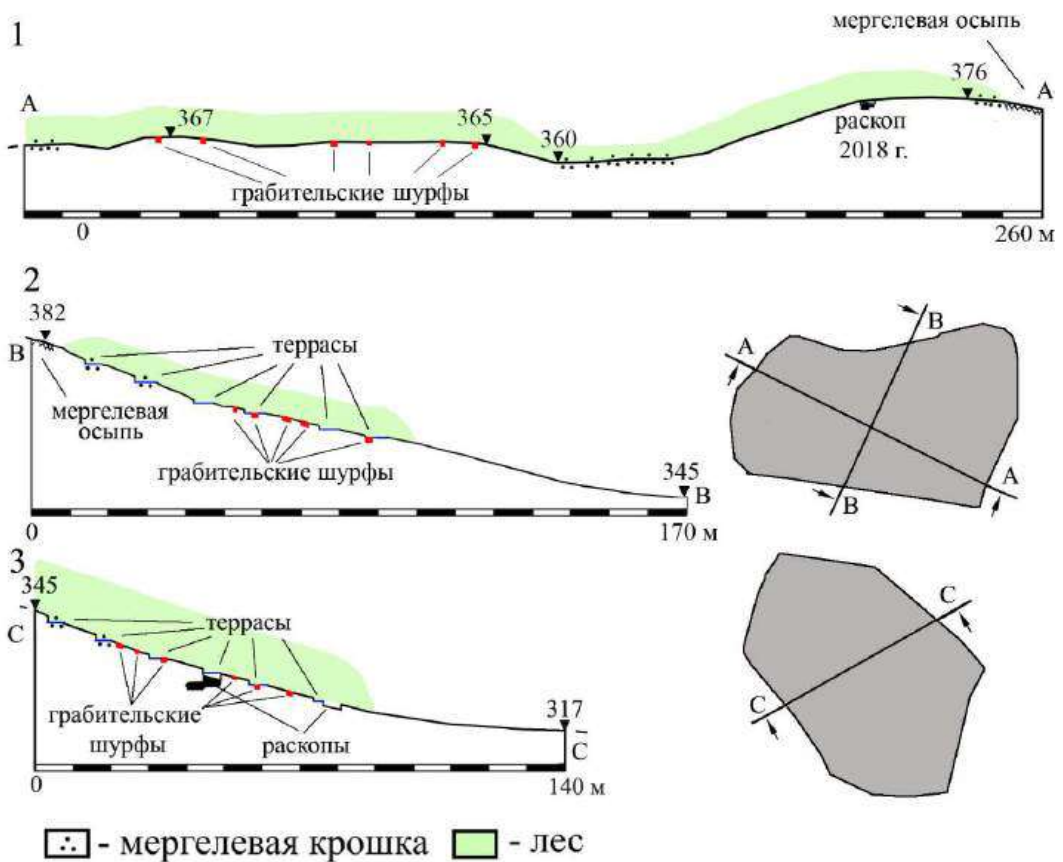

Рис. 59. Рельефные разрезы Южно-Мангупского (1,2) и Адым-Чокракского (3) могильников.

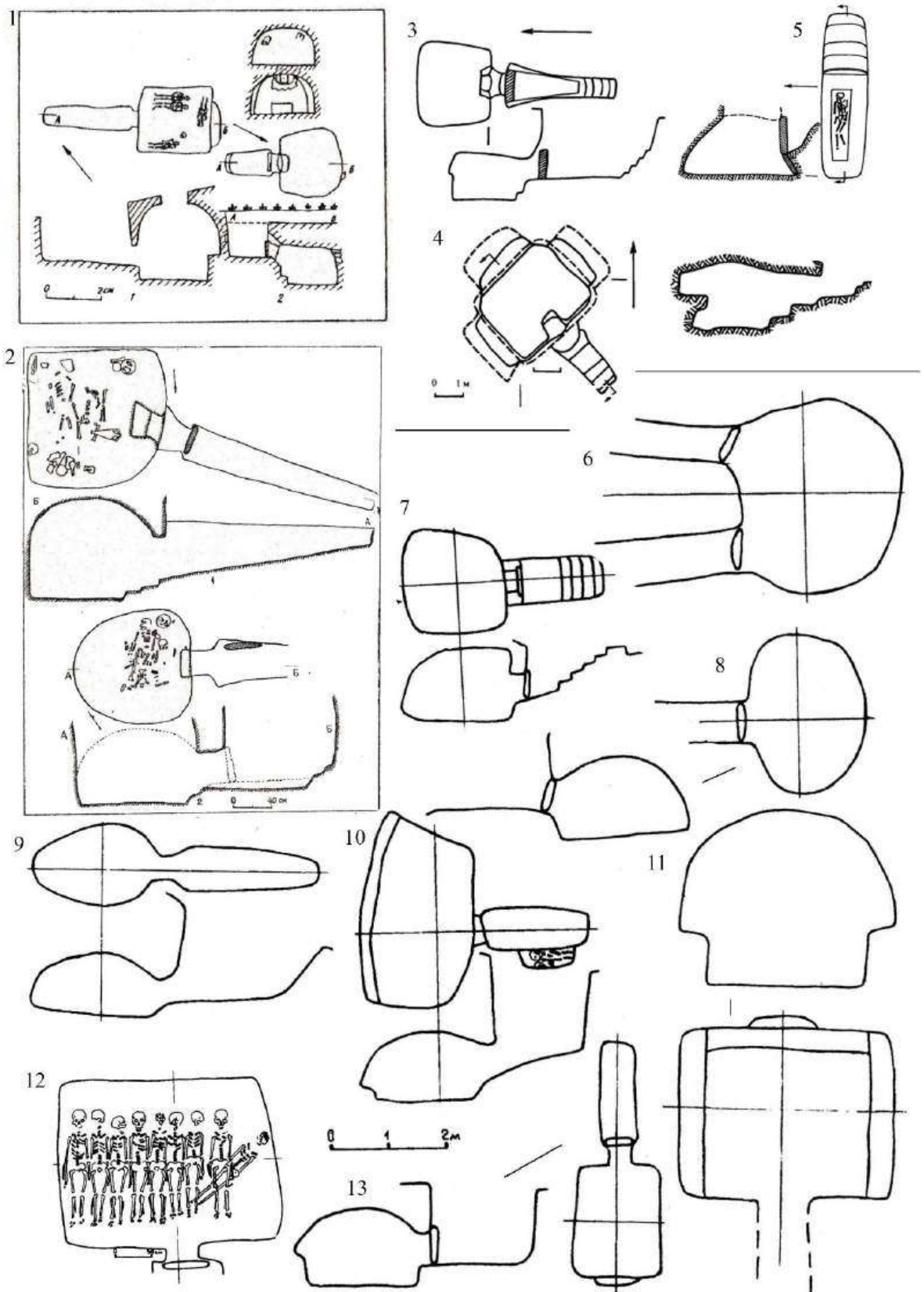

Рис. 60. 1 – склепы 1 и 2 вариантов [по: Айбабин, 1987, с. 188–193, рис. 9,10]; 3 – склеп 1-го варианта; 4 – склеп 2-го варианта; 5 – склеп 3-го варианта [по: Айбабин, 1999, С. 18–23, рис. 5–7]; 6–13 – склепы VIII – IX вв. [по: Айбабин, 1993, С. 127, рис. 17].

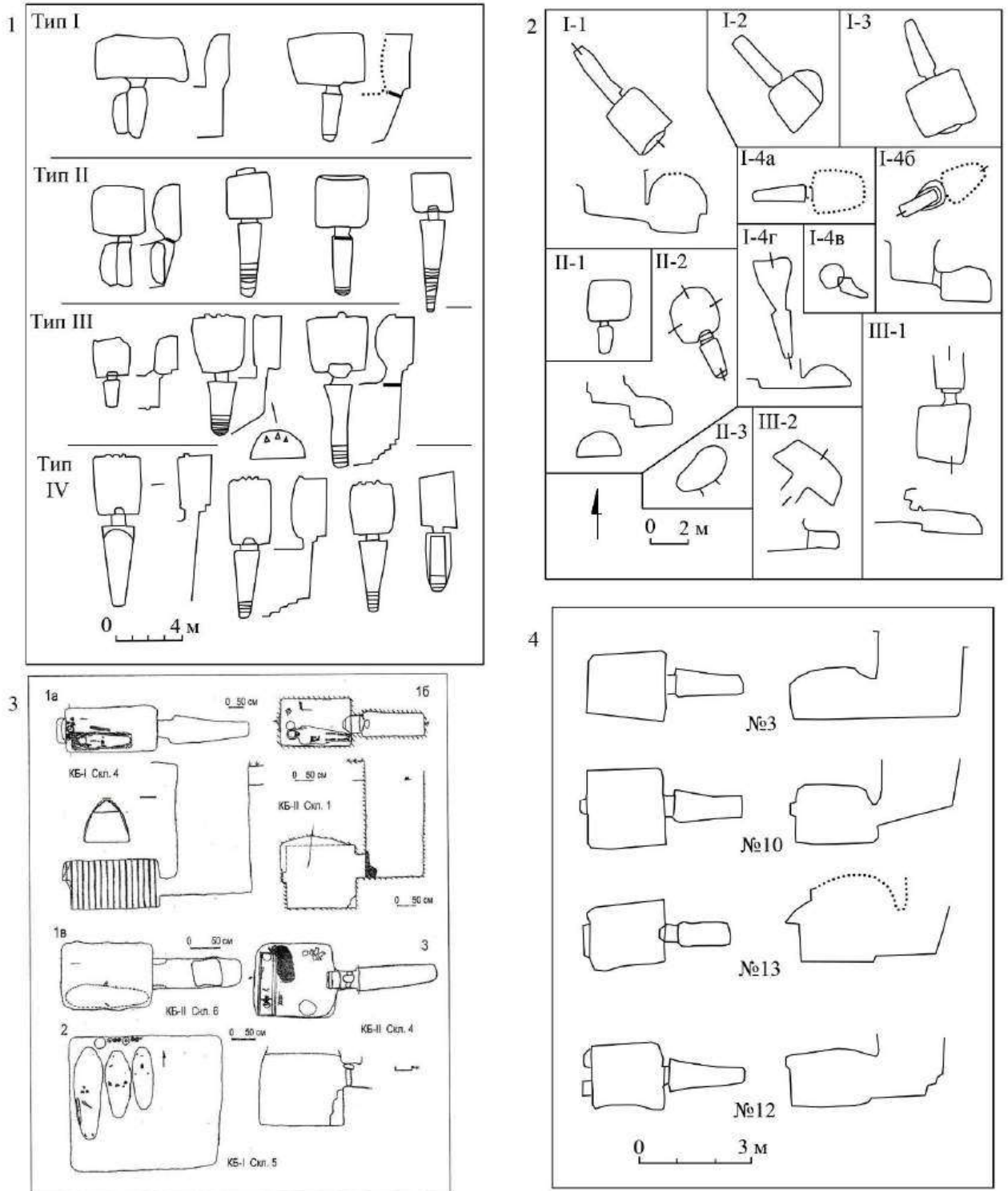

Рис. 61. Типологии и вариации склепов IV – VI вв. в Крыму: 1 – типология В.Ю. Юрочкина [по: Юрочкин, 2002, с. 129-131, рис. 1]; 2 – типология С.В. Ушакова [по: Ушаков, 1999а, рис. 3]; 3 – вариации склепов могильника Карши-баир [по: Ушаков, 2010, рис. 36. 4]; 4 – вариации склепов могильника Совхоз №10 [по: Высотская, 1997, рис. 1].

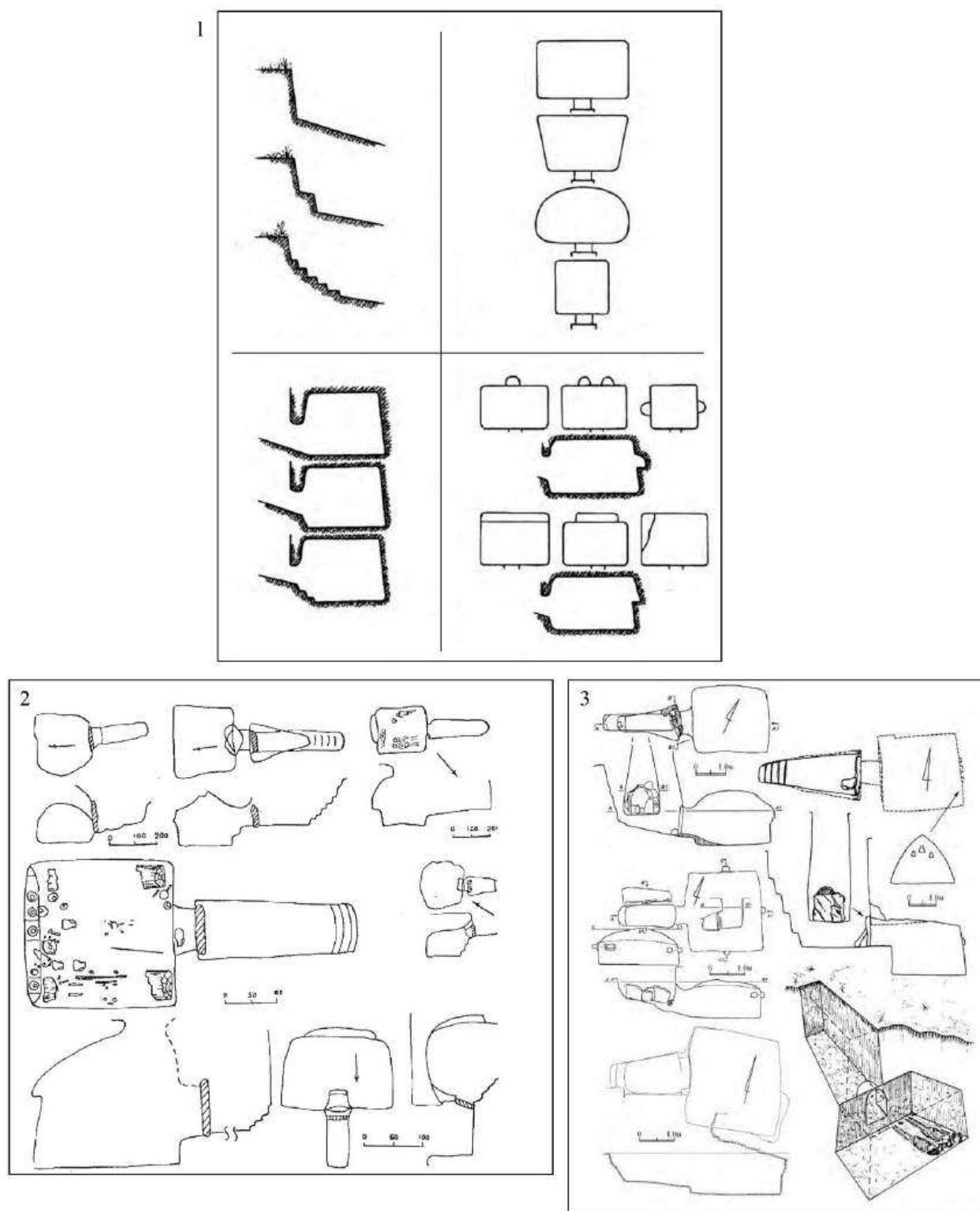

Рис. 62. Различные формы и особенности конструкций склепов: 1 – варианты конструктивных деталей склепов позднеримского времени [по: Мульд, 1996, рис. 6б]; 2 – склепы могильников Юго-Западного Крыма [по: Пиоро, 1990, рис. 36]; 3 – склепы могильников Юго-Западного Крыма [по: Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 34].

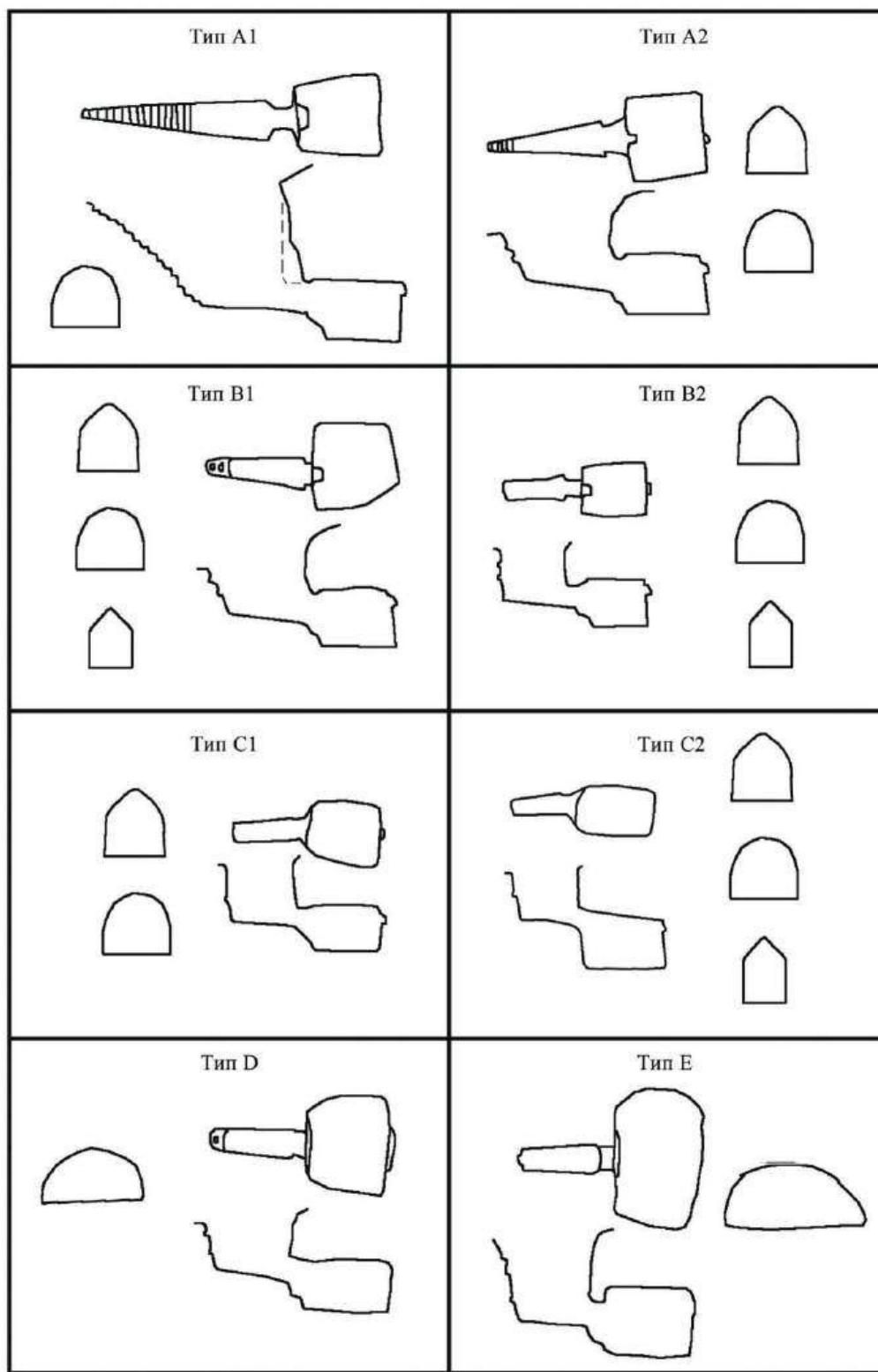
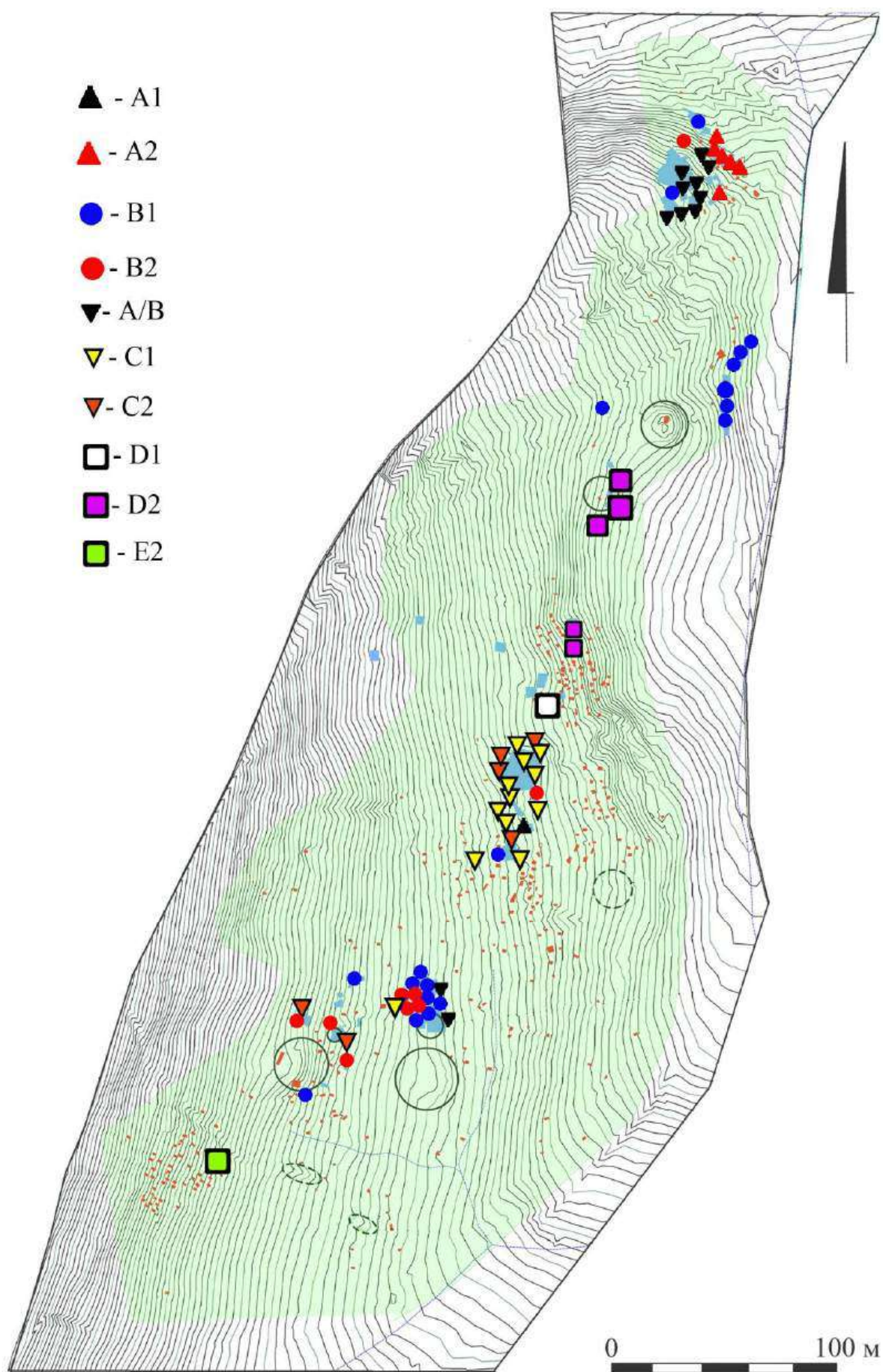

Рис. 63. Типологии склепов Алмалькского могильника
[по: Науменко, Герцен, Набоков, 2022, рис. 5].

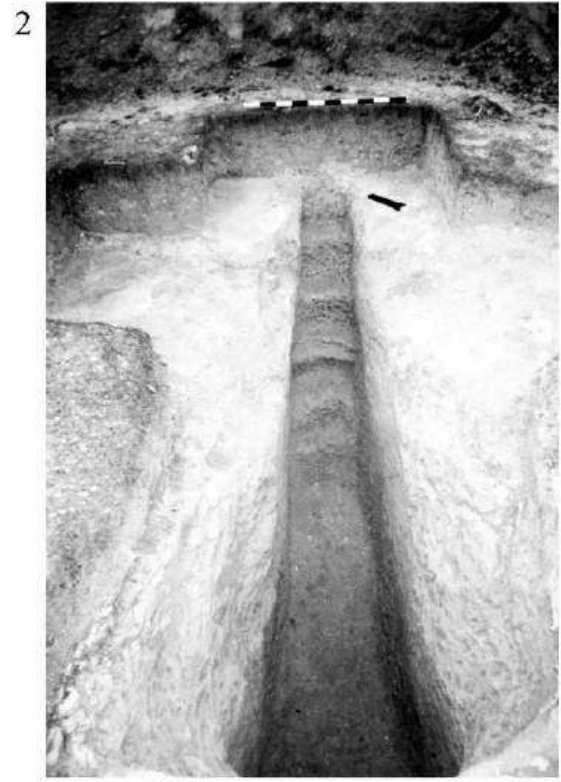

Рас. 64. Алмалыкский могильник. Карта распространения различных типов склепов.

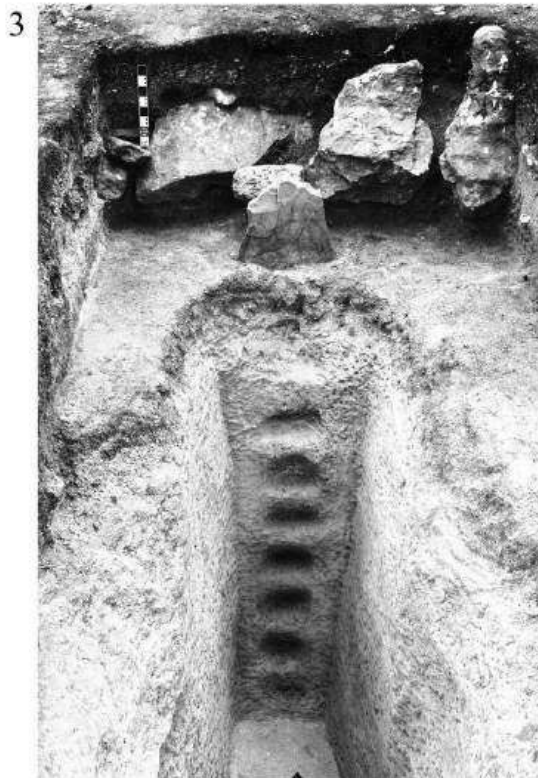

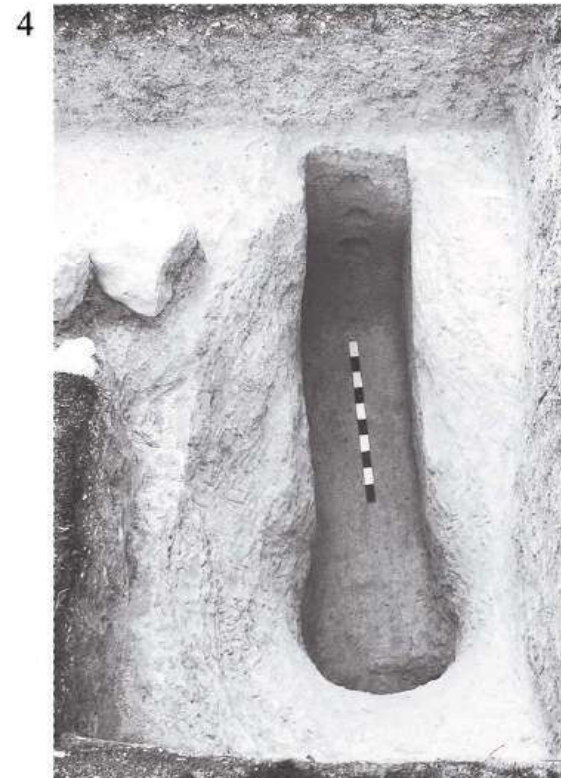
Входная яма склепа №2/1996 типа А1

Входная яма склепа №155/2003 типа А2

Входная яма склепа №189/2007 типа В1

Входная яма склепа №198/2007 типа В2

Рис. 65. Ступени и ниши-ступени во входных ямах склепов групп А и В.

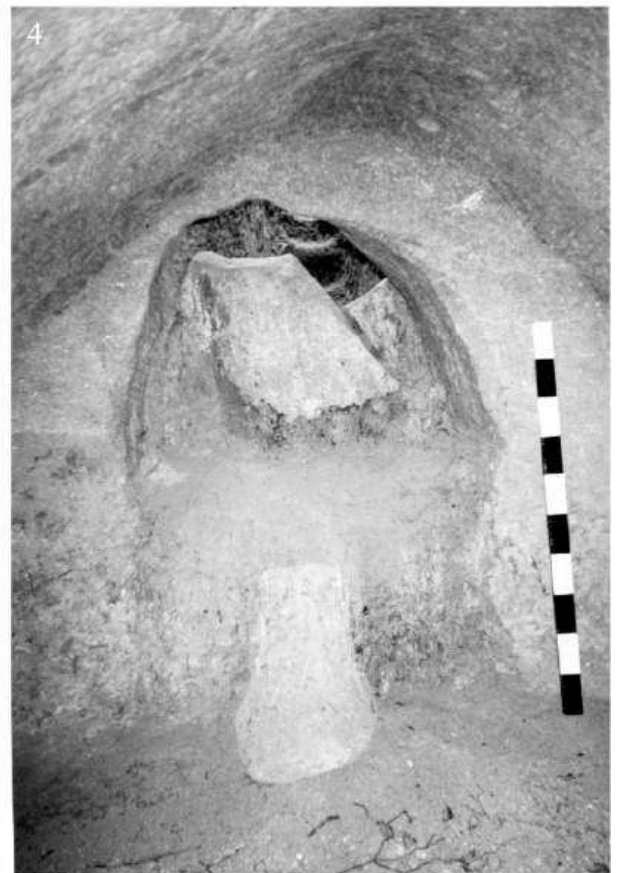
Склеп №199/2011 типа В1

Склеп №204 типа В1

Склеп №185/2006 типа А/В

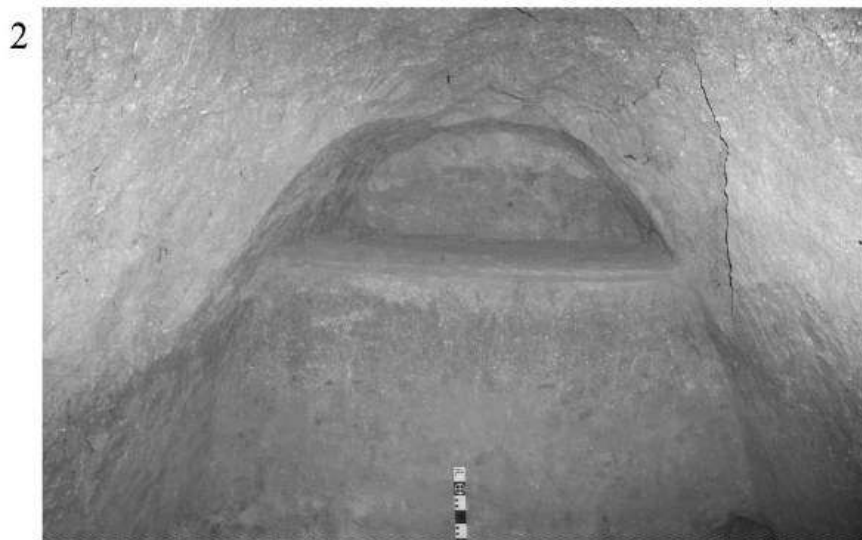

Склеп №158/2003 типа А2

Рис. 66. Алмалыкский могильник. Ступени в погребальных камерах склепов групп А и В.

Ниша в камере склепа №160/2003 типа А2

Большая полка в камере склепа №178/2005 типа В1

Ниши в камере склепа 203/2019 типа В2

Рис. 67. Алмалыкский могильник. Ниши и полочки в камерах склепов различных типов.

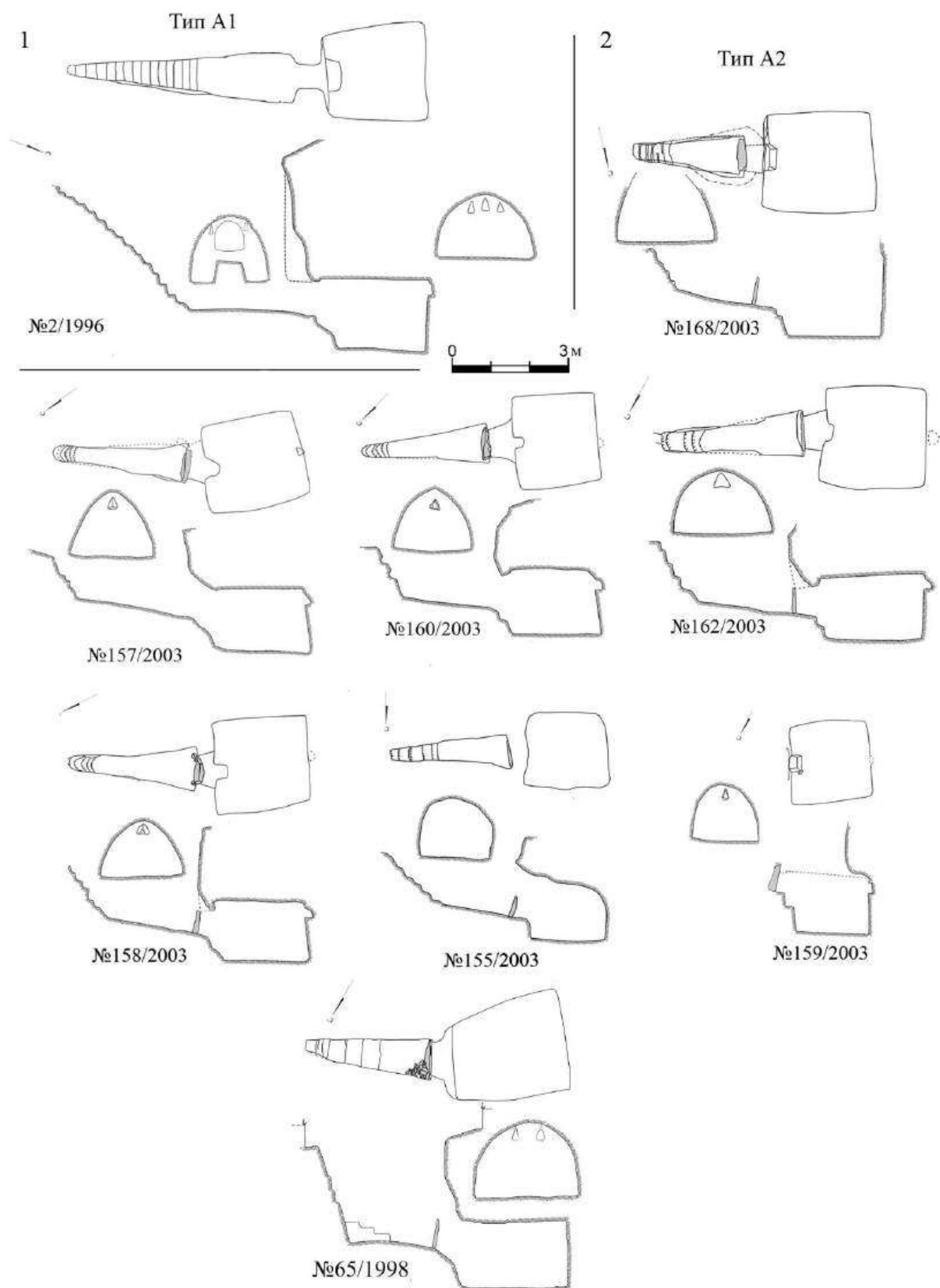

Рис.68. Алмалыкский могильник. Склепы группы А.

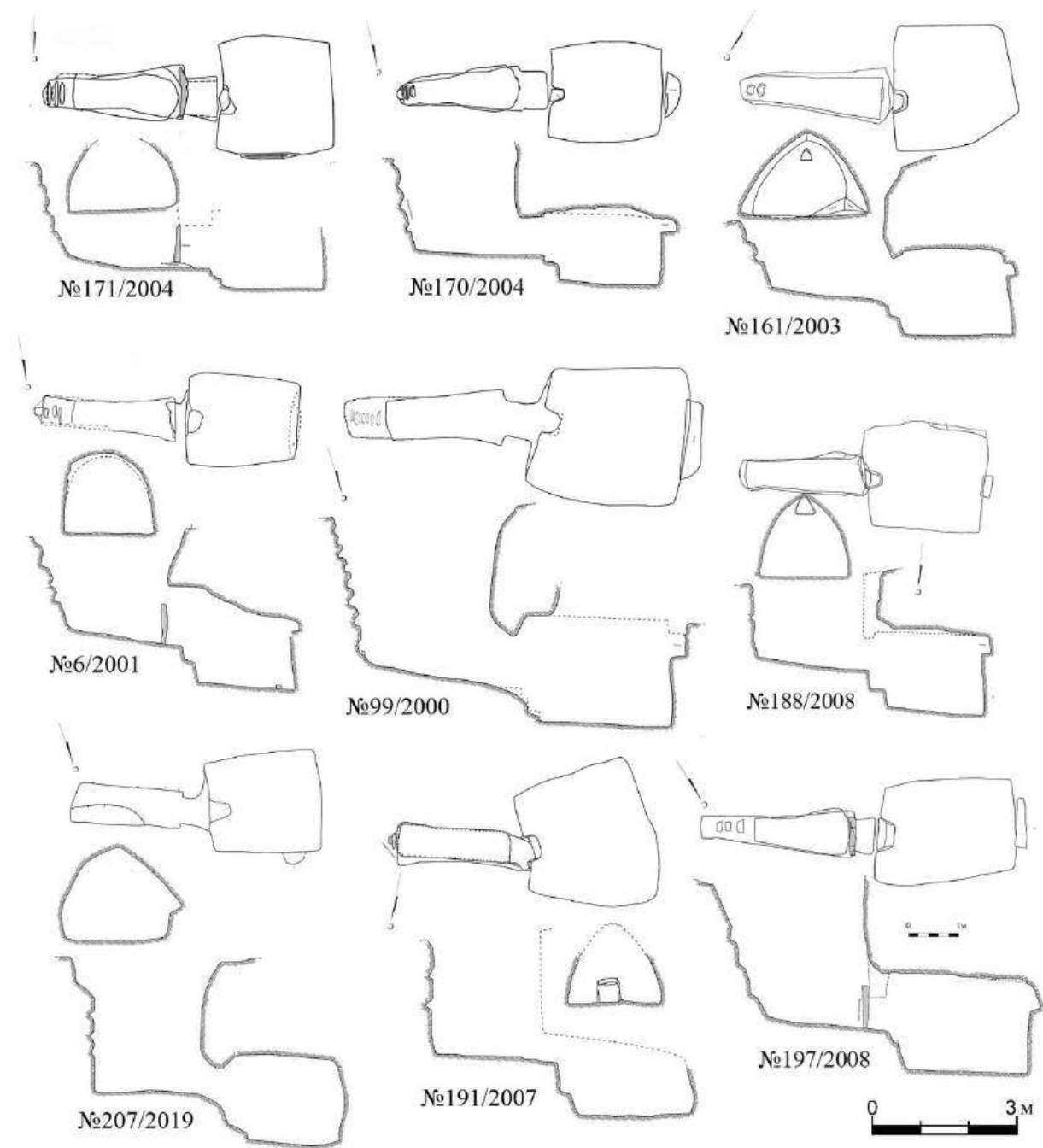

Рис. 69. Алмалыкский могильник. Склепы типа В1.

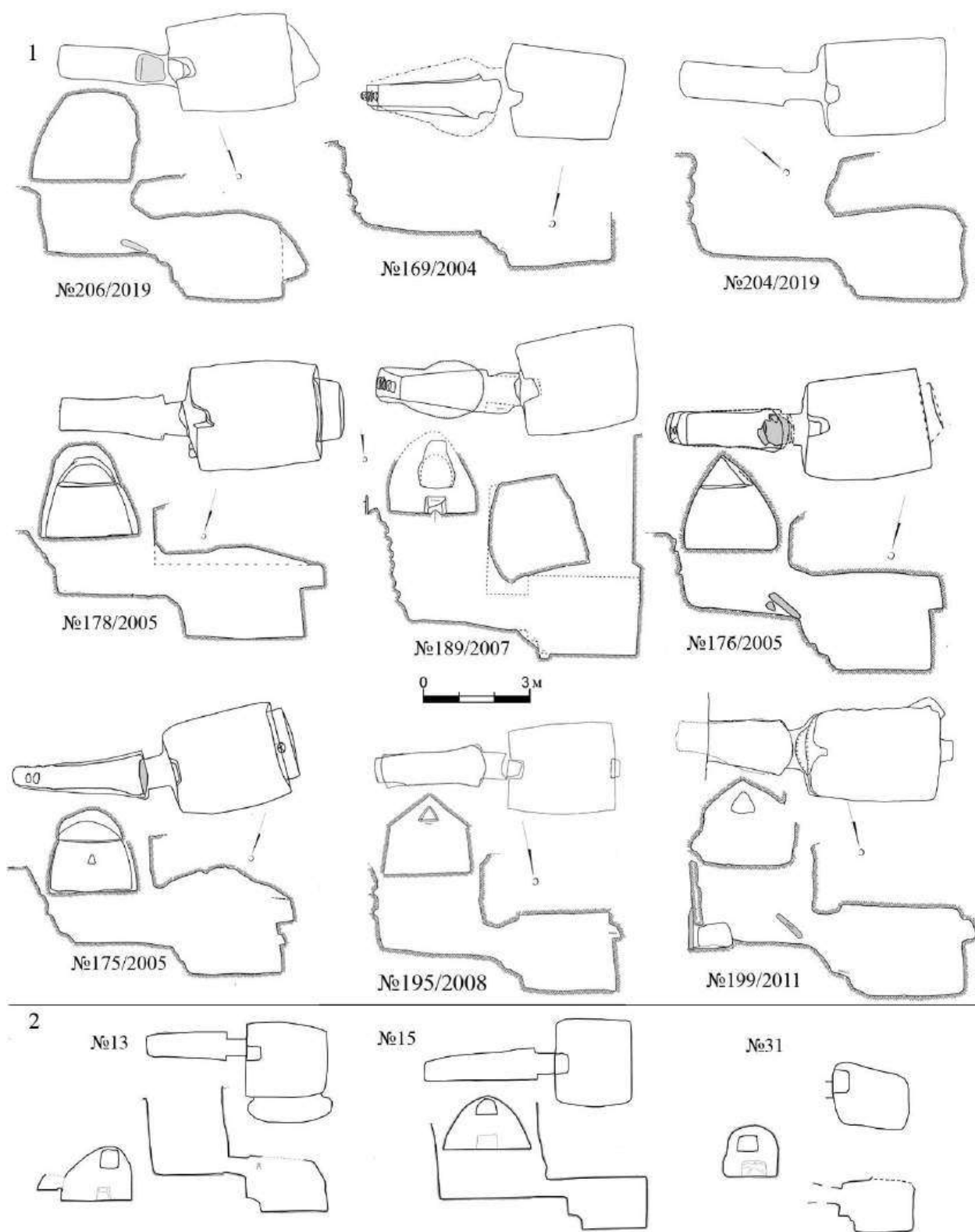

Рис. 70. Склепы типа В1: 1 – Алмалыкский могильник; 2 – Каралезский могильник.

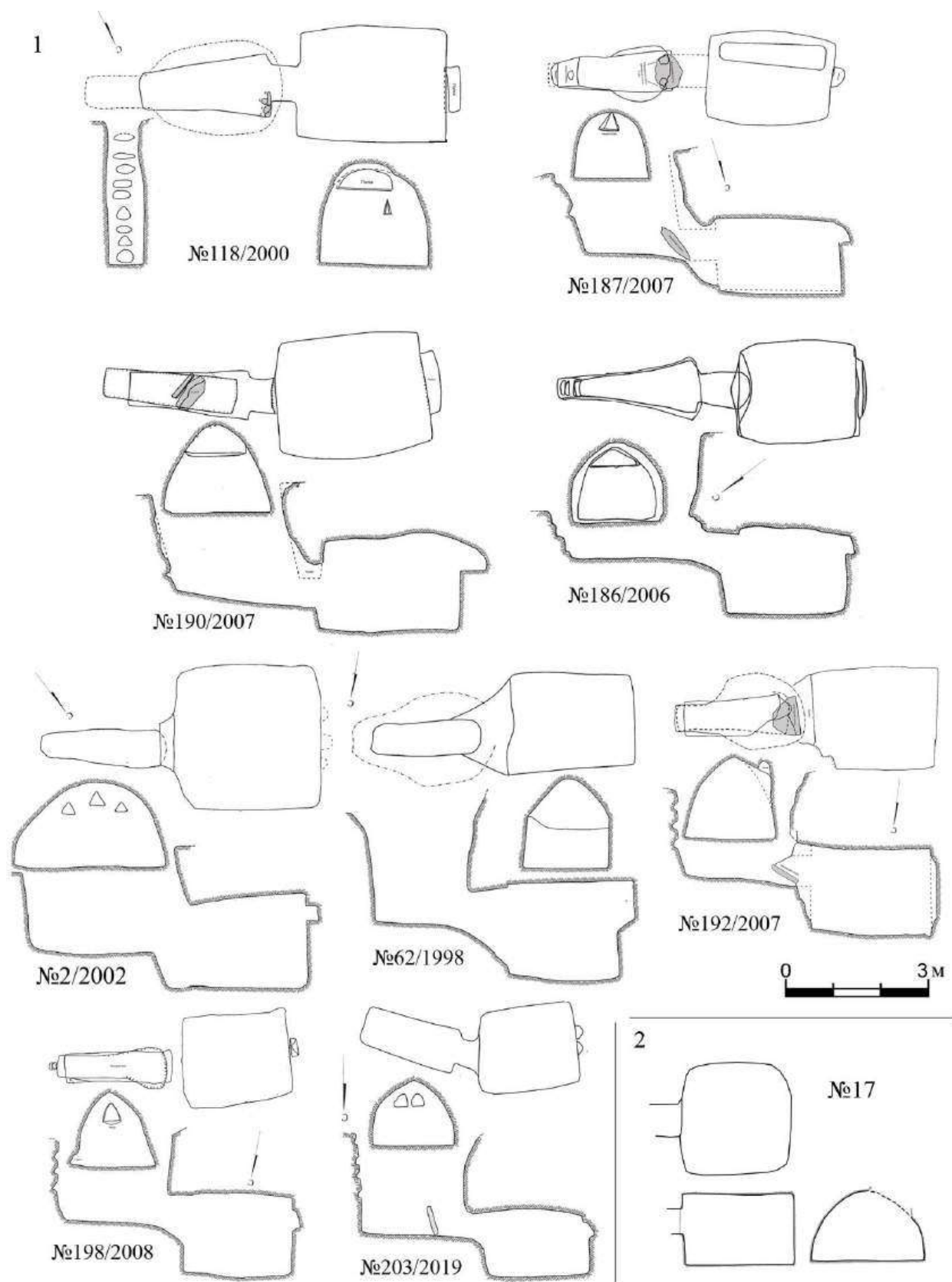

Рис. 71. Склепы типа В2: 1 – Алмалыкский могильник; 2 – Каралезский могильник.

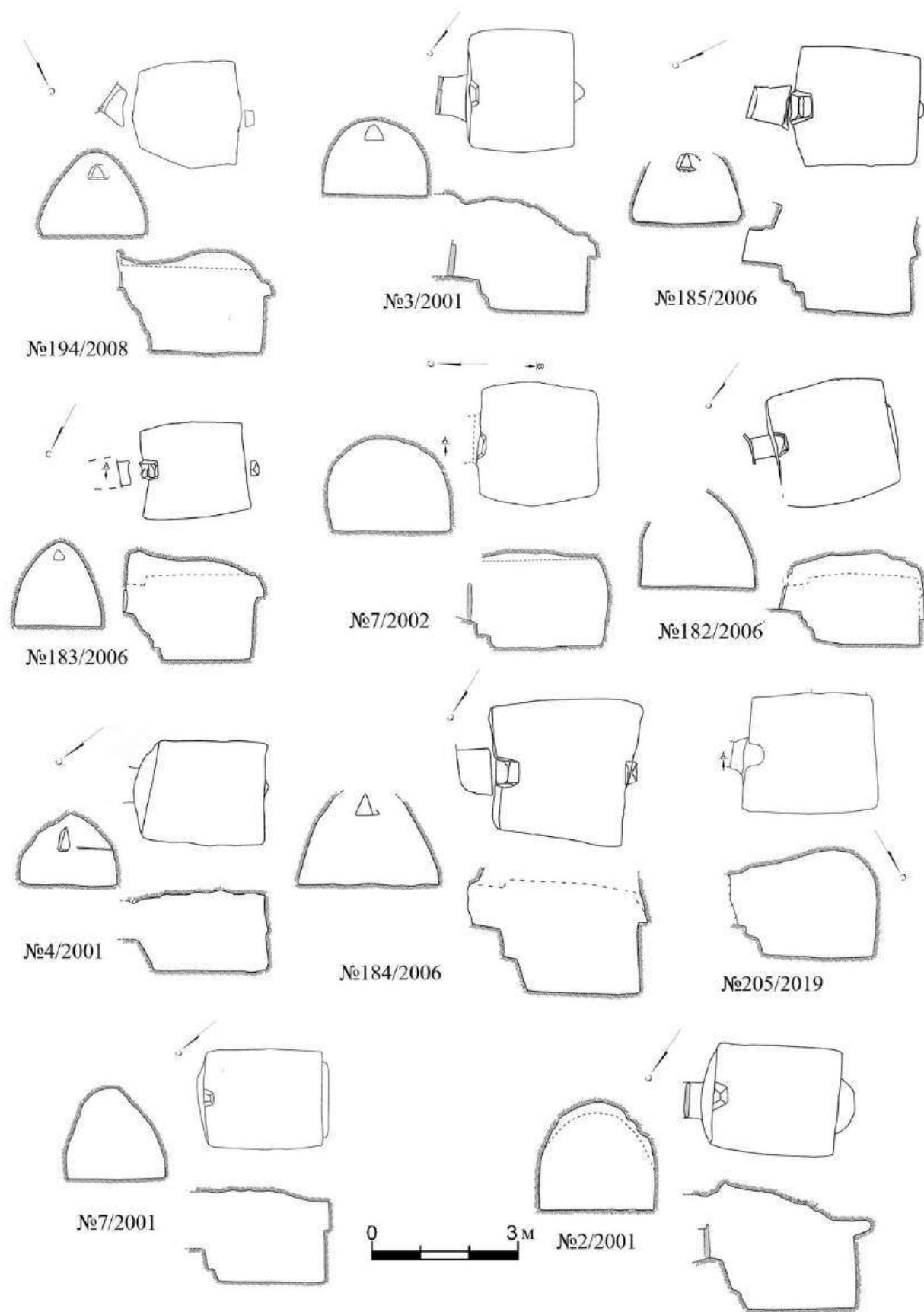

Рис. 72. Алмалыкский могильник. Склепы группы А/В.

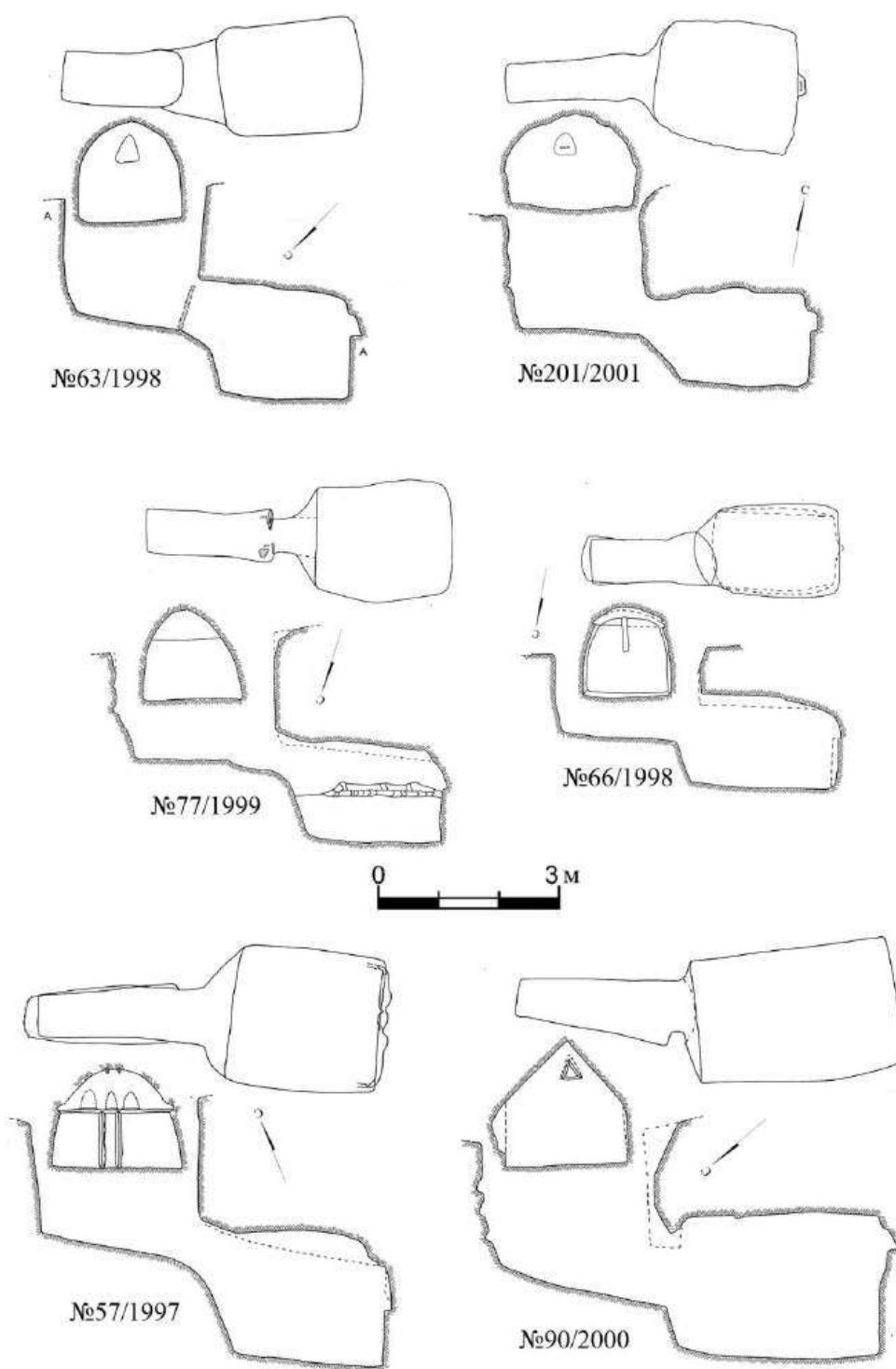

Рис. 73. Алмалыкский могильник. Склепы типа С1.

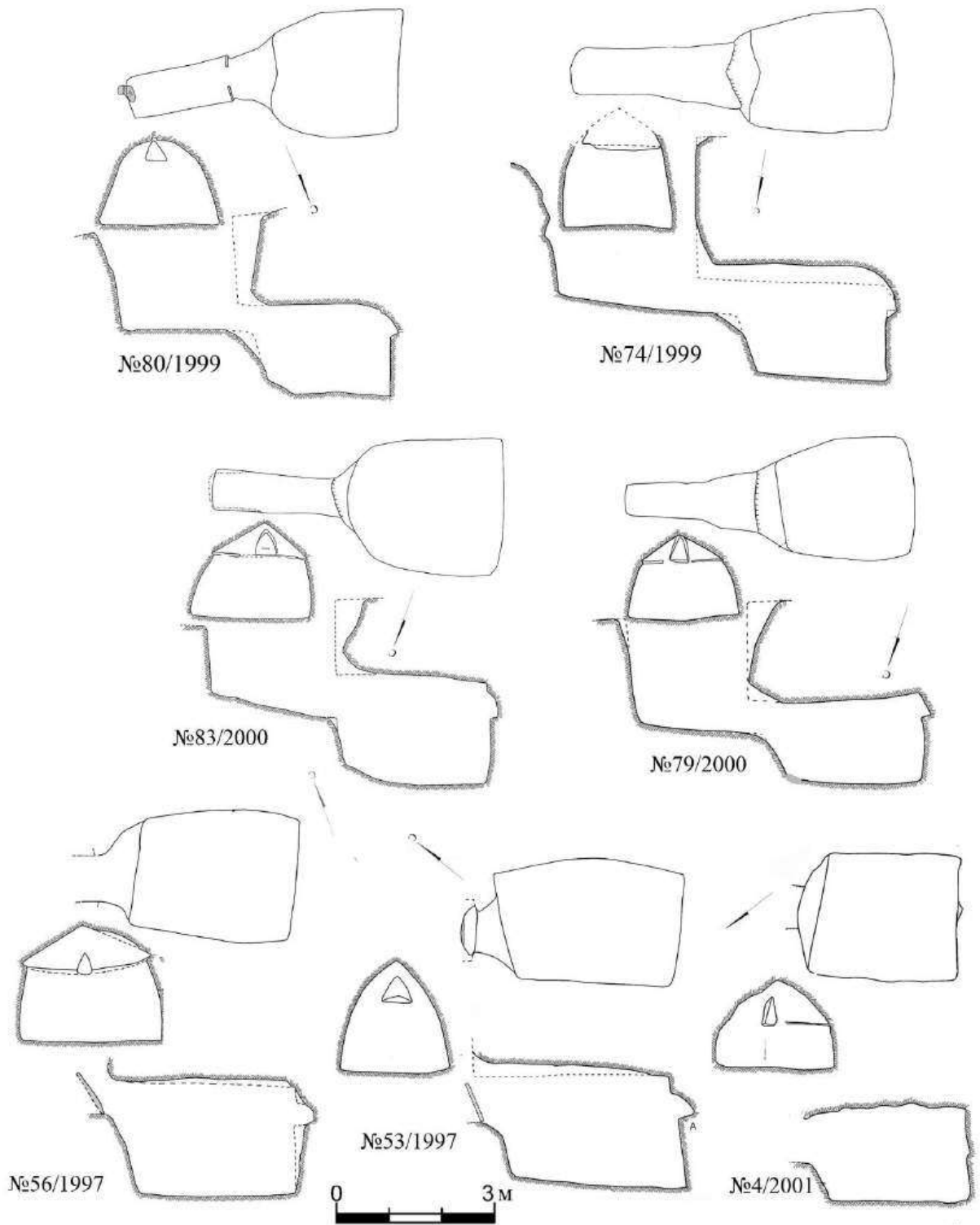

Рис. 74. Алмалыкский могильник. Склепы типа С1.

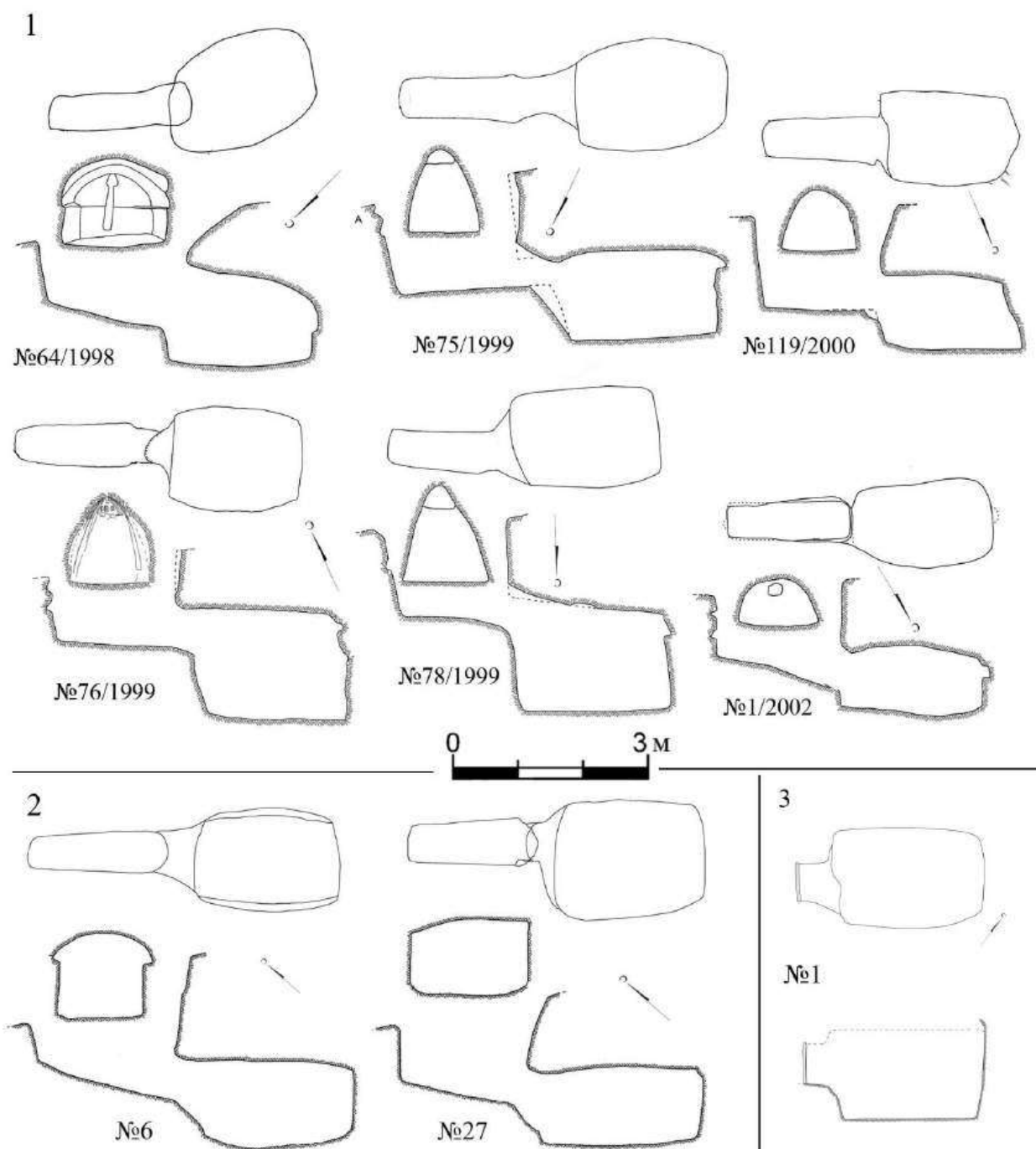

Рис. 75. Склепы типа С2: 1 – Алмалыкский могильник; 2 – Адым-Чокракский могильник; 3 – Каралезский могильник.

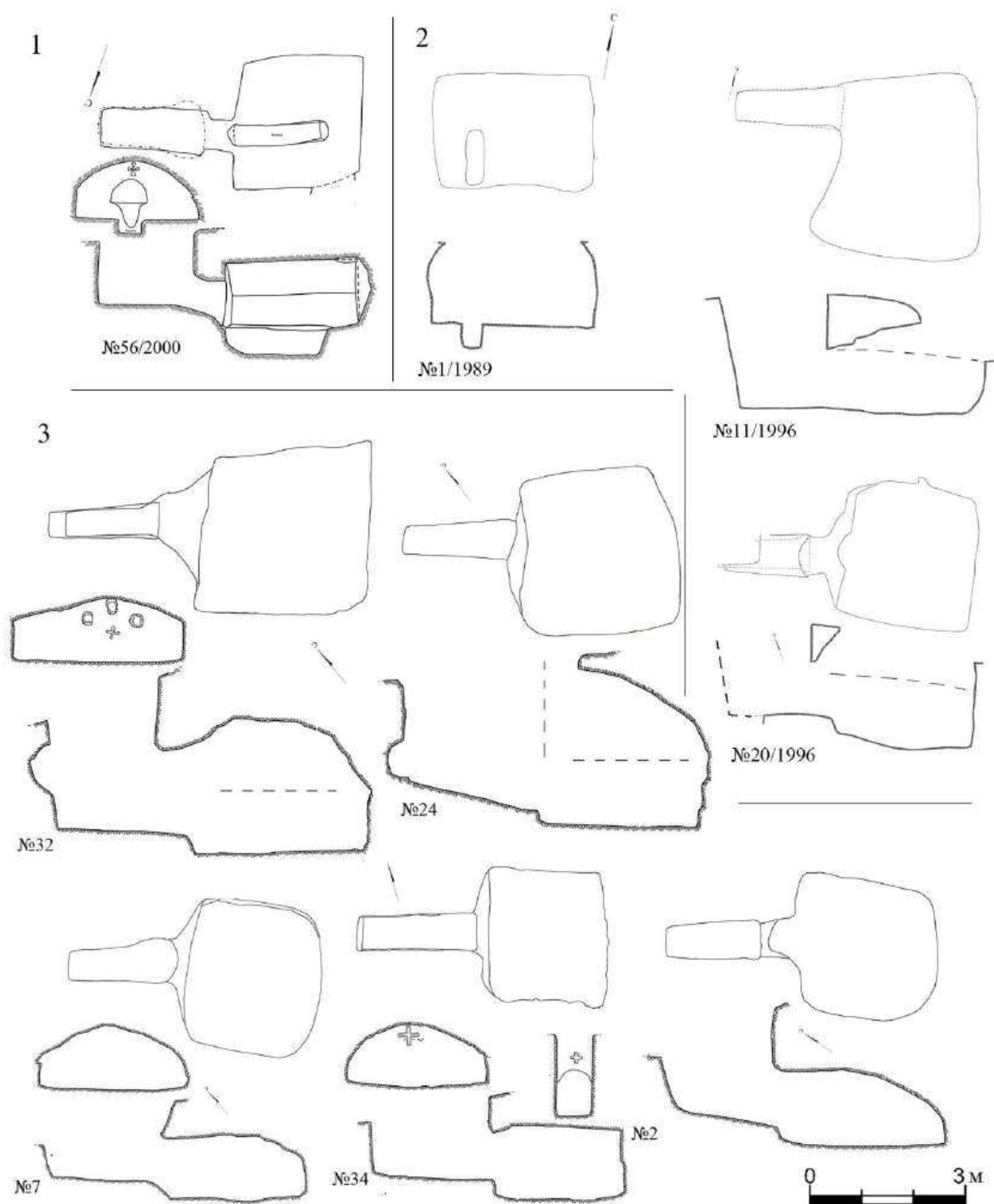

Рис. 76. Склепы типа D1: 1 – Алмалыкский могильник; 2 – Южно-Мангупский могильник; 3 – Адым-Чокракский могильник.

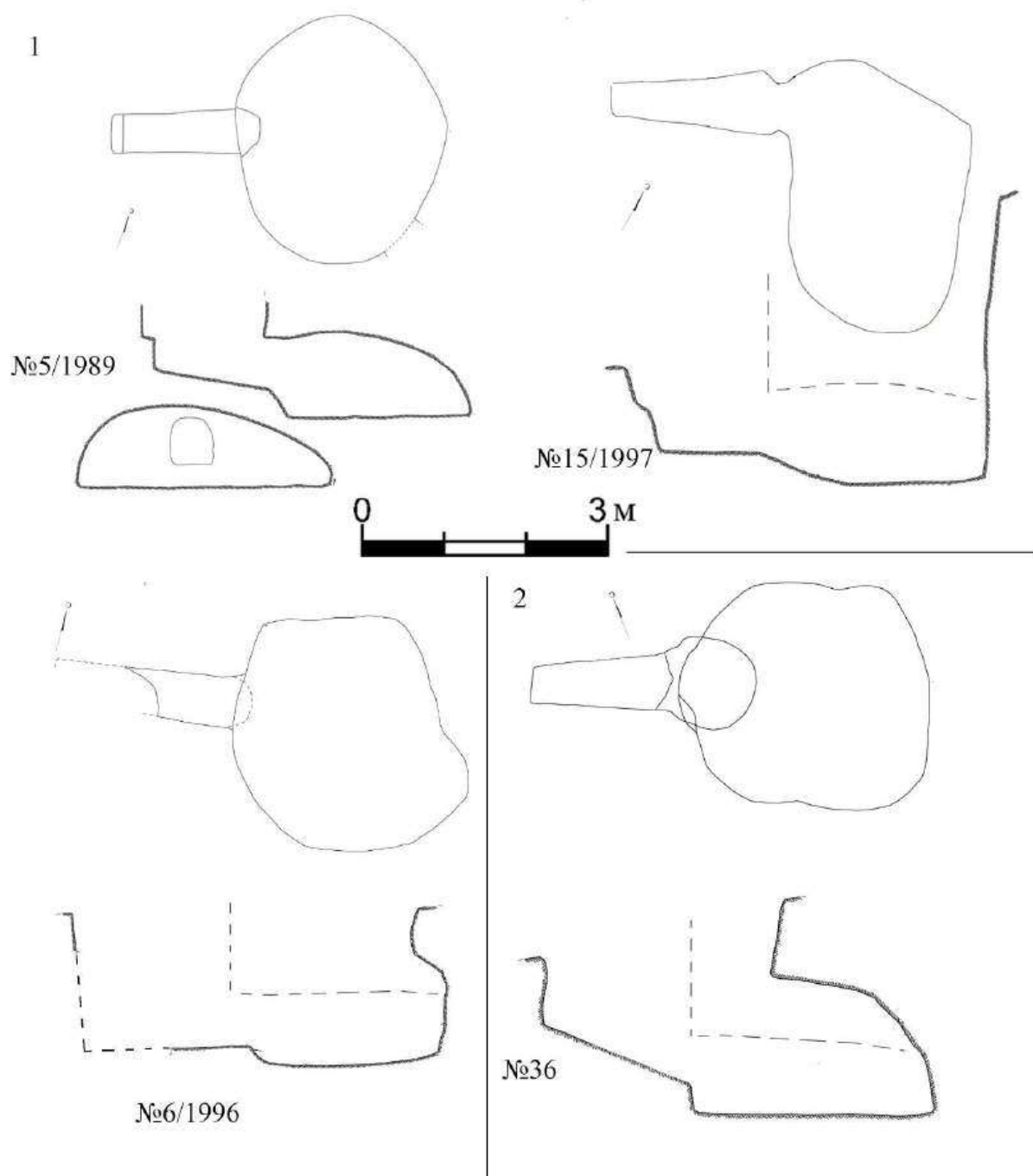

Рис. 77. Склепы типа D1 со скругленной камерой: 1 – Южно-Мангупский могильник; 2 – Адым-Чокракский могильник.

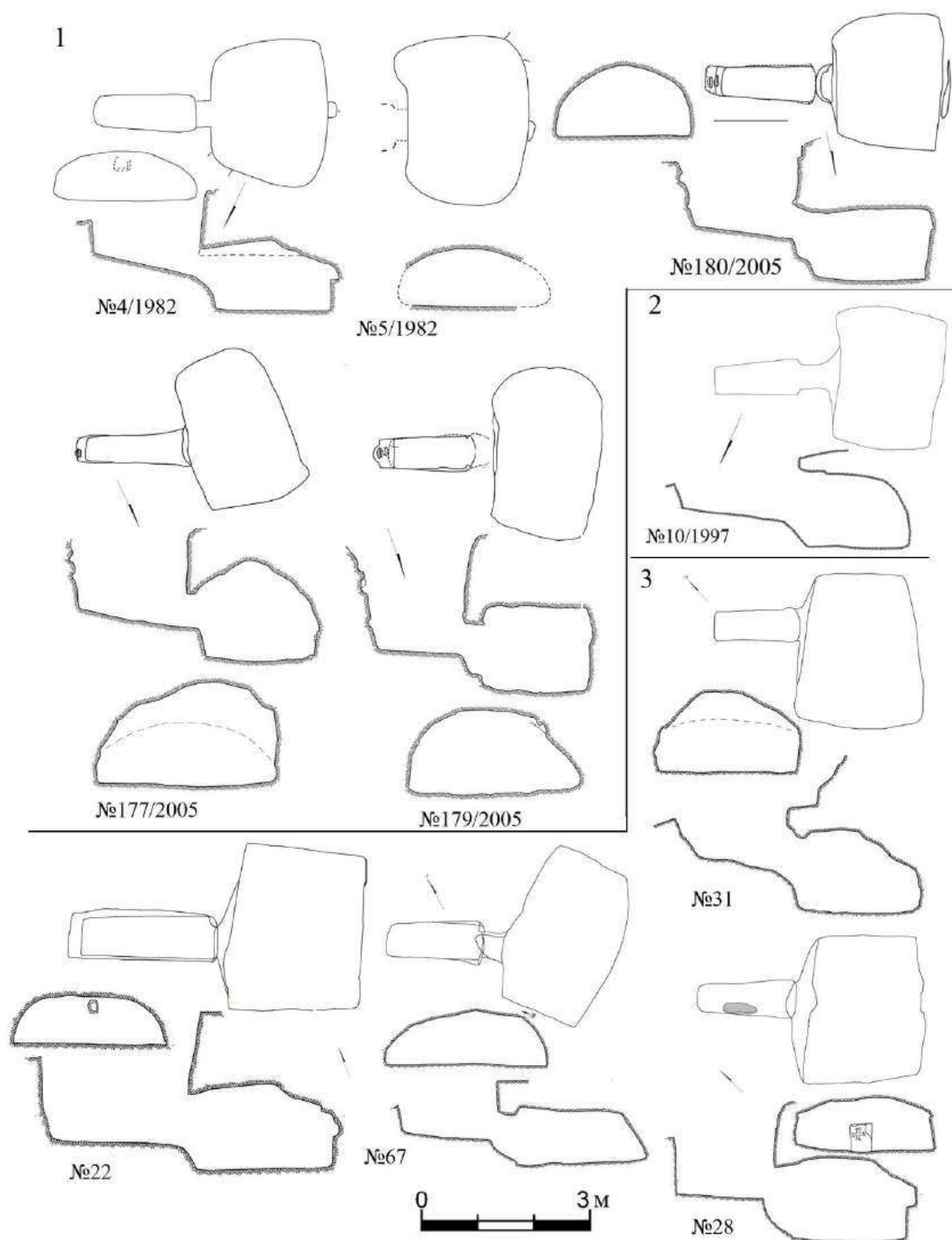

Рис. 78. Склепы типа D2: 1 – Алмалыкский могильник; 2 – Южно-Мангупский могильник; 3 – Адым-Чокракский могильник.

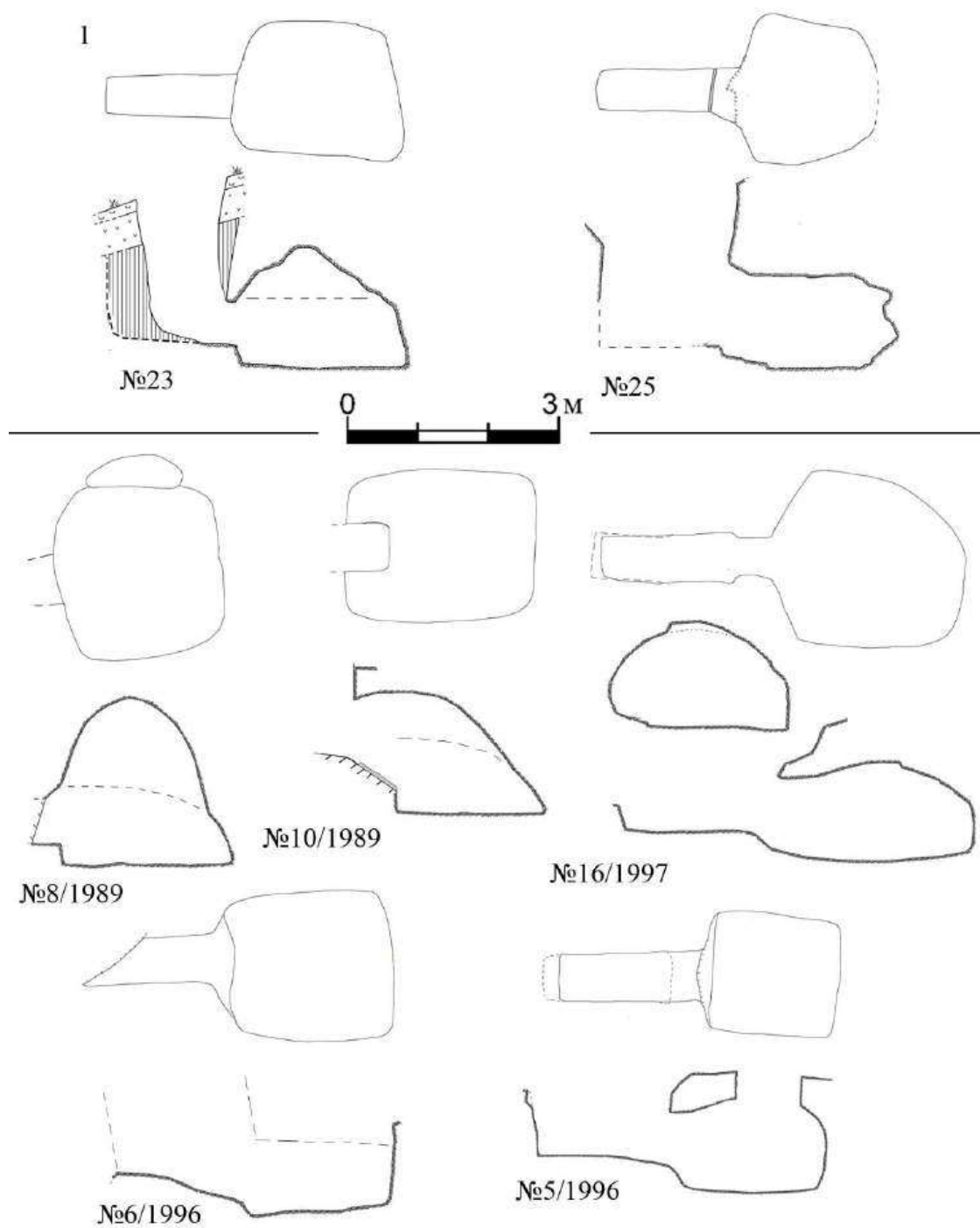

Рис. 79. Склепы типа E1: 1 – Адым-Чокракский могильник; 2 – Южно-Мангупский могильник.

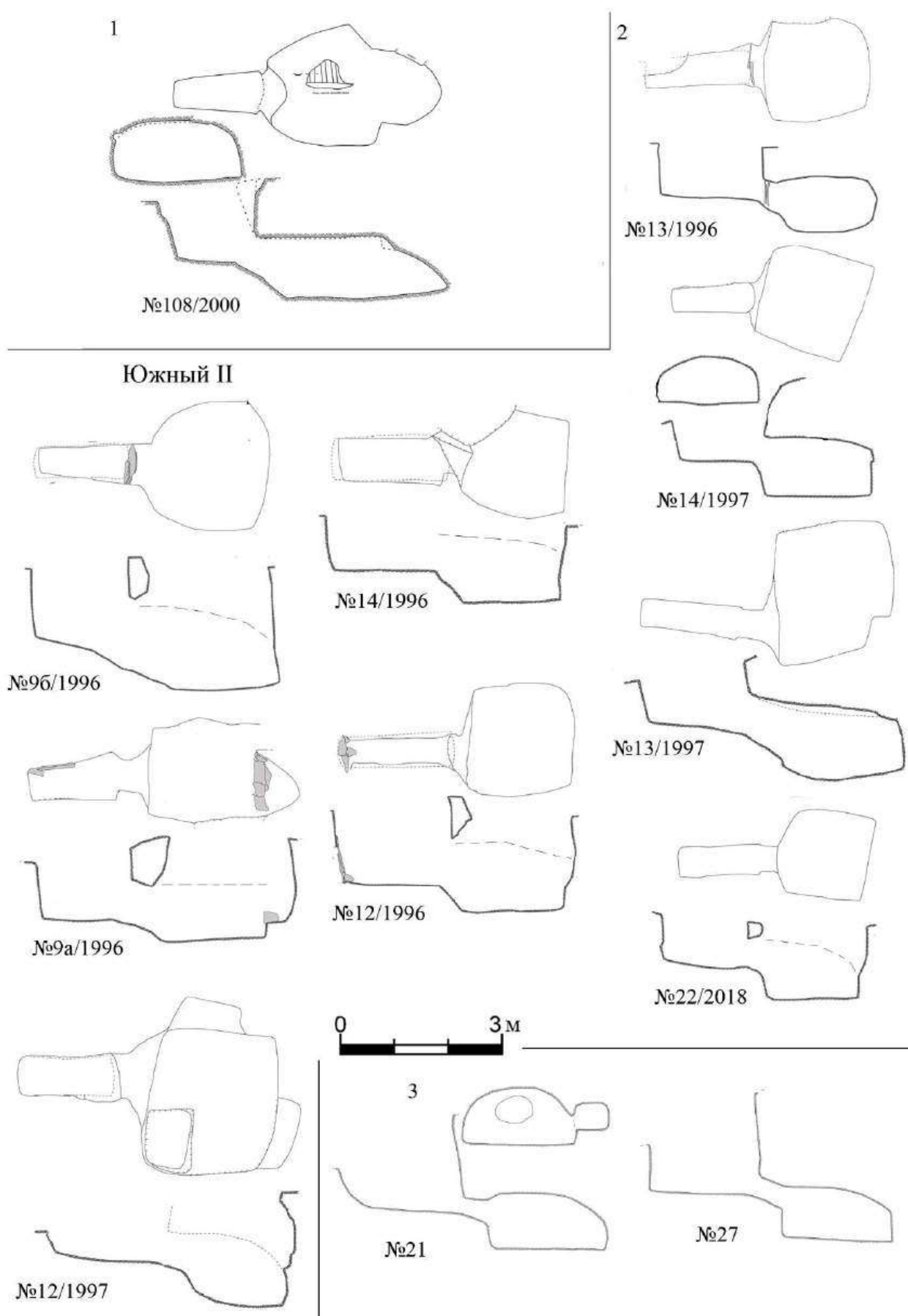

Рис. 80. Склепы типа E2: 1 – Алмалыкский могильник; 2 – Южно-Мангупский могильник; 3 – Каралезский могильник.

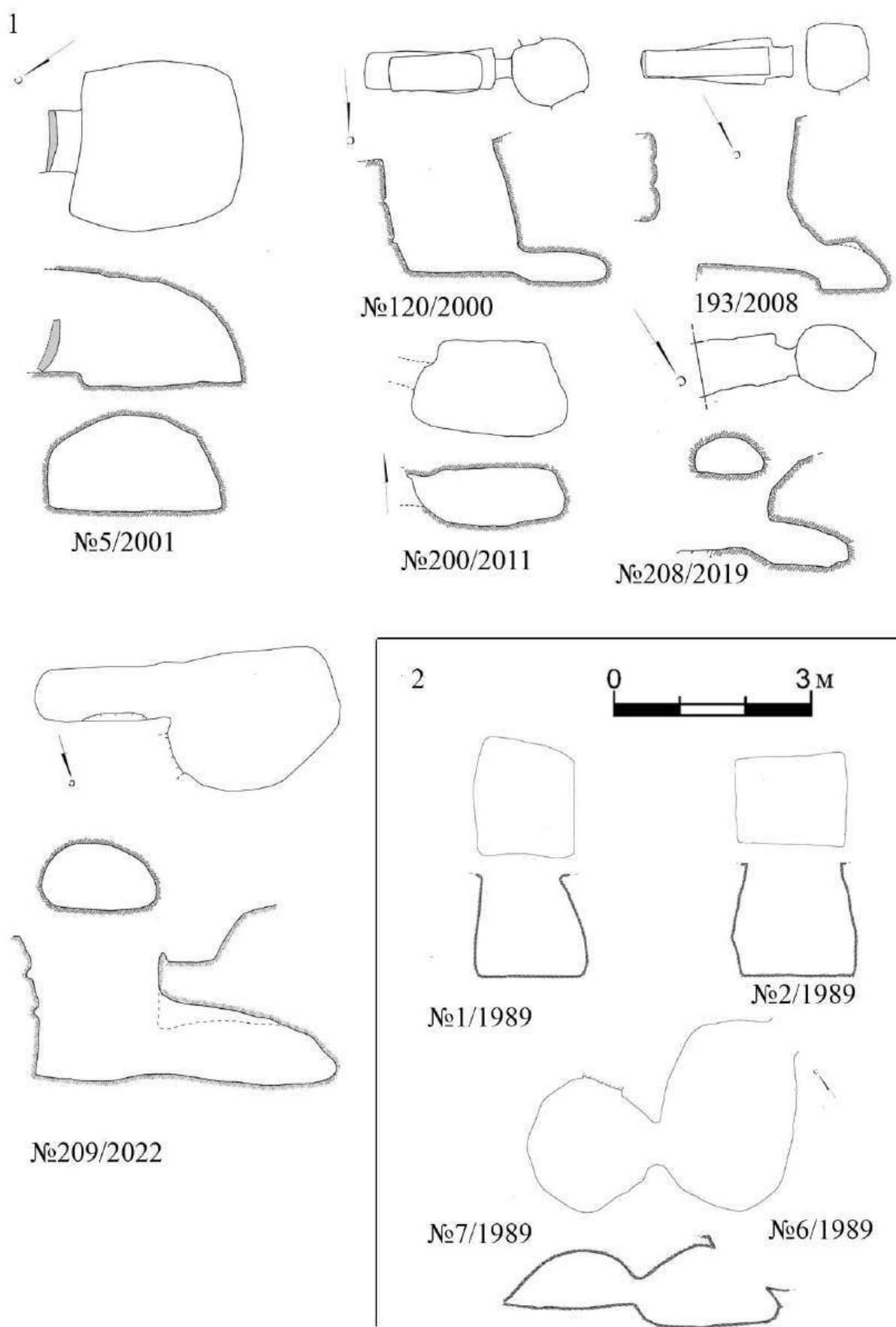

Рис. 81. Склепы неопределенного типа: 1 – Алмалыкский могильник; 2 – Южно-Мангупский могильник.

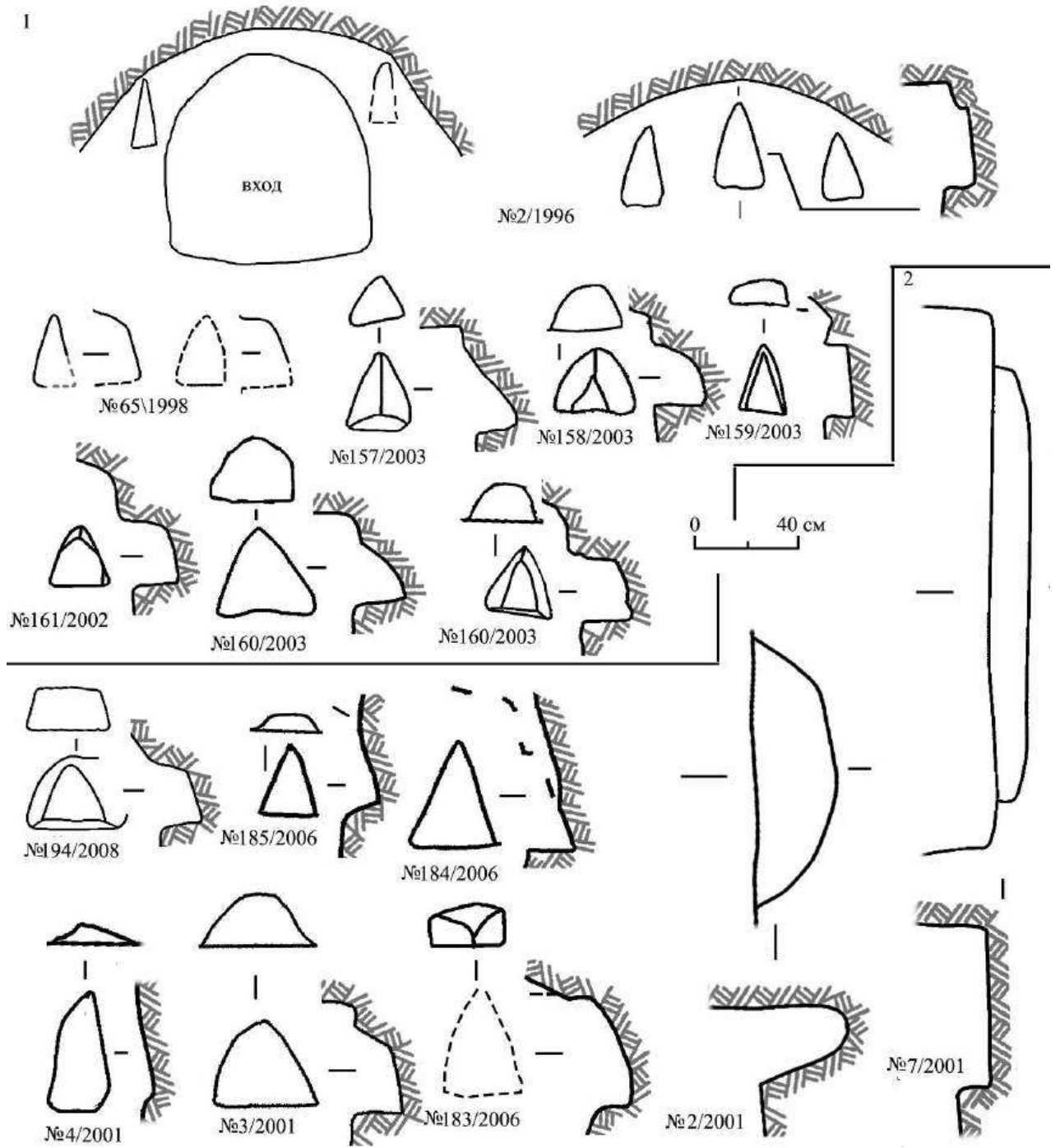

Рис. 82. Алмалыкский могильник. Вариации ниш в склепах: 1 – группа А; 2 – группа А/В.

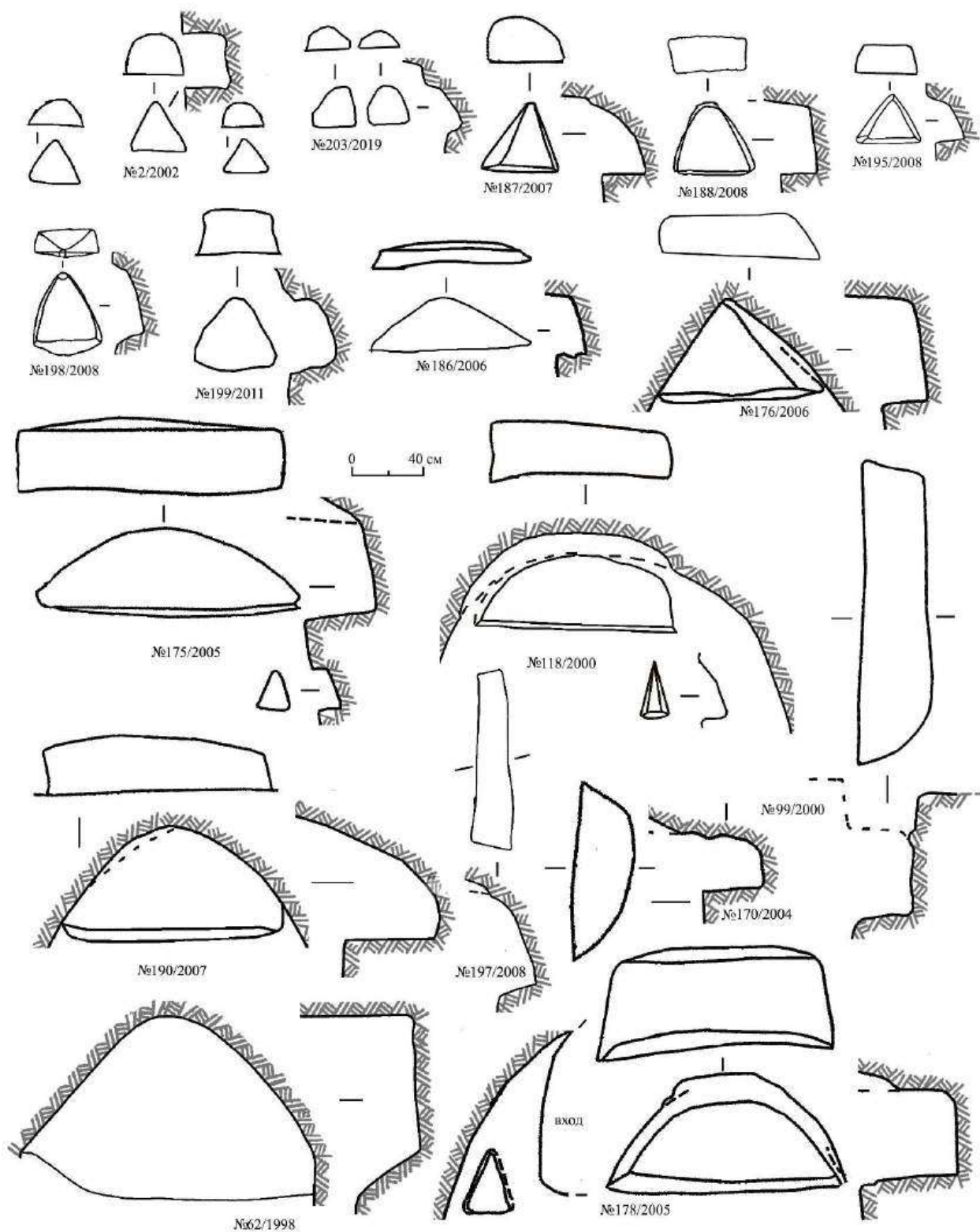

Рис. 83. Алмалыкский могильник. Вариации ниш в склепах группы В.

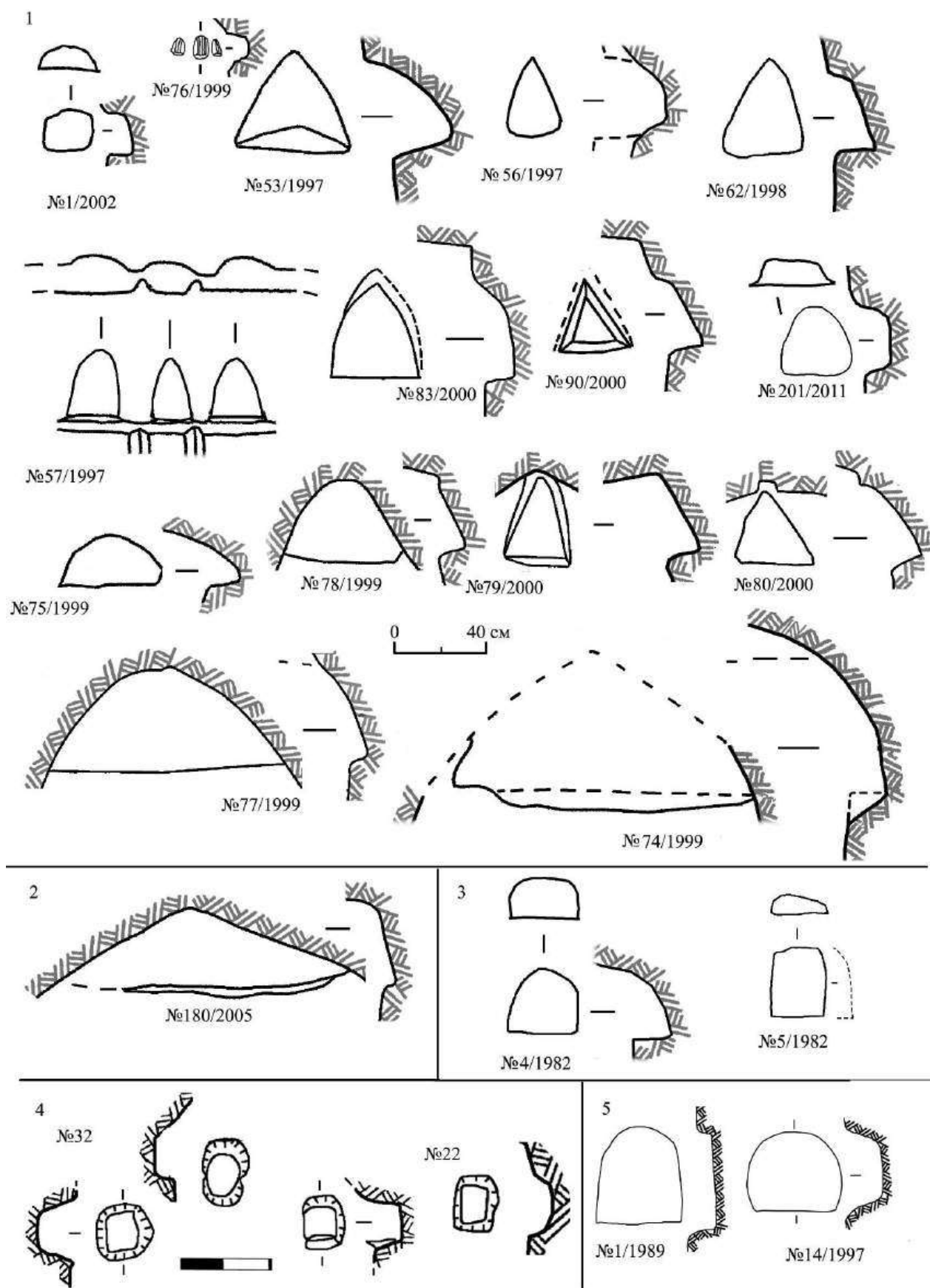

Рис. 84. Вариации ниш в склепах. Алмалыкский могильник: 1 – группа С; 2 – группа Е; 3 – группа D; 4 – Адым-Чокракский могильник. Группа D; 5 – Южно-Мангупский могильник. Группа D.

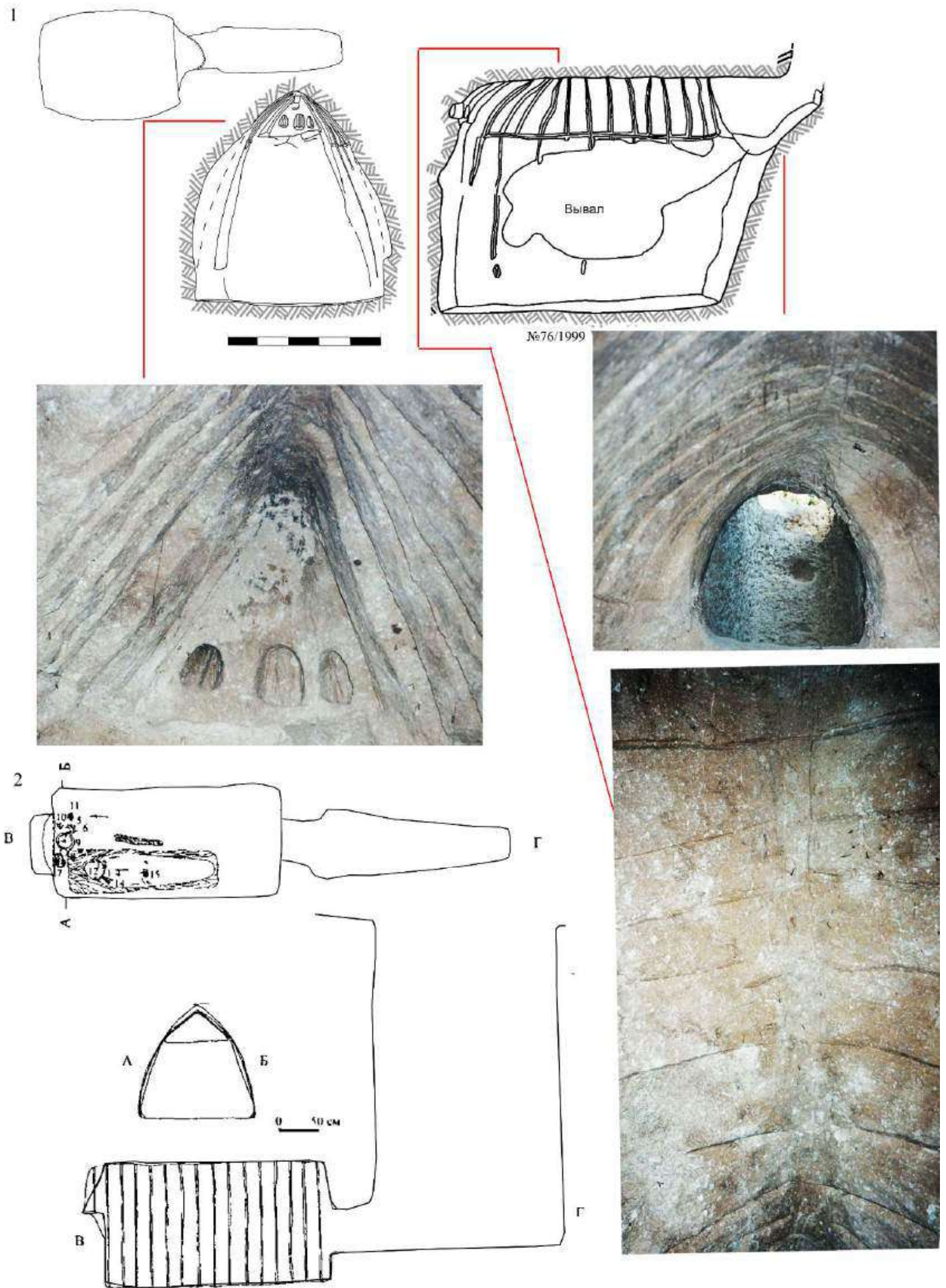

Рис. 85. 1 – Алмалыкский могильник. Склеп №76/1999; 2 – могильник Карши-баир. Склеп №4 [по: Ушаков, Филиппенко, 2004, рис. 2].

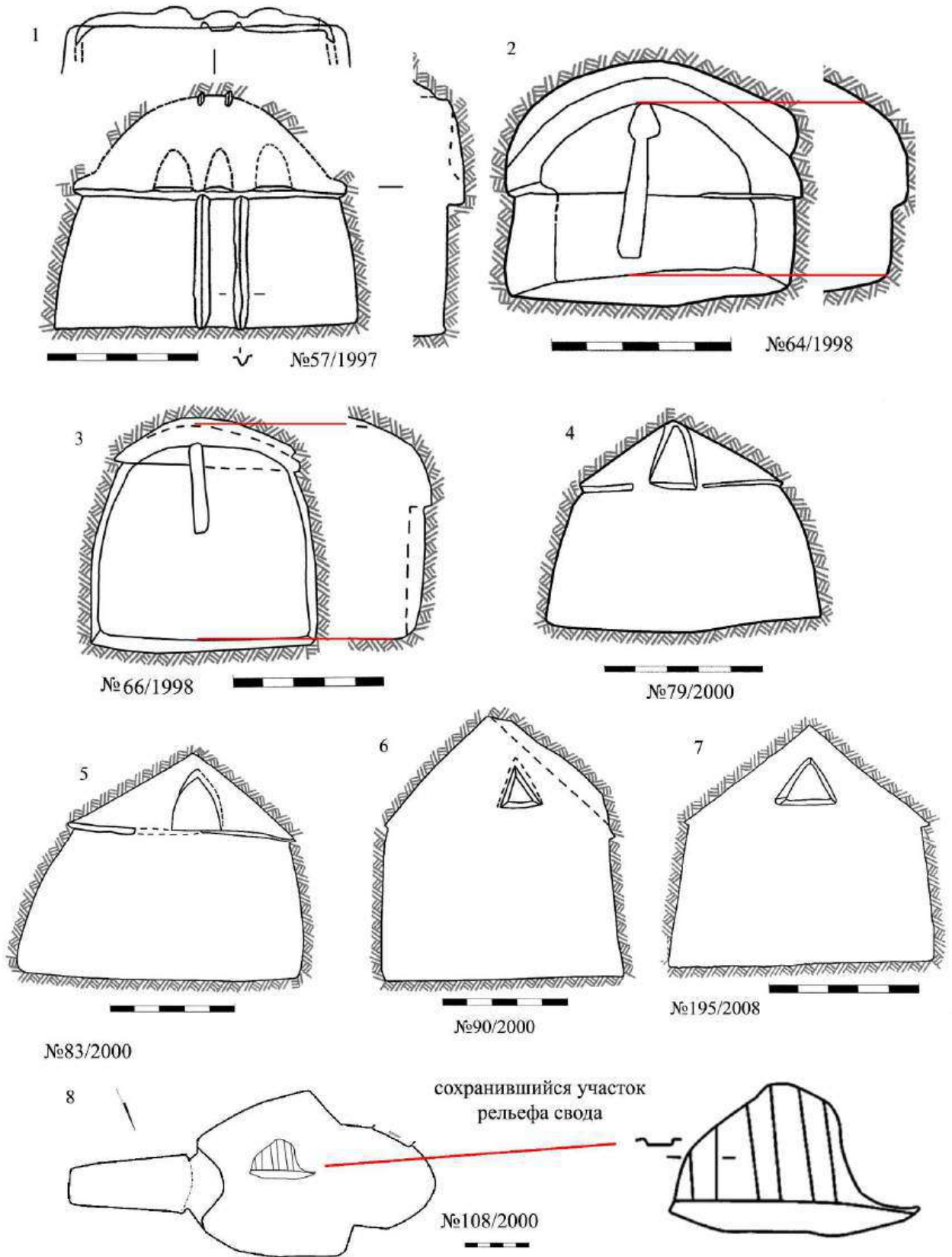

Рис. 86. Алмалыкский могильник. Декор камер склепов.

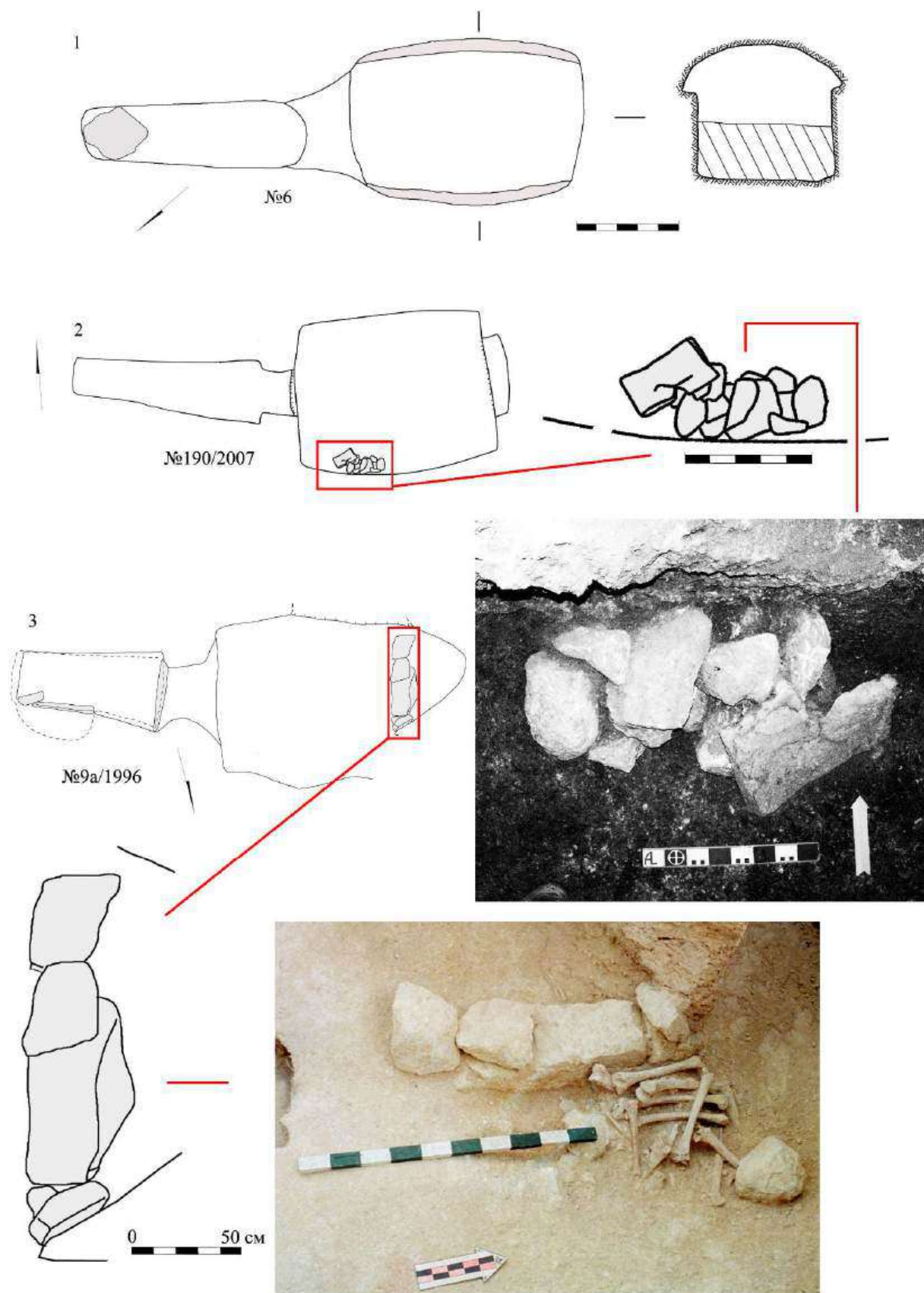

Рис. 87. 1 – Адым-Чокракский могильник. Боковые полки в склепе №6; 2 – Алмалыкский могильник. Каменная кладка в склепе №190/2007; 3 – Южно-Мангупский могильник. Каменная кладка в склепе №9a/1996.

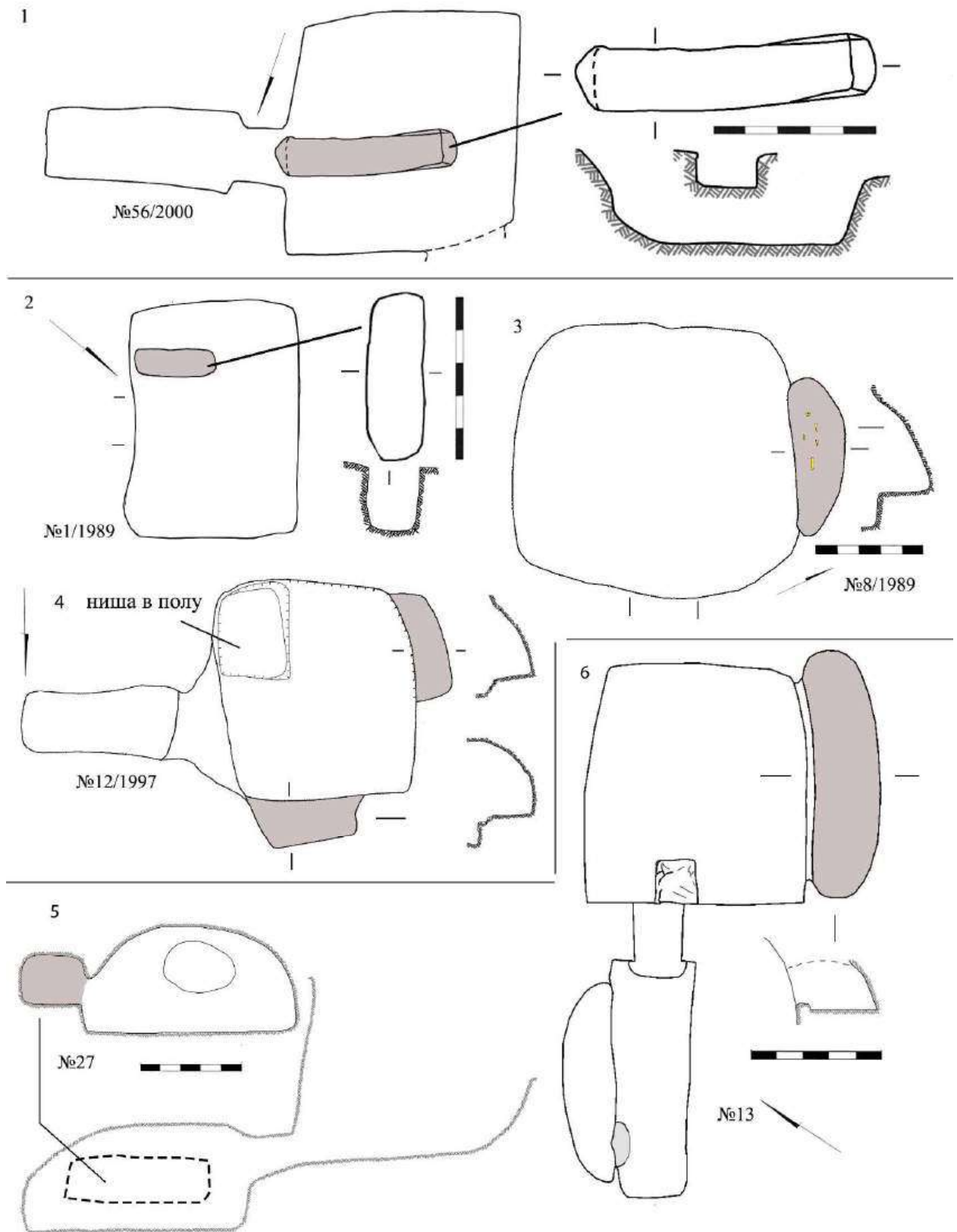

Рис. 88. Дополнительные погребальные конструкции в камерах склепов: 1 – Алмалыкский могильник; 2 – Южно-Мангупский могильник; 3 – Каралезский могильник.

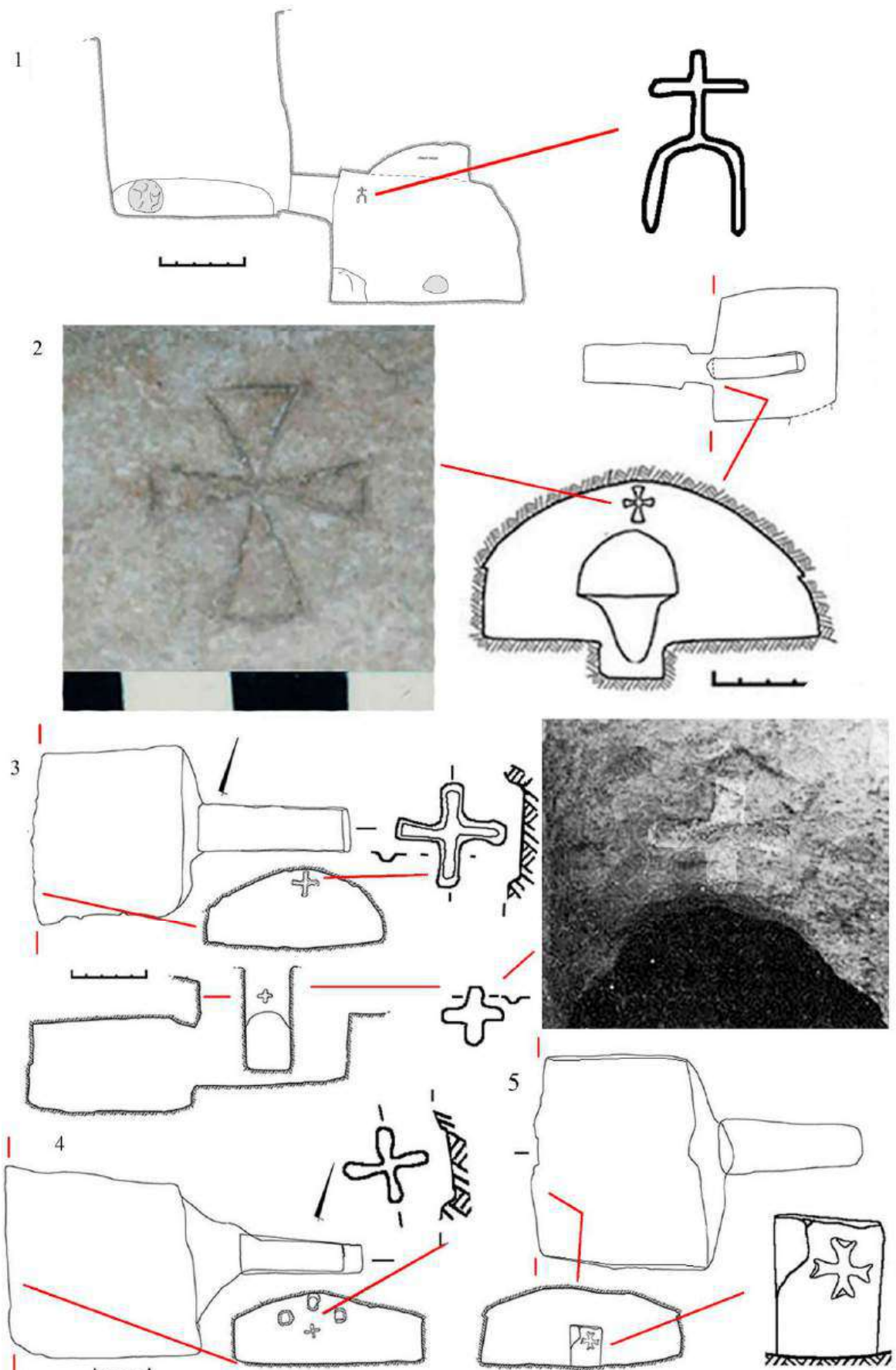

Рис. 89. Склепы с вырезанными крестами: 1 – Каралезский могильник склеп №13; 2 – Алмалыкский могильник. Склеп 56/2000; Адым-Чокракский могильник: 3 – склеп №34; 4 – склеп №32; 5 – склеп №28.

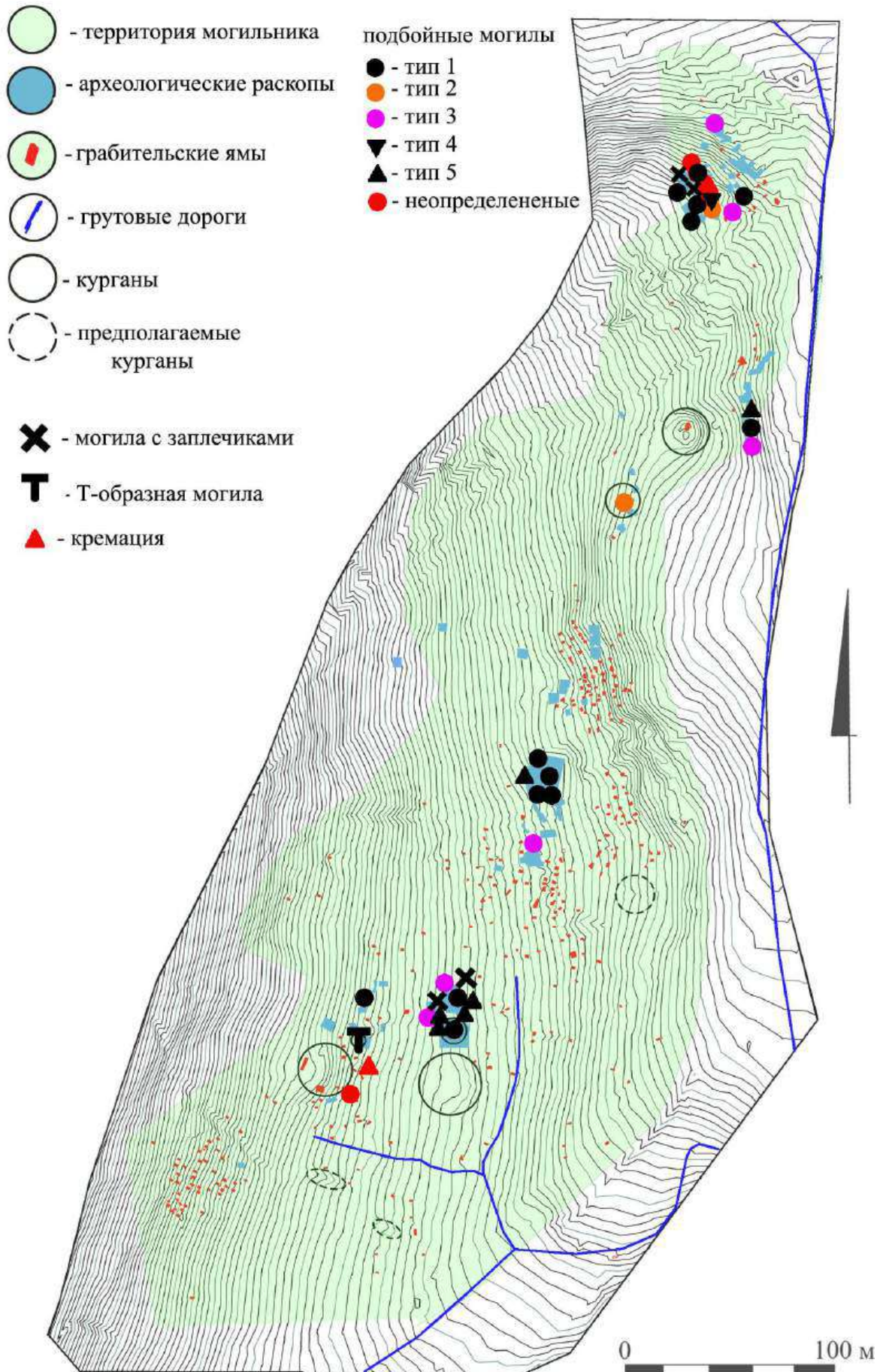

Рис. 90. Алмалыкский могильник. Карта распространения различных типов грунтовых и подбойных могил.

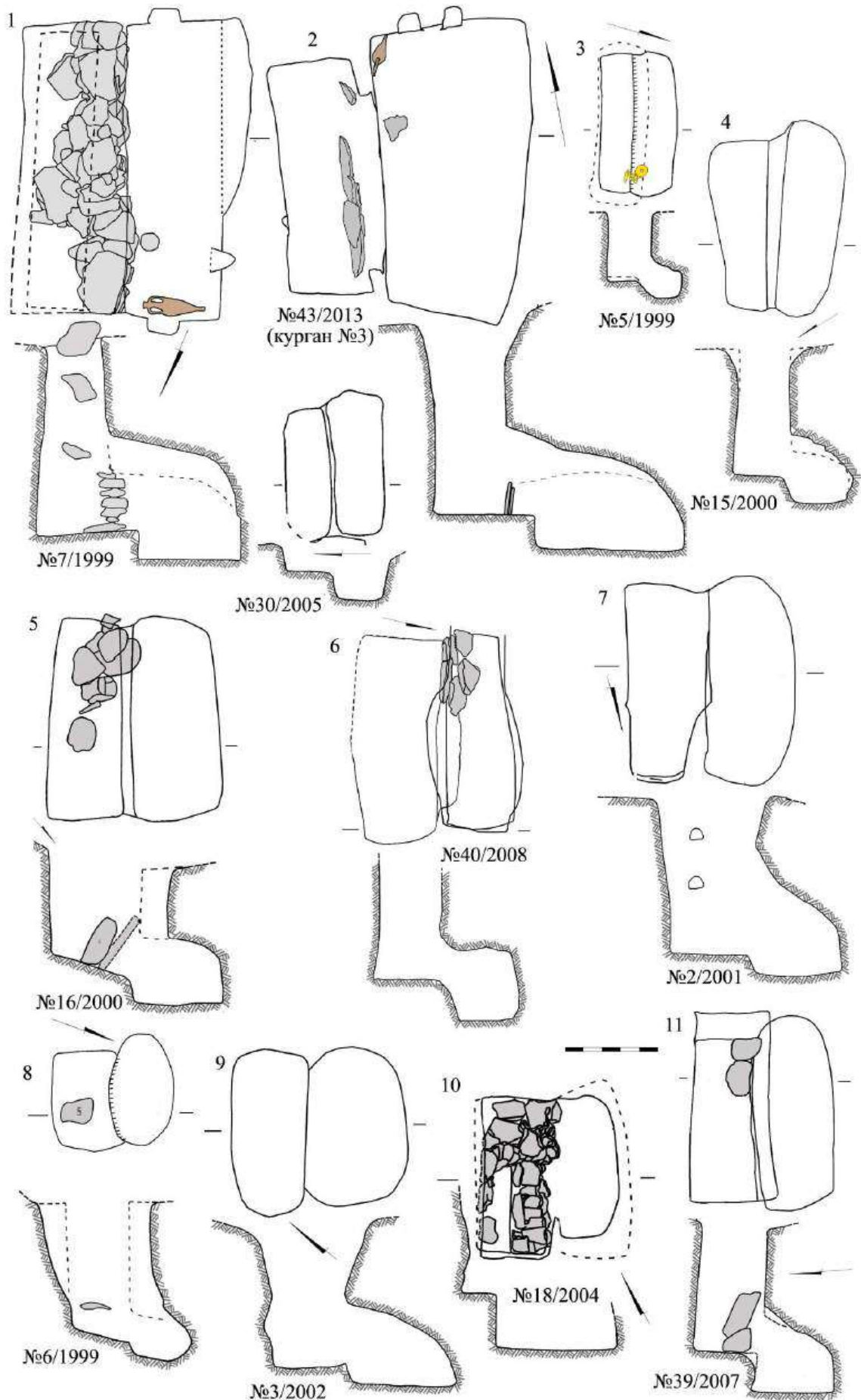

Рис. 91. Алмалыкский могильник. Подбойные могилы типа 1.

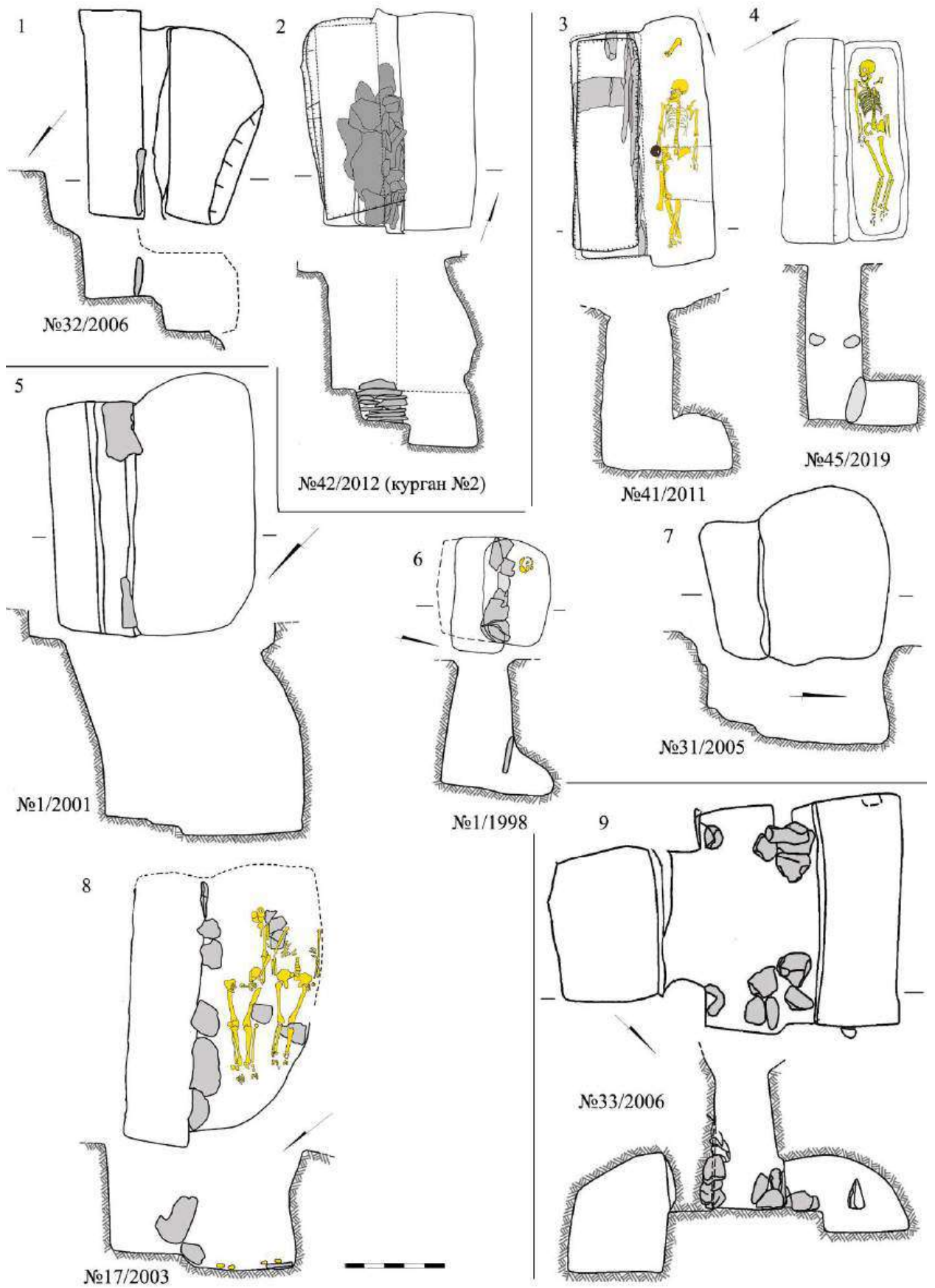

Рис. 92. Алмалыкский могильник. Подбойные могилы:
1-2 – типа 2; 3-8 – тип 3; 9 – тип 5.

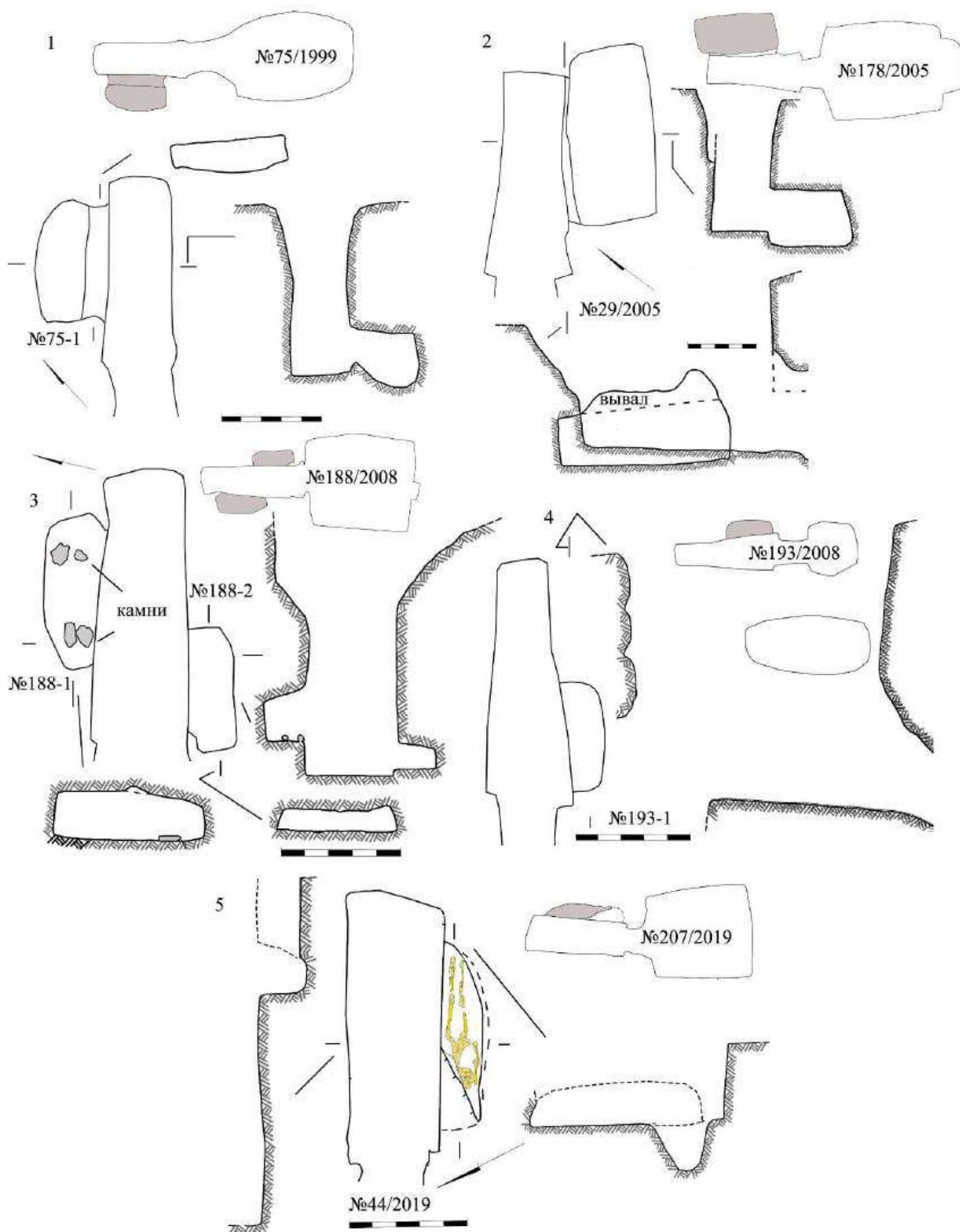

Рис. 93. Алмалыкский могильник. Подбойные могилы. Тип 5.
Подбои во входных ямах склепов.

1

2

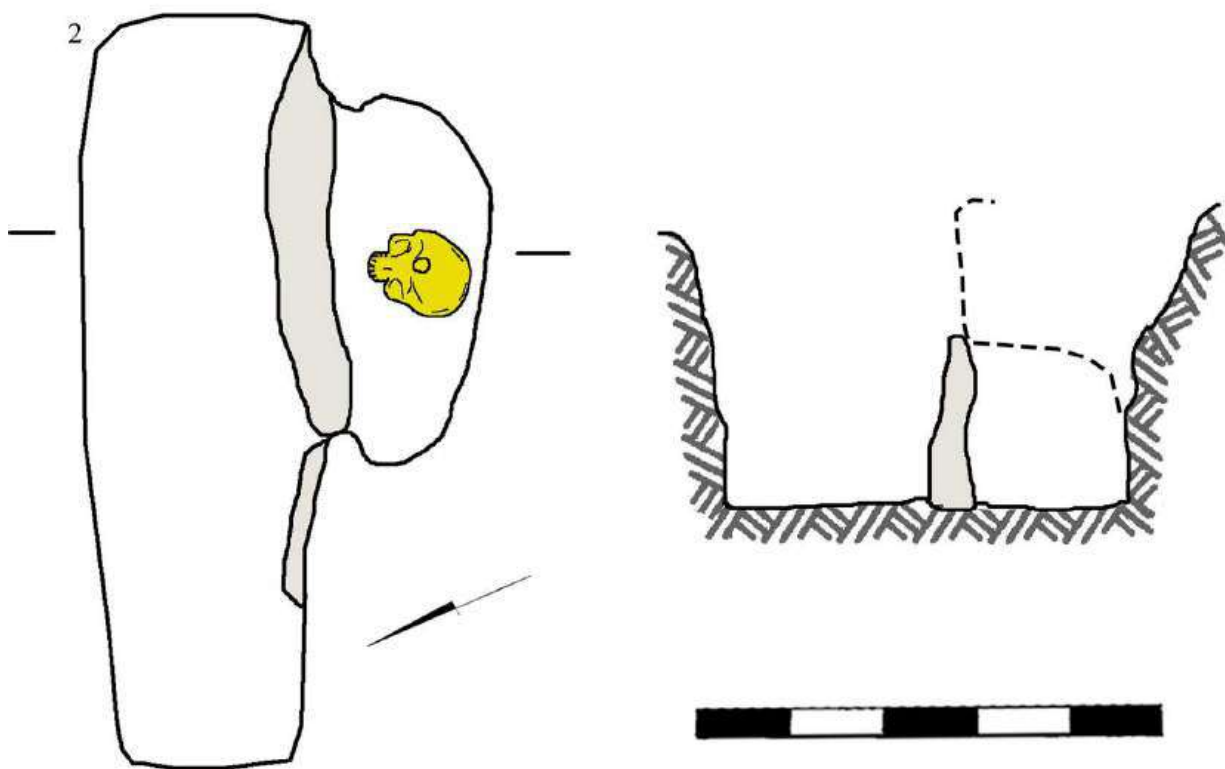

Рис. 94. Алмалыкский могильник. Подбойная могила № 37/2007:
1 – фото [по: Jacobi und undere, 2013, фбб. 9]; 2 – план и разрез.

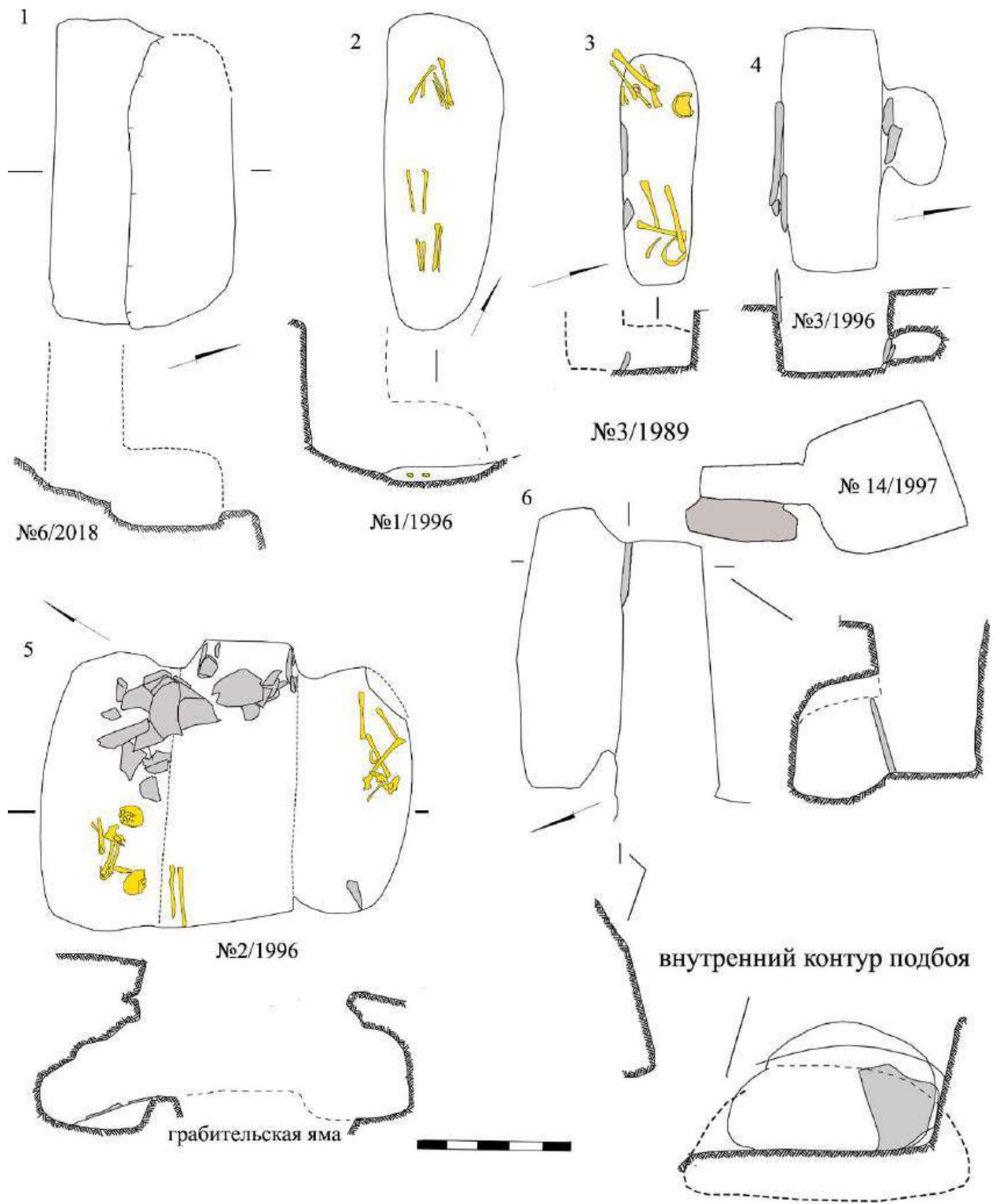

Рис. 95. Южно-Мангупский могильник. Подбойные могилы.

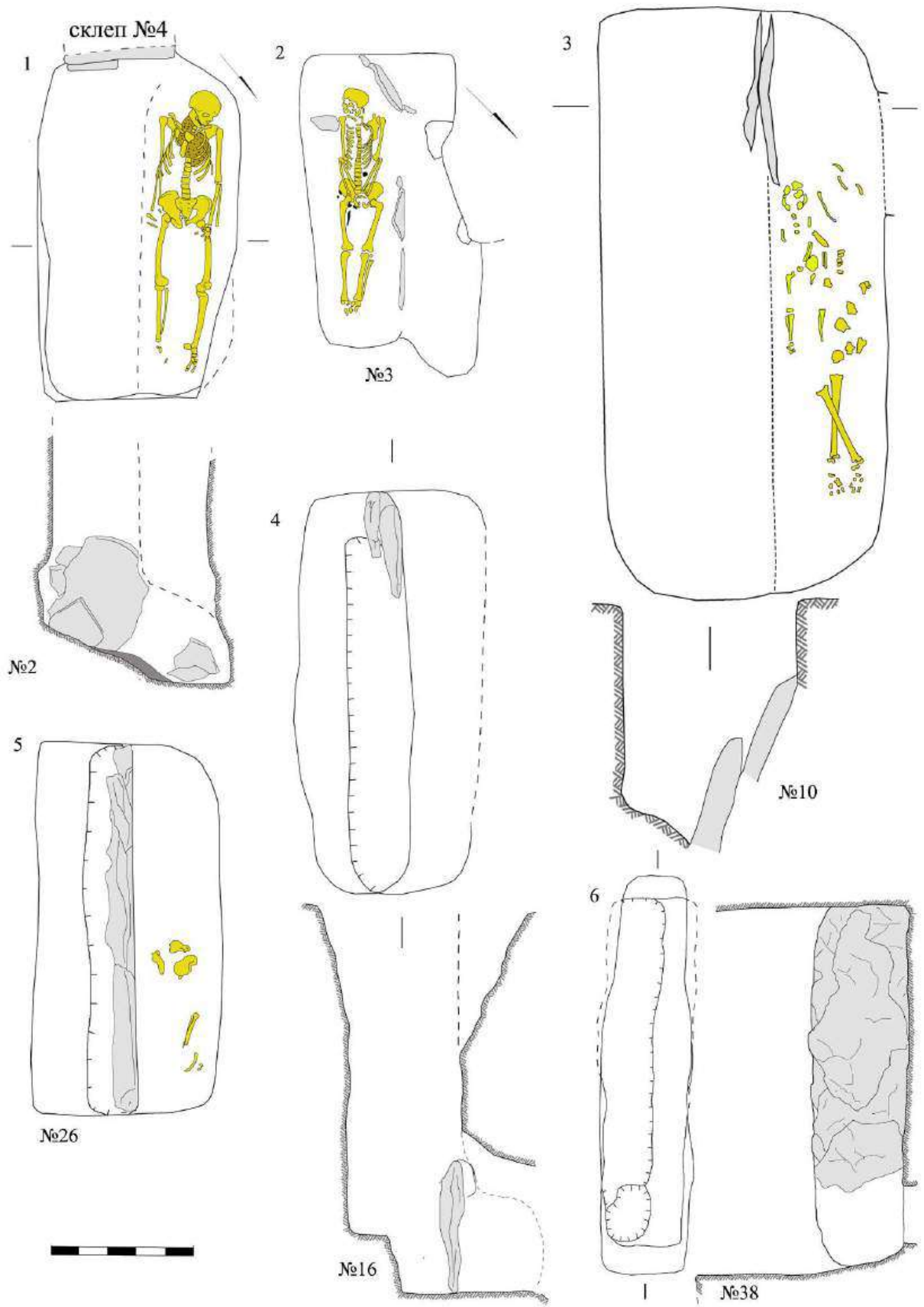

Рис. 96. Каралезский могильник. Подбойные могилы.

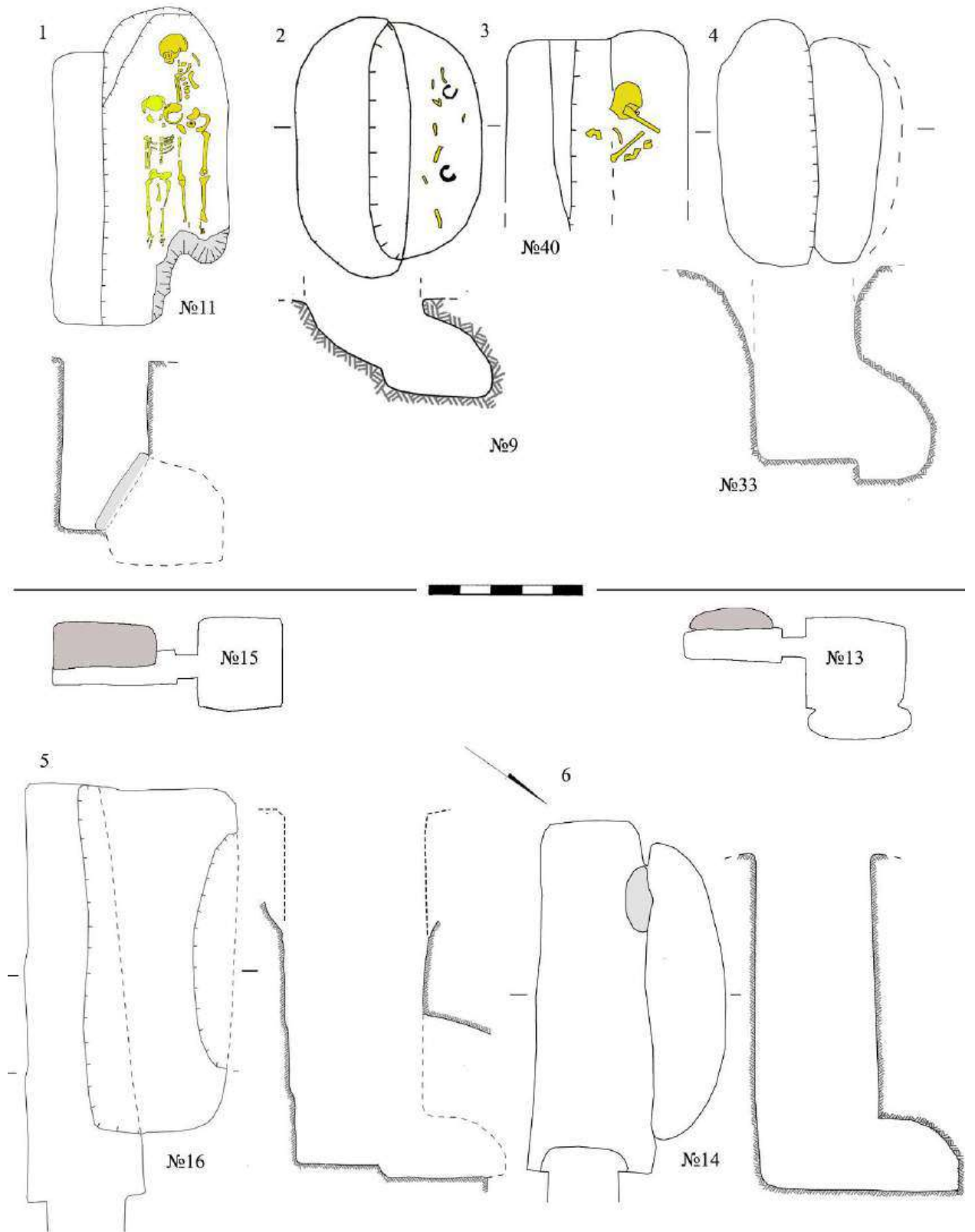

Рис. 97. Каралезский могильник. Подбойные могилы и подбои во входных ямах склепов.

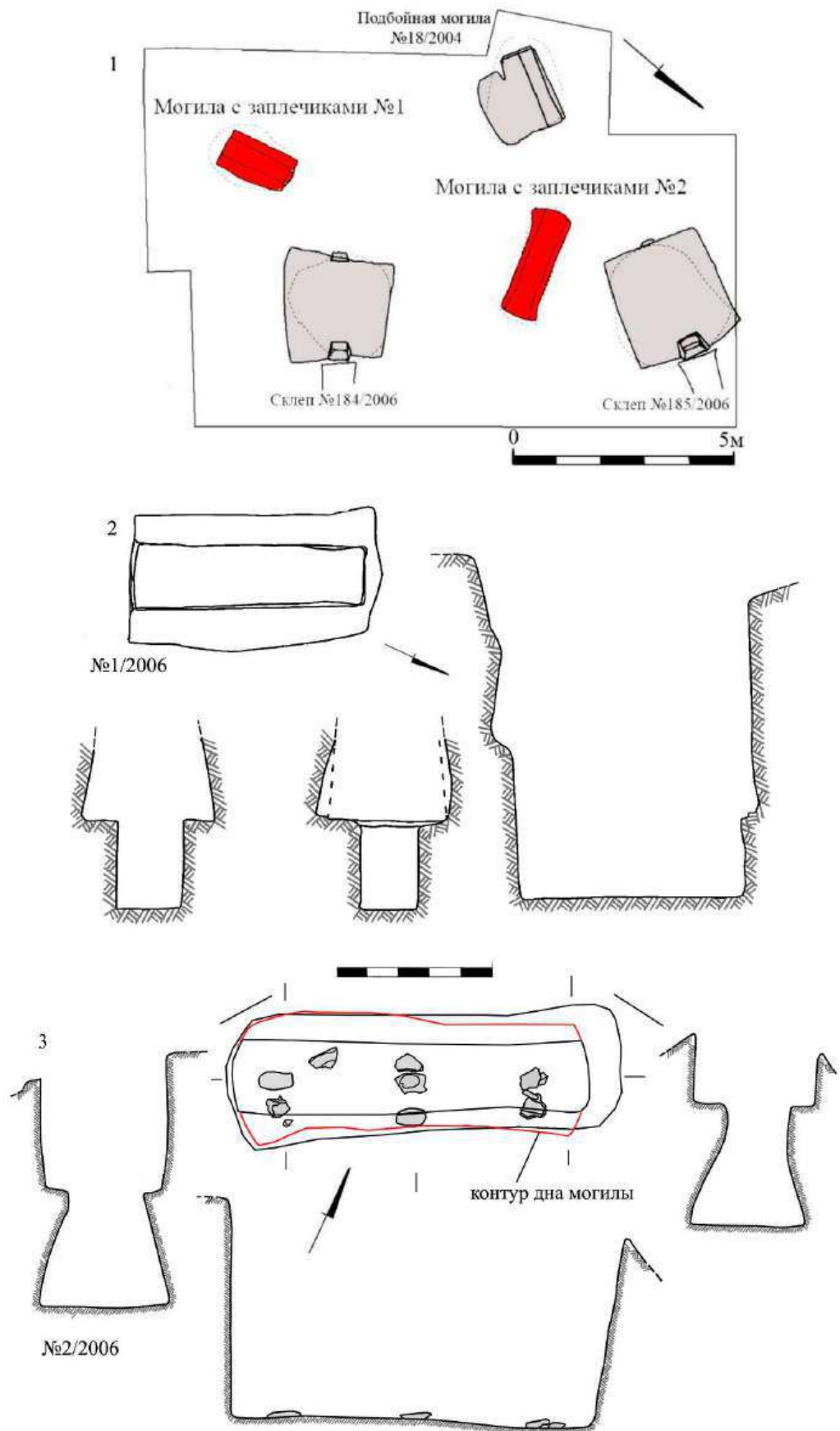

Рис. 98. Алмалыкский могильник: 1 – расположение могил на участке исследований 2004 – 2006 гг.; 2 – могила с заплечиками №1/2006; 3 – могила с заплечиками №2/2006.

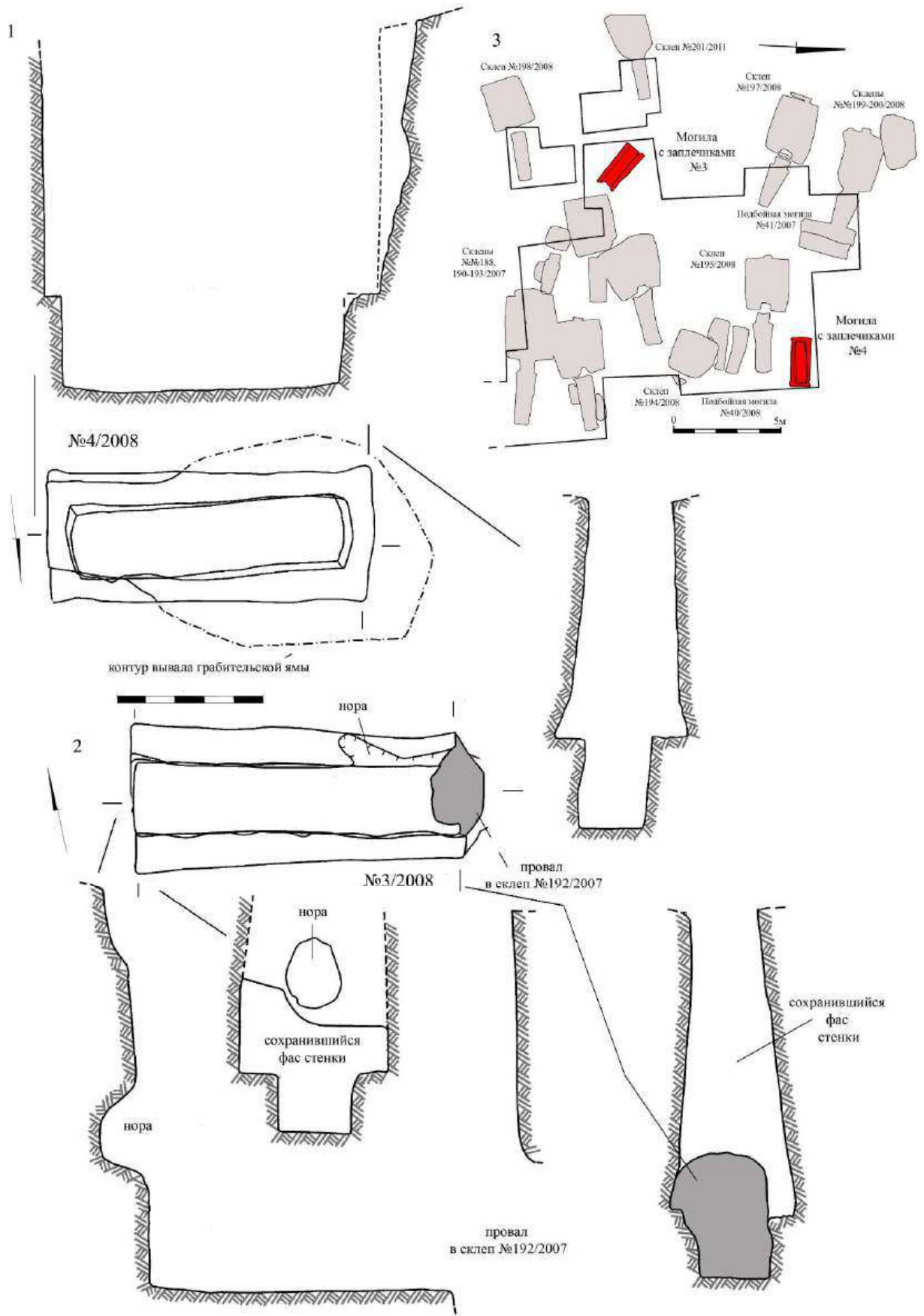

Рис. 99. Алмалыкский могильник: 1 – расположение могил на участке исследований 2007 – 2011 гг.; 2 – могила с заплечиками №4/2008; 3 – могила с заплечиками №3/2008.

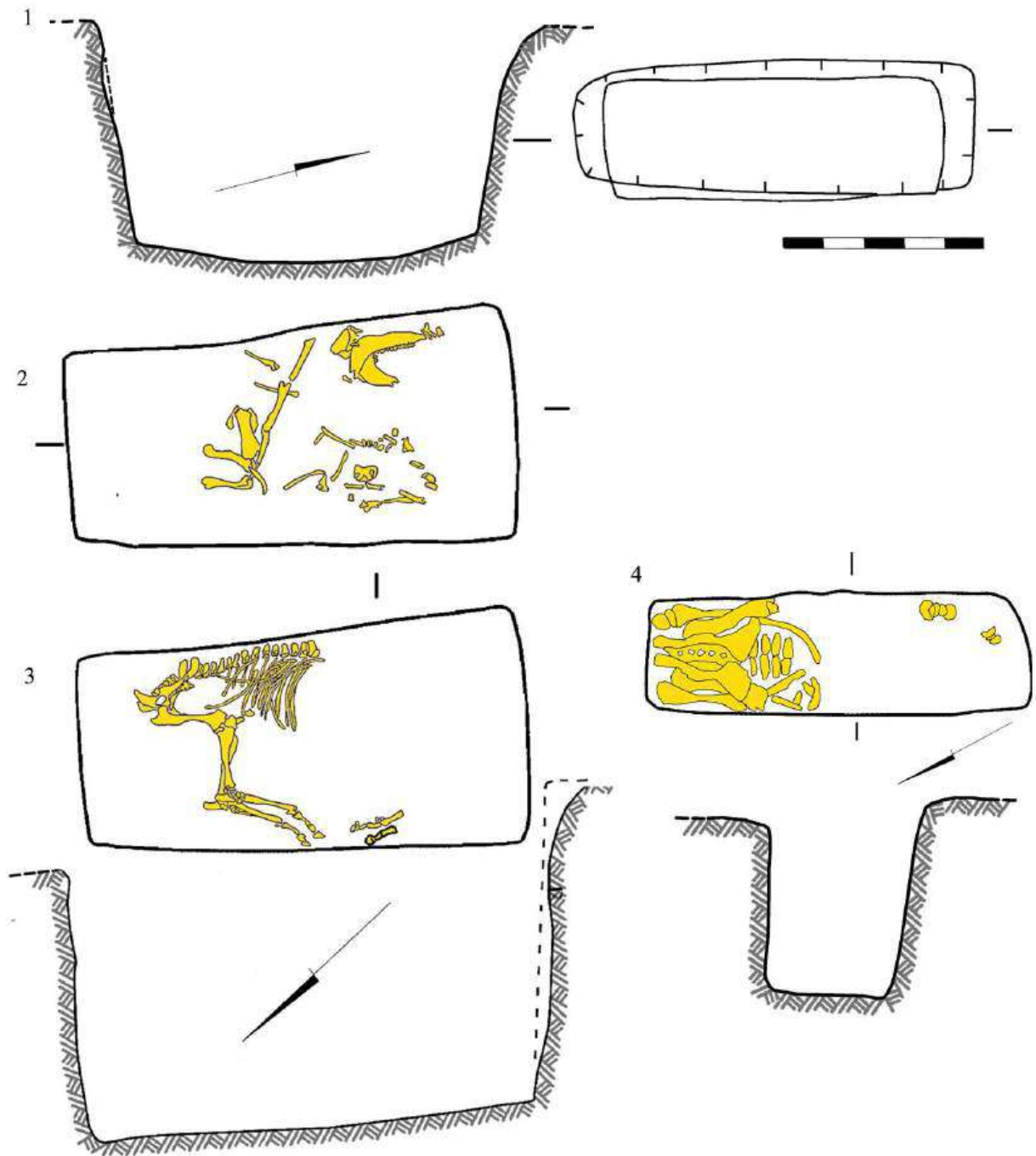

Рис. 100. Алмалыкский могильник. Грунтовые ямы с захоронения коней: 1 – погребение лошади №1; 2-3 – погребение лошади №2 (2 – верхний уровень костей в грабительском перекопе; 3 – кости in situ); 4 – погребение лошади №3.

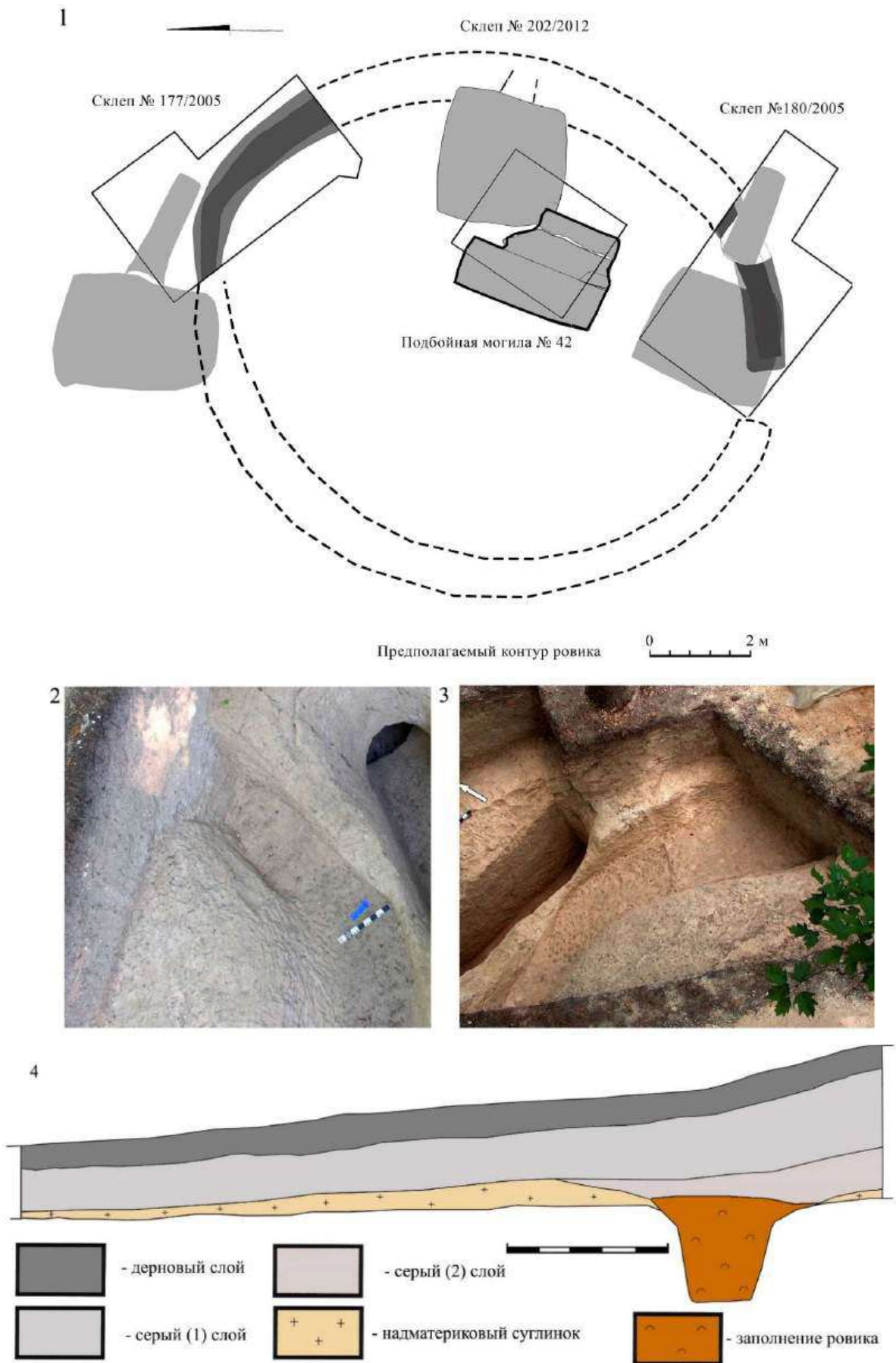

Рис. 101. Алмалыкский могильник. Курган №2: 1 – общий план; 2-3 – ровик в раскопе 2005 г. 4 – разрез ровика в стратиграфии западного борта участка № 3 со склепом № 177/2005.

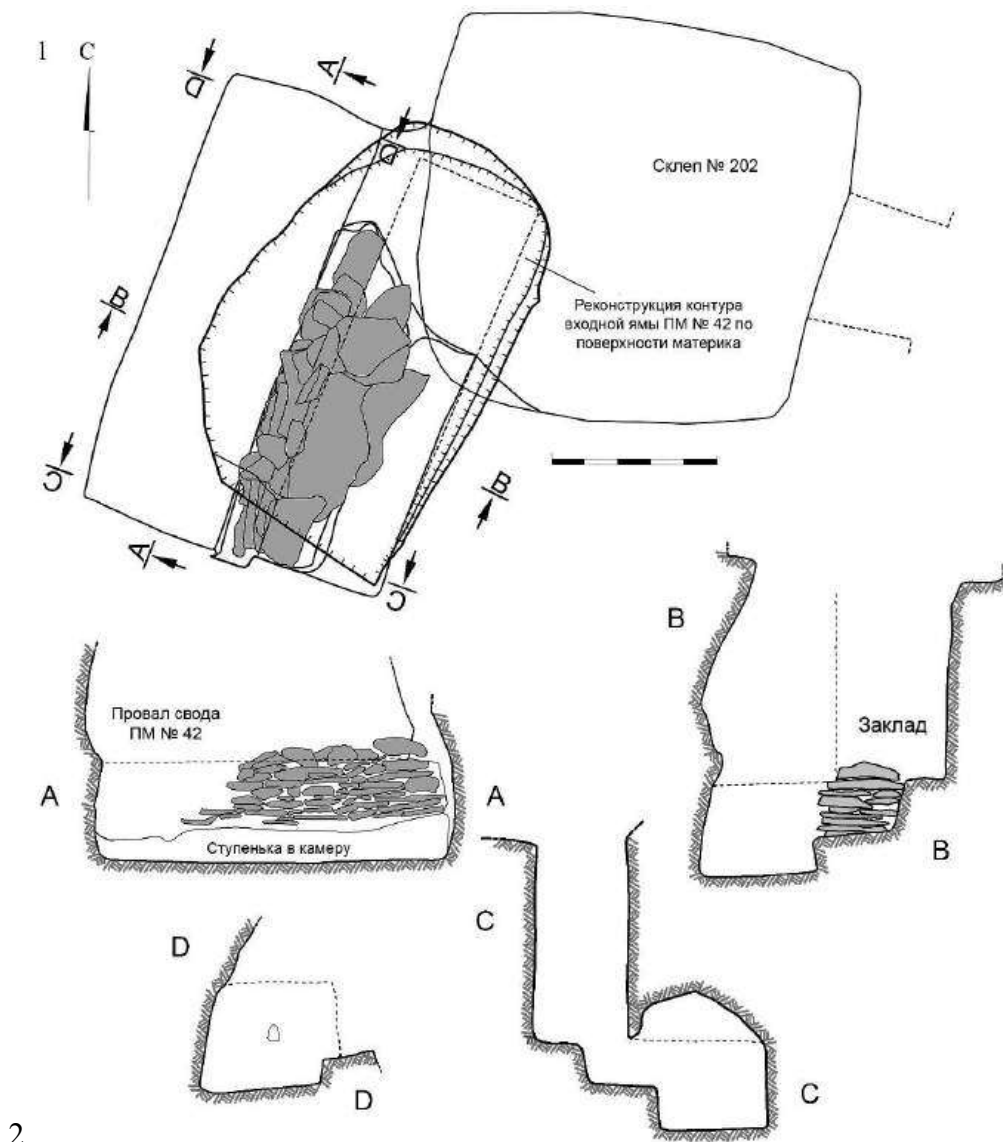

Рис. 102. Алмалыкский могильник. Курган №2. Подбойная могила №42/2012:
1 – план и разрезы; 2 – фото сохранившейся части сооружения, вид с севера.

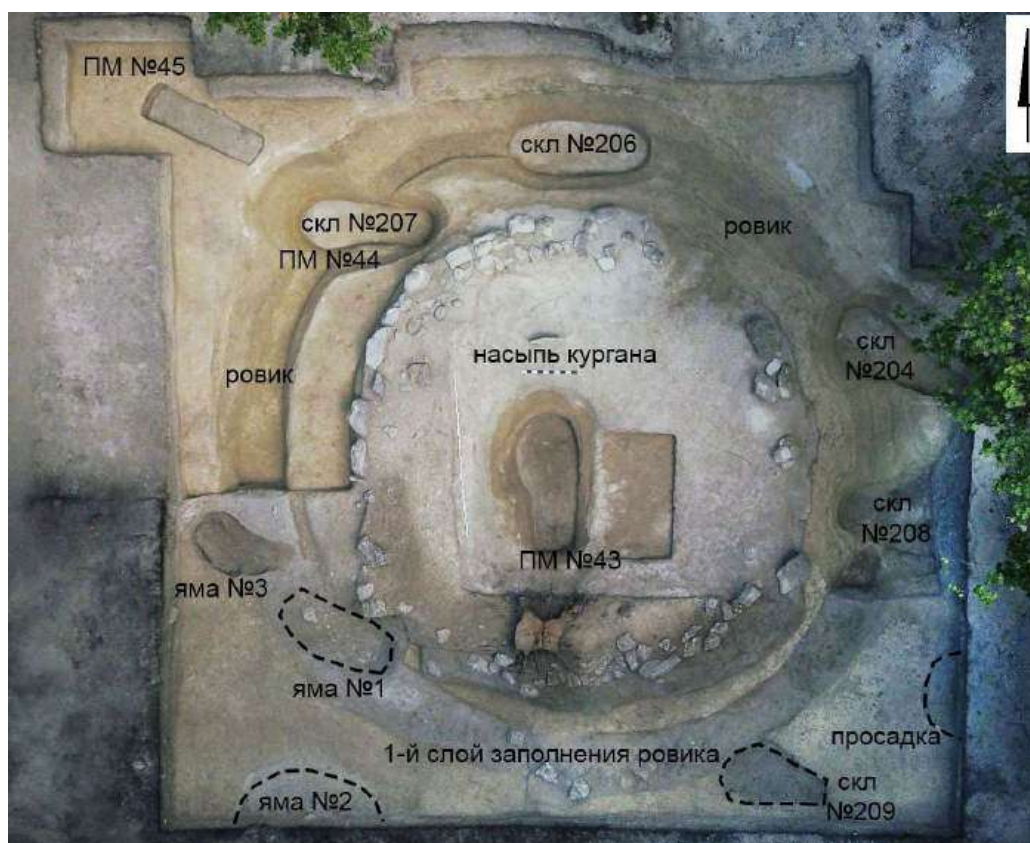

Рис. 103. Алмалыкский могильник. Курган №3 до выборки заполнения ровика и погребальных сооружений в южной части участка. Фото 2022 г.

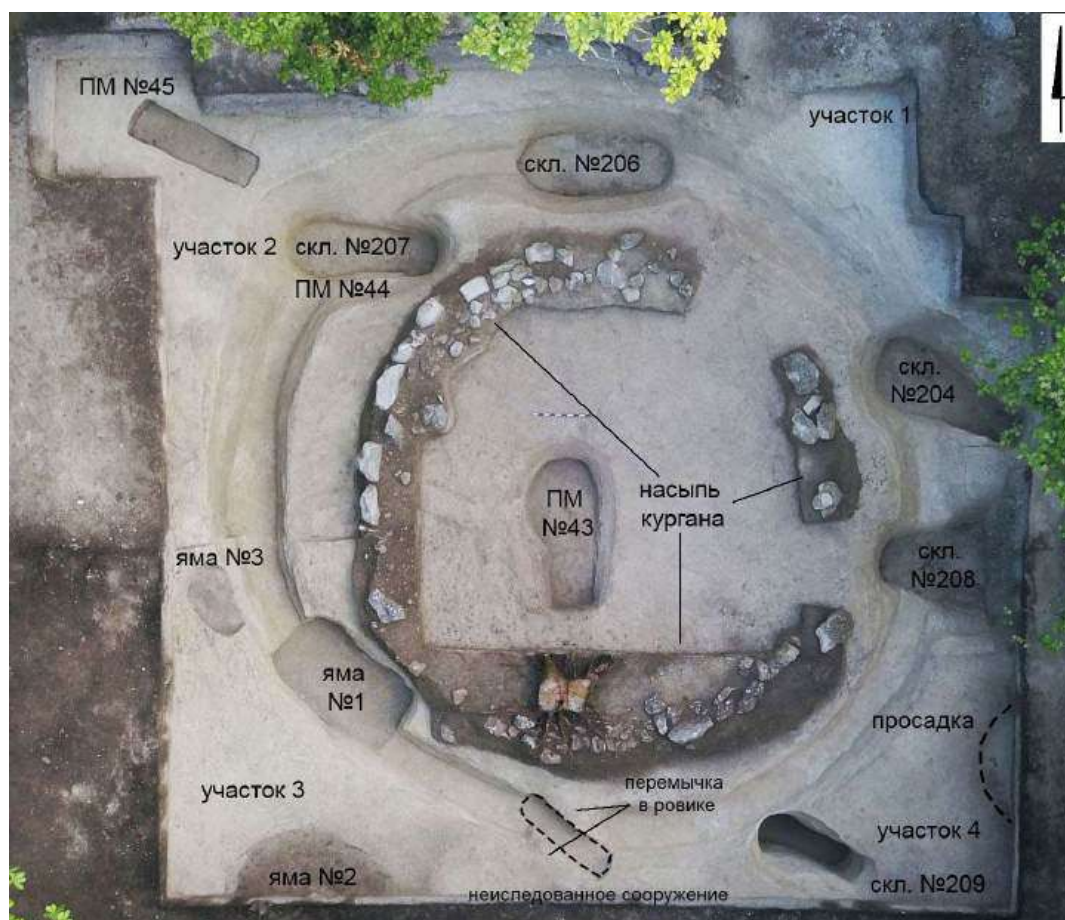

Рис. 104. Алмалыкский могильник. Курган №3 по окончании работ 2022 г.

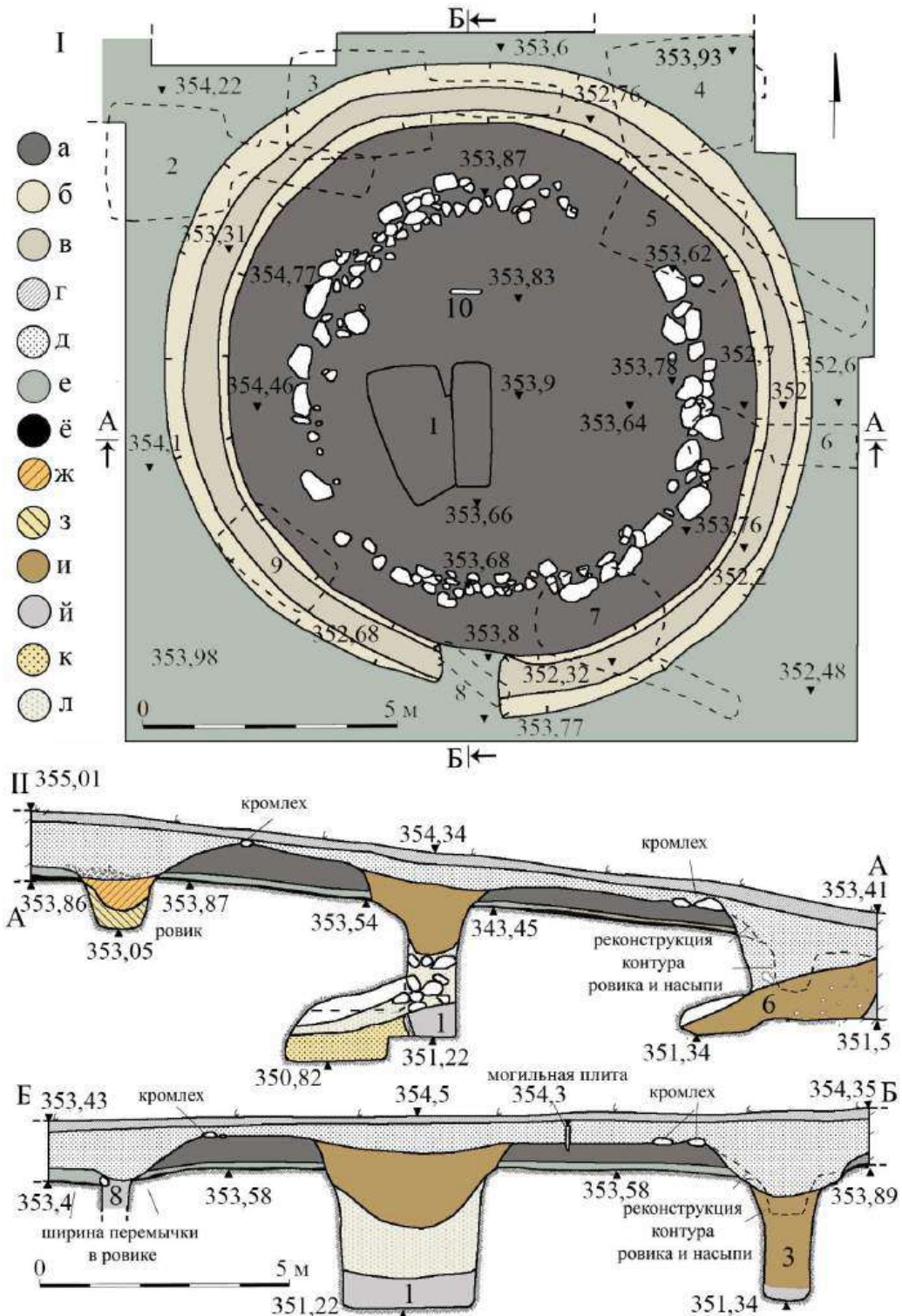

Рис. 105. Алмалыкский могильник. Курган №3:

I – план-реконструкция кургана; II – стратиграфические разрезы.

1 – подбойная могила №43; 2 – склеп №207; 3 – склеп №206; 4 – склеп №205; 5 – склеп №204; 6 – склеп №208; 7 – склеп №209; 8 – входная яма неисследованного сооружения; 9 – яма №1; 10 – надгробная плита.

Условные обозначения: а – насыпь кургана; б – стенки ровика; в – дно ровика; г – 1-й слой; д – 2-й слой; е – 3-й слой (дневная поверхность могильника); ё – 4-й слой; ж – 1-й слой заполнения ровика; з – 2-й слой заполнения ровика; и – натёчный грунт; й – засыпь входных ям; к – грабительская засыпь входной ямы подбойной могилы №43; л – грабительский перекоп.

Рис. 106. Алмалыкский могильник. Курган №3. Общий вид на кладку-кромлех после выборки центральной части насыпи. Вид с юго-запада. Фото 2022 г.

Рис. 107. Алмалыкский могильник. Курган №3. Профиль ровика до выборки заполнения во входной яме склепа №209/2019. Фото 2019 г.

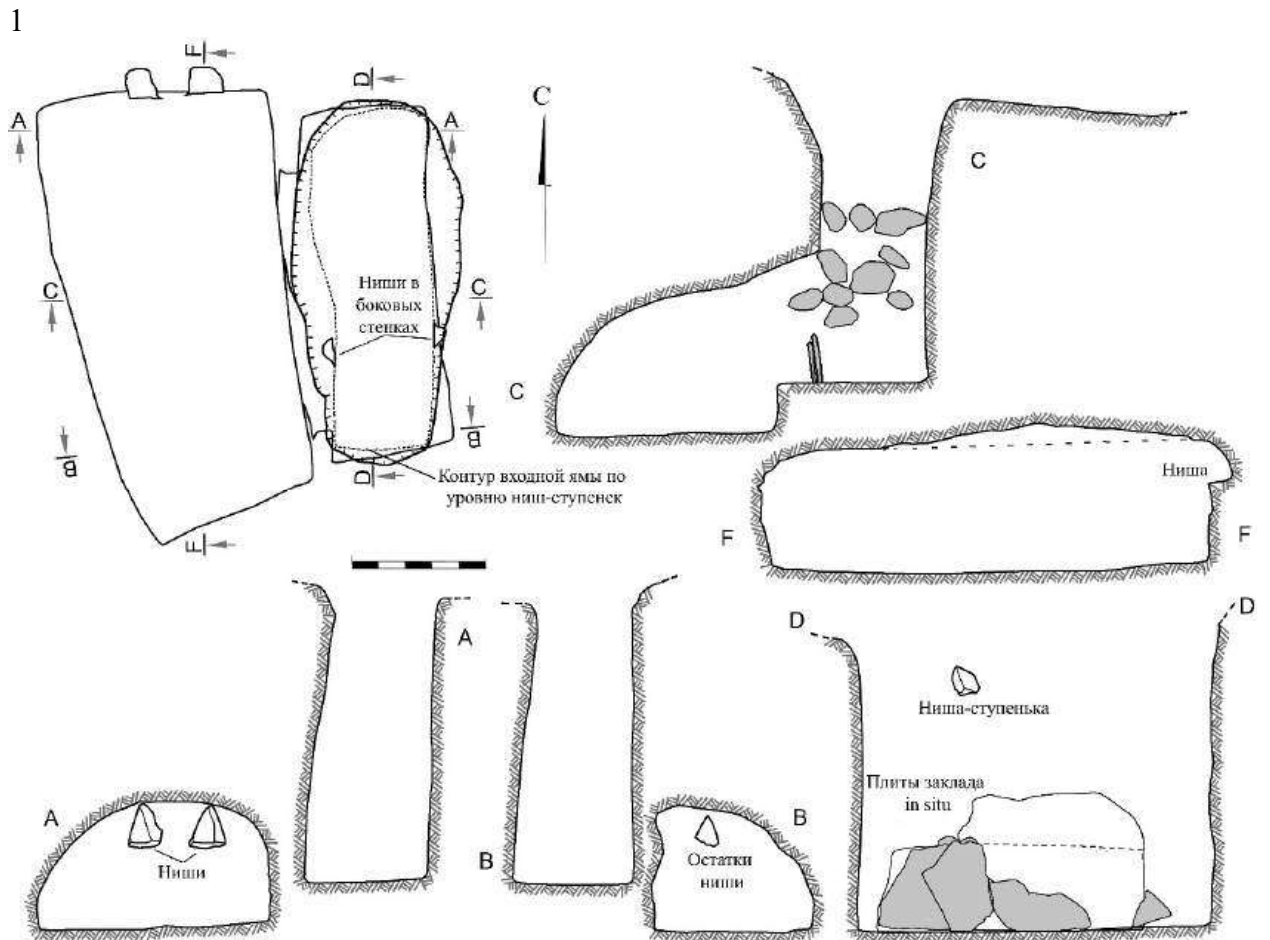

Рис. 108. Алмалыкский могильник. Курган №3. Подбойная могила №43/2013:
1 – план и разрезы; 2 – входная яма; 3 – ниши в северной стенке камеры. Фото 2013 г.

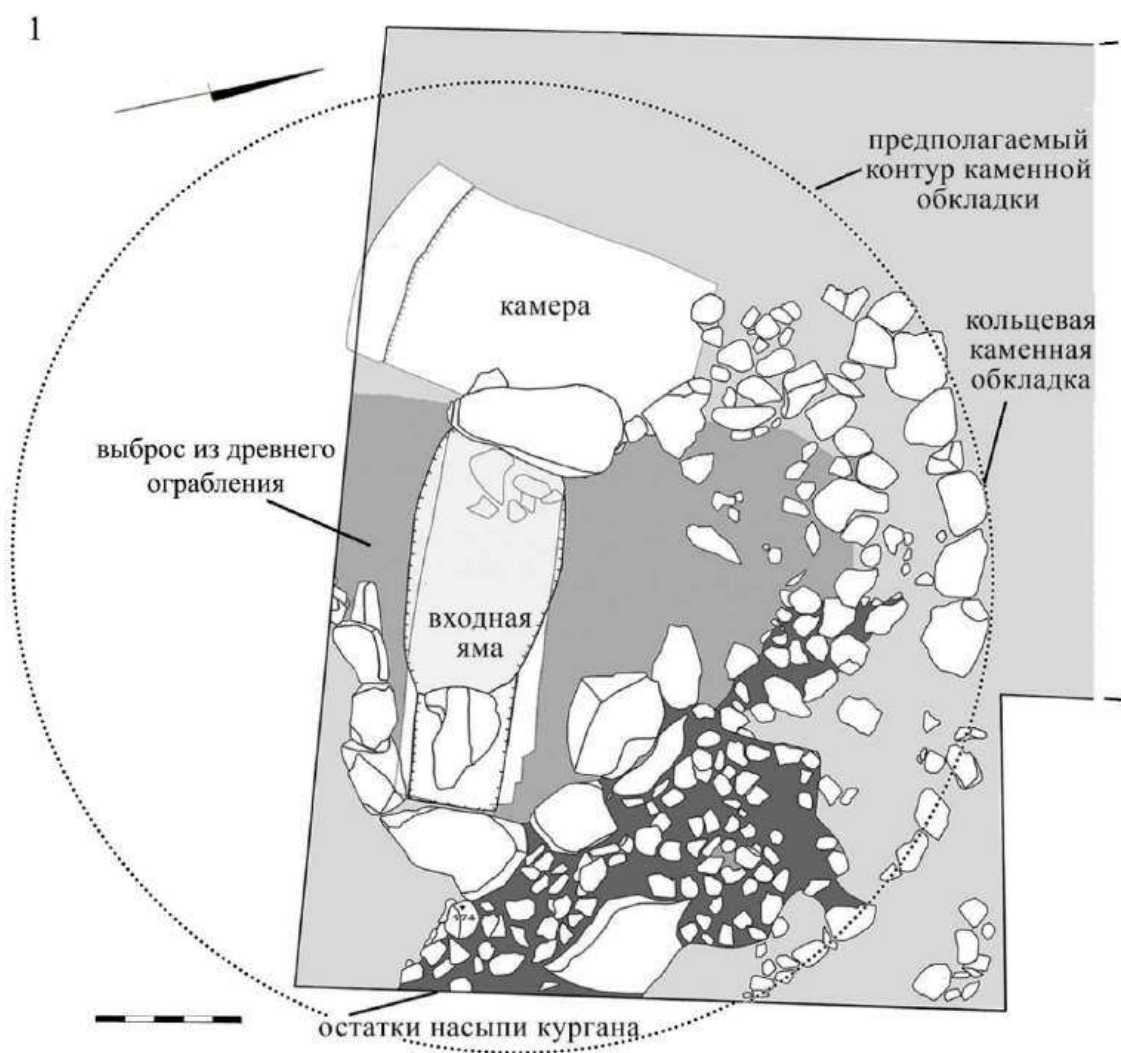

Рис. 109. Алмалыкский могильник. Курган №3. Включения переотложенной материковой глины в насыпи под кромlexом.

Рис. 110. Алмалыкский могильник. Курган №3. Остатки перемычки кольцевого ровика в южной части.

2

Рис. 111. Алмалыкский могильник. Курган №5: 1 – общий план; 2 – общий вид на сохранившуюся часть насыпи. Фото 2007 г.

1

2

3

Рис. 112. Алмалыкский могильник. Курган №5: 1 –общий вид на сохранившуюся часть насыпи и входную яму; 2 – восточная торцевая стенка входной ямы; 3 – ступени во входной яме. Фото 2007 г.

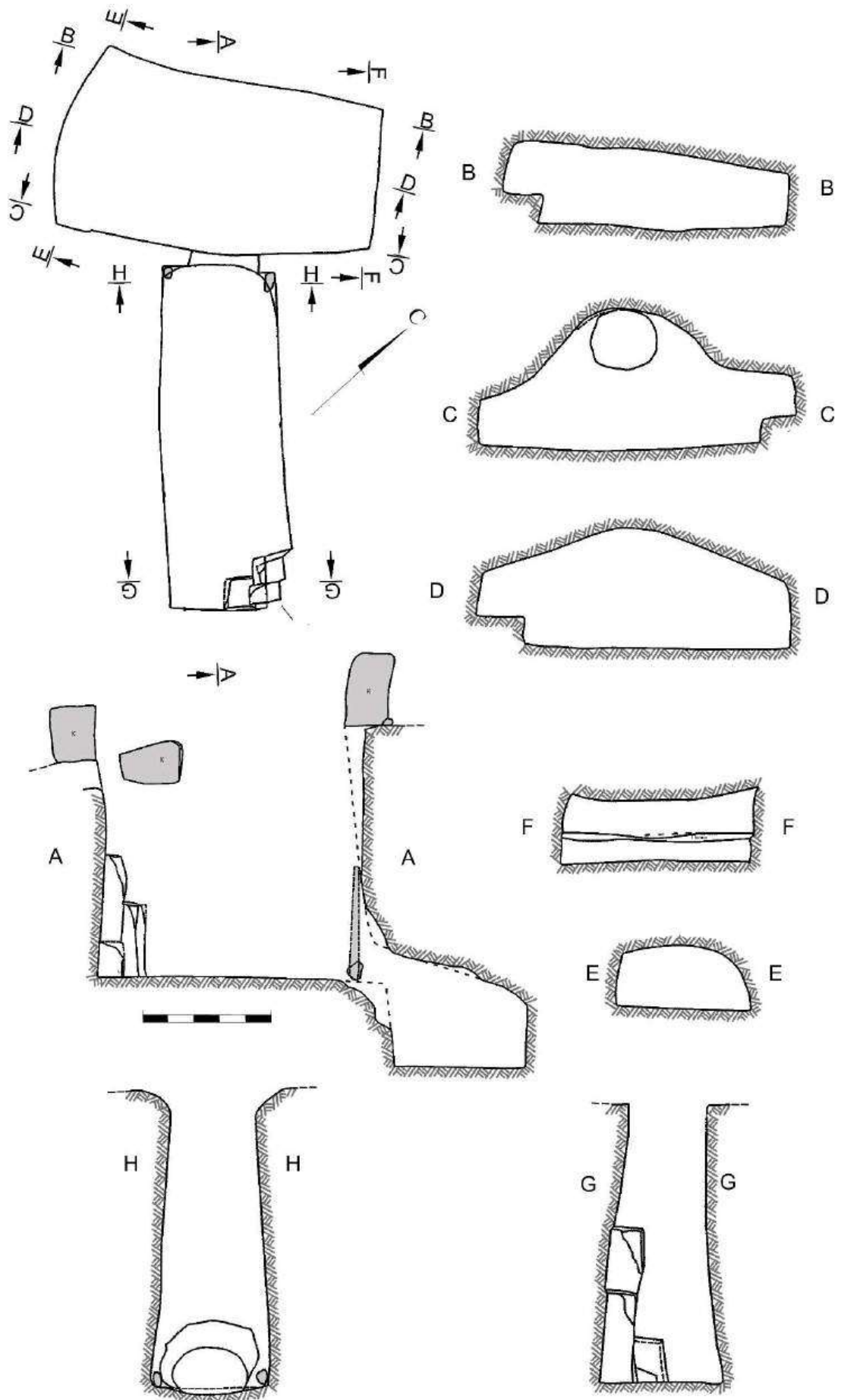
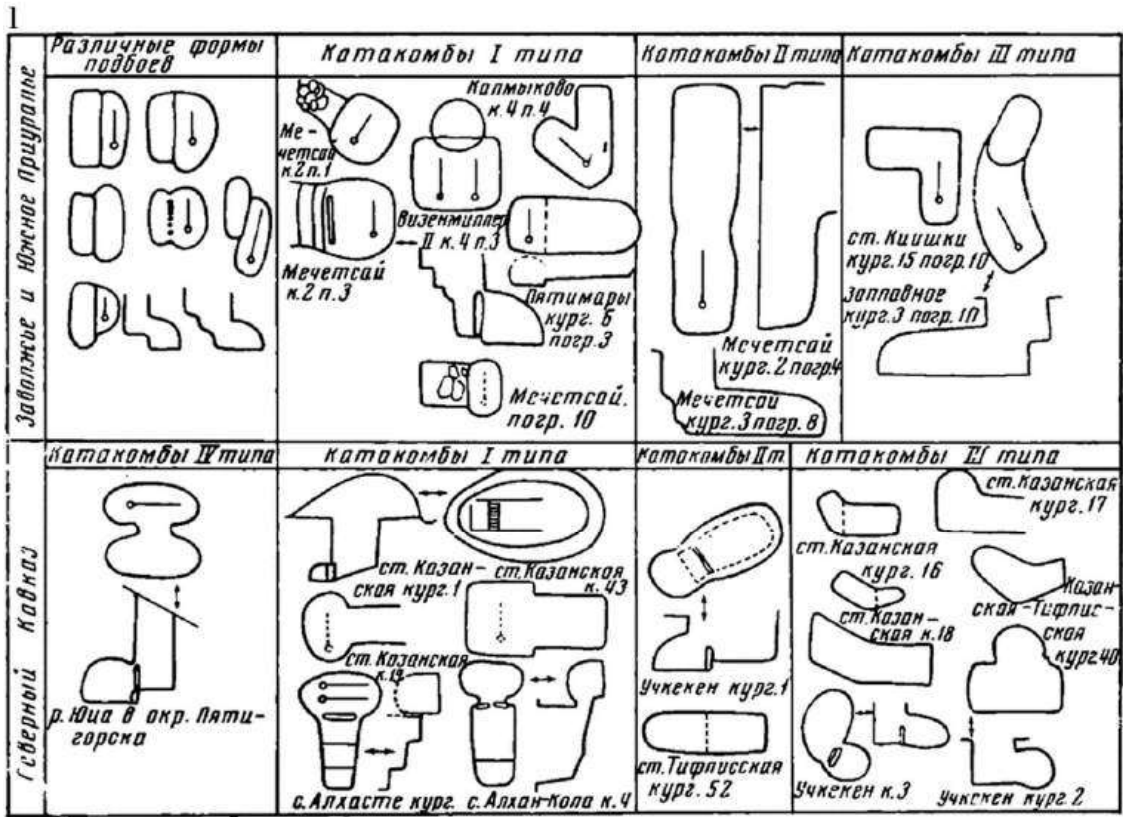

Рис. 113. Алмалыкский могильник. Курган №3. Подбойная могила №43/2013.
План и разрезы.

2

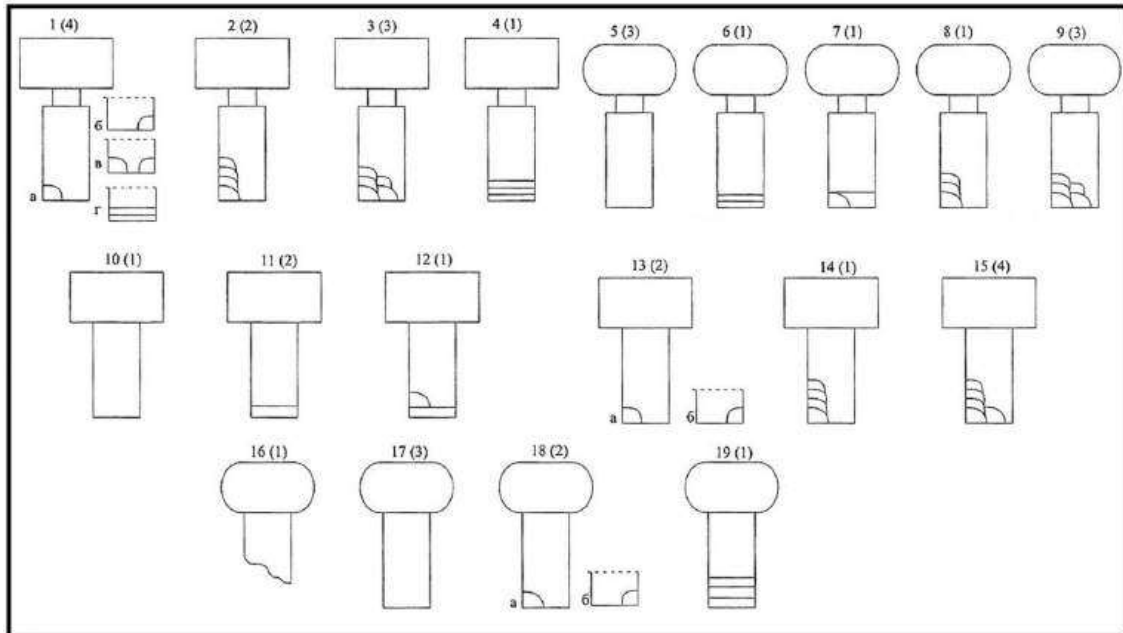

Рис. 114. 1 – типология катакомб по К.Ф. Смирнову [по: Смирнов, 1972, с. 74–75, рис. 1];
 2 – типы катакомб могильника Брут-2 (вторая половина II – первая треть VII вв.)
 [по: Габуев, 2009, табл. №1, 14].

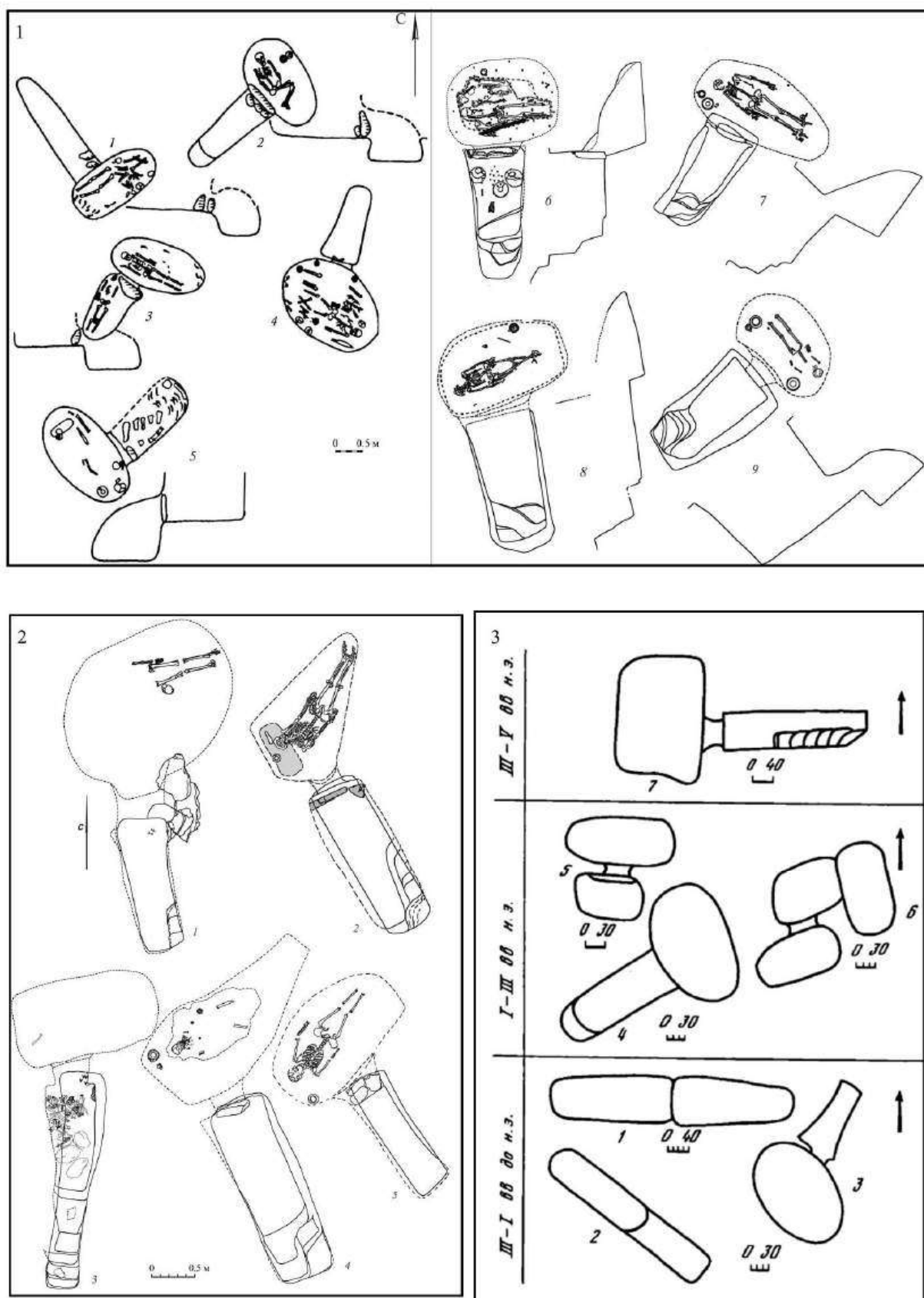

Рис. 115. Катакомбы типа I: 1 – по: Малашев, 2018, рис. 1; 2 – по: Малашев, 2016, рис. 83; 3 – по: Габуев, 1997, рис. 1.

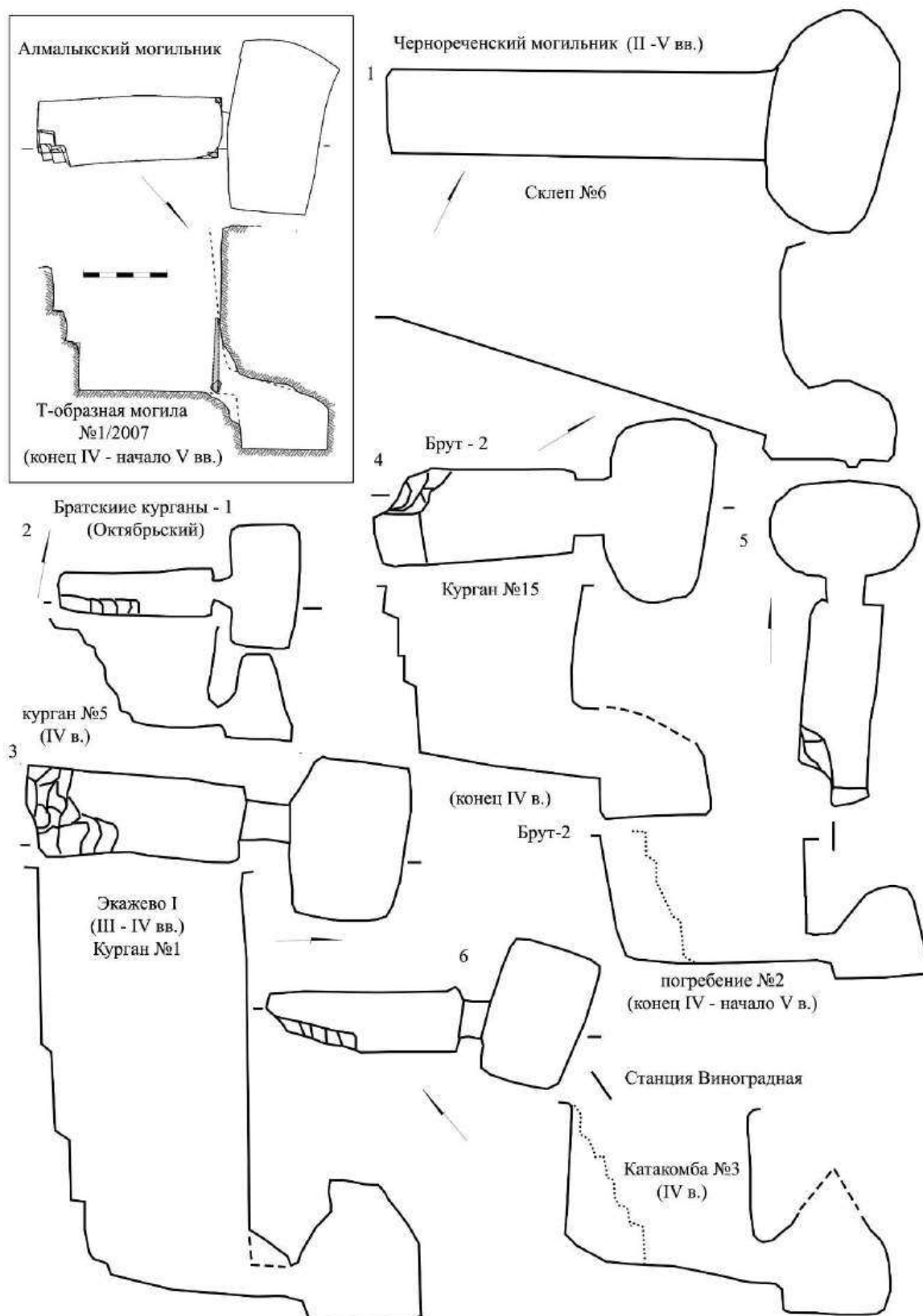

Рис. 116. 1 – Катакомбы на территории Крыма [по: Веймарн, 1951, с. 38]; Северный Кавказ: 2 – по: Абрамова, 1997, рис. 4, 13; 3 – по: Воронин, 2006, с. 15, рис. 3; 4-5– по: Габуев, 2009, с. 140, рис. 56, 57, 201; 6 – по: Габуев, 1985, с. 200–201, рис. 3.

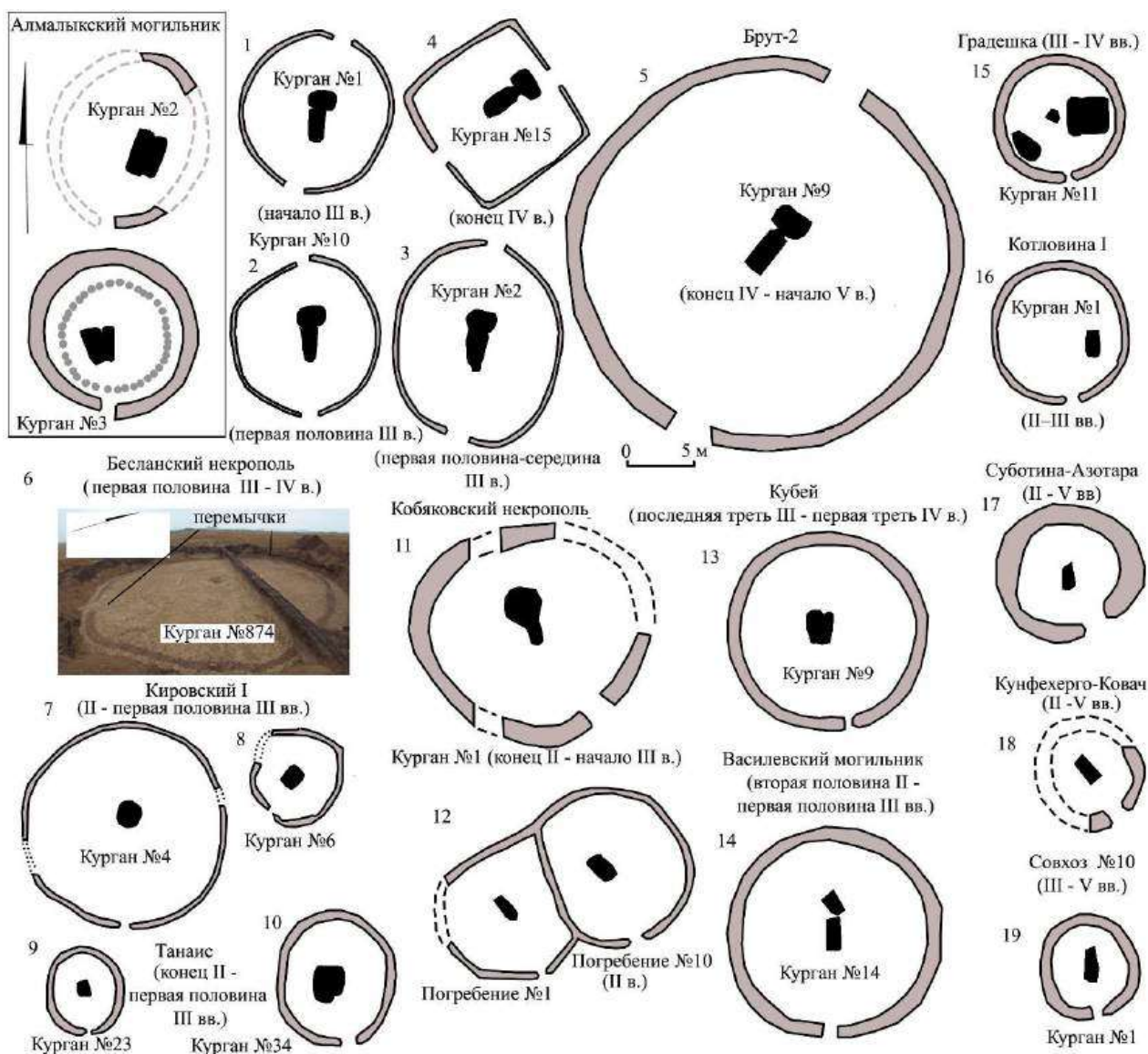

Рис. 117. Курганы с ровиками и перемычкой в южном секторе: Северный Кавказ (1–6), Нижний Дон (7–12), Северо-Западное Причерноморье и Венгрия (12–18), Крым (19).

1–5 – по: Габуев, Малышев, 2009, с. 140, рис. 6, 31; 6 – Коробов и др., 2021, с. 165, 170, рис. 6, 8; 7–9 – по: Ильюков, 2000, с. 111, рис. 9, 1, 11, 1, 9; 10 – по: Гугуев, 2019, с. 92, рис. 1, 2; 11–12 – по: Ларенок, 2016, с. 23, рис. 2, 6; 13–14 – по: Субботин, Дзиговский, 1990, с. 16, 20, рис. 7, 15, 20, 1; 15 – по: Гудкова, Редина, 1999, с. 177, 180; 16 – Симоненко и др., 2020, с. 170, рис. 1, 1; 17–18 – по: Kulcsár, 1998, kér. 24; 19 – по: Стржелецкий и др., 2003–2004, рис. 8.

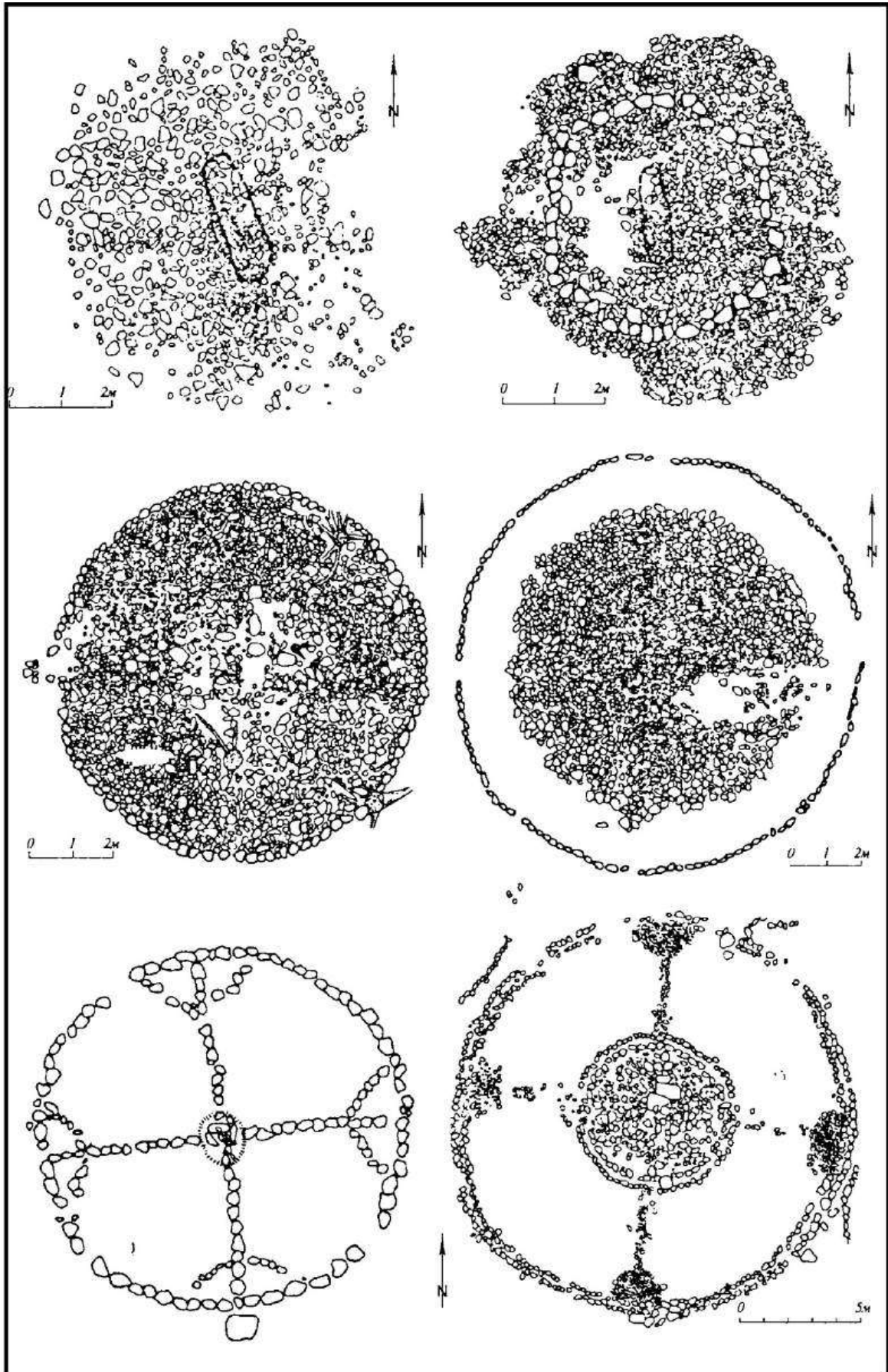
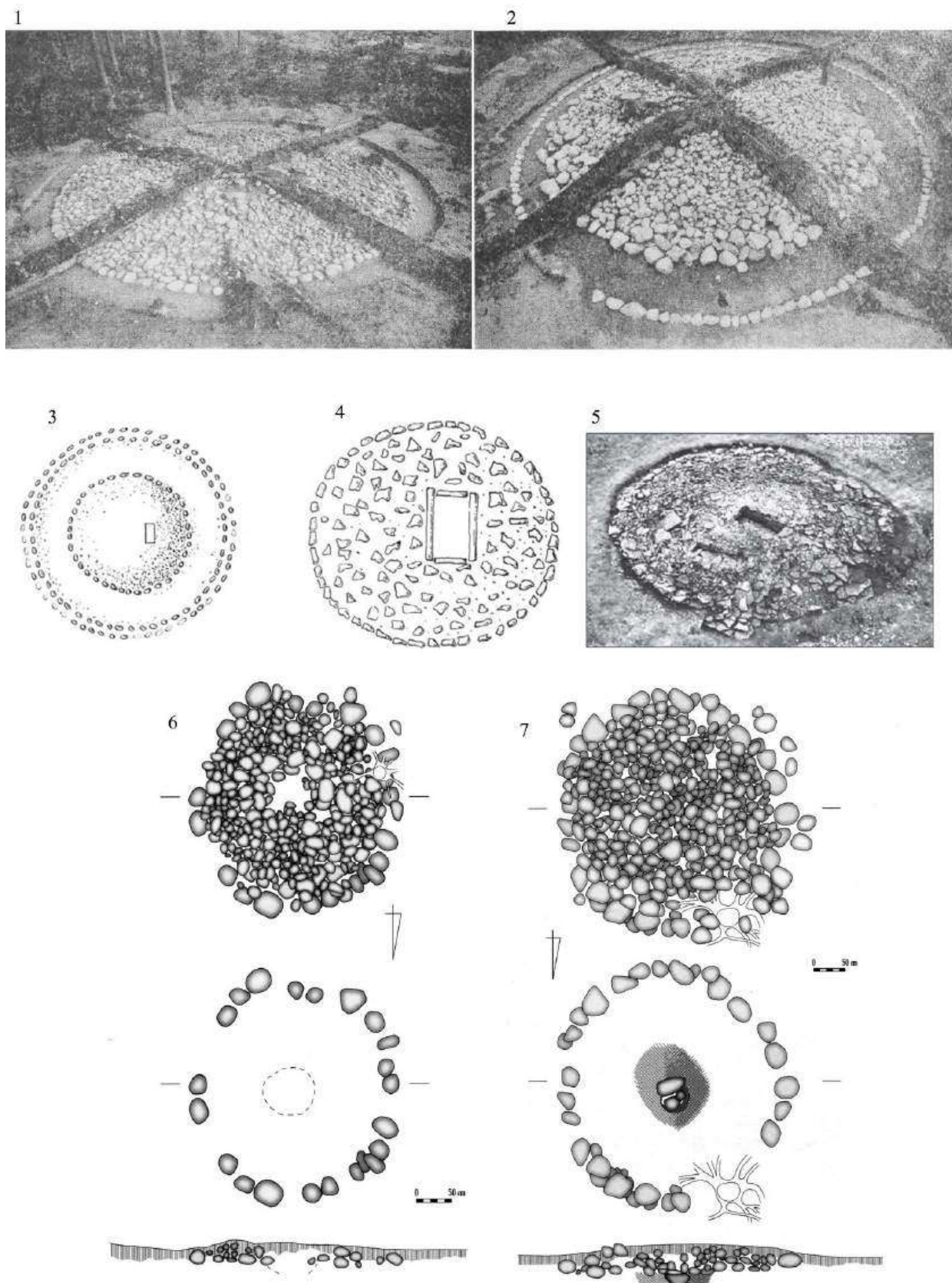

Рис. 118. Каменные конструкции на могильниках Скандинавии и вельбарской культуры (II – V вв.) [по: Шукин, 2005, рис. 3]

119. Каменные конструкции: 1-2 – курганы поздеримского времени у р. Одер (Польша) [по: Wołagiewicz, 1977, рис. 35, 35]; 3-4 (Готланд), 5 (Эстония) – каменные погребальные конструкции римского времени в циркумбалтийском регионе [по: Казанский, Мастыкова, 2022, рис. 3]; 6-7 – курганы поздеримского времени на стоянке Червоны двор (Польша) [по: Шиманский, 2008, рис. 3, 5].

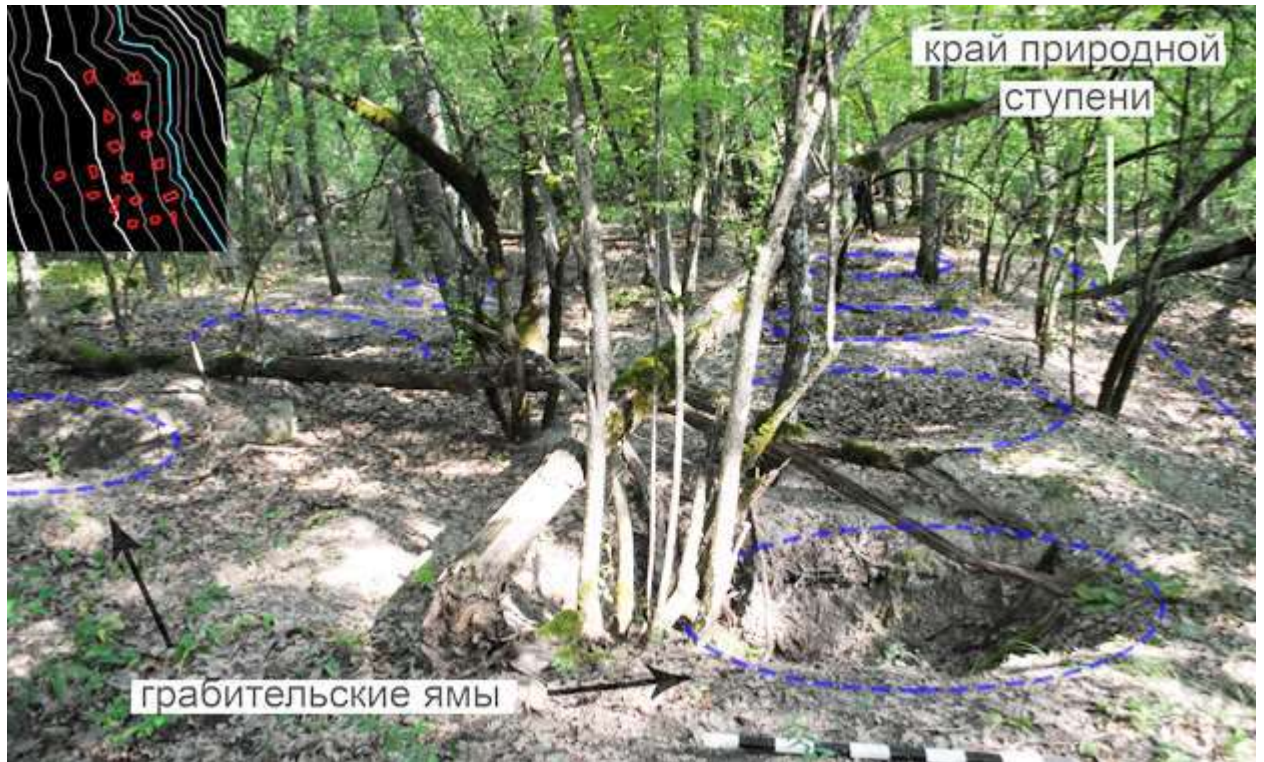

Рис. 120. Алмалыкский могильник. Порядовка грабительских ям на Среднем участке могильника, у природной ступени с востока.

Рис. 121. Алмалыкский могильник. Порядовка грабительских ям на Южном участке.

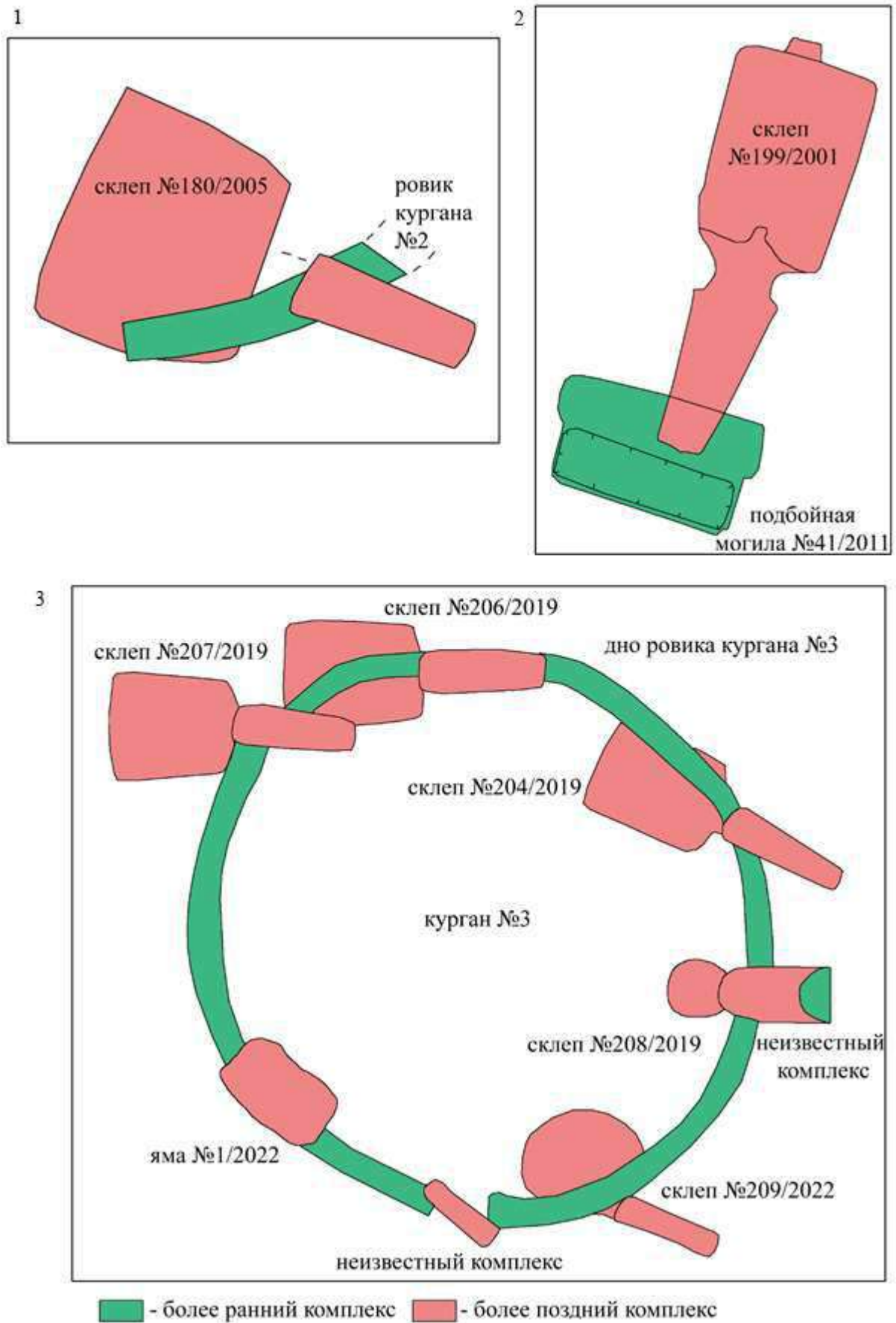

Рис. 122. Алмалыкский могильник. Повреждение ранних сооружений при строительстве более поздних комплексов.

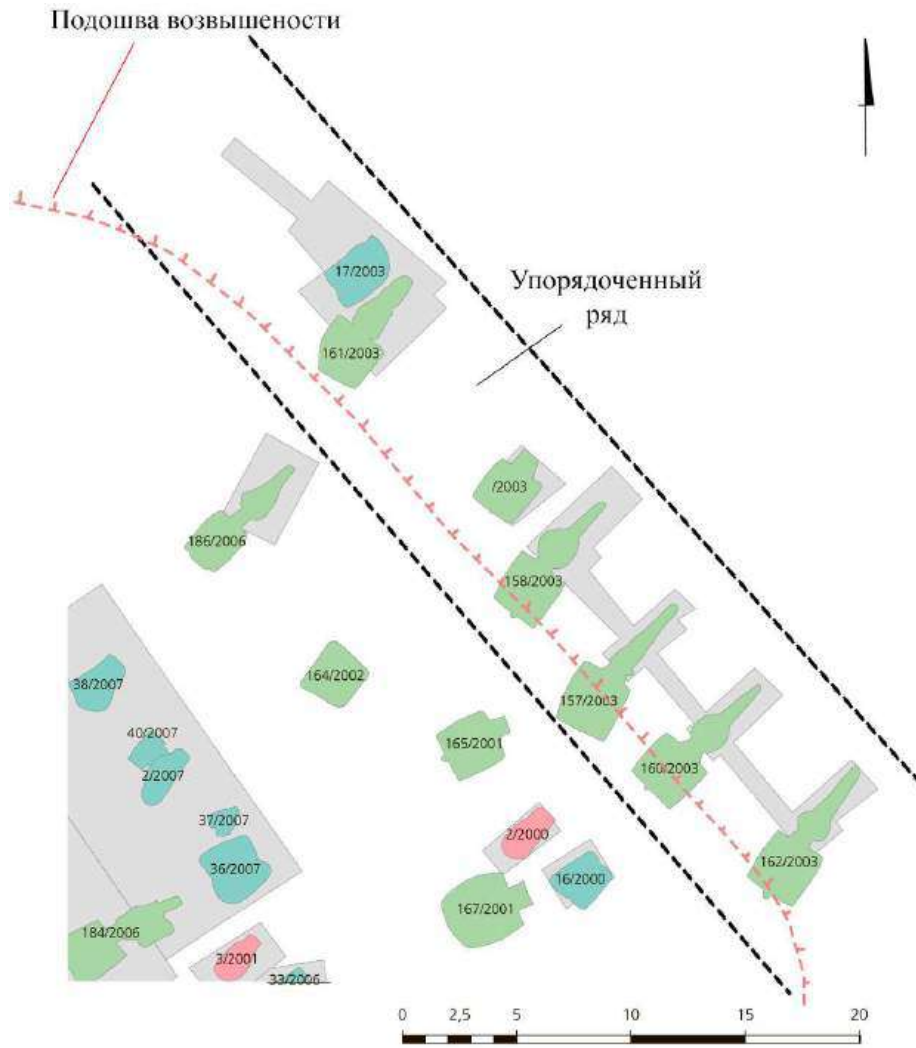

Рис. 123. Алмалыкский могильник. Ряд склепов на Северном участке.

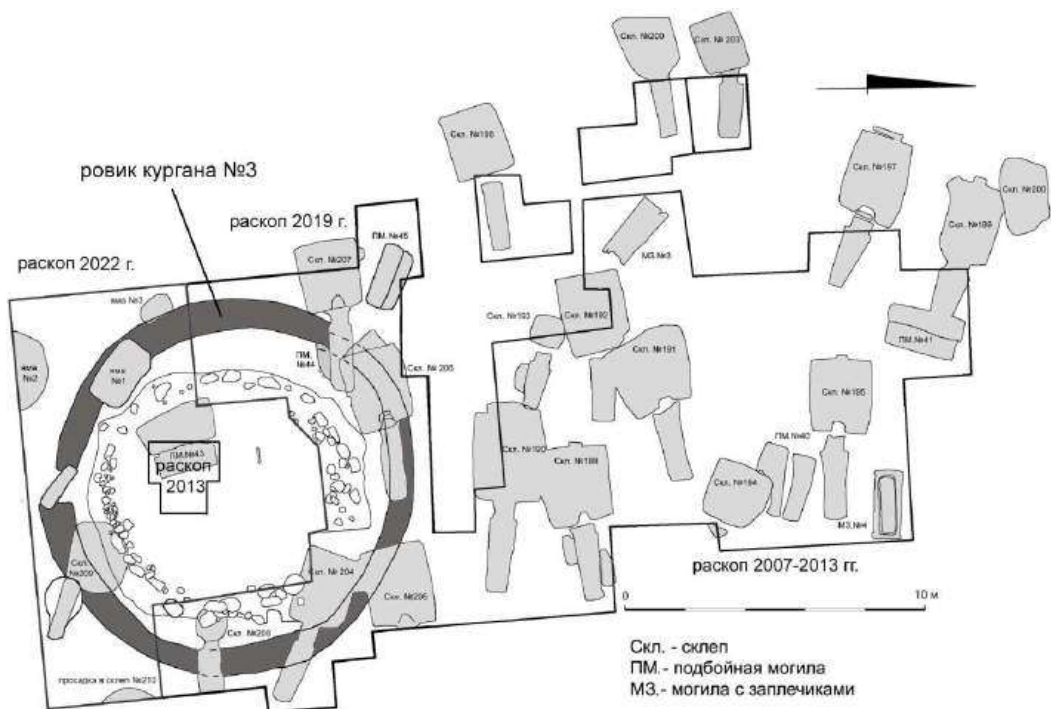

Рис. 124. Алмалыкский могильник. Планировка Среднего участка.

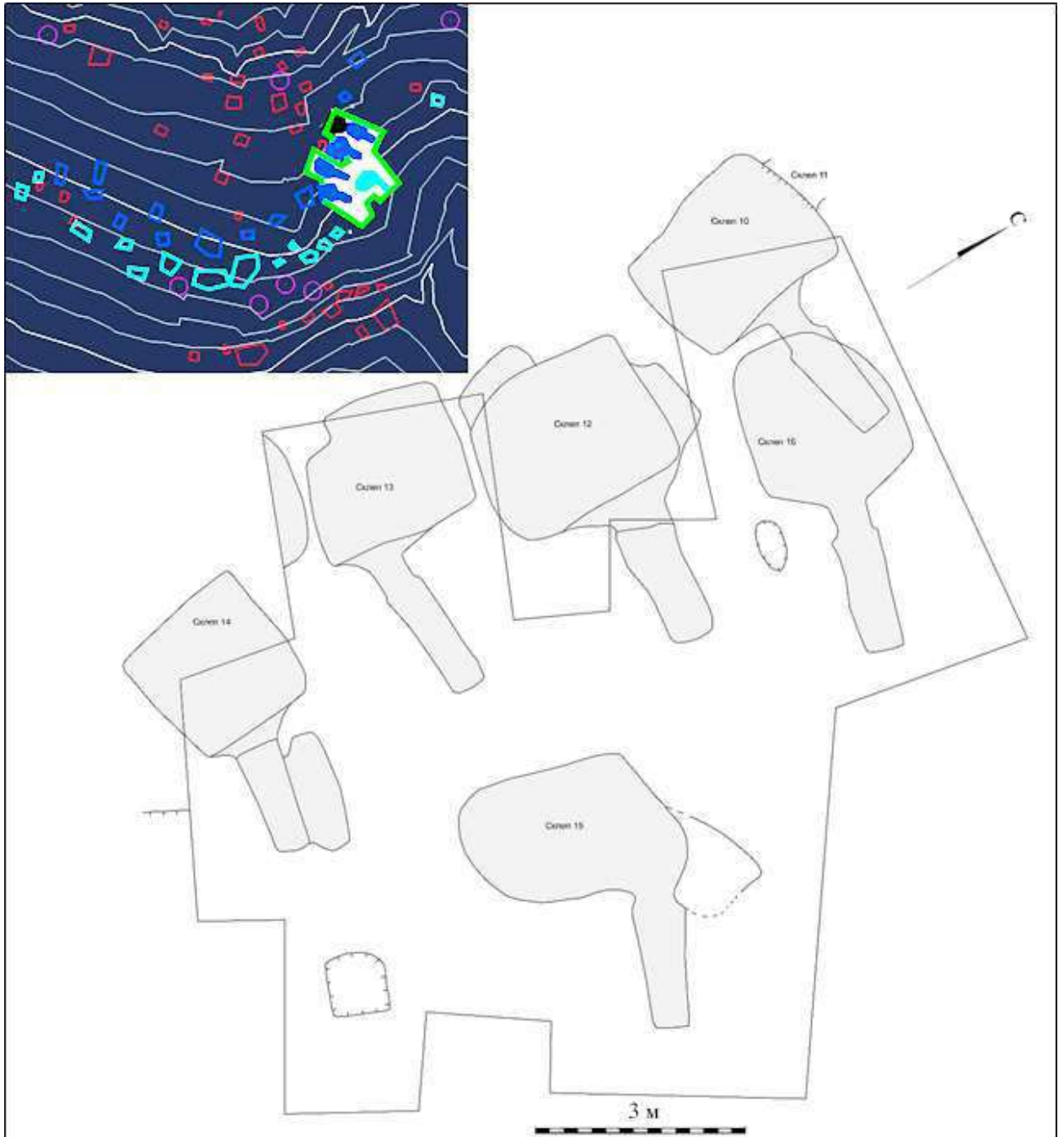

Рис. 125. Южно-Мангупский могильник. Порядовка погребальных сооружений в западной части некрополя.

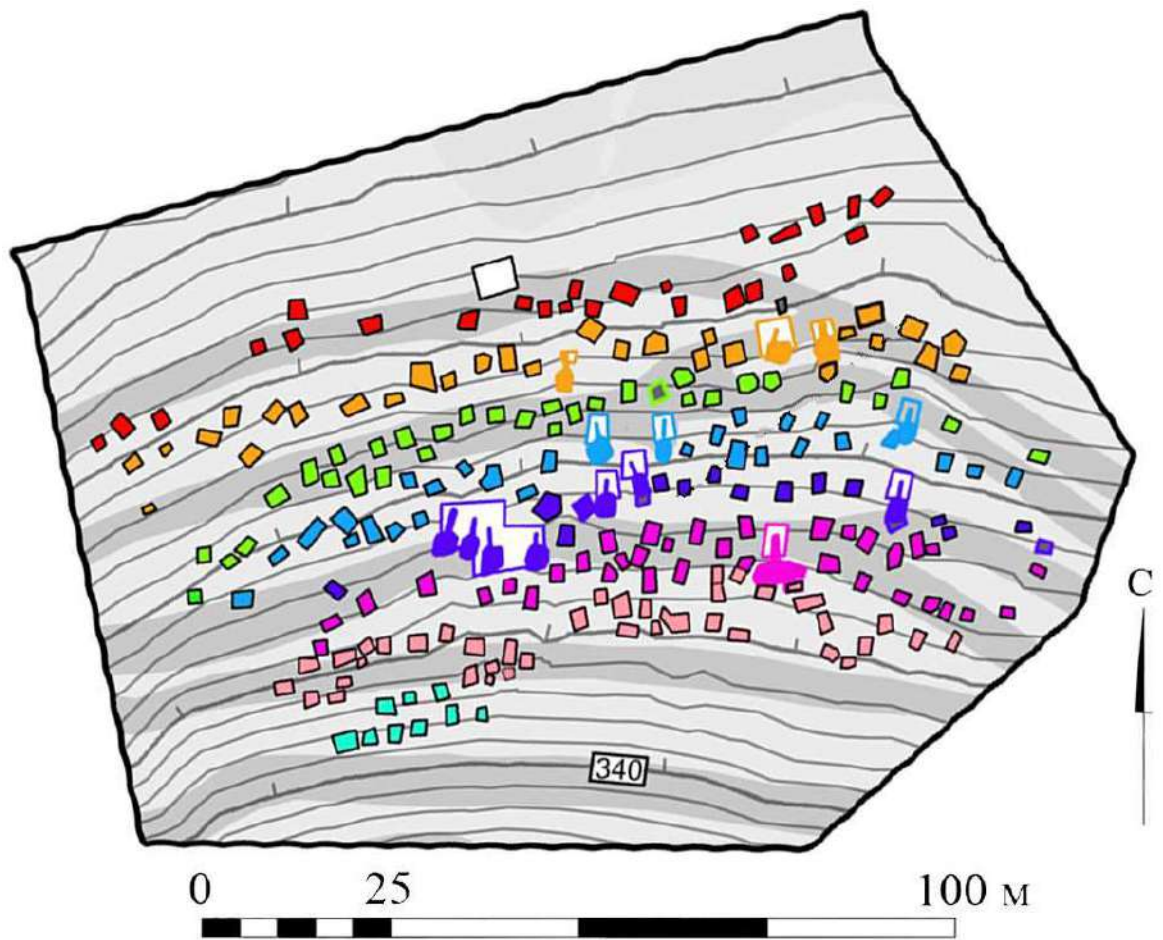

Рис. 126. Южно-Мангупский могильник. Упорядоченный ряд погребальных сооружений на территории раскопа 1996 г.

2

Рис. 128. Адым-Чокракский могильник: 1 - схематичное расположение рядов склепов и грабительских ям; 2 - следы ограбленных склепов в срезе террасы I.

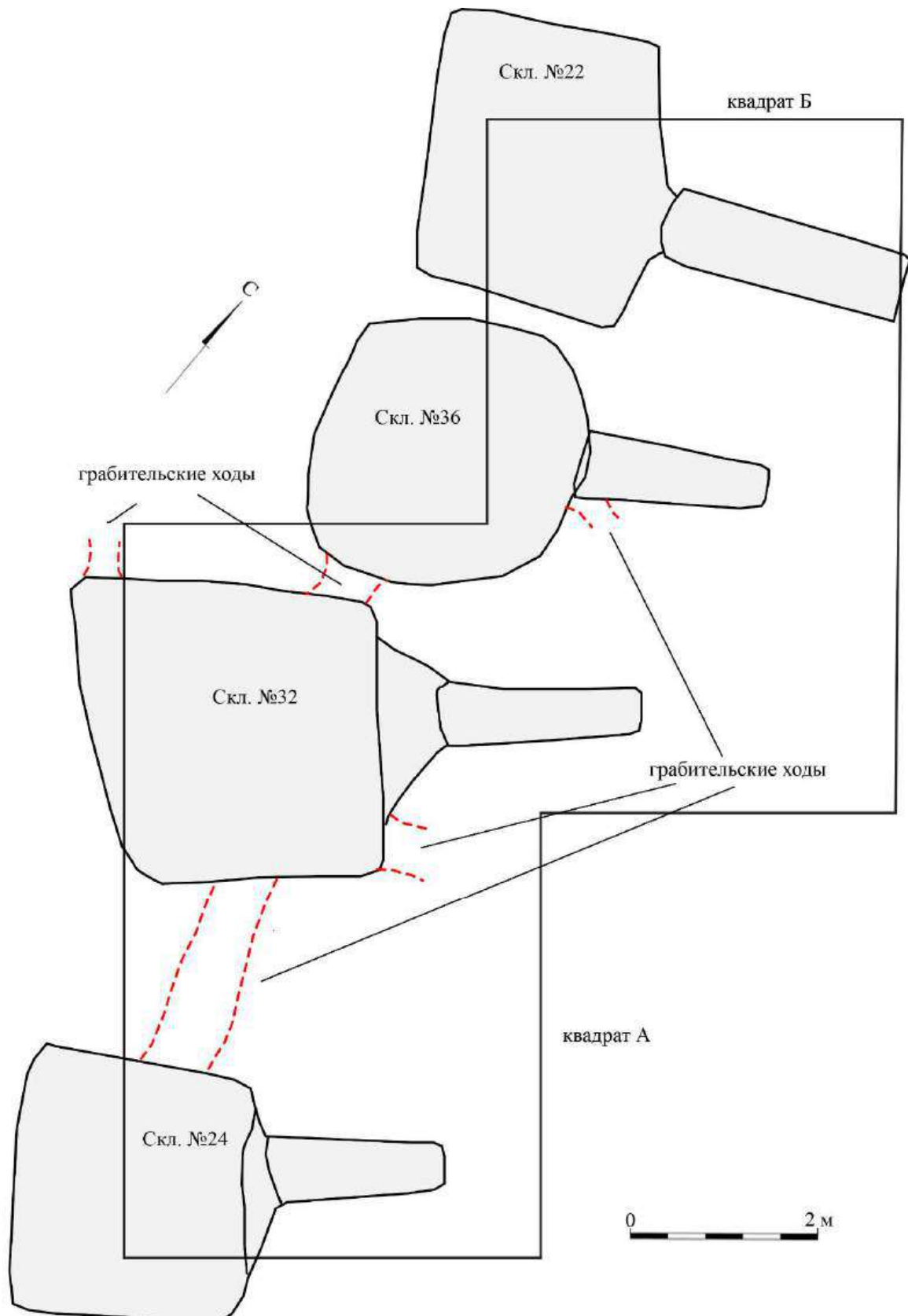

Рис. 129. Адым-Чокракский могильник. Упорядоченный ряд склепов на площади раскопа 1995 г.

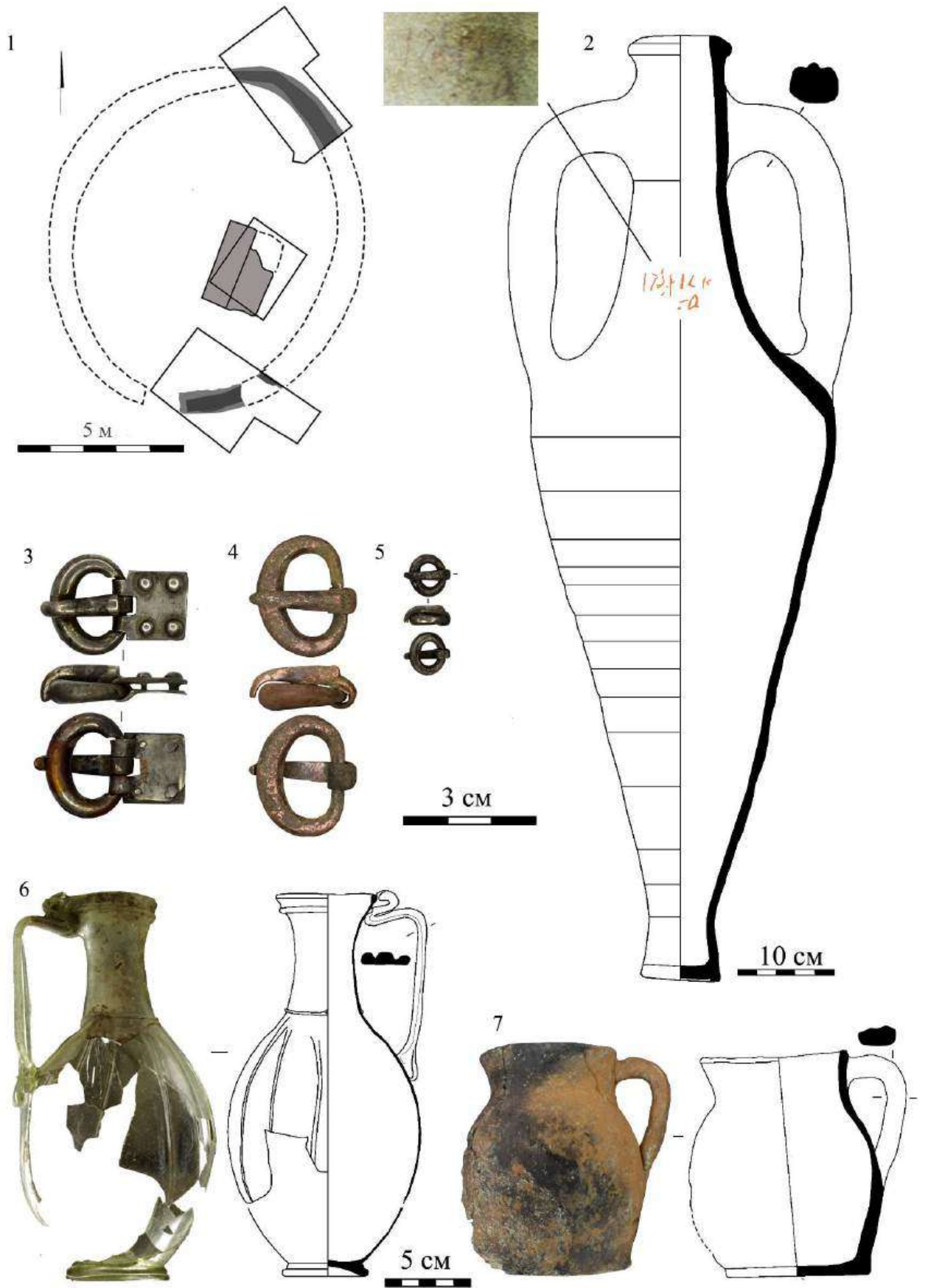

Рис. 130. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза.
Курган № 2 (подбойная могила № 42/2012).

Рис. 131. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза. Курган № 3 (подбойная могила № 43/2013).

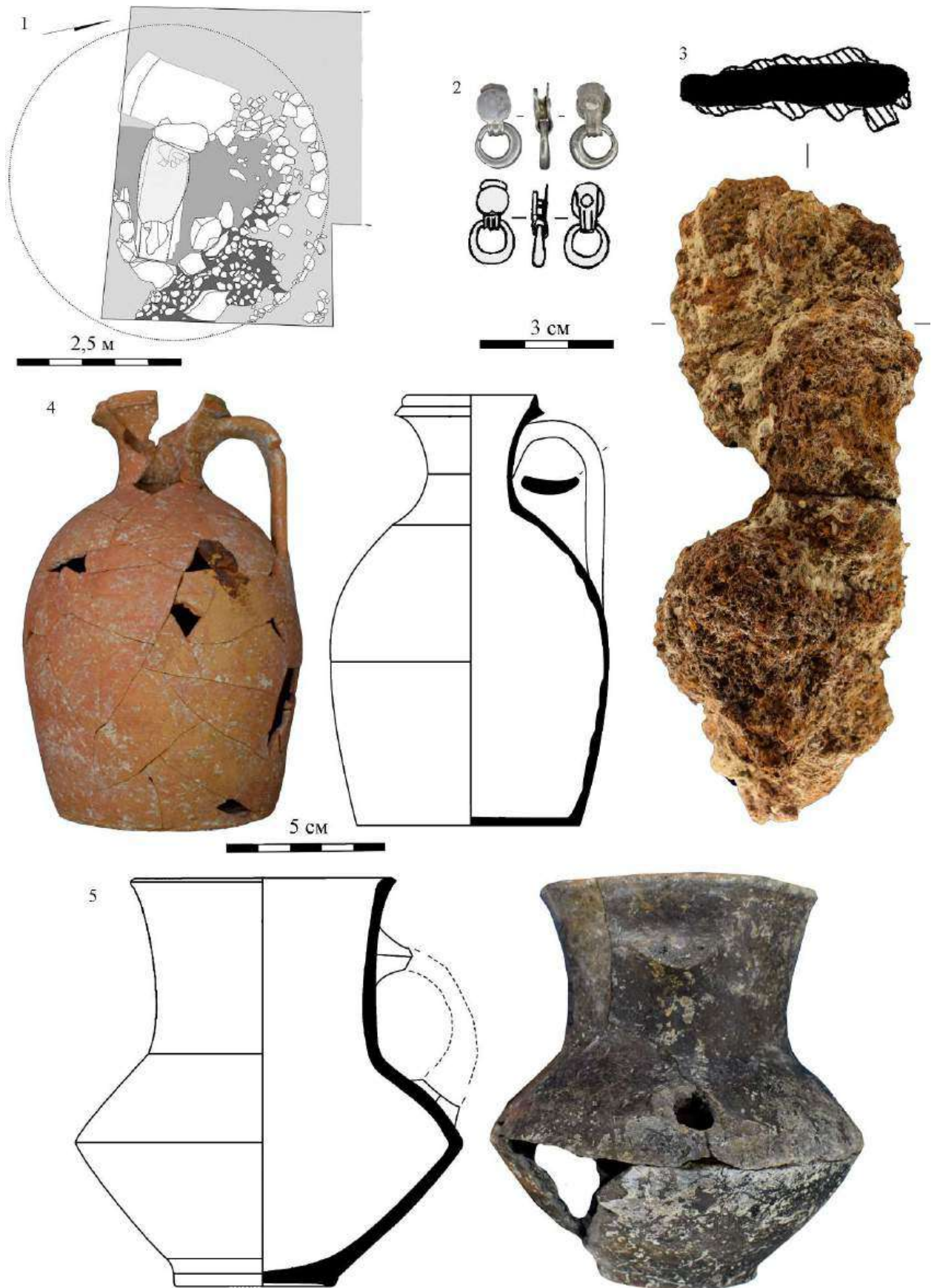

Рис. 132. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза.
Курган № 5 (Т-образная могила/катакомба № 1/2013).

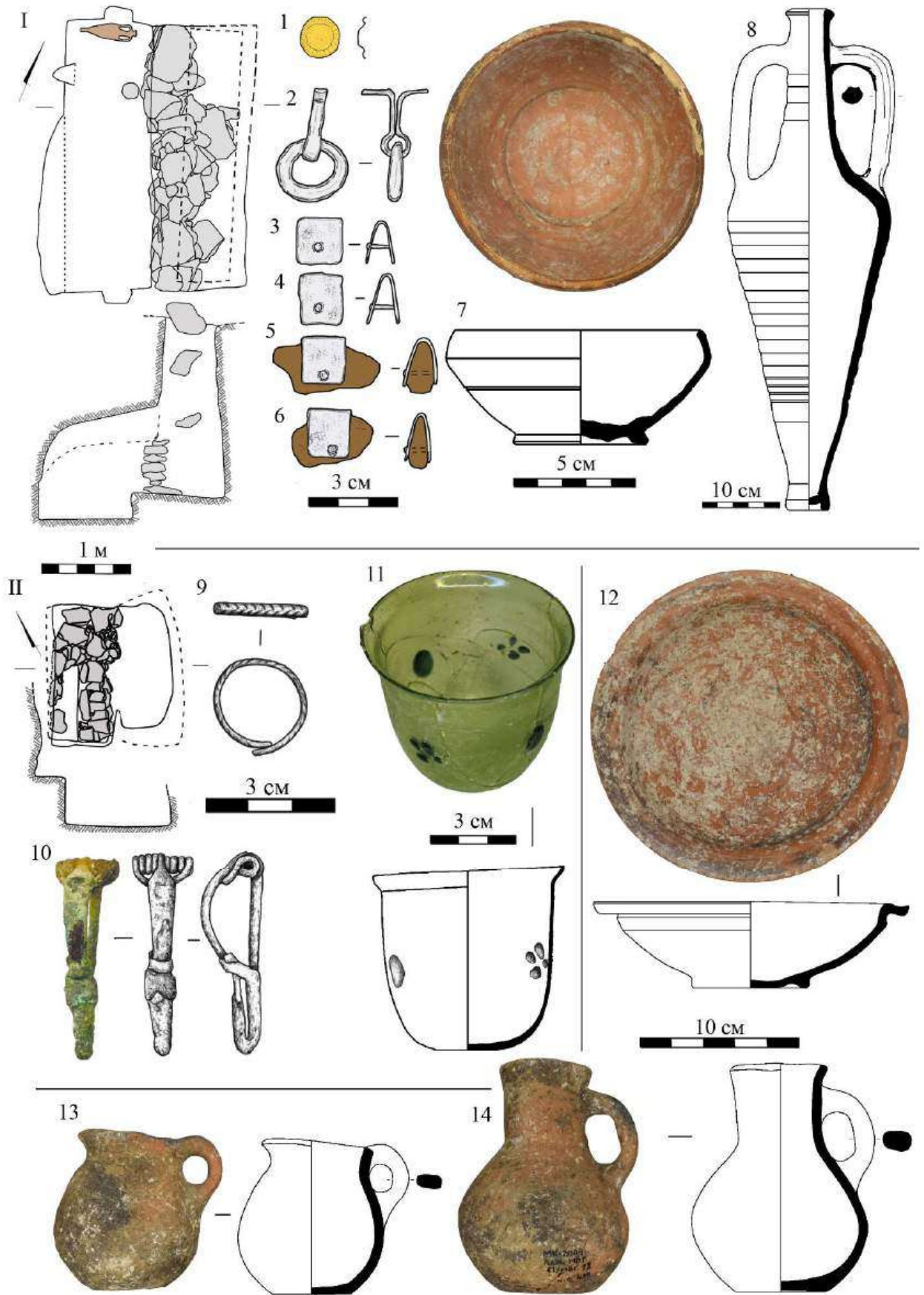

Рис. 133. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза.
Подбойные могилы №№ 7/1999 (I) и 18/2004 (II).

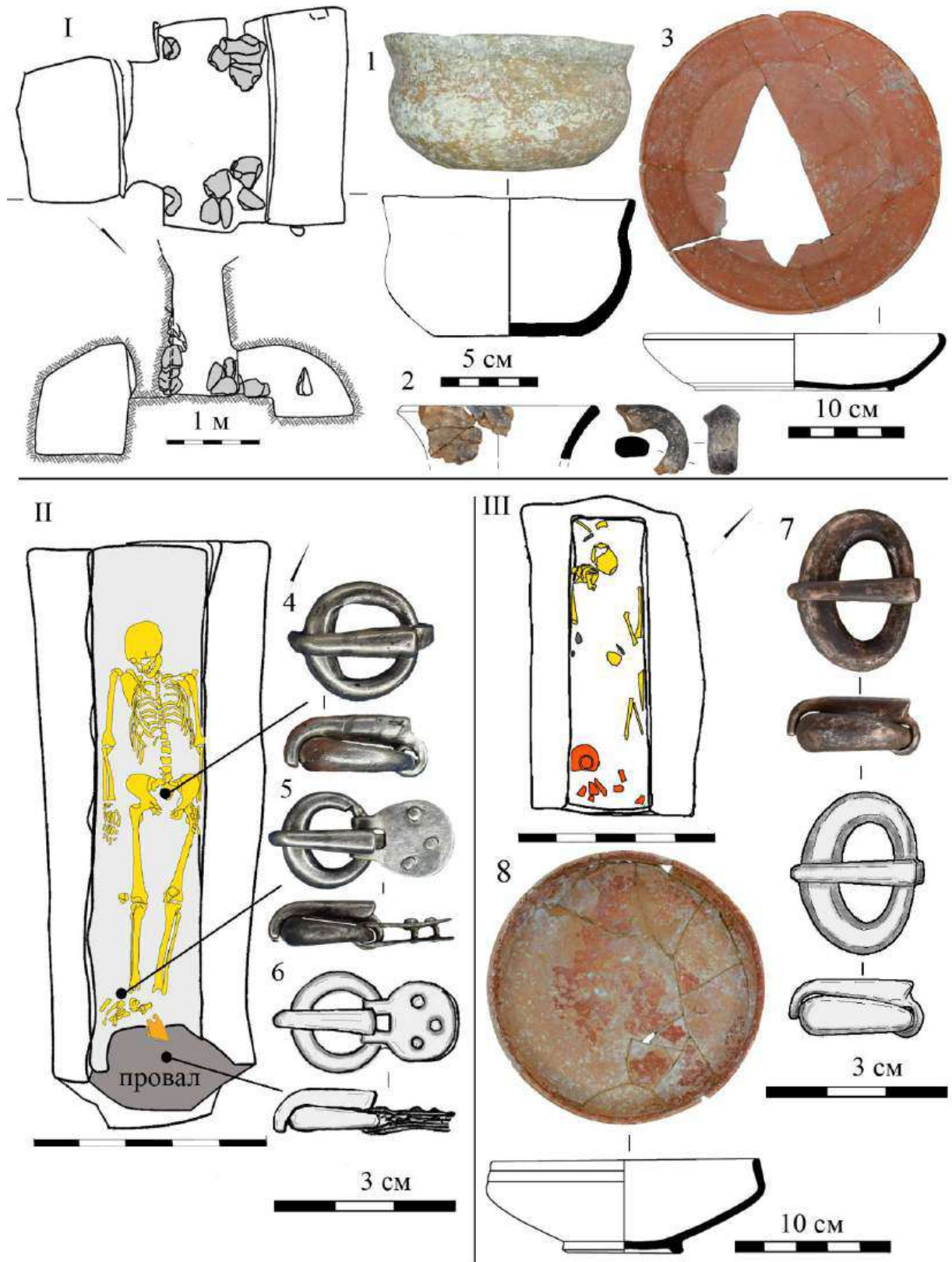

Рис. 134. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза. Подбойная могила № 33/2006 (I), могилы с заплечиками №№ 1/2006 (III) и 3/2008 (II).

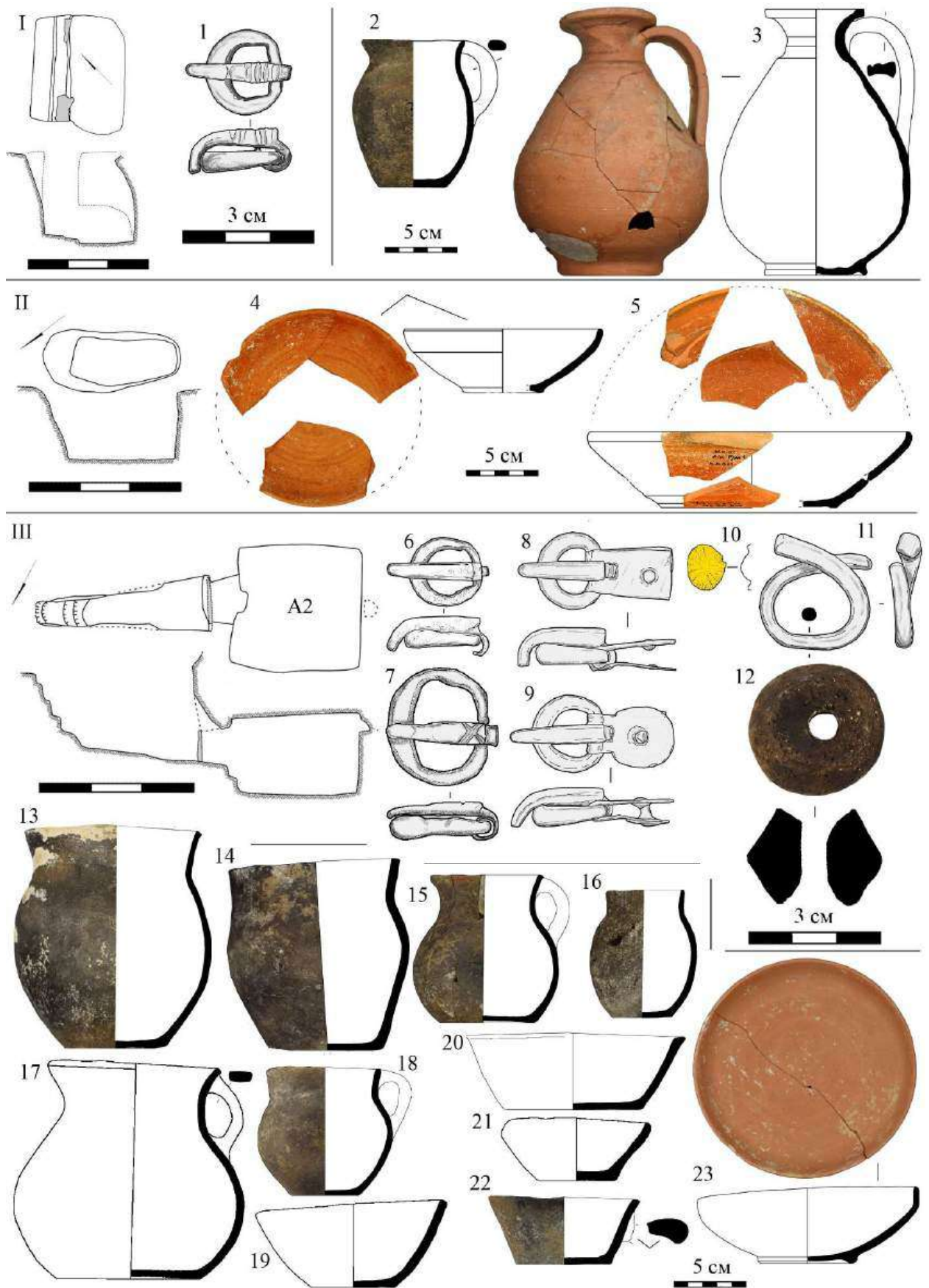

Рис. 135. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза. Подбойная могила № 2/2001 (I), грунтовая могила № 1/2002 (II), склеп № 162/2003 (II).

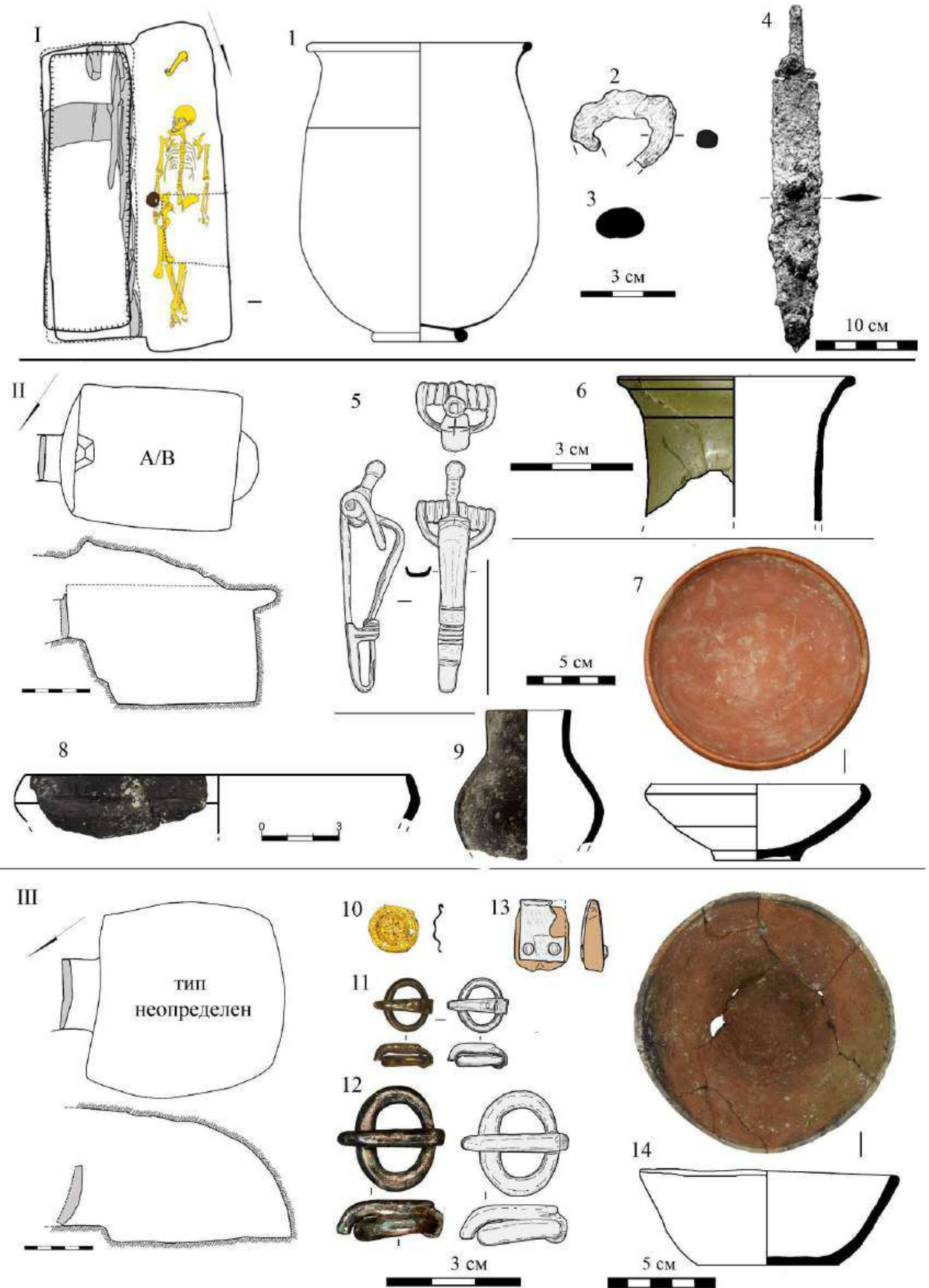

Рис. 136. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза. Подбойная могила № 41/2011 (I), склепы №№ 2/2001 (II) и 5/2001 (III).

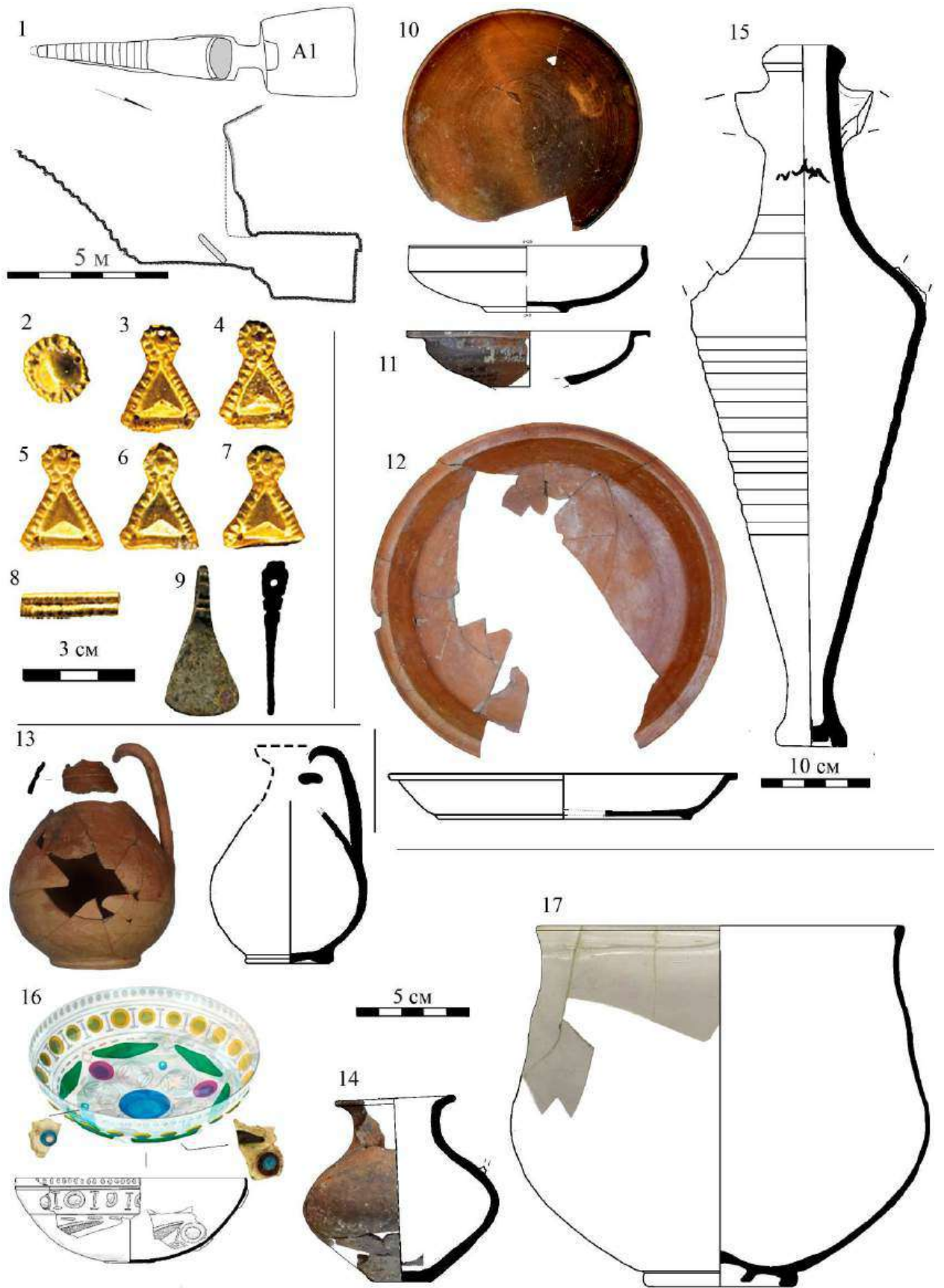

Рис. 137. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза. Склеп № 2/1996.

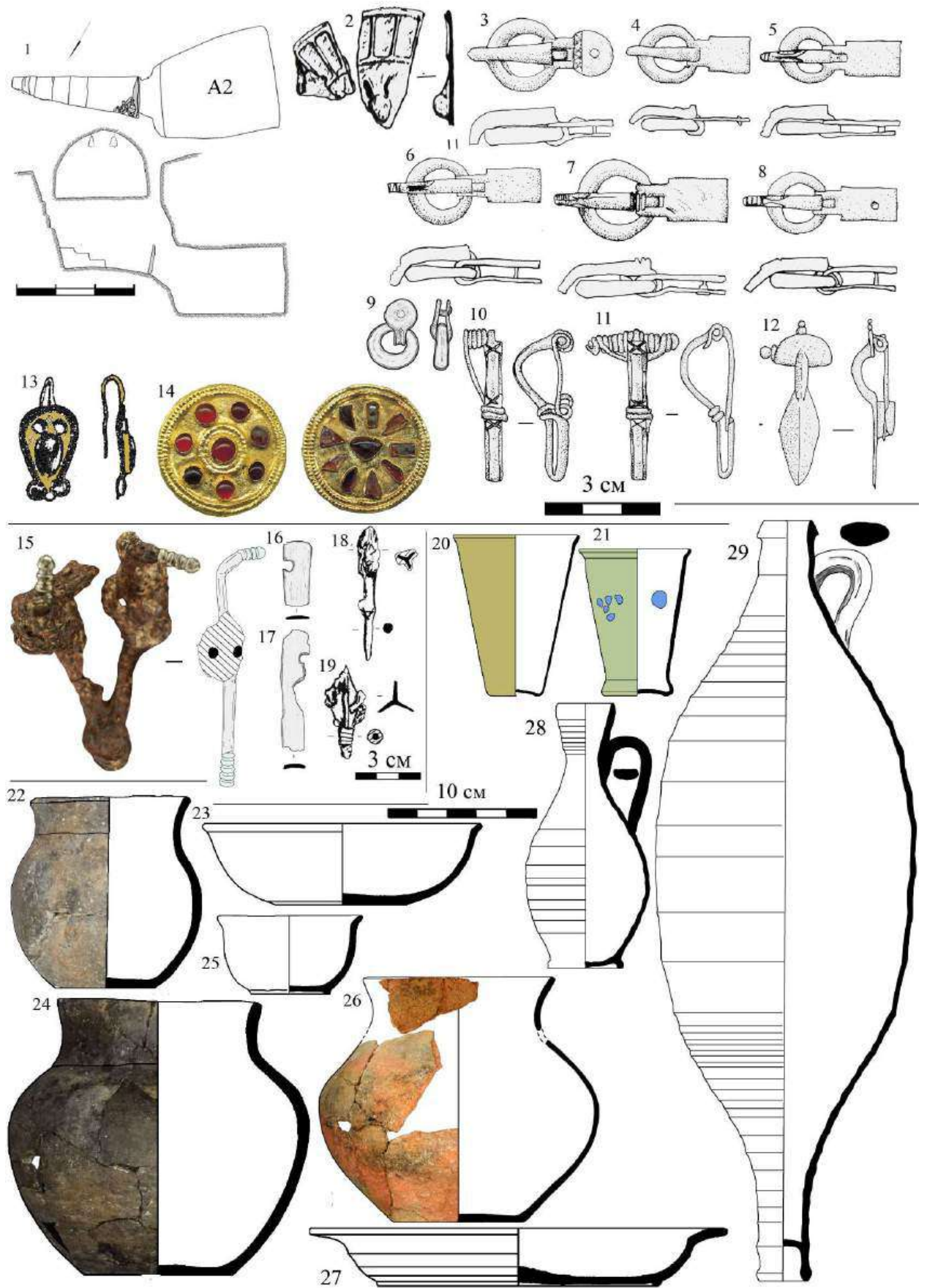

Рис. 138. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза. Склеп №65/1998.

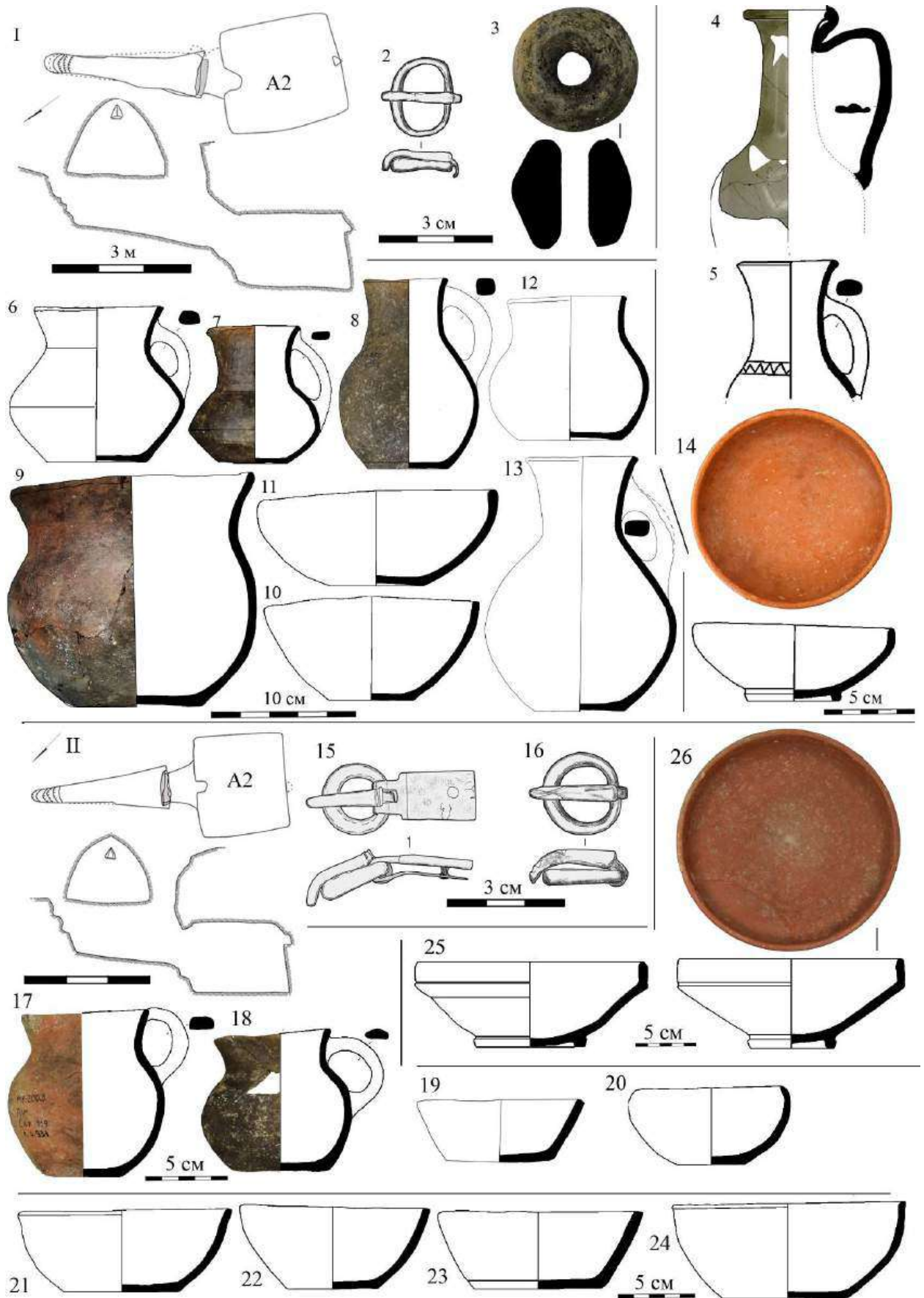

Рис. 139. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза.
Склепы №№ 157/2003 (I) и 160/2003 (II).

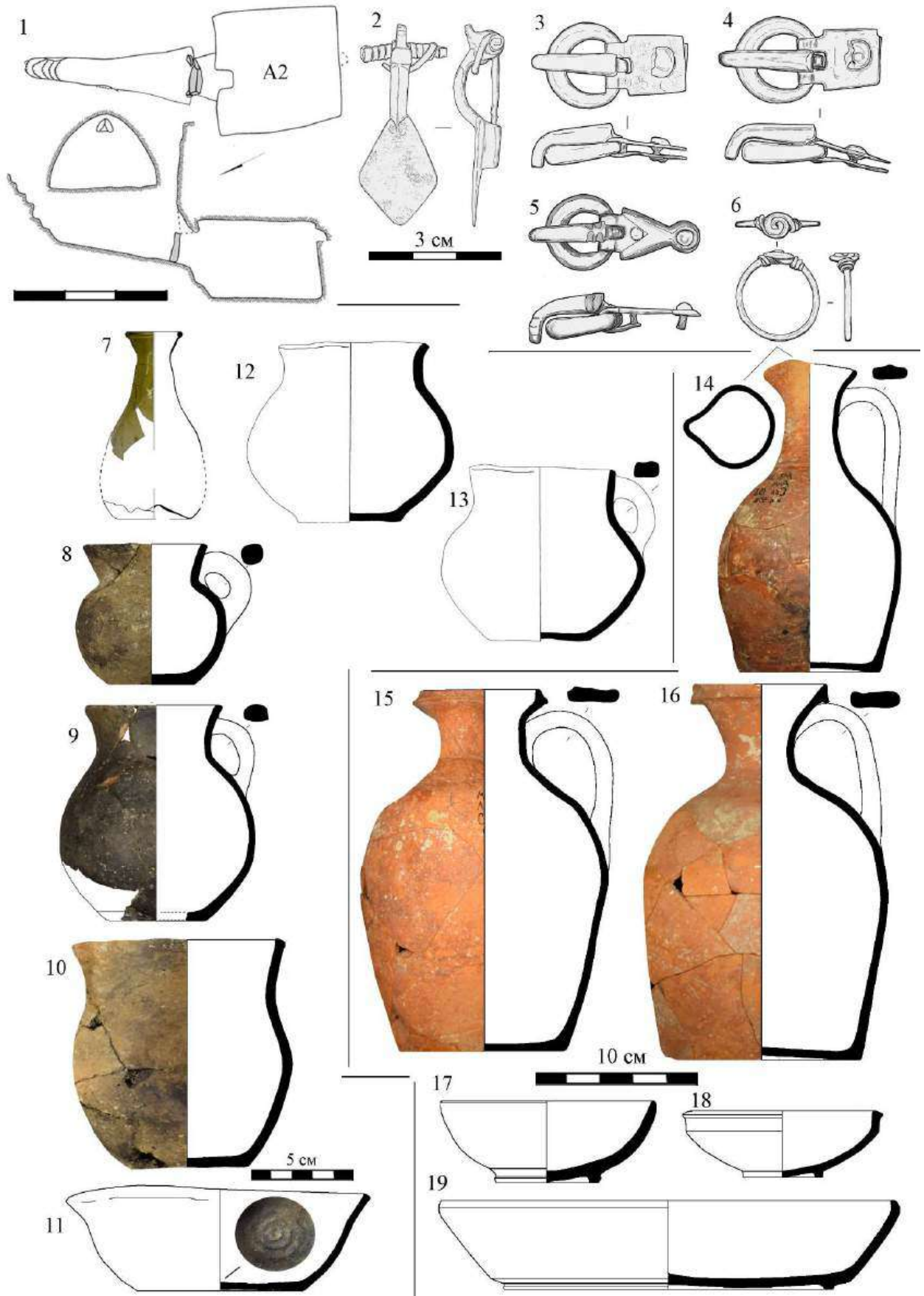

Рис. 140. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза. Склеп № 158/2003.

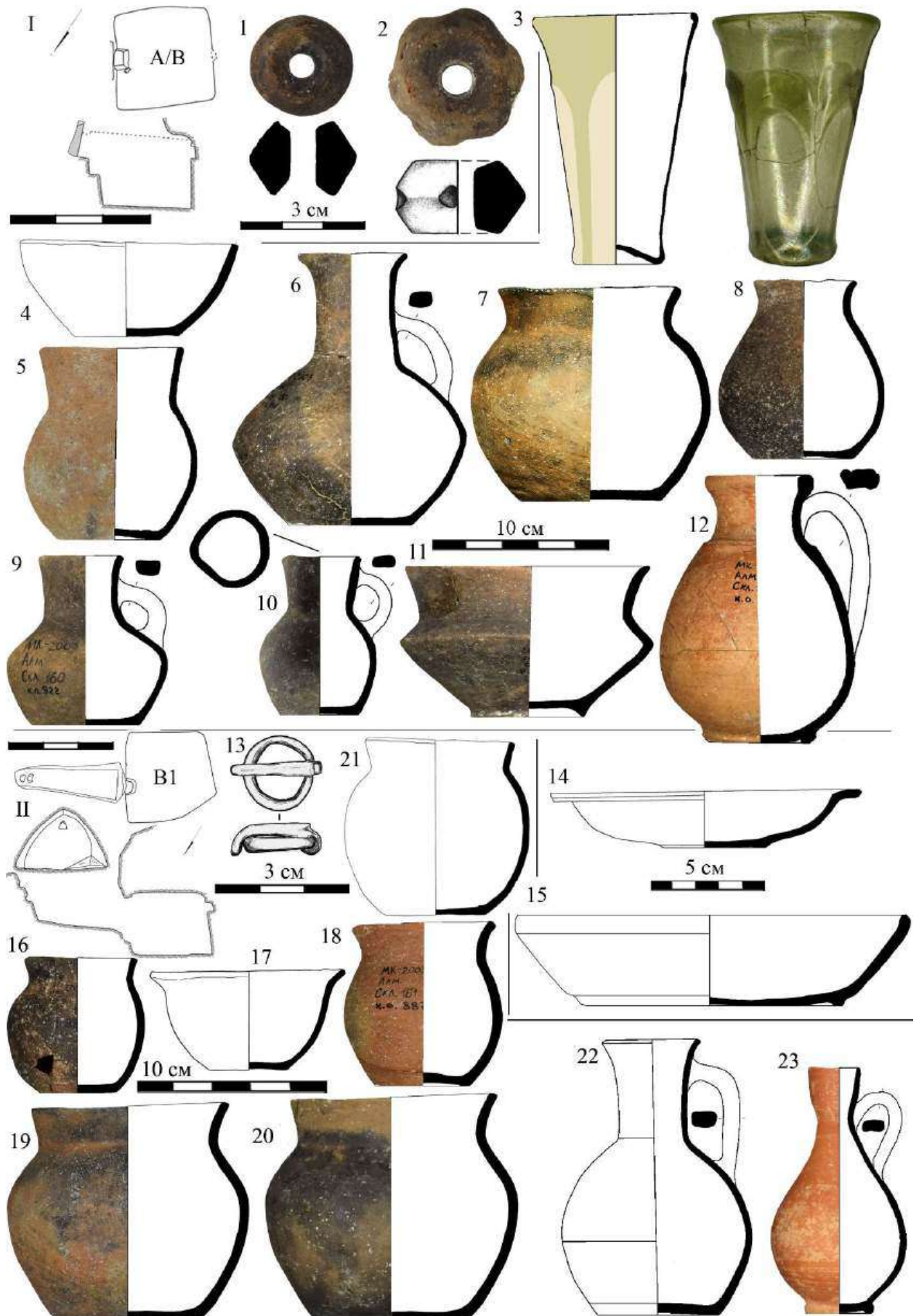

Рис. 141. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза.
Склепы №№ 159/2003 (I) и 161/2003 (II).

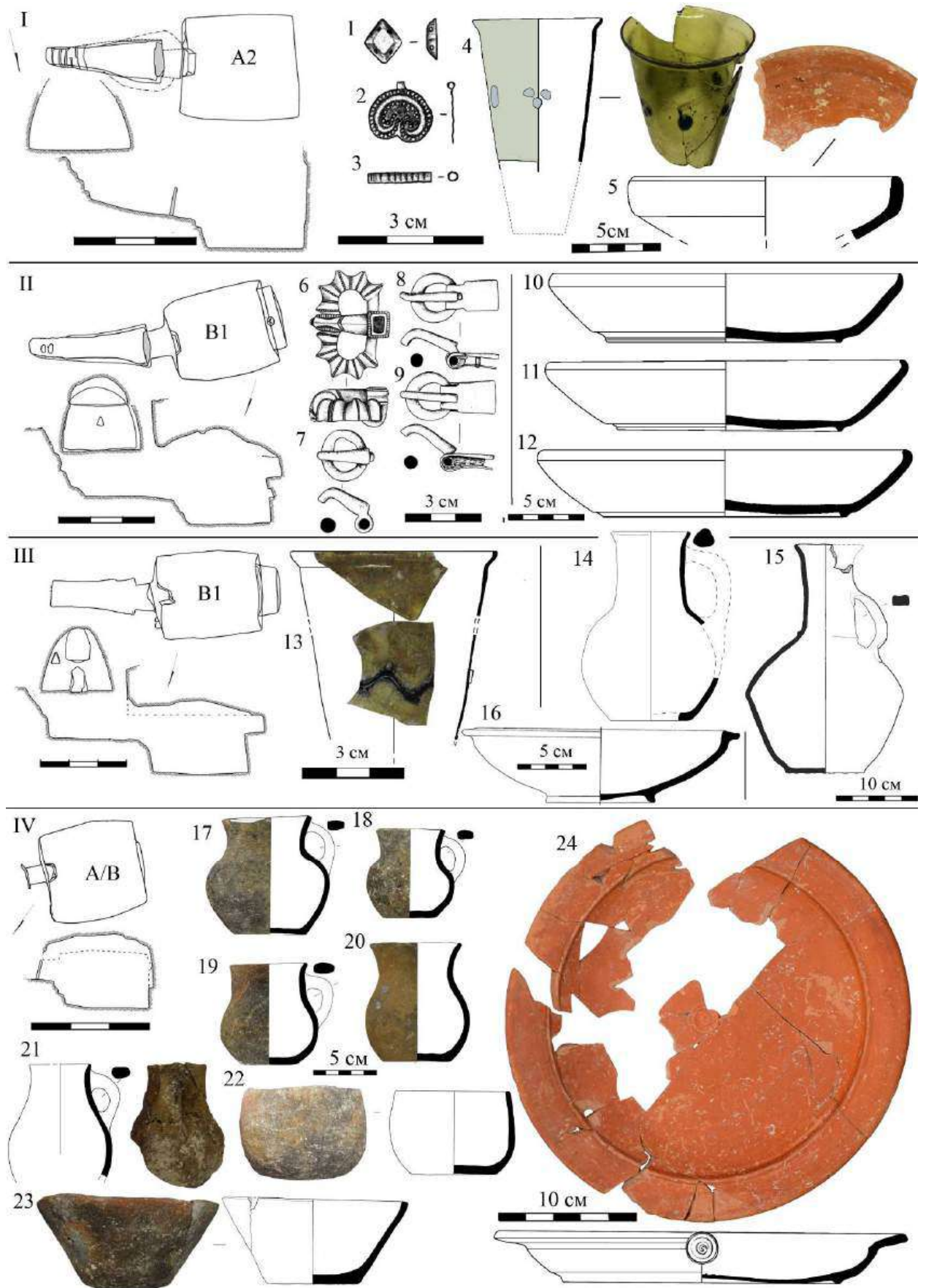

Рис. 142. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза. Склепы №№ 168/2004 (I), 175/2005 (II), 178/2005 (III) и 182/2006 (IV).

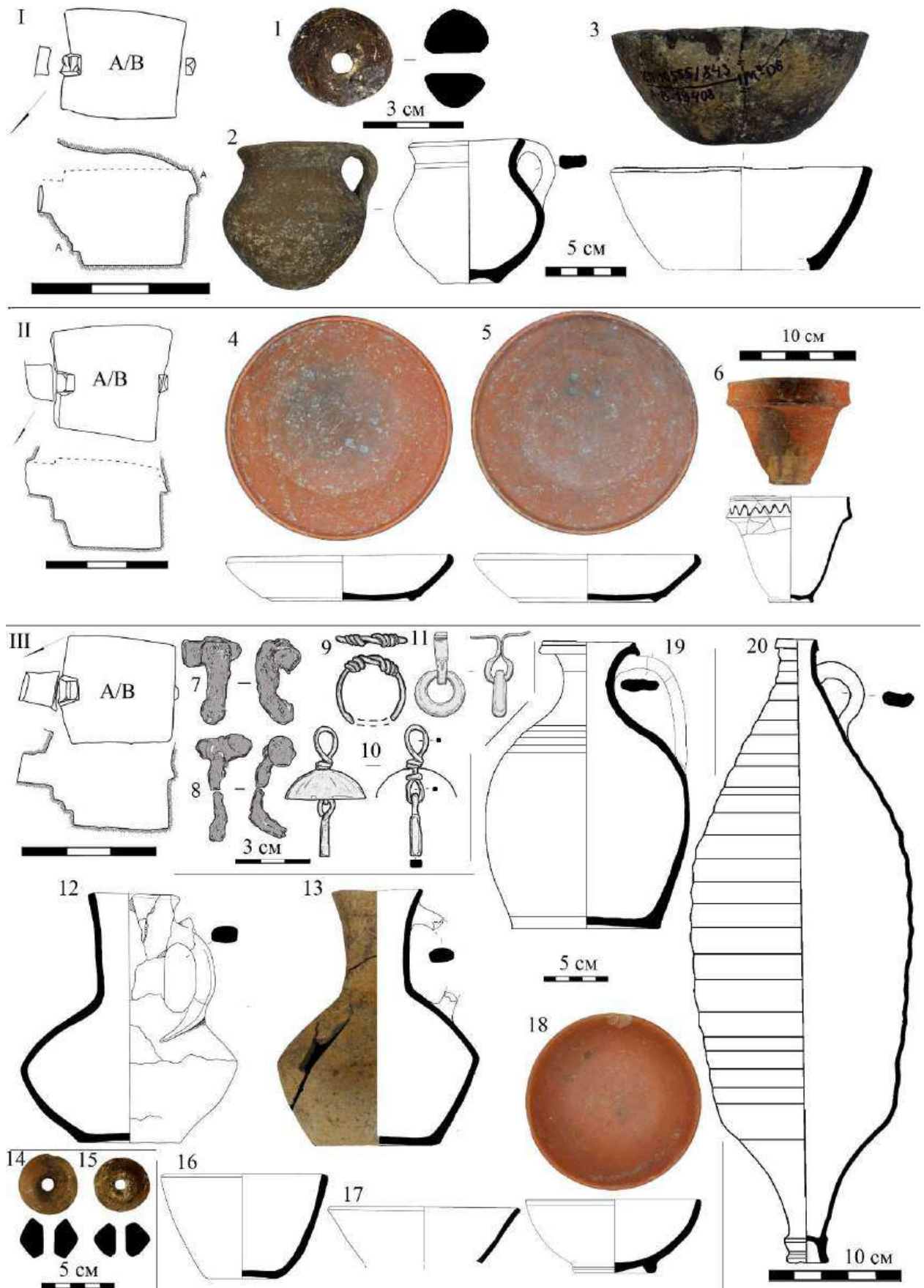

Рис. 143. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза.
Склепы №№ 183/2004 (I), 184/2006 (II) и 185/2006 (III).

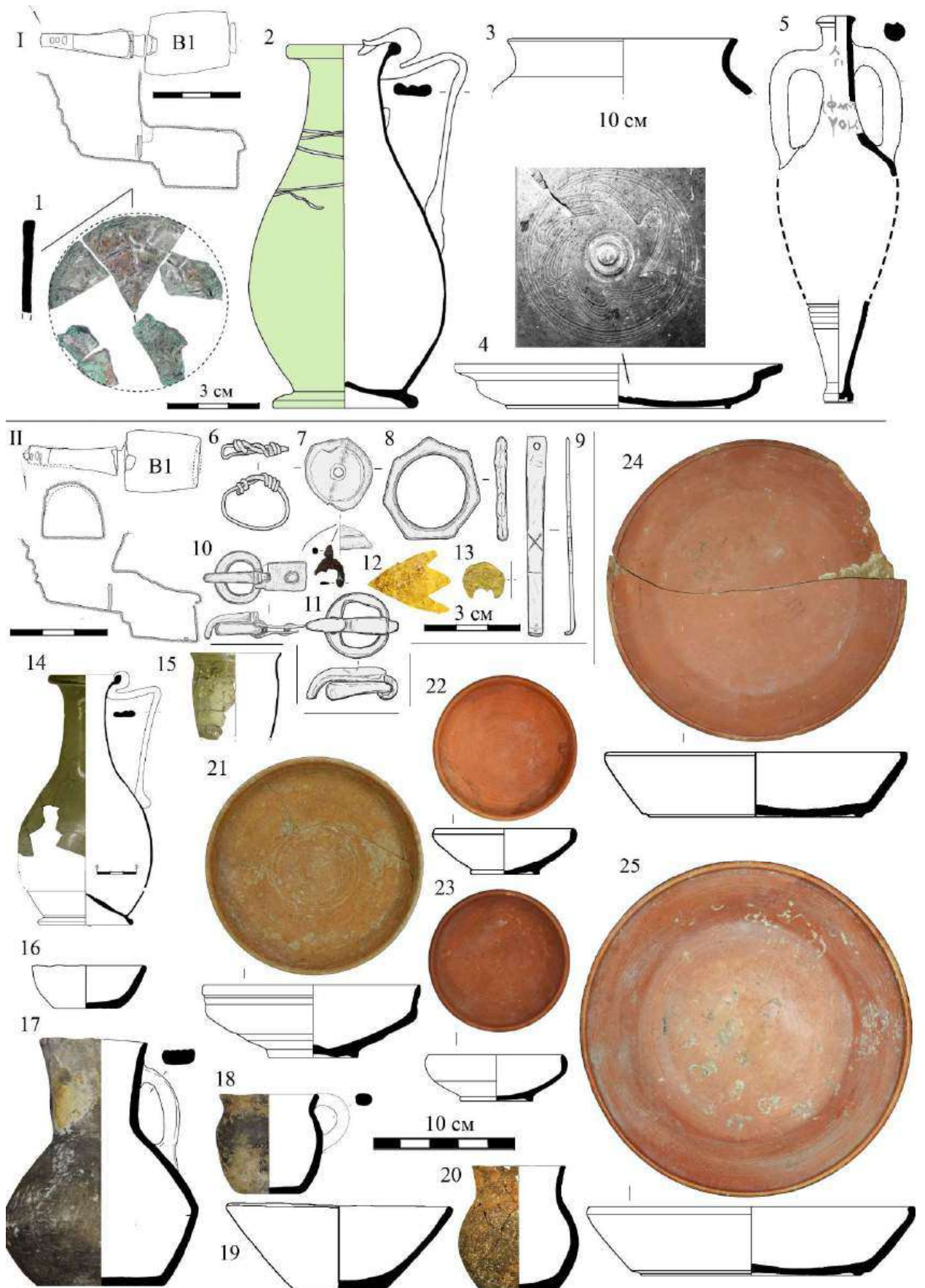

Рис. 144. Алмалыкский могильник. Первая хронологическая фаза.
Склепы №№ 6/2001 (II) и 197/2008 (I).

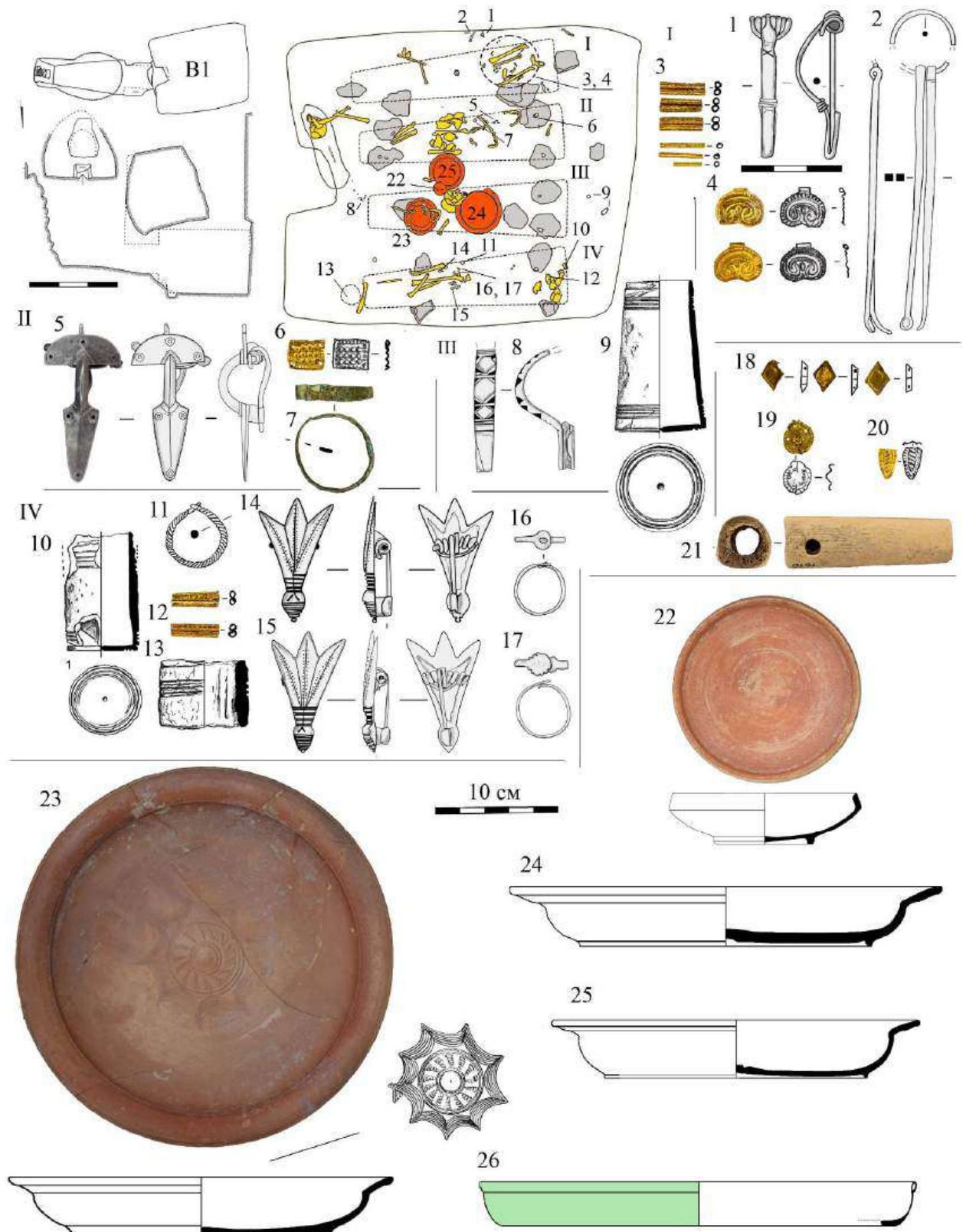

Рис. 145. Алмалыкский могильник. Склеп № 189/2007.
 Первая хронологическая фаза: погребения №№ I, II, III.
 Вторая хронологическая фаза: погребение № IV.

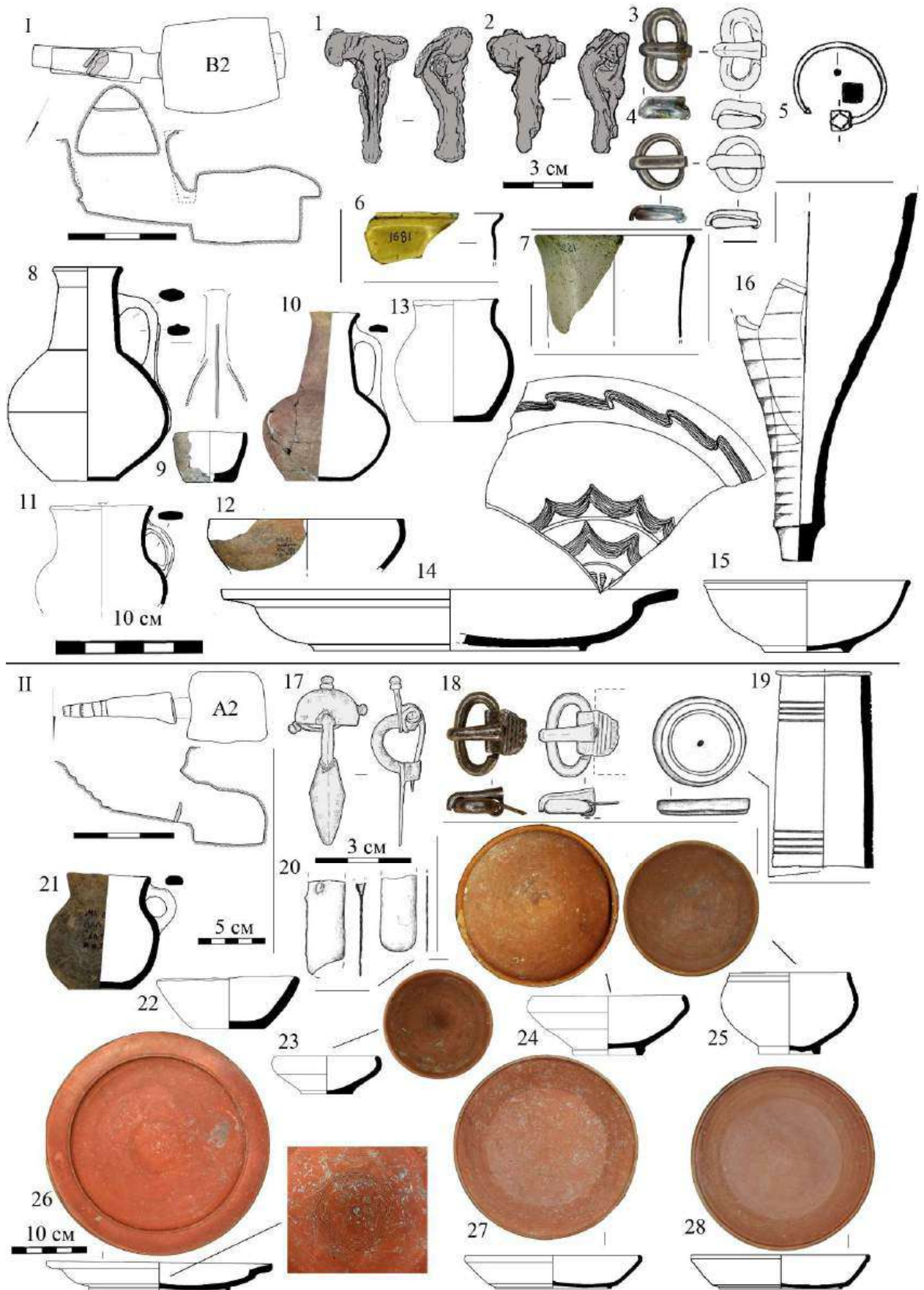

Рис. 146. Алмалыкский могильник. Первая / Вторая хронологические фазы.
Склепы №№155/2003 (II) и 190/2007 (I).

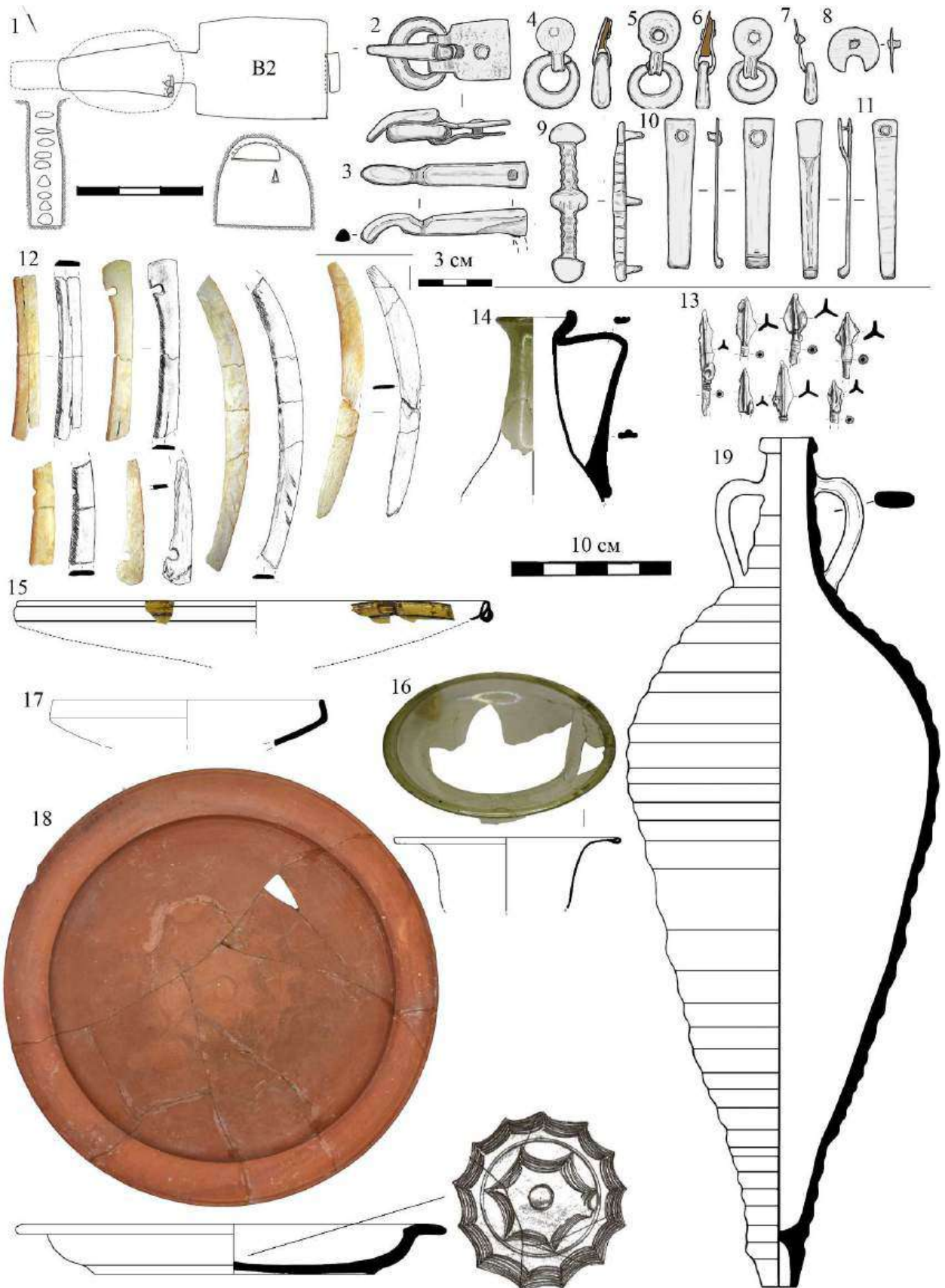

Рис. 147. Алмалыкский могильник. Первая / Вторая хронологические фазы.
Склеп № 118/2000.

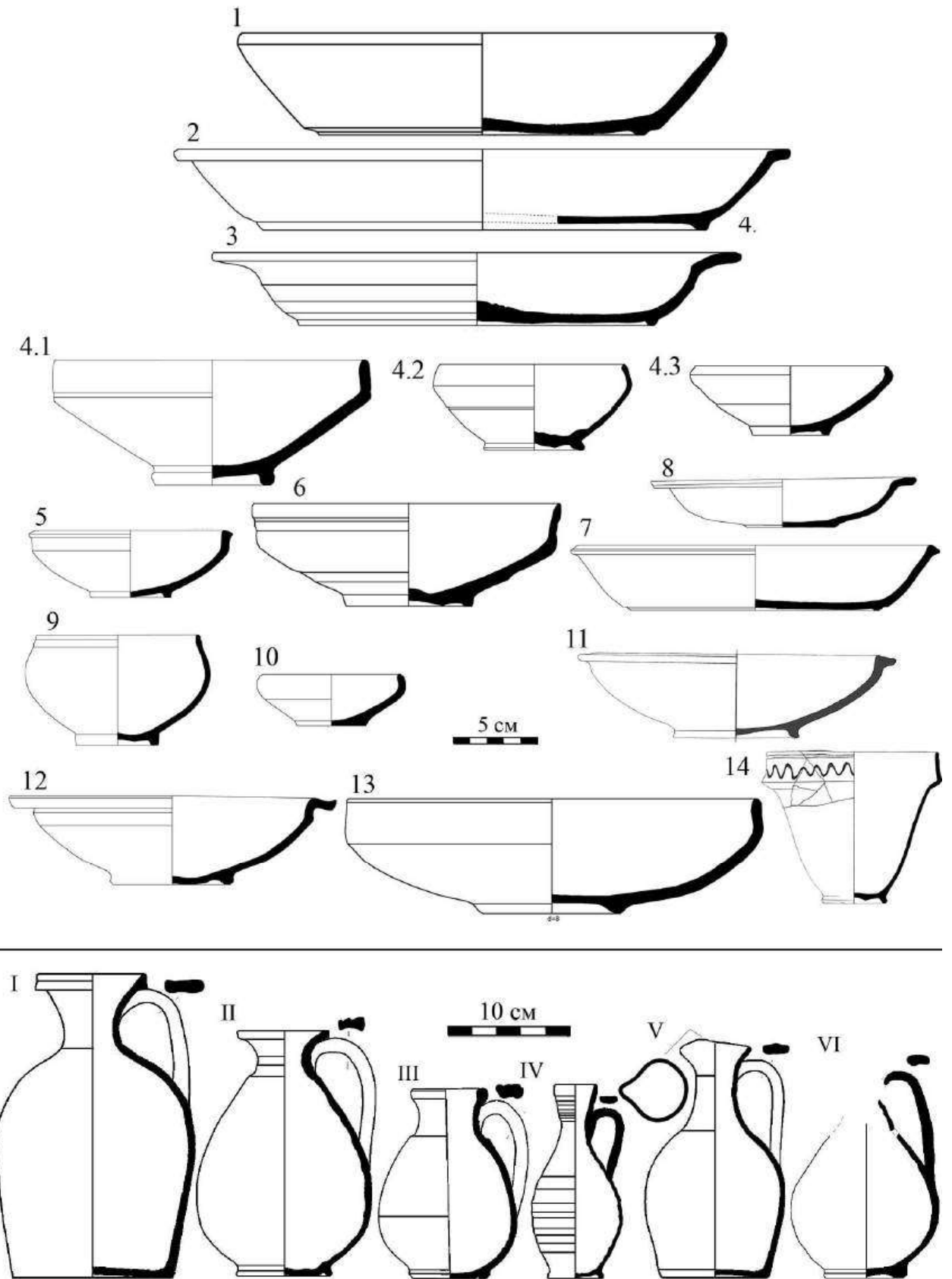

Рис. 148. Алмалыкский могильник. Формы краснолаковой керамики по О.С. Ивановой [по: Иванова, 2009]: 1-14 – формы сосудов открытого типа; I – VI – типы кувшинов.

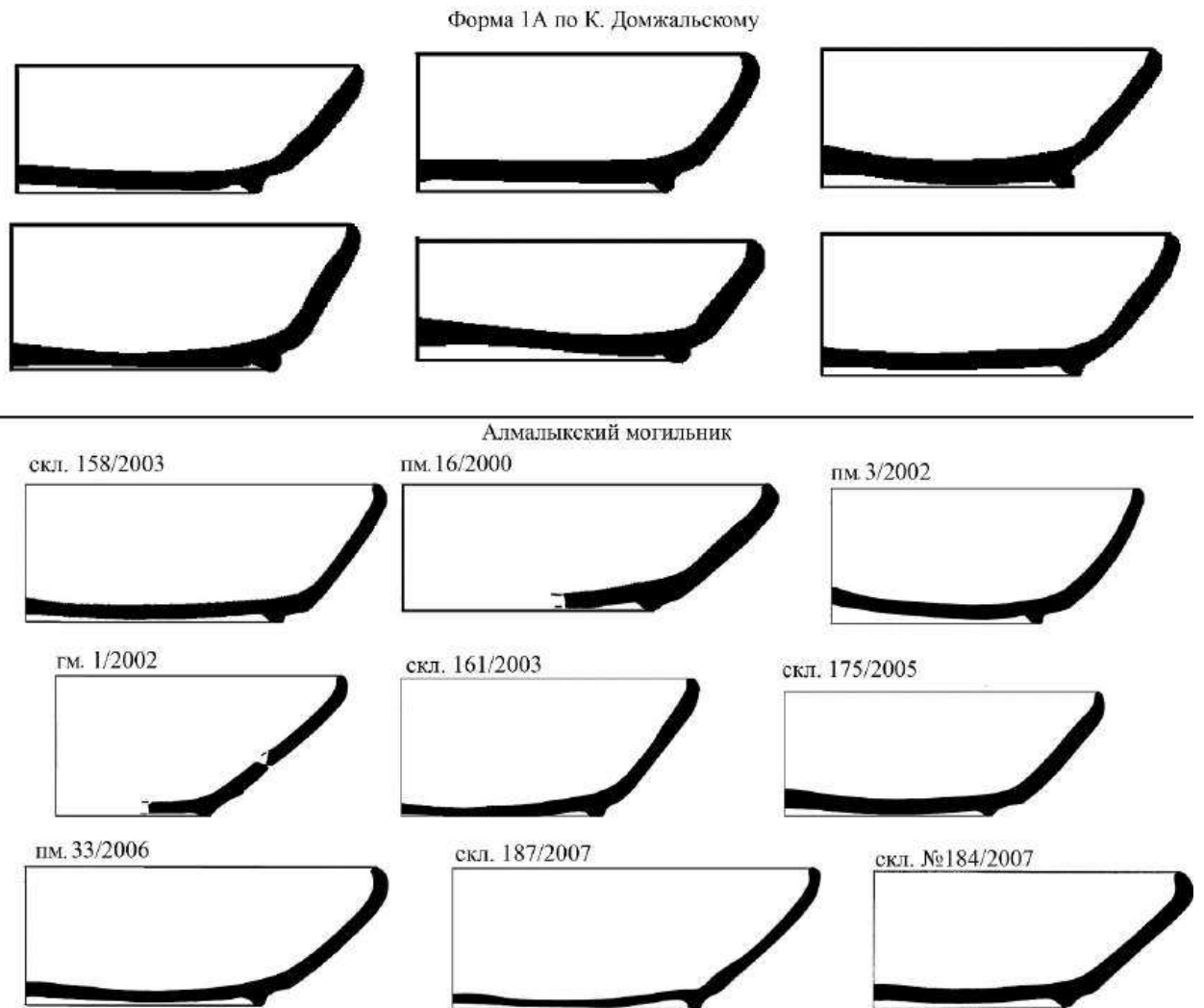

Рис. 149. Алмалыкский могильник. Блюда формы 1А [по: Domžalski, 2021].

КОМПЛЕКС	сосуды открытого типа														кувшины							
	1	2	3	4.1	4.2	4.3	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	1	2	3	4	5	6
пм 1/2001																						
курган 5																						
пм 18/2004																						
скл. 185/2006						II																
скл. 168/2003																						
скл. 162/2003																						
скл. 157/2003																						
скл. 2/2001																						
мз 1/2006																						
пм 7/1999																						
скл. 160/2003						II																
скл. 197/2008																						
скл. 182/2006																						
скл. 65/1998																						
скл. 2/1996																						
пм 33/2006																						
скл. 184/2006																						
скл. 175/2005																						
скл. 158/2003																						
скл. 155/2003																						
скл. 161/2003																						
гм 1/2002																						
пм 3/2002																						
скл. 6/2001																						
количество	15	1	4	2	3	9	1	1		1	1	1	1	1	1	1	3	1	1	2	1	1

Рис. 150. Алмалыкский могильник. Распределение форм краснолаковой керамики в комплексах Первой фазы (по О.С. Ивановой).

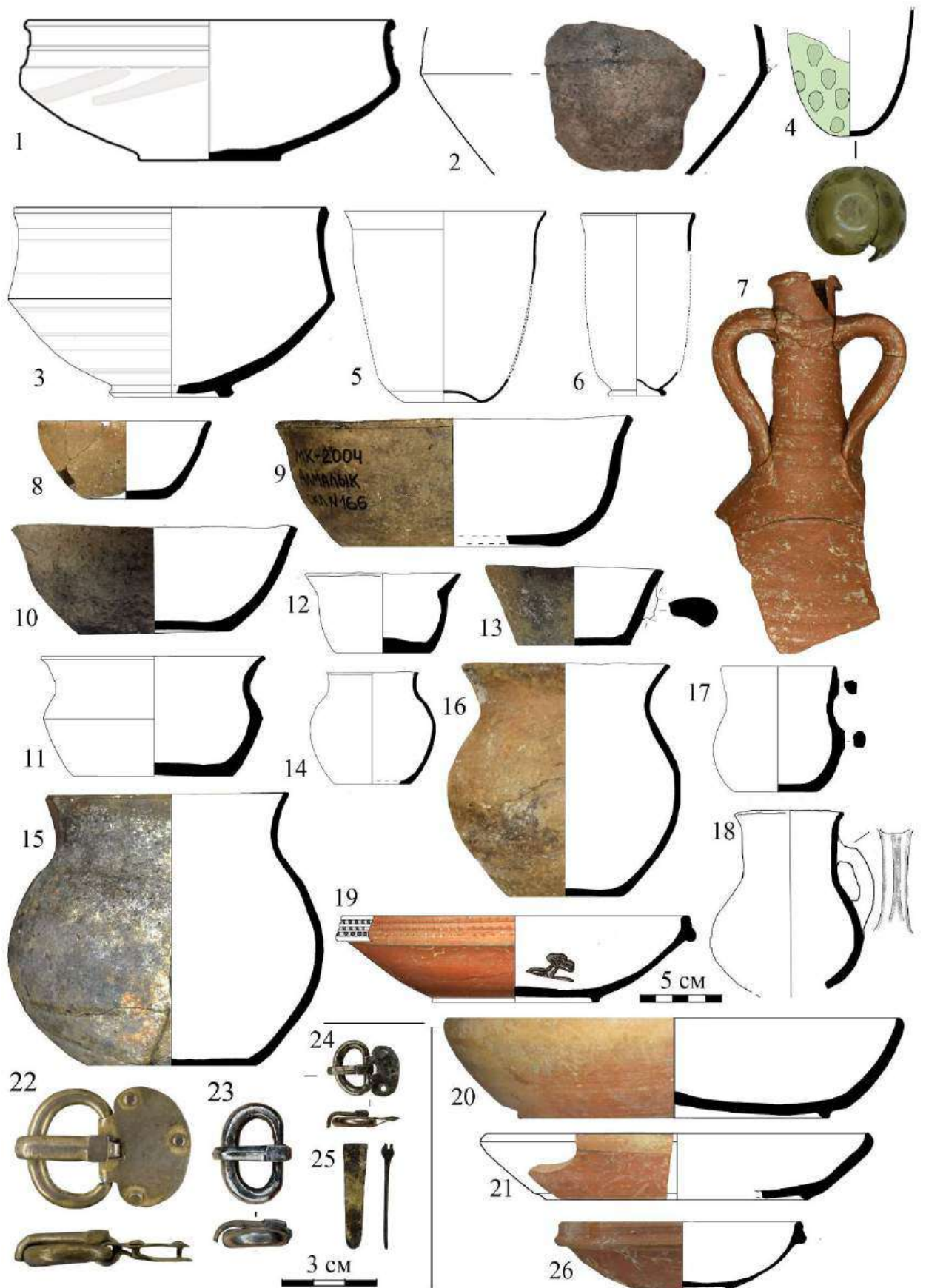

Рис. 151. Алмалыкский могильник. Некоторые хронологические индикаторы Первой и Второй фаз, не связанные с опорными комплексами.

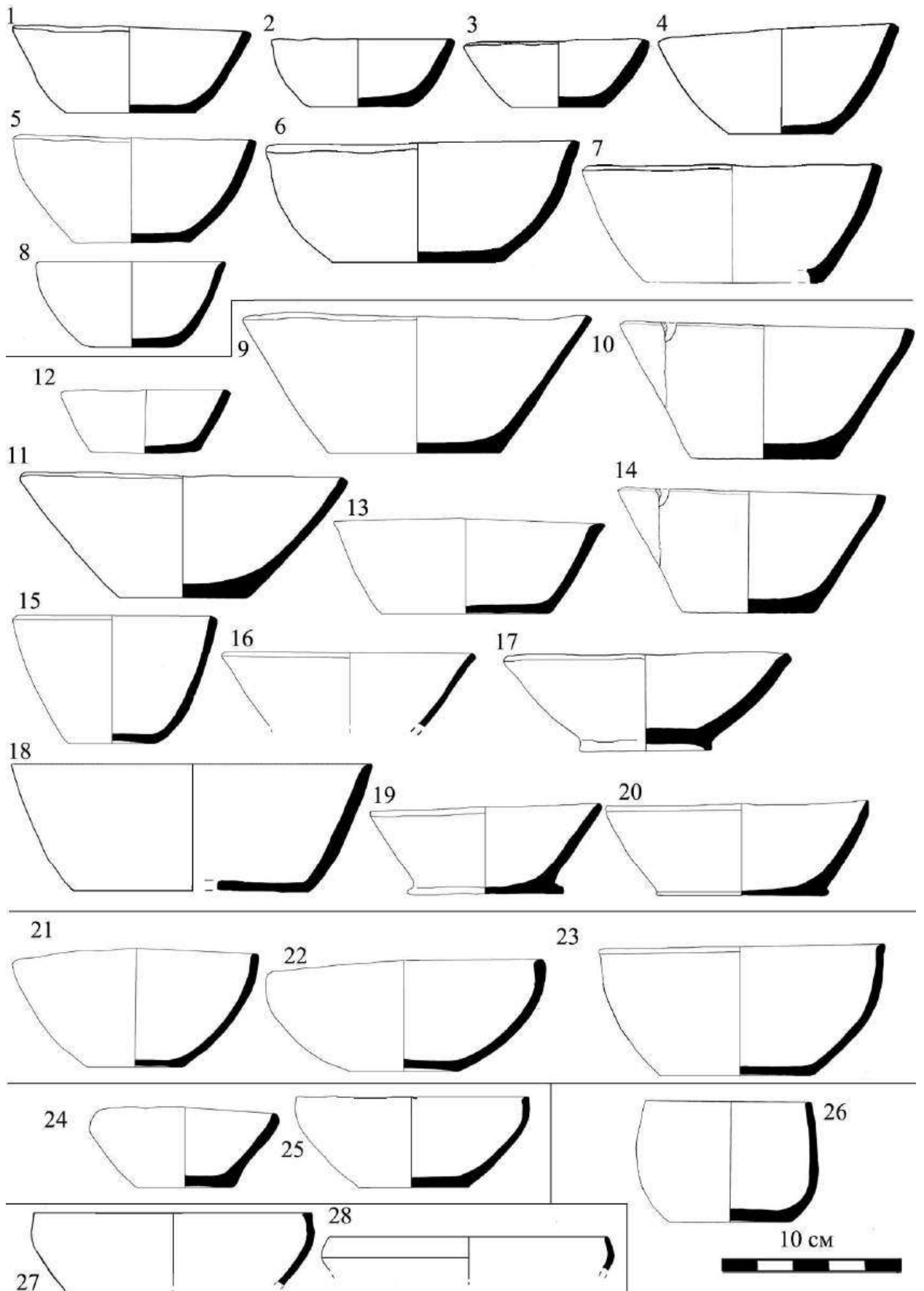

Рис. 152. Алмалыкский могильник. Основные типы лепных мисок: тип 1А (1-8); тип 1В (9-20); тип 2А (21-23); тип 2В (24-25); тип 3 (26); тип 4 (27, 28) (типология составлена В.П. Власовым и А.И. Набоковым).

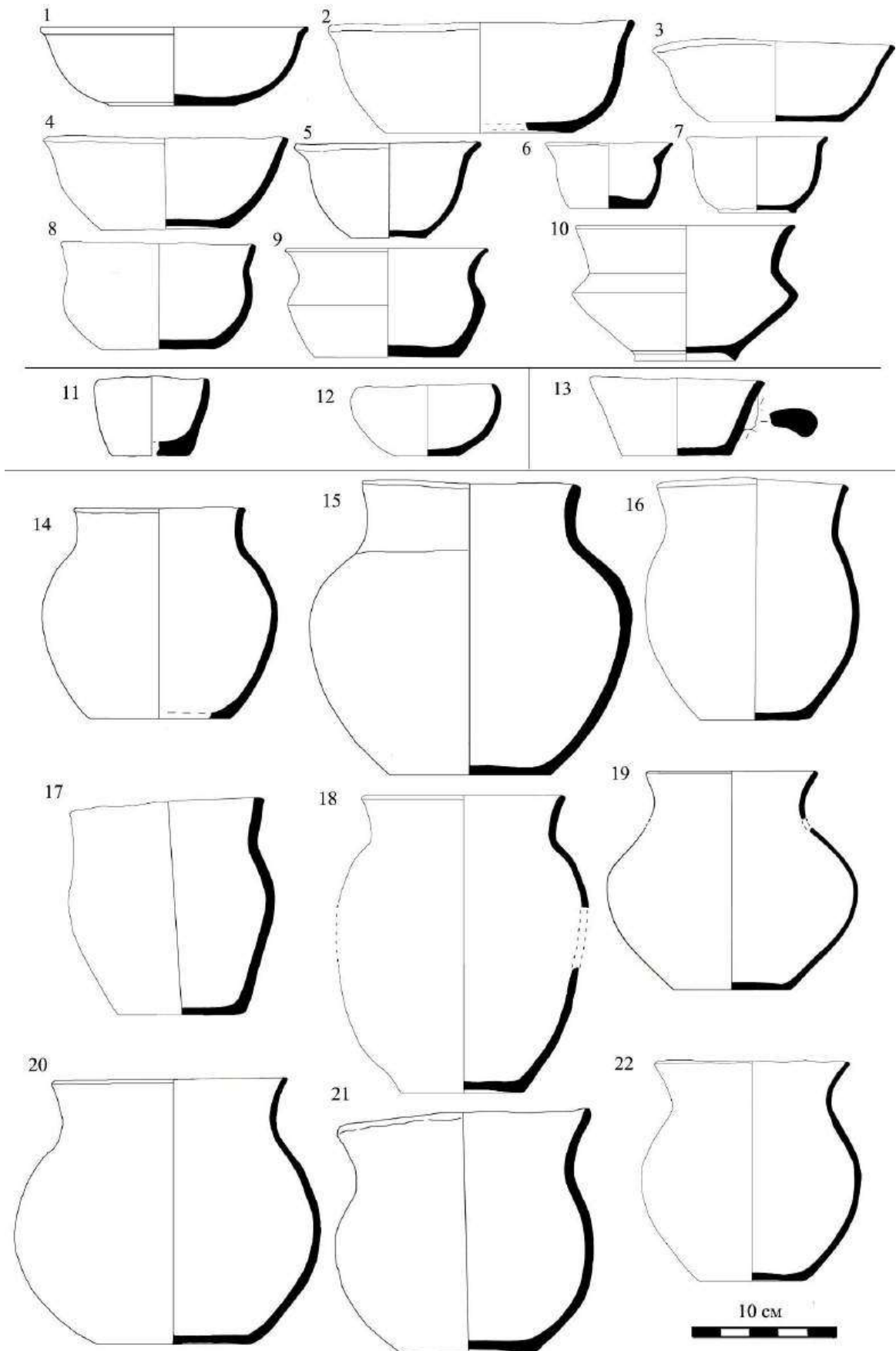

Рис. 153. Алмалыкский могильник. Основные типы лепной посуды. Миски: тип 5 (1-4); тип 6 (5-7); тип 7 (8); тип 8 (9-10). Солонки (11, 12). Ковш (13). Горшки: тип 1А (14, 15); тип 1В (16, 17); тип 1С (18); тип 2А (19); тип 2В (20); тип 3 (21, 22).

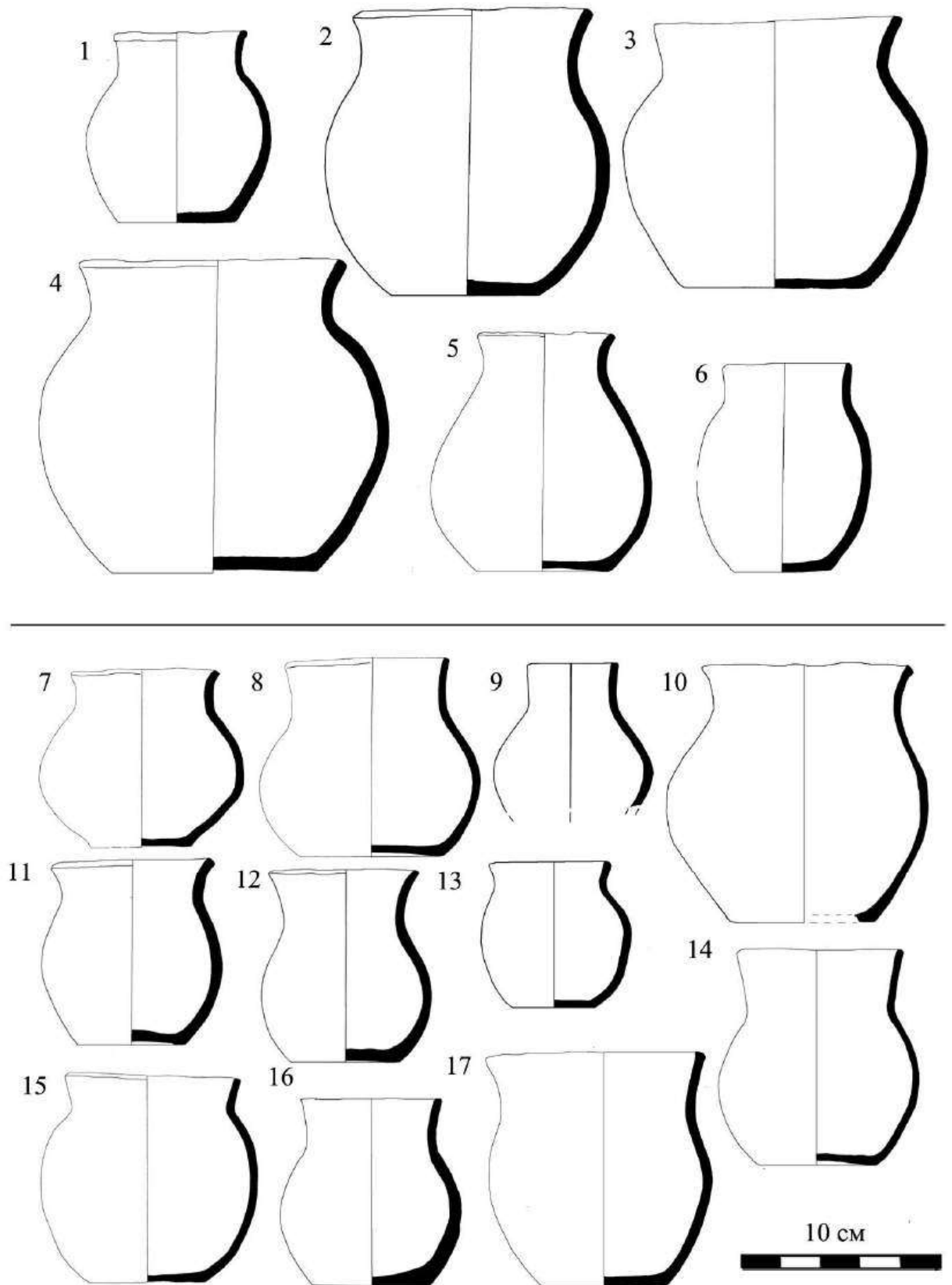

Рис. 154. Алмалыкский могильник. Основные типы лепных кубков: тип 1А (1, 2); тип 1В (3, 4); тип 2 (5); тип 3 (6); тип 4А (7, 8; тип 4В (9); тип 5А (10-12); тип 5В (13-16); тип 6 (17).

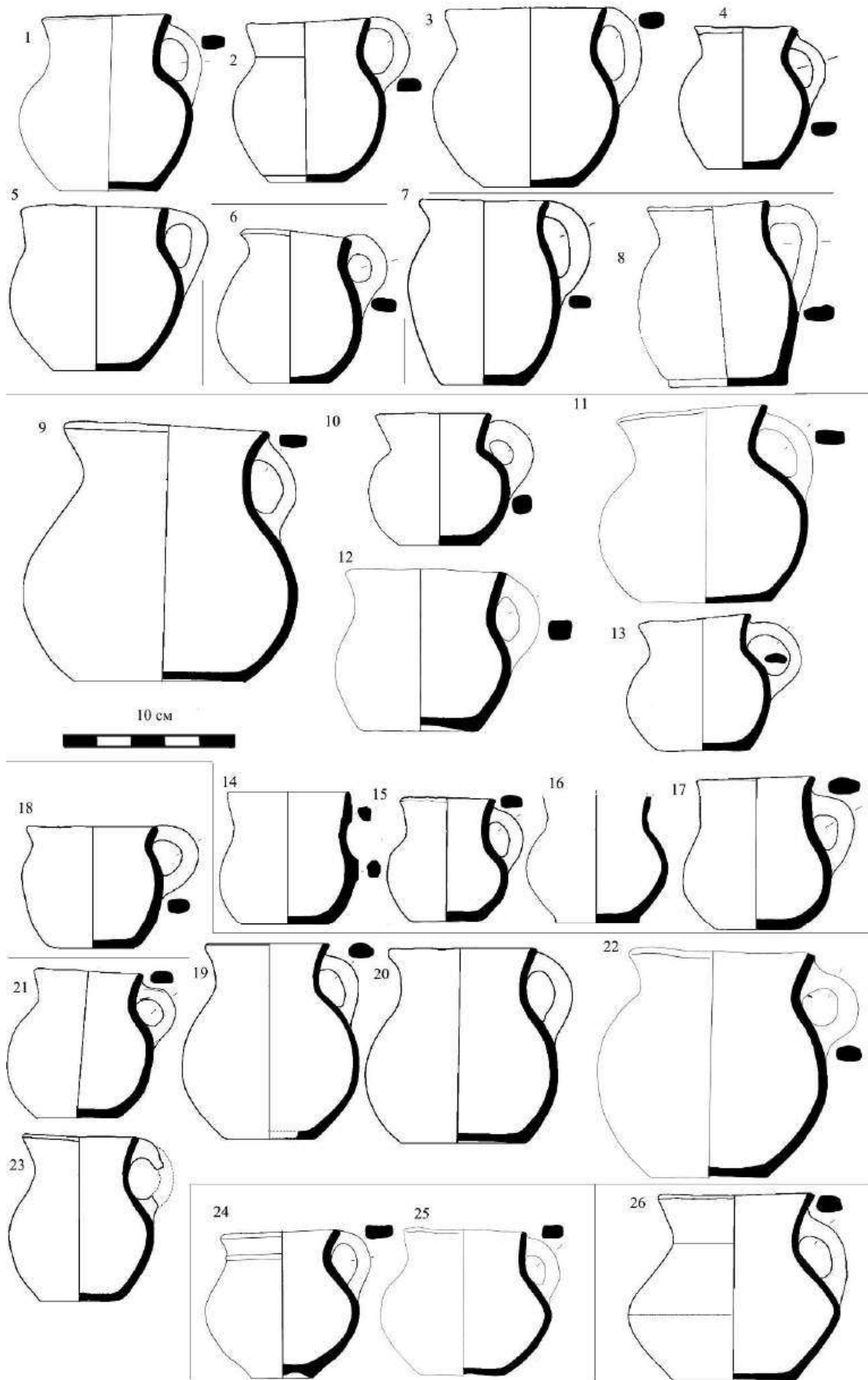

Рис. 155. Алмалыкский могильник. Основные типы лепных кружек: тип 1А (1); тип 1В (2-4); тип 1С (5); тип 2 (6); тип 3 (7, 8); тип 4А (9); тип 4В (10-16); тип 4С (17); тип 5 (18); тип 6А (19, 20); тип 6В (21-22); тип 7А (24); тип 7В (25); тип 8 (26).

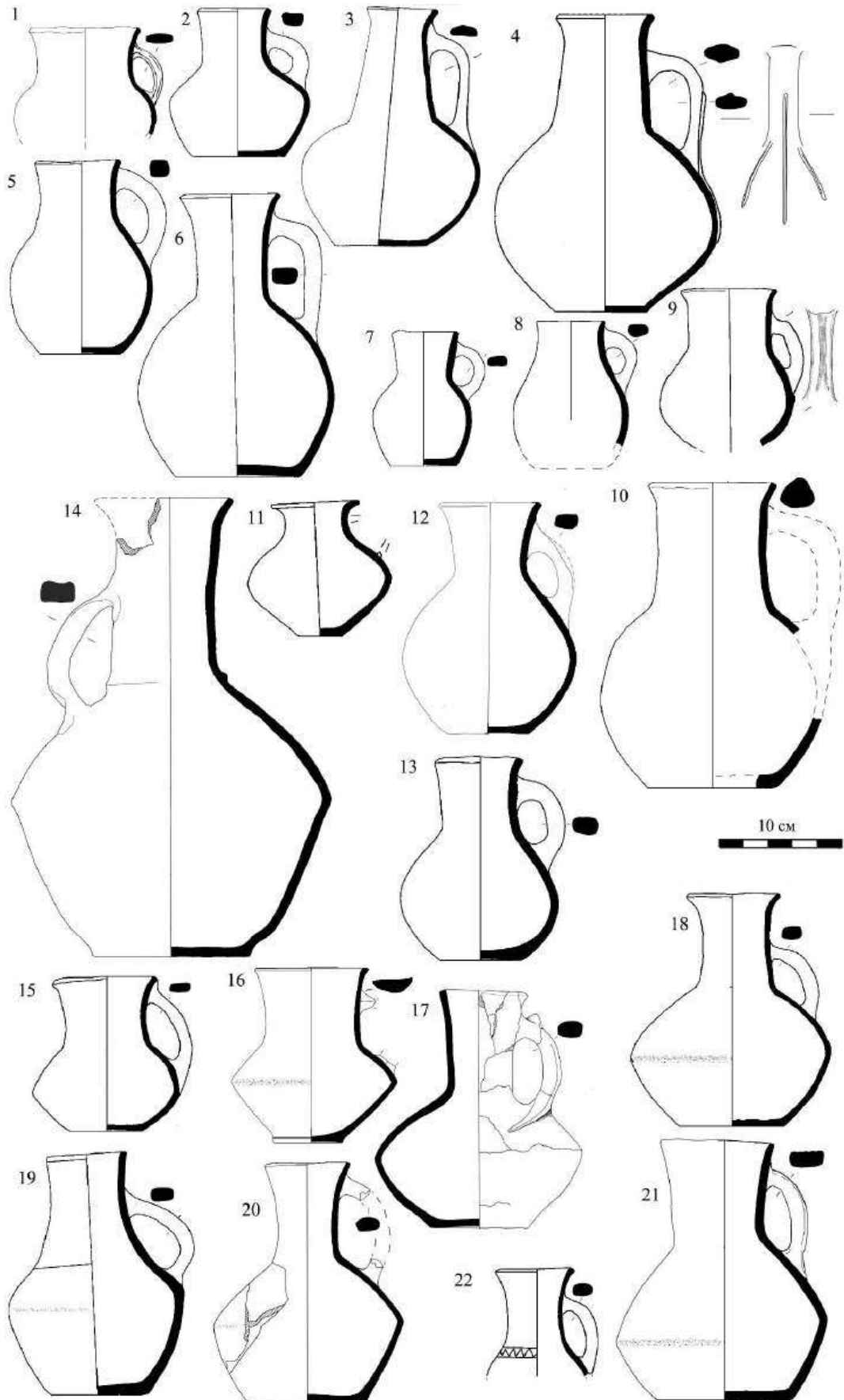

Рис. 156. Алмалыкский могильник. Основные типы лепных кувшинов: тип 1А (1); тип 1В (2); тип 1С (3); тип 2 (4); тип 3А (5); тип 3В (6); тип 3С (7); тип 3D (8); тип 3Е (9); тип 3F (10); тип 4 (11); тип 5 (12); тип 6 (13); тип 7А (14); тип 7В (15); тип 7С (16); тип 7D (17); тип 7Е (18); тип 7F (19); тип 7G (20); тип 7H (21); неопределенный тип (22).

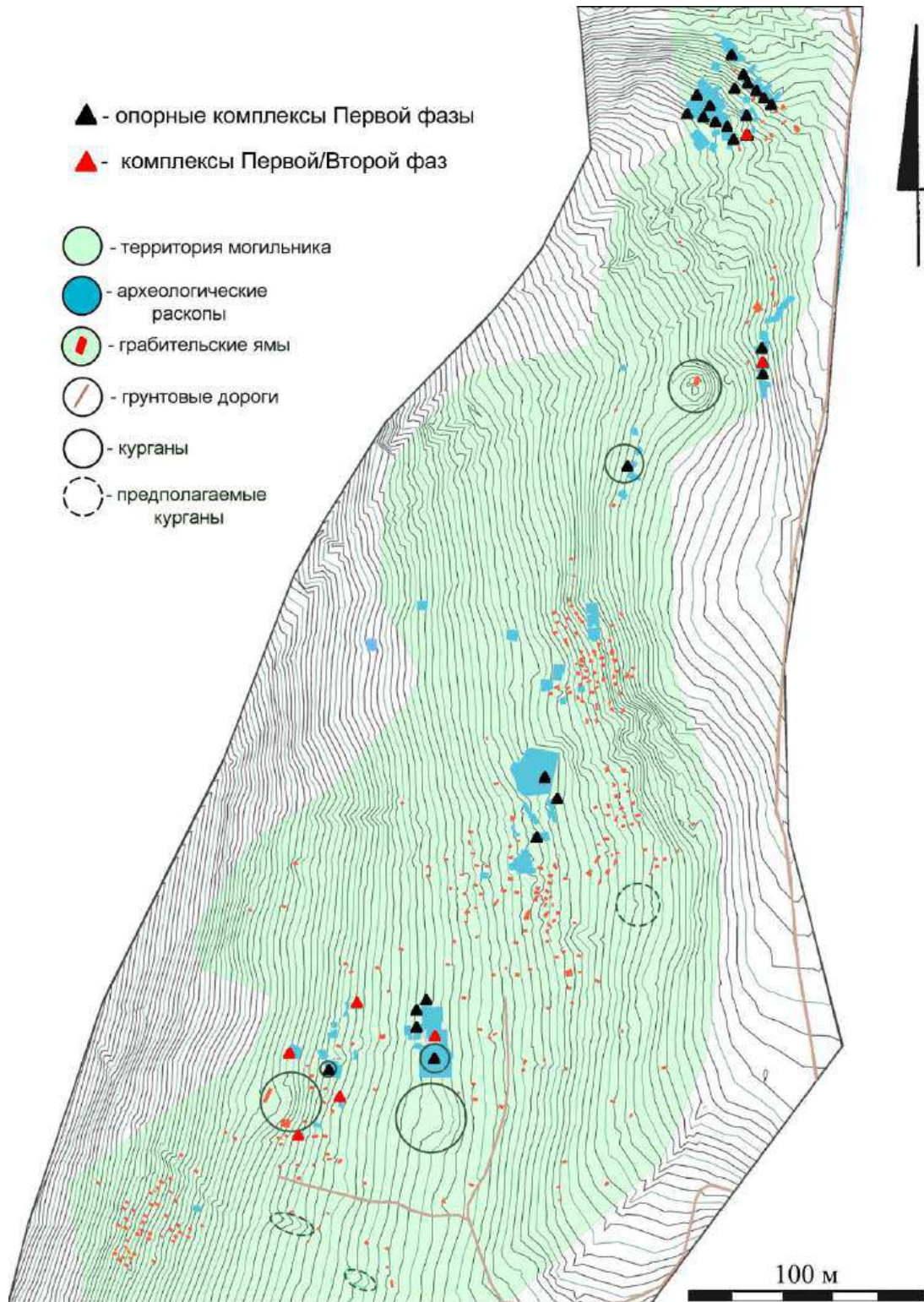

Рис. 157. Алмалыкский могильник. Распределение опорных комплексов Первой и Первой/Второй хронологических фаз

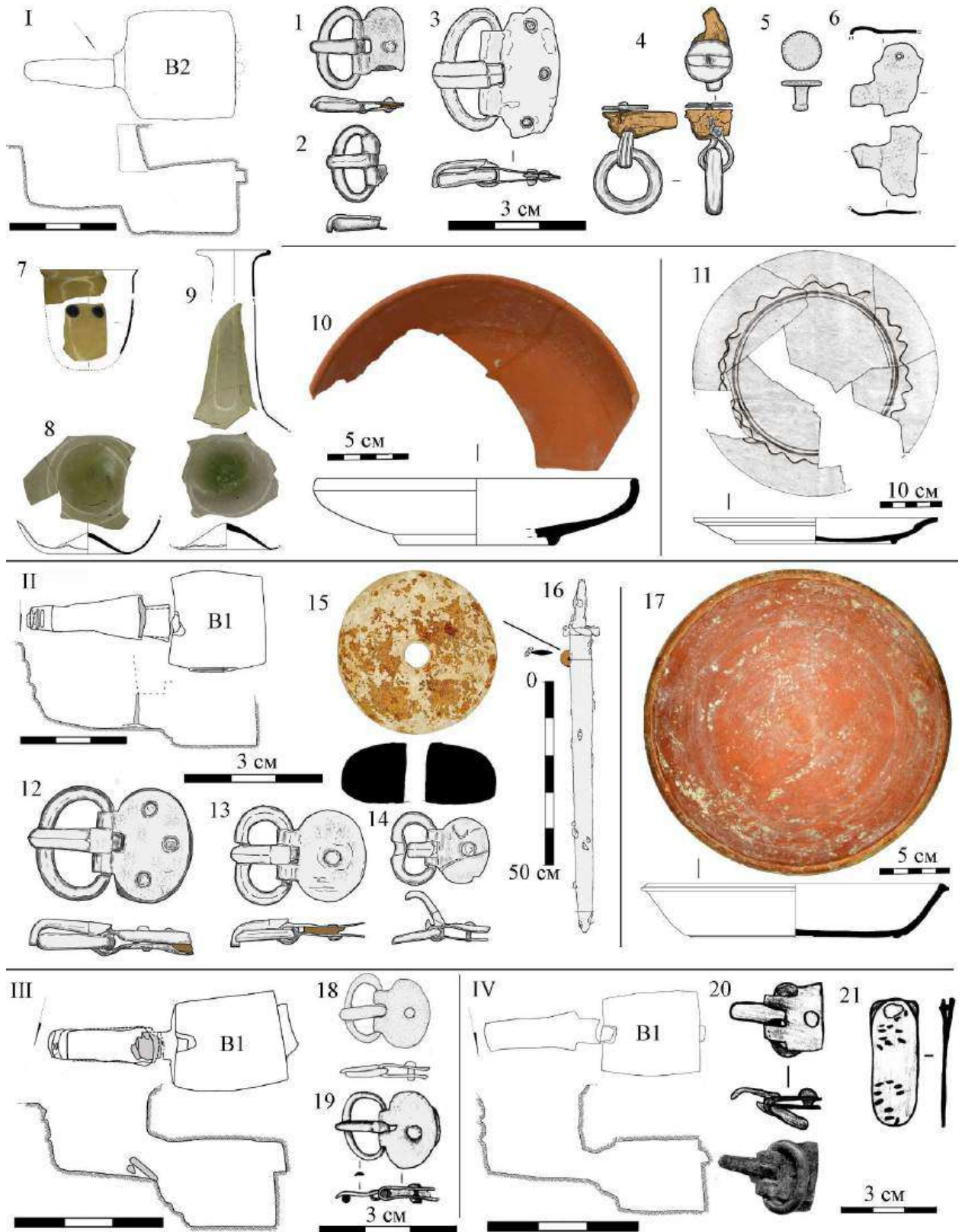

Рис.158. Алмалыкский могильник. Вторая хронологическая фазы. Склепы №№ 2/2002 (I), 171/2004 (II), 176/2006 (III), 195/2008.

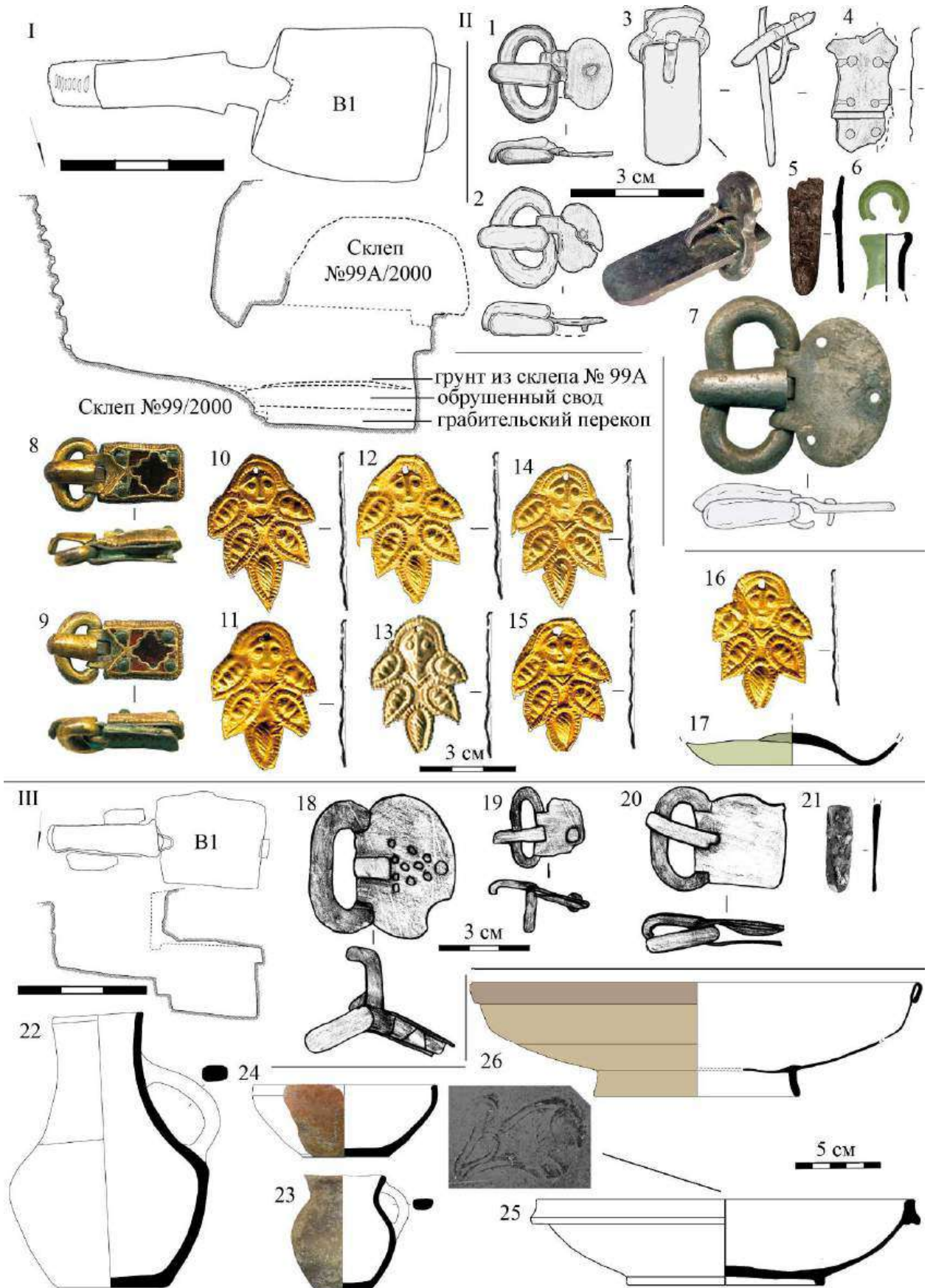

Рис.159. Алмалыкский могильник. Вторая хронологическая фаза. Склепы №№ 99/2000 (I), 99А/2000 (II) (Третья фаза), 188/2006 (III).

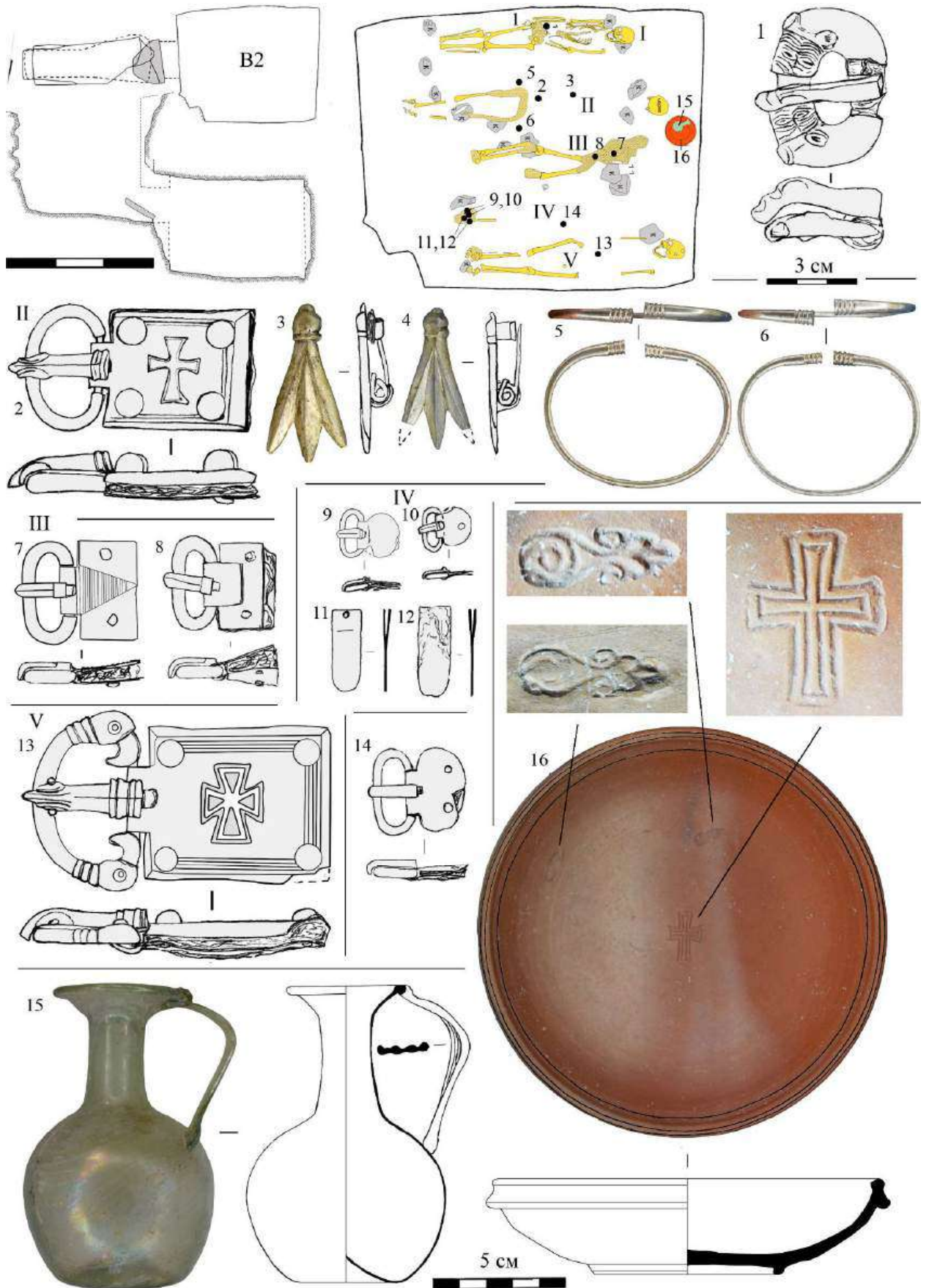

Рис.160. Алмалыкский могильник. Вторая хронологическая фазы. Склеп № 192/2007:
 I – погребение № 1; II – погребение № 2; III – погребение № 3; IV – погребение № 4;
 V – погребение № 5.

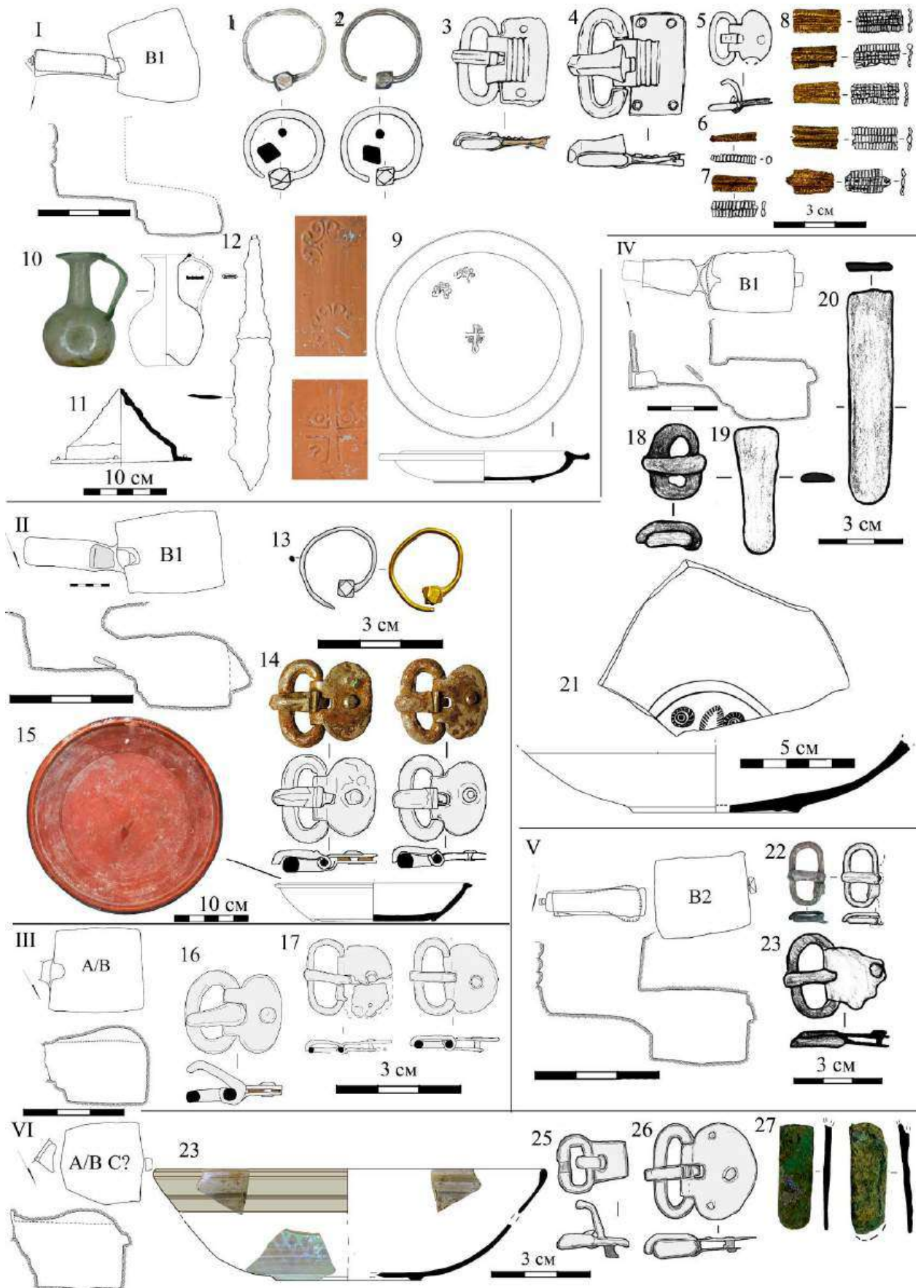

Рис.161. Алмалыкский могильник. Вторая хронологическая фаза. Склепы №№ 191/2007 (I), № 206/2019 (II), 203/2019 (III), 199/2011 (IV), 198/2008 (V), 194/2008 (VI).

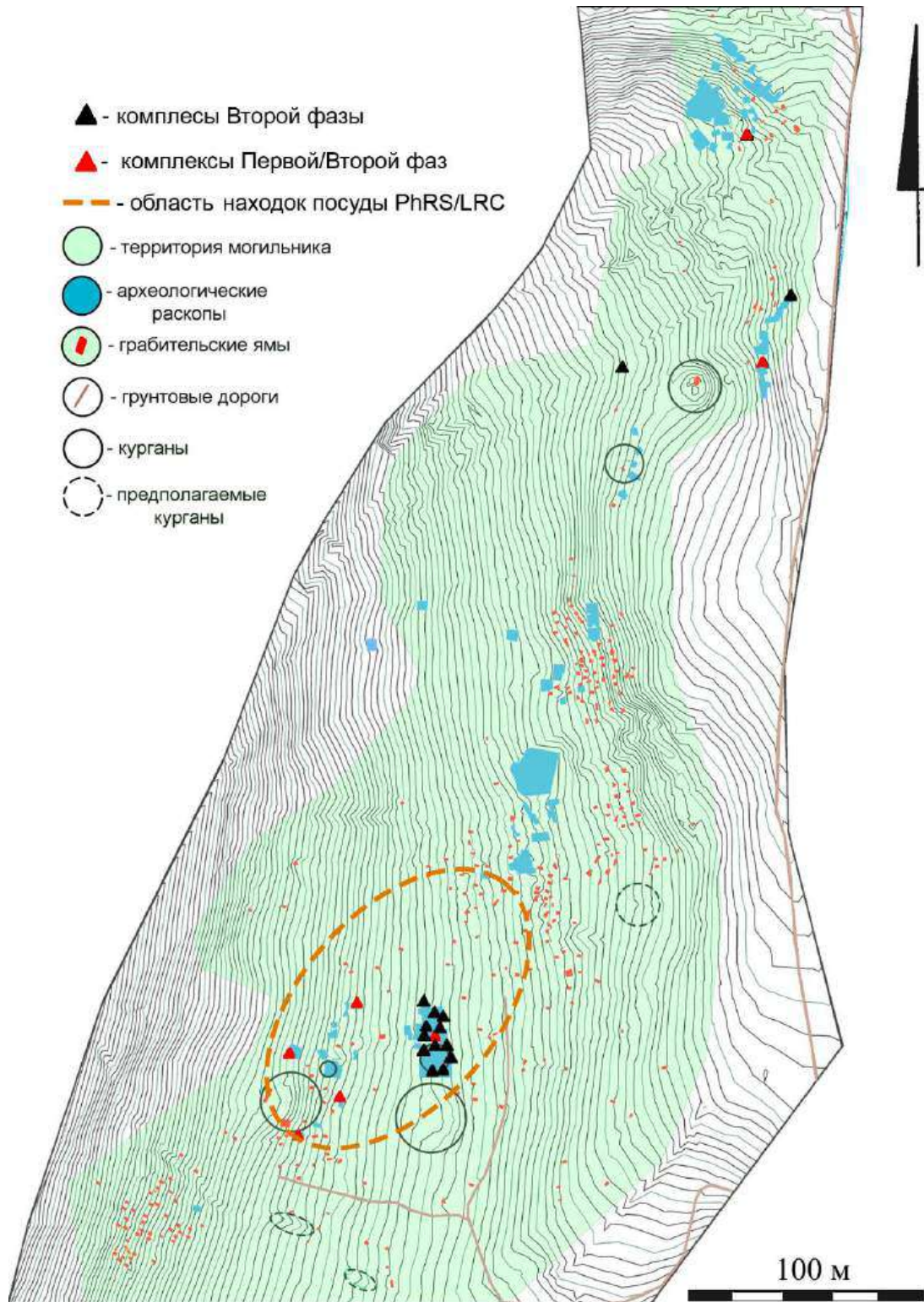

Рис.162. Алмалыкский могильник. Вторая хронологическая фаза.

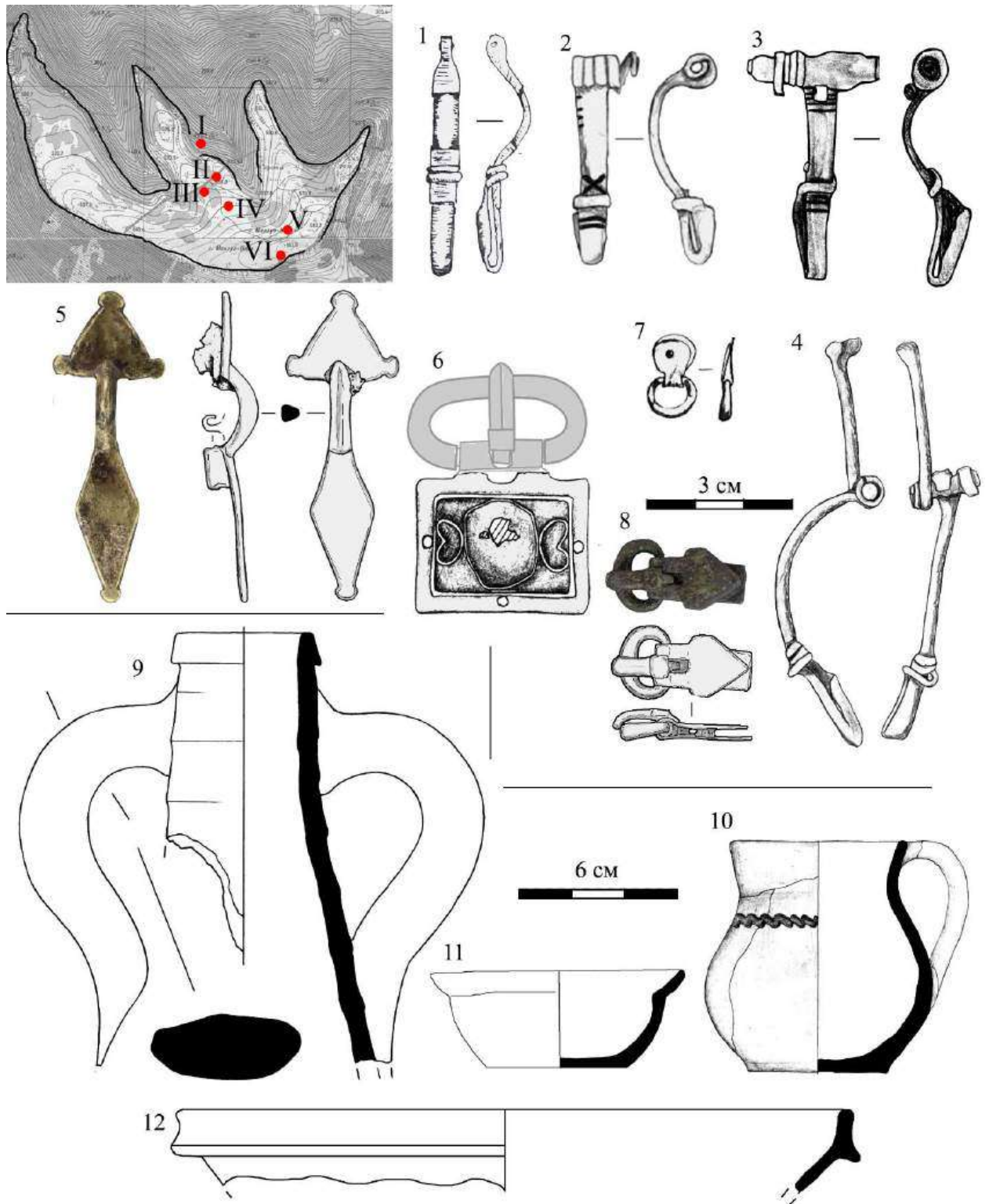

Рис. 163. Некоторые находки на территории Мангупского плато, синхронные Первой и Второй фазам хронологии могильников:
 I – укрепление А.XIV (4 – склон в 20 м ниже стены); II – Лагерная балка (1; 3; 6-7; 9; 13);
 III – Большая базилика (11 - «слой подстилающий базилику»); IV – дворец 1425-1475 гг. (2); V – руины жилой и хозяйственной застройки на участке к северо-западу от церкви св. Константина (5; 8; 10); VI – укрепление А.XIX (12).

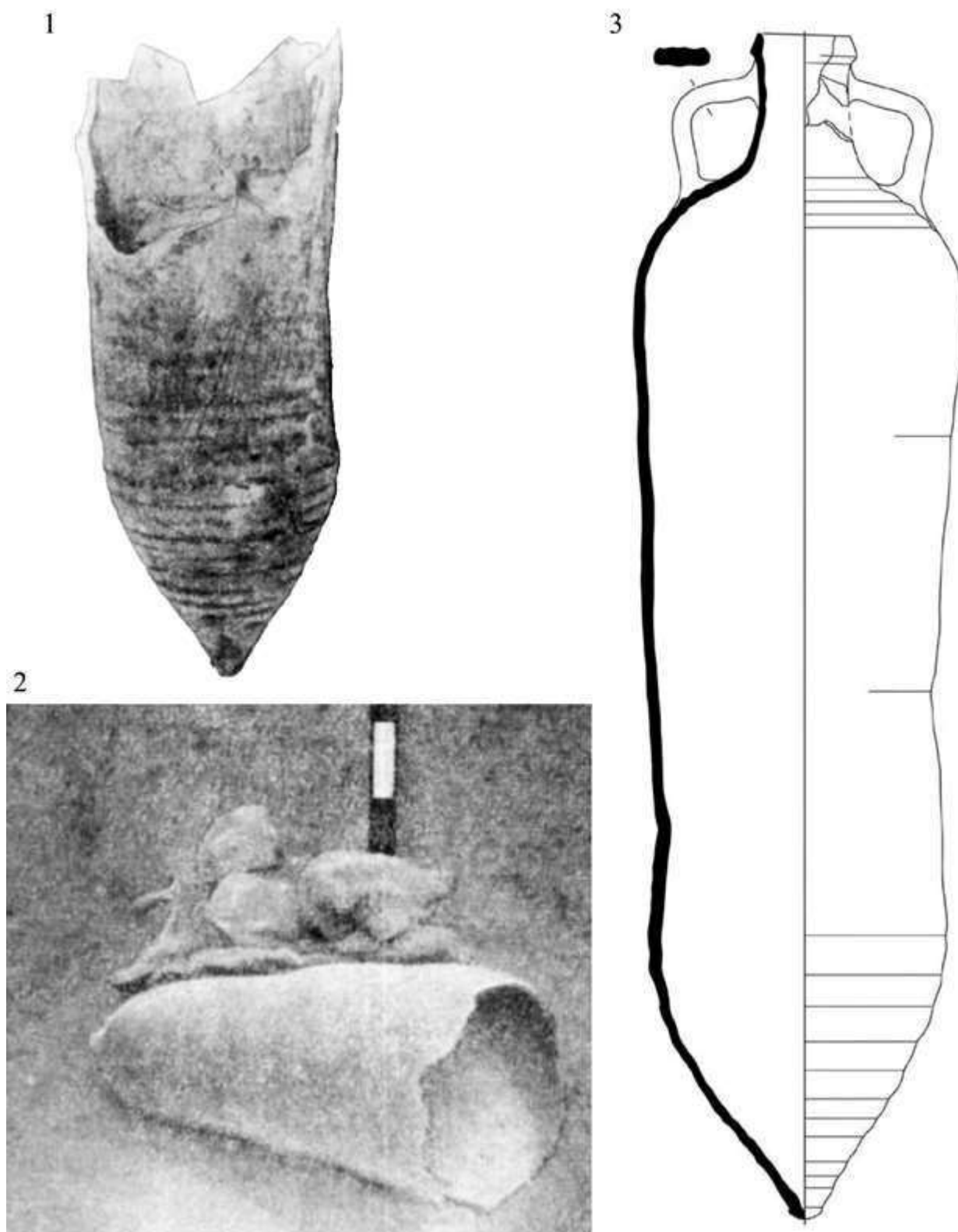

Рис. 164. Аналогии амфорам с детскими погребениями из Каралезского могильника:
 1 – по: Борисова, 1959, рис. 6; 2 – по: Веймарн, 1963, рис. 17;
 3 – по: Смокотина, 2020, рис. 25.

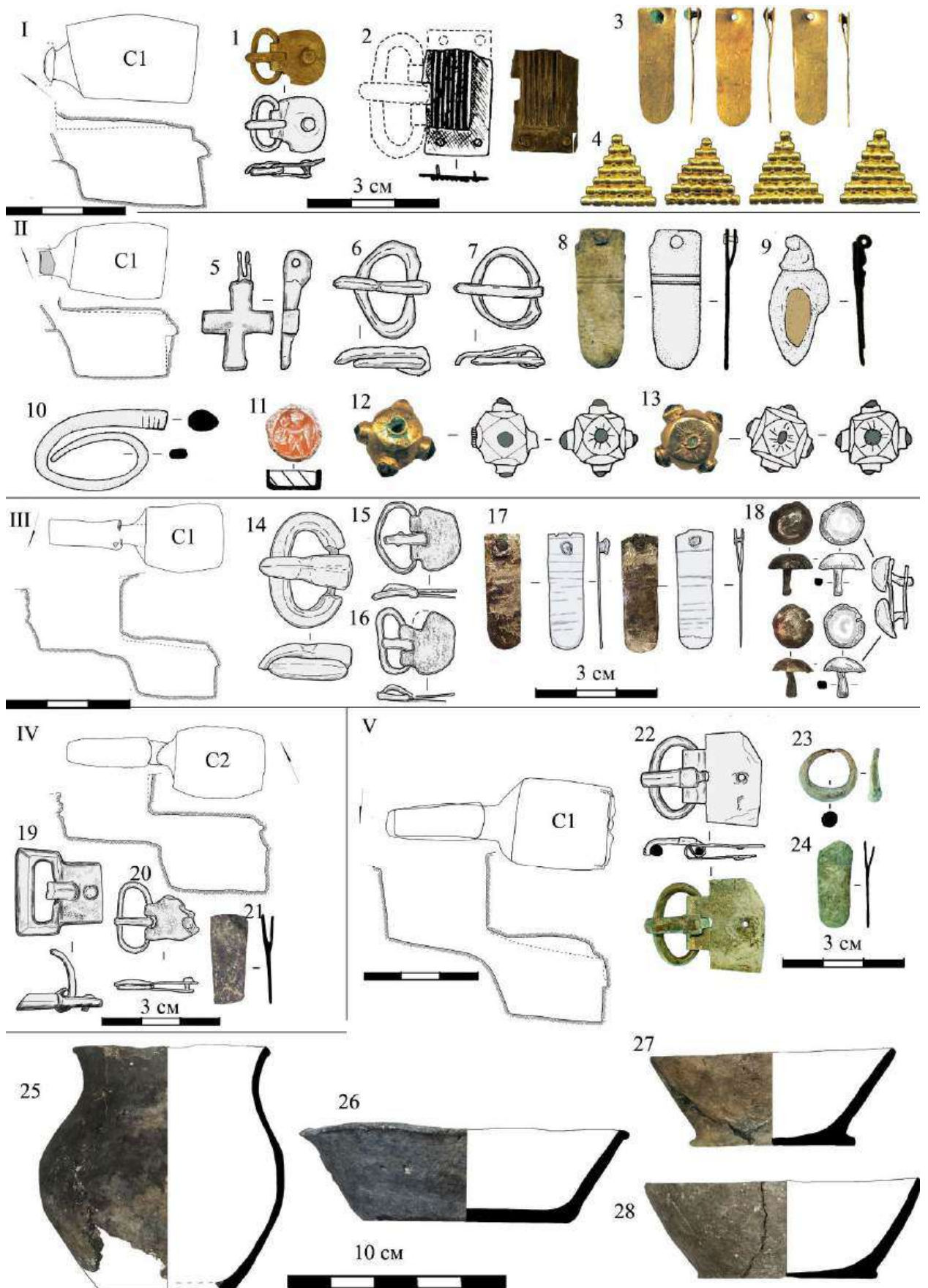

Рис.165. Алмалыкский могильник. Вторая хронологическая фаза.
Склепы №№ 53/1997 (I), 56/1997 (II), 77/1999 (III), 76/1999 (IV), 57/1997 (V).

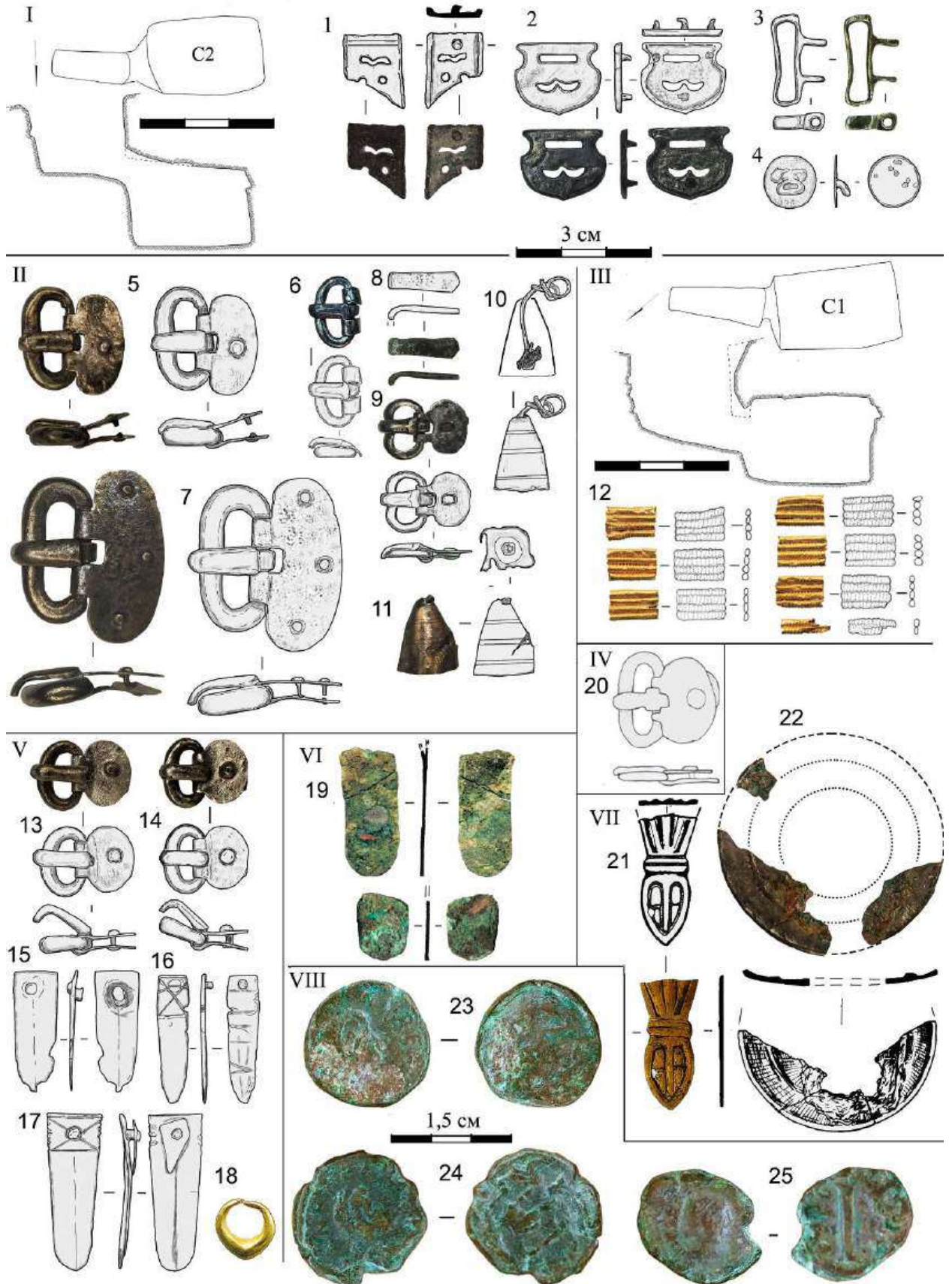

Рис. 166. Алмалыкский могильник. Вторая/Третья хронологические фазы. Склепы №№ 78/1999 (I), 86/2000 (II), 90/2000 (III), 89/2000 (IV), 122/2000 (V), 54/1997 (VI), 55/1997 (VII), 85/2000 (VIII).

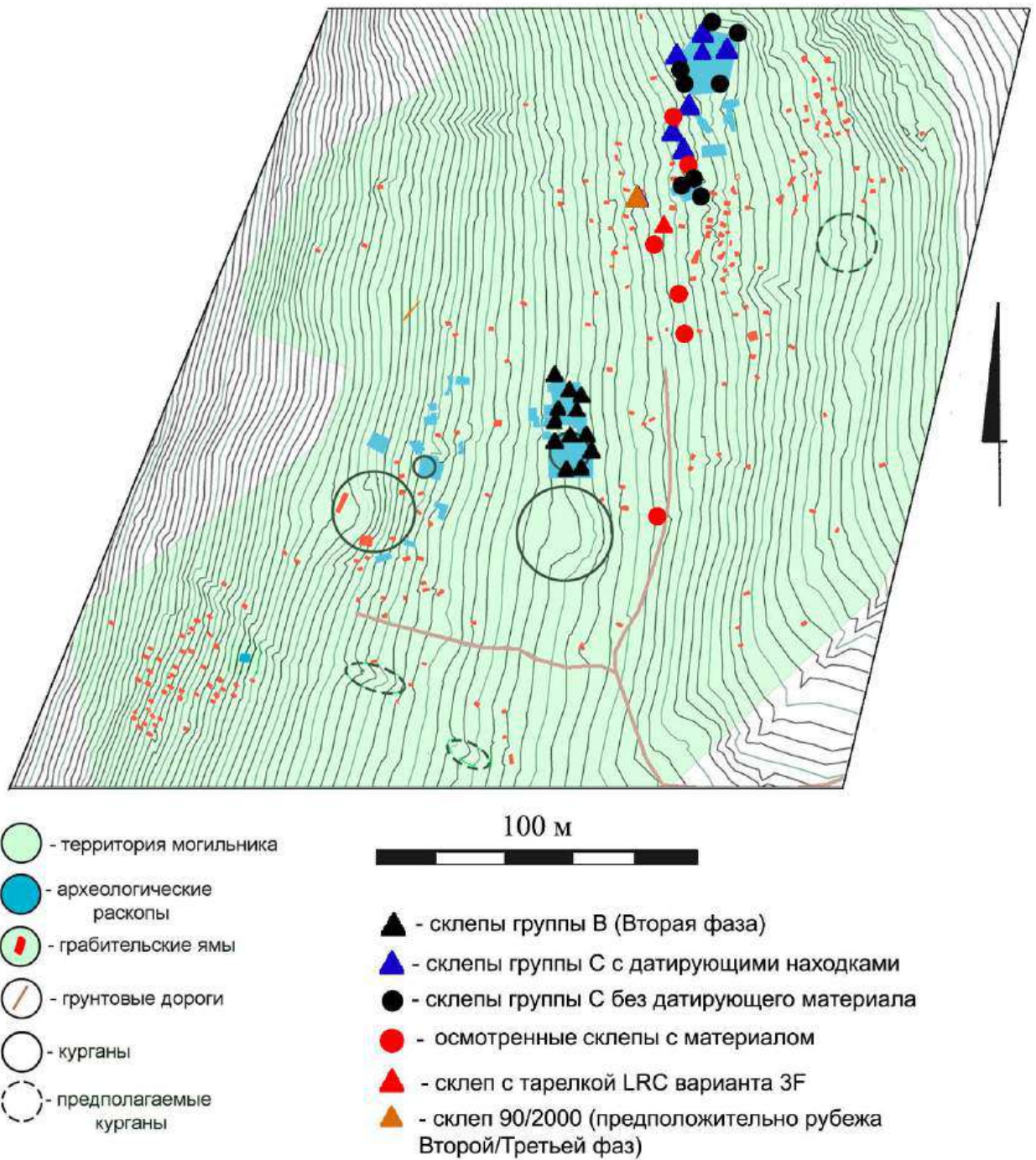

Рис.167. Алмалыкский могильник. Вторая/Третья хронологические фазы. Схема распространения склепов группы В (Вторая фаза) и группы С (Третья фаза), а также грабительских ям с материалами Второй/Третьей фаз.

Рис.168. Южно-Мангупский могильник. Восточный участок. Третья хронологическая фаза. Склепы №№ 5/1996 (I), 7/1996 (II), 20/1996 (III), 10/1996 (IV), 12/1996 (V), случайные находки (VI).

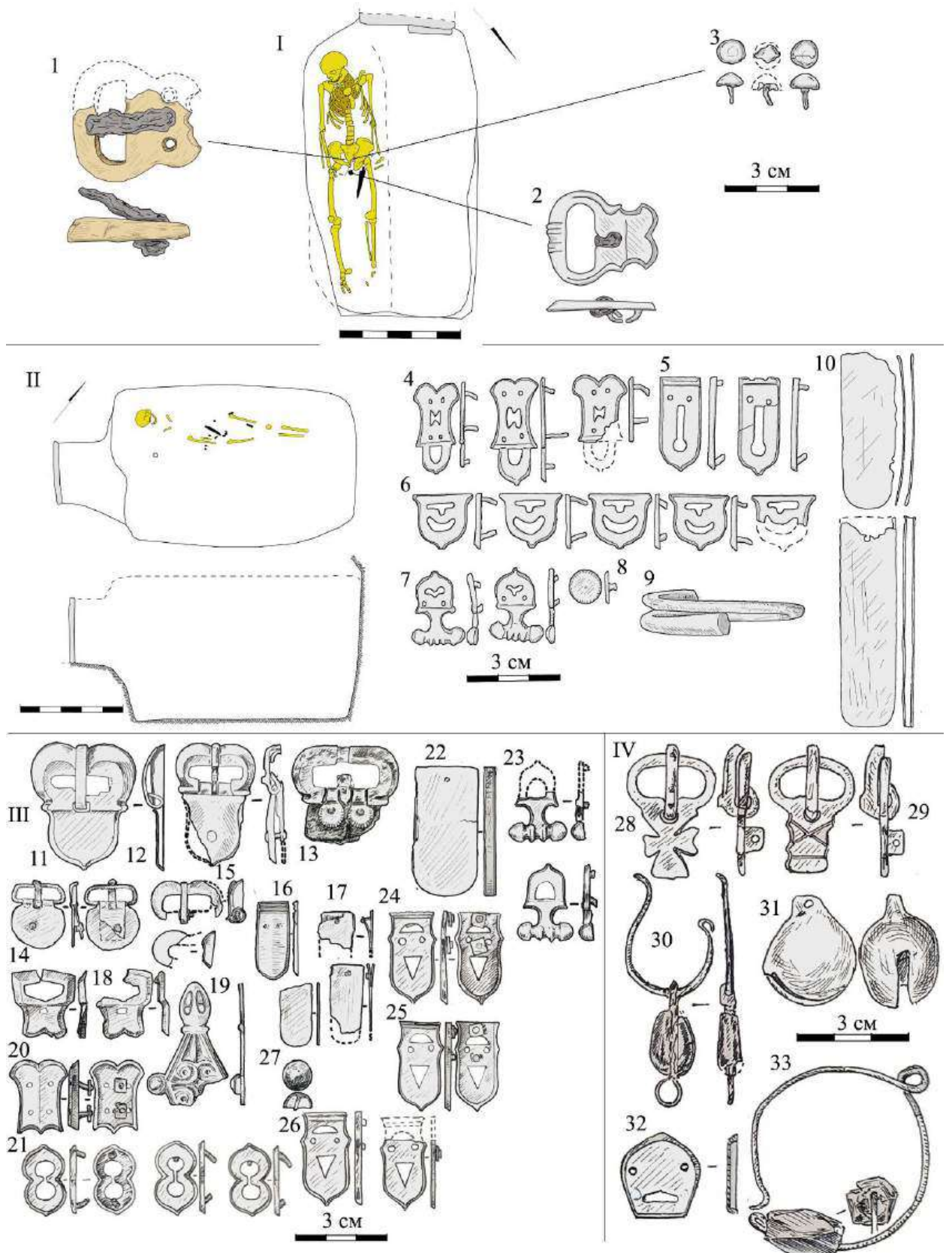

Рис. 169. Каралезский могильник. Материалы раскопок 1984 г.
Подбойная могила №2 (I), склеп №1 (II), склеп №6 (III) (Третья фаза),
склеп №8 (IV) (Четвертая/Пятая фаза).

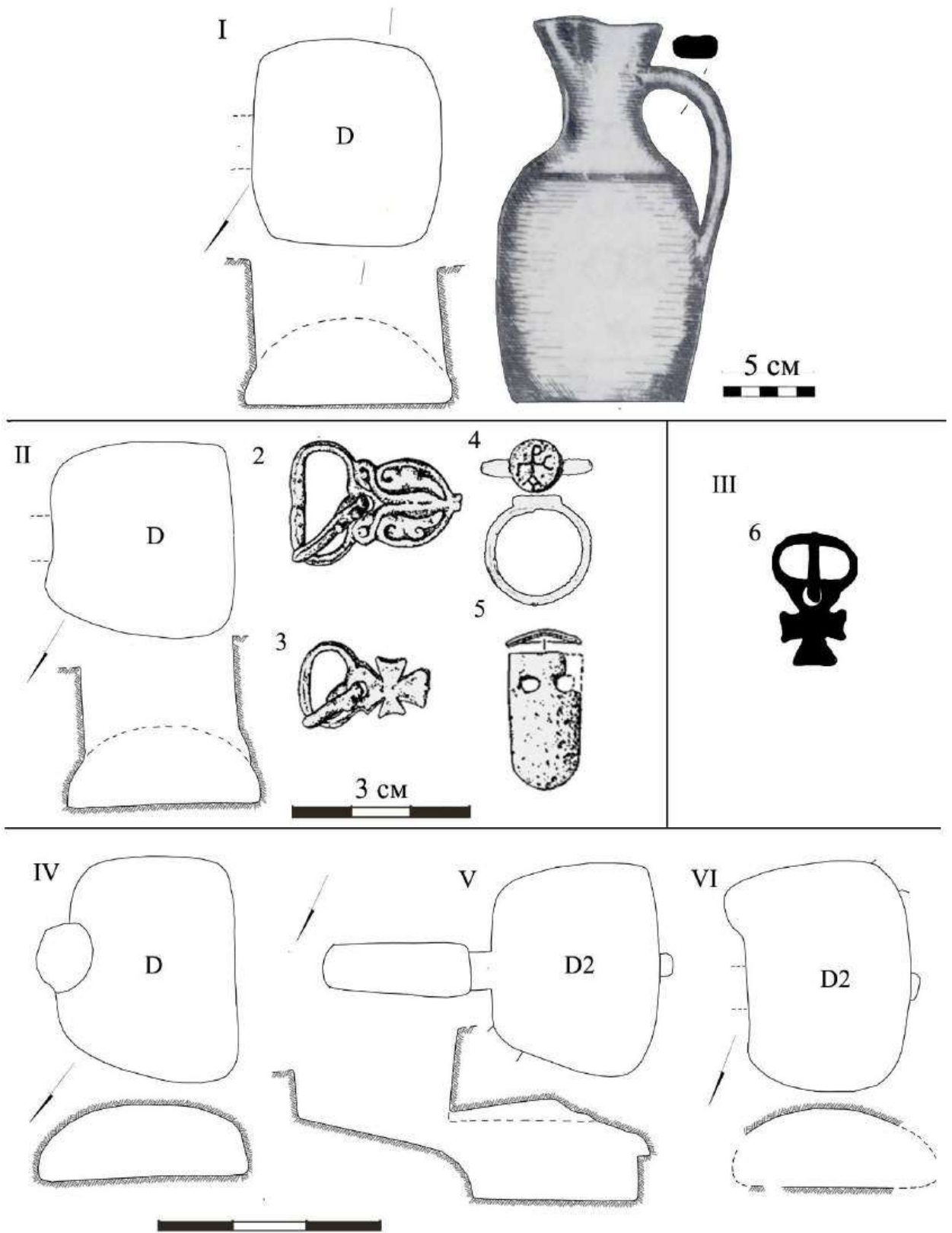

Рис. 170. Алмалыкский могильник. Четвертая фаза. Материалы раскопок 1982-1983 гг. Склепы №№ 1/1982 (I), 2/1982 (II), 7/1983 (III), 3/1982 (IV), 4/1983 (V), 5/1983 (VI).

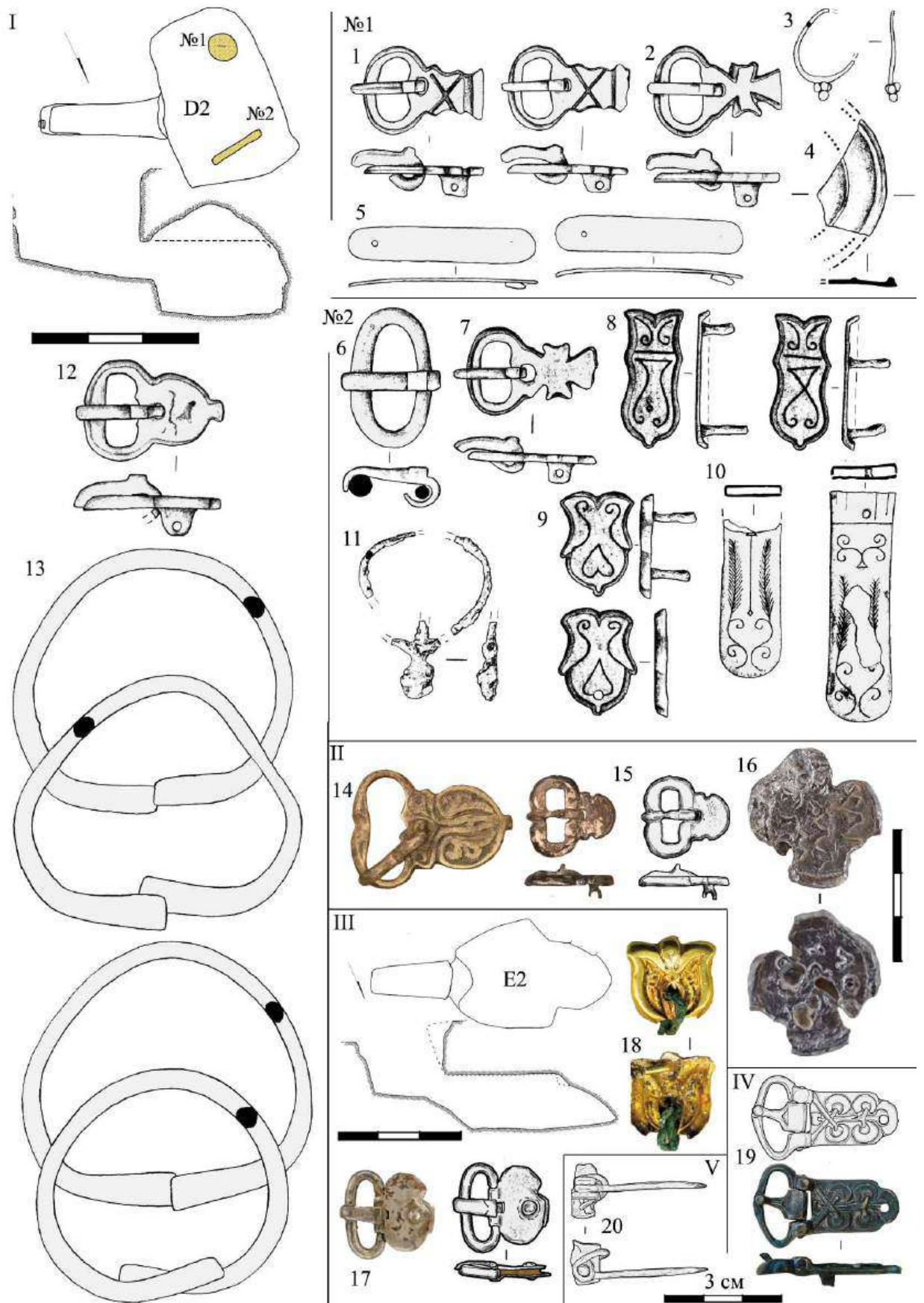

Рис. 171. Алмалыкский могильник. Четвертая фаза.
Склепы №№ 177/2005 (I); 202/2012 (II); 108/2000 (III); случайная находка (IV);
склеп № 56/2000 (V).

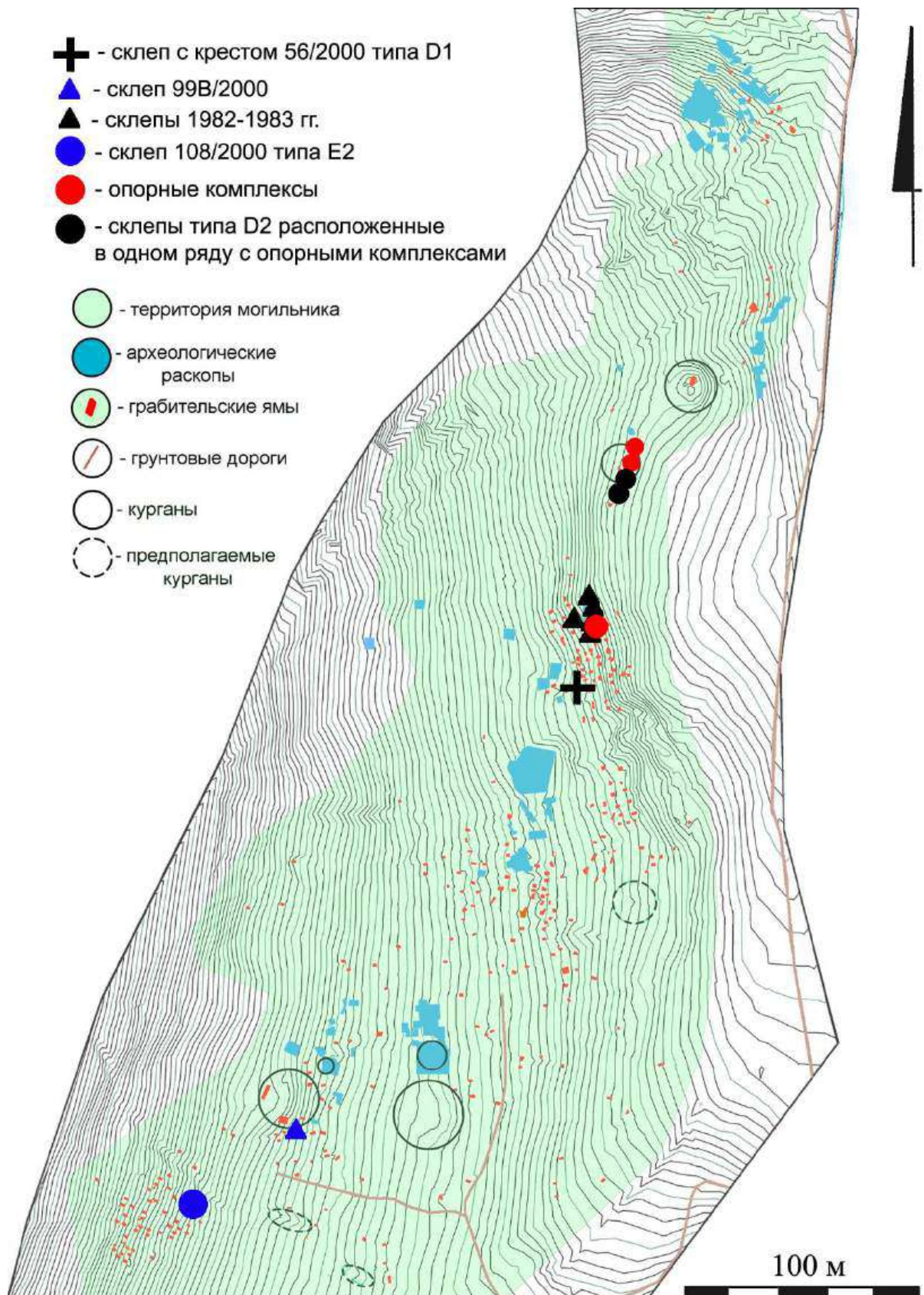

Рис. 172. Алмалыкский могильник. Четвертая фаза.

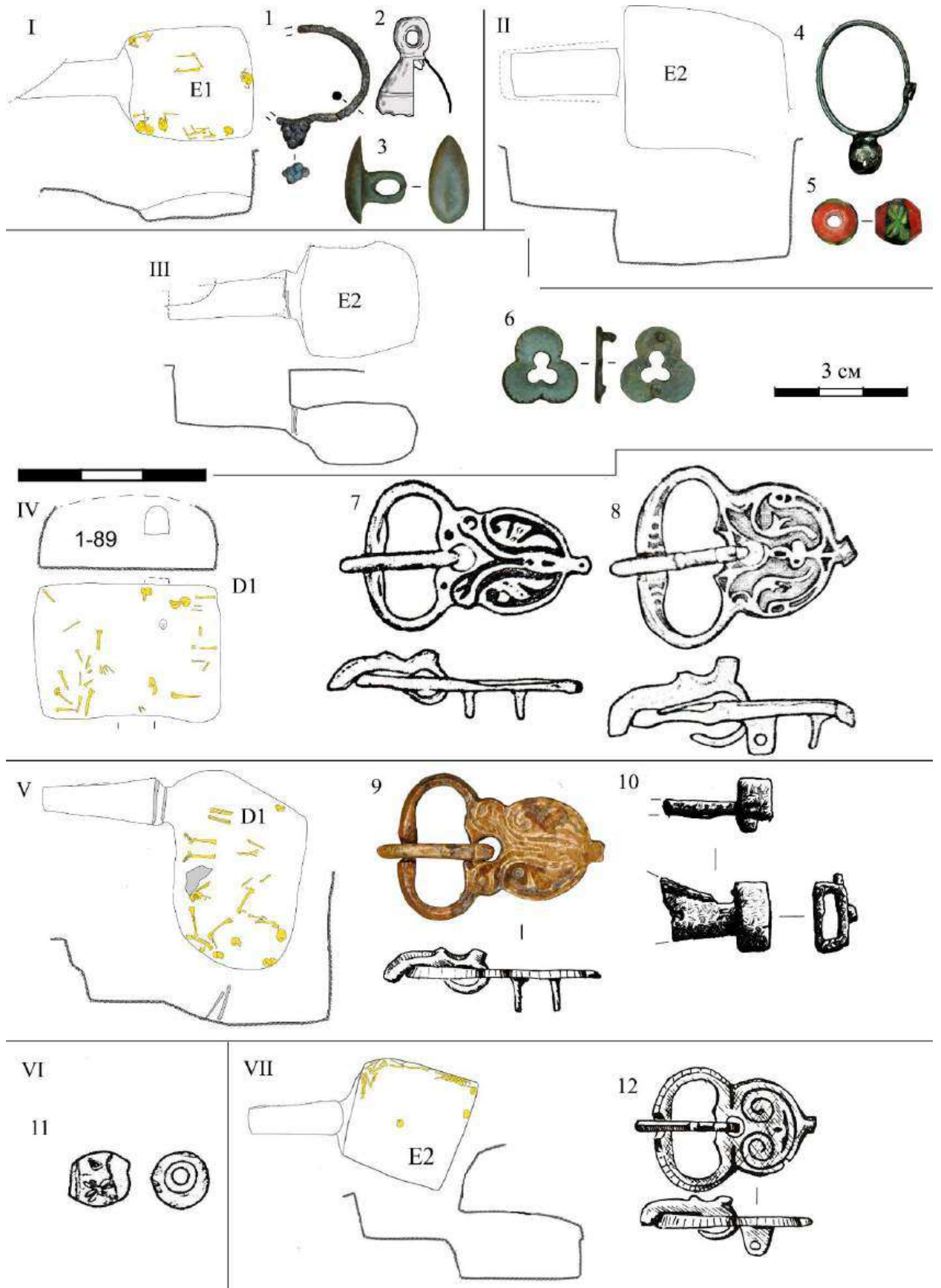

Рис. 173. Южно-Мангупский могильник. Третья/Четвертая фаза. Склепы №№ 6/1996 (I); 8/1996 (II); 13/1996 (III); 1/1989 (IV); 15/1997 (V); 6/1989 (VI); 14/1997 (VII).

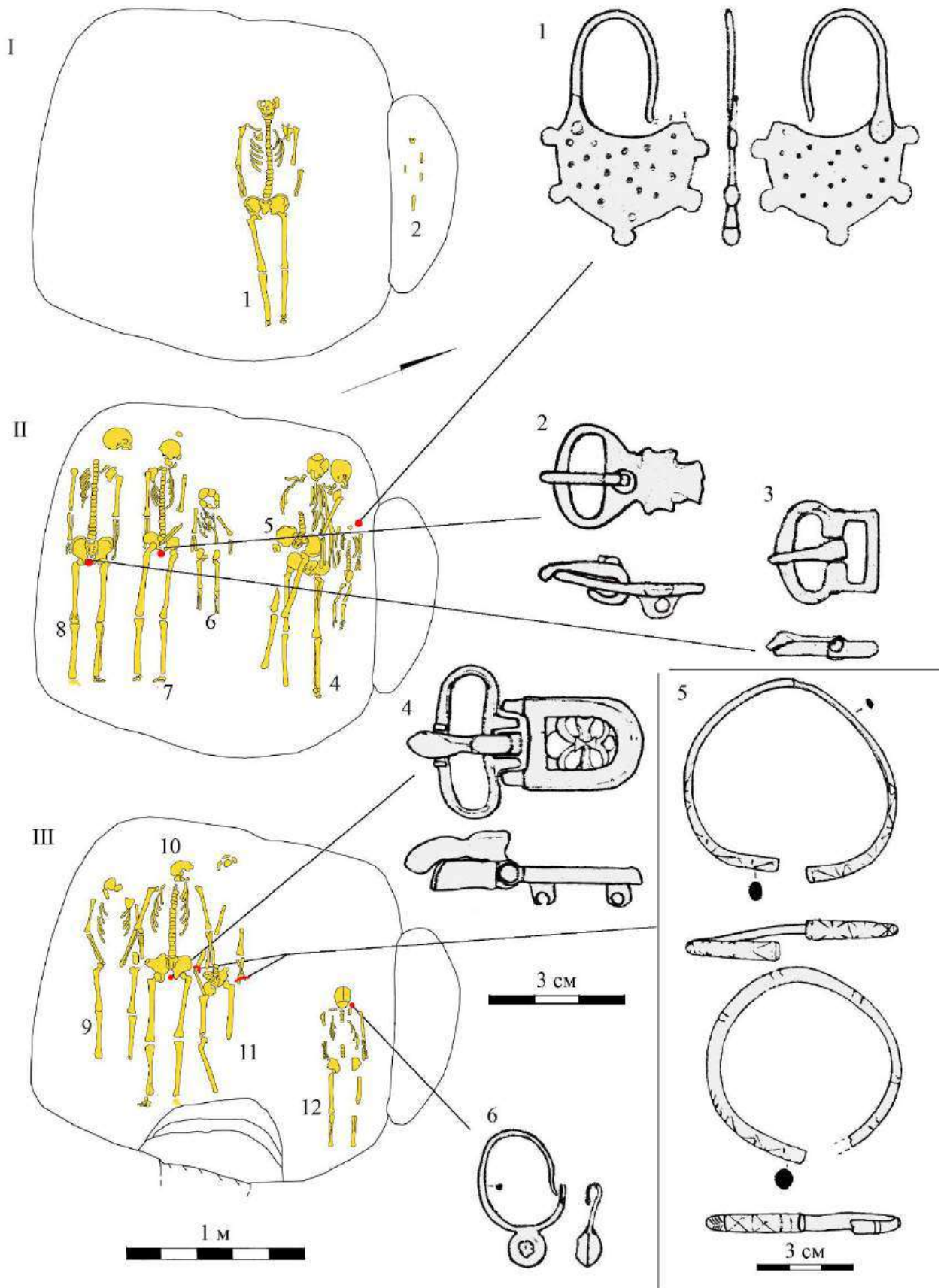

Рис. 174. Южно-Мангупский могильник. Четвертая и Пятая фазы. Склеп № 1/1989.
 I – 1-й ярус погребений; II – 2-й ярус погребений; III – 3-й ярус погребений.

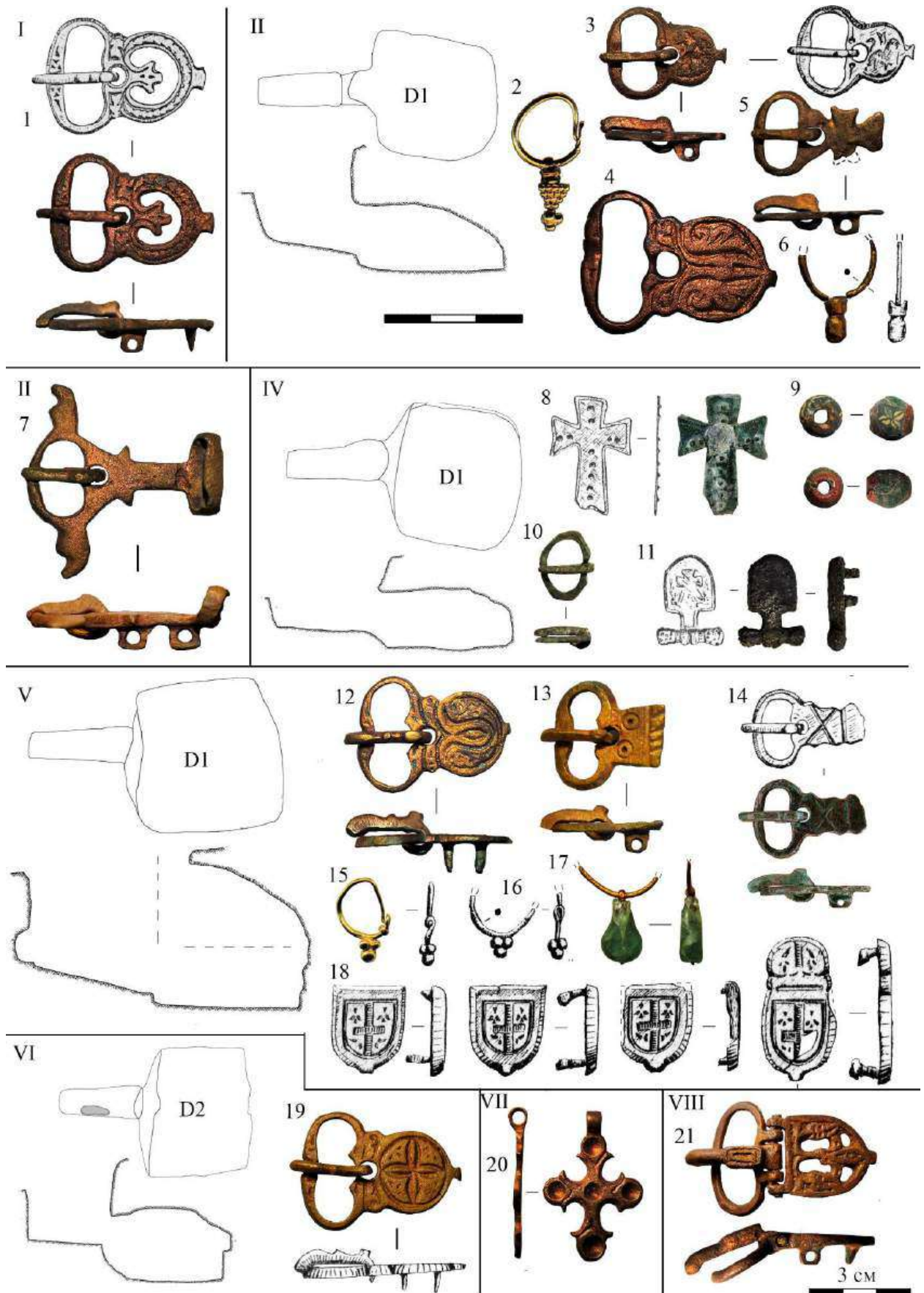

Рис. 175. Адым-Чокракский могильник. Четвертая Фаза. Склепы №№ 1 (I); 2 (II); 3 (III); 7 (IV); 24 (V); 28 (VI); 30 (VII); 35 (VIII).

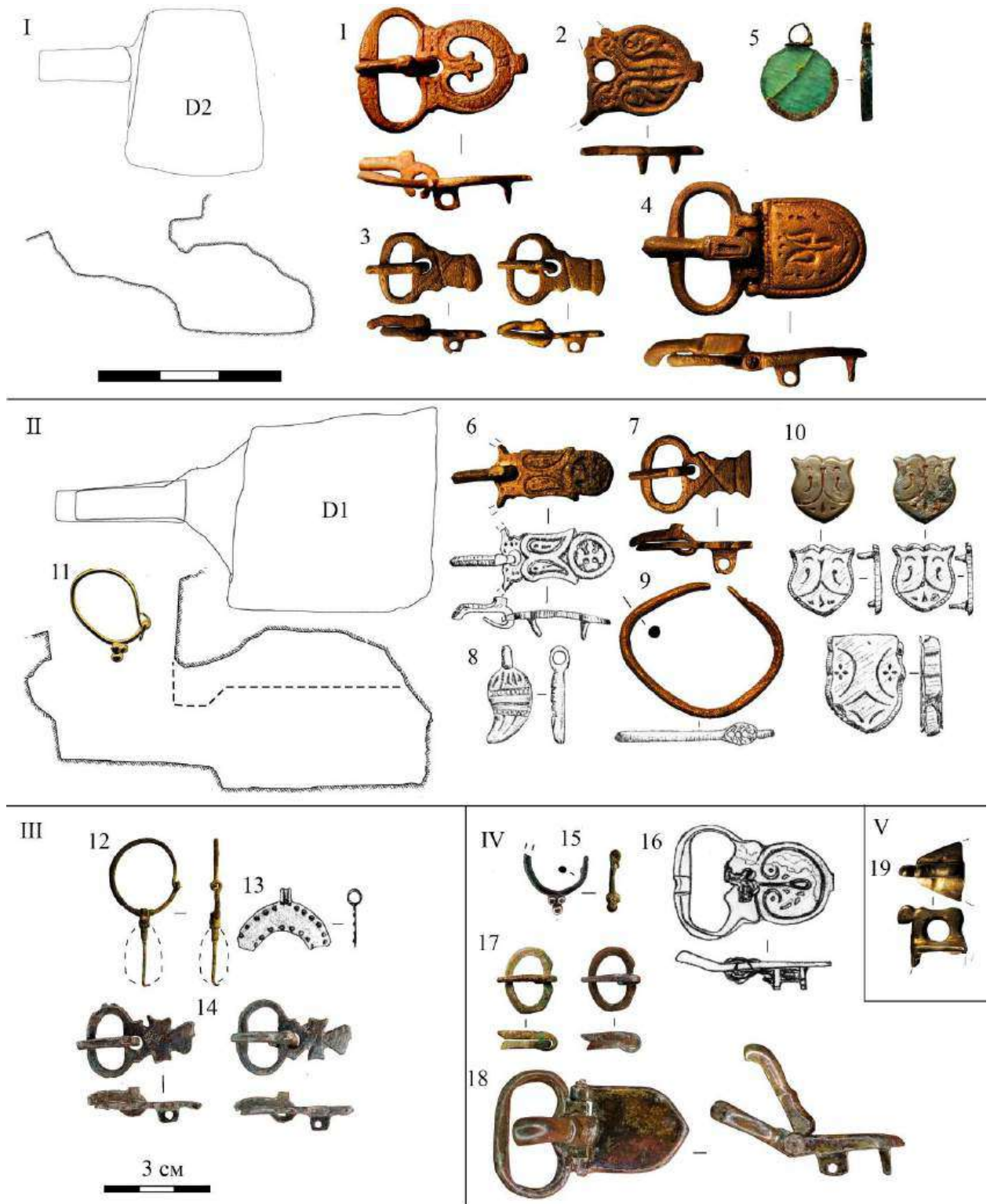

Рис. 176. Адым-Чокракский могильник. Четвертая/Пятая Фаза.
Склепы №№ 31 (I); 32 (II); 86а (III); 90 (IV); 36 (V).

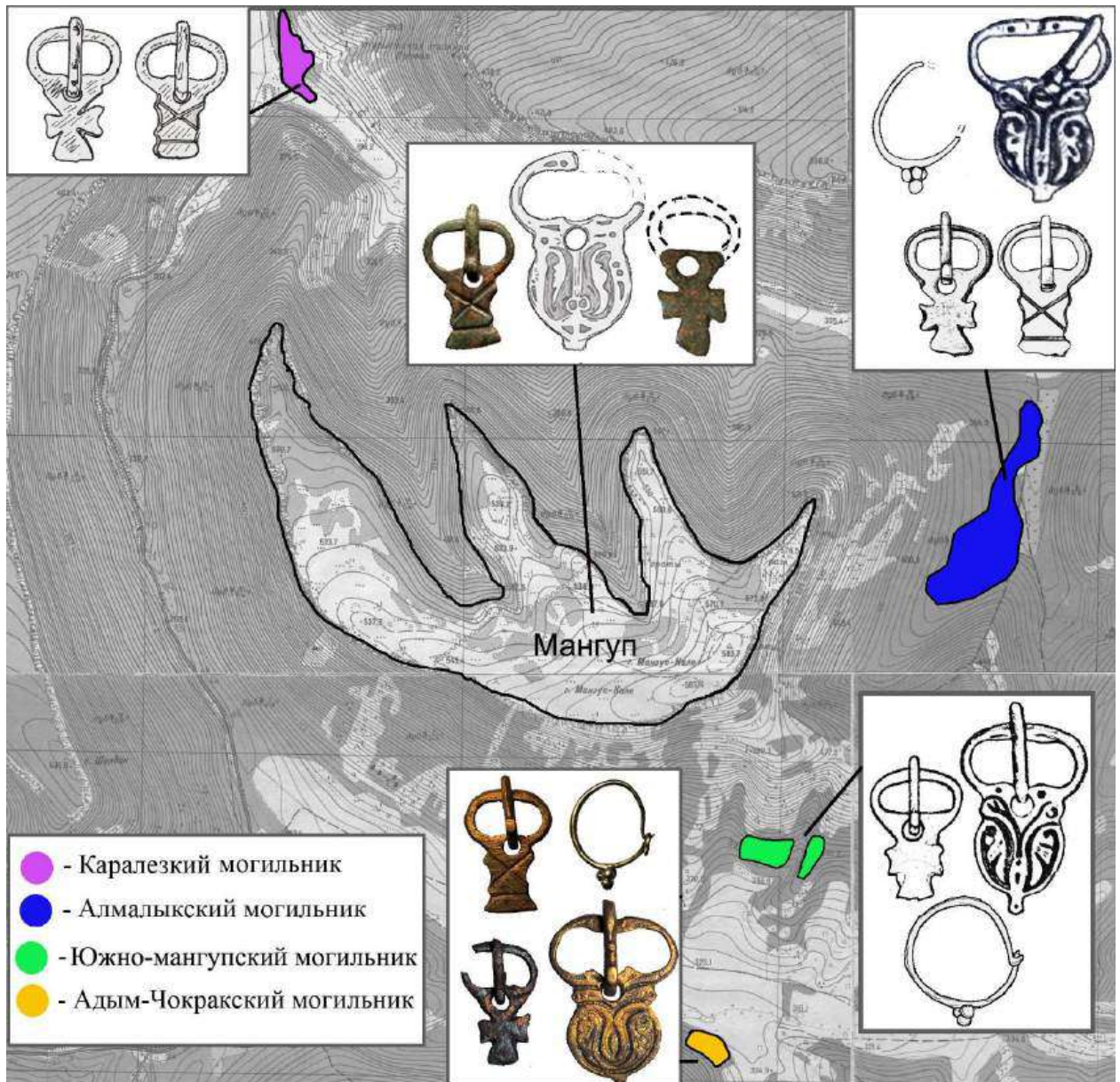

Рис. 177. Мангуп и округа в VII – первой половине VIII вв.: четвертая фаза хронологии могильников.

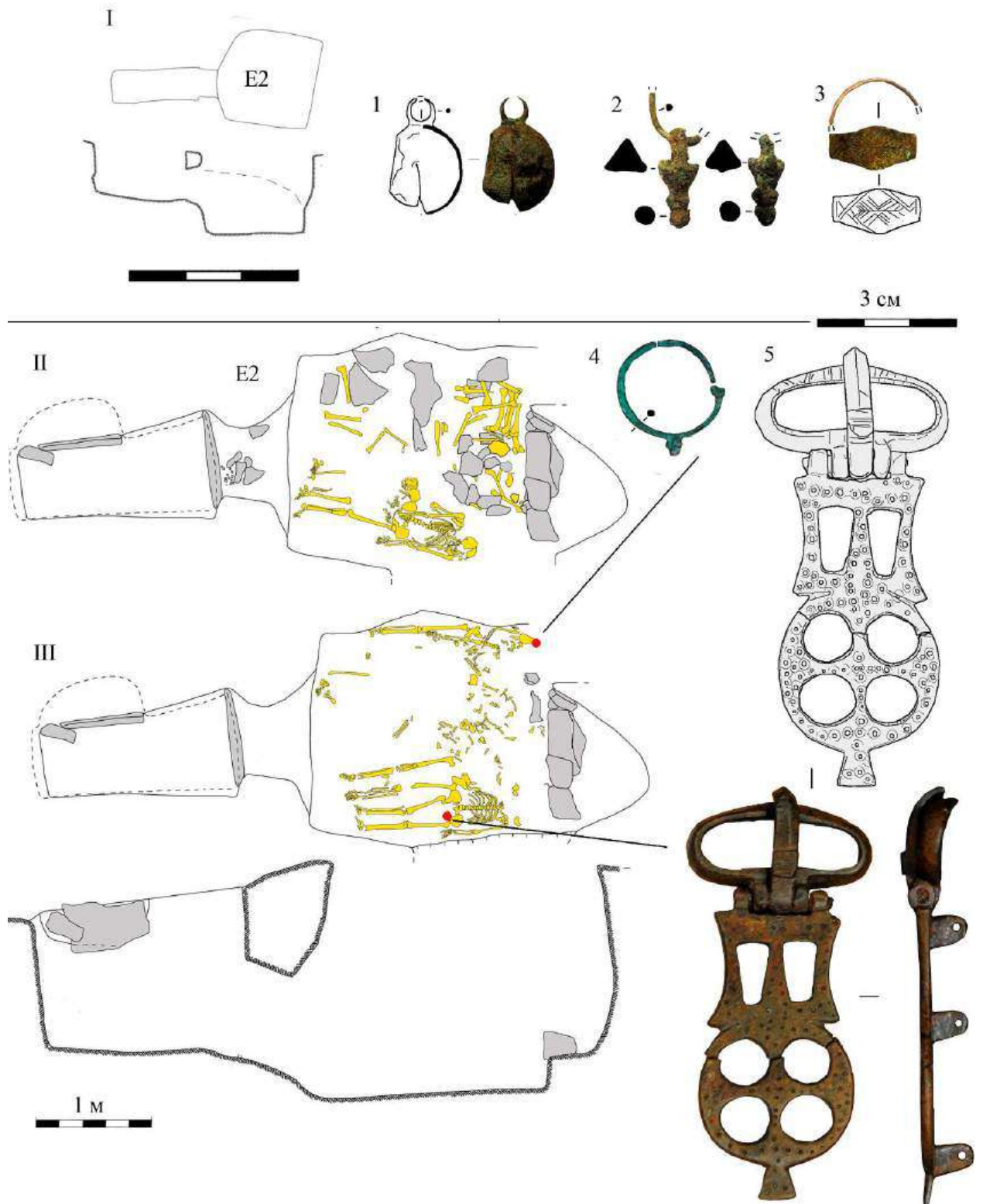

Рис. 178. Южно-Мангупский могильник. Пятая фаза. Склеп № 22/2018 (I); Склеп № 9А/1996, 1-й ярус погребений (II); Склеп № 9А/1996, 2-й ярус погребений (III).

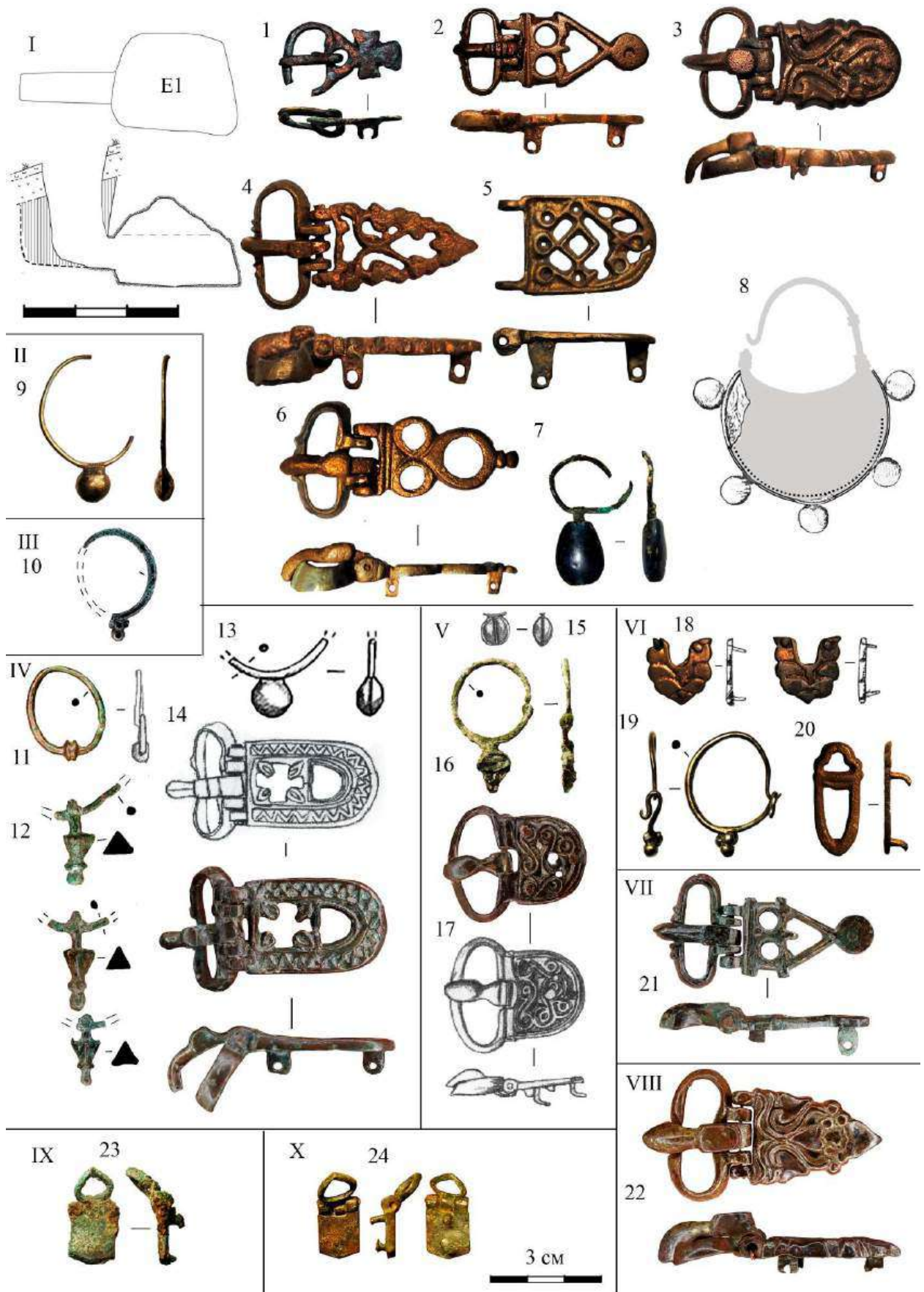

Рис. 179. Адым-Чокракский могильник. Пятая Фаза. Склепы №№ 23 (I); 67 (II); 84 (III); 80 (IV); 82 (V); 26 (VI); 83 (VII); 94 (VIII); 52 (IX); подъемный материал (X).

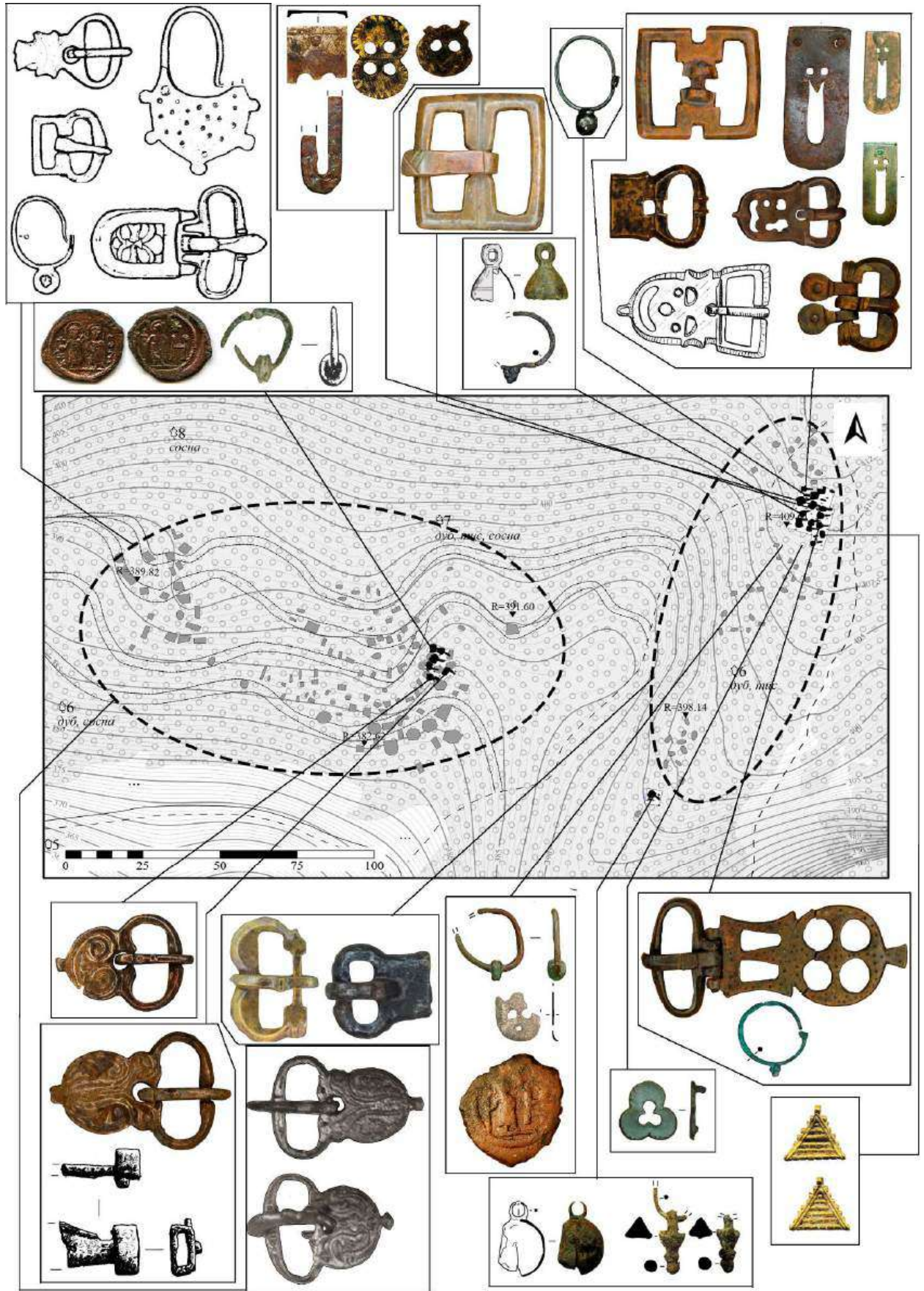

Рис. 180. Распределение основных хроноиндикаторов на Южно-Мангупском могильнике. Пунктиром выделены Западный и Восточный участки.

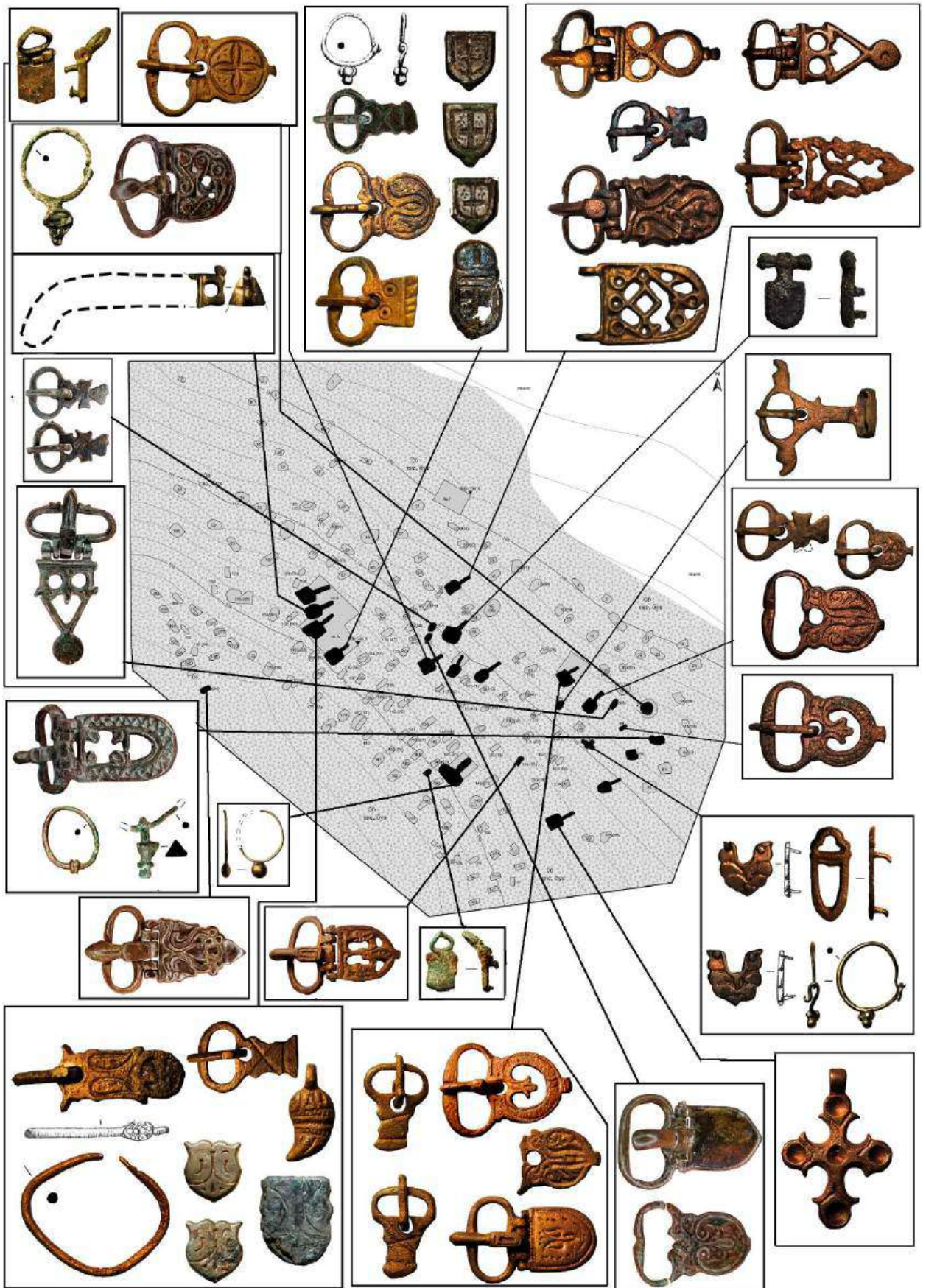
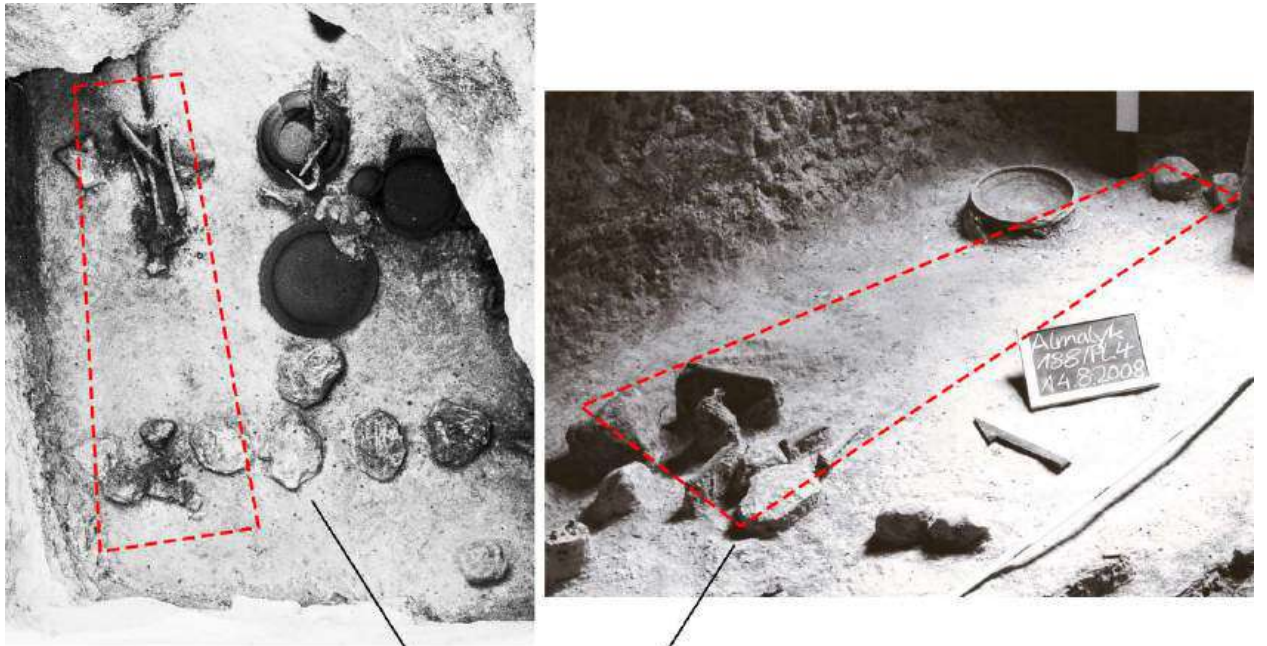

Рис. 181. Распределение основных хроноиндикаторов на Адым-Чокракском могильнике.

ДАТА	ФАЗЫ	МОГИЛЬНИКИ	переодизация Мангупского городища
последняя четверть IV в.	П Е Р В А Я	А Л М А Л Ы К С К И Й	докрепостной период (конец III - середина VI в.)
V в.			
VI в.	В Т О Р А Я		ранневизантийский период (середина VI - конец VIII в.)
VII в.	Т Р Е Т Ь Я	К А Р А Л Е З С К И Й	
VIII в.	Ч Е Т В Е Р Т А Я	Ю Ж Н О - М А Н Г У П С К И Й	хазарский период (конец VIII - середина IX в.)
первая половина IX в.	П Я Т А Я	А Д Ы М - Ч О К Р А К С К И Й	

Рис. 182. Схема периодизации грунтовых могильников ближайшей округи Мангуца (периодизация Мангупского городища по: Герцен, Науменко, 2018, с. 616).

камни-подставки

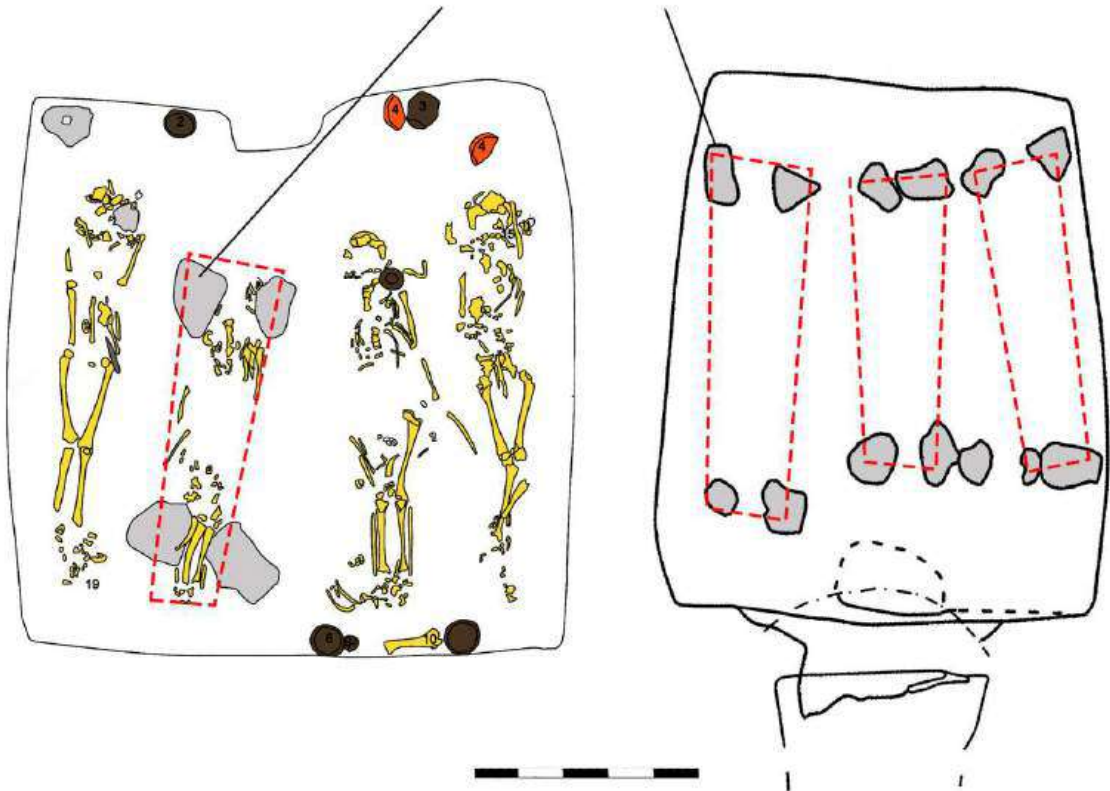

Рис. 183. Алматыкский могильник. Камни-подставки в камерах склепов.

Рис. 184. Алмалыкский могильник. Бусы. Первая фаза: 1 – Подбойная могила №43/2013; 2 – могила с заплечиками 1/2006; 3 – подбойная могила №18/2004; 4 – склеп №158/2003; 5 – склеп №2/1996; 6 – склеп №185/2006; 7 – склеп №182/2006; 8 – склеп №184/2006; 9 – склеп №197/2008. Первая/Вторая фазы: 10 – склеп №189/2007. Вторая фаза: 11 – склеп №191/2007; 12 – склеп №184/2006; 13 – склеп №206/2019; 14 – склеп №188/2008; 15 – 87/1999; 16 – склеп №120/2000; 17 – склеп №194/2008; 18 – склеп №195/2008.

Рис. 185. Алмалыкский могильник. Бусы. Третья фаза: 1 – № 99Б/2000; 2 – склеп № 56/1997; 3 – склеп № 64/1998; 4 – склеп № 78/1999; 5 – склеп № 53/1997; 6 – склеп № 54/1997; 7 – склеп № 55/1997; 8 – склеп № 76/1999; 9 – склеп № 66/1998. Четвертая фаза: 10 – склеп № 176/2005; 11 – склеп № 179/2006; 12 – склеп № 180/2005; 13 – склеп № 180/2005; 14 – склеп № 177/2005.

Рис. 186. Южно-Мангупский могильник. Бусы. Третья, Четвертая, Пятая фазы: 1 – склеп № 3/1989; 2 – склеп № 4/1989; 3 – склеп № 5/1989; 4 – склеп № 6/1989; 5 – склеп № 8/1989; 6 – склеп № 10/1997; 7 – склеп № 14/1997; 8 – склеп № 12/1997; 9 – склеп № 13/1997; 10 – склеп № 16/1997; 11 – склеп № 5/1998; 12 – склеп № 6/1998; 13 – склеп № 7/1998; 14 – склеп № 8/1998; 15 – склеп № 96/1998; 16 – склеп № 10/1998; 17 – склеп № 11/1998; 18 – склеп № 13/1998; 19 – склеп № 14/1998; 20 – склеп № 20/1998; 21 – склеп № 12/1998.

Рис. 187. Адым-Чокракский могильник. Бусы: 1 – склеп № 1; 2 – склеп № 2; 3 – склеп № 3; 4 – склеп № 4; 5 – склеп № 5; 6 – склеп № 7; 7 – склеп № 22; 8 – склеп № 29; 9 – склеп № 23.

Рис. 188. Адым-Чокракский могильник. Бусы: 1 – склеп № 24; 2 – склеп № 25; 3 – склеп № 26; 4 – склеп № 30; 5 – склеп № 31; 6 – склеп № 32; 7 – склеп № 35; 8 – склеп № 36; 9 – склеп № 52; 10 – склеп № 80; 11 – склеп № 86а; 12 – склеп № 82; 13 – склеп № 83; 14 – склеп № 90; 15 – склеп № 94.

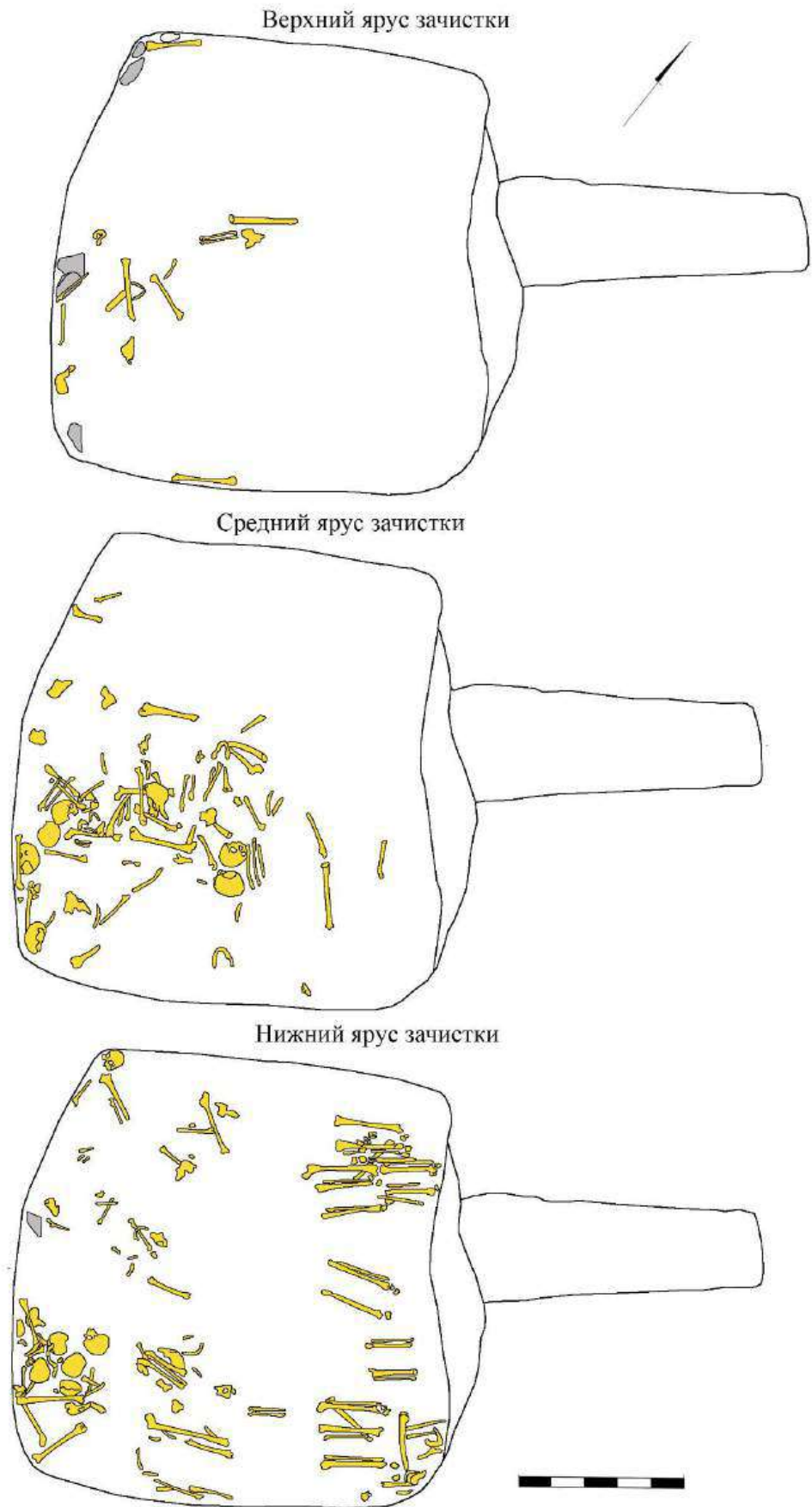

Рис. 189. Адым-Чокракский могильник. Склеп № 24 следы многоярусных захоронений.

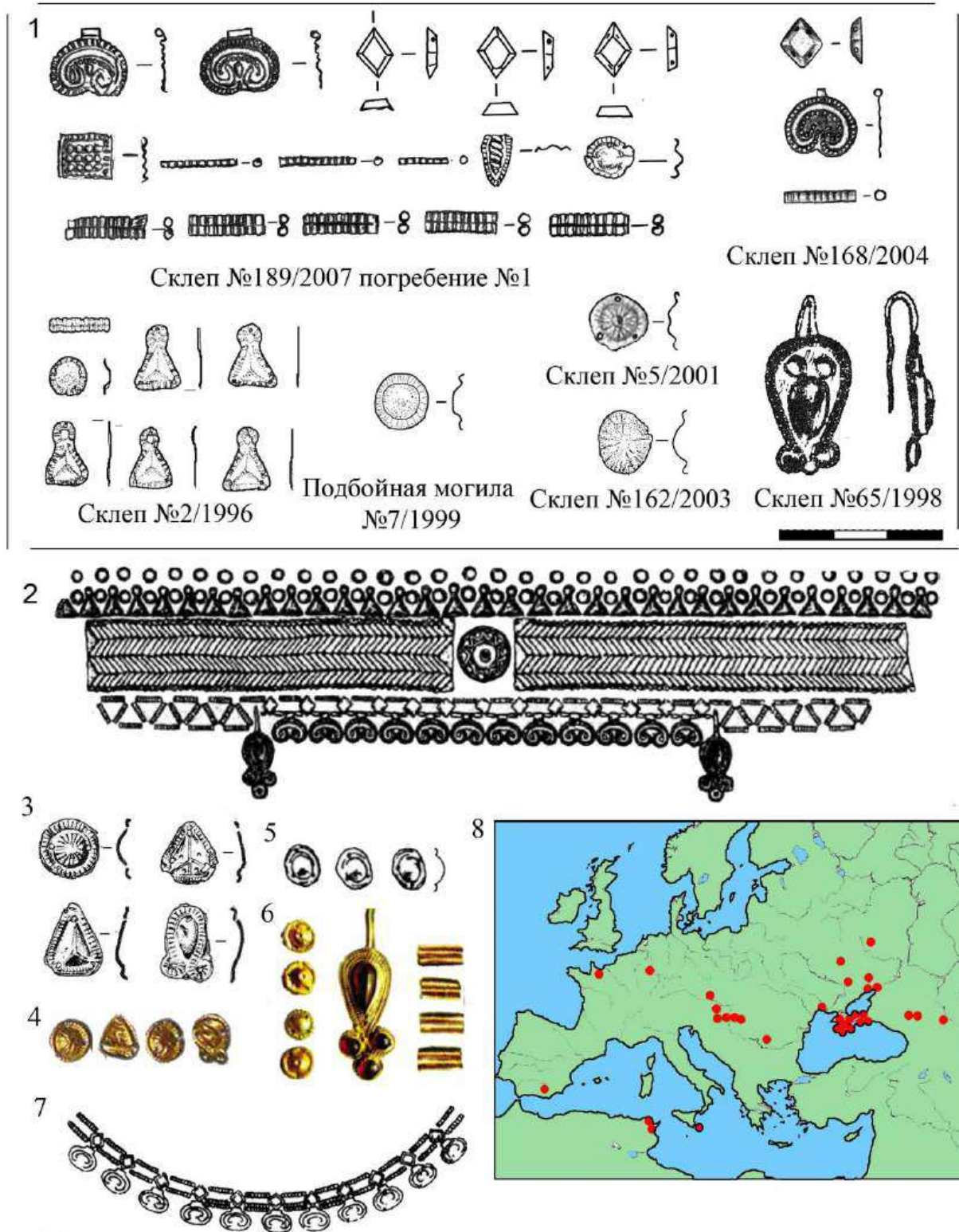

Рис. 191. Алмалыкский могильник. Элементы «княжеского» убора.

1 – Алмалыкский могильник; 2 – Лучистое [по: Айбабин, Хайрединова 1998, рис. 14];
 3 – Нейзац [по Храпунов, 2016, рис. 10]; 4 – Сувлу-Кая [по Masyakin, Voloshinov,
 Nenevolja, 2013, abb. 10]; 5 – Мухино-2 [по Мастыкова, 2021, рис. 1]; 5 – Суворово [по
 Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 3, 3]; 6 – Джург-Оба; 7 – Гурзуф; 8 – распространение
 штампованных золотых хлунниц и накладок [по: Мастыкова, 2014, рис. 6, 16].

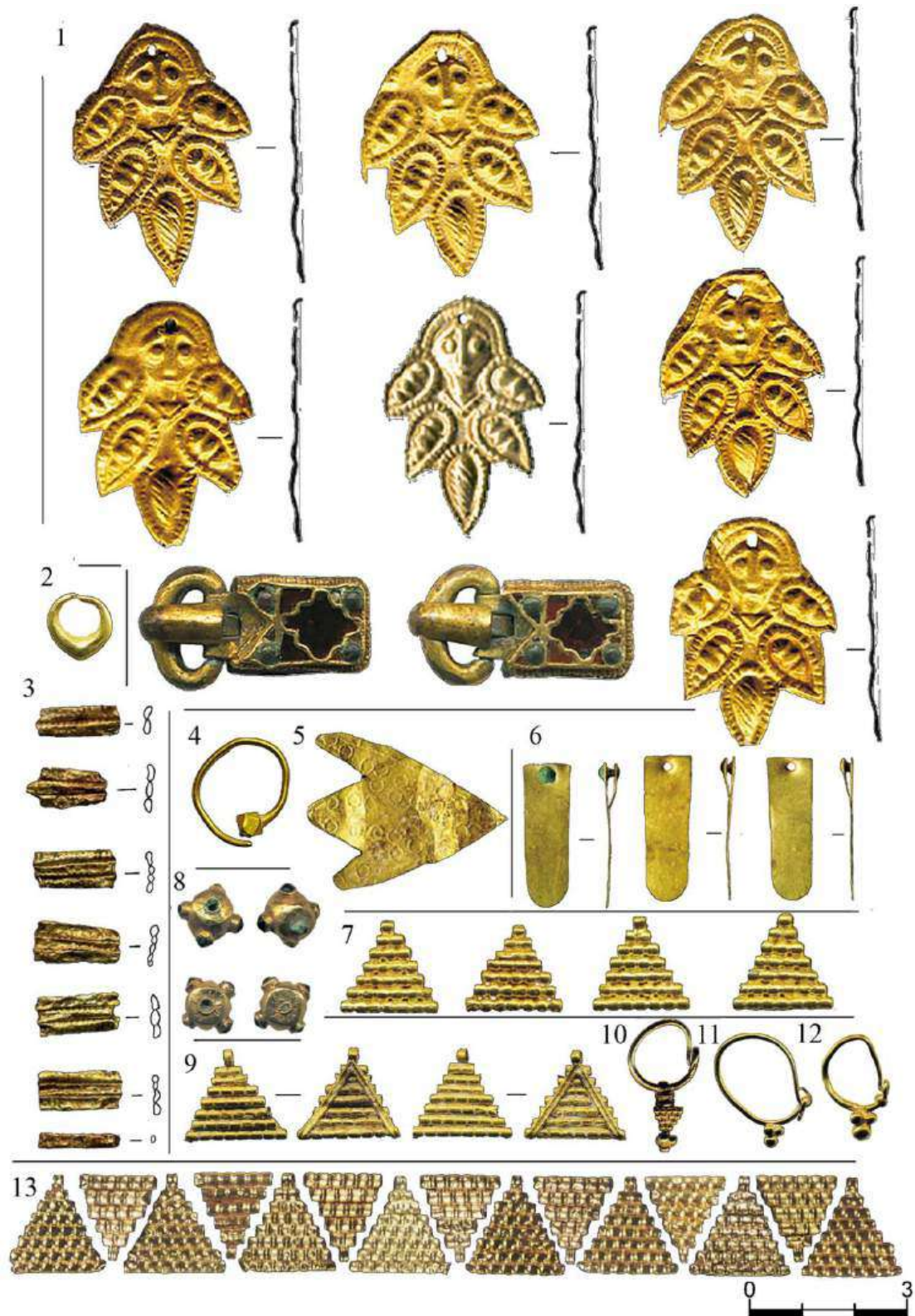

Рис. 192. Золотые изделия позднеримского и ранневизантийского времени. Алмалыкский могильник. Первая/Вторая фазы: 1 – склеп № 99а/2000; 2 – грабительская яма к востоку от кургана №4; 3 – склеп № 191/2007; 4 – склеп № 206/2019; 5 – склеп № 3/2001. Третья фаза: 6-7 – склеп № 53/1997; 8 – склеп № 56/1997. Южно-Мангупский могильник: 9 – склеп № 10/1996. Четвертая/пятая фазы. Адым-Чокракский могильник: 10 – склеп №2; 11 – склеп № 24; 12 – склеп № 32; 13 – Тешкли-бурунский клад, аналогичный изделиям из склепа № 53/1997 (Третья фаза).

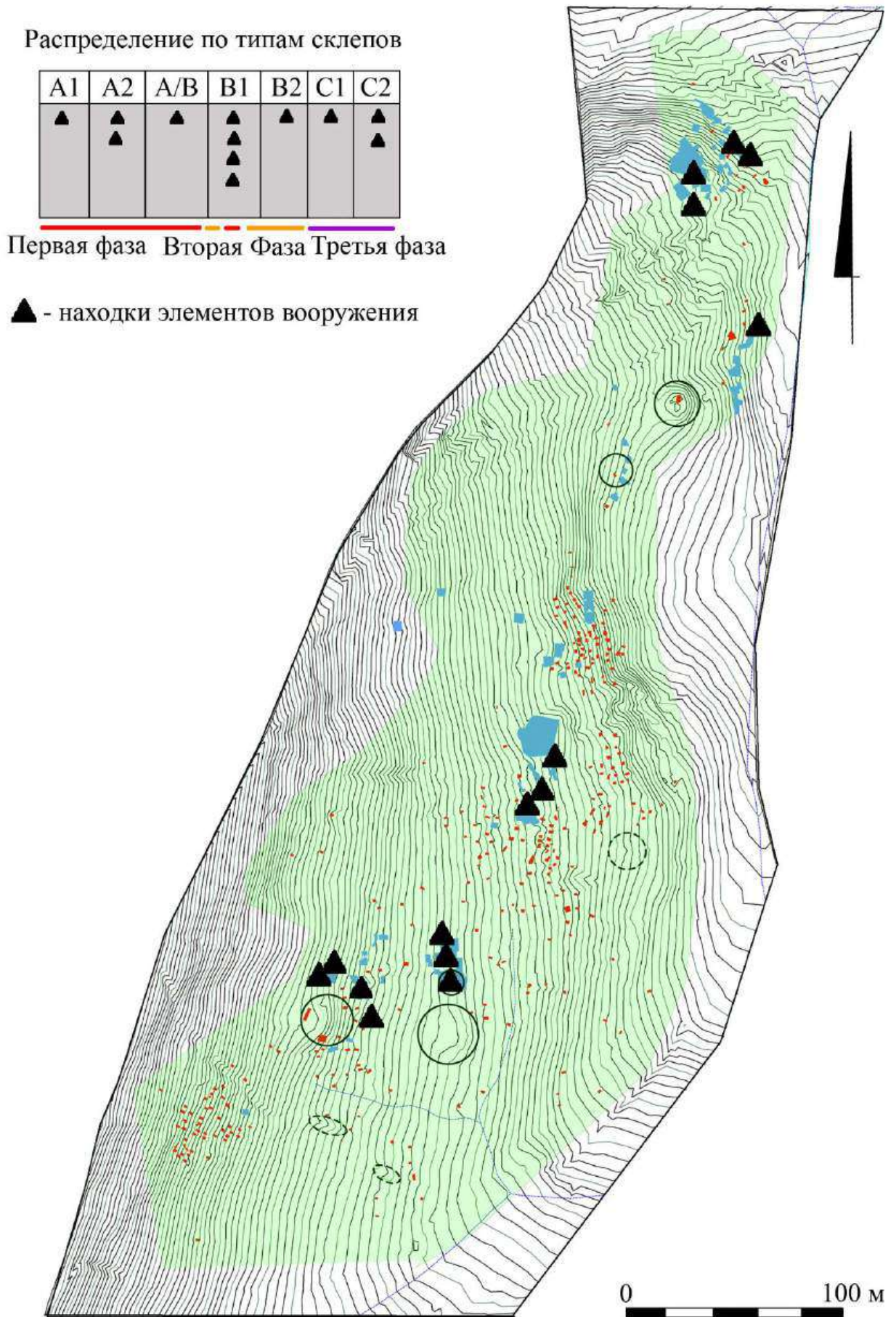

Рис. 193. Алмалыкский могильник. Карта находок предметов вооружения.

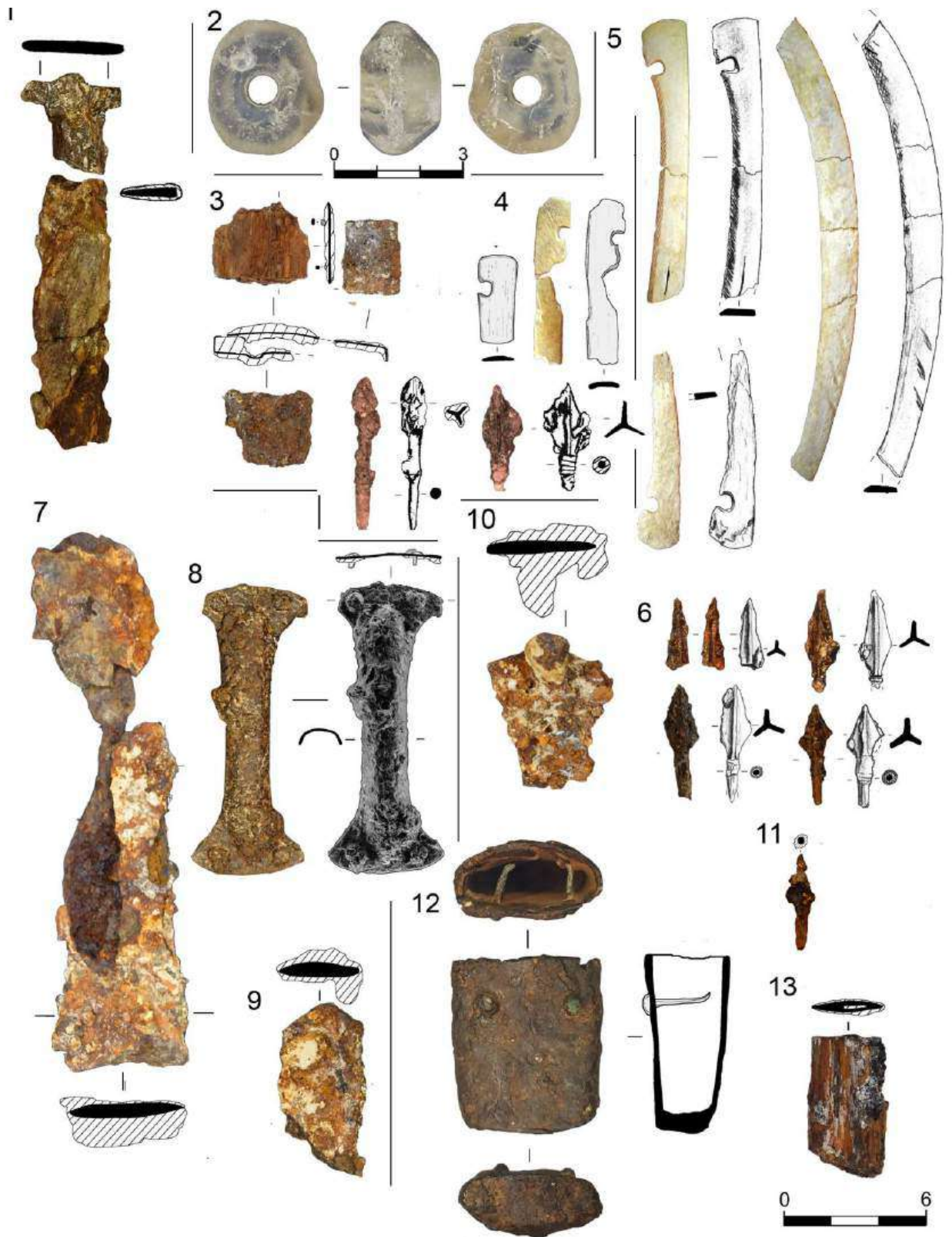

Рис. 194. Алмалыкский могильник. Находки предметов вооружения: 1 – склеп №2/1996 (кинжал); 2 – склеп №64/1998; 3-4 – склеп №65/1998 (фрагменты ножен, наконечники стрел, костяные накладки на лук); 5-6 – склеп №118/2000 (наконечники стрел и костяные накладки на лук); 7-9 – склеп №2/2002 (меч, манипула, меч); 10 – склеп №1/2002 (меч); 11 – склеп №7/2002(наконечник стрелы); 12-13 – склеп №162/2003 (бутероль, кинжал).

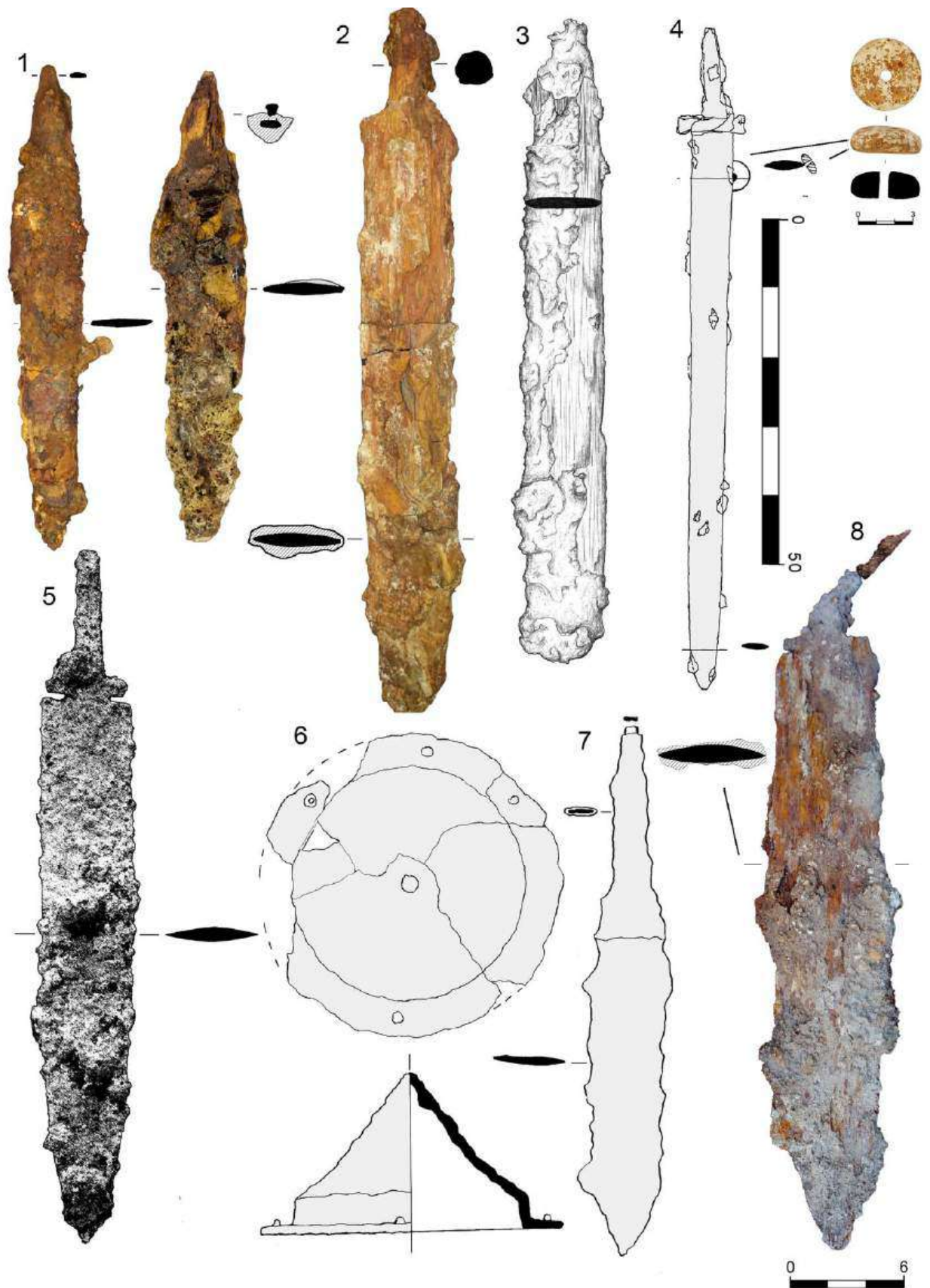

Рис. 195. Алмалыкский могильник. Находки предметов вооружения: 1 – склеп №162/2003 (кинжалы); 2 – склеп №6/2001 (меч); 3 – склеп №160/2003 (меч); 4 – склеп №171/2004 (меч и навершие); 5 – подбойная могила №41/2011 (меч/кинжал); 6-7 – склеп №191/2007 (умбон и меч/кинжал); 8 – подбойная могила №43/2013 (меч/кинжал).

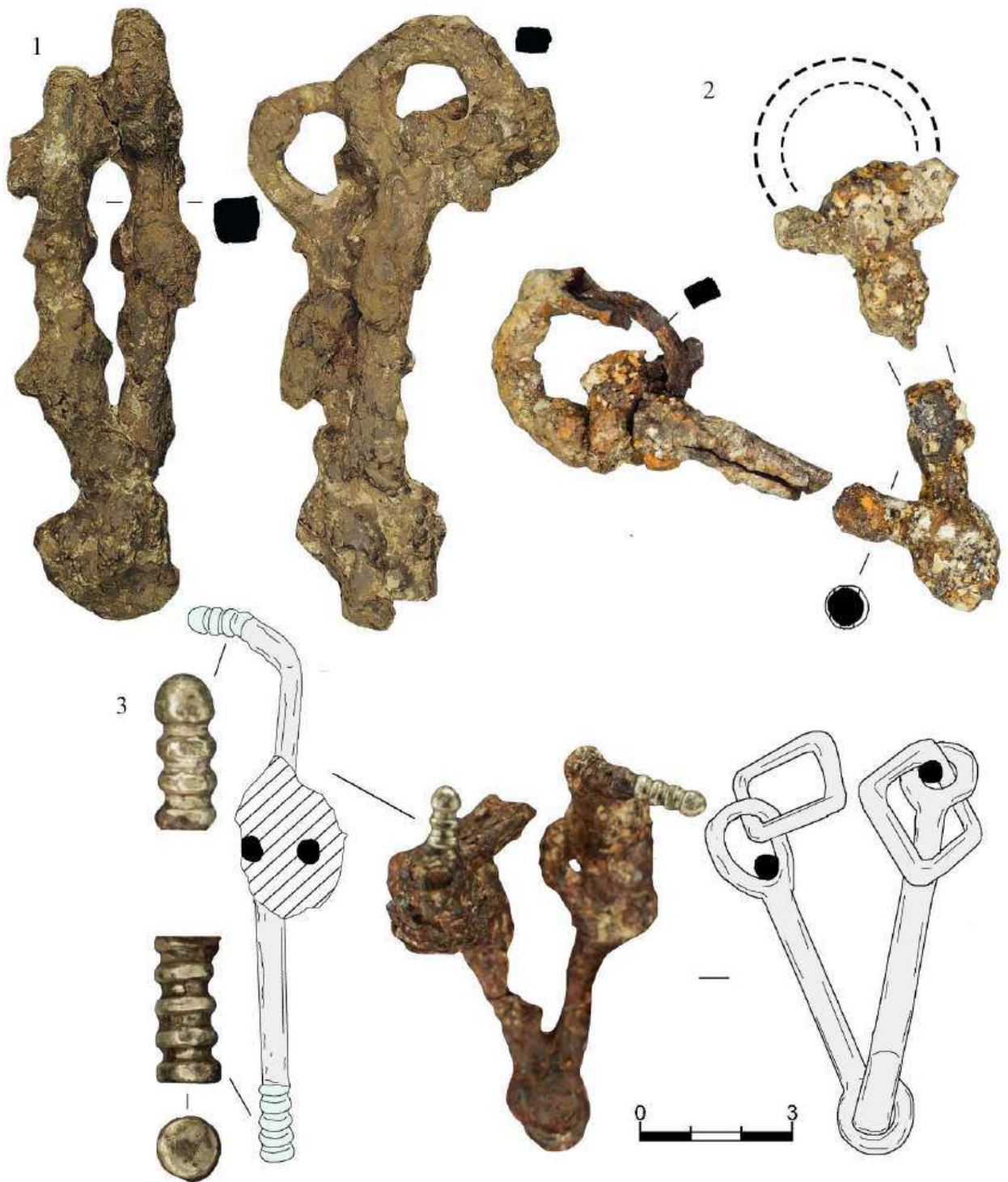

Рис. 196. Алмалыкский могильник. Первая фаза. Детали конской упряжи:
1 – склеп №195/2006; 2 – склеп № 2/1996; 3 – склеп № 65/1998.

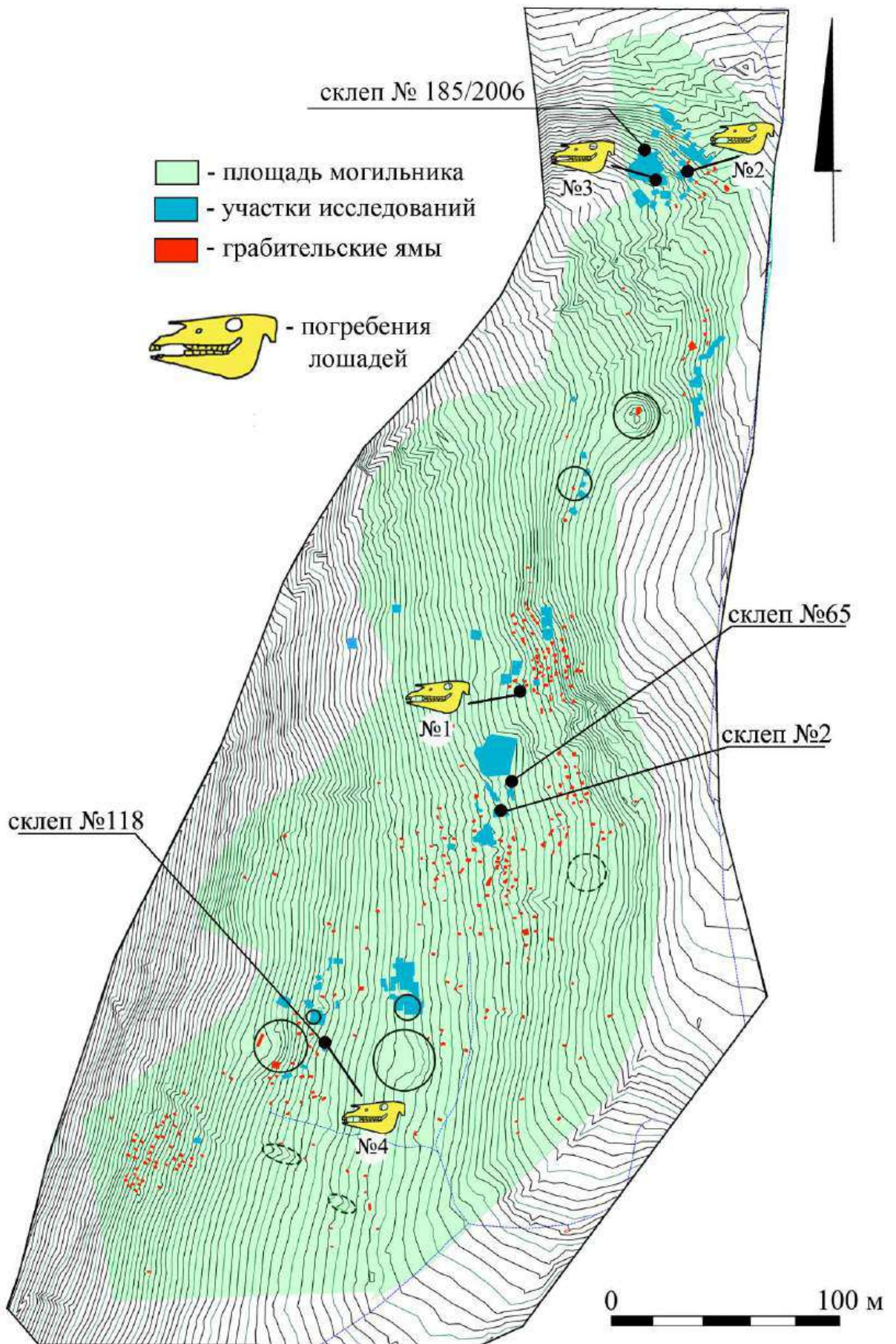

Рис. 197. Алмалыкский могильник. Карта находок деталей конской упряжи и погребений лошадей.

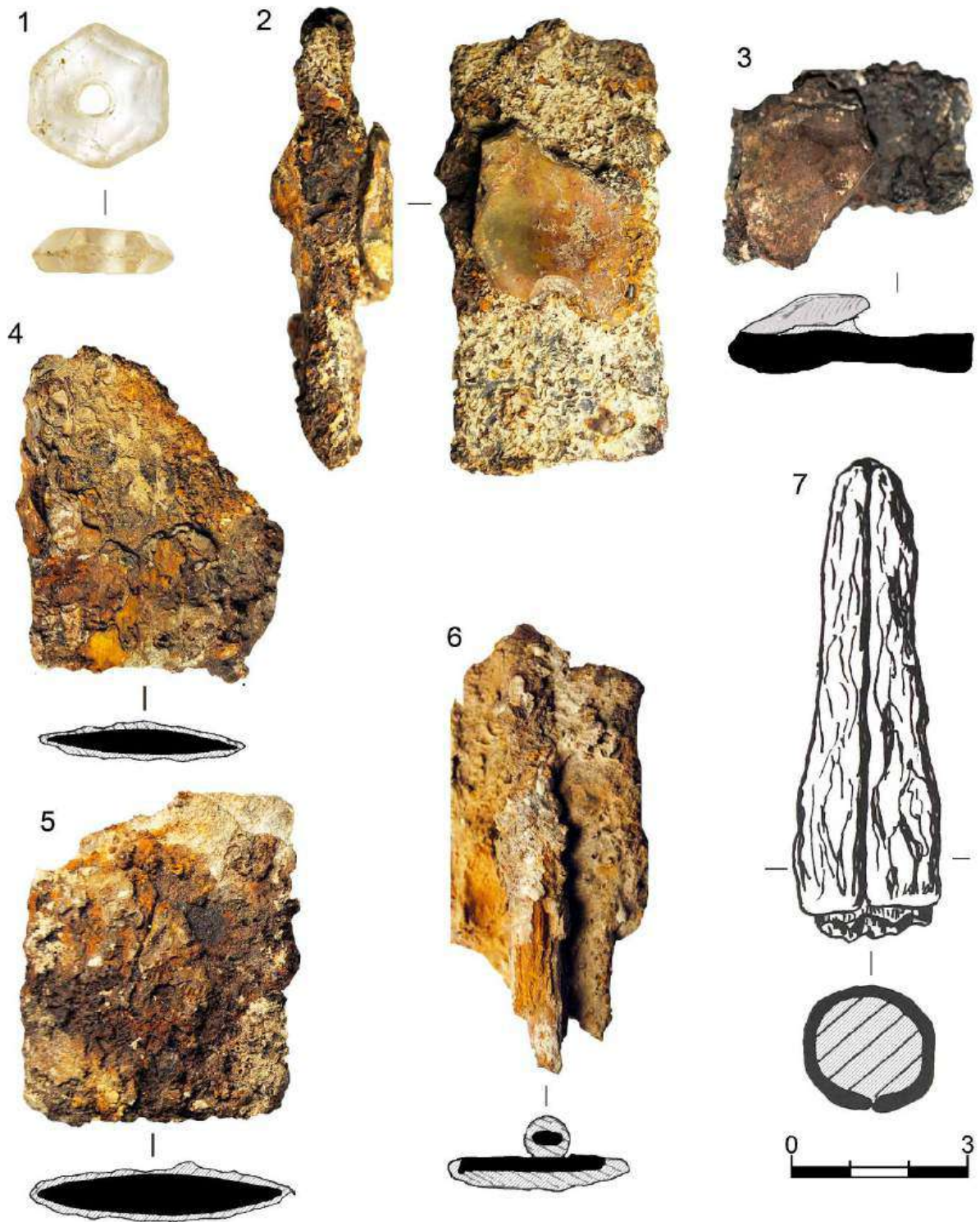

Рис. 198. Адым-Чокракский могильник. Предполагаемые находки фрагментов предметов вооружения: 1 – склеп №32 (навешие меча/кинжала?); 2 – склеп №26 (кресало/обломок меча); 3 – склеп №7 (кресало/обломок меча); 4-5 – склеп №28 (обломки мечей); 6 – склеп №86а (обломок ножа с наконечником стрелы); 7 – случайная находка (наконечник дротика/копья).

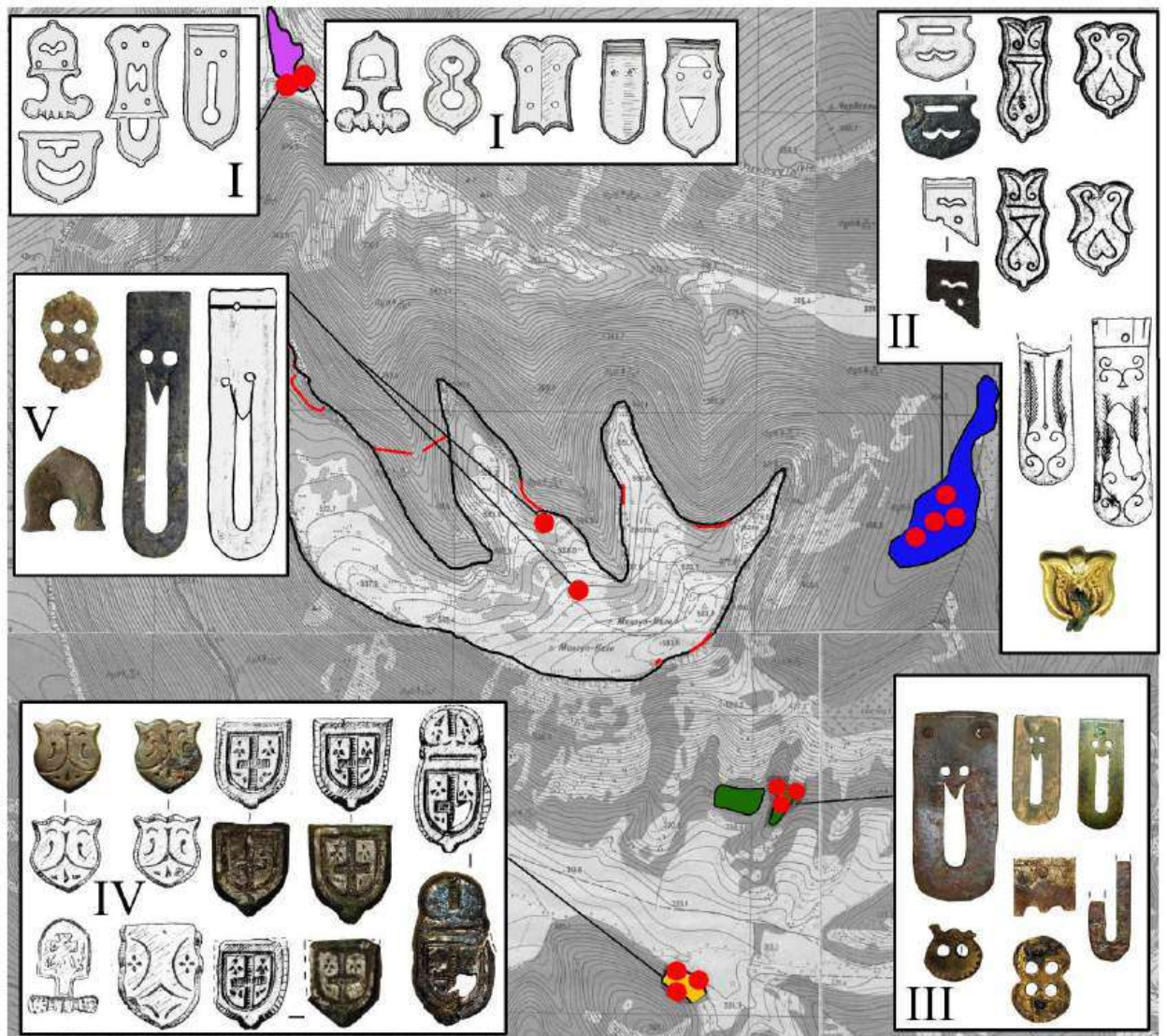

Рис. 199. Мангуп и округа. Находки элементов «воинских» поясных наборов: I – Каралезский могильник; II – Алмалыкский могильник; III – Южно-Мангупский могильник; IV – Адым-Чокракский могильник; V – Мангупский княжеский дворец и Лагерная балка.

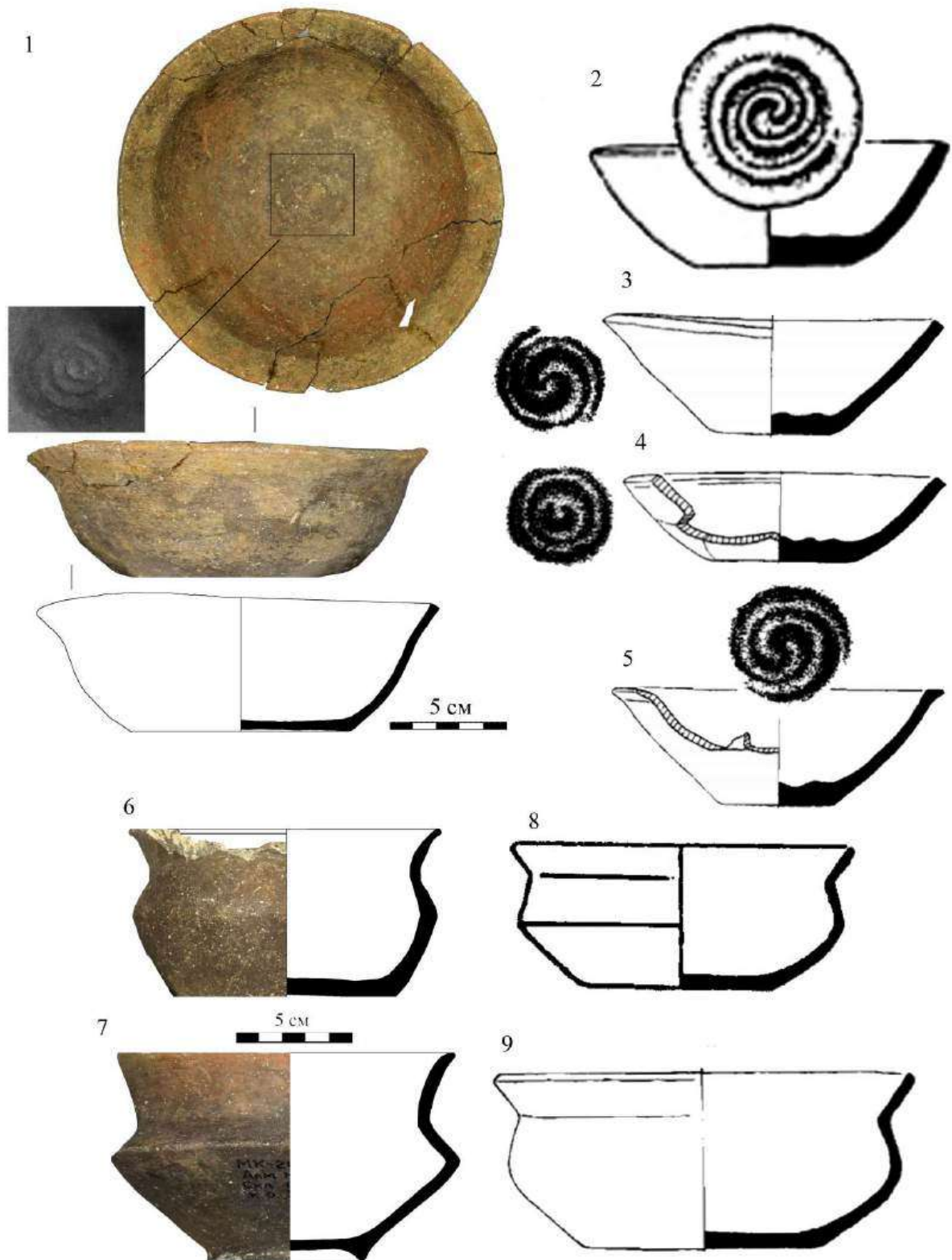

Рис. 200. Некоторые аналогии лепной керамике из Алмалык-дере. 1, 6, 7 – Алмалыкский могильник. Дружное: 2 – 5, 8, 9 [по: Власов, 1999, с. 324, рис. 1, 3; Храпунов, 2002, с. 65, рис. 127, 2, 7, 8, 159, 4].

Распределение по типам склепов

A2	A/B	B1	B2	C1	C2
●	●	●	●	●	●
			●	●	
				●	

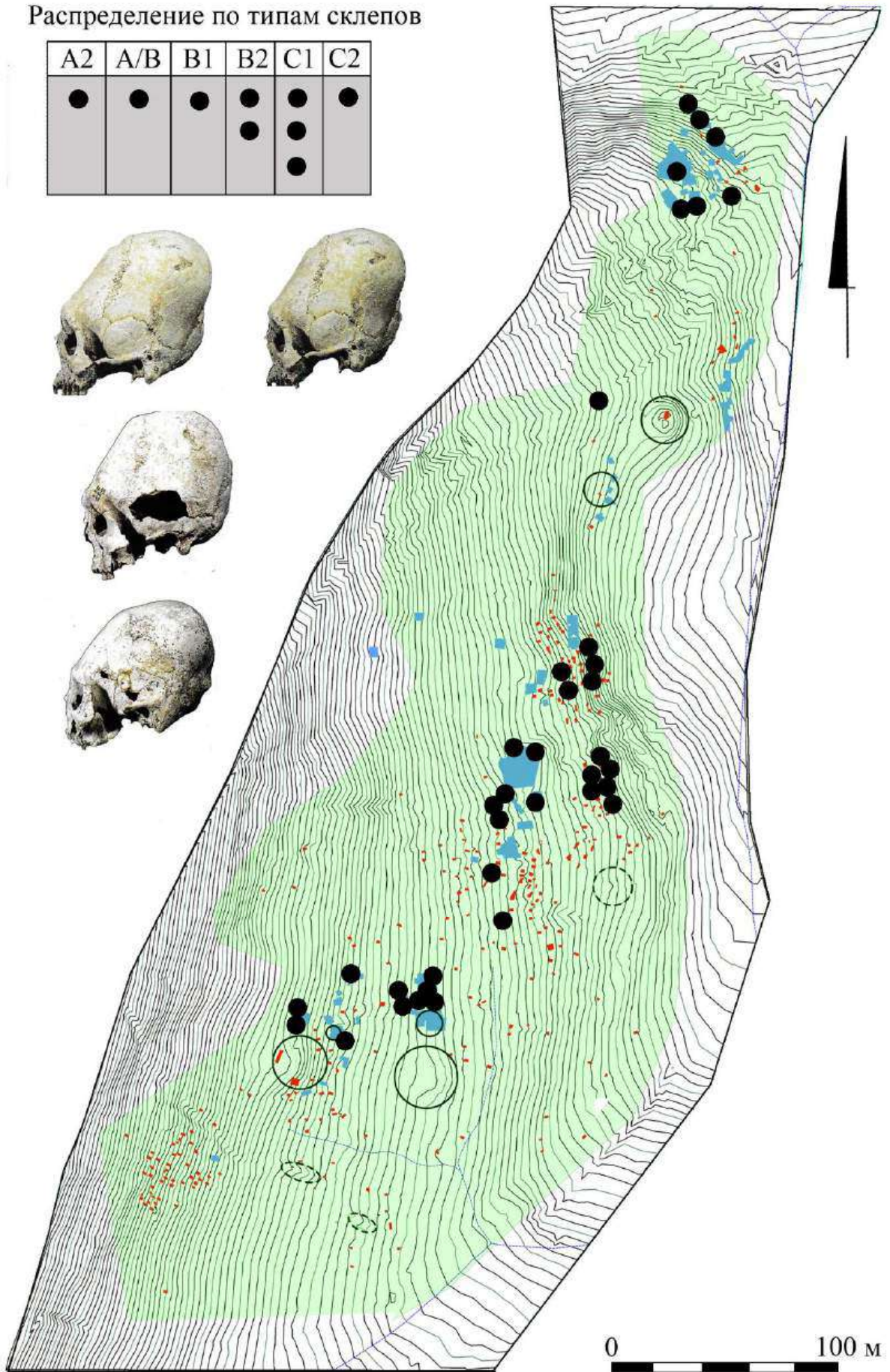

Рис. 201. Алмалыкский могильник. Распределение находок деформированных черепов на территории памятника.

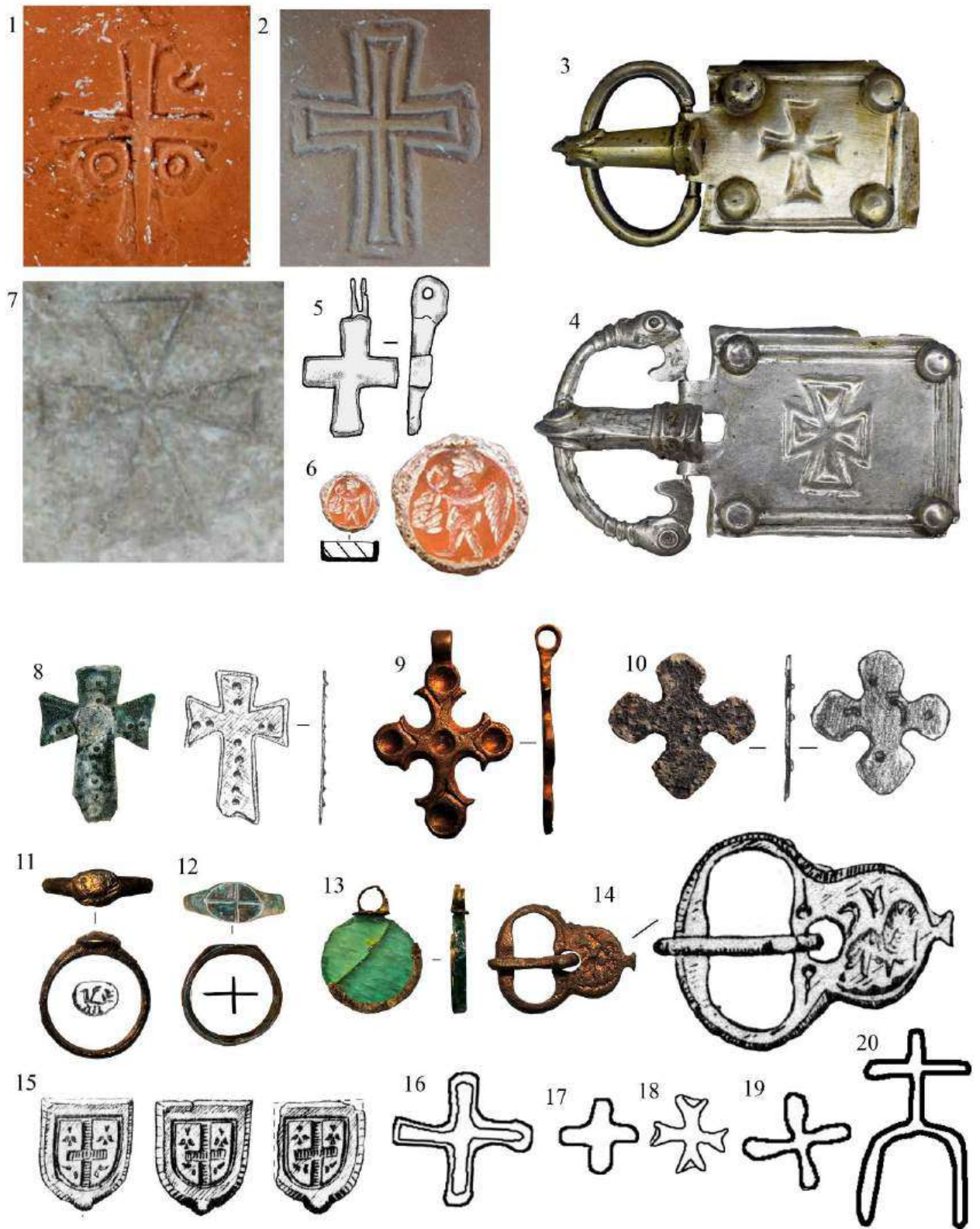

Рис. 202. Элементы христианства из раскопок могильников округи Мангу́па.

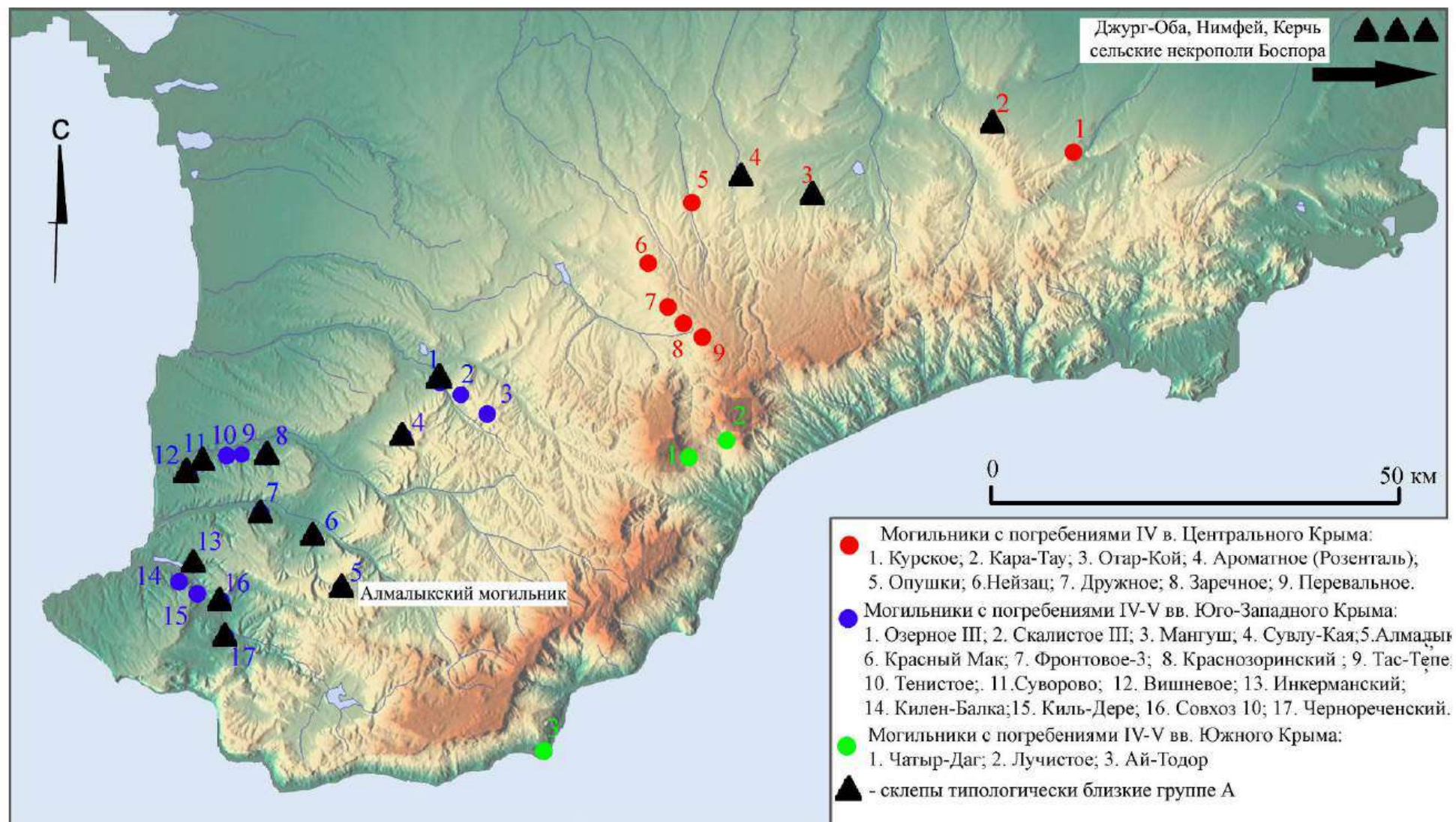

Рис. 203. Распространение склепов конструктивно близких к группе А на могильниках с погребениями IV–V вв.